БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ
БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РӘСӘЙ ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҺЫ
РФА ТАРИХ ҺӘМ ФИЛОЛОГИЯ ФӘНДӘРЕ БҮЛЕГЕ
РФА ТЕЛ ҒИЛЕМЕ ИНСТИТУТЫ
БАШҠОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҺЫ ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҺЫ
РФА ӨФӨ ФЕДЕРАЛЬ ТИКШЕРЕНЕҮ ҮҘӘГЕ
РФА ӨФТҮ ПОЧЕТ БИЛДӘҺЕ ОРДЕНЛЫ ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ӘҘӘБИӘТ ИНСТИТУТЫ
БӨТӘ ДОНЪЯ БАШҠОРТТАРЫ ҠОРОЛТАЙЫ

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ. ЭТНОЛИНГВИСТИКА. МИФОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА. ЭТИМОЛОГИЯ

Халыҡ-ара фәнни конференция материалдары (Өфө, 1–4 ноябрь, 2020 й.)

1 том

Өфө
«Башҡорт энциклопедияһы»
2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР РАН
ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЁТА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УФИЦ РАН
ВСЕМИРНЫЙ КУРУЛТАЙ БАШКИР

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ. ЭТНОЛИНГВИСТИКА. МИФОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА. ЭТИМОЛОГИЯ

Материалы международной научной конференции (Уфа, 1–4 ноября 2020 г.)

Том 1

Уфа
«Башкирская энциклопедия»
2020

УДК 81
ББК 81.2
Д44

Издание осуществлено при содействии
Фонда поддержки научных исследований АН РБ

Печатается по решению Ученого совета Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Редакционная коллегия:

Л. А. Бускунбаева, М. Р. Валиева, Л. К. Ишкильдина, Г. Р. Каримова, Р. Т. Муратова, Ш. В. Нафиков, А. В. Псянчин, З. А. Сиразитдинов, Р. А. Сулейманова, Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Р. Хусаинова, Г. Н. Ягафарова

Составитель: *М. Р. Валиева*

Рецензенты:

М. Х. Надергулов, доктор филологических наук,
Л. М. Хусаинова, доктор филологических наук

Д44

Диалектология. Этнолингвистика. Мифология. Ономастика. Этимология : материалы международной научной конференции (Уфа, 1–4 ноября 2020 г.). Т. 1. – Уфа : Башк. энцикл., 2020. – 376 с.
ISBN 978-5-88185-485-0
ISBN 978-5-88185-486-7 (1 том)

В настоящем сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников международной научной конференции «Диалектология. Этнолингвистика. Мифология. Ономастика. Этимология». В них нашли отражение актуальные проблемы тюркской, славянской, финно-угорской филологии, современные тенденции в изучении новых диалектных материалов, а также дискуссионные вопросы в области исследования компьютерной лингвистики, лексикографии, ономастики, этимологии, этнолингвистики, мифологии, сохранения традиций в изучении литературы и фольклора в поликультурном пространстве. Кроме этого, в сборник включены обзорные статьи, посвященные юбилейным датам известных башкирских лингвистов: А.А. Мансурова (1885–1965), К.З. Ахмерова (1900–1969), А.А. Юлдашева (1920–1988), С.Ф. Миржановой (1924–2000), З.Г. Ураксина (1935–2007), М.Х. Хайруллиной (1915–2008), М.И. Дильмухаметова (1940–2005), 85-летнему юбилею Г.Д. Зайнуллиной, 70-летнему юбилею Ф.Г. Хисамитдиновой, и статьи симпозиума, приуроченного к 130-летию со дня рождения башкирского ученого, крупного востоковеда с мировым именем А.-З. Валиди Тогана (1890–1970).

Сборник предназначен для языковедов, этнографов, фольклористов, преподавателей лингвистических дисциплин, студентов-филологов и всех интересующихся вопросами гуманитарных наук в целом.

УДК 81
ББК 81.2

ISBN 978-5-88185-485-0
ISBN 978-5-88185-486-7 (1 том)

© Коллектив авторов, 2020
© «Башкирская энциклопедия», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике публикуются материалы международной научной конференции «Диалектология. Этнолингвистика. Мифология. Ономастика. Этимология» (Уфа, 1–4 ноября 2020 г.) в авторской редакции и представлены в двух томах. Первый том состоит из докладов пленарного заседания, секций «Язык, этнос, образование», «Диалектология и ономастика» и сведений об авторах. Во второй том вошли доклады секций «Этнолингвистика и мифология», «Компьютерная лингвистика и лексикография», «Литература и фольклор в поликультурном пространстве» и сведения об авторах. Статьи написаны на русском, английском, турецком, башкирском, татарском, казахском, узбекском языках. В них нашли отражение актуальные проблемы тюркской, славянской, финно-угорской филологии, современные тенденции в изучении новых диалектных материалов, а также дискуссионные вопросы в области исследования компьютерной лингвистики, лексикографии, ономастики, этимологии, этнолингвистики, мифологии, сохранения традиций в изучении литературы и фольклора в поликультурном пространстве. Некоторые статьи освещают современные тенденции в изучении диалектных и фольклорных материалов в области компьютерной лингвистики, а также документирование современного состояния диалектов и их использование для культурной и этнической самоидентификации. Кроме этого, в сборник включены обзорные статьи, посвященные юбилейным датам известных башкирских лингвистов: А.А. Мансурова (1885–1965), К.З. Ахмерова (1900–1969), А.А. Юлдашева (1920–1988), С.Ф. Миржановой (1924–2000), З.Г. Ураксина (1935–2007), М.Х. Хайруллиной (1915–2008), М.И. Дильмухаметова (1940–2005), 85-летнему юбилею Г.Д. Зайнуллиной, 70-летнему юбилею Ф.Г. Хисамитдиновой, и статьи симпозиума, приуроченного к 130-летию со дня рождения башкирского ученого, крупного востоковеда с мировым именем А.-З. Валиди Тогана (1890–1970).

Материалы конференции будут способствовать плодотворному обмену научным опытом и результатами исследований между учеными регионов РФ, ближнего и дального зарубежья. Данный научный форум вносит весомый вклад в изучение проблем становления, современного состояния, перспектив развития народно-разговорных и литературных языков. Языковые данные являются важным источником для изучения культуры, истории, этнографии. Историческая память народа, запечатленная в языковых особенностях, открывает широкие возможности для исследования не только отдельного языка, но также позволяет проследить историю развития целого ряда близкородственных и неродственных языков, выявляя родство или влияние одного языка на другой. В результате изучения языков и диалектов с опорой на экспедиционные исследования получают освещение вопросы функционирования мировых и национальных языков в глобализирующемся мире, в условиях которого проблемы сохранения и развития родных языков, а также проблемы документирования материалов диалектов народов РФ в условиях их естественного использования, укрепление научных связей и обмен опытом в данной области приобретают особую актуальность. В свою очередь, успешное решение вопросов комфортного сосуществования народов внутри единого Российского государства – залог стабильности и процветания страны.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 930.2

А.Г. Салихов, г. Уфа

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АХМЕТ-ЗАКИ ВАЛИДИ ТОГАНА

Выполнена в рамках госзадания ИИЯЛ УФИЦ РАН

Статья посвящена деятельности выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана (1890–1970). Он родился в семье сельской башкирской мусульманской интеллигенции. Научно-исследовательская деятельность ученого началась в России и была продолжена в эмиграции. Он внес большой вклад в изучение истории тюркских народов. Им был обнаружен и введен в научный оборот ряд редких восточных письменных памятников.

***Ключевые слова**: тюркология, Ахмет-Заки Валиди Тоган, история востоковедения, история Башкортостана, история тюркских народов.*

***ABOUT RESEARCH ACTIVITIES OF AHMET ZEKI VELIDI TOGAN**. The article is devoted to the activities of the outstanding Orientalist Ahmet Zeki Velidi Togan (1890–1970). He was born into a family of a rural Bashkir Muslim intelligentsia. The research activity of the scholar began in Russia, which was continued in exile. He made a great contribution to the study of the history of the Turkic peoples. He discovered and introduced into scientific circulation a number of rare Oriental written monuments.*

***Keywords**: turkology, Ahmet Zeki Velidi Togan, history of Oriental studies, history of Bashkortostan, history of the Turkic peoples.*

Выдающийся востоковед XX столетия Ахмет-Заки Валиди Тоган родился 10 декабря (по старому стилю) 1890 года в деревне Кузян Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (ныне Ишимбайский район Республики Башкортостан) в семье мусульманской интеллигенции. Родословную Валидовых возводят к основателю деревни Кузян, седьмым коленом после которого был Таип Иштуганов, известный по материалам переписи 1795 года. Фамилия Валидовых берет свое начало от имени Валита, сына Таипа от первой жены. В ревизских и метрических документах сохранились данные о составе семьи. Т. Иштуганов (1750–1837) прожил 87 лет [Калимуллина, 364–368].

От имени прадеда Иштугана происходит турецкая фамилия Ахмет-Заки Валиди Тогана. В 1935 году в соответствии с законом Турецкой Республики о фамилиях он выбрал себе фамилию Тоган. Об этом написано в мемуарах ученого «Воспоминания», в котором описываются возникновение фамилии и исторические предания, связанные с предком Иштуганом [Togan, 4, 50–51].

Двое сыновей Таипа были духовными служителями. Один из них по имени Ахметьян (1828–1867) был мударрисом и имам-хатибом Кузяновской мечети. Другой сын, Мухаметвали (1845–1915), окончил Стерлитамакское медресе, служил в Средней Азии в составе башкирского войска (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE). С 1867 года являлся имам-хатибом Кузяновской 1-й соборной мечети. Хорошо знал арабский, персидский и русский языки [Togan, 6–7; Ҡолмөхәмәтова, 168–186, 139–189].

Сын Ахметьяна, Ахметшах (1860–1937), отец Ахмет-Заки Валиди, военную службу проходил в Дагестане, после окончания службы на год остался для совершенствования арабского языка [Togan A.-Z. V., 7]. Он окончил Стерлитамакское медресе, служил имам-хатибом 2-й соборной мечети деревни Кузяново. Им были написаны ряд сочинений: «Сафар ал-Хиджаз» («Путешествие в Хиджаз», 1911), «Сатлыҡ улының тәржемә-и хәле» («Биография Сатлык улы», 1925) [Сәлихов, 3, 9, 10]. В годы Советской власти подвергся репрессии – 15 июля 1937 года был арестован и приговорен по ст. 58–10 и 58–11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Ахметшах Валидов, расстрелянный 20 июля 1937 года в Уфе, был реабилитирован 8 января 1960 года [Книга памяти, 381].

Мать Ахмет-Заки Валиди Тогана, Уммульхаят (1871–1946), родилась в семье указного муллы деревни Утяк Мухаметкафи. Она окончила Утяковское медресе, прекрасно знала арабский, персидский

и старотюркский языки. После замужества была мугаллимой в женских классах Кузяновского медресе. Уммульхаят Валиди является сестрой религиозного деятеля Х.М. Сатлыкова (Хабибназар Утяки), который учился в Казани у известного татарского ученого XIX в. Шигабутдина Марджани [Togan, 15, 19–21].

Начальное образование Ахмет-Заки Валиди получил в медресе своего отца. Здесь он изучал арабский, тюркский, русский языки. Мать будущего ученого, Умульхаят-мугаллима, знала в совершенстве фарси, с ее помощью он прекрасно освоил этот язык. Потом Ахметзаки Валидов продолжил образование у своего дяди Хабибназара Утяки, который был автором книг «Хикмат ал-гайн» («Пояснения к физике и метафизике Нагима аль-Котайба»), «Пояснения к «Мустафад ал-ахбар», «Мифтах ат-таварих» («Ключи истории»), перевел с арабского на язык тюрки «Перевод «Навадира»». Х. Утяки опубликовал ряд статей о Ш.Марджани в сборнике «Марджани» и журнале «Шура». Он также является автором небольших сообщений, увидевших свет в тюркоязычных газетах. Творчество Хабибназара Утяки вошло в историю башкирской литературы [Башҡорт әҙәбиәте тарихы, 137–138, 140, 150, 158, 160; Сәлихов, 28–29].

В 1908 году Ахметзаки Валидов с целью дальнейшей учебы покидает родные края. Он приезжает в Казань и поступает в медресе «Касимия». Через год после окончания учебы его оставляют в этом медресе в качестве преподавателя тюркской истории и арабской литературы. Исследователь опубликовал много статей о жизни и деятельности таких известных ученых, как Хальфины, Н. Катанов, Ф. Корш, А. Диваев, В. Бартольд, их роли в российской науке. Изучая труды выдающихся деятелей науки, он расширял свои познания, приобретал опыт. А. Диваев, Н. Катанов, В. Бартольд познакомили его с российскими учеными, помогли с публикациями в научных изданиях. Они также сыграли большую роль в формировании научных взглядов начинающего исследователя [Togan, Сәлихов, 36–50].

В 1912 году в Казани вышла первая книга А.Валидова «История тюрков и татар», принесшая ему известность. На страницах тюркоязычной печати его начинают называть «молодым историком». 23 мая 1913 года за издание работ по истории тюркских народов А.Валидова избирают членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Он продолжил свои научные изыскания и познакомился с известными учеными университета [Togan, 87–92].

В 1913–1914 годах А.Валидов дважды был командирован в Среднюю Азию для изучения восточных рукописей. Результаты исследований появились в тюркоязычных журналах, а также в русскоязычных научных изданиях. В это время проявился его талант в области археографии и текстологии. Им были выявлены редкие восточные рукописи. Среди них нужно выделить «Комментарий Корана» XII–XIII веков, а также арабографичную рукопись поэмы «Кутадгу билик». В мире существует всего три списка данной поэмы. После первой командировки он познакомился с известным востоковедом В.В. Бартольдом. Знакомство переросло в дружбу, продолжавшуюся до конца жизни. На основе обнаруженных восточных рукописей и личных наблюдений ученый создал работы по истории и культуре Средней Азии, которые были использованы в его дальнейшей научной деятельности [Сәлихов, 87–109].

В своих работах он неоднократно затрагивал проблемы общественно-политического развития тюрков. Непосредственная политическая деятельность А.Валидова началась в конце 1915 года после избрания его помощником мусульманских депутатов от Уфимской губернии. После Февральского переворота 1917 года он активно участвовал в национальном движении мусульманских народов.

С 1923 года начинается заграничный период жизни и научной деятельности Ахметзаки Валидова. Он продолжает плодотворно трудиться на ниве науки. В это время выявляет множество источников по истории, пишет о них статьи, выпускает книги, оканчивает Венский университет и защищает диссертацию [Юлдашбаев, 1996, 200].

А.Валидов обнаружил и опубликовал «Книгу путешествия» Ибн Фадлана, называемую «Маленькой тюркской исторической энциклопедией» [Юлдашбаев, 1992, 22], выпустил такие важные для тюркологии книги, как «Введение во всеобщую историю тюрков», «Дастан об Огузе», «Методология в исторических исследованиях», «Коран и тюрки», «Современный Туркестан и его недавнее прошлое». Его «Введение во всеобщую историю тюрков» Герберт Янски назвал «маяком, указывающим путь молодым тюркологам» [Jansky].

Научная деятельность профессора, доктора Ахметзаки Валидова была очень плодотворной. Общее количество его публикаций достигает 400 названий. Первые произведения увидели свет в тюркоязычной периодике России, позднее выходили на страницах русских научных изданий. Еще позднее стали издаваться на разных языках во многих странах мира [Байкара, Тоган, 21].

С 1927 по 1970 год с небольшими перерывами профессор, доктор Ахмет-Заки Валиди Тоган преподавал историю тюркских языков в Стамбульском университете. В 1953 году возглавил открытый при Стамбульском университете Институт исламских исследований. Избирался членом

научных обществ ряда европейских стран. Удостоен золотой медали I степени Министерства образования Ирана [Юлдашбаев, 1996, 200].

С 1992 года в Башкортостане проводились международные научные коференции «Валидовские чтения». Его именем названа Национальная библиотека Республики Башкортостан. Сочинения Ахмет-Заки Валиди Тогана переиздаются на многих языках мира. Его деятельность освещена в документальных фильмах, художественных произведениях. Имя А.Валиди носит центральная улица города Уфы. На родине ученого открыт музей. Один из первых проспектов имени Валиди появился в столице Узбекистана в городе Ташкенте, с которым неразрывно связано творчество востоковеда. В 2008 году на восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета установлен бюст Ахмет-Заки Валиди Тогана, открыт Центр тюркских исследований, носящий его имя.

Последние годы жизни А.Валидов посвятил «грандиозному замыслу» – составлению многотомного «Справочника по тюркской культуре» [Байкара, 11]. Он был «тюрок, в буквальном смысле своего имени, рожденный для того, чтобы быть в первых рядах исследователей и знатоков тюркской истории» [Байкара, 11].

Таким образом, выдающийся востоковед А.-З. Валиди Тоган внес большой вклад в развитие исследований истории и культуры тюркских народов.

Литература

Байкара Т. Ахмет Заки Валиди Туган. Уфа: Китап, 1990. 328 с. {Baykara T. Ahmet Zeki Velidi Togan. Ufa: Kitap, 1990. 328 p.}

Башҡорт әҙәбиәте тарихы. 6 томда. 2-се том. XIX–XX быуат башы. Өфө: Китап, 1989. 582 б. {History of Bashkir literature. in 6 volumes. Volume 2. XIX - the beginning of the XX century. Ufa: Kitap, 1989. 582 p.}

Калимуллина Г.Т. Генеология рода Валидовых // А.А. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917–1920). Документы и материалы / сост. Н.М. Хисматуллина, Р.Н. Бикметова, А.М. Галеева, Ю.Р. Сайранов. Уфа: Китап, 2005. С. 364–368. {Kalimullina G.T. Geneology of the Validov clan. In A.A. Validov is the organizer of the autonomy of Bashkortostan. At the origins of federalism in Russia (1917–1920). Documents and materials / comp. N.M. Khismatullina, R.N. Bikmetova, A.M. Galeeva, Yu.R. Sairanov. Ufa: Kitap, 2005. P. 364–368.}

Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Т. 1. А-В. Уфа: Китап, 1997. С. 381. {The book of memory of victims of political repressions of the Republic of Bashkortostan. Vol. 1. A-B. Ufa: Kitap, 1997. P. 381.}

Ҡолмөхәмәтова Н. Минең ҡәҙерлеләрем // Ағиҙел. 2013. № 10. Б.168–186. № 11. Б. 139–189. {Kulmukhametova N. My dear ones in Agithel. 2013. No 10. P.168–186. No 11. P. 139–189.}

Сәлихов Ә.Ғ. Әхмәтзәки Вәлидиҙең Рәсәйҙәге ғилми эшмәкәрлеге. Өфө: Ғилем, 2001. 170 б. {Salikhov A.G. Scholarly activity of Ahmet Zeki Velidi in Russia. Ufa: Gilem, 2001. 170 p.}

Тоган И. Заки Валиди и его труды по всеобщей тюркской истории // История и культура народов Евразии: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения видного ученого-тюрколога и общественного деятеля Ахмет-Заки Валиди (21 мая 2010 г., г. Стамбул). Ч. 1. Уфа: АН РБ, Гилем, 2010. С. 21–24. {Togan I. Zeki Validi and his works on universal Turkic history in History and culture of the peoples of Eurasia: past, present, future: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of a prominent scholar, Turkologist and public figure Ahmet Zeki Velidi (May 21, 2010, Istanbul). Part 1. Ufa: Academy of Sciences of Bashkortostan, Gilem, 2010. P. 21–24.}

Юлдашбаев А.М. Валидов Ахметзаки Ахметшахович // Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 200. {Yuldashbaev A.M. Validov Akhmetsaki Akhmetshahovich // Brief Encyclopedia of the Bashkortostan. Ufa, 1996. P. 200.}

Юлдашбаев А.М. Историк, вошедший в историю: Политическая и научная деятельность профессор Ахметзаки Валиди Туган. Уфа, 1992. 38 с. {Yuldashbaev A.M. The historian who went down in history: Political and scholarly activity of professor Ahmet Zeki Velidi Togan. Ufa, 1992.38 p.}.

Jansky H. Ahmet Zeki Velidi // Ahmet Zeki Velidi Togan'a Armağan. 60. yıldönümü münasebetiyle. İstanbul. 1955. S. XVII–XXXI. {Jansky H. Ahmet Zeki Velidi // Symbolae in honorem Z.V. Togan: dedicated to the 60th anniversary. İstanbul, 1955. S. XVII–XXXI.}

Togan A. Z.V. Hatıralar. Türkistan ve Diğer Müslüman Doğu Türklerin Milli Varlık ve Kültür Mücadeleleri / Yayına hazırlayan İsenbike Togan. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı yayınları, 1999. XXII, 630 s. {Togan A. Z.V. Memoirs. The struggle of the Muslims of Turkestan and other Eastern Turks for national existence and culture. Editor I. Togan. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı yayınları, 1999. XXII, 630 p.}

УДК 801.8

Н.Г. Шаймердинова, г. Нур-Султан

ЯЗЫК И АРТЕФАКТЫ В ВОССОЗДАНИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается взаимосвязь языка и этноса, и язык определяется как доминантный отличительный признак этноса в культурной антропологии. Язык является формой выражения ментальных этнических различий, проявляющихся в картине мира, в процессах категоризации и концептуализации мира в сознании человека. Также в картине мира содержится и многообразная информация об этносах, народах, племенах, что нашло отражение в языке рунических памятников раннего средневековья. Артефакты материальной культуры вместе с языковыми единицами рунических текстов воссоздают картину или модель мира древних тюрков, ключевые смыслы которой реализуются в универсальных, религиозных, социальных и этнокультурных понятиях.

***Ключевые слова**: этнос, язык, древние тюрки, артефакты, модель мира.*

***LANGUAGE AND ARTIFACTS IN THE RECREATION ANCIENT TURKIC MODEL OF THE WORLD**. The article examines the relationship between language and ethnos, and language is defined as the dominant distinctive feature of an ethnos in cultural anthropology. Language is a form of expression of mental ethnic differences that are manifested in the picture of the world, in the processes of categorization and conceptualization of the world in human consciousness. The picture of the world also contains a variety of information about ethnic groups, peoples, and tribes, which is reflected in the language of runic monuments of the early Middle ages. Artefacts of material culture together with linguistic units of runic texts recreate a picture or model of the world of the ancient Turks, the key meanings of which are realized in universal, religious, social and ethno-cultural concepts.*

***Keywords**: ethnos, language, ancient Turks, artifacts, model of the world.*

Известно, что этнография как одна из наук о «человековедении» стала изучаться в начале XIX в., и в качестве объекта ее исследования предлагались самые различные версии: “общее описание целого народа”, “физические, моральные, интеллектуальные особенности народов”, “общая картина человечества”, “история прогресса народов и цивилизации”; были и более конкретные версии: изучение культуры, образа жизни (Германия), связь с классификацией языков, затем с народными традициями предполагали ученые Франции в 20-х годах XIX в., связь этнографии с развитием человека в онтогенезе и филогенезе предполагает социальная антропология Англии и культурная антропология США. Русское географическое общество (РГО) в середине XIX в. в качестве объекта этнографии определяет *“познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедческой”* [Этнография и смежные дисциплины, 1988, 24]. Позже РГО признает необходимость изучения истории, культуры, быта и языка не только малых народов, но и многочисленных народов, в т.ч. и России, и всех народов мира. Отсюда, объектом изучения этнографии является народ, его история, культура и язык от древнейших времен до современности.

Этническое, то, что характеризует этнос, отличает от других человеческих общностей по ряду признаков и функций. Как отмечают Ю.В. Бромлей и С.А.Токарев: это, с одной стороны, функция объединения всех членов этноса (внутриэтническая интеграция), с другой – функция отграничения их от представителей других подобных общностей (межэтническая дифференциация). Такого рода функции наряду с языком выполняют преимущественно традиционно-бытовые компоненты культуры (обычаи, народное искусство, устное народное творчество и т.п.), специфические особенности которых отличают один этнос от другого [Бромлей; Токарев, 1988, 26].

Таким образом, доминантным признаком при определении этноса является язык, который не только различает один этнос от другого особенностью изречения в устной речи и языковой системой в письменной речи, но и аккумулирует в себя ментальные отличия этносов. Последние проявляются, как известно, в метафоре «картина мира». Картина мира, несмотря на её кажущуюся разработанность, является весьма сложным понятием, ибо находится в плоскости научной, философской, социальной, религиозной, лингвистической. Составляющими картины мира являются окружающий мир, человек, его познание и восприятие окружающего мира (мышление, ощущение) и язык. Известно, что картина

мира как механизм познания мира структурируется в философских терминах (атрибут, субстрат, генезис, причина, развитие, функция и др.) и представляет собой концептуальное образование: имеющее неотъемлемые имманентно присущие свойства (атрибут); состоящее из определенных компонентов (субстрат), возникающее и развивающееся по определённым законам (генезис и развитие), и в конечном счете является специфически организованной структурой [Шаймердинова, 2019, 81]. В картине мире раскрывается весь духовный мир человека от элементарных ощущений до высших побуждений и сложной интеллектуальной деятельности. Человек видит и ощущает мир, созерцает и постигает его, познаёт и понимает, пребывая в нем, отражает и отображает в своем сознании все возможные миры. Образ мира, по мысли В.И. Постовалова, возникает «в различных актах мироощущения, мирочувствия, миросозерцания, мировосприятия, мировидения, миропонимания, миропредставления, мирооценки, мироуяснения, в актах переживания мира как целостности, в актах миродействия» [Постовалова, 1988, 20]. В этих «мирах» проявляется сложнейший процесс категоризации и концептуализации: окружающий мир «портретируется», «опредмечивается» в сознании человека по предмету, классу предметов, т.е. происходит процесс категоризации, обусловленный жизнедеятельностью человека. Процесс категоризации сопряжен с процессом концептуализации – представления, творения и разработки новых концептов, несущих информацию об окружающем мире, которые репрезентируются в системе языка. Картина мира в рамках концептуальной методологии несет многообразную информацию об этносах, народах, племенах. В данном аспекте актуален постулат – в языке отражается всё многообразие мира, окружающей действительности. Таким является и язык рунических памятников раннего средневековья: орхонские, таласские, енисейские, алтайские, руноподобные памятники Восточной Европы.

В современной тюркологии для извлечения информации о древних культурах и мирах вместо сочетания *картина мира* используют выражение *модель мира* (К. Леви-Стросс А.Я. Гуревич, Вяч. Иванов, В.Н. Топоров). По А.Я. Гуревичу, «модель мира» равна «картине мира», «видению мира» [Гуревич, 1972, 16–25]. Многообразие моделей мира зависит от многообразия древних культур и цивилизаций: античной, древнеиндийской, древнекитайской, славянской, древнетюркской и других.

Изучая историко-культурные материалы и тексты рунических памятников, мы пришли в выводу, что достаточно верифицированную информацию о картине мира древних тюрков, или модели мира древних тюрков, можно установить из информации, извлекаемой из артефактов предметной культуры, а также информации, репрезентирующейся в языке этих памятников. В планах поминальных комплексов памятников Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук, Кули-чор, Онгинского памятника артефакты имеют специальные пометы. Например, в комплексе Кюль-тегин имеются следующие обозначения (см. рис.1): 2) ритуальная дорога, 3) жертвенный камень, 4) основания столбов, 5) храм, 6) наружная стена храма, 7) коридор, 8) скульптура Кюль-тегина и его жены, 9) антропоморфные скульптуры мужчин и женщин, 10) черепаха и стела, 11) изваяния животных, 12) головной балбал, 13) балбалы за оградкой [Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006, 116].

Рис.1. План комплекса Кюль-тегин
Picture 1. Plan of the Kul-tegin complex

Рис.2. Памятник Кюль-тегин
Picture 2. Kul-tegin monument

Каждый из этих предметных артефактов, рвы, дороги обладают смыслами, о значении каждого из них можно написать целую статью, и все вместе артефакты дают обширную информацию о древнетюркской картине мира. Здесь отражаются традиции древних тюрков – возводить поминальные комплексы в честь своих каганов или воинов-защитников, таких как Кюль-тегин; ставить в поминальных комплексах стелы с надписью на спинах черепах, олицетворяющих идею мудрости, вечности, создание вечного «эль/ель» государства; жертвенные камни для поминания духа усопшего; изваяния животных как знак благосостояния в введении кочевого хозяйства; каменные оградки с растительными узорами и зооморфными изображениями, раскрывающие высокий уровень прикладного искусства; балбалы как символы побед над врагами; антропоморфные мужские и женские скульптуры. Удивительно, что в эпоху раннего средневековья древние тюрки возводили скульптурные изваяния не только знатным особам, но и простолюдинкам, в чем, без сомнения, выражался знак уважения и почитания женщины-матери, хранительницы очага (см. рис. 3: фрагмент женской фигуры с платком на груди из поминального комплекса Кюль-тегин).

Рис. 3. Женщина с платком
Picture 3. A woman with cloth

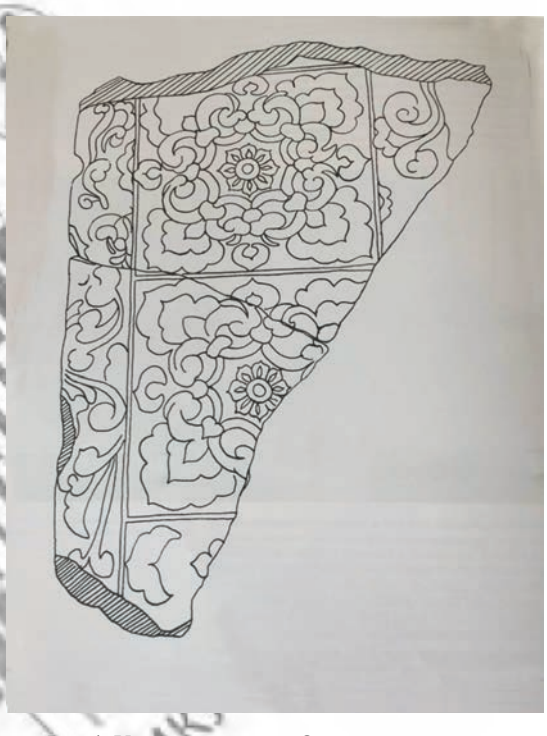


Рис.4. Узоры на оградке Онгинского памятника
Picture 4. Ornament on the fence of the Onginsky monument

В языке текстов памятников сохранилась важная информация о древнетюркском мире. За счет повторяющихся бинарных лексем, словосочетаний, пропозиций, стереотипных языковых клише нам удалось воссоздать древнетюркскую модель мира, в которой нашли отражение основные ключевые понятия древних тюрков об окружающей действительности. Приведем некоторые иллюстрации:

𐰚𐰇𐰏𐰃 𐰋𐰃𐰆𐰆 *Teŋri- Umaj*, 𐰃𐰆𐰄 𐰇𐰏 *Jer-Sub* ***(Тенгри-Умай и Земля-Вода)***; 𐰏𐰃𐰆𐰃 𐰃𐰇𐰋𐰃 *tört buluŋ* ***(четыре угла)***; 𐰆𐰏𐰄𐰏𐰃𐰆 𐰋𐰇𐰉𐰄𐰇 *öŋjeki-qurjaqy* ***(восток-запад)***; 𐰆𐰏𐰄𐰏𐰃𐰋 𐰋𐰇𐰉𐰇𐰇𐰄 *jyrjaqy-berjeki* ***(север-юг)***; 𐰋𐰄𐰇𐰇𐰄 𐰆𐰃𐰏𐰃𐰋 *berden-jyrdan* ***(справа-слева)***; 𐰃𐰃𐰋𐰃 𐰃𐰇𐰄𐰄𐰃 *üsti-asta* ***(верх-низ)***; 𐰋𐰄𐰇𐰏𐰃 𐰆𐰃𐰏𐰃𐰆𐰃 *öŋden-qurdan* ***(вперед-назад)***; 𐰄𐰏𐰄𐰄 𐰄𐰏𐰃𐰃 *saryɣ-qaryɣ* ***(светлый-темный)***; 𐰃𐰋𐰃 𐰃𐰏𐰃 *kök-qara* ***(голубой-темный)***; 𐰃𐰇 𐰃𐰏𐰃 *ata-uruq* ***(предок-потомок)***; 𐰆𐰏𐰃𐰋 𐰋𐰉𐰏𐰃 *jarqan-meŋgü* ***(творимое-вечное)***; 𐰃𐰃𐰃𐰋 𐰋𐰃 *jalqy-üküs* ***(единичность-множественность)***; 𐰏𐰃 𐰋𐰃 *az-üküs* ***(малочисленный-многочисленный)***; 𐰉𐰇𐰃 𐰃𐰄𐰋 *tirig-ölüt* ***(жизнь-смерть)***; 𐰆𐰄𐰃 𐰆𐰃𐰆𐰃 *qaɣan-bodun* ***(каган-народ)***; 𐰋𐰇𐰃 𐰇𐰋 *kentü-jat* ***(свой-чужой)***; 𐰃𐰃𐰃𐰃 𐰉𐰄𐰃 *aqlaqčy-kišig* ***(старший-младший)***; 𐰋𐰄𐰃 𐰋𐰃 *čyɣai-baj* ***(неимущий-богатый)***; 𐰃𐰃 𐰇𐰃 *alp-er* ***(герой-муж)***; 𐰃𐰋𐰉𐰃 𐰃𐰏𐰃 *tegüt-süŋüš* ***(походы и сражения)***; 𐰃𐰃𐰄𐰆 𐰇𐰃 𐰃𐰃𐰄𐰆 𐰏𐰃 *ɣly-qyz oɣly* ***(мужской-женский)***; 𐰃𐰇𐰄𐰉𐰄 𐰃𐰇𐰋𐰃 𐰃𐰄𐰃𐰃 *türük bekleri-sübašy* ***(тюркские беки и военоначальники)***; 𐰃𐰇𐰋𐰃 𐰃𐰄𐰃𐰇 *türük-tabɣač* ***(тюрки-табгачи)***; 𐰃𐰇𐰋𐰃 𐰃𐰉𐰇𐰋𐰃 *türük- türgeč* ***(тюрки-тюргеши)***; 𐰃𐰇𐰋𐰃 𐰏𐰃𐰃𐰏 *türük-qyrqyz* ***(тюрки-кыргызы)***;

𐰉𐰆𐰑𐰏 𐰋𐰃𐰍 𐰋𐰍𐰃𐰆 *türük-toquz-oγuz* (***тюрки-тогыз-огузы***); 𐰴𐰃𐰋𐰏 𐰃𐰖𐰣 *tizilig-bašlyγ* (***имевших колени-имевших головы***); 𐰚𐰃𐰠 𐰚𐰃𐰆𐰃𐰣 *joqčy-šyγytčy* (***плачущие-скорбящие***); 𐰖𐰇𐰖𐰇 *balbal-meŋgü taš* (***балбалы***); 𐰆𐰍 𐰍𐰋𐰋𐰍 *Ötüken jer* и другие [Шаймердинова, 2007, 47].

Систематизируя указанные языковые единицы по смысловым группам, мы восстановили основные концептуальные понятия древнетюркской модели, к которым следует отнести выражения ***универсальных категорий***, присущих всем этносам, независимо от цвета кожи, ареала проживания, языка, культуры. К этим понятиям относятся обозначения смыслов времени, пространства, количества, причины, следствия, части, целого и т.д. К примеру, значение времени в рунических текстах выражается посредством лексем: *предок – потомок, творимое – вечное, вечный камень и вечный «эль», дат жизни Кюль-тегина*, начиная с 16 лет. Пространственные смыслы выражаются словами: *«четыре угла», восток – запад, север – юг, вперёд – назад, близкий – далёкий, солнце – ночь, справа – слева, Кадырканская чернь – Темир-капыг, Отюкенская чернь* и др.

Квантитативно-количественные смыслы, отражая дискретность и недискретность мира в сознании древних тюрков, имеют также такие многочисленные средства выражения, как *единичность–множественность, малочисленный – многочисленный, много – мало – столь, 17–70–700, отуз-татары, сегіз-огузы* и др.

В древнетюркской модели мира особое место занимают такие **религиозные верования** древних тюрков, как синкретизм религиозных начал шаманизма, тенгрианства, буддизма, манихейства, христианства нестарианского толка (согласно историческим материалам, последнее достаточно было распространено на территории Степной Евразии). Особенность религиозных начал, дихотомическое деление мира, присущее древним культурам, наблюдается и у древних тюрков, что подтверждается языковыми единицами: *Земля–Вода (Jer-Sub), Небо, Тенгри–Умай, верх–низ (üste–asta)*. Шаманизм и тенгрианство имеет преемственную связь до настоящего времени с духовными началами многих тюркских народов Южной Сибири и Средней Азии, в т.ч. в Республике Казахстан. Большое значение для древнетюркского социума имели **социальные вопросы**, многие из которых актуальны и для современных государств, а именно проблема власти (в текстах Кюль-тегин, Бильге-каган детально описываются правление Кутлук-кагана, Капаган-кагана, Бильге-кагана), проблема взаимоотношения власти и народа, отношения тюрков с родственными племенами и другими народами, героизация отдельной личности, личности патриота-воина, отношения поколений, мужчин и женщин и т.д.: *Кутлук-каган, Капаган-каган, Бильге-каган, Тоньюкук, Кюль-тегин, Кули-чор, каган – народ, свой – чужой, старший – младший, неимущий – богатый, герой –муж – народ; мужской – женский; тюркские беки и военачальники – народ; тюрки – табгачи, тюрки – тюргеши, тюрки – кыргызы, тюрки – тогуз-огузы, тюрки и другие этносы, «имевших колени» – «имевших головы»*.

В текстах памятников широко представлены **этнокультурные константы** древних тюрков, их традиции, обряды, обычаи, такие как обряд постановки балбалов и головного балбала, обряд инициации, обряды захоронения: *ер–муж, жизнь–смерть, плачущие – скорбящие, балбалы – вечный камень* (см. древнетюркскую модель мира, рис. 5).

Рис. 5. Древнетюркская модель мира
Picture 5. Ancient Turkic model of the world

Таким образом, каждый из этих языковых единиц древнетюркской модели мира можно рассматривать отдельно, посвящать отдельные статьи, вкупе с предметами материальной культуры они организуют древнетюркскую модель мира, в которой репрезентируются наиболее важные смыслы древнетюркского социума.

Литература

Бромлей Ю.И., Токарев С.А. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988. С.21–41. {Bromley Y.I., Tokarov S.A. Ethnography and related disciplines. Ethnographic sub-disciplines // Ethnography and related disciplines. Ethnographic sub-disciplines. Schools and destinations. Methods. Moscow: Nauka, 1988. 21–41 p.}

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 319 с. {Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture. Moscow: "Art" Pub. house, 1972. 319 p.}

Жолдасбеков М. Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников (пер. на русс. язык М. Жолдасбеков, Н. Шаймердинова, К. Саркожаулы). Астана: Кюль-тегин, 2006. 360 с. {Zholdasbekov M. Sartkozhauly K. Atlas of Orkhon monuments (trans. into Russian lang. Zholdabekov M., Shaimerdinova N., Sartkozhauly K.). Astana: Kultegin, 2006. 360 p.}

Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 246 с. {Ivanov V.V. Toporov V.N. Slavic modelling semiotic systems, Moscow: Nauka, 1965, 246 p.}

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Языки картина мира. М.: Наука,1988. С. 8–60. { Postovalova V. I. Picture of the world in human life // Role of the human factor in language. Languages picture of the world. M: Science, 1988. 8-60 p.}

Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988. 225 с. {Ethnography and related disciplines. Ethnographic sub-disciplines. Schools and destinations. Methods. Moscow: Nauka, 1988. 225 p.}

Шаймердинова Н.Г «Киргизско-русскій словарь» (1897): культурные и языковые экспликации {«Kyrgyz-Russian dictionary» of 1897: cultural and linguistic explications} Turkic Studies Journal. 1 Vol.1 2019. Nur-Sultan, 2019. P.73–88.

Шаймердинова Н.Г. Древнетюркская картина мира в текстах письменных памятников. Астана, ЕНУ. 307 с. {Shaimerdenova N.G. Ancient Turkic worldview in the texts of written monuments. Astana, ENU. 307 p.}

ЭНЦИКЛОПЕДИЯНЫ · ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 400 (077) Б-82

С.А. Боргояков, г. Москва

ЭТНОЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье проведен анализ взаимосвязей между политикой идентичности и развитием этноязыкового образования на разных исторических этапах развития России. Показано, что целевые ориентиры реализуемых моделей этнокультурного (этноязыкового) образования определяются ценностными установками общества и идеологическими принципами национальной политики государства. Выявлено, что несбалансированное формирование государственно-гражданской и этнокультурной идентичности приводит или к усилению унитаристско-ассимиляционных тенденций, или к дезинтеграции и ослаблению единства многонационального народа России. Показано, что переход на свободный выбор родных языков для изучения в школе, включая русский язык, приводит к отказу частью школьников изучать этнические языки коренных народов России. Обосновывается, что важным условием гармонизации государственно-гражданской и этнокультурной идентичности как основы обеспечения единства многонационального народа России является разработка и реализация интегративно-развивающих моделей этнокультурного образования.

Ключевые слова: *политика идентичности, этнокультурная идентичность, государственно-гражданская идентичность, идентитарная функция, интегративно-развивающая модель.*

ETHNO-LINGUISTIC EDUCATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY. *The article analyzes the relationship between identity politics and the development of ethno-linguistic education at different historical stages of Russia's development. It is shown that the targets of the implemented models of ethno-cultural (ethno-linguistic) education are determined by the values of society and the ideological principles of the national policy of the state. It is revealed that the unbalanced formation of state-civil and ethno-cultural identities leads either to the strengthening of unitarian-assimilation tendencies, or to the disintegration and weakening of the unity of the multi-ethnic people of Russia. It is shown that the transition to a free choice of native languages for school study, including Russian, leads to the refusal of some pupils to study the ethnic languages of the indigenous peoples of Russia. It is proved that an important condition for the harmonization of state-civil and ethno-cultural identities as the basis for ensuring the unity of the multi-ethnic people of Russia is the development and implementation of integrative and developmental models of ethno-cultural education.*

Keywords: *identity politics, ethnocultural identity, public-civil identity, identity function, integrative-developmental model.*

Категория «идентичности» приобрела особую значимость в российской науке в 1990-х гг. в связи с политическими и социокультурными трансформациями в государстве, приведшими своими последствиями к идентификационному кризису и актуализации проблемы этнической идентичности в обществе. Изучение сущности идентичности, поиск эффективных механизмов ее формирования оказались в центре внимания не только ученых, но и политических и общественных деятелей.

Особая значимость этнической идентичности обусловлена многонациональностью Российской Федерации, в которой по переписи населения 2010 года проживают более 190 национальностей, в том числе коренных малочисленных и автохтонных народов – около 100, и они говорят на 277 языках и диалектах. При этом сложность языковой картины России заключается в том, что языки народов страны относятся к разным генетическим группам и семьям, а носители этих языков расселены в разных регионах с разной степенью компактности. Наиболее благоприятные условия для развития этнических языков, расширения их социальных функций и использования в образовательной сфере имеются в республиках Российской Федерации.

Исходя из этнического состава российского социума, его многоязычия, поликультурности, поликонфессиональности и полицивилизационности, социальная идентичность гражданина Российской Федерации может быть только многоуровневой, представляющей собой сбалансированное взаимодействие нескольких ключевых идентичностей: этнической, локальной, гражданской (национальной) и российской цивилизационной идентичности.

Очевидно, что для Российской Федерации главной задачей национальной политики является не только укрепление государственно-гражданской идентичности, но и ее гармоничное взаимодействие с другими идентичностями, прежде всего, с этнокультурной идентичностью.

В настоящее время в гуманитарных науках и политике идентичности сложились две разные идеологемы относительно совместимости этнической и гражданской идентичности. Одна из них оформилась в виде принципа «одна страна – один народ – один язык» как основа создания национальных государств и предполагает, что этническое многообразие является препятствием к формированию гражданской интеграции на фундаменте политической нации. Исходя из этого, в отношении миноритарных языков применяются разные подходы, в том числе придерживаются «политики терпимости» – не вмешиваться в процессы этноязыковой ассимиляции и не препятствовать «уходу» подрастающих поколений от изучения этнических языков при переходе на государственный язык.

Другой подход основан на представлении, что условием становления гражданского общества и *позитивной культуры межэтнических отношений является не только укрепление государственно-гражданской идентичности, но и поддержка и развитие этнокультурной идентичности как ресурса развития страны. Позитивное взаимодействие государственной и этнической идентичности возможно, если «та и другая выражены в пределах нормы» (Л.М. Дробижева), а также при соблюдении баланса между интересами этнического большинства (русских) и интересами других народов России.*

Препятствием для формирования гражданского и политического единства является не актуализированная этническая идентичность как таковая, а ее интолерантное наполнение, отсутствие механизма реагирования на изменяющиеся социокультурные, политические условия, подверженность идеологическому манипулированию [Рыжова, 2008, 18].

Ресурсом интеграции и мобилизующей силой для государственно-гражданской консолидации является позитивная этническая идентичность, которая обеспечивает установление толерантных взаимоотношений между представителями разных этнических групп в обществе. Позитивную идентичность отличает солидарность во имя развития этноса, а не против “других”, нацеленность на социальное взаимодействие с другими членами общества [Семененко, 2009, 3].

В связи с тем, что родной язык занимает особое место в ряду основных компонентов этноса как один из главных факторов этнической идентичности, важную роль в политике идентичности и укреплении государственно-гражданской идентичности выполняет языковое образование.

Анализ взаимосвязей между политикой идентичности и развитием этноязыкового образования на разных исторических этапах развития России показывает, что целевые ориентиры реализуемых моделей этнокультурного (этноязыкового) образования определяются ценностными установками общества и идеологическими принципами национальной политики государства.

В постсоветской России в 1992–2007-е гг. в условиях реализации инновационной идеологии национальной политики – поликультурализма, базовым принципом политики идентичности становится институционализация и «спонсирование многонациональности», а доминирующей стратегией региональных национальных элит – формирование этнической идентичности.

На этом этапе в результате реформы общеобразовательной школы произошло восстановление у многих народов России преподавания на родном языке и расширение в содержании образования национальной культуры.

Однако недостаточно проработанный механизм сопряжения целевых установок федерального и национально-регионального компонентов ГОС привел к разработке и реализации автономистской модели этнокультурного образования, которая оказалась не в состоянии решать задачи укрепления общероссийской идентичности подрастающих поколений.

В целом политика акцентирования на культурном разнообразии сообществ и индивидов и недооценка значимости целостности социального организма привела к сегментации социальных структур по региональному и национальному признаку и к «разрыхлению» единства общества.

С принятием в 2012 году Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и постановкой задач по интеграции народов России в единую политическую нацию начался новый этап этнонациональной политики [О Стратегии.., Электр. ресурс]. Хотя в Стратегии была поставлена двуединая задача: содействие этнокультурному развитию народов страны и укрепление единства российской гражданской нации, главным принципом национальной политики становится установка на формирование общероссийской нации. В Стратегии не сформулированы требования к результатам сохранения, изучения и развития языков и культур народов России, отсутствуют четкие критерии эффективности сбалансированного формирования и укрепления

национально-гражданской идентичности и поддержки этнокультурного многообразия. Подспудно актуализированная этническая идентичность федеральным центром воспринимается как политически опасное явление. Поэтому развитию этнокультурной идентичности отводится второстепенная роль, поскольку консолидация на основе этнической идентичности рассматривается не как ресурс развития страны, а как угроза ее целостности.

В этот период в системе этнокультурного образования стали реализовываться модели школ, имеющие культурно-признающий характер. Модернизационные процессы отечественного образования в первую очередь стали ориентироваться на его интеграцию в мировое информационно-образовательное пространство при недостаточной теоретико-методологической проработке вопросов, учитывающих особенности поликультурной России и нацеленных на сохранение в системе образования уникального духовно-нравственного опыта ее народов. В результате с 2005 по 2016 год число изучаемых в школе языков снизилось с 81 до 72, в том числе языков школьного образования – с 33 до 29, количество школьников, изучающих родные языки, уменьшилось на 21%, количество школ – на 25% [Боргояков, Бозиев, 2018, 8].

Принятие в 2018 году закона «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Указ.., Электр. ресурс] привело к дальнейшему сокращению масштабов этноязыкового образования в регионах страны. С одной стороны, закон, направленный на решение проблемы соблюдения языковых прав личности в сфере образования, усилил внимание к государственному русскому языку и укрепил позиции родных языков в учебном процессе, т.к. местные власти теперь обязаны создавать условия для изучения миноритарных языков. С другой стороны, при отсутствии нормативного определения понятия «родной язык» учебный предмет «русский язык как родной» стали выбирать не только этнически русские школьники.

Сравнение количественных показателей изучения башкирского языка в Республике Башкортостан до и после принятия закона свидетельствует о заметном снижении численности школьников, выбравших башкирский язык в качестве учебного предмета. Так, в 2017 году башкирский язык изучали 87,1% от общего числа школьников, а как родной – 63,4% [Боргояков, Бозиев, 2018, 7]. В 2019 году 63,05% учащихся в качестве родного выбрало русский язык, башкирский – 15,6%, татарский – 9,45% и другие языки – 11,9% [Как.., Электр. ресурс]. Если исходить из того, что, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, 35,19% населения Республики Башкортостан составляли русские, 28,79% – башкиры, 24,78% – татары, то чуть менее половины этнически нерусских школьников в качестве школьного предмета выбрали «русский язык как родной».

Еще больший отказ от изучения республиканского государственного языка наблюдается в Республике Марий Эл. Если в 2017 году доля школьников, изучающих марийский язык, равнялась 64% (как родной – 11,6%, а как государственный – 52,4%) от общего количества обучающихся, то в 2019 году марийский язык как родной выбрали 10,5% школьников Марий Эл [Как.., Электр. ресурс].

Поскольку отказ школьников изучать этнические языки будет способствовать усилению ассимиляционных процессов среди коренных народов России, можно сделать вывод, что реализация мультикультурной модели национальной политики как методологической основы формирования общероссийской нации приводит к ограничению развивающей и этноидентитарной функции этноязыкового образования в регионах страны.

Таким образом, несбалансированная политика идентичности приводит или к усилению унитаристско-ассимиляционных тенденций, или к разрыхлению единства российского общества. Согласно Конституции, Россия является государством, объединяющим разные нации и этнические группы. Исходя из этого, нация может существовать в двух формах – как нация-культура и как нация-государство.

Реализуемая сегодня идея формирования общероссийской нации не предусматривает развитие этнонаций как этносоциальных общностей. Поэтому с точки зрения многих отечественных ученых более плодотворной для развития России может стать ее понимание не как нации-государства, а как цивилизации. Концепция России как цивилизации исходит из понимания наций как этносоциальных целостностей (культурных, социальных, политических), а не только культурных общностей, как это имеет место в идеологии и политике мультикультурализма и в модели нации-государства [Попков, Костюк, 2014, 88]. При таком подходе формирование и развитие этнокультурной идентичности (национального самосознания), как интегральной составляющей общероссийской идентичности, должно стать одним из основных показателей (индикатором) эффективности реализации задач государственной этнонациональной политики по сохранению и развитию культурного многообразия народов России.

Одним из важных направлений решения этой проблемы является разработка концептуальных оснований интегративно-развивающих и культурно-обогащающих моделей этнокультурного образования*, обоснование его целей и принципов и технологий реализации.*

Для модернизации этноязыкового образования и политики идентичности в соответствии с вызовами времени необходимо не только совершенствование нормативно-правовой базы и научного сопровождения этих процессов, но и инициирование социальной ответственности и активности самих народов, конструирование мотивационных механизмов гражданского поведения различных слоев населения. Тогда региональные сообщества в соответствии со своими ценностными и мировоззренческими представлениями станут активными акторами национальной политики и идеологами разработки инновационных моделей этноязыкового образования и политики идентичности.

Литература

Боргояков С.А., Бозиев Р.С. Языковое образование и национально-языковая политика России // Педагогика. 2018. №11. С. 3–16. {Borgoyakov S.A., Boziev R.S. Linguistic Education And National-Linguistic Policy of Russia // Pedagogy. 2018. No.11. P. 3–16.}

Как изучаются национальные языки в школах республик Поволжья и Урала [Электронный ресурс] // https://mariuver.com/2019/08/30/nac-jaz-povolzhe-ural/ (дата обращения: 10.03.2020). { How are National Languages Taught in Schools of the Volga and Ural Republics [Electronic resource] // https://mariuver.com/2019/08/30/nac-jaz-povolzhe-ural/ (date of access: 10.03.2020).}

О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс] // http://government.ru/news/26013/ (дата обращения: 20.08.2019). {The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until 2025. Adopted by the Order of the President of the Russian Federation dated 19 December 2012, No.1666. [Electronic resource] // http://government.ru/news/26013/ (date of access: 20.08.2019).}

Попков Ю.В., Костюк В.Г. Концептуальные основы моделей национальной политики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12. Вып. 3. С. 84–91. {Popkov Yu.V., Kostyuk V.G. The Conceptual Foundations of the Nationalities Policy Models // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2014. Vol.12. No.3. P. 84–91.}

Рыжова С.В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности: автореф. дис. … канд. соц. наук. М., 2008.18 с. {Ryzhova S. V. Ethnic and civil identity in the context of interethnic tolerance: author's abstract of Ph.D. thesis. M., 2008. 18 p.}

Семененко И.С. Гражданская идентичность как ресурс национального развития. М., 2009. 11 с. [Электронный ресурс] / URL: http://www.civisbook.ru/files/File/ Semenenko_RAPN.pdf (дата обращения 10.03.2020). {Semenenko I. S. Civil identity as a resource of national development. M., 2009. 18 p. [Electronic resource]// URL: http://www.civisbook.ru/files/File/ Semenenko_RAPN.pdf (date of access: 10.03.2020).}

Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/ (дата обращения: 20.08.2019). {Order of the President of the Russian Federation dated 6 December 2018, No.703 "On Amendment to the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until 2025 Adopted by the Order of the President of the Russian Federation dated 19 December 2012, No.1666". [Electronic resource] // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/ (date of access: 20.08.2019).}

УДК 811.512.414

Ф.Г. Хисамитдинова, г. Уфа

ВСПОМНИМ ДОБРЫМ СЛОВОМ…

В статье рассматриваются основные моменты жизни и творчества башкирских языковедов: К.З. Ахмерова, А.А. Юлдашева, З.Г. Ураксина, С.Ф. Миржановой.

***Ключевые слова**: башкирские языковеды, тюркское языкознание, письменность, диалектология, словари.*

***LET'S REMEMBER WITH A GOOD WORD ...** The article reviews the main moments of the life and scientific work of Bashkir linguists: K.Z. Akhmerov, A.A. Yuldashev, Z.G. Uraksin, S.F. Mirzhanova.*

***Keywords**: Bashkir linguists, Turkic linguistics, writing, dialectology, dictionaries.*

2020 год в Республике Башкортостан – год больших юбилеев, юбилеев таких знаковых личностей, как выдающийся ученый-востоковед З. Валиди (130 лет), пламенный поэт-трибун Ш. Бабич (125 лет), которые, когда началась национально-освободительная борьба, борьба за автономию Башкортостана, не только встали рядом с народом, но и возглавили это движение.

2020 год является юбилейным и для многих наших коллег-ученых. В частности, 2020 год является юбилейным для этнографа, археолога, первого исследователя башкир С.И. Руденко (135 лет), фольклористов Н.Т Зарипова (95 лет), С.Г. Мрясова (140 лет), который также был в рядах борцов за автономию, историка А.Н. Усманова (110 лет), литературоведа М.Ф. Гайнуллина (95 лет), блестящих педагогов, языковедов М.Г. Хайруллиной (115 лет), А.А. Мансурова (125 лет), известных языковедов К.З. Ахмерова (120 лет), А.А. Юлдашева (100 лет), С.Ф. Миржановой (95 лет), З.Г. Ураксина (85 лет), М.В. Зайнуллина (85 лет), В.Ш. Псянчина (90 лет), Д.С. Тикеева (80 лет), М.И. Дильмухаметова (80 лет), Г.Д. Зайнуллиной (85 лет) и др.

В своем небольшом выступлении я хочу сказать несколько слов о своих коллегах-языковедах, которые долгие годы проработали в Институте истории, языка и литературы или принимали участие в разработке важнейших проектов ИИЯЛ. Это – К.З. Ахмеров, А.А. Юлдашев, З.Г. Ураксин и С.Ф. Миржанова. О каждом из названных ученых будут на секциях и симпозиумах отдельные доклады, поэтому я хочу обратить ваше внимание лишь на отдельные моменты их биографии или трудов.

7 ноября 2020 г. исполняется 120 лет со дня рождения К.З. Ахмерова, ученого-башкироведа, историка башкирской письменности и литературного языка, лексикографа, одного из разработчиков большого башкирско-русского словаря, на базе которого позднее были разработаны все виды двуязычных словарей башкирского языка.

К.З. Ахмеров родился 7 ноября 1900 г. в селе Бураево Бирского уезда Уфимской губернии (ныне село Бураево Бураевского района РБ). Судя по письменным источникам, корни Касима Закировича восходят к башкиру XVII в. племени елдяк Бураю Ергозину, известному землевладельцу, участнику первого башкирского восстания XVII в. Известно, что после подавления восстания в 1610 г. Бурай Ергозин и часть его детей бежали в Казанскую губернию, где были насильно крещены. Часть его семьи осталась на исконных землях елдякских башкир на территории современного Бураевского района. В числе потомков Бурая Ергозина, оставшихся на родовых землях, был Ахмер мулла Асанов (Хасанов), который, судя по письменным источникам, был известным религиозным деятелем северного Башкортостана. Его потомки, в том числе К.З. Ахмеров, получили образование в лучших медресе того времени. В частности, К. Ахмеров закончил один из лучших и престижных мусульманских учебных заведений того времени – медресе Расулия в г. Троицке в 1919 г. После учебы К.З. Ахмеров учительствовал в различных школах северо-западного Башкортостана. В 1938 г. он был приглашен в Башкирский научно-исследовательский институт языка и литературы (ныне ИИЯЛ УФИЦ РАН). Это были годы активного языкового строительства в Башкортостане: менялась письменность, разрабатывались нормы современного литературного языка. Поэтому с первых же дней в ИИЯЛ К.З. Ахмеров с головой ушел в работу. За короткое время им были разработаны орфографические нормы башкирского языка, он принимал участие в составлении русско-башкирского словаря, написании и издании монографии «Информирование и развитие башкирского литературного языка». Появление указанных работ К.З. Ахмерова стало заметным явлением в научной и культурной жизни республики. Кроме этого, Касим Закирович в те годы занимался разработкой учебников, учебных пособий по башкир-

скому языку для учащихся и студентов. Много сделано им в годы работы в ИИЯЛ. Но самой главной работой К.З. Ахмерова, на мой взгляд, является его книга «Из истории башкирской письменности», изданная под редакцией Дж. Г. Киекбаева в 1972 г. уже после смерти самого автора. В данной работе были рассмотрены такие вопросы, как место письменности в истории человечества, а также конкретного народа. Довольно подробно им были описаны вопросы развития письменности тюркских народов. Особенно были актуальны его выводы о близости древнетюркских рунических букв с башкирскими и другими тамгами тюрков. Интересно отметить, что при описании добуквенного периода письменности всего человечества К.З. Ахмеров приводит башкирские примеры. Например, при описании предметного письма им приведены такие сюжеты, как послание героини Х. Давлетшиной Гюльюзем своему возлюбленному: *«Гюльюзем вырезала из густо-розового платка, в котором была весною у родника, два цветка. Тут же лежала спичка с обугливщимся концом, а к ней было привязано голубиное перышко. И еще кисет из красного бархата с оторочкой из зеленого атласа, с бахромой из разноцветных шерстяных ниток. Эти подарки были полны сокровенного смысла! Два лоскутка с цветками, вырезанные ею из платка, означали, что Гюльюзем помнит ту встречу у ручья, за аулом, встречу двух любящих, молодых, как весенние цветки, сердец... Голова спички сгорела – это Гюльюзем лето промучилась в тоске, сгорала от нетерпения свидеться с суженым... Были б у нее крылья, прилетела бы к нему! Кисет... Ну понятно, если девушка добровольно прислала парню кисет, то сие обет верности на всю жизнь, до скончания века».*

Следует добавить, что К.З. Ахмеров, как истинный знаток башкирской жизни, привел и другие примеры на использование башкирами даже в XX в. реликтов добуквенного письма. В частности, К.З. Ахмеров описывает, как в 20-х годах XX в. среди башкир использовались древние бирки для определения своего товара, например, когда шкуру животных сдавали для выделывания. На шкуру привязался небольшой кусок дерева, скорее, ветка, которая отламывалась, т.е. расщеплялась на две половинки. Одна часть вместе со шкурой отдавалась мастеру, другая оставалась у хозяина товара. Путем прикладывания двух частей бирки, если отломленные куски совпадали, хозяин находил свой товар.

В основной части монографии К.З. Ахмеров дал подробное описание башкирского письма на арабской, латинской, кириллической графиках. При этом автор особое внимание уделял вопросам отражения фонетического строя башкирского языка в том или ином письме. В целом, на мой взгляд, очерки К.З. Ахмерова «Из истории башкирской письменности» являются одной из лучших книг по истории письменности народов бывшего Советского Союза. В связи с тем, что работа К.З. Ахмерова была написана на башкирском языке, она, к сожалению, не получила должной оценки в тюркологии.

Юбиляром 2020 г. является известный тюрколог, крупный башкировед, заслуженный деятель науки Башкирской АССР, доктор филологических наук, профессор Ахнаф Ахметович Юлдашев, уроженец деревни Кальшалы Туймазинского района Башкортостана. А.А. Юлдашев после окончания отделения иностранных языков Белебеевского педучилища в 1938 году начал работать в Тубинской школе Баймакского района учителем немецкого языка. В Великую Отечественную войну он был на фронте в качестве военного переводчика. После демобилизации он окончил факультет иностранных языков Куйбышевского педагогического института. Позже, как лучший студент, А.А. Юлдашев был направлен в Москву в аспирантуру. Написав и защитив под руководством И.К. Дмитриева кандидатскую диссертацию, А.А. Юлдашев стал работать в Институте языкознания АН СССР, где он проработал более 30 лет. Начав как языковед-практик (переводчик), работая в Институте языкознания вместе с такими тюркологами, как Н.К. Дмитриев, Э.В. Севортян, Н.А. Баскаков, Э.Р. Тенишев и др., А.А. Юлдашев стал одним из крупнейших тюркологов-кыпчаковедов Советского Союза. Как ученик Н.К. Дмитриева, исследовательскую работу А.А. Юлдашев начал с изучения башкирских диалектов. Его кандидатская диссертация «Язык тептярей» посвящен изучению говора тептярского населения Учалинского района Башкортостана. В 1959 г. он обращается к изучению говора башкир Туймазинского района. Чуть позже появляются его статьи, посвященные северо-западному диалекту башкирского языка и методике сбора диалектологического материала по башкирскому языку. В статьях «К изучению говора башкир Туймазинского района БАССР», «Северо-западный диалект башкирского языка и его отношение к литературному языку» А.А. Юлдашев одним из первых изучил особенности диалекта и поддержал тезис Т.Г. Баишева о том, что язык северо-западных башкир является диалектом башкирского языка. А все изменения в разговорной речи башкир этого региона, по мнению А.А. Юлдашева, происходят под возрастающим унифицирующим влиянием литературного татарского языка, который «благодаря густой сети школ, осуществления всеобщего среднего образования, популяризации литературы, печати на татарском языке проникает во все сферы общества».

Действительно, унифицирующее влияние литературного татарского языка на северо-западный диалект в последние десятилетия оказалось настолько сильным, что часть башкир региона уже потеряла не только язык, но и национальную идентичность, так как сознание этнической принадлежности тесно связано с общностью языка.

Большое значение для развития тюркского языкознания имеют труды А.А. Юлдашева, посвященные грамматическому строю башкирского языка. Глубокое знание башкирского, других тюркских и западноевропейских языков позволило А.А. Юлдашеву создать фундаментальные труды по категории вида, залога, спряжения и словообразования глаголов башкирского языка, которые дали толчок для развития грамматического направления в башкирском языкознании. Венцом творческих достижений ученого в развитии грамматического и фонетического направлений башкирского языкознания, как отмечает известный кыпчаковед, башкировед Т.М. Гарипов, по праву является коллективная академическая «Грамматика современного башкирского литературного языка», выполненная лингвистами Башкортостана под руководством А.А. Юлдашева. Эта грамматика, написанная авторами разного уровня и взглядов, им была полностью переработана и тщательно отредактирована. В результате была создана фундаментальная, пронизанная единой концепцией работа, которая, как в свое время «Грамматика башкирского языка» его учителя – И.К. Дмитриева, стала образцом для написания академических грамматик других тюркских языков.

Наряду с башкироведческой проблематикой объектом исследования А.А. Юлдашева были и общетюркологические темы. Защитив в 1966 году докторскую диссертацию на тему «Аналитические конструкции глагола в тюркских языках», А.А. Юлдашев показал себя крупнейшим специалистом по морфологии и словообразованию тюркских языков.

Именно поэтому ему и было поручено написание таких сложных разделов тюркской морфологии, как «Категория залога» и «Словообразование глагола» для академической «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Морфология», в которой он выступает не только автором, но и соредактором. Следует добавить, что, кроме тома по морфологии, А.А. Юлдашев принимал участие в подготовке и редактированию первого тома «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Фонетика». Таким образом, А.А. Юлдашев принимал самое непосредственное участие в создании и редактировании первых двух томов шеститомной фундаментальной «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», открывшей новый этап в изучении истории тюркских языков – групповой реконструкции. Как отмечает известный тюрколог А.В. Дыбо, подобного рода исследования являются новыми не только в тюркологии, но и в сравнительно-исторической лингвистике в целом.

Одним из юбиляров 2020 г. является З.Г. Ураксин, который вошел в историю Иститута истории, языка и литературы УНЦ РАН не только как крупный ученый-лексикограф, но и как директор перестроечных, экономически нестабильных годов. Директором З.Г. Ураксин стал в 1988 г., т.е. в начале перестройки. Прошедший в институте путь от лаборанта до директора, академика Академии наук Республики Башкортостан, З.Г. Ураксин, несмотря на перестроечные годы, является одним из самых результативных директоров. При нем, при его поддержке археологами в филипповских курганах были обнаружены уникальные экспонаты из золота и золотосодержащих сплавов. Были раскопаны памятники бронзового века типа Аркаим. Вышли обобщающие работы по семейному быту башкир, материальной и духовной культуре народа. Увидели свет двухтомный толковый словарь под названием «Башҡорт теленең һүҙлеге» (М., 1993), большой «Башкирско-русский словарь» (М., 1996), многочисленные словари, монографические исследования по топонимике, истории языка, социолингвистике, компьютерной лингвистике.

Велика роль З.Г. Ураксина в создании Лаборатории лингвистики и информационных технологий. Создание этой лаборатории позволило вывести башкирское языкознание за рамки традиционной филологии. В результате в институте появились исследования по компьютерной лингвистике, которые дали возможность создать сегодня Машинный фонд, приступить к разработке национального корпуса башкирского языка.

Велика роль директора З.Г. Ураксина в создании энциклопедистики в Республике Башкортостан. В 1992 г. в институте был создан отдел энциклопедии Башкортостана, который вскоре стал самостоятельным научным издательством «Башкирская энциклопедия». Отрадно отметить, что это издательство сегодня выпустило многотомную энциклопедию Башкортостана. В 1994 г. из состава Института выделился Отдел народов Урала с Музеем археологии и этнографии, который со временем стал отдельным академическим институтом РАН.

Много сделано З.Г. Ураксиным на посту директора института. Но, на мой взгляд, самый главный его вклад в том, что он сумел сохранить институт в составе Российской академии наук. Между тем ряд институтов автономных республик в те годы вышли из состава Российской академии наук. В этой ситуации был велик соблазн и у башкирских учёных. Но З.Г. Ураксин проявил мудрость, выдержал нажим ряда известных ученых республики, института и сумел оставить его в составе Российской академии наук. Этим он спас ИИЯЛ от провинциализма, местничества. Я помню, как многие упрекали З.Г. Ураксина в то время в нерешительности, отсутствии патриотизма. В сложившейся ситуации ученый сумел доказать академическому сообществу и руководству республики правильность своей позиции. Как один из руководителей Академии наук Республики Башкортостан, З.Г. Ураксин хорошо понимал, как отмечает М.В. Мурзабулатов, что «путь суверенной Башкирской академии – вместе с Российской академией наук». З.Г. Ураксину удалось сочетать темы исследований, утверждённых Отделением литературы и языка, позднее Отделением историко-филологических наук РАН, с местной башкирской тематикой программ АН РБ. Это дало возможность получать дополнительное финансирование на выполнение научно-технических программ АН РБ. Тем самым стало возможно не только сохранить актуальные для республики, башкироведческой науки темы, но и в целом выжить в сложные 90-е годы, когда сократилось финансирование, сокращались кадры, закрывались целые научные институты, отбирались здания РАН. В эти годы мудрость директора помогла сохранить основной состав института, продолжать исследования, даже выпускать книги. Безусловно, в этом большая заслуга З.Г. Ураксина, умеющего работать в любой ситуации, с любым руководителем Уфимского научного центра, а также республики. Эти качества помогли ему стать вице-президентом АН РБ, а это, в свою очередь, – выживанию ИИЯЛ за счет программных денег.

В 2020 г. Институт отмечает юбилей С.Ф. Миржановой, известного башкироведа, выдающегося диалектолога, лексикографа, фольклориста, заслуженного работника культуры Башкирской АССР.

Миржанова Сария Фазулловна родилась 24 декабря 1924 г. в деревне Кускарово (д. Мирьян Кускар) 3-его Тамьян-Катайского кантона Башкирской АССР (ныне Абзелиловского района РБ). После окончания Темясовского педучилища, затем Магнитогорского учительского института С.Ф. Миржанова работала учителем русского языка и литературы в Абзелиловском, Баймакском районах Республики Башкортостан и городах Сибай и Хабаровск.

В 1955–1994 гг. С.Ф. Миржанова работала в Институте истории, языка и литературы и прошла путь от лаборанта до доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника ИИЯЛ.

В институте она была включена в группу диалектологов, поэтому в 1955–1990 гг. С.Ф. Миржанова принимала активное участие в диалектологических экспедициях по территории, населенной башкирами. В результате ею был собран огромный диалектный материал, который вошел, во-первых, в диалектологический фонд института, во-вторых, в три тома словаря башкирских говоров и сводный том башкирских диалектов, в-третьих, составил основу ее кандидатской диссертации о кубалякском говоре и докторской работы, посвященной южному диалекту башкирского языка.

Наличие огромного собственного диалектного материала по северо-западному региону Башкортостана позволило С.Ф. Миржановой создать солидную монографию по северо-западному диалекту башкирского языка. Используя, кроме собственных, материалы диалектологических экспедиций 30–50-х годов, собранные Т.Г. Баишевым и другими исследователями института, в том числе этнографом Р.Г. Кузеевым, С.Ф. Миржанова дала описание говоров северо-западного диалекта на широком историко-лингвистическом фоне. Ей удалось определить место данного диалекта в системе диалектов башкирского языка, отношение его говоров к тюркским и нетюркским языкам Урало-Поволжского и других регионов. Широкий экскурс в историю и этнографию башкирского населения региона позволили автору доказать, что основными носителями северо-западного диалекта башкирского языка являются башкиры племен буляр, байлар, елдяк, еней, юрми, балыксы, унлар, кыргыз, йылан и др. Основу лексического наследия, морфологических и синтаксических особенностей этого диалекта составляют общебашкирские особенности, которые его отличают от соседних тюркских языков региона.

Подводя итоги, хочу сказать, что каждый языковед, на мой взгляд, рождается в ту эпоху, выполняет ту миссию, которые были ему определены, предписаны сверху. Именно поэтому К.З. Ахмеров, А.А. Юлдашев, З.Г. Ураксин, С.Ф. Миржанова и др. смогли сделать то, что увековечило их имя не только в лингвистической науке, но и в сердце родного народа.

ЯЗЫК, ЭТНОС, ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 373.3

Л. Б. Абдуллина, Е. В. Головнева, Н. А. Головнева, г. Стерлитамак

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В данной статье проводится анализ проблемы формирования выразительности речи у младших школьников. Дана характеристика практических методов воспитания интонационной окрашенности детской речи. Выявлено, что воспитание интонационной окрашенности детской речи может быть эффективно осуществлено посредством формирования у школьника привычки к богатым интонациями выступлениям. Подчеркивается, что воспитание такой привычки может происходить посредством привлечения ребенка к публичным выступлениям ещё с детского возраста. В этом процессе позитивная роль может и должна быть отведена учреждениям школьного образования.

Ключевые слова: *выразительность речи, младшие школьники, методы воспитания интонационной окрашенности детской речи.*

FEATURES OF FORMATION OF SPEECH EXPRESSIVITY IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN. *This article analyzes the problem of the formation of expressiveness of speech in younger schoolchildren. The characteristics of practical methods of educating the intonational coloring of children's speech are given. It was revealed that the upbringing of the intonational coloring of children's speech can be effectively carried out through the formation of the schoolchild's habits of rich intonation performances. It is emphasized that the inculculation of such a habit can occur by involving a child in public speaking since childhood. In this process a positive role can and should be assigned to schools.*

Keywords: *expressiveness of speech, elementary scool, schoolchildren, methods of educating intonational coloring of children's speech.*

Период младшего школьного возраста представляет собой время активного формирования личности ребенка, характеризующееся становлением фундаментальных основ детской творческой индивидуальности и самосознания школьников в деятельности различного типа.

Существует множество факторов, обусловливающих дальнейшее становление личности детей, однако фактору выразительности речи принадлежит особенная роль. Уже на самых ранних этапах онтогенеза речь становится основным средством мышления, общения, произвольного управления поведением, планирования деятельности.

Вопросы, посвященные изучению детской речи, были рассмотрены многими отечественными исследователями, в том числе А.Н. Гвоздевым [Гвоздев, 2007, 3], Т.Б. Филичевой, Н.А. Чевелевой, Г.В. Чиркиной [Филичева, Чевелева, Чиркина, 1989, 5], Н.Х. Швачкиным [Швачкин, 2009, 312] и другими.

Для детей первого года основная психологическая особенность звуковых выражений состоит в том, что смысловой аспект их речи реализуется не словесно, а посредством выражения ритма, а также интонационной окраской, сопровождаемой звуками. Эти звуки обретают смысловую нагруженность лишь тогда, когда в речи ребенка появляется элемент слова. Именно благодаря слову происходит интериоризация ребенком звуковой системы языка. Для этого ребенок внимательно следит за речью окружающих его взрослых, опираясь на данные, получаемые с помощью слухового либо артикуляционного аппаратов.

Овладение ребенком особенностями звуковой системы языка не происходит мгновенно. И в восприятии чужой речи, и в собственном речевом выражении, дети все еще опираются главным образом на ее интонационный и ритмический строй. Нередки случаи, когда ребенок, схватывая слоговой состав слова, уделяет недостаточно внимания звукам определенных слов. Общепринятое определение слоговой элизии гласит: «ребенок выделяет в слове ударный слог и обычно опускает неударные слоги». Примером служат ситуации, когда ребёнок вместо слова «голова» произносит «ва», вместо «молоток» – «ток», вместо «кровать», «каравать», «стул», «стуля».

В научной литературе не представлено каких бы то ни было высказываний по вопросам, сопряженным с тематикой ритмической структуры начальных речевых выражений. Тем не менее, основываясь на данных, имеющихся в дневниках родителей, отечественному исследователю Н. Х. Швачкину удалось прийти к заключению о том, что первые ритмические выражения принимают структуру хорея [Швачкин, 2009].

Совокупность перечисленных выше фактов приводит нас к выводу о том, что этимология слоговой элизии базируется не только на факторе выделения ребенком ударного слога при пропуске слогов безударных и факторе несовершенной еще работы артикуляционного аппарата. Слоговая элизия основана еще и на том, что дети первого года жизни имеют склонность к восприятию ритма речи взрослых людей в структуре хорея.

В ходе развития словесной речи ребенка интонации и ритм речи перестают выполнять главенствующее значение. Они приобретают роль служебных, вспомогательных инструментов и начинают подчиняться слову. В силу этого в речи детей снижается удельный вес хорея.

Стихотворное, поэтическое творчество ребенка на начальном этапе зачастую сопровождается телодвижениями. Однако при декламации не всех стихов присутствует жестикуляция, поскольку есть песни и прибаутки, которые не требуют каких бы то ни было телодвижений, будучи забавными для ребенка уже за счет своего содержания, мелодии и ритма.

Практически всегда деятельность ребенка связана с песенным сопровождением: хоровым, игральным или сказочным. При этом длительность его невысока, во время игры дети увлекаются и прекращают пение, таким образом, переход к играм осуществляется уже без песен.В этот период происходят перемены и в ритмическом рисунке стихов ребенка. Хорей, ранее встречавшийся в преимуществе, теперь исчезает. Наблюдается некоторая аритмичность стиха.

Формирование речи в младшем школьном возрасте является настолько значимым, что, помимо освоения ребенком фонетики, грамматики, лексики, можно говорить и о развитии у него таких качеств речи, как выразительность, точность и содержательность.

Выразительной речи присущ обширный комплекс интонационных особенностей или характеристик. «Интенсивность произнесения» – эта характеристика выражает степень усиления или же ослабления выдыхания в процессе речи, повышения или понижения тембра голоса, скорости произношения звуков при говорении. Иными словами, это особенность выразительной речи, характеризующая силу произнесения в ходе артикуляции звуков, что, главным образом, проявляется при проговаривании гласных звуков.

Выразительностью речи обеспечивается и удерживается эффективность коммуникации детей, донесение смысла высказывания до аудитории. Благодаря уместному и оправданному использованию средств речевой выразительности ребенок младшего школьного возраста становится интересным собеседником. Младшим школьникам, владеющим искусством выразительной речи, присущи большая уверенность в себе и адекватная раскованность, обусловленные умением эффективно выражать собственные мысли и самоощущение, тем самым демонстрируя свою личностную и творческую индивидуальность.

Именно научить ребенка выразительности речи надо в начале младшего школьного возраста. Потому что ребенок в этот момент только познает и понимает что такое «выразительность речи». Ребенок начинает хорошо общаться, познавать себя, у него отсутствуют страхи. Существенность влияния выразительности на коммуникативную культуру личности младшего школьника, самовыражение в различных видах творческой деятельности, взаимоотношения с окружающими обусловливают необходимость в исследовании средств и факторов формирования выразительности детской речи.

Ритмический рисунок речи и стиха уступают позиции ведущего элемента слову. Именно слово становится главнейшим смысловым агентом (изначально в обыденной речи, а затем в стихотворных конструкциях), а интонация и ритм обретают роль некоего аккомпанемента для словесной речи. Однако следует отметить: описанная перемена ролей ритма и интонации в детской речи всегда сопряжена с опасностью того, что слово может оттеснить ритм в речи слишком сильно, и тогда речь ребенка может практически потерять и ритмичность, и красочность, и свою выразительность.

Отсюда следует, что проблематика воспитания в речи интонационной окрашенности состоит не только в конкретной задаче совершенствования выразительности непосредственно речи, а требует решения целого ряда сопутствующих задач и разработки конкретных практических методов воспитания. Е.В. Головнева, Н.А. Головнева обращают внимание педагогов на важность рассмотрения методов

воспитания «как способов профессионального взаимодействия педагога и учащихся с целью реализации целей и задач воспитательного процесса» [Е.В. Головнева, Н.А. Головнева, 2013, 6].

Воспитание интонационной окрашенности детской речи может быть эффективно осуществлено посредством формирования у школьника привычки к богатым интонациями выступлениям. Воспитание такой привычки может происходить посредством привлечения ребенка к публичным выступлениям ещё с детского возраста, и в этом процессе позитивная роль может и должна быть отведена учреждениям школьного образования. Так, особым пунктом в практической реализации этого процесса становится проведение театрализованных занятий в школе.

Таким образом, из вышеуказанного следует, что выразительность речи достигается как вербальными, так и невербальными средствами. При этом, чем более выразительной и интонационно богатой является детская речь, тем более обширным, глубоким и разносторонним становится отношение младшего школьника к смысловому содержанию речи, которое обогащается и дополняется средствами выразительности в речи ребенка.

Литература

Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М.: Детство-Пресс, 2007. 472 с.{Gvozdev A.N. Questions of studying children's speech. M.: Childhood Press, 2007.472 p.}

Головнева Е.В., Головнева Н.А. Методика воспитания младших школьников: учебное пособие для студентов вузов по направлению подготовки «050100 – Педагогическое образование», профиль «Начальное образование». Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2013. 136 с. {Golovneva E.V., Golovneva N.A. The methodology of education of primary schoolchildren: a textbook for university students in the field of training «050100 – Pedagogical Education», profile «Primary Education». Sterlitamak: Sterlitamak branch of BashSU, 2013. 136 p.}

Филичева Т.Б., Чевелева Н.А., Чиркина Г.В. Основы логопедии. М.: Просвещение, 1989. 220 с. {Filicheva T.B., Cheveleva N.A., Chirkina G.V. The basics of speech therapy. M .: Education, 1989.220 p.}

Швачкин Н.Х. Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте // Хрестоматия по теории и методике развития речи детей школьного возраста / сост. М.М. Алексеева, В.И. Яшина. М.: Академия, 2009. 312 с. {ShvachkinN.Kh. The development of phonemic perception of speech at an early age // Readings on the theory and methodology of the development of speech of schoolchildren / comp. M.M. Alekseeva, V.I. Yashin. M.: Academy, 2009 . 312 p.}

УДК 811.512.122

Б.М. Аманбаев, М.К. Кармысова, г. Алматы

КУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЦЫ, ОТРАЖЕННЫЕ В ЯЗЫКЕ ЭТНОСА, КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОГО КОГНИТИВНОГО И ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются культурные образцы, отраженные в языке этноса, как средство формирования вторичного когнитивного и языкового сознания. До сих пор теория обучения второму языку слабо разрабатывалась на когнитивной основе, поэтому в данной статье рассматривается возможность формирования вторичного когнитивного и языкового сознания. При этом за основу берутся именно культурные образцы, так как современный мир требует не только знания иностранных слов, но и изучения культуры другого народа, поскольку в обстоятельствах современной всемирной интеграции каждое слово имеет за собой часть картины отличного от нашего мира, инокультурного и иноязычного мировосприятия. Следует особо отметить, что важность изучения языка и культуры этноса подчеркивал еще в 1869 году выдающийся казахский просветитель Абай: «Изучив язык и культуру других народов, человек становится равным среди них…», что становится сегодня чрезвычайно актуальным.

Ключевые слова: *культурные образцы, вторичное языковое сознание, вторичное когнитивное сознание, иноязычное образование.*

CULTURAL PATTERNS, REFLECTED IN THE LANGUAGE OF AN ETHNIC GROUP AS A MEANS OF FORMING SECONDARY COGNITIVE AND LINGUISTIC CONSCIOUSNESS*. The article considers cultural patterns, reflected in the language of an ethnic group, as a means of forming secondary cognitive and linguistic consciousness. Until now, the theory of second language learning has been poorly developed on a cognitive basis, so this article considers the possibility of forming a secondary cognitive and linguistic consciousness. Meanwhile, cultural patterns are taken as the basis, since the modern world requires not only the knowledge of foreign words, but also the study of other peoples' culture, because in the circumstances of modern world integration each word has a part of the view of a different, foreign world. It should be noted that back in 1869 an outstanding Kazakh enlightener Abay emphasized the importance of learning the language and culture of an ethnic group: «Having learned the language and culture of other peoples, a person becomes equal among them...», which is becoming extremely relevant today.*

Keywords: *cultural patterns, secondary linguistic consciousness, secondary cognitive consciousness, foreign language education.*

Поистине пророческим прозвучало еще в 1869 году высказывание выдающегося казахского просветителя Абая о значимости овладения языком и культурой любого этноса: «Изучив язык и культуру других народов, человек становится равным среди них…» [Абай, 2016, 147], что становится сегодня чрезвычайно актуальным и явилось в свою очередь своеобразной предтечей разработанной «когнитивной лингвокультурологической методологии иноязычного образования», в которой в качестве объекта впервые в иноязычном образовании определяется «иноязык-инокультура-личность» (синтезированно отраженный такой базовой категорией как «лингвокультура».) Идея определения выделенной триады «иноязык-инокультура-личность» оригинально «вплетена» в наименование «когнитивно-лингвокультурологическая методология» и находит в нем свое «зеркальное» отражение и подлинный смысл главной целевой установки иноязычного образования, а именно – развитие личности через познание (когнитивный аспект) и соизучение языка и культуры иносоциума (лингвокультурологический аспект), и далее путем «ресоциализации» и «реконцептуализации» (через осмысление и присвоение концептосферы иной картины мира на основе собственной) формирование «вторичного когнитивного и языкового сознания» [Кунанбаева, 2010, 69].

Рассматривая культурно-национальные особенности различных народов, функционирующие при изучении иностранного языка, можно с уверенностью сказать, что успех в овладении иностранным языком невозможен без понимания инокультурной специфики, присущей различным обществам. Современный мир требует не только знания иностранных слов, но и изучения культуры другого народа,

потому как в обстоятельствах современной всемирной интеграции каждое слово имеет за собой часть картины абсолютно отличного от нашего мира, инокультурного и иноязычного. Рассматривая взаимосвязь культуры и языка, появляется острая необходимость изучения иностранного языка как средства межкультурной коммуникации.

Профессор МГУ С.Г. Тер-Минасова отмечает: «Каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием (опять же иностранным, если слово иностранное) представление о мире». Язык отражает и формирует носителей языка, все мы продукты культуры и языка, данной нам при рождении и при овладении родным языком. В языке есть мощный культуроносный пласт, который несет в себе отношение к людям, к миру. И все это вместе с родным языком мы усваиваем как данность. Когда мы встречаемся с людьми, которым продиктованы другие условия жизни, начинаются конфликты, вызванные недопониманием [Тер-Минасова, 2000, 24].

Язык и культура любой страны составляют единое целое. Наиболее полно раскрывается взаимосвязь культуры и языка народа в комплексе так называемых культурных образцов. Культурные образцы – это представления о социокультурных реалиях, характерных лишь для определенной человеческой группы, например, этноса или нации, освоенные и разделяемые всеми представителями этой группы. Культурные образцы существуют в материальной форме, а также в виде концептов и умозаключений, или в знаковых системах, в том числе и в языке. Образно говоря, это коллективные бессознательные группы, являющиеся частью сознания любого представителя данной группы и постоянно влияющие на него. Какая-то одна сфера существования культурных образцов, даже язык, не может в полной мере отразить все богатство и многообразие культурной информации. Так, к культурным образцам относятся названия географических объектов, растений и животных, предметы обихода, пища, напитки, одежда, жилье, мебель, посуда, средства передвижения, профессии, название и персонажи наиболее известных литературных произведений, афоризмы, крылатые слова, фольклор, музыка и танцы, музыкальные инструменты, театр, обычаи, ритуалы, праздники, мифология, календарь, денежные единицы, звания, титулы, обращения, учебные заведения, сословия, касты, органы власти, оружия, имена героев и популярных личностей и так далее.

Изучение культуры других стран не такая уж и сложная задача, однако практика показывает, что такого рода заявления не всегда обоснованы. Многие люди становятся жертвой собственной культурной некомпетентности, потому как их не научили тому, что культурные реалии разных стран слишком сильно отличаются и прямой перевод зачастую невозможен, при этом и язык, и сознание, и поведение иностранцев основаны, как и у нас самих, на родной культуре. Язык – это не просто набор фраз и грамматических схем, это целый мир внутри человека, близкий и знакомый, и в то же время постоянно изменяющийся, язык напрямую связан с мировоззрением каждого человека. Знаменитая гипотеза американских ученых Сепира-Уорфа – гипотеза лингвистической относительности – гласит, что «структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира» [Поляков, 2011, 153]. Значит, человек, говорящий на другом языке, иначе, чем мы, видит и воспринимает окружающую его реальность. Недаром считают, что, изучая иностранный язык, ты постигаешь новый неизведанный мир, точно также и образ родной страны представляет не просто набор имен, дат, событий и названий – это сложная система восприятий и сеть ассоциаций, формирующиеся в сознании носителя данной культуры. Такую систему представлений ассоциаций и образов часто называют языковой картиной мира. И если у конкретного человека картина мира вбирает личный опыт и субъективные переживания, то у группы, у этноса она наполнена культурным опытом всего народа – это уже этническая или национальная картина мира.

Однако в процессе межкультурной коммуникации особенности лингвокогнитивной основы этноса создают препятствия. По этой причине важно в процессе коммуникации применять не только общий язык, но и обладать единой лингвокогнитивной базой. Достижение этого происходит в процессе адаптации к другой культуре, усвоения ее моделей восприятия, способов репрезентации знаний, проникновения в культурно-ментальные смыслы концептов.

Речемыслительная деятельность языковой личности неразрывно связана с лингвокогнитивными базами когнитивного сознания. Формирование вторичной когнитивно-языковой лингвокогнитивной базы необходимо для полного овладения вторым языком, которая в свою очередь включает в себя знания о языковых знаках изучаемого языка, а также совокупность различных ментальных единиц, таких как скрипты, сценарии, модели, фреймы. Они являют собой подлинные культурные образцы, которые

изучаются в различных разделах языкознания и лингвокультурологии (ономастика, фразеология, культурология, этнолингвистика, психо-прагмалингвистика и другие отрасли.)

Первичные и вторичные когнитивные и языковые сознания непременно совмещаются между собой в сознании мультилингвальной личности. Языковое сознание связано с репрезентацией в скрытной форме различных устойчивых элементов и ценностей культуры, т.е. культурных образцов. Когнитивное сознание предусматривает ментальную деятельность личности в ходе концептуализации явлений объективного мира, а также оценки и категоризации их в рамках определенной лингвокультурной общности.

Наряду с этим, вторичное языковое сознание мультилингва связано с мыслительной деятельностью личности и освоением культурных ценностей другого народа. Как носитель другого языка, мультилингв должен уметь осознавать различия в своих языковом и когнитивном сознаниях для своевременной ориентации на формирование вторичного когнитивного и языкового сознания. Необходимой предпосылкой для общения участников коммуникации на втором языке становится именно единство когнитивных и языковых сознаний, с другой стороны, отсутствие единства приводит к множественным коммуникативным конфликтам.

В свою очередь в процессе приобщения и овладения языка и культуры определенного этноса личность, опираясь на форму мышления родной лингвокультуры, объективно социализируется. «Культура в широком понимании в образовании выступает как содержательная составляющая знаний о природе, обществе, способах деятельности, эмоционально-волевого ценностного отношения человека того или иного этноса к окружающему миру, людям, труду, общению и т.д. с различением при этом широкого спектра разновидностей и проявлений культуры (интеллектуальной, мышления, поведения, речи, профессионального общения)» [Кармысова, 2018, 32]. Все эти аспекты отражены в культурных образцах, безусловно национально-специфичных в том или ином этносе.

Литература

Кармысова М.К. Иноязычное образование: опыт, инновации и перспективы»: материалы V Международной научно-практической конференции. Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылайхана, 2018. 640 с. {Karmyssova M.K. Foreign language education: experience, innovations and prospects: materials of V International Scientific-practical conference. Almaty: Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, 2018. 640 p.}

Кунанбаев Абай. Книга слов. Алматы: Атамура, 2016. 200 с. {Abay Kunanbayev. The Book of Words. Almaty: Atamura, 2016. 200 p.}

Кунанбаева С.С. Теория и практика современного иноязычного образования. Алматы, 2010. 340 с. {Kunanbayeva S.S. Theory and practice of modern foreign language education. Almaty, 2010. 340 p.}

Поляков С.Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб.: Питер, 2011. 688 с. {Polyakov S.E. Phenomenology of psychic representations. Saint Petersburg: Piter, 2011. 688 p.}

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с. {Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. Moscow: Slovo, 2000. 624 p.}

УДК 81-23

З.Г. Аминев, г. Уфа

ОБ ИРАНСКОМ КОМПОНЕНТЕ БАШКИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена проблеме древнего субстрата в башкирском языке. Процесс этногенеза башкирского народа происходил на Южном Урале и прилегающих землях, где пришлые тюркоязычные племена смешались с местными ираноязычными. При смешении победил тюркский язык и башкиры сформировались как тюркоязычный этнос. В то же время в языке, культуре башкир сохранилось многое от местных ираноязычных саков, савроматов, сарматов, алан. Опираясь на исследования языковедов, археологов, этнографов автор приходит к выводу о наличии в культуре башкир древнего восточноиранского компонента.

***Ключевые слова**: саки, сарматы, савроматы. аланы, гунны, тюрки, башкиры, язык и верования.*

***ON THE IRANIAN COMPONENT OF BASHKIR CULTURE**. The article is devoted to the problem of the ancient substratum in the Bashkir language. The process of ethnogenesis of the Bashkir people took place in the South Urals and adjacent lands, where the alien Türkic-speaking tribes mixed with the local Iranian-speaking ones. When mixed, the Turkic language won and the Bashkirs formed as a Turkic-speaking ethnos. At the same time, much of the local Iranian-speaking Sakas, Savromats, Sarmatians, Alans has been preserved in the language and culture of the Bashkirs. Based on the research of linguists, archaeologists, ethnographers, the author comes to the conclusion that there is an ancient East Iranian component in the Bashkir culture.*

***Keywords**: Sakas, Sarmatians, Savromats. Alans, Huns, Turks, Bashkirs, language and beliefs.*

Автор классической историко-этнографической работы по башкирам С.И. Руденко считал, что они коренные жители Урала, и что живут они тут издревле [Руденко, 1955]. Башкиры (самоназвание – *башҡорт*) по языку принадлежат к тюркскому языковому миру и расселены в Республике Башкортостан, в Челябинской, Оренбургской, Курганской, Свердловской, Самарской и Саратовской областях, а также в Пермском крае.

По мнению исследователей, формирование башкир происходило в ходе ассимиляции местных обитателей края, ираноязычных сармат, пришлыми тюркоязычными народами, начавшими проникать в начале I тысячелетия н.э. в регион Южного Урала и Приуралья [Брук, 1981, 229–230].

Археологами установлено, что в эпоху раннего железа, с VII в. до н.э. по IV в. н.э., приуральские степи были плотно освоены ираноязычными племенами савроматов и сарматов. На территории Восточного Оренбуржья археологами раскопано большое количество погребений савроматов (могильник у Гумарово, к VII–VI вв. до н.э., Новотроицкий I могильник, могильник Сара) и сарматов (Новокумакский могильник в Новоорском районе, Аландский в Кваркенском районе, у пос. Джанаталап на реке Орь рядом с г. Орском). Исследователи считают их западной частью большого исседоно-массагетского массива племен, а другую группу на западе области в бассейне среднего течения реки Урал – дахо-массагетами [Смирнов, 1976, 18]. Сарматские племена расселялись в тех же самых местах, где впоследствии сложился башкирский этнос и вели они, как потом и башкиры, тот же полукочевой образ жизни, о чем свидетельствует выявленный археологами видовой состав стада.

В курганах раннего железного века (VII–VI вв. до н.э.), оставленных кочевыми савроматскими и сарматскими племенами, обнаружены ахеменидские ритон, гривна, печать, а также египетский сосуд с именем царя Артаксеркса I (465–424 гг. до н.э.). Уфимским археологом А.Х. Пшеничнюком был раскопан уникальный курган сарматской знати у с. Филипповка в Илекском районе Оренбургской области, в ходе раскопок было обнаружено множество различных предметов из золота и золотосодержащих сплавов. Большую часть этих предметов составляет высокохудожественная коллекция, выполненная в «зверином» стиле.

По мнению исследователя А.С. Балахванцева, регион Южного Урала является местом наибольшей концентрации ахеменидских престижных ценностей, обнаруженных за пределами державы Кира и Дария [Балахванцев, 2016, 40]. Все эти находки указывают на существование устоявшихся связей между Уралом и Средней и Передней Азий, Ближним Востоком. Кочевническое население Южного Приуралья имело наиболее тесные экономические связи с сако-массагетскими племенами Средней

Азии и в первую очередь с Хорезмом. Постоянный караванный путь из приуральских степей в Хорезм и другие страны Средней Азии и Ближнего Востока сложился уже к IV в. до н.э.

По мнению археолога А.Х. Халикова, уже в начале новой эры в регион Южного Урала и в приуральские степи начинают проникать тюркоязычные племена. В IV–V вв. н.э. многовековое господство ираноязычных племен на Южном Урале и Приуралье пало под натиском тюркоязычных гуннов. Однако проникновение древнетюркских племен не могло вытеснить полностью ираноязычные сакские, сарматские, аланские племена из мест их обитания. Нет также никаких сведений о том, что местное население было уничтожено. Эти местные ираноязычные племена, оставаясь в местах своего былого обитания, смешивались с пришлыми тюркоязычными племенами и таким образом заложили основы будущего башкирского народа.

По мнению Ф.И. Гордеева, именно здесь, в районе Урала, в результате смешения тюркоязычных гуннских племен с сармато-аланскими племенами образовались первые древнебашкирские племена, т.е. основной костяк, основное ядро будущего башкирского народа [Гордеев, 1971, 315]. Надо отметить, что мнение об участии тюркоязычных гуннов в этногенезе башкир высказал еще дореволюционный русский исследователь, профессор Н.И. Веселовский [Веселовский, 1882, 118]. Это мнение Н.И. Веселовского было поддержано известным русским языковедом С.Е. Маловым, который писал: «башкиры один из древних народов и имеют отношение к гуннам», и сформировались они там же, где они обитают и поныне [Малов, 1952, 136]. С усилением потока тюркоязычных племен на Южный Урал местное ираноязычное население полностью было ассимилировано и на базе различных тюркских наречий сформировался новый башкирский язык.

За последние годы накопились исторические, языковедческие, фольклорные, этнографические факты, указывающие на участие древних носителей иранских языков в этногенезе башкирского народа. В одном из последних своих интервью известный специалист в области этногенеза башкир Р.Г. Кузеев заявил, что «башкиры – это или иранизированные тюрки, или тюркизированные иранцы» [Кузеев, 1999, 19]. К сожалению, из-за постигшей его болезни, Р.Г. Кузеев не успел опубликовать какие-либо доказательства в подтверждение своих соображений по поводу башкирско-иранских связей. Однако хранящиеся в научном архиве УФИЦ РАН его материалы показывают, что он видел и признавал наличие иранского пласта в этногенезе башкир, но по каким-то непонятным нам причинам, в своих работах эти свои выводы не стал использовать, а сделал основной упор только на пришлые тюркские элементы в этногенезе башкир.

Наличие восточноиранского субстрата в башкирской культуре признают и другие авторы. Так, известный языковед Н.И. Егоров на основе анализа материалов по башкирскому языку пришел к выводу, что башкирский язык сформировался под «сильным влиянием языкового субстрата восточноиранского (скифо-сакского) типа. Современные доминирующие кыпчакские черты башкирского языка складывались постепенно в ходе многократной кыпчакизации в течение последнего тысячелетия» [Егоров, 1991, 134].

При ассимилияции пришлыми тюрками местных иранцев, говоривших на восточноиранских наречиях, это местное население передало вновь сформировавшемуся башкирскому этносу некоторые особенности своего языка (фонетики), а также определенную часть лексики и многое из духовной культуры (мифологии, верований), порожденных особенностями уральских природно-климатических условий и тем самым приспособленных к ним.

Одной из особенностей башкирского языка является наличие фарингального звука «h» вместо общетюркского «С» [Мудрак, Хисамитдинова, 2018, 34–40]. По поводу возникновения звука «ҳ» в башкирском языке Н.К. Дмитриев в своей работе «Грамматика башкирского языка» пишет: «Вопрос о том, почему из всех современных тюркских языков «ç» и «ʒ» имеются только в башкирском (и отчасти в туркменском) – представляется весьма трудным для разрешения. Относительно туркменского языка есть гипотеза, что появление здесь «ç» и «ʒ» нужно объяснять иранским субстратом, поскольку в средневековом иранском языке (пехлеви) имелись оба соответствующих звука. По поводу башкирского языка также допустима подобная гипотеза; она может быть поддержана не только данными материальной культуры, но и некоторыми лингвистическими факторами [Дмитриев, 2007, 23–24]. То есть Н.К. Дмитриев допускает появление данного фарингального звука «ҳ» под влиянием местных ираноязычных племен, вошедших в состав башкирского этноса.

Известный языковед Б.А. Серебренников развитие «с>h» в башкирском языке считает результатом внутреннего развития самого башкирского языка, но «при благоприятствующих этому условиях», под которым он понимал контакты с каким-то «хакающим» народом, который и выступил в качестве

катализатора [Серебренников, 1963, 11]. Мы полагаем, что этими «хакающими» этносами были говорившие на восточноиранских наречиях уральские сарматы, саки, аланы. Специалист по иранистике В.И. Абаев писал, что переход общеиндоиранского (арийского) «s» на «h» – важнейший отличительный признак иранских языков. Переход «s – h» был и остается для иранского вполне надежным опознавательным признаком [Абаев, 1972, 29].

Другим отличительным звуком башкирского языка является звук «Ҙ». По мнению исследователей, именно в восточноиранских языках фиксируется межзубный спирант ð (ʒ). Дж.Дармстетер отметил, что переход «d>ð» является специфической особенностью юго-восточноиранских языков. Другой специалист по скифам Бильмейер считал, что «…сохранение интервокального «д» в «ʒ» в сарматском и осетинском…становится фонетически дифференцирующим признаком» [Цит. по: Кулланда, 2011, 50, 59]. Данный звук наличествовал и в туркменском языке, и данный факт исследователи объясняют наличием в этногенезе туркмен иранского субстрата [Дмитриев, 1972, 23–24].

Анализу древнеиранского пласта в башкирском языке посвящены работы лингвистов (Э.Ф. Ишбердин, Т.М. Гарипов, Н.Д. Гарипова, Р.Х. Халикова, У. Яруллина, Г.Х. Бухарова, Г. Гайсина и др.), где они на многочисленных примерах подтверждают наличие иранизмов в башкирском языке и топонимике. Как пишет Ф.Д. Гуревич, если в языке народа сохранились древние элементы, давно забытые у других, то подобные явления будут свойственны и мировоззрению, идеологии этого народа [Гуревич, 1947, 68–76]. Действительно, башкирские исследователи З.Г. Аминев [Аминев, 2003, 6–13], Л.А. Ямаева [Ямаева, 2010], Р.Ф. Резяпов [Резяпов, 2004, 286–300], К.Ю. Рахно [Рахно, 2019, 141–145], Д.Д. Валеев [Валеев, 1989, 56] обнаружили убедительные параллели в мировоззрении башкир и древнеиранских племен.

Иранский след имеется и в антропологии башкирского народа. На довольно мощный иранский субстрат в виде древнего памиро-ферганского типа неоднократно указывал в своих работах известный башкирский исследователь-антрополог Р.М. Юсупов [Юсупов, 1989; Юсупов, 1992].

В небольшом обзоре, к сожалению, невозможно привести все те элементы, указывающие на наличие мощного иранского пласта в материальной и духовной культуре башкир. Подводя итог всему сказанному выше, можно сказать, что башкиры сохранили в своей культуре многое из местного иранского субстрата, и этот материал может помочь исследованию истории не только самих башкир, но и истории, культуры всего древнеиранского мира. На территории формирования и нынешнего обитания башкир, которая являлась самой северной частью древнего восточноиранского мира, башкиры сумели сохранить многие элементы языка, духовной и материальной культуры ушедшего в небытие названного мира.

Литература

Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях инодиранских народов // Древний Восток и античный мир. М.: МГУ, 1972. С. 26–37. {Abaev V.I. On the question of the ancestral home and the most ancient migrations of the peoples of other countries // Ancient East and Antique World. Moscow: Moscow State University, 1972. P. 26-37.}

Аминев З.Г. О некоторых параллелях в мифологии башкир и народов Памира // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность: материалы межрегиональной научно-практической конференции (Уфа, 28 ноября 2003 г.). Уфа, 2003. С. 221–226. {Aminev Z.G. On some parallels in the mythology of the Bashkirs and the peoples of the Pamirs // The peoples of the Ural-Volga region: history, culture, ethnicity: materials of the interregional scientific-practical conference (Ufa. November 28, 2003). Ufa, 2003. P. 221–226.}

Балахванцев А.С. Ахеменидский Иран и Южный Урал в V–IV вв. н.э. // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: материалы IX Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.Ф.Смирнова. Сборник статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 40–43. {Balakhvantsev A.S. Achaemenid Iran and the South Urals in the 5th-4th centuries AD // Konstantin Fedorovich Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology: materials of the IX International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of K.F. Smirnov. Digest of articles. Orenburg: Publishing house of the OGPU, 2016. P. 40–43.}

Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981. С. 229–230. {Brook S.I. World population. Ethno-demographic reference book. Moscow: Nauka, 1981. P. 229–230.}

Веселовский Н.И. Несколько новых соображений по поводу пересмотра вопроса о гуннах // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1882. сентябрь. {Veselovsky N.I. Several new considerations regarding the revision of the question of the Huns // Journal of the Ministry of National Education. 1882. September.}

Гордеев Ф.И. О происхождении этнонима «башкир» // Археология и этнография Башкирии. Том IV. Уфа, 1971. С. 314–317. {Gordeev F.I. On the origin of the ethnonym «Bashkir» // Archeology and Ethnography of Bashkiria. Vol. IV. Ufa, 1971. P. 314–317.}

Гуревич Ф.Д. Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Выпуск XV. М., 1947. С. 68–76. {Gurevich F.D. Jewelry with animal heads from the Baltic burial grounds // Brief communications of the Institute of the History of Material Culture. Issue XV. Moscow, 1947. P. 68–76.}

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.: Наука, 2007. 232 с. {Dmitriev N.K. Grammar of the Bashkir language. Moscow: Nauka, 2007. 232 p.}

Егоров Н.И. Проблемы периодизации истории башкирского и татарского языков // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. (Тезисы докладов и выступлений). Уфа, 1991. С. 134–139. {Egorov N.I. Problems of periodization of the history of the Bashkir and Tatar languages // Problems of the spiritual culture of the Turkic peoples of the USSR. (Abstracts of reports and speeches). Ufa, 1991. P. 134–139.}

Кузеев Р.Г. Почувствовать дыхание времени, дыхание народов…// Вестник АН РБ. 1999. Т.4, №3. С. 7–20. {Kuzeev R.G. Feel the breath of time, the breath of peoples ... // Bulletin of the Academy of Sciences of Belarus. 1999. Vol. 4, No. 3. P. 7–20.}

Кулланда С.В. Уроки скифского // Вопросы языкового родства. 2011. №5. С. 48–68. {Kullanda S.V. Scythian lessons // Questions of linguistic relationship. 2011. No. 5. P. 48–68.}

Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Т. XI. 1952. Вып. 2 (март–апрель). С. 135–143. {Malov S.E. Ancient and new Turkic languages // News of the USSR Academy of Sciences. Dept. literature and language. Vol. XI. 1952, issue 2 (March–April). P. 135–143.}

Мудрак О.А., Хисамитдинова Ф.Г. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Астана: «Гылым», 2018. С. 34–40. {Mudrak O.A., Khisametdinova F.G. Kypchak languages of the Ural-Volga region. Astana: "Gylym", 2018. P. 34–40.}

Рахно К.Ю. Иранские компоненты в языческих верованиях средневековых башкир // Актуальные проблемы гуманитарной науки: фольклористика, литературовекдение, этнография, история, археология: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения видного ученого-фольклориста А.М. Сулейманова (Уфа. 23–25 мая 2019 г.). Уфа, 2019. С. 141–145. {Rakhno K.Yu. Iranian components in the pagan beliefs of medieval Bashkirs // Actual problems of the humanities: folklore studies, literary studies, ethnography, history, archeology: materials of the All-Russian (with international participation) scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of the prominent scientist-folklorist A.M. Suleimanov (Ufa. 23–25 May 2019). Ufa, 2019. P. 141–145.}

Резяпов Р.Ф. К общим мотивам в башкирской и индийской мифологии // Башкироведение (к 75-летию Г.Б. Хусаинова). Уфа, 2004. С. 286–300 (на башк. яз.). {Rezyapov R.F. Towards common motives in Bashkir and Indian mythology // Bashkir Studies (to the 75th anniversary of G.B. Khusainov). Ufa, 2004. P. 286–300 (in Bashk.)}

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 393с. {Rudenko S.I. Bashkirs. Historical and ethnographic essays. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1955. 393 p.}

Серебренников Б.А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963. 23 с. {Serebrennikov B.A. On the question of the connection between the Bashkir language and Hungarian. Ufa, 1963. 23 p.}

Смирнов К.Ф. «Савроматы» и «сарматы» // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976. С. 3–23. {Smirnov K.F. «Savromats» and «Sarmatians» // Ethnocultural ties of the population of the Urals and the Volga region with Siberia, Central Asia and Kazakhstan in the Iron Age. Ufa, 1976. S. 3–23.}

Юсупов Р.М. Материалы по краниологии башкир. Уфа, 1989. С. 42–43; Его же: Основные этапы формирования расового типа башкир // Исторический опыт развития духовной культуры Башкортостана. Уфа, 1992. Р. 8–13.{Yusupov R.M. Materials on the craniology of the Bashkirs. Ufa, 1989. P. 42–43; his: The main stages of the formation of the racial type of the Bashkirs // Historical experience of the development of the spiritual culture of Bashkortostan. Ufa, 1992. P. 8–13.}

Ямаева Л.А. Древнеиранский религиозный компонент в «башкирском исламе» // Проблемы современной исторической науки: новые направления и подходы: материалы международной научной конференции «Бекмахановские чтения» (21–22 мая 2010 г.). Алматы, 2010. С. 331–334. {Yamaeva L.A. Ancient Iranian religious component in «Bashkir Islam» // Problems of modern historical science: new directions and approaches: materials of the international scientific conference «Bekmakhanov readings» (May 21–22, 2010). Almaty, 2010. P. 331–334.}

УДК 811.512.122

М.К. Ахметова, М.Е. Нусипбек, г. Нур-Султан

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ САКРАЛЬНОСТИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

(на примере публицистических жанров)

В статье рассматривается роль сакральных единиц в таком информационном публицистическом жанре, как интервью. В качестве лексико-текстовой основы авторами взяты материалы интервью с известными казахскими писателями и поэтами последних десятилетий. На примере конкретных языковых единиц, имеющих сакральное значение, авторы подтверждают эффективность использования их переносного значения в художественном выражении мыслей. Активизацию сакральной лексики в повседневном общении авторы считают эффективным средством возрождения национального сознания, способствующим противостоянию чуждым идеологиям.

***Ключевые слова**: язык, этнос, сакральная лексика, культура, языковое сознание.*

***LEXICAL MEANS OF REALIZATION OF SACREDNESS IN THE KAZAKH LANGUAGE (on the example of journalistic genres)**. The article discusses the role of sacred units in such an informational journalistic genre as interviews. As a lexical-textual basis the authors took materials from interviews with famous Kazakh writers and poets of last decades. Using concrete linguistic units with sacred meaning as an example, the authors confirm the effectiveness of using their figurative meaning in the artistic expression of thoughts. The authors consider the activation of sacred vocabulary in everyday communication to be an effective means of reviving national consciousness, contributing to opposing to alien ideologies.*

***Keywords**: language, ethnos, sacred vocabulary, culture, linguistic consciousness.*

В последние годы ученые-лингвисты стали уделять внимание вопросам сакральности в языке. Интерес к сакральным единицам в лингвистике можно объяснить несколькими причинами: во-первых, в связи с тем, что «единицы, имеющие сакральное значение» не являются полностью изученной темой и интерес к их изучению возрастает; во-вторых, усиливается актуальность всестороннего описания специфики сакральных текстов, определения их языковых и культурных аспектов; в-третьих, в ходе применения сакральных слов в речи возникает необходимость определения их характера и функций. Понятно, что все упомянутые причины обусловлены изучением языка в единстве с человеческим мышлением, языковым сознанием. В период глобализации каждая нация стремится к познанию своей самобытности, глубокому изучению, поиску путей духовного возрождения, к оценке предметов и явлений, которые являются священными в народном понимании. Это способствует выделению сакральных лексем и текстов в отдельный предмет исследования. Понятие сакральности формируется внутренним миром носителей языка по отношению к внешнему миру, окружающей среде. Это сложное явление, включающее в себя множество сторон человеческой жизни, природы и проявляющееся различными лингво-семиотическими способами. Этимология сакральных языковых единиц хранит информацию о жизни и быте народа, о познании им окружающего мира и об отношении к нему. В связи с этим можно привести мнение академика Х.Абжанова: «Казахский народ, еще до появления сакральности в языке, смог сформировать классические принципы бережного отношения не только к религии, но их явлениям природы, окружающему миру. Сами запреты, касающиеся повседневной жизни людей, отражают высокий уровень представлений о сакральности в общественном сознании и мировоззрении. Например, такие запреты,как запрет стоять на пороге, опираться о дверной косяк, бить скот, бегать в направлении кладбища, являются свидетельством особого почтительного отношения к очагу, скоту, предкам, обоим мирам» [Әбжанов, 2018].

Сакральные понятия в казахском мировоззрении появились не сразу. Они прошли различные этапы и формировались вместе с представлениями о явлениях природы, животном и растительном мире, событиями в жизни народа, проникновением религии, деятельностью выдающихся личностей (святых, лекарей, провидцев), появлением святых мест. Эти священные понятия, формируемые каждой эпохой, объединяют и расширяют духовное мировоззрение казахского народа. А. Керимбаев отмечает: «Сакральную лексику казахского языка составляют магические (фидеистские) слова, обла-

дающие сакральной семантикой и функцией, а также наименования людей, предметов, географических и космических объектов, органов тела, животных и птиц, имеющие в своем семантическом составе сакральные денотаты. Сакральные слова могут образовывать магические вербальные тексты, использовавшиеся во врачевании и обрядово-целительской коммуникации» [Керімбаев, 2007, 3]. По его мнению, каждое сакральное слово в казахском языке имеет магическое значение.

В настоящее время сакральная лексика часто используется в переносном значении на основе различных сходных признаков явлений и предметов. Сакральные слова используются как в устной речи, так и в письменных текстах. Эти языковые единицы служат важным средством художественного, метафорического выражения мыслей. Адресант с помощью слов, обладающих священными для казахского менталитета смыслами, обозначает ими другие предметы и явления, подчеркивает их значение, выделяет аспекты, о которых идет речь. Адекватное восприятие адресатом используемых в коммуникации сакральных слов тесно связано с багажом его фоновых знаний, проявлениями образов картины мира в когнитивном сознании. Отсутствие в языковом сознании устоявшихся понятий относительно тех или иных сакральных слов затрудняет восприятие и понимание изложенной информации. Поэтому при использовании таких языковых единиц целесообразно учитывать характер участников коммуникации (национальность, возраст, образование и т.п.), речевую ситуацию.

В таких публицистических жанрах, как интервью, требующих особой меткости и лаконичности, сакральные слова чаще всего используются в целях дать полный, понятный всем ответ на вопрос интервьюера, придать ответу открытость, выразительность. Такие сакральные единицы встречаются в интервью с поэтессой Ф. Онгарсыновой на тему «*Ел қатал деп жүрген мінезім – менің болат сауытым*» («Мой характер, прослывший в народе суровым, – моя стальная кольчуга»), размещенном на информационном портале baq.kz. (24.01.2014 г.). На вопрос журналиста: «*Мы говорим: «В эпоху вчерашнего тоталитаризма поэты и писатели являлись хранителями* ***(шырақшы)*** *духовности нации». Возможно это так, это была другая эпоха. Сегодня несмотря на то, что наш язык еще не занял своего* ***почетного места (төр)****, мы можем говорить о его проблемах с больших трибун. Сегодня есть все условия для утверждения религиозного стержня в обществе, есть и имамы, и мечети. Но мы не наблюдаем духовного всплеска в обществе. Почему?»* поэтесса ответила так: *«Если бы не было духовного роста, разве произошла бы в Алматы революция 1986 года, нашедшая отклик во всей казахской степи? Ведь это событие стало началом нашей независимости. В советскую эпоху, которую вы называете «эпохой тоталитаризма», Союз писателей действительно был* ***мечетью (мешіт)*** *для нас*». Остановимся на выделенных словах в интервью: ***төр*** *(почетное место в доме),* ***шырақшы*** *(служитель кладбища, хранитель святыни, места захоронения святого),* ***мешіт*** *(мечеть)*. Эти сакральные единицы используются в тексте в переносном значении «выражающее символьные, контекстные оттенки, обусловленные усложнением мировоззрения» [Есімова, 2014, 146]. *Мечеть* – лексема, обозначающая священное место для мусульман. Если Ф. Онгарсынова отождествляет Союз писателей с ***мечетью,*** то журналист особую функцию его членов хранить духовное наследие нации и передавать его последующим поколениям называет функцией хранителей национальной духовности ***(шырақшы)***. В словаре казахского литературного языка «мечеть» определяется как «место, где мусульмане могут собираться и читать намаз, коран и молиться аллаху» [ҚӘТС, Т. 11, 220]. А значение слова ***шырақшы*** трактуется следующим образом: *1. Человек, обслуживающий и охраняющий могильники. 2. То, что дает надежду, вселяет уверенность (переносное значение)* [ҚӘТС, Т. 15, 588]. Участники интервью успешно использовали данные слова, сакральные с точки зрения религиозного мировоззрения.Оба названия использовались в положительном оценочном значении. Слово ***төр*** *(почетное место)* в тексте сочетается со словом ***шығу*** *(здесь: занимать, проходить)*и добавляет контексту образное значение. Для казахского народа весьма важно усадить гостя на почетное место, этому придается большое значение в народной ментальности. А в интервью журналист, используя сакральную лексему, намекает на то, что казахский язык до сих пор не занял полагающееся ему место в обществе и не реализовал свой конституционный статус. Становится ясно, с какой целью использовалось это сакральное слово в данном контексте. ***Төрге шығу (шығару)*** ‘занять (посадить на) почетное место в доме’ – это значит проявлять уважение, признавать статус, располагать в соответствии с правилами [ҚӘТС, Т.14, 350]. Таким образом, использование в данном интервью этого слова еще раз доказывает справедливость утверждения А. Керимбаева, отмечавшего, что «названия структурных частей юрты и слова, обозначающие предметы казахского быта – ***шаңырақ*** ‘сквозной купол юрты’, ***төр*** ‘почетное место в доме’, ***босаға*** ‘порог дома’, ***ошақ*** ‘очаг’ и т.д. – выполняют утилитарные функции и наполнены сакральным смыслом, имеющим семиотическое значение» [Керімбаев, 2007, 9].

Привлекает внимание и словосочетание ***болат сауыт*** ‘*стальная кольчуга, броня*’ в названии этого интервью. Для казахского общества и словосочетание *стальная кольчуга* занимает особое место, так как во все времена она сохраняла жизнь воинам и защищала мужчин, воевавших с врагами. Следовательно, в этом наименовании наряду с номинативным значением также есть символический смысл. Обратим внимание на значение слова ***сауыт*** ‘кольчуга’: *1. Одежда воинов в виде рубашки с коротким рукавом, сплетенная из мелких железных колец, предназначенная для защиты воина от таких видов оружия, как лук, меч, копье. 2. Средство защиты от внешних воздействий* (переносное значение). Вслед за великим Абаем, который говорил: «*Для науки, разума надежной* ***кольчугой*** *(защитой) служит характер, воля*», Ф. Онгарсынова, мастерски умевшая раскрывать глубинный смысл слов, сравнила свой характер со *стальной кольчугой* [ҚӘТС, Т. 13, 39]. А сталь – это прочный металл, из которого изготавливались кольчуги. В казахском языковом сознании слово *сталь* приобрело переносное значение, используемое для характеристики сильного, твердого, стойкого человека [ҚӘТС, Т. 3, 462]. Поэтому *стальную кольчугу* Ф. Онгарсыновой можно понимать как уникальное свойство ее стойкого характера, защищающее от внешнего воздействия ее внутренний мир, интеллектуальное и духовное богатство. Об этом свидетельствуют и слова самой поэтессы, которые она озвучила в интервью: *«... Я научилась свободно излагать свои мысли, чтобы мной не управляли. Мой характер, прослывший в народе «суровым, жестким» – моя стальная кольчуга (****болат сауытым****), которая до сих пор меня защищает»*.

Следующая языковая единица с сакральным значением встречается в интервью с писателем Т. Абдиком «*Бізде көптеген адамдар әлі күнге дейін баяғы кеңестік санамен өмір сүріп жүр*» (*«Многие из нас до сих пор живут с советским сознанием»)*, опубликованном на портале Abai.kz 07.06.2013. Он ответил на вопрос журналиста так: *«Советская империя в какой-то момент рухнула. Вместе с ней ушла советская литература, история которой насчитывает более 70 лет. Лишь немногие произведения смогли вписаться в новую эпоху. Те личности, кого мы считали «исполинами», в мгновение падали с «****постамента»(тұғырынан)****.* В казахском понимании ***тұғыр*** ‘постамент, основание’ – слово, обозначающее одно из мест, считающихся священным, сакральным смыслом. В интервью слово *тұғыр ‘постамент’* в сочетании со словом *түсу* ‘падать’ имеет фразеологическое значение. В словаре есть следующие определения слова *тұғыр: 1. Место посадки хищных приученных птиц (беркут, ястреб, сокол и т. д.), высокое деревянное приспособление. 2. Верховая, племенная лошадь. 3.* Фразеологизм *тұғырынан тайды (түсті)*(букв: *упал с постамента (ушел)* означает «лишился власти, утратил былой высокий статус, влияние» [ҚӘТС, Т. 14, 406–407]. В этом тексте респондент с помощью этих слов подчеркивает, что известные поэты и писатели, несмотря на свой авторитет, остались невостребованными, а некоторые из их произведений морально устарели и утратили интерес читателей.

Вышеупомянутые участники интервью – это поэты и писатели, в совершенстве владеющие всем богатством родного языка и достойно представляющие его в своих произведениях как ценное национальное наследие. Использование в общении сакральных слов, близких к казахскому менталитету, является отличительной чертой языковой личности каждого из них. Потому что умелый подбор таких единиц, мастерская реализация их переносного значения наряду с прямым в зависимости от контекста, доказывают, что закрепленная в сакральных словах фоновая информация прочно обосновалась в их языковом сознании.

Частое использование сакральных слов, их перевод из пассивного словаря в активный поможет нам возродить наше национальное сознание, глубже познать наше прошлое. Потому что традиции, обычаи, религия, обряды, культура и духовный мир народа – все это находит всестороннее отражение в языке. Изучая роль сакральных языковых единиц в речи мы получаем возможность через язык познать казахскую национальную самобытность.

Литература

Әбжанов Х. Сакралды география. Ол не? // Егемен Қазақстан. 28.02.2018. URL.: https://egemen.kz/article/165526-sakraldy-geografiya-ol-ne{Abzhanov Kh. Sacred geography. What is it? Egemen Kazakhstan. 28/02/2018. URL.: https://egemen.kz/article/165526-sakraldy-geografiya-ol-ne}

Есімова Ж.Д. Сакральды мәнді сөздердің табиғаты // ҚазҰУ хабаршысы. Филология сериясы. 2014. №6 (152). Б. 144–148.{Esimova Zh. The nature of sacred meaning words. Science magazine «Herald KazNU». Philological series. 2014. No 6 (152). P. 144–148.}

Керімбаев А.Е. Қазақ тіліндегі сакральды атаулардың этнолингвистикалық сипаты: филол. ғыл. канд. дисс. автореф. Алматы, 2007. 27 б.{Kerimbayev A.E. Description of ethnolinguistic sacred names in kazakh language: Candidate of Philological Sciences, synopsis of dissertation. Almaty, 2007. 27 p.}

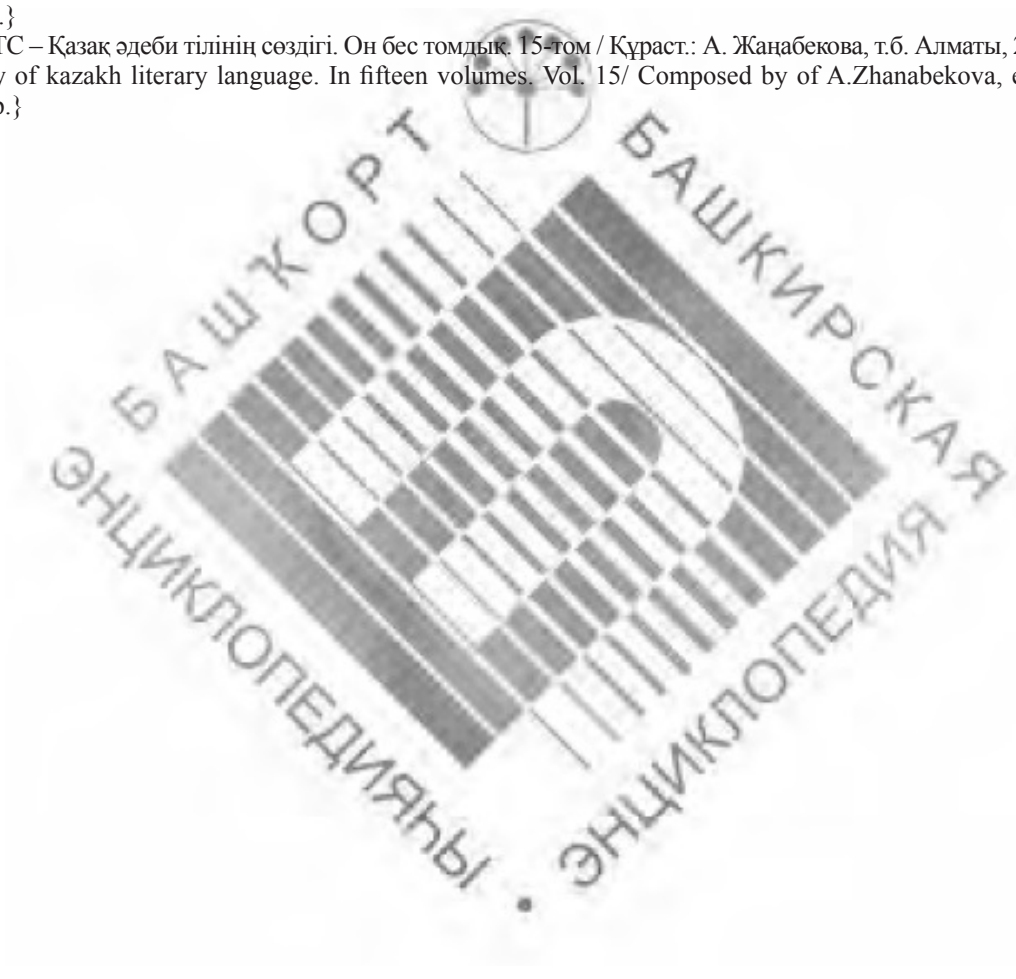
ҚӘТС – Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 3-том / Құраст.: Б.Сүйеркұлова, т.б. Алматы, 2006. 744 б.{Dictionary of kazakh literary language. In fifteen volumes. Vol. 3/ Composedby of B.Suierkulova, etc. Almaty, 2006. 744 p.}

ҚӘТС – Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 11-том / Құраст.: Ж. Манкеева, т.б. Алматы, 2011. 752 б. {DictionaryofkazakhliterarylanguageIn fifteen volumes. Vol. 11/ Composed by of Zh.Mankeeva, etc. Almaty, 2011. 752 p.}

ҚӘТС – Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 13-том / Құраст.: А. Фазылжанова, т.б. Алматы, 2010. 752 б.{Dictionary of kazakh literary language. In fifteen volumes. Vol. 13 / Composed by of A. Phazylzhanova, etc. Almaty, 2010.752 p.}

ҚӘТС – Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 14-том / Құраст.: М. Малбақов, т.б. Алматы, 2011. 800 б. {Dictionary of kazakh literary language. In fifteen volumes. Vol. 14/ Composed by of M.Malbakov, etc. Almaty, 2011.800 p.}

ҚӘТС – Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 15-том / Құраст.: А. Жаңабекова, т.б. Алматы, 2011. 824 б. {Dictionary of kazakh literary language. In fifteen volumes. Vol. 15/ Composed by of A.Zhanabekova, etc. Almaty, 2011. 824 p.}



УДК 811.512.141

М.И. Багаутдинова, г. Уфа

ПЕДАГОГ ОТ БОГА

В статье рассматриваются 5 степеней педагогической профессии, яркое воплощение которых видится на примере жизненного пути доктора филологических наук, профессора Ф.Г. Хисамитдиновой.

***Ключевые слова**: педагог, башкирский язык, Ф.Г. Хисамитдинова, преподавание.*

***TEACHER GOD GIVEN**: The article deals with 5 degrees of the teaching profession. Their bright embodiment is seen on the example of the life path of a leading scholar, Doctor of Philosophy, prof. F.G. Khisamitdinova.*

***Keywords**: teacher, Bashkir language, Khisamitdinova F.G., teaching.*

Известному ученому, доктору филологических наук, заслуженному деятелю науки Республики Башкортостан и Российской Федерации, члену-корреспонденту Академии наук РБ, кавалеру орденов Дружбы народов и Салавата Юлаева Республики Башкортостан, профессору Фирдаус Гильмитдиновне Хисамитдиновой – 70 лет.

Она из числа таких сильных и энергичных личностей, которые обладают неутомимым трудолюбием, высокой работоспособностью, умеют проявлять решительность, активность и настойчивость в достижении поставленных целей. Все, чего она достигла в жизни – это результат ее огромного труда, исканий, оптимистического взгляда на жизнь, способности всегда поддерживать высокий жизненный тонус.

С детства Фирдаус Гильмитдиновна отличается старательностью, тягой к знаниям. Вся ее жизнь связана с учебой: сначала училась в школе д. Рахметово, потом в Белорецком педагогическом училище, далее в Башкирском государственном педагогическом институте (БГПИ). В 1976 году поступила в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР. В 1980 году успешно защитила кандидатскую диссертацию, а в 1993 году – докторскую диссертацию. Она всегда верна своему слову: «В учении нельзя останавливаться».

В XIX веке К. Цеткин писала: «Женщина не рождается педагогом, точно так же, как и мужчины не рождаются солдатами и художниками. Способность к педагогической деятельности, как и все другие таланты, присуща не определенному полу в целом, а отдельным индивидуумам того или иного пола». Следует понимать, что индивидуальные качества человеку достаются при рождении. Личностные качества приобретаются в процессе взросления.

Все понимают, что учитель – образ жизни, который проживается и переживается. Кратко рассмотрим степени, ипостаси педагогической профессии:

Учитель в первой степени – личность.
Учитель во второй степени – профессионал.
Третья степень учителя – ученик.
Учитель в четвертой степени – это исследователь.
Пятая степень: учитель – это гражданин.

Все эти степени получают полное воплощение в Фирдаус Гильмитдиновне, т.к. она – педагог от Бога.

Однажды выбрав профессию учителя, Фирдаус Гильмитдиновна не ошиблась. С тех пор, где бы и кем бы она ни работала, в душе остается учителем, педагогом. Не только простым учителем, а тем учителем, который прошел все пять степеней, ипостасей педагогической профессии.

В годы работы учителем в д. Шигаево Белорецкого и д. Утаймуллино Аургазинского районов как учитель в первой степени она стала личностью. Так начиналось ее призвание. В годы работы старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой, деканом в Башкирском государственном педагогическом институте (ныне – БГПУ им. М. Акмуллы), как учитель во второй степени, стала профессионалом. Только настоящий профессионал может зажечь в сердцах учащихся, студентов искорку знаний. Так, впоследствии многие ее студенты стали не только учителями школ, но и заинтересовались наукой, проводили исследования и стали кандидатами и докторами наук.

С 1985 года Фирдаус Гильмитдиновна преподавала в БГПИ. Студенты с первых дней учебы оценили ее ум, эрудицию, богатство педагогических идей и с интересом посещали лекции. Ее способность интересно, увлекательно, в живой форме общения передавать знания встречается крайне редко. Она учит, не заставляя учиться. Умеет вызвать интерес к слову, к изучению родного языка, освоению истории родного края. Ненавязчиво, на ярких примерах, чаще всего из своего богатого жизненного опыта, подводит она к решению того или иного вопроса, воспитывает исследовательский интерес, стремление найти истину. Например, неожиданно произнеся редкоупотребительное слово, затем дает исчерпывающий ответ по поводу его появления или функционирования в языке. Так, рассматривая причины того, почему смородину русские назвали *смородиной* (от *смрад* – по запаху), а башкиры – *ҡарағат – ҡара+ҡат* букв. ‘черная + ягода’ – по цвету плода растения). Таким образом, она ненавязчиво, мудро воспитывает культуру мышления и подводит оппонента к поиску осмысления роли логики в языковом мышлении.

С 1987 по 1992 год Фирдаус Гильмитдиновна заведовала кафедрой башкирской филологии, затем стала первым деканом (1992–1995 гг.) факультета башкирской филологии Башкирского государственного педагогического института. Неоценима ее работа по созданию этого факультета, кафедр башкирского языка, башкирской литературы и культуры, башкирско-английского, башкирско-турецкого, башкирско-немецкого отделений. Работая в вузе, она своевременно увидела насущные проблемы и потенциальные перспективы национального образования, учитывая которые была разработана «Концепция обучения башкирскому языку», составлены и изданы учебно-методические пособия по языкознанию, истории башкирского языка, истории и культуре Башкортостана. Идеи, методические находки ученого, получившие отражение в учебно-методических пособиях, неоднократно издававшихся не только в республике, но и за рубежом, были положительно оценены, поддержаны научным сообществом и учителями-практиками.

«Участь каждого из нас небом решена», – говорится в народной поговорке. Иногда бывает так, что участь человека решает случай. К примеру, со мной так и было. Будучи учителем русского и башкирского языков сельской школы, я выступила с докладом об этнографической лексике на научно-практической конференции в Уфе. Материал был интересным, малоизученным, поэтому сразу из трех вузов (СГПИ, ИИЯЛ, БГПИ) я получила предложение поступить в аспирантуру. Но в последующем моим наставником, научным руководителем стала Ф.Г. Хисамитдинова, ближе познакомившись с которой я была очарована ее личностными и лидерскими качествами. Она видит в человеке доброе, созидательное начало и учит главному: поиску своего достойного места в жизни. «В учении нельзя останавливаться», – говорила она всем аспирантам. Направление моих исследований оказалось весьма плодотворным, и в 1997 году я под руководством Фирдаус Гильмитдиновны первой среди ее учеников защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Третья степень учителя – ученик. Чтобы учить других, надо постоянно учиться, совершенствоваться самому. Человек учится, работая над собой, учится, когда передает свои знания другим. Как мы знаем, в 1995–1998 гг. Ф.Г. Хисамитдинова работала министром народного образования Башкортостана. Это говорит о многом, потому что работу учителя она знала не понаслышке, сама своим усердным трудом прошла путь от простого учителя до министра образования.

Фирдаус Гильмитдиновна – инициатор многих нововведений, которые происходили и происходят в сфере образования. Например, проведение телеуроков башкирского языка. Это был пример действительного практико-ориентированного обучения. Говорят, чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь. Фирдаус Гильмитдиновна, одинаково любя башкирский язык и тех, кто изучает этот язык, всей душой болеет за родной язык, она всегда подчеркивает важность и ответственность перед будущими поколениями за сохранение родного языка. Своим энтузиазмом, глубиной видения существующих проблем, способностью убеждать в годы работы министром народного образования Республики Башкортостан Фирдаус Гильмитдиновна оказала содействие открытию башкирских школ, гимназий, лицеев, профильных лицей-интернатов в городах и районах республики. В непростые, сложные времена смогла убедить руководителей республики начать строить, открывать различные учебные заведения и многое другое… Незаурядная личность поступила очень мудро.

Четвертая степень – это исследователь. Будучи студенткой, она стала исследователем и эту ипостась она проходит до сих пор. Поражает диапазон научных интересов Ф.Г. Хисамитдиновой: историческая фонетика, ойконимия, терминология, топонимика, мифология, антропонимия, исследование истории башкирского языка, диалектология, ономастика, лексикография, лексикология

в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении, социолингвистика, тюркология. С результатами своих исследований Ф.Г. Хисамитдинова регулярно выступает на научных форумах, в том числе и на международных. Многие ее идеи получили освещение в многочисленных публикациях – книгах, статьях, тезисах.

Пятая степень: учитель – это гражданин. Как лицо, занимающее активную жизненную позицию, глубоко осознающее свой патриотический долг и ответственность по отношению к Родине, народу, национальным ценностям, святыням, культуре, Фирдаус Гильмитдиновна активно участвует в общественно-политической жизни страны, в выработке важнейших государственных решений, последовательном проведении их в жизнь. Следует сказать, что она обладает харизмой, т.е. способностью располагать к себе других людей, мотивировать их. Уверенность, обаяние и излучаемая энергия – основные составляющие ее харизмы, и вся суть, наверное, в силе ее духа.

Таким образом, Ф.Г. Хисамитдинова – учитель (в широком смысле слова), педагог от Бога. И сегодня она продолжает проходить путь учителя – длиною в жизнь, не теряя на этом пути ни одной ипостаси, ни одной грани из пяти, совершенствуя свое мастерство и профессиональную зоркость, ведя за собой учеников в поисках истины. В день замечательного юбилея выражаю слова искренней благодарности и признательности своему учителю, наставнику, научному руководителю Фирдаус Гильмитдиновне.

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 81’27

К.С. Богатчикова, С.В. Востриков, г. Смоленск

ЯЗЫК И ЭТНОС В КОНТЕКСТЕ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

В условиях интенсификации трансграничных коммуникаций особую значимость приобретают этноязыковые факторы и культурно-ценностные «маркеры самоидентификации». В данном контексте важно учитывать исторические и цивилизационные особенности как Запада, так и Востока. Следует обращать внимание на актуальную проблему «языковой экспансии». Для России на современном этапе важно осуществлять укрепление собственного «языкового суверенитета». В рамках общегосударственной политики следует расширять сферу своего лингвокультурного присутствия в общемировом пространстве, активизировать взаимодействие с зарубежными «контактерами», используя многосторонние гуманитарные обмены, возможности межгосударственного, научного и межвузовского сотрудничества.

***Ключевые слова**: язык, этнос, речь, исторические, цивилизационные, лингвострановедческие, психоментальные факторы, конфликты, дистанции, международная нестабильность.*

LANGUAGE AND ETHNICITY IN THE CONTEXT OF A CHANGING WORLD. *In the context of the intensification of cross-border communication, ethno-linguistic factors and cultural-value “markers of self-identification” are of particular importance. In this context, it is important to take into account the historical and civilizational features of both the West and the East. We should pay attention to the current problem of “language expansion”. For Russia at the present stage, it is important to strengthen its own “language sovereignty”. As part of the national policy, it is necessary to expand the scope of its linguistic and cultural presence in the global space, to intensify interaction with foreign “contactees”, using multilateral humanitarian exchanges, opportunities for interstate, scientific and inter-University cooperation.*

***Keyword**: language, ethnicity, speech, historical, civilizational, linguo-cultural, psychomental factors, conflicts, distances, international instability.*

Исследование языковых и этнокультурных взаимодействий через призму многоуровневых коммуникаций дает возможность более глубокого проникновения в генезис и специфику эволюционных изменений разных цивилизаций; позволяет установить динамику и вероятные последствия подобных трансформаций, определить «лингвокультурные близости/удаленности «контактеров», их взаимосвязи с этнополитическими процессами. Именно системно-интегративный подход позволяет выявить полиморфизм, объективный уровень комплиментарности между этноязыковыми группами, степень их готовности к взаимовосприятию и адаптации в условиях нестабильности и турбулентности [Востриков, 1997].

Как известно, человек – существо «словесное». Устная речь человека рождается при помощи телесного «языка», т.е. «язык» понимается как «изустная речь» («речь из уст»). И.И. Срезневский подчеркивал: «Язык не есть лишь «средство общения», – это, прежде всего, системообразующий стержень и достояние каждого народа». В материалах Словаря древнерусской письменности содержится 28 значений термина «слово». Огромная сила воздействия слова, как установили ученые-генетики и нейролингвисты, объясняется тем, что наш наследственный аппарат и ДНК суггестивны, высоковосприимчивы к информации, содержащейся в словах (не только звучащих, написанных, но и осмысленных). Слово, которое представляет собой квантово-волновое поле, способно облучать и влиять на приемный аппарат респондента, сознание, психику и поведение не только отдельных индивидов, но целых этносов и народов. Вильгельм Гумбольдт отмечал: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык…». Причем языковые и этнические взаимодействия динамичны, подвижны, подвержены трансвременным метаморфозам. Наглядной иллюстрацией тому может служить эволюция этноязыковых взаимодействий между двумя северными «соседями-контактерами» Евразии: корни самых ранних контактов прапрапредков финно-угров и русичей уходят в очень глубокую старину и восходят к их изначальной общей прародине – южносибирскому ареалу.

В карельском эпосе «Калевала», большинстве древнеугорских рун, саг и преданий указано конкретное место зарождения данного этноса – в глубинах Сибири, в районе Большого Алтая. Как указывал всемирно известный ученый-языковед И.А. Бодуэн де Куртене: «В недрах Сибири, у подножия

Алтая стояла колыбель финского народа». Соседний с ним регион Семиречья, по мнению академика А.А. Шахматова, стал центром «теплого пятна» (где сохранилась живая жизнь), когда остановилось продвижение на юг последнего ледника. После отступления ледника первыми спустились вниз с горно-алтайского плато и начали свою миграцию (этот транзит продолжался тысячелетиями) в северо-западном направлении племена прапрапредков финно-угров: ханты и манси осели в Зауралье; племена эстов, вепсов, карелов, ижора, мордва, саамы, меря, зырян, коми, удмуртов, марийцев освоили обширные территории устья Невы, Приладожья, Приполярья, Вятки, Валдая, побережья Балтии, Беломорья (в процессе миграционной волны от обско-угорской ветви отделилась самостоятельная группа (остяков), продолжившая движение и осевшая позже на Среднедунайской равнине, и, ставшая основой мадьяро/венгерского этноса. – Прим. авт.); племена сумь («суоми») и емь («тавастала») заселили глубинные регионы западнее Карельского перешейка – Суоменселькя, Салпаусселькя, побережья Ботнического залива.

Позднее из Семиречья в западном направлении двинулись и праславянские племена, которые перевалив Урал, стали расселяться на Среднерусской возвышенности, в Поднепровье, Поволжье, Поморье, Придвинье, Понеманье, Померании, Ингерманландии, Порусье, Полесье. В ходе этого процесса они начали коммуницировать с финно-угорскими племенами. По оценке С. Лурье и А. Ишимовой, и столетия назад между славянскими и финно-угорскими племенами существовали взаимно комплементарные отношения, развивались процессы сближения, аккультурации. Академик Д. Лихачев акцентировал внимание на давней общей истории финно-угров и руссов, отсутствии этнонегативизма. Так, несмотря на кажущуюся «удаленность» языковых дистанций, в русском языке обнаруживается много слов, имеющих финно-угорское происхождение (например, «корюшка», «чудо», «русалка», «Валдай», «Москва»), а в финском – заимствований из древнеславянского («серп», «ложка», «грамота», «сапоги»). Языковые факторы играли важнейшую роль в создании новых идентичностей, подвергаясь одновременно сложным трансформационным изменениям «сближения – отдаления», и переживая циклы своеобразных «спадов – подъёмов». Так, в русско-финских отношениях можно выделить (условно) период подъема, который приходится на начало – середину XIX в., когда финский язык был уравнен в правах со шведским, а затем получил статус государственного, были открыты школы, гимназии на финском языке, происходило расширение этноязыковых, культурных, гуманитарных контактов между северными соседями; на рубеже XIX – XX вв. начинается цикл «отдаления», который после появления в 1917 – 1918 гг. на постимперском пространстве новых идентичностей (Республики Финляндии и РСФСР), вступил в полосу затяжного «охлаждения», переросший к середине XX в. в жесткое «противостояние», апогеем которого явились вооруженные конфликты 1939 – 1940 гг. и 1941 – 1944 гг. Эти «фоновые факторы» не могли не отразиться на социокультурных отношениях и этноязыковых взаимодействиях, которые подверглись серьезным негативным деформациям. Пройдя через испытания и сложности, в послевоенный период ситуация постепенно выправляется, а затем и входит в цикл нормализации.

Рассматривая этнокультурный контакт как акт двуязычной межкультурной коммуникации необходимо учитывать различия истории, межнациональных параметров и менталитета её участников. В то же время контактирующие в переводе языки сами являются носителями национальных культур, нашедших отражение в их лексико-семантических системах и значениях отдельных единиц [Алимов, 2006]. Очевидно, что если речь идет о языковой культуре Запада (в широком смысле этого слова), то здесь вопрос более или менее ясен: имеется в виду, как правило, культурная традиция, восходящая в своих истоках к греко-латинскому миру. На Востоке же такой единой культурной традиции попросту нет [Бромлей, Пучков, 1989].

Так, например, англосаксы, даже не представляли себе величины «языковых дистанций», существующей между языком «триумфаторов» (т.е. английским) и японским и китайским языками, когда по окончании II Мировой войны взялись за внедрение в Японии и на Тайване «демократических свобод», «либеральных ценностей» и т.п. Проблема заключалась в том, что изначально в японском языке вообще отсутствовало слово «свобода», а некоторое его подобие носило негативный оттенок. Генералу Мак Артуру пришлось преодолевать множество трудностей, когда он продавливал «демконституцию» для поверженной Японии – прямую кальку с конституции США: переводчикам, не находившим адекватных языковых эквивалентов, приходилось прибегать к описательно-расширительной методике, дополнительным комментариям и «расшифровкам» незнакомых понятий. Схожая ситуация имела место быть и с китайским языком, где чужеродное выражение «демсвободы», переведенное с английского буквально, носило совершенно ругательно-бранный смысл.

Дело тут не только в объективно существующей «удаленности» между разными языками, но и в глубоких различиях между синтоистской и конфуцианской цивилизациями, с одной стороны, и,

евроатлантической, с другой, т.е. речь идет о глубинных различиях архитектоники самих систем ценностных ориентаций, культур, традиций, религий, менталитетов [Китанина, 2017]. При освобождении Курильского архипелага (1945 г.) советскому командованию пришлось столкнуться с аналогичной проблемой: первоначально листовки, обращения к японским гарнизонам, дислоцированным на островах, с требованием капитулировать, не принесли никакого результата, ибо древним самурайским кодексом «Бусидо» подобная акция квалифицировалась как величайшее преступление и несмываемый позор, неприемлемые для этики японского воина. Подсказка ученых-ориенталистов (заменить термин «капитуляция» на обращение «сложить оружие», что допускалось по отношению к достойному и сильному противнику) принесло необходимый эффект: большинство гарнизонов во главе с командующим японской группировкой войск на архипелаге сложило оружие.

В процессе коммуникации не менее значим скрытый внеязыковой – психоментальный [Райгородский, 2006] и этнокультурный [Перехвальская, 2016] – подтекст социолингвистической конструкции. «Языковые дистанции» и «фоновые факторы» нередко выступают в качестве своего рода триггера конфликтных процессов [Гуревич, 2006]. Например, один из первых очагов напряженности на постсоветском пространстве первоначально возник в рамках сугубо этноязыкового дискурса: дискуссия между лидером абхазской общины доктором филологических наук В. Ардзинба и грузинским политиком З. Гамсахурдиа стремительно переросла в кровопролитную этнополитическую войну [Востриков, 2019]; одним из катализаторов затяжного кризиса на Украине стала именно «языковая проблема», т.е. тотальная силовая «украинизация» образования, культуры, масс-медиа, делопроизводства; аналогичная ситуация «языковой конфронтации» наблюдается в настоящее время в Латвии; стремление верхушки Молдовы к «румынизации» также привело к фактическому расколу общества. Сегодня, в условиях динамично меняющегося мира, когда одновременно актуализируются как проблемы модернизации, так и самоидентификации, важно определиться с выработкой сбалансированной и гибкой этносоциальной и языковой политики. Игнорирование историко-лингвистических и культурологических аспектов жизнедеятельности не только деструктивно само по себе [Вашкевич, 1994], но и способно вызвать обострение конфликтогенных факторов [Востриков, 2019].

Сопредседатель Совета международного сотрудничества при ООН Г. Шмидт, оценивая современную ситуацию в мире, также отметил, что сами понятия «свободы», «прав человека» нередко применяются западным сообществом для достижения единоличного доминирования на мировой арене и как мощный инструмент внешнеполитического давления преимущественно на суверенных международных акторов. Он подчеркнул: «Причем делается это выборочно: по отношению к Китаю, Ирану или Ливии, но никогда применительно к Саудовской Аравии, Израилю или Нигерии. С другой стороны, концепция «прав человека», воспринимается многими мусульманами, приверженцами индуизма и конфуцианства как типично западная, а иногда даже как инструмент продления западного господства. Кроме того, мы слышим, особенно в Азии, обоснованный и заслуживающий серьезного к себе отношения упрек в том, что эта концепция недооценивает или вовсе не признает необходимости положительных нравственных качеств человека, его обязанностей и ответственности по отношению к семье, общине, обществу или государству» [Snyder, 1980]. В условиях ценностных культурно-цивилизационных и групповых конфликтов из-за власти, территории, статуса именно язык нередко приобретает значение этноконсолидирующего или дифференцирующего символа общности. Деградация культуры речи, замусоривание собственного языка иноземными заимствованиями приводят не к сближению языков, а к появлению деформированных косноязычных формирований, вроде германо-американизированного «герлиш», или франко-трансатлантического «лингвобульона» наподобие «франгле».

В условиях «отдаления языковых дистанций» возникает вопрос: есть ли формула цивилизованных методов регулирования языковых отношений? Общемировая практика (в т. ч. непосредственных соседей России) дает положительный ответ на этот вопрос. Так, в Финляндии, где исторически существует консолидированное этноязыковое шведское меньшинство (около 10 % населения), это был вариант национально-территориальной автономии Аландских островов, где компактно проживающее этноязыковое шведское «меньшинство» составляет подавляющее «большинство». Статус и гарантии в отношении преподавания на шведском языке в школах, гимназиях, выпуска на нем печатной продукции, деятельности СМИ были закреплены в соглашении 1922 г.; позднее эти положения были внесены в Конституцию Финляндии (опыт Аландской автономии признан одним из лучших в мире. – Прим. авт.). В соседней Беларуси используется несколько иная модель конституционно-правового регулирования языковых отношений. Как отмечает белорусский ученый-филолог Т.П. Слесарева: «Современная Белоруссия – это республика, в которой русский язык выступает не только как язык межнационального

общения, но и как широко используемое средство внутринационального общения. Закон «О языках в Республике Беларусь», принятый весной 1998 г., закрепил принцип двуязычия» [Слесарева, 2011, 277]. Обе модификации (при всей их специфике) успешно функционируют на протяжении десятилетий, что подтверждает возможность применения поливариантных подходов к решению столь сложных, тонких и деликатных проблем.

Как показывает комплексное изучение этнокультурных факторов, влияющих на языковое развитие, базовой основой билингвизма является, как правило, близость «языковых дистанций» (или родство языков), но не только. Ибо билингвизм явление не только языковое, но и социальное, поскольку в основе возникновения, распространения и функционирования двуязычия всегда лежат социально-исторические условия [Taifel, 1997]. Это относится и к России, которая онтогенетически, исторически, цивилизационно представляет собой уникальное этноязыковое (и трансконтинентальное) пространство [Williams, 1997], охватывающее территорию от Тихого океана до Балтийского моря. На этих просторах самой природой столетиями формировалась удивительная мозаика, в полифонию которой органично вписывался и вплетался «всяк сущий в ней язык». Множество наций и народов инкорпорировалось в державное тело России, сохраняя свои особенности: языки, этнические культуры, традиции. В большинстве российских республик используется двуязычие; в некоторых из них задействуется и модель полилингвизма. Такая вариативность позволяет учитывать все богатство своих национальных языков, традиций и культур.

В условиях социоэкономических коллизий и турбулентных процессов последних десятилетий система этноязыковых взаимодействий подверглась серьезным испытаниям, но эти сложности не смогли взломать общекультурного кода России, сложившегося на протяжении многих столетий, и поколебать близости языковых дистанций на огромном пространстве нашей страны, где русский язык являлся и является не только государственным языком, но и мощнейшим фактором объединения и общероссийской интеграции. Именно он представляет собой, по сути, структурообразующее ядро того исторического «государства – цивилизации», которое сложилось на просторах Евразии.

Начало XXI века, с «паутиной» Интернет, гибридными противоборствами, санкциями, «толерантностями», деградацией международного права, кибервойнами [Мягкова, 2016] – не внушает особого оптимизма относительно достижения элементарного взаимопонимания. Разумеется, столь масштабные сдвиги в современном обществе ведут к глубоким трансформациям и в языковой сфере, что отражается на параметрах этнолингвистических взаимодействий между различными акторами. Вследствие интенсификации трансграничных контактов, миграционных процессов [Востриков, Летуновский, 2018], расширения возможностей мультимедийных сетей происходит вытеснение некоторых «традиционных» языков, функционировавших на протяжении многих веков, которые постепенно заменяются более общеупотребительными языками. Таким образом, все более актуализируется проблема «языковой экспансии». Общепланетарная проблема обретения «совместного будущего в разобщенном мире» трудноразрешима [Востриков, 2019]. Несмотря на весь драматизм реальности, думается, что шанс пока еще есть [Snyder,1980]. Кризис недоверия преодолим через конструктивный и равноправный диалог [Востриков, 2016]: прежде всего между Востоком и Западом. На фоне усиливающейся хаотизации для России представляется важным не только осуществлять укрепление собственного «языкового суверенитета», но стремиться приумножать и расширять сферу своего лингвокультурного присутствия в общемировом пространстве, активизировать взаимодействие с зарубежными «контактерами», используя многосторонние гуманитарные обмены, возможности межгосударственного, научного и межвузовского сотрудничества, опираясь на комплиментарные диаспоры, общины и кадры, прошедшие ранее обучение в нашей стране. Очевидно, что решение этой важной общегосударственной задачи, требующей четкой организации и привлечения значительных интеллектуальных, информационных и материальных ресурсов, будет происходить в условиях острой конкуренции.

Литература

Алимов В.В. Теория перевода. М., 2006. 158 с. {Alimov V. V. Theory of translation. Moscow, 2006. 158 p.}

Бромлей Ю.В., Пучков П.И. Типология этнических процессов / отв. ред.Б.Б.Пиотровский. Всемирная история и Восток: сб. ст. М: Наука, 1989. 274 с. {Bromley Yu. V., Puchkov P. I. Typology of ethnic processes // Ed. B.B. Piotrovsky. World history and the East: Collection of articles.Moscow: Nauka, 1989. 274 p.}

Вашкевич Н.Н. Тайны происхождения языка. М., 1994. {Vashkevich N. N. Secrets of the origin of the language. Moscow, 1994.}

Востриков С.В. Запад – Восток: историко-культурные и языковые трансформации в контексте меняющегося мира // Формы культуры и противоречия современного общества: материалы международной научной конференции 27 апреля 2019 г. Донецк: ГОУВПО «ДОННТУ», 2019. 316 с. {Vostrikov S. V. West-East: historical, cultural and linguistic transformations in the context of a changing world // Forms of culture and contradictions of modern society. Proceedings of the international scientific conference April 27, 2019. Donetsk: GOUVPO «DONNTU», 2019. 316 p.}

Востриков С.В. Обыкновенный глобализм. Смоленск: Маджента, 2019, 311 с. {Vostrikov S. V. Ordinary globalism. Smolensk: Magenta, 2019. 311 p.}

Востриков С.В., Летуновский П.В. Россия на фоне миграционных трансформаций // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 9 (123). {Vostrikov S.V., Letunovsky P.V. Russia against the background of migration transformations // Ethnic society and international culture. 2018. № 9 (123).}

Востриков С.В. Россия в трансформирующейся системе международных отношений: монография. Смоленск: Маджента, 2016. 191 с. {Vostrikov S.V. Russia in the transforming system of international relations: monograph. Smolensk: Magenta, 2016. 191 p.}

Востриков С.В., Богатчикова К.С. Индийский федерализм в мировом измерении: правовые и историко-политические основы. Учебн. пособие. Смоленск: Универсум, 2009. 72 с. {Vostrikov S.V., Bogatikova K.S. Indian federalism in the world: legal and historical-political basis. Training. stipend. Smolensk: Universum, 2009. 72 p.}

Востриков С.В. Конфликты в «ближнем зарубежье» и стабильность в Азии. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. 258 с. {Vostrikov S. V. Conflicts in the «near abroad» and stability in Asia. Moscow: Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, 1997. 258 p.}

Гуревич П.С. Кризис ценностных ориентаций // Вестник аналитики. 2006. № 3. {Gurevich, P. S. the Crisis of value orientations // Bulletin of Analytics. 2006. No. 3.}

Зайцев В.В., Востриков С.В., Войтова С.П. Ноосферное мировидение и проблема выживания земной цивилизации. Смоленск: Маджента, 2018. 171 с. {Zaitsev V. V., Vostrikov S. V., Voitova S. P. Noospheric worldview and the problem of survival of the earth′s civilization. Smolensk: Magenta, 2018. 171 p.}

Китанина Э.А. Когнитивный характер иноязычного слова // Материалы международной конференции «Жизнь языков в культуре и социуме». М.: Институт языкознания РАН, РУДН, 2017. {Kitanina E. A. Cognitive character of a foreign language word // Materials of the international conference «Life of languages in culture and society». Moscow: Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences, RUDN, 2017.}

Мягкова Е.Ю. Цифровое слабоумие: миф или реальность // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. {Myagkova E.Yu. Digital dementia: myth or reality // Word and text: psycholinguistic approach: collection of scientific works. Tr. Tver: Tver. state. UN-t, 2016.}

Перехвальская Е.В. Этнолингвистика. М.: Юрайт, 2016. 351 с. {Perekhvalskaya E. V. Ethnolinguistics. Moscow: yurayt Publishing house, 2016. 351 p.}

Пищальникова В.А. СМИ как деструктивное информационно-коммуникативное пространство // Русский язык в школе. 2019. Т.80. №6. {Pishchalnikova V. A. mass media as a destructive information and communication space // Russian language at school. 2019. V. 80. No. 6.}

Райгородский Д.Я. Психология народов и масс. Самара: БАХРАХ-М, 2006. 524 с. {Raigorodsky D. Ya. Psychology of peoples and masses. Samara: BAKHRAKH-M, 2006. 524 p.}

Слесарева Т.П. Особенности преподавания культуры речи в условиях белорусско-русского двуязычия // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: материалы международной научно-практической конференции. Витебск, 27.05.2011г. Витебск: УО «ВГУ им. П.М.Машерова», 2011. 324 с. {Slesareva T. p. Features of teaching speech culture in the conditions of Belarusian-Russian bilingualism//Actual problems of border areas of Belarus and the Russian Federation: materials of the international scientific and practical conference. Vitebsk, 27.05.2011. Vitebsk: UO «VSU named after P. M. Masherov», 2011. 324 p.}

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис.1994. № 1. {Samuel P. Huntington Clash of civilizations // Polis. 1994. No. 1.}

Чернышев Д.Б. Об эстетической ценности языка // Ценности и оценки: проблемы философии и науки: сб. науч. ст. Смоленск: Универсум, 2006. 150 с. {Chernyshev D. B. about the aesthetic value of language//Values and assessments: problems of philosophy and science: a collection of scientific articles. Smolensk: Universum, 2006. 150 p.}

Цит. по: История всемирной литературы. Т. 2. М., 1984. 753 с. {History of world literature. Vol. 2. M., 1984.753 p.}

Schmidt H.//Zeit, 3.10.1997.

Snyder G. The Real Work. N.Y., 1980. 342 p.

Taifel H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Williams R.C. Russia Imagined: Art, Culture, and National Identity, 1840–1995. N.Y.: Peter Lang, 1997.

УДК 811.512.1

Дауренбек Ескекбаев, г. Нур-Султан

КАЗАХИ И БАШКУРТЫ – РОДСТВЕННЫЕ НАРОДЫ

В статье обсуждаются родственная близость происхождения казахов и башкуртов, их родо-племенной состав и сходства между их бытовой жизнью, обычаями и традициями в целом и связи в этнографической культуре. Важность исторических сведений и исторические корни в эпических сказаниях и устных литературах стали основой статьи.

***Ключевые слова**: башкурты, исторические и языковые связи, хозяйственный быт, этнографические особенности.*

***THE KAZAKHS AND BASHKURTS ARE KINDRED PEOPLES**. The relational affinity of origins of the Kazakhs and Bashqurts, their clan and tribal composition, similarity in their living environment, customs and traditions, in general, the relations in ethnographic culture are discussed in the article. The importance and historical origins of historical data in epic legends and folk literature have served as the base of the article.*

***Keywords**: Bashqurts, historical and language relations, economical living, ethnographic features.*

Известно, что башкурты и казахи издревле являются кочевыми, воинственными народами.Несколько веков неразрывно продолжаются общие свойства, встречающиеся в исторических судьбах казахов и башкуртов. С этой точки зрения бесспорно то, что основой этому послужили не только территориальная близость, но и историческое происхождение.Поэтому закономерным является наличие сходства в истории бытовых обычаев и хозяйственно-культурной жизни, связанных с их материальным и духовным миром. Языки обеих народов из западной гунской группы, относящейся к тюркской группе алтайских языков. Они отличаются только тем, что башкирский язык относится к кипчакско-булгарской, а казахский язык – к кипчакско-ногайской ветке. А нахождение башкиров в тесной связи с казахами на основе родословной, родовой тамги, эпических сказаний и фольклора и других сведений стало основой многих научных исследовательских трудов.

Много записей о территориальной близости двух народов встречаются в трудах путешественников и исследователей средневековья. Достойны внимания исследовательские записи известного ученого С.И. Руденко, в которых он пишет: «В домонгольское время, по преданию, башкиры разделялись на двенадцать основных родов, из которых семь были расположены на территории бывшей Уфимской провинции, а пять – в Зауральской ее части. В Уфимской провинции к западу от р. Ика жили бюлярцы, в верховьях рек Ика и по Деме – киргизы, в бассейне среднего течение р. Белой и правых ее притоков – табынцы, к югу от киргизов и табынцев большую территорию по общему сырту занимали кипчаки, а в верховьях р. Самары и на востоке в верховьях рек Самары и Урала – бурзяне» [Руденко,1955, 43].

Если обратиться к историческим сведениям, связанным с родственными отношениями между двух народов, в 1229 году монголы завоевали ханство Булгаров, расположенных на юго-востоке башкуртов, и в 1236 году башкурты тоже были вынуждены выплачивать товарный дань государству Золотая Орда [Рычков, 1762, ч. 2]. По сведениям Абильгазы,согласно установившимся правилам, в то время башкурты выплачивали десятую часть своего имущества [Абдул-Гази, 1906, 67].

Эти сведения также подтверждаются исследованиями Руденко, который писал о нахождении в одно время башкуртов под властью хана Казахской Орды Хакназара, который создал самостоятельное ханство, отделившись от Золотой Орды. Так, имеются следующие сведения: «Ногайский хан Акназар ... башкиры «принуждены были давать ему ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице, ...» [Руденко, 1955, 28].

В башкуртских легендах встречается имя ногайского властителя Акназара. Совпадение мнений исследователей разных времен указывает на близость этих легенд к правде. А.П. Чулошников указал

Акназара “потомок господ ногаев”, а Р.Г. Кузеев считал, что Акназар, который встречается в башкуртских легендах, соответствует Хакназару. По мнению А.Н. Усманова, легенды о Хакназаре в памяти народа и ногайском хане Акназаре смешались. Московский ученый В.В. Трепалов, отмечая мнение о том, что Акназар и Хакназар – одно лицо, указывает, что он взошел на трон в 1552 году [Избасарова, 2008, 65–66**]**.

Родственные отношения казахов и башкуртов можно увидеть также в записях Шакарима. Шакарим Кудайбердыулы в своей книге “Летопись тюркских, киргизских и казахских ханов” пишет: “Арабские писатели пишут, что башкурты являются тюркской расой, которая в давние времена смешалась финно-угорским народом”. В 1723 году после “периода откочевок основной массы казахского народа из родных мест из-за набегов калмыков” отделились от казахов и смешались с татарами из тех мест. Классы башкуртов это – минский (это мынгиты, которые стали калмаками и называющиеся родиной тогайлы родом из татаров) и табинский (это народы из племен *табын*, *кыпшак*, *тама*, *китай*, *кереи* из Младшего жуза), также *тазы кыргызи*. Исходя из вышеуказанных названий, можно узнать то, что башкурты являются казахами и состоят из разных родов.

Великий мыслитель, сказитель и отважный полководец Кожаберген ценитель Толыбай Даленулы (1663–1763) был знатным летописцем, также знатоком своего времени. Воспевал историю происхождения казахского народа, написав в эпосе “Исток происхождения” («Ата-тек»):

«Говорят девять народностей произошли от тюрков,
Есть слова, что играют они кюи на кобызе,
Башкурт и казах, ногай и каракалпак.
Четверых летописцы называют огузами,
Предок казахов – Тюрок Огуз,
Единство установил и благом обделил он свой народ».

Эти строки показывают, что сам сказитель был всесторонним, образованным человеком, также хорошо знал историю.

Немало общих у казахов и башкуртов родов и племен. В частности, племена аргын, кыпшак, керей, найман, табын, тама, тилеу, таз, тана, керейт, жагалбайлы, маскар, канлы, дулат, уйсин и другие являются общими племенами для обеих народов. Видимо, из-за оказания влияния этнического происхождения и наличия непосредственных территориальных связей на этнографическую культуру и историческую культуру, в их фольклоре, в том числе в сказках, исторических стихах, героических и лиро-эпических сказаниях много встречаются общих героев и сходств. Например, казахское лиро-эпическое сказание «Козы Корпеш Баян сулу» в башкуртской версии «Ҡуҙыйкүрпәс менән Маянһылыу», героическое сказание «Алпамыс» и «Алпамыша», так же как эпос «Ер Таргын», имеют место в истории культуры обеих народов. Наряду с этим, легенды об Алдар косе, Жиренше шешен (*оратор*), Ходжа Насреддине в качестве общих литературных персонажей передаются из поколения в поколение. Так как казахи и башкурты являются живущими бок о бок родственными народами со множеством сходств в быту, языке, сознании, то многие сказания и эпосы о батырах и бийях, переданных из эпохи Золотой Орды, Ногайской Орды, являются общим достоянием обеих народов. Стихотворные строки в исторических стихотворениях общеизвестного всему тюркскому народу сказителя, который свободно путешествует между реками Едиль и Жайык, Шалкииз Тленшиулы (1465–1560) находят свое отражение в трудах жившего двумя веками позднее башкуртского народного батыра, также национального поэта Салавата Юлаева (1752–1797). Творчество жившего во второй половине XIX века знаменитого поэта Акмоллы является общим наследием казахской и башкуртской литератур. Оставивший в казахской и башкуртской поэзии свой заметный след поэт Акмолла (М. Камалетдинулы, 1831 – 1895) – крупная фигура в башкирской литературе. В 1935 году Сакен Сейфуллин опубликовал сборник его произведений, а в 1986 году стихи поэта были второй раз опубликованы под названием “Дни и ночи”.

Казахи Младшего и Среднего жузов имели на севере самую протяженную границу с Башкортостаном. В течение сотни лет родственные два народа поселялись по обеим берегам реки Жайык, вели кочевой и полукочевой образ жизни и жили бок о бок. Так как вместе с казахами они были родственными народами, то естественной закономерностью являются различные общие признаки и сходства в их бытовых обычаях, языке и религиозно-этнографической культуре.

Из истории известно, что во второй половине XVII века роды части казахов Малого жуза кочевали до башкуртских земель между реками Уй–Миасс и на правом берегу реки Жайык. Это тоже является показателем тесного объединения двух народов с одной судьбой. В то время между башкуртами

и казахами нередко заключались брачные союзы. В ходе совместных праздников широко проводились такие соревнования между башкуртскими и казахскими батырами, как борьба, байге, стрельба из лука, искусство словесных соревнований.

Башкуртский и казахский народы не могли обойти степные законы, так как вели кочевой образ жизни. В быту кочевых народов имели место случаи как баранта (самовольный захват скота), кровная месть. Такой образ жизни является общим для обоих народов. Этнографический быт и лингвистические связи двух народов показывают наличие древних родовых отношений этих народов. В кочевом обществе, которое занимается животноводством, только одна семья не может владеть табунами лошадей и коров, отарами овец. Поэтому народная поговорка "даже если отравишься, будь со своим родом" появилась от нужд того общества. Из этого порядка ведения хозяйства среди казахов широко распространено «сауын», значит, семья с низким состоянием брала корову или кобылицу своего богатого сородича и зарабатывала на жизнь доением молока. Именно такой бытовой обычай был у башкуртов и назывался «һауын», и приход в помощь сородичей в летний сезон подготовки зимнего корма назывался у обоих народов «ома, ума» («өмә, үмә»), что может служить доказательством этнографических бытовых соответствий между двумя народами. Об этом в XVIII веке написал И.И. Лепехин, который исследовал народы, жившие на рукаве реки Жайык: «наварив мяса, накопив кумызу, созывают своих знакомцев и подчивают, которые за угощение помогают хозяину косить» [Лепехин, 1802, 277].

С.И. Руденко, который всесторонне исследовал историю башкуртов, пишет: «По сведениям, собранным в 1725–1726 гг. Юхневым, башкиры Сибирской дороги «хлеба не едят, но только лощадиное мясо, а пьют кумысы, или «по словам Лепехина, летом «Вся их провизия по словам в дороге состояла в небольших кусках сыру и турсуках кумысу, которых каждый имел по одному. А зимою из молока делають брагу и ирень (айран), – могут быть конкретным доказательством не только бытовой близости двух народов, но и исторической общей судьбы» [Руденко, 1955,55–56]. Посол Багдадского халифа к царю волжских булгар Ибн-Фадлан, посетивший Башкирию в 922 г., писал о башкирах: «Из них кое-что говорит, что у него двенадцать господь: у зимы господин, у лета господин, у дождя господин, у ветра господин, у деревьев господин, у людей господин, у лошадей господин, у воды господин, у ночи господин, у дня господин, у смерти господин, у земли господин, а господин, который в небе, самый большой из них, но только он объединяется с нами в согласии и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ... мы видели» [Ибн-Фадлана, 1939, 66–67].

И на территории Казахстана достаточно много свидетельств, подтверждающих данное мнение путешественника. Например, в археологическом комплексе "Камень с тамгой" («*Таңбалы тас*») в восьмидесяти километрах к западу Алматы, древняя история которого берет начало с самого бронзового века, расположены более ста различных памятников: поселения и кладбища, древние камнетесальни, рисунки на скалах и здания для поклонений (*места жертвоприношения*). Изображения, тесанные на каждом камне, могут доказать то, что люди той эпохи жили в тесной связи с природой. В петроглифе с изображениями "Бога солнца" и "Бога луны" на высокой и плоской скале на западной стороне ущелья явно заметны двенадцать существ, которые окружают двух "богов" и танцуют. Не случайно и количество людей, поклоняющихся Солнцу и Луне и считающих их великой силой, могуществом. Если учесть, что мы завершаем *мушелжас* при расчете возраста каждые двенадцать лет и год делим на двенадцать месяцев, то можно заметить связь, основанную на священном, тотемном уверовании [Молдахметұлы, 2016, 5].

Есть много сходств в доисламском вероисповедании казахов и башкуртов в XIX–XX вв. Например, достаточно много общих связей в магических действиях, встречающихся в традициях и обычаях по случаю рождения ребенка и связанные с его воспитанием, как вывешивание когтей орла, волка, совы со стороны подушки или на саму колыбель для "защиты от злых сил", вера в демонов, джинов, изгнание их огнем и другие [Толеубаев, 1991, 56].

Среди схожих поверий у казахов и башкуртов есть поклонение духам усопших, обхождение мест погребений, ночевка на святых могилах и др., также много сходств в ритуалах погребения. Одно из общих свойств для обоих народов – поминание усопшего после 3, 7, 40, 100 дней и сходства в проведении этих ритуалов. В целом у казахов, за исключением казахов западных регионов, то есть у казахов Младшего жуза, поминание ста дней после погребения не распространено. Наши непосредственные этнографические исследования показали, что поминание ста дней после погребения широко распространено среди казахов, живущих в Оренбургской области России, в том числе в роде Жагалбайлы Младшего жуза [Ескекбаев, 2001, 129]. Но некоторые иногда поминают на 52 день после смерти, что не встречается у казахов. По словам информаторов эта процедура пришла от соседних татар и народа ногаев, живущих в городе Орске. Причиной возможно является то понятие, что через

сорок дней после смерти у человека разделяются кость и мышцы, а после 52 дней начинают разрываться сухожилия, соединяющие костей. А источники не исключают, что такой обычай был также у татар [Ескекбаев, 2001, 149].

Известно, что до шестидесятых годов прошлого века казахи при непогоде, когда гремел гром и сверкала молния, выбивали наружные стены дома веником «сыпырткы» (у башкуртов «*сыбырткы*») с тем, чтобы черт не смог зайти в дом. Одно из древних поверий – огромные змеи, то есть в памяти народа имеют место понятия, связанные с драконом («аждаха» или «айдахар»). В памяти башкуртского народа драконы перешли гору Каф и тысячелетиями жили на берегу Северного ледовитого океана [Юлуев, 1892, 246]. А в мировоззрении казахов сформировано такое же понятие, только разница в том, что горами Кап называют Кавказские горы или древний Каратау. Возможно, поэтому казахи по сей день не убивают, а обливают молоком и выводят из домов змеи «жылан» (*у башкуртов «йылан»*), которые проникли в дом случайно. Но если путнику перейдет дорогу змея, то ее убивали плетью – камчой (*у башкуртов «камсы»*), потому что есть понятие, что плеть пропитала в себя запах лошади [Лепехин, 1802, 173].

У казахов сохранились экзогамические традиции, когда не допускается бракосочетание до семи поколений. Согласно сведениям, у башкуртов сохранилось до четырех предыдущих поколений (*как у кыргызов, узбеков, туркменов и т.д.*), и сохранился деление последующих поколений как отец, сын, внук – немере, правнук – шобере, шопшек, туажат (*у башкуртов тыуа ят*), журежат (*у башкуртов ете ят*). Перед выданьем девушки старейшины (аксакалы) двух родов обмениваются благословением – *бата* (*аят «Фатиха» в начале Корана*), с этого момента выплачивается часть калыма и должен быть выплачен полностью до полного выданья девушки. Единственная разница в том, что после благословения у башкуртов молодые пьют мед или кумыс, налитый из одной посуды, то у казахов молодые получали благословение старших, и только после совершения обряда никях муллой они из одной посуды с серебром на дне пили *воду «неке кияр»* или пили кумыс в качестве благословенной воды. У казахского народа есть длящиеся веками, свойственные ему традиции и обычаи при женитьбе сыновей или выданье дочерей. Известно, что по казахской традиции не выдают дочь замуж до достижения семи поколений родства между будущим мужем. Эти традиции и обычаи являются одним из отражений соблюдения экзогамической нормы, появившейся от заботы будущего поколения. Оренбургские казахи сохранили эту традицию. Об этом написал Левшин следующее: “Джагалбайлинцы не жениться на женщине принадлежащей к роду жагалбайлы, но будет искать себе жену в другом роде Семиродского поколения” [Левшин, 1862, 151]. Одним аспектом магических поверий казахов является то, что девушка до замужества сплетает одну косу, а после замужества – две косы и на конец косы цепляет украшение «*шашбау*». Это встречается и у башкуртов и украшение называется «сасбау» [Назаров, 1890, 182]. А мужской головной убор из шкуры или сукна «*құлақшын*» (*у башкуртов* «*колаксын*») и «күләпара» (*у башкуртов «көләпәрә»*) у обоих народов одинаково готовится и применяется.

Деревянную кровать-*колыбель* используют не только в Средней Азии и Кавказа, но и большинство народов, поселяющие земли Индии и Китая с небольшой разницей только в форме. Колыбель издревле широко распространена среди кочевых народов. Казахи колыбель – бесік (*у башкуртов* «*бишек*»), изготавливали из сосны, березы, в основном изгибая деревья. Такая колыбель является легкой, компактной, также крепкой и удобной для перекочевки. В целом есть два вида колыбели, одна наземная и предназначена для качания руками, а вторая навесная колыбель. Если у казахов она называется ангельдек (*«әңгелдек»*) или альпеншек (*«әлпеншек»*), то у башкуртов имеет название «сәңгелдек» с общим корнем. Ему исследователи дали следующее описание: «*колыбели-сәңгелдек – состоявщий из рамы, заплетенной лыком или затянутой холстом, подвешивалась на четырех веревках, прикрепленных к ее углам*» [Алекторов, 1886, 46].

Одна из традиций, которая является общей для двух народов и встречается у родственного татарского народа – это обычай зарезать одного из домашних животных, особеннно лошадь или барана. Одним из общих обычаев является зарезать животное только после благословения и спускать кровь животного в посуду или в яму. Эти условия строго соблюдались при ловле птицы. Даже если пойманная птица умрет пока охотник доскачет, то есть обычай, пришедший из ислама, когда забивают птицу и спускают кровь [Воробьев, 1953, 323].

В заключение подчеркнем, что ни один ученый, исследующий историю двух народов, не может отрицать то, что между казахами и башкуртами имеются много сходств в происхождении, хозяйственном быту, жизненном пути, языковой близости. Сильное сходство этнографических признаков во множестве ритуалов и обычаев, встречающихся начиная от рождения ребенка, его воспитания до

ритуалов погребения человека, доказывает, что легенды о происхождении и исторические сведения о них являются достоверными. Только один пример, широко распространенное в настоящее время у казахов искусство *айтыс* (словесное состязание песнями) также сохранился у башкуртов. Согласно документальным сведениям, состязания между поэтами *айтыс* казахов и башкуртов в XVIII веке проходили без переводчиков благодаря хорошему знанию поэтами обоих языков. В частности, достаточно упомянуть Байык Айдара, который состязался с поэтом сказителем Бухар жырауом. Он хорошо знал казахский быт и традицию, также свободно разговаривал на казахском языке. Наряду с этим, свойственные казахам эпические сказания и особо развитые в фольклоре жанры – искусство *толғау* и *терме* (песни назидания), тоже хорошо развиты. Прикладное народное искусство казахов и башкуртов также притягательны простотой и похожими узорами в украшениях. Можно перечислять близость в этнографической материальной культуре как при строении юрты, изготовлении конных снастей, одежды, головных уборов и др. Описать все это можно было бы в монографическом исследовании, но явно в объемах одной статьи это невозможно.

Литература

Абдуль-Гази. Родословное дерево тюрков. Сочинение Абдуль-Гази, Хивинского хана (Пер. и предисловие Г.С.Саблукова, с послесловием и примечаниями Н.Ф. Катанова). Казань, 1906; М., Ташкент-Бишкек, 1996. {Abdul-Ghazi. Family tree of the Turks. Collection of Abdul-Gazi, the Khiva Khan (Transl. and the preface by G.S.Sablukov, with an afterword and notes by N.F. Katanov). Kazan, 1906; M., Tashkent-Bishkek, 1996}.

Алекторов А.Е. Башкиры. Этнографический очерк // Оренбургский листок. 1885. № 46–52; 1886. № 1. 46 с.{Alektors A.E. Bashkirs. Ethnographic essay // Orenburg papers. 1885. No. 46–52; 1886. No. 1. 46 p.}

Воробьев Н.И. Казанские татары: (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань: Татгосиздат, 1953. 382 с. {Vorobiev N.I. Kazan Tatars: (ethnographic study of the material culture of the pre-October period). Kazan: Tatgosizdat, 1953. 382 p.}

Ескекбаев Д. Казахи Орынбора (историко-этнографическое). Алматы: Гылым, 2001. 178 с. {Yeskekbayev D. Kazakhs of Orynbor (Historical-ethnographicresearch). Almaty: Gylym, 2001. 178 p.}

Избасарова Г.Б. XVIII ғасырдағы қазақ башқұрт ара қатынастарындағы саяси және этникалық үрдістер. Ақтөбе: «ПринтА» баспаханасы, 2008. 65 с. {Izbasarova G.B. XVIII ғasyrdaғy қazaқ bashirt ara қatynastaryndaғ sayashi әne ethnicals қrdister. Aққө: PrintA Baspahanas, 2008. 65 p.}

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсакских Орд и степей / под общ. ред. акад. М.К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. 656 с. {Levshin A.I. Description of the Kyrgyz-Kazakh or Kyrgyz-Kaisak Hordes and steppes / Under the general. ed. of Acad. M.K. Kozybaev. Almaty: Sanat, 1996. 656 p.}

Лазаревский Ф. Свадебные обычаи у киргизов Оренбургского ведомства // Московские ведомости. 1862. № 151. {Lazarevsky F. Wedding customsof Kirghizs of the Orenburg department // Moscow Gazette. 1862. No. 151.}

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч.3. 277 с. {Lepekhin I.I. Daytime travel notes in various provinces of the Russian state in 1770. St. Petersburg, 1802. Part 3. 277 p.}

Лепехин И. И. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук в 5-ти томах. Т. 4. Пб., 1822, 173 с. {Lepekhin I.I. A complete collection of scholarly travels in Russia, published by the Imperial Academy of Sciences in 5 volumes. T. 4. Pb., 1822. 173 p.}

Молдахметулы Ж., Кайранбаева Р. Камень с тамгой – летопись казахов // Газета «Айқын». 05 август, 2016 г. 5 с. {MoldakhmetulyZh., Kairanbaeva R. Stone with labels – the chronicle of the Kazakhs // Newspaper “Aygyn”. August 05, 2016. 5 p.}

Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение.1890. № 1. 182 с.{Nazarov P.S. To the ethnography of the Bashkirs // Ethnographic Review. 1890. № 1. 182 p.}

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. [Перевод и комментарии А.П. Ковалевского.] Под редакцией И.Ю. Крачковского. {Travel of Ibn Fadlan to the Volga. Ed. of the USSR Academy of Sciences ML, 1939. [Translation and comments by A. P. Kovalevsky.] Edited by I.Yu. Krachkovsky.}

Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. {Rudenko S.I. Bashkirs. Historical and ethnographic essays. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955.}

Рычков П.И. Топография Оренбургская, то-есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1–2.{Rychkov P.I. The topography of the Orenburg region, i.e., a detailed description of the Orenburg province. SPb., 1762. Part 1–2.}

Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата: Гылым, 1991. 214 с. {Toleubaev A.T. Relics of pre-Islamic beliefs in the Kazakh family ritual. Alma-Ata: Gylym, 1991. 214 p.}

Юлуев Б.Г. Аждаха-змей в рассказах башкир // Этнографические обозрение. 1892. № 2–3. 246 с. {Yuluyev B.G. Azhdaha-serpent in the stories of the Bashkirs // Ethnographic Review. 1892. No. 2–3. 246 p.}

УДК 930.85

К.Т. Джаманкулова, г. Бишкек

ЯЗЫК И ЭТНОС ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

В статье речь идет об этносе и языке. Рассматривается этнос и фазы его развития. Анализируются зарождения кыргызского, хуннского и тюркского этносов, их подъем и упадок. История кочевников показывает, что тюркоязычные племена со времен хуннской эпохи входили в состав племенного союза, во главе которого стоял этнос, достигший наивысшего подъема, расцвета своего развития. Такими этносами были – хунны, тюркюты, кыргызы. В статье характеризуются их языки. Подчеркивается, что языковая система является продуктом исторического развития этноса и тесно связана с его генезисом и историей. Язык выделяется как ключевой фактор в определении этнической группы.

***Ключевые слова**: этнос, язык, кочевники, кыргызы, хунны, тюркюты, письменность.*

***LANGUAGE AND ETHNOS**. The article is about the ethnos and language. Ethnicity and phases of its development are considered. The author analyzes the origins of the Kyrgyz, Hunnic and Turkic ethnic groups, their rise and decline.The history of the nomads shows that the Turkic-speaking tribes from the time of the Hunnic era were part of a tribal union, headed by an ethnic group that reached the highest rise, the heyday of its development. These ethnic groups were the Huns, Turkuts, Kyrgyz.The article describes their languages. It is emphasized that the linguistic system is a product of the historical development of an ethnos and is closely related to its genesis and history. Language stands out as a key factor in determining the ethnic group.*

***Keywords**: ethnos, language, nomads, Kyrgyz, Huns, Turkuts, written language.*

Этнос как фрагмент биосферы. Этнос – это исторически сложившаяся общность людей (племя, народность, нация), имеющая социальную целостность и своеобразно-индивидуальный стереотип поведения.

Но, по мнению Л.Н.Гумилева, нет реальных признаков, определяющих этнос. Иногда появление обычаев, традиций, материальной культуры, идеологии являются определяющим моментом этноса, в других случаях нет. Л.Н. Гумилев про этнос: “Вынести за скобку мы можем только одно – признание каждой особи: “мы такие-то, а все прочие – другие”. ...Этнос – коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам” [Гумилев, 1993, 41]. Л.Н. Гумилев отмечает, что в появлении этноса есть особенность: группа людей активно выступают с целью изменить окружающий мир, и такой импульс связан со способностью, т.е. талантом. Имеющие такое качество люди ставят интересы групп выше чем свои, они изменяют традиционные инерции, подталкивают к созданию новых этносов. “Общим моментом является ... способность и стремление к изменению окружения” [Гумилев, 1993, 120]. Л.Н. Гумилев называет его новым термином “пассионарность” (лат. *passio* – страсть) (Гумилев, 1993,31). Пассионарии способствуют к возвышению этноса, к достижениям, к победам. Они способны изменить уклад жизни людей, ход истории, географию.

Этнос, по Гумилеву, не популяция. Этнос – это система “состоящая не только из особей, разнообразных как генетически, так и функционально, но и из продуктов их деятельности в течение многих поколений: техники, антропогенного ландшафта и культурной традиции” [Гумилев, 2004, 229].

Существует три фазы этноса: возвышение, процветание и падение. Л.Н. Гумилев считает, что «история любого этноса укладывалась в колыбель описанной схемы (*толчок – подъем – перегрев – упадок – затухание*) [Гумилев, 1993, 31]. По мнению Л.Н. Гумилева, подъем и затухание этноса зависит от фазы этногенеза.

Все этносы имеют свою историю, т.е. имеют три фазы развития. Сначала – возникновение, становление, которые проходят в инкубационном периоде. Это считается “начальным механизмом”, который приведет к появлению этноса. Но не всегда появляется этнос, иногда с влиянием внешних сил оно прерывается.

Как зарождается этнос? В исторической арене появляется группа людей, или консорция, которая понимает свое этническое “я” и обшественное самосознание. В конце инкубационного периода консорция обретает социальную форму, выходит на арену и начинает территориальную экспансию. Начинается пассионарный подъем, акматическая фаза, потом надлом, инерция и обскурация” [Гумилев, 2004, 215].

Среди кочевников это имело место. В истории кочевников создавались союзы родственных племен, постепенно это привело к созданию государств, высокие достижения в военных делах – к созданию империй. Цель империи – объединение всех кочевых этносов под свою власть. Этнос господствовавший над другими этносами достигает рассвета, но потом наступает надлом, в процессе бесконечных войн потерявшая былую силу, малочисленная группа растворяется в других племенных союзах, некоторые этнические группы исчезают или же становятся реликтовыми этносами.

Л.Н. Гумилев считает, что «этнос это феномен биосферы, и все попытки истолковать его через социальные законы развития общества приводили к абсурду» [Гумилев, 1993, 29].

Человек тесно связан с природой, вселенной. Их нельзя рассматривать отдельно друг от друга. Каждый человек – это член этноса. Этнос географически относится биоценозу того или иного региона, биоценоз – это фрагмент биосферы Земной планеты. Земля относится к системе Солнца, которая является частью Галактики и Метагалактики. В результате все люди тесно связаны со Вселенной, «но путем иерархической совместимости макромира с микромиром, от которого людей отделяют клетки их тела, молекулы, атомы и субатомные частицы» [Гумилев, 1993, 30]. Это говорит о том, что биохимическая энергия в биосфере тесно влияет этносам, который является фрагментом биосферы, их действиям.

Язык. Языковая система является продуктом исторического развития этноса и тесно связана с его генезисом и историей. Он является одним из базовых элементов в этнической внешней идентификации и внутренней самоидентификации. Язык выделяется как ключевой фактор в определении этнической группы в разных научных концепциях [Макарова, 2006, 35].

Зарождение кыргызов как этнос. Древняя письменность кыргызов. Кыргызы – древнейший народ из тюркоязычных племен. История кыргызов связана с историей Хуннской империи и Тюркского каганата. Но инкубационный период возникновения, становления кыргызов как племени начинается с афанасьевской культуры и связан с генезисом скотоводства на Минусинской котловине. На протяжении длительного времени здесь проживали, именумые динлинами в китайских источниках, скотоводы. На базе динлинского этногенеза появилось новое *этническое явление – кыргызы*, которые в III в. до н.э. – во II в. н.э. из-за смешения с центрально-азиатскими племенами потеряли изначальный расовый тип. Возникли первые тюркские племена енисейских кыргызов. Памятники афанасьевской, андроновской и тагарской культуры подтверждают данное предположение.

К III веку до н.э., т.е. к тому времени, когда впервые появляются племена «кыргыз», в китайской форме «цзянь-кунь, жившие тогда по верхнему течению р. Енисей, в районе Минусинского края, – мы имеем: полуоседлые пастушеские племена скотоводов, с высокоразвитой техникой бронзолитейного производства, занимавшиеся земледелием, охотой и рыболовстом (Бернштам, 1998, 169).

Подъем, расцвет этноса кыргыз. Ко времени тюркской эпохи, т.е. в 545–745 гг. "Хягас (*Кыргызское государство*. – К. Дж.) было сильное государство, по пространству равнялось дулгаским (восточных тукиюесцев) владениям. Дулгаский дом выдавал дочерей за их старейшин. На восток простиралось до Гулигани, на юг – до Дубо, на юго-запад – до Гэлолу" [Аристов, 2001, 152]. BVI–X вв. н.э. кыргызы также занимались скотоводством, земледелием, охотой и рыболовством. Металлургическое производство достигло наивысшего рассвета.

По Ю.С. Худякову, в 840–945 гг. настал «звездный час» кыргызов. Был создан Кыргызский каганат, который В.В. Бартольд назвал «Кыргызской Великой державой». «Кыргызы стали за короткий период великодержавия единственным за всю средневековую историю Центральной Азии господствующим этносом из Южной Сибири» [Худяков, 2003, 23].

Упадок. В конце IX в. Кыргызский каганат приходит в упадок. Начинается фаза надлома. Но, несмотря на это, «после крушения Кыргызского каганата они смогли, в отличие от многих других, более многочисленных кочевых этносов, сохранить свою государственность, военную организацию и базу оружейного ремесла, вплоть до нового времени» [Худяков, 2003, 23].

Древняя письменность кыргызов. Кыргызы пользовались пиктографической, идеографической письменностью и идентификационными метками – т.е. тамговыми знаками [Жаманкулова, 1916; 2018]. Кыргызы пользовались енисейской письменностью (V в. н.э.). Палеографические исследования показали о большой древности енисейских надписей, чем орхонские. «А орхонские (более поздние) характеризуются отработанным их изображением, эволюционировавшим около двухсот лет» [Батманов, 159, 16]. Орхоно-енисейской письменностью пользовались все тюркские племена в VI–X вв.

Появление этноса хунн. Их язык. Мы рассматриваем хуннскую и тюркскую эпохи, так как история развития древних письменностей тюркоязычных племен, а также кыргызов тесно связаны с ними.

Есть сведения, что общество хуннов существовало еще XXIII в. до н.э. А.Н. Бернштам считает, что появление хуннов Хирт относится к середине XXIII и XIX вв. до н.э. Следует отметить, что нет единого мнения по этому поводу. А.Н. Бернштам отмечает, что кочевые племена, располагавшиеся вокруг Китая III–IV вв., жили обособленно и развивали свою культуру [Бернштам, 1998, 334]. Они жили разрозненно. С III в. до н.э. и до конца III в. н.э. земледельческий Китай и Великая степь, населенная скотоводами-хуннами, существовали рядом [Гумилев, 1960, 292]. "Каждый этнос жил в своем ландшафте, но в совокупности входил в суперэтнические конструкции кочевой культуры и дальневосточной цивилизации. И та, и другая были полиэтничны» [Гумилев, 1993, 213].

Между соседями были культурные и политические связи, и несовпадения интересов привели к конфликтам. С VI–Vвв. начались военные походы кочевников на территорию Китай. Чтобы оборониться от военных нападений хуннов Китай строил Китайскую стену. Строительство "Великой китайской стены" способствовало консолидации кочевников. А.Н. Бернштам подчеркивает: "Достаточно созревшие классовые отношения у кочевников ведут к созданию их объединения, вначале в рамках военно-демократического строя" [Бернштам, 1998, 336]. Создался племенный союз хуннов.

Подъем и рассцвет этноса хунн. В начале III в. монголы были под властью дома единоплеменного рода дунху и хунну. По сведению Н.Я. Бичурина, потомки этих двух домов "взаимно возвышались и упадали, и сим образом в двух линиях попеременно господстовали в Монголии тринадцать столетий" [Бернштам, 1998, 31]. Состоящиеся из тюркских кочевых родовых племен хунны были известны как "степная империя". Владение Хуннской империи (III в. до н.э. – IV в. н.э.) простиралось от Центральной Азии до Восточной Европы и объединяло многочисленные племена тюрко-монголов, тунгусоманчжуров и др. Хунская империя достигла своего рассвета в 174–207 гг. при власти Модэ. Он подчинил восточных монголов, «Китай и Тангут, и потом покорил весь Тюркистан от Хами до Каспийского моря» [Бернштам, 1998, 58].

Язык хуннов – тюркский. Хунский союз объединял очень много этносов и языков. Во время хуннской империи на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Востойной части Средней Азии осуществлялся процесс объединения тюркских диалектов и наречий [Бернштам, 1998, 325]. Предводители хуннских племен были тюркоязычными, поэтому "была обечпечена победа" тюркских языков среди этих племен [Бернштам, 1998, 325].

Хуннский язык считается тюркским*. Например, действовала гармония гласных по ряду и губности; морфологический тип слов – агглютинативного характера; структура простого предложения: субъект – объект – предикат и т.д.

Кыргызы в составе хуннов. В составе империи хунну были и кыргызы. "Гегунь был тесно связаны с гуннами, представляя их северо-западный форпост, непосредственно соприкасаясь с динлинами" [Бернштам, 1998, 194]. Они занимались земледелием и пастушеским скотоводством.

Упадок. 58 году до н.э война среди племенных союзов привела к поражению хуннов. В I в. до н.э. государство Хунн раскололось на две части. С этого времени началось движение хуннов на Запад. Хуннская империя полностью была разгромлена.

Создание тюркского этноса. Их язык. При господстве жужаней между предводителем племени теле Афучжило и жужанским ханом происходит конфликт. Л.Н.Гумилев про Афучжило: "...чем отразил претензию на равное место с жужаньским ханом, война вспыхнула, как пламя" [Гумилиев. 1994, 225]. Афучжило переезжает к западу – в Иртышскую долину. Отделение племени теле от жужаней является важным событием.

В Азии зарождается процесс этногенеза. Ранее разрозненные кочевники начинают объединяться. Л.Н. Гумилев отмечает: "В это самое время в Алтайских горах сложились народ тюрки, в долину Брахмапутры – тибетцы, а в Китае началось возрождение, давшее великолепную средневековую культуру династий Суй и Тан. Античный период истории заканчивался..."[Гумилев, 1994, 225].

С IV в. начинается активизация тюркских племен. Многие из них до IV в. были в протекторате жужаней, а с конца IV в. они присоединяются к алтайским племенам** и создают военно-политический племенной союз, во главе которого стоит каган.

---

* Бернштам А.Н. Избр.тр., II, 1998, 195; Панов В.Л. К истории народов Средней Азии. Сюнну (Хунну).Турецкое происхождение народов Сюнну (Хунну) китайских летописей. Владивосток, 1916; Иностранцев К. Хунну и Гунны. ЛИЖВЯ ТТС, 1926. Послесловие.

** Это те тюркские племена, кототорые объединились вокруг племени Ашины, обоснованной на Алтае. Род Ашина обосновался на Алтае в 439 году.

Подъем и рассцвет этноса. В конце IV в. создается Великая Тюркская держава. За 30 лет владения Тюркская империя достигла максимального пространства: от Желтого до Черного морей. Войска Тюркского каганата не только быстро завоевали кочевников, «нанесла жестокие удары даже высококультурным соседям: Китаю, Ирану, Византии [Гумилев, 1999, 21]. Во второй половине VI в. «тюркуты, обитавшие до тех пор на слонах Хангая, захватили и восточную, и западную половины Великой степи, объединив их в одну державу» [Гумилев, 1993, 272].

Древнетюркская руническая письменность. Главной ступенью развития кочевой империи – это создание рунической письменности. По мнению В. Массона: "Она реализовала тенденции к бюрократическому самоуправлению верховной власти и кодификации ее программ" [Массон, 2003, 91].

Древнетюркская руническая письменность – очень ценный источник, отражающий исторические события кочевой империи. Тюркские племена пользовались орхоно-енисейской письменностью в VI–X вв. Но, как А.Н. Бернштам подчеркивает: «Главным источником для этой эпохи следует считать кыргызские рунические надписи» [Бернштам, 1998 200]. Енисейская письменность относится к V в. и предшествует орхонскому, а орхонская считается усовершенствованным вариантом енисейской письменности.

Кыргызы в Тюркскую эпоху. Кыргызы были с составе Тюркского каганата. Но Бернштам считает, что власть тюркутов над кыргызами «нельзя признать основательной». Кыргызы подверглись внезапному нападению тюркутов в ночное время и проиграли сражение. Но в 831 г. на поминках Кул-Тегина от имени кыргызского кагана присутствовал Тартуш Инанчу. Значит, к этому времени у кыргызов был каган*.

Во время правления Капагана кагана (Мочжо) по договоренности Барсбеку присвоен титул каган, а также он женился на дочери Элтерис кагана. Об этом повествует запись в памятнике Култегин: «…был Барсбек. Мы в то время дали ему имя, титул каган и дали младшую сестру – княжну» [Мелиоранский, 1904, 2–3]. Правильно отмечает Ю.С. Худяков: «Таким образом, кыргызское государство было уравнено с Тюркским каганатом» [Худяков, 2011, 274].

Упадок. Однако, "второе поколение – дети завоевателей раскололи Великий каганат на Восточный и Западный каганат…» [Гумилев, 1993, 274]. С 621 г. тюркуты воевали с Китаем. В 630 г. потерпели поражение.

Таким образом, история кочевников показывает, что тюркоязычные племена со времен хуннской эпохи были в составе в созданном ими же племенном союзе и во главе этого союза господствовал этнос, который достиг наивысшего подъема, рассвета своего развития. Такими этносами были хунны, тюркюты, кыргызы. Они говорили на тюркском языке.

Литература

Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 582 р. {Aristov N.A. Usuns and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: Essays on the history and life of the population of the Western Tien Shan and research on its historical geography. Bishkek: Ilim, 2001. 582 p.}

Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т.II. Б.: «Фонд Сорос», 1998. 699 с. {Bernshtam A.N. Selected works on archeology and history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan. T.II. B.: "Soros Foundation", 1998. 699 p.}

Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. 544 с. {Gumilev L.N. Ethnosphere. The history of people and the history of nature. Moscow, 1993. 544 p.}

Гумилев Л.Н.Этногенез и биосфера земли. М., 2004. 229 р. {Gumilev L.N. Ethnogenesis and biosphere of the earth. Moscow, 2004. 229 p.}

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 480 р.{Gumilev L.N. Ancient Türks. In 2 kn. Prince 1. Moscow: Institute DI-DIK, 1999. 480 p.}

Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1994. {Gumilev L.N. Search for a fictional kingdom. Moscow, 1994.}

Жаманкулова Г. Древний кыргызский язык. Бишкек: "Улуу тоолор", 2016. 651 с. {Zhamankulova G. Ancient Kyrgyz language. Bishkek: "Uluu toolor", 2016. 651 p.}

Жаманкулова Г. Цивилизация народов алтайского происхождения. Бишкек: "Улуу тоолор", 2018. 282 с. {Zhamankulova G. Civilization of peoples of Altai origin. Bishkek: "Uluu toolor", 2018. 282 p.}

* В средневековье титул "каган" присваивался главе государства.

Иностранцев К. Хунну и Гунны. ЛИЖВЯ ТТС, 1926. Послесловие. {Foreigners K. Huns and Huns. LIHING TTS, 1926. Afterword.}

Кыргызский каганат// Кыргыздар. Бишкек, 2011. С. 274. {Kyrgyz Kaganate // Kyrgyzzdar. Bishkek, 2011. P. 274.}

Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВОРАО. СПб., 1899. Т. XI. 1904, Т. XII.Вып. II–III. {Melioransky P.M. Monument in honor of Kul-Tegin. ZVORAO. SPb., 1899. T. XI. 1904, T. XII. II–III.}

Макарова Е.Ю. Язык как основа этнической культуры: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2006. С. 140. РГБ ОД, 61:06-9/703. С. 35] {Makarova Elena Yuryevna. Language as the basis of ethnic culture: dis. ... cand. Philos. Science. Volgograd, 2006, P. 140. RSL OD, 61: 06-9 / 703. P. 35.}

Массон В.М. Древний Кыргызстан: Процессы культурогенеза и культурное наследие. Бишкек: Илим, 2003. {Masson V.M. Ancient Kyrgyzstan: Cultural Genesis Processes and Cultural Heritage. Bishkek: Ilim, 2003.}

Панов В.Л. К истории народов Средней Азии. Сюнну (Хунну). Турецкое происхождение народов Сюнну (Хунну) китайских летописей. Владивосток, 1916. С. 83.{Panov V.L. To the history of the peoples of Central Asia. Hunnu (Hunnu). Turkish origin of the peoples of Hunnu (Hunnu) Chinese annals. Vladivostok, 1916. P. 83.}

УДК 323

Г.Ж. Джуманова, Л.Р. Заурбекова, г. Алматы

ЯЗЫКОВОЙ КАПИТАЛ – РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИИ

Статья посвящена раскрытию роли языкового капитала как важному ресурсу модернизации казахстанского общества. В работе показана обусловленность состояния и качества языкового капитала социальным, правовым статусом основных языков, наличной языковой ситуацией и языковой политикой в Республике Казахстан. Роль и место языков в РК определяются прежде всего Конституцией и другими официальными документами. Авторы исследуют потенциал языкового капитала граждан страны в решении задач экономической, политической, культурной и других сферах социума.

***Ключевые слова**: языковой капитал, языковая ситуация, языковая политика, трехъязычие, языковые компетенции, культурно-языковая обособленность, модернизация, конкурентоспособность.*

***LANGUAGE CAPITAL IS RESOURCE OF NATIONAL MODERNIZATION**. The article is devoted to revealing the role of language capital as an important resource for the modernization of Kazakhstani society. The paper shows the dependence of the state and quality of language capital on the social and legal status of the main languages, the current language situation and language policy in the Republic of Kazakhstan. The role and place of languages in Kazakhstan is determined primarily by the Constitution and other official documents. The authors explore the potential of the linguistic capital of citizens of the country in solving problems of the economic, political and cultural and other spheres of society.*

***Keywords**: language capital, language situation, language policy, trilingualism, language competencies, cultural and linguistic isolation, modernization, competitiveness.*

Ключевым фактором экономической, политической, духовной модернизации Казахстана, повышения конкурентоспособности казахстанской нации является наличие такого стратегического ресурса, как человеческий капитал, составным элементом которого выступает языковой капитал. Языковой капитал как совокупность языковых знаний, умений, навыков используется для удовлетворения многообразных потребностей индивида и общества в целом. Состояние и качество языкового капитала определяется прежде всего социальным, правовым статусом основных языков, языковой политикой, наличной языковой ситуацией в Республике Казахстан.

Роль и место языков четко определены прежде всего в Конституции РК, а также других официальных документах. В Основном законе страны, сказано, что в Республике Казахстан государственным является казахский язык. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народов Казахстана. При этом каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества [Конституция, 2020]. Однако реальная языковая ситуация может отличаться от правовой, декларируемой в Основном законе, в котором объективно не могут быть учтены все нюансы «повседневного» функционирования языков различных этносов. Казахстан является полиэтническим государством, объединяющим более 125 наций и народностей, и, соответственно, имеющее в активе культурное и языковое разнообразие. Последнее может рассматриваться как фактор позитивного развития, так и источником потенциальных конфликтов. Тем более, что динамичный рост численности и национального самосознания титульной нации, наблюдаемый в современных условиях, формирует тенденцию доминирования «государствообразующего этноса» и его языка в актуальной социально-политической, культурной среде.

В Стратегии развития государства «Казахстан-2050», принятой в 2012 году, подчеркивается, что ответственная языковая политика является одним из главных консолидирующих факторов казахской нации. Особое внимание уделяется казахскому языку как духовному стержню народа. Поставлен вопрос о необходимости, начиная с 2025 года, перевода казахского алфавита на латиницу. Это решение рассматривается как условие для интеграции Казахстана в мир, лучшего изучения детьми английского языка и языка интернета, и как импульс модернизации казахского языка. При этом указывается, что политика развития казахского языка не должна способствовать его отторжению, причем даже казахами. Наоборот, язык должен стать консолидатором народа Казахстана. Для этого языковую политику надо

проводить грамотно и последовательно, не ущемляя ни один язык, на котором разговаривают казахстанцы. В Стратегии определена цель – к 2025 году 95% казахстанцев должны владеть казахским языком. Соответственно, казахский язык станет главенствовать во всех сферах жизни, станет языком повсеместного общения. Благодаря языку суверенитет, независимость Казахстана будет прочнее, а нация сплоченнее. Впервые в Стратегии поставлена задача внедрения и государственной поддержки трехъязычия – изучения, наряду с казахским, русского и английского языков. Признается, что владение русским языком – это историческое преимущество казахской нации. В то же время Стратегия нацелила на рывок в изучении английского языка. Владение этим «лингва франка» современного мира откроет для каждого гражданина нашей страны новые безграничные возможности в жизни [Послание Президента РК, 2012].

В программной статье первого Президента РК Н.А.Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», опубликованной в 2017 году, главное внимание уделено необходимости модернизации общественного сознания как сердцевине политической и экономической модернизации казахстанского социума. В работе подчеркивается, что «первое условие модернизации нового типа – это сохранение своей культуры, собственного национального кода». Лидер нации важной составляющей конкурентоспособности казахстанца и страны в целом, наряду с компьютерной грамотностью и культурной открытостью, выделил знание иностранных языков, трехъязычие [Назарбаев, 2017].

В Послании Главы государства К.К. Токаева народу Казахстана 2019 года «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» в центре внимания – вопросы укрепления общественного согласия, создания условий для развития языков и культуры всех этнических групп в нашей стране. Вместе с тем Президент указывает на необходимость усиления роли казахского языка не только как государственного языка, но и языка межнационального общения [Послание Главы государства, 2019].

Меры практической реализации положений Конституции, Стратегии «Казахстан-2050», Послания Президента РК К.Токаева народу Казахстана и других официальных документов, касающихся повышения роли языка, нашли отражение в Государственной программе по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы. Задачами Госпрограммы являются: 1) модернизация казахского языка на основе латинографического алфавита; 2) усиление роли государственного языка как языка межэтнического общения; 3) развитие языкового капитала граждан Казахстана.

Третья задача – развитие языкового капитала граждан Казахстана предусматривает следующие направления: полноценное функционирование казахского языка как государственного; функционирование русского языка в коммуникативно-языковом пространстве; развитие языков этнических групп;

изучение казахского языка другими этносами; развитие казахско-английского двуязычия в коммуникативно-языковом пространстве Казахстана.

В настоящее время в Казахстане существуют следующие языковые компетенции: казахоязычные; казахско-русское двуязычие; русскоязычные; этническо-казахское, этническо-русское двуязычие или этническо-русско-казахское трехъязычие; казахско-русско-английское трехъязычие. Определены меры по развитию языкового капитала граждан Казахстана: развитие казахско-русско-английского трехъязычия; развитие казахско-английского двуязычия; развитие казахско-русского, этническо-казахского двуязычия [Государственная программа, 2019].

Развитие, востребованность языковых компетенций определяется прежде всего социально-экономической, социально-политической и социально-культурной ситуацией в стране. В то же время ресурсы языкового капитала граждан страны, его эффективность позволяют решать задачи в указанных и других сферах общественной жизни.

Язык и экономика. Языковой капитал как часть культурного, человеческого капитала нации может содействовать как повышению, так и снижению эффективности национальной экономики. Социально-экономическое развитие страны обусловлено не столько наличием природных ресурсов, сколько качеством, конкурентоспособностью трудового ресурса, частью которого являются языковые компетенции. Знание языка обеспечивает «доступ к образованию, трудоустройству, услугам здравоохранения, социальному обеспечению и участию в жизни общества в целом» [Языковая политика должна учитывать, 2019]. Языковые компетенции людей дают им возможность для сохранения рабочего места, повышения заработной платы, уровня доходов, развития карьеры, личного и профессионального роста, социального статуса, помогает социальной мобильности не только в рамках одной страны, но и всего мира, «социального комфорта, успешной адаптации тех или иных этнических групп к общественным процессам» [Жанна Кыдыралина, 2020]. Потребность национальной экономики

в лингвистическом капитале проявляется, в частности, в инвестиционной политике государства, улучшении инвестиционной привлекательности страны. Так, владение английским языком местным населением положительно сказывается на привлечении зарубежных инвестиций. Роль английского языка как «коммуникативного инструмента возрастает по мере того, как модернизационные процессы все больше определяются конъюнктурой глобальной экономики» [Гражданская идентичность, 2013, 94].

Язык и политика. Потенциал языка особо востребован в политике, так как он способствует укреплению государственной власти, внутриполитической стабильности общества, конструктивному межэтническому общению. Ответственная, сбалансированная языковая политика государства содействует объединению, сплочению нации. В то же время односторонняя языковая политика становится фактором дискриминации, ухудшения социального самочувствия, социальной напряженности, противопоставления людей друг другу, конфликтов на этнической, языковой почве, активизации миграционных процессов. Языковая дискриминация ведет к запрету или невозможности использовать родной язык вне дома, в общественном пространстве или на работе.

Вместе с тем стремление к этнической и языковой обособленности, монолингвизм, опора только на родной язык не способствуют как модернизации, конкурентоспособности этноса, так и его социальной интеграции. Это показал конфликт между местными казахами и дунганами в Кордайском районе Жамбылской области Казахстана в начале 2020 года. В полиэтнических обществах в местах компактного проживания этнических групп часто возникает культурно-языковая обособленность или анклавизация. Это противоречивый социальный феномен. «С одной стороны, это хорошо. С другой – возникает и ряд проблем. Дети, окончившие школы с национальным языком обучения, не всегда могут успешно конкурировать с остальными гражданами при поступлении в вузы и колледжи. В качестве защитного механизма в местах этнических анклавов у населения зачастую складывается высокая степень этнической идентичности, солидарности и мобилизации. И этот механизм срабатывает в системе всех социальных связей этноса. При этом важно отметить, что он может играть как положительную, так и отрицательную роль. Прежде всего с позиций интеграции в общеказахстанский социум» [Туймебаев, 2020].

Язык и национальная культура. Язык – это хранитель культурного кода нации, так как аккумулирует широкие пласты культурно-исторической памяти. Он «формирует философию жизни человека, его систему ценностей, стиль поведения, образ мышления. Главной политической ценностью является государство, а главной культурной – язык. Язык – необходимое условие существования нации, об этом говорил ещё в XVIII веке немецкий философ Готфрид Гердер»… Этноконсолидирующее значение национального языка возрастает в переломные для общества этапы его развития и выдвигается на первый план в иерархии ценностей. Казахский язык является не только хранителем всего богатства древней культуры, но и ядром современной казахстанской языковой полиэтнической среды [Жанна Кыдыралина, 2020]. «Вместе с языком исчезает традиционное знание – оно перестает традироваться, то есть передаваться от одного поколения к другому» [Языковая политика по расчету, 2019].

Язык и национальная, гражданская идентичность. Язык – это фундамент общего сознания нации, один из ключевых элементов этнической, региональной, гражданской идентичности человека. Посредством языка человек осуществляет свою связь с народом, чувствует и осознает принадлежность к нему, отождествляет себя с ним. Казахский язык является одним из важнейших этнокультурных факторов в идентификационной иерархии, обусловленной особенностями его исторического бытия. «У казахов как народа, у которого отсутствовала письменность, единственным транслятором культуры, истории, традиции и самого строя мышления оставался язык. В связи с чем он приобрел для них еще большее – сакральное значение» [Шайкемелев, 2013, 148].

Итак, языковый капитал представляет собой значимый социальный ресурс, концентрирующий позитивный исторический опыт и дающий социальные преимущества индивидам, группам и институтам. Состояние и качество языкового капитала определяет его модернизационный потенциал. В этом контексте социальный, правовой статусы основных языков, языковая политика Республики Казахстан, формируют основы сохранения и развития языкового многообразия, четкого определения функционального соотношения языков, в первую очередь языков двух крупных этносов казахстанского общества – казахского и русского, реализации государственного статуса казахского языка. Стратегия развития государства «Казахстан – 2050», программная статья первого Президента РК Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», Государственная программа по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы и другие официальные документы

фиксируют подвижную изменчивую реальность в языковой сфере, а также задают ориентиры и условия развития языкового капитала в соответствии с модернизационными процессами в обществе в целом. Языковой капитал как составная часть человеческого капитала оказывает существенное воздействие на динамику всех сфер жизнедеятельности социума. Увеличившийся спектр функциональных обязанностей языков в условиях демократически ориентированного государства расширил их возможности в решении социально значимых задач в области экономики, политики, культуры. Этнодифференцирующие, этноинтегрирующие, коммуникативные языковые компетенции выступают ключевым фактором в межкультурной коммуникации и равноправном диалоге народов Казахстана, способствуют формированию конкурентоспособной казахстанской нации.

Литература

Государственная программа по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы от 31 декабря 2019 года № 1045 // https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premer_ministr_rk/hozyaystvennaya_deyatelnost/id-P1900001045. {The state program for the implementation of the language policy in the Republic of Kazakhstan for 2020–2025 dated December 31, 2019, No. 1045}.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М.Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с. {Civic, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow / hands. project and resp. ed. L.M. Drobizheva. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2013. 485 p.}.

Жанна Кыдыралина. Языковая политика в Казахстане как инструмент строительства нации // https://e-history.kz/ru/expert/view/50. {Zhanna Kydyralina. Language policy in Kazakhstan as a tool for nation building}.

Конституция Республики Казахстан // https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution. {Constitution of the Republic of Kazakhstan}.

Назарбаев Н.А. «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» // http://24.kz/ru/news/top-news/item/172320-statya-n-nazarbaeva-vzglyad-v-budush. {Nazarbayev N.A. «A look into the future: the modernization of public consciousness»}.

Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана. 2 сентября 2019 // https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana. {Message from the Head of State Kassym-Zhomart Tokayev to the people of Kazakhstan Constructive public dialogue is the basis of stability and prosperity of Kazakhstan. September 2, 2019}.

Послание Президента РК народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» – новый политический курс состоявшегося государства» // https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva. 14 декабря 2012. {Message from the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan «The Kazakhstan-2050 Strategy is a New Political Course for the Successful State»}.

Туймебаев Ж. Межэтнические отношения не терпят шаблонов // https://www.kazpravda.kz/articles/view/mezhetnicheskie-otnosheniya--ne-terpyat-shablonov. {Tuimebaev Zh. Interethnic relations do not tolerate patterns}.

Шайкемелев М. С. Казахская идентичность. Монография / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. 272 с. {Shaikemelev M. S. Kazakh identity. Monograph / Under total Ed. Z. K. Shaukenova. Almaty: Institute of philosophy, political science and religious studies, KN MES RK, 2013. 272 p.}.

Языковая политика должна учитывать разнообразие, защищать права меньшинств и снижать напряженность в обществе. Страсбург. Совет Европы, 29.10.2019. // https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/language-policies-should-accomodate-diversity-protect-minority-rights-and-defuse-tensions. {Language policy must take into account diversity, protect minority rights and reduce social tensions}.

Языковая политика по расчету. Лингвист Станислав Белецкий о связи между экономикой и языками // https://iq.hse.ru/news/315210835.html. 1 ноября, 2019 г. {Language policy for calculation. Linguist Stanislav Beletsky on the relationship between Economics and languages}.

УДК 811.512.1

М.Э. Дубровина, г. Санкт-Петербург

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ С ПОЗИЦИЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

В статье автор рассматривает тюркскую категорию числа. Автора долгое время привлекало особое функционирование аффикса -lar *в текстах различных тюркских языков, а также способность основы слова без указанного показателя выражать информацию о множестве предметов. Предполагается, что в тюркском праязыке эта категория могла отсутствовать. Автор в рамках этнолингвистического метода стремится обнаружить связь такого употребления с экстралингвистическими особенностями тюркского менталитета.*

Ключевые слова: *этнолингвистика, линвгвкультурологические исследования тюркских языков, категория множественности, категория числа в тюркских языках, грамматика тюркских языков.*

FUNCTIONAL ANALYSIS OF THE PLURAL FORM IN THE TURKIC LANGUAGES FROM THE PERSPECTIVE OF ETHNOLINGUISTICS*. In this article the author considers the Turkic plurality category. The author has long been attracted by the special functioning of the affix* -lar *in texts of various Turkic languages, as well as the ability of the Turkic word to express information about a variety of subjects without the specified indicator. It is assumed that this category may have been absent in the Turkic protolanguage. The author uses the ethnolinguistic method to find out the connection of such usage with extralinguistic features of the Turkic mentality.*

Keywords: *ethnolinguistics, linguistic and cultural studies of the Turkic languages, category of plurality, number category in the Turkic languages, grammar of the Turkic languages.*

В последнее время все больше возрастает интерес ученых-лингвистов к различным аспектам лингвокультурологических исследований. Это обусловлено стремлением народов показать современному миру свою необычность, самобытность, непохожесть на другие народы, в жестких условиях глобализации доказать миру значимость своей национальной культуры и языка и, естественно, сохранить свою идентичность, осознавая надвигающуюся угрозу ассимиляции и, тем самым, обезличивания. Все чаще сами представители различных национальностей приходят к осознанию того, что собственный язык, обычаи, традиционный уклад жизни, фольклор и национальные песни это не атрибуты культуры, имеющей отношение лишь к прошлой, ушедшей жизни предков, а обязательные условия сегодняшнего процветания и успешности всего национального сообщества. Уже на реальном опыте люди видят, как с потерей национальной самобытности происходит потеря фундамента всей жизнедеятельности, которая влечет за собой и материальные потери в сфере уменьшения благосостояния и уверенности в будущем. Таким образом, изучение языка не как изолированной системы, а в качестве одной из составляющих компонентов жизни конкретного этноса представляется одним из перспективных направлений лингвистических научных изысканий.

Этнолингвистические исследования в основном проводятся на лексическом материале языка. Тем не менее морфологическая подсистема языка, как и его лексика, также может стать базой для обнаружения связи языка с особенностями жизнедеятельности, менталитета и мировосприятия определённого народа. Определённые этнические особенности находят свое отражение в специфике языковой системы. Эти особенности могут выступить в качестве внешнего запроса на возникновение той или иной языковой единицы или той или иной категории, как в сфере лексики, так и в сфере грамматики. Как часто, сравнивая языки, исследователи убеждаются в том, насколько по-разному может быть выражен один и тот же смысл. При этом различие проявляется не только в лексике, но и в морфологии. Нередко ученые задаются вопросом, почему одна и та же мыслительная категория в одном языке получает языковое, морфологическое выражение, а в другом языке – нет. В этом отношении интересной темой для этнолингвисического анализа может выступить категория числа в тюркских языках.

Употребление форм множественного числа в современном турецком языке всегда вызывает некоторые сложности у носителей иных, нетюркских языков. Сами говорящие на турецком языке отмечают, что когда иностранцы, в особенности русскоязычные люди, говорят по-турецки, то они употребляют формы множественного числа в разы чаще, чем это делали бы сами турки.

Категория количества представляет собой одну из основных мыслительных категорий [Философский энциклопедический словарь, 1983, 263] и имеет свое проявление во всех языках мира. Поэтому, на наш взгляд, именно в этой теме можно попытаться найти параллели между языком и культурой данного народа и попытаться описать те особенности восприятия мира тюрками, которые легли в основу образования категория числа. На наш взгляд, именно употребление или неупотребление аффикса множественного числа в тюркских письменных и устных текстах может быть напрямую связано с внеязыковыми представлениями, с какими-то особенностями мировосприятия или с определенной практической деятельностью.

Но в этом отношении древние языки могут стать более показательными, чем языки современные, так как в структуре древних тюркских языков, по нашему мнению, в большей мере зафиксирован окружающий мир древних этнических групп в историческом контексте, который и мог найти свое отражение в тех или иных языковых формах.

Форма множественного числа с показателем -lar фиксируется уже в первых, относящихся к VII–VIII вв., тюркских памятниках, написанных руническим письмом. Рассмотрим примеры употребления слов с аффиксом -lar в рунических текстах:

1. Ol sabyg asidip **bägläг** kopyn janalym… tidi. (Tk, 36). ‘*Услышав такие слова: «**беки** давайте вернемся», — он сказал’*. Возможна и несколько иная интерпретация этого высказывания: *‘Услышав такие слова, **все беки вместе** сказали: « давайте вернемся»’*.

2. **… bägläri** boduny tüzsiz üčün… (Ktb, 6). *‘... по причине неверности их **беков** и народа…’*

3. …ögim katun ulaju **öglärim äkälärim** keliŋünim **kunčujlarym** … küŋ boltačy ärti. (Ktb, 49). *‘... моя мать-катун, следующие [за ней] мои [сводные] **матери**, мои **старшие сестры**, мои невестки, мои **ханши-девицы** ...стали бы рабынями’*.

Необходимо обратить внимание на то, что в текстах рунических памятников слова с аффиксом -lar употребляются крайне редко. Кроме того, аффикс -lar прежде всего сочетается со словами, обозначающими, во-первых, одушевленные предметы, т.е. людей; во-вторых же, не простых людей, а тех, кто представляет собой важные с точки зрения носителя языка персоны: государственных деятелей и родственников.

Рассмотрим теперь те высказывания, в которых, на наш взгляд, речь также идет о множестве предметов, однако при этом соответствующий аффикс множественности не употреблен.

5. **Atyg(1) yka(2)** bajur ärtimiz. (Tk, 27). ‘*Мы привязали лошадей(1) к деревьям(2)’* .

6. **Kejik(1)** jiju, **tabyšgan(2)** jiju olurur ärtimiz. (Tk, 7). *‘Мы жили, поедая **оленей**(1), поедая **зайцев**(2)’*.

7. ... türk bodun üläsikig anta **añyg kisi** anča bošgurur ärmis. (Ktm, 7). *‘Тогда **злые люди** так наставляли часть тюркского народа’*.

С большой долей вероятности можно предположить, что в большинстве современных тюркских языках в этих или аналогичных высказываниях у соответствующих слов аффикс множественности также не будет употреблен. Тем не менее, как видно из переводов на русский язык, носители европейских или славянских языков в таких случаях используют форму множественного числа.

Можно отметить такую закономерность, что чем древнее тюркский язык, тем реже в тестах можно встретить аффикс множественного числа. С связи с чем вполне обоснованным выглядит предположение Каре Грёнбека, согласно которому «самый древний тюркский язык» мог не обладать никакими формами множественности. [Grönbech, 1936,23]. Не раз ученые обращали внимание на то, что основа тюркского слова сама по себе либо не передает информации о числе вообще, либо способна выражать как единичность, так и множественность предметов: kiši ‘человек’, ‘люди’. По мнению А. фон Габен, даже местоимение bän наряду со значением ‘я’ иногда может истолковываться как ‘мы’. [Gabain, 1950, 147]. Таким образом, можно констатировать, что в тюркском праязыке могло не быть специального показателя для выражения множества предметов. Это не означало, что тюрки не различали количество предметов, однако ответ, бесспорно, следует искать за пределами языка. Отсутствие у древних тюрок потребности в грамматическом указании на количество предметов, на наш взгляд, лежит в укладе жизни древнего тюркского племени. Решающими здесь следует признать несколько факторов: размер древнего коллектива, степень спаянности членов коллектива между собой, вид хозяйственной деятельности и окружающий географический ландшафт.

Проведенный анализ культурной лексики тюркских языков дал возможность ученым реконструировать картину духовной и материальной жизни пратюрков, вследствие чего удалось установить то, что пратюркский этнос представлял собой народ скотоводов отгонного типа, с преобладающим

значением коневодства, с двумя типами поселений – стационарными зимними и кочевыми летними [СИГТЯ, 2006, 470–471].

Лингвистический анализ полностью согласуется с данными, которые предлагают исторические и археологические исследования. В начале I тыс. до н.э. на большой территории Центральной Азии племена, в которые входили и представители тюркских этносов создали культуру, основой хозяйственной деятельности которых было кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. Вот такое описание образа жизни родоплеменного общества ранних кочевников, населявших Центральную Азию с VII–VI вв до н. э. находят в китайских источниках: «… переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку… От ста до тысячи юрт составляют общину…» [Кляшторный, Султанов, 2000, 50].

Как видно из описаний китайского историка, размер древнего тюркского племени был относительно небольшим, племя могло насчитывать «от ста до тысячи юрт». Если предполагать, что тысяча юрт это максимум, который достигался в период объединения разных племен в племенной союз (иль), которое могло происходить периодически, то в среднем самое небольшое племя состояло из 500 человек (по пять человек в семье в одной юрте). Сезонное кочевье предполагало, что в отдельные периоды времени племя разбивалось на мелкие группы, кочующие отдельно друг от друга. Таким образом, и в периоды объединения, и в периоды отхода на отдельные пастбища кочевое общество по своим размерам было относительно невелико, кроме того, в рамках такого племени естественно предполагать, что его члены были достаточно хорошо знакомы друг с другом и, тем самым, достаточно хорошо осведомлены о жизни друг друга. По мнению Г. П. Мельникова, в условиях описанной жизни б**о**льшая часть информации проходят на глазах всего коллектива или отдельных представителей семьи (родственников, близких людей), многое известно всем членам коллектива и вследствие этого не требует передачи с помощью вербальных каналов [Мельников, 2000]. Именно к такой информации, на наш взгляд, можно отнести информацию о количестве предметов.

Ученые предполагают, что зоной первичного расселения древних тюрок были территории Ордоса и Саяно-Алтайского региона [СИГТЯ, 2006, 435]. С ландшафтной точки зрения эти места представляют из себя по большей части пустынное плато, т.е. равнинную зону с ровной или волнистой слабо разделённой поверхностью, ограниченной отчётливыми уступами от соседних равнинных пространств, характеризующейся особой слабо выраженной флорой и специфической фауной. В таких условиях окружающая природа и ландшафт были словно на ладони, «на глазах» у коммуникантов. Говорящим людям было видно количество деревьев, гор, юрт, скота, т.е. всего того, что составляло основу повседневной жизни. При этом можно предположить, говорящие чаще всего видели те предметы, о которых шла речь.

Таким образом, в языке, обслуживающем коммуникативное общество, проживающее в описанных природных и хозяйственных условий, не возникало потребности в возникновении специального грамматического средства – маркера количественной информации. Всю количественную информацию, т.е. информацию о единичности и множестве предметов, коммуниканты выводили из визуальных данных, фоновых знаний, а также полагаясь на естественную логику вещей. Тем не менее при необходимости указать на конкретное количество предметов в языке образовались модели словосочетаний, в которых участвовали числительные. До сих пор во всех тюркских языках с числительными сочетаются существительные без аффикса множественного числа.

В более позднее время возникает форма множественного числа, однако факторами для ее возникновения могли служить иные причины, нежели чем просто желание указать на множественность предметов.

Литература

Кляшторный С.Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 320 с. [Klyashtorny S. G., Sultanov T. I. States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the middle ages. Saint Petersburg: St. Petersburg Oriental studies, 2000. 320 p.; Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с. [Melnikov G. P. System typology of languages: Principles, methods, models. Moscow: Nauka, 2003. 395 p.]

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с. [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Patorski language-based. Picture of the world of the pratyurksky ethnos according to the language. Moscow: Nauka, 2006. 908 p.].

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с. [Philosophical encyclopedia, Moscow, Soviet encyclopedia, 1983. 840 p.]

Grönbech K. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen: Levin und Munksgaad, 1936. 182 p.

A. von Gabain, Alttürkische Grammatik. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. XVII. 357 p.

УДК

М.З. Закиев, г. Казань

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ЭТНОНИМА ТАТАР НА РАЗВИТИЕ НАРОДА

В статье речь идет о том, что этноним татар восходит к древнегреческому слову тартар в смысле «подземное царство мертвых, ад». Тимучин (Чингиз хан) применял его в форме татар. Это слово в период монголо-татарских завоеваний вошло и в русский язык. Русские словом татар стали называть всех нерусских. После Октябрьской революции все нерусские дружно отказались от этого этнонима и узаконили свои прежние или желаемые свои национальные самоназвания, например, азербайджан, узбек, нугай, гагауз и др. Этноним татар сохранили приволжские, сибирские, добруджинские тюрки, которые и в наши дни испытывают отрицательное отношение русских к татарам, что приводит к постепенному сокращению численности этих этносов.

***Ключевые слова**: тартар, татар, этноним, самоназвание, численность этносов.*

***THE NEGATIVE IMPACT OF THE ETHNONYM TATAR ON THE NATIONS DEVELOPMENT**. The article refers to the fact that the ethnonym Tatar goes back to the ancient Greek word tartar in the sense of "underground kingdom of the dead, hell." Timuchin (Genghis Khan) used it in the form of Tatars. This word came into the Russian language in the period of the Mongol-Tatar conquests. The Russian began to name all non-Russians by the word Tatar. After the October Revolution, all non-Russian unanimously abandoned this ethnonym and legitimized their former or desired national names, for example, Azerbaijani, Uzbek, Nugai, Gagauz, etc. The ethnonym Tatar was preserved by Volga, Siberian, Dobrudge Turks, who today experience negative attitude to the Tatars, which leads to a gradual reduction in the number of these ethnic groups.*

***Keywords**: Tartar, tatar, ethnonym, national names, number of the ethnic groups.*

Этноним *татар* восходит к слову *тартар*, означающему "подземное царство мертвых, ад".

Тартар – это слово древнегреческого происхождения, греч. *Tartaros*. Древние греки полагали, что мир состоит из нескольких уровней. На самом верхнем уровне (небе) живут боги, на среднем уровне (земле) обитают греки. Все другие народы сформировались на нижнем уровне (под землей) как *тартары*, т.е. в результате оживления мертвых, похороненных греков.

Следуя этим взглядам древних греков, древние **европейцы** считали, что Европа изначально принадлежала только им. По их мнению, другие народы в Европе появились как тартары и постепенно завоевывали определенные территории, принадлежавшие европейцам. Подобный взгляд породил у европеистов страстное желание освободить Европу от других народов – от тартар, естественно, не своими, а чужими силами.

С такой просьбой они сначала обратились, по-видимому, к китайцам, которые не согласились с предложением европейцев освободить Европу от тартар. Но китайцы поверили, что у них есть свои тартары, которые могут их завоевать: в III веке до нашей эры начали возводить Великую Китайскую Стену, чтобы отгородить себя от **тата** (в китайском языке нет звука Р, поэтому слово **тартар** звучит как **тата**).

В конце XI века европейцам удалось убедить **монголов** начать войну для освобождение новых земель от тартар для европейцев. Организатор войны по имени Тимучин (Чингиз хан) начал готовить армию среди монголов, которые имели отношение к убийству его отца, и которых, в свою очередь, европейцы (руководители Чингиз хана) называли *тартарами*, а Тимучин именовал их *татарами***.** Так, по-видимому, вошло в оборот слово ***татар***. Вся армия Чингиз хана, стала называться ТАТАРСКОЙ. Таким образом, слово *татар* впервые было применено монголами. В период монголо-татарских завоеваний слово *татар* распространилось среди многих народов, в том числе и среди русских.

В начале XVIII века Русское правительство начинает принимать меры по созданию Российской академии наук, для чего из Европы приглашает ученых. Приезжие ученые по традиции Европы всех нерусских России называют *тартарами*. В русском языке не было слова **тартар,** поэтому русские всех нерусских именовали не тартарами, а *татарами***.**

Некоторые народы постепенно привыкли к этому названию. Так, некоторые тюрки начали представлять себя татарами. Но многие из них понимали, что название **татар** – это лишь фонетический

вариант слова **тартар,** т.е. подземного царства мертвых, поэтому сразу же после Октябрьской революции отказались от названия татар, выдвинули свои прежние или новые более приемлемые этнонимы, вроде *азербайджан, карачай, балкар, нугай, узбек, кыргыз, комык, гагауз* и др.

От названия *татар* не отказались волжские, сибирские, крымские и добруджинские тюрки. Они до сих пор испытывают отрицательное отношение русских к монголо-татарам, следовательно, и к себе.

Не отказываться от этнонима *татар* волжских тюрков агитировал известный писатель и общественный деятель Галимджан Ибрагимов, который был убежден, что татаро-монголы являются самыми сильными народами мира. Чтобы и волжских тюрков считали самым сильным народом, их необходимо именовать татарами. В период создания национальных республик ему удалось побывать у организатора республик – у Ленина, и убедить его назвать республику **Татарией**.

Но Г. Ибрагимов не учел отрицательного отношения русских к монголо-татарам, следовательно, и к волжским татарам-тюркам. Так этноним **татар** укрепился за волжскими тюрками, т.е. прежними булгарами и косанами.

Сейчас необходимо сказать несколько слов о современных татарах и о монголо-татарах.

Под названием *современные татары* понимаются современные татары Поволжья и Приуралья, включая сюда и сибирских татар. Под наименованием *монголо-татары* люди имеют в виду монголо-татарских агрессоров, которым в 1236 году удалось завоевать страны многих народов, в том числе и булгар, асов-кусянов и русских. Слово *тартар* западноевропейские ученые применяли вместо слова *татар*, представляя их дикими, вышедшими из ада людьми. *Тартар* – в древнегреческой мифологии – подземное царство мертвых, преисподняя, ад. Когда речь идет о любых татарах, в западной Европе писали не *татар*, а всегда *тартар*. Когда западноевропейские тексты переводят на русский и татарский языки, слово *тартар* всегда передают словом *татар*.

В случае, когда западноевропейские ученые (например, английские историки В. Митфорд, Э. Паркер) писали о сюнах-хуннах, тюрках, то их считали дикими кочевниками и поэтому называли их *тартарами* ‘людьми ада’. Сами эти народы никогда себя не называли тартарами или татарами, их самоназвания были *хиен-ну, сюнпи, сиен-пи, тюрк* и т.д. [Mitford, 1838, 189; Паркер, 2003, Похлебкин, 2000, 81–107].

В последние годы в татарской исторической науке началась неразбериха: современных татар начали считать потомками монголо-татарских завоевателей, есть случаи идентификации предков современных татар даже с тартарами, т.е. людьми из ада, дикими кочевниками.

Культивирование ошибочных взглядов на нашу историю, позиционирующих нас как прямых потомков монголо-татарских племён, захвативших в XIII веке тюркские государства, не является безобидным научным заблуждением. Как бы ни пытались некоторые историки оправдать деяния монголо-татарских завоевателей, летописная история однозначно зафиксировала их поразительную нечеловеческую жестокость в уничтожении целых народов и стран. Неудивительно, что слово «татар, тартар, татарин» в словаре любого современного европейского языка в одном из значений разъясняется как «человек дикого, необузданного нрава, мегера, фурия», а также «адский, преисподняя».

Поэтому, продолжая вынужденно сохранять такое самоназвание у нашего тюрского народа, необходимо решительно отмежеваться от родства с монголо-татарами и с тартарами, всячески подчёркивая то, что наш народ имеет местные глубокие этнические корни. Современные татары живут на этой земле не одну, а десятки тысяч лет и как неотъемлемая часть общетюркского культурного пространства сохранили язык и культуру, восходящую к далёкой шумерской цивилизации. И роднить себя с тупиковой ветвью в развитии человеческой цивилизации, с создателями разбойничьего государства, представляется, по меньшей мере, странным.

Неудивительно, что если мы сами путаемся со своим происхождением и самоназванием, то в целом как западноевропейские, так и русские историки однозначно считают нас прямыми потомками монголо-татар, и намекают на то, что они стремятся снести бывших агрессоров с лица земли. Об этом прямо пишет признанный авторитетный историк В.В.Похлёбкин: «Уроки татарского ига не были забыты русскими: их применили в тех же масштабах, в тех же варварских формах. Отсюда и возникли непрерывность и последовательность этого наступательного процесса, стремление довести его до полного уничтожения противника, до полной *ликвидации татарской государственности*» [Похлебкин, 2000, 167]. И чтобы ни говорили столичные политики, в общественном сознании россиян мы – прямые потомки завоевателей и место наше известно где.

Позиция татаро-татаристов, например, Д. Исхакова, М. Ахметьзянова, по вопросу происхождения нашего народа такая же однозначная и чёткая: мы – прямые потомки монголо-татар, наследники их культуры?!

Ещё в советское время в стенах Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) не раз возникали споры о происхождении казанских татар. Причём апелляция к столичным учёным-историкам зачастую приводила к откровениям, что для «русской истории» выгоднее показывать современных татар потомками монголо-татар. Однако эти споры перешли в плоскость организационно-политических решений лишь тогда, когда на сторону ордынцев встали некоторые татарские историки. Сейчас трудно сказать, чем руководствовались тогда ордынцы-татаристы, то ли соображениями сиюминутной политической конъюнктуры, то ли ограниченным научным кругозором, но в итоге доминирующей идеей ордынцев стало то, что современные татары – это прямые потомки монголо-татарских завоевателей, что наша прародина – это Монголия, мы пришли сюда как кочевники и завоеватели, а на землях Урало-Поволжья тогда жили якобы в основном индоиранские народы.

Неудивительно, что когда М.Ш. Шаймиев начал работу по возрождению Булгара, ордынцы-татаристы не смогли отказать себе в удовольствии поупряжняться в этой теме против М.Ш. Шаймиева. Поскольку этот путь для них ничего не дает, они решили и Булгар взять в свои монголо-татарские руки и ничтоже сумняшеся стали доказывать, что город Булгар и был столицей Золотой Орды и что там, в городе Булгар, есть дворец Батыя, на восстановление которого и необходимо обратить особое внимание М.Ш. Шаймиеву. Однако по данным различных летописных источников Батый не избирал местом своей ставки город Булгар и свою столицу в 1240 году он повелел воздвигнуть на Нижней Волге, где климат был ему роднее и привычнее.

Казалось бы, что истина в науке устанавливается в научных спорах, но, поскольку история – наука полностью политизированная, научные споры здесь оказываются неэффективными. Достаточно вспомнить, что средства массовой информации республики не замечают труды историков, работающих по теме древних местных «дотатарских» этнических корней нашего народа. Я сам сделал несколько попыток выступить в печати против монголо-татарской концепции происхождения нашего народа, однако редакторы журналов «Казан утлары» и «Идель» отклонили их. Более того, в ответ на мои просьбы, они готовили и печатали статьи о том, что наш народ появился на своей современной территории в виде монголо-татарских завоевателей, в виде диких кочевников или в виде *тартар*. Именно поэтому мои работы о глубоких местных этнических корнях нашего народа печатались в Казахстане, Туркмении, Турции, Азербайджане, Башкортостане, Украине, в городах Сибири, в Москве. И лишь в 2012 году в Таткнигоиздате была выпущена моя книга «Хәзерге татар халкының тирән тамырлары», за что я весьма благодарен его директору Д.С. Шакирову. Наш народ образовался в результате постепенной консолидации кусянов / *косанов* (образовавших Казанское ханство) – предков носителей среднего диалекта современного татарского языка, и *булгар-мишарей* – предков носителей западного диалекта.

В свете вышесказанного продолжая культивировать ордынско-татарскую концепцию происхождения современных татар, ордынцы (Д.Исхаков, Р.Фахрутдинов, М.Ахметзянов и др.), возможно сами того не желая, подставляют наш народ под грозный неумолимый каток истории, нацеленный довести начатую борьбу против монголо-татарских завоевателей, повторюсь, до «полного уничтожения противника, до полной ликвидации татарской государственности» [Похлебкин, 2000].

Современные исследования выяснили, что нынешные татары не приняли от монголо-татар, тем более от тартар, ни этнических, ни антропологических, ни языковых, ни культурных особенностей.

Объективные антропологические исследования Т.А. Трофимовой еще в 1946 году, молекулярно-генетический анализ древних и современных образцов ДНК, проведенный биологами КФУ в начале XXI в., неопровержимо доказали, что современные татары сложились на базе древних пластов местного населения задолго до 1-го тысячелетия до н.э. Кроме того, на основе анализа этнонимов установлено, что современные татары – это потомки местных тюркоязычных племен, получивших в период Биармийского государства этноним *биар/бигер* (удмурты и сегодня называют татар *бигерами*), в Сарматское время (где господствовали *асы* или *аланы)* этноним *суас* (речные асы) или *буртас* ‘асы, занимающиеся бортничеством’ (марийцы и сейчас называют татар *суасами*); в период существования *кусян/косан* ‘белых сюнов/белых хуннов’ – имевших этноним *касан/казан* (русские еще в булгарское время называли это население *казанами/казанцами*), в период Казанского и Нугайского ханств предки татар назывались *нугаями* (казахи и сейчас именуют татар *нугаями*). Из глубины веков идет называние части татар *мишарями* ‘лесными арами’ и *булгарами* или *суарами* ‘речными арами’.

Таким образом, мы, современные татары, не приняли от монголо-татар, от тартар ни языковых, ни этнических, ни культурных особенностей.

Что касается второй части доклада, то есть об отрицательном влиянии этнонима **татар** на развитие народа, здесь достаточно привести мнение Всемирного конгресса татар по этому поводу.

Неудивительно, что даже Всетатарский общественный центр (ВТОЦ) вынужден был признать: “Татарский народ как нация сползает в небытие... Основная причина не в физическом истреблении народа, а в потере потомков, прогрессирующем отречении детей и внуков от принадлежности к татарской нации... Отречение есть результат сложившейся веками “работы” постоянно обновляемой системы угнетения национального духа и достоинства татарина...” [Паркер, 2003]. И одна из главных причин этого – никогда неистребимое из исторической памяти народов мира в целом и России в частности, совершенно справедливое крайне негативное отношение к слову «**татарин**». Пора нам отказаться, как и большинство остальных тюркских народов, от навязанного этнонима-клички и вернуться к своему собственному первоначальному этнониму *косан*.

Литература

Mitford W. The History of Greece. Vol. 1–8. London, 1838.

Обращение XI курултая ВТОЦ // Звезда Поволжья. 2014. №15. 24–30 апреля. {Appeal of the XI Kurultai All-Tatar Public Center // Star of the Volga Region. 2014. No. 15. April 24–30.}

Паркер Э. Тысяча лет из истории татар. Казань, 2003. 287 с. {Parker E. A Thousand Years from the History of the Tatars. Kazan, 2003. 287 p.}

Похлебкин В. В. Татары и Русь. М., 2000. 189 с. {Pokhlebkin VV. Tatars and Rus. Moscow, 2000. 189 p.}

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 378

Е. Н. Захарова, г. Саратов

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются особенности формирования коммуникативных языковых компетенций в процессе изучения иностранных языков. Автор исследует развитие грамматической, социолингвистической, дискурсивной и социокультурной компетенций. Освещается практика преподавания английского языка. В качестве примера приводится использование комбинированных Интернет-ресурсов. Делается вывод о формировании поликультурной личности при помощи средств родного и иностранного языков.

***Ключевые слова**: коммуникативные языковые компетенции, поликультурная личность, Интернет-ресурсы, английский язык.*

***DEVELOPING MULTICULTURAL VALUE SYSTEM WHILE LEARNING FOREIGN LANGUAGES**. The article presents the features of forming the communicative linguistic competence in the framework of learning foreign languages. The author researches the development of grammatic, sociolinguistic and socio-cultural competences. The experience of teaching English is covered. The example of using the combined Internet resources is shown. There is the conclusion of forming a multicultural person with the help of the native and foreign languages.*

***Keywords**: communicative language competence, multicultural person, Internet resources, the English language.*

В наш век – время мультикультурного диалога – становится важным развитие поликультурной языковой личности. Действительно, носитель языковых и межкультурных компетенций готов и способен принимать всестороннее участие в межкультурной коммуникации, проявлять себя в рамках диалога культур. И для формирования конкурентоспособного специалиста, способного существовать в многонациональной и поликультурной среде, обладающего устойчивым пониманием и чувством уважения других культур, необходимо поликультурное и полиязычное образование. При этом ведущей целью вузовского образования как раз и является обучение разностороннего человека, который обладает уважением к другим нациям, умеет работать автономно и в коллективе в условиях образовательной и культурной интеграции. Первостепенной задачей учебных заведений становится формирование у молодежи систематизированных научных знаний о народах и государствах мира, их культуре и традициях, истории и современной жизни [Воронова, 2017, 94–95, Захарова, 2017, 236].

При изучении иностранных языков совершенствование поликультурных ценностных ориентаций происходит особенно наглядно, ведь налицо становление и развитие коммуникативных языковых компетенций: например,

– грамматическая (лингвистическая) компетенция – систематическое знание грамматических правил, словарных единиц, фонологии, которые трансформируют лексические единицы в осознанное высказывание;

– социолингвистическая компетенция – способность подбирать и применять соответствующие языковые формы и средства в зависимости от характера ситуации общения и социальных ролей коммуникантов;

– дискурсивная компетенция – умение конструировать единые, связные и логичные высказывания, используя различные функциональные стили устной и письменной речи, понимания разных видов текстов при чтении и аудировании, выбирая лингвистические средства в зависимости от типа высказывания;

– социокультурная компетенция – наличие знаний о культурных особенностях носителей языка, истории, традициях, обычаях, а также способность понимать и подходяще использовать их в процессе коммуникации.

Исследователи отмечают, что развитие социокультурной компетенции помогает интеграции личности в системы мировой и национальной культур. Таким образом, исследование социокультурного компонента содержания иноязычного обучения способствует формированию личности студента

с развитыми поликультурными ценностными ориентациями. Очевидно, что, осваивая иностранный язык, учащиеся изучают и этнокультурные особенности, которые находят свое отражение в науке и искусстве [Брагина, 2011, 121].

Наша практика преподавания английского языка в вузе показывает, что привлечение комбинированных Интернет-ресурсов прекрасно справляется с задачей воспитания поликультурных ценностных ориентаций: они неоценимы не только при моделировании очной и автономной работы студентов, изучающих иностранный язык, но и обогащают словарный запас современной иноязычной лексикой, погружают в реалии англоязычных стран, мотивируют к учебно-познавательную деятельность [Воронова, 2016]. К комбинированным онлайн-источникам мы относим ресурсы, которые охватывают веб-портал (какой-либо организации) и печатной продукции этой же организации, содержание которой [продукции] 'перекликается' с сайтом. Комбинированные источники позволяют преподавателю запланировать традиционную работу (на базе опубликованного аутентичного материала) и дистанционные задания с опорой на Интернет-ресурсы), а также домашние задания (на базе «книга и сайт»).

Интересен комбинированный Интернет-ресурс англоязычной газеты TheHeraldTribune (международная версия The New York Times). На официальном сайте http://international.nytimes.com пользователи знакомятся с последними новостями из жизни разных стран: статьи из разделов "World", "Politics", "Business", "Style", "Travel", "Food" и др. Просмотреть видеорепортажи можно в разделе "TimesVideo", а прослушать полные записи интервью и дискуссий – в разделе "Multimedia: audio". Если есть желание поучаствовать в обсуждении того или иного вопроса, то это – в разделе "BlogDirectory". Что касается опубликованного ресурса, то здесь отметим учебное пособие (с аудиоприложением), опубликованное совместно с InternationalHeraldTribune [Sharma, 2007]. Данное пособие включает разнообразные статьи Herald Tribune, снабженные большим количеством притекстовых и послетекстовых упражнений. Статьи классифицированы по разделам "New sand Features", "Opinion", "Business", "Life style", "Art sand Entertainment", "Technology, Science and Health" и посвящены истории и культуре разных стран мира. В итоге, при моделировании курса по английскому языку преподаватель может запланировать (а) традиционную работу с напечатанным текстом – чтение, перевод, написание эссе, аннотаций и т.д., (б) упражнения на аудирование (т.к. имеется аудио-сопровождение), (в) различные виды учебной деятельности в онлайн-режиме при последующем обращении к новостному сайту.

Подводя итог, скажем, что нельзя не согласиться с российскими и зарубежными экспертами, что при помощи средств родного и иностранного языков постепенно формируется единая поликультурная личность, которая способна на осознанное самоопределение в широком разнообразии культур современных поликультурных сообществ [Сысоев, 2003, 166].

Литература

Брагина А. Д. Формирование поликультурных ценностных ориентаций будущих переводчиков как актуальная проблема профессионального языкового образования // Человек и образование: Академический вестник Института образования взрослых Российской академии образования. 2011. №1 (26). С. 118–123. {Bragina A. D. Developing multicultural value system of future translators as the challenging problem of professional linguistic education // Person and education: Academic bulletin of Institute for adults' educations at Russian academy of education. 2011. No.1 (26). P. 118–123.}

Воронова Е. Н. Использование обучающих технологий в процессе изучения иностранного языка в вузе // Метапредметное содержание языкового образования: школа – вуз: сборник статей участников Межвузовской научно-практической конференции (27 мая 2016 г., г. Арзамас) / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал; научный редактор Л.Н. Набилкина; составитель и ответственный редактор Д.Л. Морозов. Нижний Новгород; Арзамас: Изд-во ННГУ, Арзамасский филиал, 2016. С. 49–54. {Voronova E.N. Using educational technologies in the process of studying foreign language in higher school // Meta-subject content of linguistic education: school – higher school: collection of articles of participants of Interuniversity applied research conference (27 May 2016, Arzamas) / National research Nizhny-Novgorod state university named after N.I. Lobachevsky, Arzamas branch; Academic editor L.N. Nabilkina; compiler and editor-in-chief D.L. Morozov. Nizhny-Novgorod; Arzamas: Publishing house of NNSU, Arzamas branch, 2016. P. 49–54.}

Воронова Е. Н. Формирование поликультурной личности студента средствами учебной дисциплины «Иностранный язык» // Этнокультурное образование в современном мире: сб. науч. статей по материалам

Всероссийской очно-заочной научно-методической конференции «Этнокультурное образование в современном мире» (г. Саратов, 18–20 апреля 2017) / науч. ред. Е.А. Александрова; ред.-сост. И.В. Кошкина. М.: Издательство «Перо», 2017. С. 90–97. {Voronova E.N. Formingthemulticulturalpersonwiththehelpofacademicsubject “Foreignlanguage” // Ethno-cultural education in modern world: Collection of academic articles of the All-Russia research and methodological conference with face-to-face and virtual participation “Ethno-cultural education in modern world” (Saratov, 18–20 April 2017) / Academic editor E.A. Aleksandrova; compiler and editor-in-chief I.V. Koshkina. Moscow: Publishinghouse “Pero”, 2017. P. 90–97.}

Захарова Е. Н. Использование интернет-ресурсов как страноведческого источника в рамках курса английского языка в вузе (на примере медиа-ресурсов) // Этнокультурное образование в современном мире: сб. науч. статей по материалам Всероссийской очно-заочной научно-методической конференции “Этнокультурное образование в современном мире” (г. Саратов, 18–20 апреля 2017) / науч. ред. Е.А. Александрова; ред.-сост. И.В. Кошкина. М.: Издательство «Перо», 2017. С. 235–238. {Zakharova E.N. Using Internet resources as cross-cultural source in the framework of studying English in higher school (with the focus on media-resources) // Ethno-cultural education in modern world: Collection of academic articles of the All-Russia research and methodological conference with face-to-face and virtual participation “Ethno-cultural education in modern world” (Saratov, 18–20 April 2017) / Academic editor E.A. Aleksandrova; compiler and editor-in-chief I.V. Koshkina. Moscow: Publishinghouse “Pero”, 2017. P. 235–238.}

Сысоев П. В. Концепция языкового поликультурного образования (на материале культуроведения США). М.: Издательство “Еврошкола”, 2003. 401 с. {Sysoev P.V. The conception of linguistic multicultural education (using the material of cross-cultural studies in the USA). Moscow: Publishing house “Evroshkola”, 2003. 401 p.}

Sharma P. Reading the News. Boston: Thomson ELT, 2007. 114 p.

БАШКОРТОСТАНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ • ЭНЦИКЛОПЕДИЯЛЫ

УДК 811.512.162

Э. Ибрагимов, г. Баку

ИСТОРИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ

В этой статье подробно обсуждается история тюркологии в Азербайджане и ее текущее положение.

Ключевые слова: *Азербайджан, тюркский, язык, тюркология, обучение, университет.*

HISTORY OF AZERBAIJAN TURKOLOGY SUMMARY.

In this article, both the history of Turcology in Azerbaijan and its current situation will be discussed in detail.

Keywords*: Turkish, Azerbaijan, language, Turcology, education, university.*

GİRİŞ

Türkolojinin Azerbaycan'da öğretimi tarihi geçen yüzyıla dayanmaktadır. Nitekim XIX yüzyılda ve daha önceleri yabancı dil kısmında medrese ve mollahanelerde Arapça ve Farsça, daha sonralarsa genel olarak Rusça, İngilizce, Fransızca ve Almanca öğretilmiştir. XIX yüzyılda ve XX yüzyılın belirli dönemlerinde İsmail Bey Gaspıralı, Ali Bey Hüseyinzade, Ziya Gökalp gibi ilerici şahsiyetlerin Türkçülük faaliyetleri, ortak Türk Dili ve Edebiyatı doğrultusundaki eylemleri milli kimlik şuurunun oluşumunu ve gelişimini sağlamıştır. Aslında 1918–1920'li yıllar istisna olunursa, 19. yy'ın başlarından, daha doğrusu, 1828 yılında Türkmençay antlaşmasından 1991 yılına kadar Rusların hakimiyeti ve baskısı altında yaşayan Azerbaycan Türkleri, Türkiye'de yaşayan soydaşlarıyla kültür ve iletişim bağlarını her zaman korumaya çalışmışlardır. Bu doğrultuda eğitim alanında da iki taraflı ilişkiler gözükmektedir. Hüseyin Cavid gibi aydın, öğretmen ve yazarın İstanbul Darülfünunda yüksek öğrenim görmesi ve Türk şairlerinden etkilenerek eserler vermesi, genellikle dönemin Türk şair ve yazarlarının Azerbaycanlı müelliflerin üzerinde konu ve dil açısından derin etki bırakması edebi ilişkilerde büyük rol oynamıştır.

Azerbaycan Halk Cümhuriyetinin zamanında (1919 yılında) Bakü Üniversitesinin (şimdiki Bakü Devlet Üniversitesi) açılmasıyla Azerbaycan'da yüksek öğretim alanında ilk ve önemli adımlar atılması ve eğitimde laiklik ve milliliğin esas alınmasıyla beraber, bu dönemde Türkiyeli öğretim elemanlarının da Azerbaycan'da öğretmen olarak çalışmak için davet edilmeleri ve üniversite öğrencilerinin yüksek öğrenim için Türkiye'ye gönderilmeleri Azerbaycan ve Türkiye eğitim sisteminde ve iki akraba dil arasında ilişkilerin ve ortak unsurların gelişimini yüksek düzeyde artırmıştır [Elekberova, 2006, 66–68] "1917 ve 1919 yıllarında Türkiye'den Azerbaycan'a gelen öğretmen sayısı 300'ü geçmiştir".

Belirtilen bu süreç yalnız üniversitelerde değil, orta okullarda da mevcut olmuştur. Çar Rusya'sı zamanında ve Sovyet Azerbaycan'ında Türkiyeli öğretmenler orta okullarda da ders okutmuşlardır. Bu açıdan yazar Gılman İlkin'in anılarından bazı noktaları sunmak istiyoruz: "Azerbaycan'ın Halk Yazarı Gılman İlkin (Musayev) anlatıyor ki, o 1923–25'li yıllarda "Rüştüye" adlanan öğretmen okulunda okurken, o yıllarda bile okulda onlara ders veren Türk öğretmenler vardı. Onlar fizik, kimya, edebiyat derslerini okutuyorlardı. Gılman Bey özellikle edebiyat öğretmeni Zekeriye adlı kişiyi, onun bahsettiği Türk yazar ve şairlerini, onların yazmış oldukları parçaları iyi hatırlıyor. O sıradan da söylüyor ki, o zamanlar Osmanlıca konuşmak bir moda haline gelmişti ve her kes böyle konuşmaya özen gösteriyordu [Elekberova, 2006, 66–67]. Türkçenin etkisi altında konuşma özenini Muhittin Birgen'in hatıralarında da okumaktayız [Birgen, 2006, 799].

Ne yazık, sonradan Azerbaycan'da Ruslar ve Ermenilerin hakimiyette yetkili olmaları, Türkçülüğe karşı rejimin oluşması sonucunda Türkiyeli öğretmenler çoğunlukla yurt dışı edilmişlerdi. 1937 yılının malum ve meşum olayları sonucunda Türkçü aydınlar Pan-Türkist ve Pan-Turanist adlarıyla kurşuna dizilmiş veya sürgün edilmiş, hatta Türk kelimesinin kullanılması bile yasak edilmiştir. Kiril alfabesine geçilmesi ortak Latin alfabesinden uzaklaşma yolunda bir adım olmuştur. Tabii ki, bu gibi etkenler nedeniyle Azerbaycan'da Türkçenin öğretimi ve kullanımında aksama ve gerileme olmuştur.

Bundan sonra Doğu dilleri kısmında Arapça ve Farsça öğretilmiş, hatta orta okullarda da okutulmuştur. Türkçe, Eski Sovyetler döneminde yalnız Bakü Devlet Üniversitesinin Şarkiyat Bölümünde okutulmuştur.

Azerbaycan bağımsızlığına kavuştuktan (18 Ekim 1991) ve Rusların Türkoloji alanda bütün baskılarından kurtulduktan sonra Türkçenin öğretiminde de yeni bir dönem başlanmıştır. Her sahada

ilişkilerin oluşması ve gelişmesi Türkçenin hem kullanımında, hem de öğretiminde, ortak Türkçenin oluşumunda büyük rol oynamıştır.

Bakü Devlet Üniversitesinde Türkoloji: 1919 yılında Azerbaycan Demokratik Cumhuriyeti'nin kararıyla kurulan Bakü Devlet Üniversitesi'nin ilk öğretim-eğitim yılında Tarih-Filoloji ve Tıp bölümleri açılmıştır [Merdanov, Guliyev, 2003]. Bu tarihten itibaren Tarih-Filolojiye bağlı Doğu Bilimleri Bölümü de faaliyete başlamıştır. 1922 yılında yaratılan Doğu Bilimleri Bölümünde Türkçe ve Farsça şubeleri açılmıştır. O zamandan bugüne kadar faaliyetini sürdüren bölümde Türkçe dersleri de okutulmaktadır. Bugün Rus ve Azerbaycan bölümlerinde, lisans ve yüksek lisans kademelerinde fakültenin Türk Dili ve Edebiyatı bölümünün öğretim elemanları tarafından verilen derslerde Türk yazın dilinin sesbilgisi, kelime hazinesi, morfolojisi öğretilmekte, aynı zamanda çağdaş Türkçeyle beraber Osmanlıca da okutulmakta ve pratik olarak Oku Metinlerinden istifade edilmektedir. Cikiya, Şamilova, Kononov gibi yabancı ve Rus dilli yazarların eserlerinin yanı sıra Azerbaycanlı öğretim elemanları tarafından yazılan veya hazırlanan ders kitapları da kullanılmaktadır. Görüldüğü üzere Türkçenin dilbilgisi açısından öğretiminde Azerbaycanlı öğrencilerin daha kolay anlamaları için bu veya diğer terimler tamamen Azerbaycan dilinin gramerinde olduğu gibi verilmiştir. (Prof. Dr. Esger Resulov "Dilcilik Terimleri Sözlüğü" mevcut olduğu için öğrencileri çalıştırmak amacıyla bu yöntemin kullanıldığını söyledi.)

Bakü Devlet Üniversitesinde Türkçe dersleri Doğu Bilimleri Bölümüyle beraber, Filoloji, Tarih, İlahiyat, Uluslararası Hukuk ve Uluslararası İlişkiler Bölümlerinde de okutulmaktadır. Öğretim elemanları genel olarak Şarkiyat Fakültesinin mezunlarıdır. Bir hususu belirtmek isterdik ki, Cumhuriyet döneminde olduğu gibi yaklaşık 27 yıldır ki, Azerbaycanlı öğrenciler Türkiye'nin çeşitli üniversitelerinde yüksek öğrenim görmekteler ve onlar da Türkçenin öğretiminde ve kullanımında ayrıca bir role sahipler.

Azerbaycan Devlet İktisat Üniversitesinde Türkoloji: 1930 yılında açılmış Azerbaycan Devlet İktisat Üniversitesi'nde (ADİU) bugün 12 fakültede lisans ve yüksek lisans kademelerinde eğitim verilmektedir. Önceler Bakanlar Kurulu'na Bağlı Azerbaycan Ekonomisini Yönetme Enstitüsü gibi faaliyet gösteren Türk Dünyası İşletmeleri Fakültesinde dersler tamamen Türkçe okutulduğu için 1. sınıftan başlayarak Türkçe okutulmaktadır. İşletmecilik ve Uluslararası İlişkiler Bölümlerinde Türk programına dayanılarak dersler tamamen Türkçe verilmektedir. Bu öğretim-eğitim yılında Türkçe, Doç. Dr. Kübra Guliyeva tarafından okutulmaktadır. Onun aşağıdaki kitap ve programları vardır: Kübra Guliyeva. Türkçe Okuma Kitabı. Bakü: 1999, Kübra Guliyeva, Samire Memmedova. Tercüme Metinleri. Bakü, Nurlan Neşriyatı: 2002. İkinci kitap "Politik Metinler", "Ekonomik Metinler" kısmında bölümler altında işlenmiş ve fakülte öğrencilerinin politik ve ekonomik kelime hazinesini oluşturmayı hedeflemektedir. Bu amaçla Kübra Guliyeva'nın 2003 yılında yayınlattığı "Türk Dili (Türkiye Türkçesi) Programı (Fen ve Ekonomi Fakültelerinde Yüksek Öğretimin Bakalavr Kademesi İçin)" uygulanmaktadır. Azerbaycan ve Türk dillerinde basılmış bu programda konular yedi bölüme ayrılmış ve aşağıdakilerdir: Genel Konular, Sesbilgisi, Biçimbilgisi, Sözdizimi, Yardımcı Cümle Öğeleri, Anlambilim, Ekononi Terimler, Eğitim Dalıyla İlgili İkitaraflı Çeviriler.

Tabii ki, bu başlıklar da alt başlıklar şeklinde ve kaynak kitaplarla beraber verilmiş ve girişte Türkçenin bu üniversitedeki öğretim şekli ve amacı anlatılmıştır: "Azerbaycan Devlet Ekonomisi Üniversitesi İşletme Fakültesi'nin Türk Bölümü'nde dersler İstanbul Üniversitesi'nin uygun fakültesinin programına esasen yürütüldüğünden burada Türk Dili (Türkiye Türkçesi) eğitim programına dahil edilmiştir. Birinci sınıfta, hem de üst sınıflarda geçilen Pazarlama, Davranış, Emek Hukuku, Muhasebe, İşletme Finansman, Maliye Yönetimi ve diğer dersler kaydettiğimiz programlara dayanılarak ve hem de Türk uzmanlarca eğitildiğinden birinci sınıfın ilk sömestrinde Türkiye Türkçesi'nin yoğun şekilde öğretilmesi gerekir. Bu amaçla talebelere birinci sınıfta 1 ay (4 hafta) süresinde yoğun şekilde Türk Dili (Türkiye Türkçesi) kursu geçiliyor. Kurs bittikten sonra haftada 4 saat olmak üzere dersler yıl boyunca devam ettiriliyor...

Azerbaycan Milli Bilimler Akademisinde Türkoloji: 1945 yılından itibaren Azerbaycan'da bilimsel kurum olarak faaliyet gösteren Azerbaycan Milli Bilimler Akademisi'nde Türkçe, bildiri ve doktora tezlerinin konuları olarak öğrenilmektedir. Bu açıdan Nesimi adına Dilcilik ve Z.M.Bünyadov adına Doğu Bilimleri Enstitüsündeki Türk Dilleri ve Türk Filolojisi bölümlerinde yapılan çalışmaları belirte biliriz.

Dilbilimi Enstitüsünde Türk Dilleri bölümünde Türkçe ayrıca olarak tez ve bildirilerin konusunu oluşturmasa da, dil ilişkileri doğrultusunda ve genellikle Oğuz grubu Türk dilleri bağlamında araştırılmıştır: "Oğuz Grubu Türk Dillerinin Sesbilgisi", "Oğuz Grubu Türk Dillerinin Morfolojisi", "Oğuz Grubu Türk Dillerinin Leksikası", "Oğuz Grubu Türk Dillerinin Sözdizimi" vb. kitablar bölüm tarafından yayınlanmıştır. Türkoloji bölümüne farklı zamanlarda Türk Dünyasının büyük dilbilimcileri Prof.Dr. Vagif Aslanov, Ord. Prof.Dr. Kamal Abdullayev, Prof.Dr. Mehebbet Mirzeliyeva, Doç.Dr Gatibe Mahmudova ve günümüzde de Doç.Dr Aygül Hacıyeva başkanlık yapıyor.

1966 yılından Doğu Bilimleri Enstitüsünün "Şark Halkları Edebiyatına" bağlı olarak faaliyete başlayan, sonralarsa müstakil bölüm olarak açılan Türk Filolojisi Bölümünde genellikle Türk edebiyatı ile bağlı konular daha yoğun olarak araştırıldığı için dilcilik alanında çalışmaların sayısı düşüktür.

Ayrıca Azerbaycan Milli Bilimler Akademisi Füzuli adına Elyazmalar Enstitüsü'nde de Türk Filolojisi Bölümü faaliyet göstermektedir ve burada klasik dönem üzere Türk Dili ve Edebiyatı çalışmaları yapılmaktadır.

SONUÇ

Azerbaycan'da Türkolojinin tarihi ve günümüzdeki durumuyla ilgili çenin öğretimiyle bağlı hazırladığımız bu bildiride amacımız tespit edebildiğimiz kadar bu alanda genel manzaranın ne olduğunu belirlemek ve sergilemekti.

Yukarıda da belirttiğimiz gibi, Azerbaycanda Türkolojinin tarihi çok eskilere dayanmaktadır. Günümüzde de bu alanda çok büyük araştırmalar yapılmaktadır. Özellikle üniversitelerde ve akademilerde türkolojiyle ilgili günümüzde son derece gerekli araştırmalar yapılmaktadır. Türkolojinin güncel sorunları, Türk dünyasında ortak alfabe, ortak imla gibi güncel konularla ilgili akademisyenler tarafından araştırmalar yapılmaktadır.

Ayrıca bugün Türk Dünyasının en büyük sorunlarında olan Ortak konuşma (iletişim) dili meselesi üniversitelerde Türkoloji bölümlerinde araştırılmaktadır. Bugün küreselleşen dünyada politik, ekonomik, medeni ilişkileri en üst düzeyde kurmak için Türk dilli halkarın ortak bir konuşma (iletişim) diline ihtiyacı vardır. Bu tecrübe tarihen olup. Zamanında Altay dağlarından Dunay nehirine kadar büyük coğrafyada yaşayan, bügün Orhun anıtlarının dili gibi kabul ettiğimiz tek edebi dili, ortak konuşma dilimiz olup. Bu anlaşma bize olanak sağlıyor ki bugün de türkçelerden birini ortak konuşma (iletişim) dili olarak kullanak. Belirttiğimiz bu ve bu gibi konular günümüzde Türkoloji için en güncel konulardı.

Kaynakça

Birgen, Muhittin. İttihat ve Terakki'de On Sene. 2. cilt. İttihat ve Terakki'nin Sonu. Hazırlayan: Zeki Arıkan. İstanbul, 2006.

Elekberova, Kemale. 20. y.y'ın Başlarında Azerbaycan Yazı Dilinin Oluşmasında Osmanlı Türklerinin Rolü. KIBATEK XII. Uluslararası Edebiyat Şöleni (9-16 Mayıs 2006). Bildiriler. Bakı: Vektor Neşrler Evi, 2006. S. 66–68.

Guliyeva, Kübra; Memmedova, Samire. Tercüme Metinleri. Bakü: Nurlan Neşriyatı, 2002.

Merdanov Misir; Guliyev Esger. Azerbaycan Tehsili Xalq Cümhuriyyeti İllerinde. Bakı: Çaşıoğlu, 2003.

Resulov, Esger. Tercüme Nezeriyyesi Müstevisinde Türkiye Türkçesi ve Azerbaycan Dili. Bakı: Nurlan, 2007.

Resulov E.A., Rüstemov R.E. Türk Dili. Derslik, Bakü: Bakü Devlet Üniversitesi Neşriyatı, 2007.

УДК 372.881.161.1.

Т. М. Иванова, г. Чита

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Актуальность темы обусловлена необходимостью и потребностью социума и образования как его части, сделать процесс обучения русскому языку как иностранному востребованным и доступным при изучении методической дисциплины «Основы этнометодики в преподавании РКИ».

Ключевые слова: *этнометодика, этническая культура (региональный компонент), культурологические компетенции, этноориентированная модель обучения.*

STUDYING THE ETHNIC CULTURE OF EASTERN TRANSBAIKAL AREA IN CLASSES ON RUSSIAN. *The relevance of the topic is due to the need and necessity of society and education as part of it, to make the process of teaching Russian as a foreign language in demand and accessible when studying the methodological discipline* Fundamentals of ethnomethods *in teaching the regional component.*

Keywords*: ethnomethods, ethnic culture (the regional component), cultural competence, ethnooriented learning model.*

В настоящее время стало очевидным, что успешные контакты с представителями других культур невозможны без знания этнических особенностей этих культур при изучении русского языка, а также этноориентированного обучения РКИ. В нашем понимании этноориентированное обучение РКИ – это организация обучения языку на основе учёта культуры, родного языка, лингводидактических традиций и специфики восприятия этноса студентами-иностранцами с использованием разных методов в обучении русскому языку. В языковом сознании носителя отдельно взятого языка зафиксирован свой способ видения мира, совпадающий или несовпадающий со способом видения мира другого языка. Одним из центральных направлений в языке как части культуры разных этносов выступает анализ того, как в нашем сознании отражены человек и этнокультурные особенности в окружающем его пространстве. Под влиянием языка человек формирует свою определённую «этническую картину мира» (в нашем случае региональный компонент), а язык как часть культуры развивает социум и культурные ценности, в котором живёт этнос и является частью «этнической культуры мира». И.А. Пугачёв подчёркивает, что «универсалиями любой культуры являются наиболее общие представления о природе, о месте человека в мире, человеческой деятельности, общественных отношениях, духовной жизни и культурных ценностях. Однако разнообразие форм человеческой деятельности приводит к несовпадению содержания коллективного опыта представителей разных лингвокультур [Пугачёв, 2011, 30]. Будущие учителя-русисты, изучающие РКИ, должны уметь анализировать ценности своего языка, собственной культуры и изучаемого ими русского языка. «Изучающие иностранный язык, – подчёркивают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, – обычно стремятся, прежде всего, овладеть ещё одним способом участия в коммуникации. Однако, усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» [Верещагин, 1990, 4]. Для студентов-китайцев, находящихся на обучении в России, главная задача научиться в языковой среде русских говорить и понимать по-русски. В нашей работе мы опираемся на мнение И.А. Пугачёва, который считает, что этноориентированный подход к обучению РКИ помогает преподавателям определять эффективность наиболее приемлемых форм и методов обучения; обосновать трудности, с которыми сталкиваются студенты-иностранцы при изучении РКИ; оказать помощь в решении проблем адаптации в новую социокультурную среду. Китайские студенты – один из сложных контингентов российских вузов. Преподаватели РКИ сталкиваются с большими трудностями при обучении китайских учащихся из-за того, что методика преподавания русского языка в России не вполне подходит для обучения китайцев. Коммуникативная методика преподавания РКИ в России, ориентированная на аналитическое восприятие, абстрактное мышление, выявление причинно-следственных связей и логических закономерностей, не соответствует когнитивным особенностям художественно-образного мышления китайцев. В китайской лингвистической традиции преобладает рационально-логический метод, при котором основным показателем является количество выученных слов и неизменяемых клише, которые можно употреблять в речи. В связи с этим творческие задания,

анализ текстов с проблемными вопросами и описанием разных ситуаций и других заданий выполняются с большим трудом, языковая, речевая и коммуникативная компетенции слабо формируются. По мнению И.А. Пугачёва, «необходимо развивать у китайской аудитории умение анализировать, устанавливать причинно-следственные связи, совершенствовать логическую память и абстрактное мышление» [там же, 70]. На наш взгляд, студенты-китайцы, изучающие РКИ, должны получить знания не только о стандартном русском языке, но и узнать нестандартные варианты его существования, особенности его употребления в условиях реальной коммуникации, познакомиться с региональной языковой картиной Восточного Забайкалья. Студенты-иностранцы в Забайкальском государственном университете (г. Чита, Россия) изучают русский язык по образовательным программам бакалавриата направления 45.03.01 «Филология», профиля «Прикладная филология» (русский язык), где, в первую очередь, изучают особенности устройства языковой системы стандартного русского языка, его законы, правила функционирования единиц языка в речи; а также в программе этого направления указаны и методические дисциплины, например, «Основы этнометодики в преподавании РКИ». При изучении этой дисциплины предусмотрено применять технологии коммуникативного обучения на основе общения с усвоением иноязычной культуры (в нашем случае региональной этнической культуры), а через неё и постижение изучаемого русского языка. Этническая картина мира является особым структурированным представлением о мироздании, характерным для членов того или иного этноса, которое, с одной стороны, имеет адаптивную функцию, а, с другой, – воплощает в себе ценностные доминанты, присущие культуре конкретного народа [Голикова, 2005, 52]. Исторический опыт языковой личности народа, изучаемого языка, взаимосвязь культуры и ментальности в культуре и литературе являются источниками этнокультурной информации для студентов-китайцев, изучающих РКИ. Восточное Забайкалье – один из интересных и удивительных регионов России. Бескрайние степи к востоку от Байкала были заселены ещё 30000 лет назад. С тех пор Забайкалье стало свидетелем расцвета и угасания многих цивилизаций, включая самую крупную в мировой истории империю могущественного завоевателя Чингисхана, родившегося, по легенде, неподалёку от Читы – в долине реки Онон. Позже в эти края пришли русские землепроходцы – казаки, основавшие первые крупные поселения и остроги. Появление русских в Сибири не вносило изменений в название края, так как русские не вытесняли местных жителей из обжитых

Рис. 1. Русские старожилы

Рис. 2. Забайкальские буряты

Рис. 3. Эвенки-тунгусы

Рис. 4. Чикойские старообрядцы

местностей, а заселяли свободные необжитые земли. На территории Забайкальского края сложилась уникальная этническая ситуация: на протяжении веков на ней проживают представители трёх этносов: русские, буряты, эвенки, которые включают этнокультурные группы казачества – первые русские переселенцы в регионе, старообрядцев, переселившихся из различных районов России.

Данные этносы способствовали формированию определённых типов местного населения, которые являются носителями забайкальской этнокультуры. Параллельное освоение языка и культуры изучаемого языка позволяет гораздо эффективнее осуществлять обучение РКИ, а роль этнокультурных факторов при обучении РКИ и специфики обучения в языковой среде студентов используются нами на занятиях по дисциплине «Основы этнометодики в преподавании РКИ». В соответствии с этим не менее важным мы считаем познакомить студентов-иностранцев с описанием образа жизни этноса в крае, взаимоотношениями внутри этноса с другими народами, проживающими на одной территории, отношение к окружающей среде; охарактеризовать особенности местной забайкальской речи, их культурные традиции и ценности, что в целом называется региональной этнической картиной мира. Основа народной духовной культуры полиэтнического населения Забайкалья – устное творчество – явление сложное, обладающее ярко выраженными чертами национального своеобразия и в немалой степени особенностями локальной специфики.

Нами на практических занятиях используются как образцы фольклора народов Забайкалья, так и тексты разных жанров об истории Края за Байкалом, к каждому тексту применяются определённые требования и задания, имеющие региональную направленность. Данные тексты помогают студентам расширить фоновые знания по истории, культуре, литературе Восточного Забайкалья.

По мнению Н.В. Кулибиной, «…создание психологического комфорта на языковом учебном занятии достигается с использованием такого художественного текста, который читатель-инофон может и хочет понять»[Кулибина 2001, с.58]. Мы согласны с точкой зрения учёного-лингвиста Н.В. Кулибиной, но достижение адекватного, смыслового восприятия, понимания иноязычного текста зависит от эффективности методической организации процесса обучения. Работа над любыми текстами требует от преподавателя развёрнутого методического аппарата, включающего в себя традиционные этапы анализа текста: *пред-, при-* и *послетекстовые* задания. *Послетекстовые* задания на наших занятиях направлены на многократное повторение и закрепление новой лексики, лексико-грамматических и синтаксических конструкций, контроль усвоения материала занятия. Каждое задание по тексту предполагает выход в речь, направленное не только на языковую работу, но и на самостоятельную аналитическую работу, с разным количеством заданий, например, *из прочитанного текста найдите прилагательные, определите род, число, падеж. Выделите прилагательные в сравнительной и превосходной форме, составьте с ними три предложения* и другие.

Таким образом, система работы по приобщению студентов-китайцев к культуре изучаемого языка и описанная методика применима для работы со студентами разного уровня языковой компетенции, вызывает интерес и формирует комплекс знаний, умений, навыков общекультурного, общепрофессионального и профессионального характера, а также способствует формированию новых педагогических технологий в изучении методической дисциплины «Основы этнометодики в преподавании РКИ».

Литература

Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления: Монография. М.: РУДН, 2010. 344 с. {Balykhina T. M., Zhao Yujiang. From methods to ethnomedica. Teaching Chinese to Russian: problems and ways to overcome them: Monograph. M.: RUDN, 2010. 344 p.}

Балябин В.Н. Забайкальцы. Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1986. 592 с. {Balabin V. N. Transbaikalians. Irkutsk: East Siberian book publishing house, 1986. 592 p.}

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании РКИ. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 246 с. {Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Language and culture: linguo-cultural Studies in the teaching of RKI. 4th ed., reprint. and add. M.: Rus. yaz., 1990. 246 p.}

Голикова Т.А. Этнопсихологические исследования языкового сознания. М.: РАН Институт языкознания, 2005. 322 с. {Golikova T. A. Ethnopsychological studies of language consciousness. Moscow: RAS Institute of linguistics, 2005, 322 p.}

Иванова Т.М. Этнометодика. К вопросу о языковой картине мира в культурном и образовательном пространстве русского и китайского языков // Аксиологическая лингвометодика: мировоззренческие и ценностные

аспекты в школьном и вузовском преподавании русского языка: материалы международной научно-практической конференции. Москва: МПГУ, 2019. 368 с. {Ivanova T. M. Ethnomedica. On the question of the language picture of the world in the cultural and educational space of the Russian and Chinese languages // Axiological linguometodics: worldview and value aspects in school and University teaching of the Russian language: materials of the international scientific and practical conference. Moscow: Moscow state pedagogical University, 2019. 368 p.}.

Кулибина Н.В. Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя // Мир русского слова. 2001. № 5. {Kulibina N.V. Art discourse as actualization of an artistic text in the reader's mind // The world of the Russian word. 2001. № 5.}

Левашов В.С. Фольклор. Литература. История. Чита: ЗабГУ, 2017. 784 с. {Levashov V.S. Folklore. Literature. History. Chita: Zabgu, 2017. 784 p.}

Пугачёв И.А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка иностранцам: Монография. М.: РУДН, 2011. 284 с. {Pugachev I.A. Ethnooriented methodology in multicultural teaching of the Russian language to foreigners. Monograph. Moscow: RUDN, 2011. 284 p.}

УДК 130.2

С. К. Калпетходжаева, г. Алматы

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье дается анализ истории и современного понимания понятия «национальная идентичность». Автор ставит вопросы о первичности происхождения языка, о роли языка в процессе идентификации, о связи языка с историей, политикой и культурой. Делается вывод о том, что роль и задача каждого человека – не только воспринять языковой и культурный код своего народа, но и продолжить передавать информацию и обогатить его в рамках тех исторических условий, в которых каждый находится и функционирует.

Ключевые слова: *идентичность, язык, миф, традиция, культура.*

THE HISTORIC-PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN LANGUAGE AND NATIONAL IDENTITY*. The article presents the analysis of history and contemporary definition of national identity. The author raises questions about the origin of language, the role of the language in the process of identification, language connection with history, politics and culture. The following article summarizes that a core role and objective of each person is not only to perceive linguistic and cultural code of his/her own nation, but continue to transmit information and enrich the code within historical circumstances, where one exists and operates.*

Keywords: *identity, language, myth, tradition, culture.*

В XX веке, как никогда раньше, происходит острая борьба между научным и ненаучным знанием. Казалось, что победа рационализма безапелляционна, а неопозитивизм, взяв за основу витгенштейновское «Мир только один – мир фактов и событий», окончательно установил власть науки над метафизикой, как вопреки всему происходит возрождение интереса к религии и мифологии, вошедшее в историю науки под тегом ремифологизация. Структурализм (К. Леви-Стросс), неокантианство (Э. Кассирер), сторонники православного имяславия (А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский) в полемике об определении границ науки вернули место мифологии, а вместе с ней – литературы, искусства и религии, в зону важнейших элементов социального ландшафта, как обладающих самобытной самодостаточной структурой, не нуждающейся в каких-либо обоснованиях.

История любого народа тесно переплетена с историей его взаимоотношений с окружающим миром, которые выражены в форме мифотворчества. Благодаря образному представлению человек выражает смыслы, значения, оценки окружающего его мира, или, говоря другими словами, предметно-разворачивает духовное бытие, делая его основанием для самоидентичности человека в социуме, а народа – в контексте мировой культуры и исторической памяти.

Вопрос о первичности

Понимание мира, лежащее в основе мифа, тесно связывает его с религией, поскольку, выражаясь словами Шиллера, «Миф должен быть истолкован сам из себя, ибо он содержит в себе собственную мифическую необходимость, вследствие чего мифология оказывается необходимым теогоническим процессом» [ScellingsWerke, 1928, 95]. Но, как известно, мифология и религия являются не только этапами в развитии нашего познания, – это часть коллективного мышления, необходимая константа человеческого миропостигания и мировосприятия. Как говорил ЭрнстКассирер: «Задолго до того, как мир явился сознанию в качестве совокупности эмпирических «вещей» и в качестве комплекса эмпирических «свойств», он был для него совокупностью мифологических сил и эффектов» [Кассирер, 2002,15].Исходя из истории происхождения термина (миф переводится с греческого языка, как рассказ, сказание, повествование), используя тезис А.А. Тахо-Годи о том, что «миф» «выражает обобщенно-смысловую наполненность слова в его целостности» [Тахо-Годи, 1989, 8], можно предположить, что само миропостигание всегда было сопряжено с желанием поделиться с собственным видением окружающего мира и происходящих в нем событий.Культура, вобрав в себя миф и язык, сделала его своим инструментом передачи эпистемологического процесса, а также важнейшим способом коммуникации.

Язык – это форма сосредоточения социального Я, который закамуфлирован в форму словесных и когнитивных выражений, словосочетаний, идиом, фразеологических оборотов и простых общеупотребляемых текстов. Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, язык – это не просто орудие для производства мыслей, он сам – источник мысли, наше видение мира через изъяснение.

Гердер и Шеллинг утверждали первичность мифа по отношению к языку: «Язык сам по себе есть только хаос, из которого поэзия должна построить тело для своих идей» [Шеллинг, 1966, 63]. А вот известный авторитет, профессор филологии из Оксфорда, создатель жанра фэнтези и нескольких искусственных языков (квенья, синдарин, энтский), фанат связки миф-язык, Дж.Р.Р. Толкин, наоборот, считал, что язык – предшественник мифа, утверждая, что «мифотворчество – явление вторичное, первичным являлось языкотворчество; легенды следовали за языками – этот факт Толкин подчеркивал постоянно» [Потапова, 2003, 68].

Как бы там ни было, язык и миф являются символическими формами культуры, через которые человек движется в процессе социализации. Говоря словами Э. Кассирера, «Миф и искусство, язык и наука являются в этом смысле формами чеканки бытия; они – не просто отпечатки наличной действительности, а директивы движения духа, того идеального процесса, в котором реальность конституируется для нас как единая и многообразная, как множество форм, спаянных в конечном счете единством смысла» [Кассирер, 2002, 41].

Русский философ, а также лингвист и религиозный деятель А.Ф. Лосев своеобразно интерпретировал понятие мифа: если подойти к его рассмотрению с мировоззренческой позиции (неважно какой – научной, художественной или религиозной), миф – это выдумка и фантазия, а, если рассматривать миф со стороны внутренней сущности «глазами самого мифа», то – это самая что ни есть «наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но *наиболее яркая и самая подлинная действительность*. Это – *совершенно необходимая категория мысли и жизни*, далекая от всякой случайности и произвола» [Лосев, 1990, 3–4]. К этим словам можно добавить: подлинная действительность, выражающая саму суть народа, его культурную память и смысловой код.

О роли языка в процессе идентификации

Как известно, языковая память, выражая способность человека осмысленно воспринимать и анализировать окружающий мир, представляет собой сплав актуальной памяти народа, объединённого единой историей, традицией и территорией, дополненный и сохраненный произведениями устного и письменного творчества интеллектуальной части общества. Жизнь языка, благодаря этому, не только сохраняется, но и обогащается, функционирует, развивается.

Культурная идентичность индивида, как и народа в целом, выражается через его включенность в язык, через который он сохраняется и самореализуется. Говоря словами М. Хайдеггера, «поскольку мы, люди, чтобы быть тем, что мы есть, встроены в язык и никогда не сможем из него выйти, чтобы можно было обозреть его еще и как-нибудь со стороны, то в поле нашего зрения существо языка оказывается всякий раз лишь в той мере, в какой мы сами оказываемся в его поле, вверены ему» [Хайдеггер,1993, 63]. В данном контексте, роль и задача каждого человека – не только воспринять языковой и культурный код своего народа, но и продолжить передавать информацию и обогатить его в рамках тех исторических условий, в которых каждый находится и функционирует. А так как «культура – это портрет социальной общности, с характерными для нее образом мыслей и действий людей, которые выражают специфику данного сообщества и тем самым выделяют его среди других» [Болдычева, 2009], необходимо подвергнуть анализу тот фундаментальный контекст, который определяет культурно-идентификационную основу индивида.

Как отмечают некоторые исследователи [Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания; Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта; Келли Дж. Теория личности: психология личных конструктов; Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок и др.], современные процессы глобализации отрывают человека от привычных, веками сформированных ориентиров идентичности. СМИ, облегчив получение информации, профанировала ее достоверность и значимость. Растет экономическая и трудовая миграция. Транснациональные корпорации, поставив приоритетом получение прибыли, способствуют распространению единых стандартов менеджмента, корпоративного поведения, доминирования английского языка. Растет количество людей-космополитов, которые вместе с положительной составляющей

(мультикультурализм, толерантность, открытость), несут в себе манкуртизм, отсутствие привязанности к культурным устоям и традициям своих предков, оторванность и забвение собственных корней. По мнению российского ученого В. В. Кочеткова, достижимость надежной идентичности и возможность ее возникновения вообще станут проблематичными, а "отказ от идентичности" станет единственно правильным поведением человека [Кочетков, 2012, 151].

Заключение

Язык через его связь с культурой, историей и политикой играет важную роль при формировании собственной позиции человека. В наше время в контексте развития межгосударственных политических и экономических связей и идущими вместе с ними процессами мультикультурализма, полиэтничности и плюрализма мнений и вкусов, в рамках разрастания идей космополитизма, растет также другая составляющая процесса глобализации – проблема поиска самоидентичности как отдельных людей, так и целых народов. Как отмечают некоторые исследователи: «для построения сильного в политическом и экономическом плане государства обществу необходимо утвердить общие для всего населения ценности, которые стали бы основой для всего общества» [Шакурова, 2016], ибо «в стабильных обществах вопроса об идентичности не возникает, поскольку каждый знает и ощущает свою принадлежность. Однако в смутные времена перемен и потрясений, когда прошлое невыносимо, а будущее неопределенно, вопрос об идентичности выходит на первый план» [Кочетков, 2012, 151].

Идентичность становится не просто признаком личной индивидуальности, а элементом раздора и инструментом утверждения политического господства или, напротив, его ниспровержения.Применяя тезис к положению в современной, постсоветской Центральной Азии, можно с сожалением констатировать, что «язык далеко не всегда оказывается надежным критерием родства, и для многих авторов процесс перехода от ирано- к тюркоязычию нисколько не ставит под сомнение идею преемственности. Некоторым кочевой образ жизни и связанная с ним культура кажутся не в пример важнее языка. Но наиболее соблазнительной для многих является биологическая преемственность» [Шнирельман, 2009].

Однако, несмотря на весь негатив, которым сопровождается процесс поиска собственного Я в большом объединяющемся мире, процесс самоидентификации народов является процессом необходимым и неизбежным, дающим нам все основания для включения его в прогрессивные поступательные шаги Человека в круговороте истории.

Литература

Болдычева В. А. Традиция и язык как способы трансляции культуры // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 90. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsiya-i-yazyk-kak-sposoby-translyatsii-kultury (дата обращения: 22.03.2020) {Boldycheva V.A. Tradition and language as ways of broadcasting culture // Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. 2009. № 90.}

Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с. {Cassirer E. Philosophy of symbolic forms. Volume 2. Mythological thinking. M.; St. Petersburg: University Book, 2002. 280 p.}

Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире//Вестн. моск. ун-та. Сер. 18. Социологияиполитология. 2012. № 2. С. 144–162. {Kochetkov V.V. National and ethnic identity in the modern world // Tomsk State University Journal. Mosk. un-ty. Ser. 18. Sociology and political science. 2012. No. 2. S. 144–162.}

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 429 с. {LosevA.F. Thedialecticofmyth. Moscow: Pravda, 1990. 429 p.}

Потапова О. С. Миф и язык в творчестве Дж.Р.Р. Толкина («сильмариллион») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2003. 1 (3). С. 68–74. {Potapova O.S. Myth and language in the work of J.R.R. Tolkien («Silmarillion») // Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. 2003. 1 (3). P. 68–74.}

Тахо-Годи А. А. Греческая мифология М.: Искусство, 1989. 304 с. {Tahoe-Godi A.A. Greek mythology. Moscow: Art, 1989. 304 p.}

Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 448 с. {Heidegger M. European nihilism // Heidegger M. Time and Being: Articles and speeches. Moscow: Republic, 1993. 448 p.}

Шакурова Г. З. Язык и поиск идентичности в процессе строительства национального государства стран Центральной Азии // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 568–571. – URL: https://moluch.ru/archive/111/27408/ (дата

обращения: 05.02.2020){Shakurova G. Z. Language and the search for identity in the process of building the national state of Central Asian countries // Young scientist. 2016. No. 7. P. 568–571.}

Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с. {Schelling F.V.J. The philosophy of art. Moscow: Thought, 1966. 496 p.}

Шнирельман В. А. Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). – URL: https://magazines.gorky.media/nz/2009/4/simvolicheskoe-proshloe-borba-za-predkov-v-czentralnoj-azii.html (дата обращения: 05.02.2020) {Shnirelman V.A. Thesymbolicpast. The struggle for ancestors in Central Asia // The untouchable reserve. 2009. No. 4 (66).}

Scellings Werke, hrsg. von M. Schroter, VI. Hauptband. Munchen, 1928. 105 p.

УДК 391:398

З.Н. Кириллова, г. Казань

КРЕЩЕНЫЕ ТАТАРЫ БАШКОРТОСТАНА

Данная статья посвящена исследованию крещеных татар, проживающих в Республике Башкортостан. Данная группа имеет название Бакалинских кряшен. В работе была раскрыта специфика формирования данного подговора, выявлен этнически смешанный характер группы. Кроме этого, были изучены языковые особенности, проанализированы некоторые элементы украшений и одежды, общие с башкирами, а также выявлены древнетюркские слова, которые сейчас являются устаревшими для татарского литературного языка и сохранились лишь в диалектах татарского языка и в других тюркских языках, в том числе и в башкирском языке.

Ключевые слова: *Башкортостан, крещеные татары, кряшены, Бакалинские кряшены, языковые особенности, древнетюркские слова, одежда и украшения.*

BAPTIZED TATARS OF BASHKORTOSTAN. *This article is devoted to the study of baptized Tatars living in the Republic of Bashkortostan. This group has the name Bakaly Kryashens. The work revealed the specifics of the formation of this sub-dialect, revealed the ethnically mixed nature of the group. In addition, language features were studied, some elements of decorations and clothing common with Bashkirs were analyzed, as well as the Old Turkic words, which are now obsolete for the Tatar literary language and have survived only in dialects of the Tatar language and in other Turkic languages, including in the Bashkir language.*

Keywords*: Bashkortostan, baptized Tatars, Kryashens, Bakaly Kryashens, language features, Old Turkic words, clothes and jewelry.*

Хезмәтебез Идел һәм Урал татарларының этноконфессиональ төркемен тәшкил итүче керәшеннәрне өйрәнүгә, аерым алганда, Башкортостанда яшәүче керәшен татарларының лингвистик һәм мәдәни үзенчәлекләрен ачыклауга багышлана.

Керәшеннәрнең күпчелеге Татарстан республикасында яши, шулай ук аерым төркемнәре күрше Башкортостан, Удмуртия республикаларында, Чиләбе, Киров һәм Самара өлкәләрендә дә урнашкан. Шундый төрле территориягә таралып яшәүче керәшеннәр тел үзенчәлекләре ягыннан да, горефгадәтләре буенча да бер-берсеннән бик нык аерылып тора [Кириллова, 2018, 72–73; Кириллова, 2017, 65–66].

Керәшеннәрнең төп өлеше ислам диненнән христианлыкка күчкән татарларны тәшкил итә, ә калганнары исә татарлашкан фин-угыр халыкларыннан һәм төрки халыкка кертелгән чуашлардан килеп чыккан яисә бу халыкларның көчле йогынтысын кичергән. Әлеге фикер керәшен сөйләшләренең тел үзенчәлекләре белән дә дәлилләнә.

Керәшен татарларының һәр сөйләшендә дә төрки нигезле сүзләр төп урынны алып тора. Шунысын да билгеләп үтү мөһим: мөселман татарларыннан күпмедер дәрәҗәдә аерымланып яшәгәнлектән, керәшен сөйләшләрендә, татар әдәби теле белән тәңгәл килгән сүзләрдән тыш, язма истәлекләрдә урын алган һәм хәзерге төрки телләрнең кайберсендә кулланыла торган сүзләр дә сакланып калган.

Керәшеннәрне, яшәгән территорияләренә, тел һәм сөйләм үзенчәлекләренә нигезләнеп, 5 төркемгә бүлеп карыйлар: Казан арты, Түбән Кама керәшеннәре, нагайбәкләр, Чистай һәм Мәлки яки Тау ягы керәшеннәре [Баязитова, 1986, 15; Ercan Alkaya, 2018, 51–56]. Аларның беренче өчесе татар теленең урта диалектына кертеп карала, ә Чистай һәм Мәлки керәшен сөйләшләре исә көнбатыш диалектка карый, дип билгеләнә.

Түбән Кама керәшеннәре төркемендә Алабуга, Чаллы, Зәй урынчылыклары белән бергә Бакалы төркемчәсе дә аерылып чыга. Бакалы керәшеннәре Башкортостан Республикасы Бакалы районының Иске Әҗми, Боҗыр, Яңа Балыклы, Әрнәш, Яңа Илек, Утар авылларында һәм Шаран районының Базгыя авылында яшиләр. Элек бу авыллар Уфа губернасы Бәләбәй өязенең Бакалы һәм Нагайбәк волостьларына караганнар.

Түбән Кама керәшеннәре сөйләшендә Казан арты, Минзәлә, шулай ук күрше Чистай сөйләшләре үзенчәлекләре дә чагылыш таба. Бакалы керәшеннәре исә әлеге төркем керәшеннәреннән беркадәр

аерылып торалар. Бу аларның 1842 елга кадәр нагайбәкләр белән күрше булып, кайбер очракларда бер үк авылларда яшәве белән дә аңлатыла. Галимнәр фикеренчә, тарихи яктан Бакалы керәшеннәре Казан арты керәшеннәренең төрле төркемнәреннән килеп чыккан, шулай ук алар формалашуда Алабуга керәшеннәре дә катнашкан.

Бу җирләргә керәшеннәр элекке Казан ханлыгының үзәк районнарыннан күчеп утырганнар. Көнчыгыш җирләргә күчүнең сәбәпләре итеп анда буш җирләрнең булуын, табигый байлыкларны, патша хөкүмәте тарафыннан алып барылган социаль һәм милли изүнең һәм дини эзәрлекләүләрнең көчәюен күрсәтергә мөмкин. Халыкның көнчыгыш районнарга күчеп урнашуы XVI гасыр уртасында Казан ханлыгы яулап алынганнан соң башланып, XVII–XVIII йөзләргә кадәр дәвам итә. Яңа җирләргә күчкәндә, халыкның бер өлеше инде христиан динендә була (керәшен татарлары һәм чувашларның бер өлеше), башкалары арасында мөселманнар да (татарлар), шулай ук мәҗүсиләр дә (марилар, удмуртлар, чувашлар һәм мордвалар) урын ала. Әлеге җирләрдә яшәгән керәшен татарлары архив документларында һәм Уфа епархиясе язмаларында иске керәшеннәр буларак билгеләнгән. Шулай ук аерым чыганаклар буенча да бу территориядә керәшеннәрнең күптән яшәгәнлеге күренә. Шулай итеп, Бакалы керәшеннәре этник яктан шактый катнаш төркемне тәшкил итә [История, 2017, 222-224].

Лингвистик яктан Бакалы керәшеннәренә түбәндәге үзенчәлекләр хас: аваз тәңгәллекләре и~ә: кәме – киме, кәртә – киртә, бәк – бик, ж~з: заный – жаный, бозора – божра, к~х: хәдерле – кадерле, хырау – кырау и др.; киләчәк заман хикәя фигылдә -й/-йа өлешенең төшеп калуы: бармачак – бармаячак, ашачак – ашаячак һ.б.; -кай/-кәй кушымчасының актив кулланылышы: бизәкәй – бизәк, иркәй – ир, бабыкай – бабай; борынгы -гак/-гәк, -ак/-әк, -к аффиксының сакланыу: почкак, дымык – дымлы, бозгак – бозлавык һ.б.

Бакалы керәшеннәренең этник яктан чуар булуы мәдәни үзенчәлекләрендә дә чагылыш таба. Галимнәр тарафыннан аларның мәдәнияте Казан татарларыныкы белән охшашлык күрсәтүе басым ясап күрсәтелсә [История, 2017, 224] дә, башка халыклар белән уртак күренешләр дә күзәтелә. Мәсәлән, Бакалы керәшеннәренең кайбер бизәнү әйберләре һәм кием өлешләре чуваш һәм башкортларныкына охшаш (*такыя, кашпау, сакал, сырга* һ.б.), ләкин аларның атамалары гомумтөркы чыгышлы булып санала һәм әлеге үрнәкләр Урта Идел һәм Урал буе халыклары өчен уртак борынгы элементны тәшкил итә. Мисал өчен, такыя / тухъя кызлар баш киеме буларак башкортларда, чувашларда һәм Идел буе болгарлары белән этник һәм мәдәни бәйләнештә яшәгән Идел буе фин халыклары – мари, удмурт һәм бисермәннәрдә кулланылган [Баязитова, 1986, 145; Kirillova, 2018, 24]. Бакалы керәшеннәренең хатын-кызлар киеме комплексы тәңкәле бизәнү әйберләренең күп булуы белән дә аерылып тора. Мәсәлән, муен җаканы монда турыпочмаклы формадагы сакал, ягъни изү белән бергә киеп йөргәннәр [Мөхәмәдова, 2005, 52]. Әлеге бизәнү әйбере башкорт халкының һаҡалына охшаш.

Керәшен сөйләшләрендә борынгы төрки язма истәлекләрдә урын алган, хәзерге төрки һәм финугыр телләрендә сакланып калган сүзләр дә шактый күп урын ала, мәсәлән: ару, ардаклы, күз, пычу / печү һ.б. Хезмәтебездә шулардан ардаклы, ару, аргыш һәм пычу / печү сүзләренә башкорт теле белән дә бәйле рәвештә тукталып үтәчәкбез.

Ардаклы сүзе керәшен сөйләшләрендә – “хөрмәтле, кадерле”, **ардаклау** исә ике мәгънәне белдерә: 1) хөрмәтләү, кадерләү, саклау; 2) аралау, чүптән арындыру, чистарту [ТТЗДС, 2009, 50-51]. Бу сүзләр татар теленең Пермь, Эчкен, Златоуст, Касыйм татарлары сөйләшләрендә һәм мишәр диалектының кайбер сөйләшләрендә “хөрмәтле” һәм “хөрмәтләү” мәгънәләрендә кулланыла. *Ардак* һәм *ардаклау* сүзләре башка төрки телләрдән уйгыр, кыргыз, каракалпак телләрендә дә “хөрмәтләү, олылау, кайгырту” мәгънәләрен бирә [Баязитова, 1997, 88]. Башкорт телендә *арҙаҡлы* сүзе хөрмәтле, хөрмәткә (ихтирамға) лайыҡ, хөрмәт (ихтирам) ителгән, мөхтәрәм синонимнары белән бергә кулланыла.

Арыу / ару борынгы төрки сүзе М. Кашгари сүзлегендә һәм әрмән-кыпчак текстларында “изге, гөнаһсыз” мәгънәләрендә кулланылган [Баязитова, 1997, 88]. Хәзерге керәшен сөйләшләрендә дә ул “Арыу кыз Мария”, “аруландыру” (изгеләндерү) рәвешендә еш урын ала. Дини булмаган контекстта исә бу сүз “яхшы, чиста” мәгънәләрен аңлата һәм шулай ук арулау (чистарту) фигылен дә ясый. Моннан тыш, керәшен татарларында “арыумысыз? / арумысыз?” исәнләшү, хәл-әхвәл сорашу сүзе булып тора һәм аңа “арыу / ару гына әле, арыубыз / арубыз” кебек җаваплар бирелә. Хәзерге төрки телләрнең күбесендә ару / арыу, әрү / әреү һ.б. “матур, затлы; саф, чиста” мәгънәләрен белдерә. Башкорт телендә **арыу** сүзе сыйфат буларак ‘шактый яхшы, начар түгел, ярыйсы’, **арыуланыу** – ‘яхшыру; сәламәтләнү’, **арыуландырыу** – ‘терелтү, сәламәтләндерү, дәвалау’ мәгънәләрен белдерә.

Аргыш – керәшеннәрнең күпчелегендә туй башлыгы, туйда иң дәрәҗәле кеше [ТТЗДС, 2009, 50]. Керәшен йолаларын бик яхшы белгән аргыш туйга үз исеменнән зур итеп һәм матурлап әзерләнгән

чәкчәк яки бавырсак алып бара. Борынгы төрки телдә аргыш сүзе дус, иптәш мәгънәсендә кулланылган. Түбән Кама керәшеннәренә бу сүз кияүнең дусты буларак урын ала, димәк, элекке мәгънәсен күпмедер саклап калган. Аргыш сүзе хәзерге татар әдәби телендә кулланылмый, бары Пермь татарлары сөйләшендә туйга парлап килгән туй башлыкларын аңлата, ә Себер татарларында "йөк күчерү урыны" мәгънәсен бирә. Башка төрки халыкларда исә бу сүз актив урын ала. Мәсәлән, алтай, якут, хакас, ойрот телләрендә аргыш – "иптәш, дус, юлдаш" мәгънәсендә кулланыла; башкорт сөйләшләрендә – киртәнең бер торыгы ("юлның бер өлеше" мәгънәсеннән); гагауз телендә аркуш – "кылкубыз (скрипка) сызгычы" (арлы-бирле йөрүеннән) дип аңлатыла [Әхмәтьянов, 2015, 102; Кириллова, 2017, 66-67].

Керәшен татарларының барлык сөйләшләрендә дә, "кисү" мәгънәсен белдерү өчен, **пычу / печү** сүзләре дә кулланыла [ТТЗДС, 2009, 529, 550]. Мәсәлән, *күлмәк печү, утын пычу* һ.б. Әлеге борынгы төрки сүз мишәр һәм Себер татарлары диалектларында да сакланып калган. Хәзерге татар әдәби телендә исә печү сүзе "кастрация, кысырлату" мәгънәсендә генә кулланыла [ТТАС, 2005, 415]. Пыч- тамырыннан татар әдәби телендә пычак, пычкы, почмак сүзләре ясалган. Керәшен сөйләшләрендә, болардан тыш, почкак сүзе дә кулланыла, ул кискәннән калган әйбер, кечкенә кыйпылчык мәгънәсен белдерә [Кириллова, 2017, 67]. Башка төрки телләрдә дә пыч- тамыры төрле фонетик вариантларда гаять киң таралган: бес- (башкорт), пач- (чуаш), быс- (якут), быш- (тува), пиш- / биш- (нугай, казак, каракалпак), бич- (кыргыз, угыз, комык, кырым татар, карачай) [Баязитова, 1997, 89] һ.б. Башкорт телендә дә бес- тамырыннан ясалган **бесәү, бестереү** һәм калын варианты *быс-* тамырыннан **быскы**, **бысак** сүзләре кулланыла.

Алга сөйләнелгәннәргә йомгак ясап әйткәндә, Башкортостанда яшәүче Бакалы керәшеннәре берничә этник төркем кушылу нәтиҗәсендә барлыкка килгән, бу аларның тел ягыннан һәм мәдәни үзенчәлекләрендә дә чагылыш тапкан; сөйләшнең төп лексик составын төрки нигезле сүзләр тәшкил итә, алар арасында хәзерге татар әдәби телдә искергән һәм татар теленең диалектларында, шулай ук кайбер төрки телләрдә, шул исәптән башкорт телендә сакланып калган борынгы төрки сүзләр дә күзәтелә.

Әдәбият

Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге, I том (А-Л). Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015. 543 б. {Akhmetyanov R. G. Etymological Dictionary of the Tatar Language, Vol. I (A-L). Kazan: Magarif–Wakyt, 2015. 543 p.}

Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 248 с. {Bayazitova F.S. Dialects Tatars-Kryashens in Comparative Lighting. Moscow: Science, 1986. 248 p.}

Баязитова Ф.С. Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты. Казан: Матбугат йорты, 1997. 248 б. {Bayazitova F. S. Kryashens. Language Features and Traditions. Kazan: Publishing house, 1997. 248 p.}

История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 960 с. {History and Culture of Tatar-Kryashens (XVI–XX centuries): collective monograph. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani AN RT, 2017. 960 p.}

Кириллова З.Н. Древнетюркские слова и заимствования в говорах кряшен как отражение народной культуры в диалектной картине мира // Изучение региональной картины мира в поликультурном образовательном пространстве: теория и практика / Министерство образования и науки Республики Татарстан; Казанский федеральный университет; под общей ред. Л.А. Мардиевой, Т.Ю. Щуклиной, Л.А. Усмановой. Казань: РИЦ «ШКОЛА», 2017. С. 65–71. {Kirillova Z. N. Ancient Turkish Words and Borrowing in Beef is a Reflection of Folk Culture in the Dialect Picture of the World // Study of the regional picture of the world in the multicultural educational space: theory and practice / Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan; Kazan Federal University; under the general edition L.A. Mardieva, T.J. Schuklin, L.A. Usmanova. Kazan: RIC "SCHOOL", 2017. P. 65–71.}

Кириллова З.Н. Чувашские и древнетюркские слова в говорах крещеных татар // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Междунар. симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.) / сост. и отв. ред. А.М. Иванова, Э.В. Фомин. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 72–75. {Kirillova Z. N. Chuvash and Ancient Turkish Words in the Beef of Baptized Tatars // Linguistic contacts of the peoples of the Volga region and the Ural: Compilation of articles XI of the International Symposium (Cheboksary, May 21–24, 2018) / Compilers and responsible editors A.M. Ivanov, E.V. Fomin. Cheboksary: Publishing house of Chuvash University, 2018. P. 72–75.}

Мөхәмәдова Р.Г. Керәшен татарлары киеме. Казан: Сүз, 2005. 159 б. {Mohamedova R. G. Clothes of the Baptized Tatars. Kazan: Word, 2005. 159 p.}

ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б. {Interpretative Dictionary of the Tatar Language. Kazan: Publishing house, 2005. 848 p.}

ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан: Татар. китап нәшр., 2009. 839 б. {Large Dialectological Dictionary of the Tatar Language. Kazan: Tatar book publishing house, 2009. 839 p.}

Татарская нация: история и современность. Казань: Магариф, 2002. 223 с. {Tatar Nation: History and Modernity. Kazan: Magarif, 2002. 223 p.}

Ercan Alkaya, Zoya Kirillova. Kreşin Tatar Türkçesi (Dil, Tarih, Kültür). İstanbul: Kesit Yay., 2018. 670 s. {Ercan Alkaya, Zoya Kirillova. The Baptized Tatars (Language, History, Culture). Istanbul: Kesit publishing house, 2018. 670 p.}

Kirillova Z.N., Alkaya E. Lexical Features of the Tatar-Kryashen Dialects // Tatarica. 2018. № 2 (11). P. 7–30.

УДК 291 + 298.9 + 398.81

М.В. Кирчанов, г. Воронеж

МЕДИЕВАЛИЗМ КАК ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируются проблемы развития медиевализма в эрзянском культурном и интеллектуальном контекстах. Предполагается, что медиевализм в эрзянском дискурсе имеет вторичный характер, так как возник под влиянием глобализации и массовой культуры общества потребления. Автор полагает, что в эрзянской идентичности медиевализм стал частью неоязыческого дискурса, потому что именно язычество в эрзянской идентичности ассоциируется со средними веками, воображенными в этнизированной национальной системе координат. Предполагается, что медиевализм стал формой развития эрзянской идентичности, актуализации национализма и визуализации традиционной этничности в ее неоязыческой форме. Автор полагает, что эрзянский медиевализм стал частью «большого» западного медиевалистского дискурса, потому что культура современного медиевализма одновременно идеализирует Средневековье, содействуя реставрации домодерных форм религиозности, включая язычество.

Ключевые слова: *глобализация, культура потребления, медиевализм, неоязычество, национальная идентичность, эрзянский национализм, изобретение традиций.*

MEDIEVALISM AS A FORM OF ETHNICITY ACTUALIZATION IN A POLICULTURAL SPACE*. The author analyzes the problems of the development of medievalism in the Erzya cultural and intellectual contexts. It is assumed that medievalism in the Erzyan discourse is secondary in nature because it arose under the influence of globalization and the mass culture of consumerism. The author believes that medievalism became part of the neo-pagan discourse of Erzyaness being Erzya, because paganism is associated with the Middle Ages imagined in an ethnized national categories in an actual Erzyan identity. It is assumed that medievalism emerged as a form of development of Erzyan identity, the actualization of nationalism and the visualization of traditional ethnicity in its neo-pagan form. The author believes that Erzyan medievalism became part of the greater Western mediaevalist discourse, because the culture of modern medievalism in its attempts to idealize the Middle Ages, inspired the restoration of the pre-modern forms of religiosity, including paganism.*

Keywords: *globalization, consumer culture, medievalism, neo-paganism, national identity, Erzyan nationalism, invention of traditions.*

Формулировка проблемы. Современное российское общество, равно как и другие, развивается в условиях постепенной глобализации, которая ставит как перед политическими элитами и интеллектуальными сообществами, так и перед национальными и культурными активистами, а также региональными националистами проблемы одновременного сохранения идентичностей, основанных на этничности, и их продвижению в современном мире, что предусматривает актуализацию и визуализацию этнического в обществе потребления и массовой культуры. История современного национализма как в странах Запада, так и Востока обеспечивает его историков с примерами различных тактик и стратегий, используемых националистами для развития идентичности.

Практики националистов гетерогенны, но, как правило, предусматривают различные формы культурной активности, которые могут варьироваться от традиционных методов популяризации этничностей через музеи или при помощи системы образования до современных попыток визуализации этничностей, когда национальные активисты фактически использовали языки современной массовой культуры. Попытки ревитализации этничностей, которые успели стать изобретенными традициями современных гражданских наций, как конструктов модерной эпохи, связанной с усилением (XIX – XX вв.) и упадком (начало XXI в.) национализма, в современной культурной парадигме общества потребления разнообразны и развиваются в режиме реального времени, что, вероятно, и содействовало тому, что они пока не успели стать предметом изучения со стороны академической историографии национализма.

Цель статьи. Поэтому в центре авторского внимания в данной статье будут попытки политической актуализации и социокультурной визуализации этничности в рамках масс-культурных практик использования истории в современном обществе потребления на примере идентичности сообщества-меньшинства в многосоставном обществе. Исходя из этого, целью статьи является анализ практик медиевализма в современной эрзянской идентичности, как одной из форм актуализации исторического наследия в мордовском социуме как компоненте российского общества потребления. Задачей статьи является изучение «медиевальных» культурных практик эрзянских интеллектуалов, а также их попыток актуализации идентичности с использованием форм исторического воображения, интегрированных в культурные предпочтения общества потребления.

Медиевализм: проблемы определения. Единая дефиниция такого явления как «медиевализм» отсутствует. В целом, вероятно, можно предположить, что медиевализм представляет собой нарративные и визуальные попытки упрощенного осмысления средневекового опыта в контекстах массовых представлений о том, чем были средние века в системе тех культурных координат, которые доминируют в обществе потребления. В российской историографической ситуации термин «медиевализм», по мнению Е. Савицкого, «используется крайне редко» [Савицкий, 2015].

Российский историк А.И. Филюшкин, как некоторые зарубежные авторы [Chaganti, 2011], полагает, что под медиевализмом следует понимать «направление в культуре и истории идей, в котором для формирования образа современности используются символы и топосы, восходящие к средневековью» [Филюшкин, 2018]. Поэтому в самом общем плане медиевализм в его национальных и региональных версиях и формах – это совокупность нарративизированных (написанных и опубликованных текстов) или визуализированных (фильмы и компьютерные игры) дискурсов средневековья, основанных на его положительной мифологизации в различных сферах массовой культуры, включая литературу, кинематограф и компьютерные игры, нацеленных на массовое использование и серийное воспроизводство.

Эрзянский медиевализм и неоязычество: формальные ориентации а культурном пространстве. Современный медиевалистский дискурс в эрзянской идентичности является гетерогенным, но, как правило, смыкается с неоязыческими этническими инициативами культурных активистов. Репрезентация медиевалистского дискурса как неоязыческого в социальных и культурных пространствах Эрзянь Мастор связана с деятельностью разных акторов, а интеллектуальные стимулы для появления эрзянского медиевализма и его сближения с этническими формами религии возникли в 1990-е годы, что было связано с изданием эпоса «Масторава» [Шарононь, 2010]. Общая либерализация 1990-х, с одной стороны, привела к появлению нескольких групп культурных активистов, которые ратовали за восстановление национального язычества.

С другой стороны, значительная интеграция мордовского академического сообщества историков в российский контекст, фактически сделала невозможным национализацию истории (например, в отличие от Татарстана или Чувашии), что не привело к появлению феномена национального медиевализма в историографии. Поэтому дискурс медиевализма оказался вытесненным в сферу религиозных практик и визуализированных форм народной этнической культуры. В этой ситуации на протяжении 1990–2010-х годов медиевалистский дискурс в его этнических и неоязыческих формах актуализировался в деятельности нескольких групп, включая культурно-образовательный портал «Эрзянь ки», культурно-просветительское общество «Масторава», активистская группа «Эрзянь Мастор» («Земля эрзян»), общество «Фонд спасения эрзянского языка им. А. П. Рябова», ассоциация эрзянских женщин «Эрзява», культурные движения «Эстер Аво» и «Мастер Аво».

Этот своеобразный языческий Ренессанс не мог остаться незамеченным, став объектом критики со стороны РПЦ, что вынудило власти Республики Мордовия попытаться интегрировать язычество в официальный канон. Поэтому в 2004 году языческое моление «Раськень Озкс» (вторая суббота июля) получило государственный статус [Тютина, Саберов, 2016; Богатова, 2015], что свидетельствовало о желании властей получить контроль над актуализацией и визуализацией медиевалистского как этнического и неоязыческого в культурных и общественных пространствах республики.

Особенности эрзянского медиевализма. Анализируя феномен медиевализма в современном эрзянском культурном контексте, во внимание следует принимать особенности, характерные для этого явления.

Во-первых, медиевализм в культурном дискурсе эрзянской идентичности возник позднее, чем в других регионах, что позволяет классифицировать его возникновение как «отложенное». Во-вторых, медиевализм был связан не столько с массовой культурой, сколько с национальным движением и националистическим дискурсом в культурной и интеллектуальной традициях – в этом контексте, вполне

уместными могут стать и предположения об эрзянском медиевализме как культурном трансплантате в условиях ситуации культурного фронтира и фактически транскультурности.

В-третьих, эрзянский медиевализм, как и западный, стал интеллектуальным и культурным явлением конструктивистского плана, но эрзянские энтузиасты медиевализма не идеализируют классические западноевропейские средние века в силу того, что их предки исторически не были участниками западного исторического средневекового процесса – поэтому эрзянский медиевализм более активно воображает альтернативные средние века, воображенные в этнической системе координат, что привело к фактическому синтезу неозычества [Schnirelmann, 2002; Filatov, Shchipkov, 1995] и медиевализма в эрзянском дискурсе. В-четвертых, если западный медиевализм идеализирует и мифологизирует «средневековые» добродетели, заимствованные им романтический националистический дискурс XIX века, то эрзянский медиевализм канонизирует добродетели воображаемых «этнических» средних веков, которые предшествовали христианизации как синонима утраты независимости.

Предварительные выводы. Подводя итоги, во внимание следует принимать несколько факторов. Во-первых, медиевализм в эрзянской культурной и интеллектуальной ситуации в частности, как и в российской ситуации в целом, стал вторичным продуктом, который возник в результате интеграции эрзянской и русской культур в глобализирующуюся культуры Запада и медленной миграцией культурных предпочтений общества. Во-вторых, эрзянский медиевализм развивается в условиях одновременного воздействия со стороны двух культурных стимулов, которыми следует признать эрзянский национализм и западный медиевализм – если первый обеспечивает интеллектуалов культурно специфическими этническим материалом, то второй – теми условно «системными программами» массовой культуры и общества потребления (комикс, сериал, массовая литература и т.п.), которые позволяют локализовать и «доместифицировать» медиевалистский канон в эрзянских контекстах.

В-третьих, несмотря на то, что медиевализм можно определить как продукт развития массовой культуры, он, тем не менее, может иметь и позитивные результаты в обществах миноритарных групп, так как в определенной степени может содействовать большей актуализации этничности и ее визуализации в массовой культуре, основанной на унификации как процесса (вос)производства культуры, так и содержания культурных кодов и смыслов. В-четвертых, появление национальных форм медиевализма среди групп многосоставных обществ может позитивно влиять на развитие их идентичности в контекстах исторического самосознания, так как актуализирует концепт не только Средних веков в целом, но и национального средневековья в частности, которое ранее могло пребывать в тени других историографических гранд-нарративов.

В целом, проблемы и перспективы развития эрзянского медиевализма как формы развития идентичности и актуализации ценностей этничности в поликультурном пространстве ставят перед современными историками национализма новые вопросы, связанные как с культурными и интеллектуальными практиками, тактиками и стратегиями миноритарных национализмов в современных гетерогенных и многосоставных обществах, так и проблемами эффективности трансплантации мифологем массовой культуры в периферийные социумы замедленной и отложенной модернизации, что придает дополнительную актуальность и значимость дальнейшим штудиям национализма и наций на принципах междисциплинарности.

Литература

Богатова О. “Повторное изобретение” и трансформация локальной религиозной традиции: эрзянский неоязыческий ритуал // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 33–50. {Bogatova O. “Re-invention” and the transformation of local religious tradition: Erzyan neo-pagan ritual. Ethnographic Review. 2015. No. 5. P. 33–50.}

Савицкий Е. «Новый медиевализм» четверть века спустя // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 346–354. {Savitskii E. “New Medievalism”: a quarter of a century later. New Literary Review. 2015. No 5. P. 346 – 354.}

Тютина О.С., Саберов Р.А. Особенности проведения национальных обрядовых праздников мордвы на примере всеэрзянского моления (Эрзянь Раскень Озкс) // Colloquium Heptaplomeres. 2016. № 3. С. 48–51. {Tiutina O.S., Saberov R.A. Peculiarities of national ceremonial holidays of the Mordovians on the example of the All-Erzyan prayer day (Erzyan Rasken Ozks). Colloquium Heptaplomeres. 2016. No. 3. P. 48–51.}

Филюшкин А.И. Медиевализм: почему нам сегодня нужны средние века? // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 153–162. {Filiushkin A.I. Medievalism: why do we need the Middle Ages today?. Historical expertise. 2018. No 4. P. 153–162.}

Шарононь С. Масторава: эрзянь раськень эпосс. Саранск: Саранск: Эрзянь Мастор, 2010. 264 с. {Šararonj S. Mastorava: Erzyan national epos. Saransk: Erzyaṇ Mastor, 2010. 264 p.}

Chaganti S. Under the Angle: Memory, History, and Dance in Nineteenth-Century Medievalism // Australian Literary Studies. 2011. Vol. 26. No. 3–4. P. 147 – 162.

Filatov S., Shchipkov A. Religious Developments among the Volga Nations as a Model for the Russian Federation // Religion, State & Society. 1995. Vol. 23. No. 3. 234 – 237.

Schnirelmann V. "Christians! Go home": A Revival of Neo-Paganism between the Baltic Sea and Transcaucasia // Journal of Contemporary Religion. 2002. Vol. 17. No. 2. P. 197 – 211.

УДК 811.512.133

Ф.К. Кодирова, г. Ташкент

ЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЯЗЫКЕ

Каждый человек, познавая и изучая мир, стремится упорядочить и создать понятие модели, окружающего его реального мира. В лингвистике картина мира формируется на основе изучения представлений человека о мире. Все это отражается и фиксируется в различных концепциях языковой формы, представляя собой определение языковой картины мира. Одним из вопросов, связанных с цветонаименованием, является вопрос о том, по какому принципу следует объединять слова, обозначающие цвет, в группы. Цветовая картина мира в языке состоит из национально-культурной семантики цветонаименований и включает цветовое пространство как совокупность всех цветов, отражающихся в колоративах.

***Ключевые слова**. язык, цвет, прилагательное, цветонаименование, языковая картина мира.*

***COLOUR PICTURE OF THE WORLD IN LANGUAGE**. Each person, knowing and studying the world, seeks to streamline and create the concept of a model surrounding the real world. In linguistics, the picture of the world is formed on the basis of the study of man's ideas about the world. All this is reflected and fixed in various concepts of the linguistic form, representing a definition of the linguistic picture of the world.One of the issues related to color naming is the question of how to combine the words denoting color into groups. Each person can find his/her own color scheme, a combination of colors and shades.*

***Keywords:** language, color, adjective, color name, linguistic picture of the world.*

Современный мир заинтересован в познании феномена цвета, так как, с одной стороны, нарастает повышенный интерес к цветоопределению и его изучение как предмета, а с другой – актуальным вопросом в современной лингвистике являются взаимоотношения языка и культуры, языка и этноса, этимология слов, культура общения, которые находят яркое отражение в языковой картине мира (далее – ЯКМ). В лингвистике картина мира формируется на основе изучения представлений человека о мире. Все это отражается и фиксируется в различных концепциях языковой формы, представляя собой определение языковой картины мира. В современном мире ученые разрабатывают различные методики изучения сложившихся проблемных вопросов, исследуя общие закономерности и концепции в каком-либо направлении науки или в целом. Внимание исследователей всегда привлекал фрагмент из наивной картины мира, фиксирующий цветообозначения. Колоративная лексика выражает цветовые ассоциации того или иного этноса, который сформировался при различных исторических, географических и социальных условиях. Роль цвета в картине мира отдельного народа и даже индивида различна. Каждый человек познает мир чувственно, а также с помощью информации, которую сообщают окружающие люди в процессе устного общения или опосредованно, т.е. язык помогает познавать и изучать мир. «Язык всем знаниям и всей природе ключ, во слове всех существ содержится картина», – писал Г.Р. Державин. В письмах И.А. Гончарова встречаем: «Язык есть не только говор, речь: язык есть образ всего внутреннего человека: его ума, того, что называется сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных» [Маслова, 2001, 113]. «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [Бенвенист, 1974, 293]. Это дает понимание того, что язык человечен по своей природе, и раскрытие механизмов человеческой когниции – концептуализации и категоризации – возможно с помощью языка. «Язык – это как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент, в котором находят воплощение ментальные структуры в виде знаков» [Кубрякова, 1996, 53]. Осмысление и преобразование в мозгу человека всей поступающей информации в процессе познавательной деятельности приводит к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы [Кубрякова, 1996, 93]. Однако только «часть концептуальной информации имеет языковую привязку, только самые важные концепты кодируются именно в языке» [Кубрякова, 1996, 91].

Каждый человек, познавая и изучая мир, стремится упорядочить и создать понятие модели, окружающего его реального мира. Те кто, являются высококвалифицированными специалистами в какой-либо области науки, спешат проводить эксперименты, создавая собственные целостные си-

стемы представлений об общих явлениях и закономерностях действительности. Эту систему модели свойственно называть «языковой картиной мира» (ЯКМ).

Значимой частью картины мира является система цветообозначений в языке. Цвет является важнейшей составляющей всей зрительной информации. Совокупность всех цветов отражает феномен цветового пространства, выражающегося в языке цветовой картины мира. Познавая, изучая мир, человек стремится упорядочить его, создает модель окружающей его реальности. Именно цвет одежды, встретившегося вам человека, цвет его лица, волос и т. д. запоминается прежде всего. Например, высказывание: «Я не помню, во что она была одета, но она была в красном, и этот красный жег мне душу и не давал уснуть по ночам». Связанный с цветонаименованием является вопрос о том, по какому принципу следует объединять слова, обозначающие цвет в группы. А.П. Василевич иллюстрирует достаточно большой объем выборки и употребления возможностей языка цветонаименований в русской речи и для удобства анализа использует следующую классификацию:

а) простые прилагательные (красный, бирюзовый);

б) оттенки (красная фуксия, ядовито зеленый);

в) двусоставные слова (красно-синий, изумрудно-зеленый);

г) словосочетания (цвета морской волны, цвета осенних листьев) [Василевич, 1981, 135–143.].

При этом автор отмечает, что оттенки, двусоставные слова и словосочетания в словарях практически вообще отсутствуют.

Следует отметить, что четких критериев выделения рассматриваемой лексики в современной науке о языке еще нет. В большинстве случаев авторы полагаются на собственную интуицию, решая, сколько и какие именно слова надо изучить. Например, состав используемой лексики цветообозначений обычно ограничивается очень небольшой группой слов, так называемыми основными цветонаименованиями. Многие лингвисты, как отмечает И.П. Сусов, охотно иллюстрируют отсутствие изоморфизма планов содержания разных языков сопоставлением диаграмм распределения наименований основных цветов, выделяемых, по сути дела, на одной субстанциональной основе – физического спектра цветов [Василевич, 1981, 135–143.].

Так, русский язык различает семь основных цветов: фиолетовый, синий, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный. Однако мы считаем, что важен учет метафорических переосмыслений не только основных, но и «периферийных» цветонаименований, включающих простые прилагательные. Следует отметить, что материал цветонаименований используется весьма продуктивно при анализе художественных средств языка писателей, поскольку лексика, обозначающая цвет, является одним из существенных компонентов образности в художественной литературе. У каждого поэта можно обнаружить свою цветовую гамму, сочетания цветов и оттенков. Языковые цветовые единицы выполняют в художественном тексте номинативно-иллюстративную, эстетическую и символическую функции. Так, например, А. Блок очень часто использовал в своем творчестве прилагательные белый и черный, С. Есенин использует символические значения прилагательных голубой и синий, К. Паустовский, раскрывая динамику жизни природы, использовал синонимические ряды: красный – алый, багровый, пурпурный, огненный; желтый – лимонный, рыжий, бронзовый, золотой; серый – седой, пепельный, дымный, сизый, ртутный, серебряный, свинцовый. Можно сказать, что лингвистическая проблема цветонаименования развивалась вместе с лингвистикой, как наукой. Появляются новые научные парадигмы – появляется новый взгляд на данную проблему. Следует отметить тот факт, что разработка аспектов функционирования цвета во фразеологизмах также была всегда актуальной и разрабатывалась некоторыми поколениями ученых. Так, можно отметить значительное число исследований фразеологической группы цветообозначений Е.И. Радченко, Н.И. Репниковой, В.Г. Кульготной, В.Ш. Курмакаевой, Т.М. Тяпкиной, Е.В. Люкиной и др. Подчеркнем, что в работе Т.М. Тяпкиной получила свое комплексное решение проблема развития, расширения семантической структуры прилагательных цветонаименований, проблема функционирования на их основе не цветовых, вторично-номинативных значений. Цветообозначения отражают универсальные свойства разноструктурных языков (системная организация) и национальную специфику, связанную с экстралингвистическими (типичность цвета), языковыми (структурные и лексико-грамматические особенности, способы выражения), ассоциативными причинами.

Как видим, высокая частотность употребления лексики цветообозначения, ее явная национально-культурная семантика и значимость для конструирования фрагмента языковой картины мира привлекает внимание различных исследователей.

Однако учеными-лингвистами также ставится еще одна цель: получить исчерпывающий перечень слов-цветообозначений. Так, известно, что в некоторых английских специальных словарях содержится

до пяти тысяч цветонаименований, и это число не является конечным. Язык настолько гибок и продуктивен, что непрерывно появляющиеся новые слова и словосочетания «не успевают» попасть в издающиеся словари. Следует признать, что цветонаименования представляют собой открытое множество и, как считает Р.М. Фрумкина, это обстоятельство служит одной из причин невозможности построения системы цветообозначений [Тяпкина, 2002, 19]. Причиной этого является и то, что в состав такой системы входит большое количество редких окказионализмов, которые очень трудно не только учесть, но и просто перечислить. На современном этапе развития когнитивного направления в лингвистике интерес представляют именно когнитивные процессы языковых явлений.

Таким образом, цветовая картина мира в языке состоит из национально-культурной семантики лексики цветонаименований и включает цветовое пространство как совокупность всех цветов, отражающихся в колоративах.

Литература

Василевич А.П. Цветонаименования как характеристика языка писателя (К методике исследования) // Лингвистика текста и стилистика / ред. П. Аристэ, Х. Лийн. Тартуский государственный университет, 1981. С. 135–143. {Vasilevich A.P. Color names as a characteristic of a writer's language. (To the research methodology) // Linguistics of the text and stylistics/ Ed. P. Ariste, X. Liin. Tartu State University, 1981. P. 135–143}

Сусов И.П. Введение в языкознание: учеб. для студентов лингв. и филол. спец. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 65. {Susov I.P. Introduction to linguistics: textbook. for linguistic students, and filol. specialist. Moscow: ACT: East-West, 2007. S. 65.}

Тяпкина Т.М. Вторично-номинативные функции цветообозначений в современном немецком языке : автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново, 2002.19 с.{Tyapkina T.M. Secondary nominative color designations in modern German: autoref. ... cand. filol. Sciences: 10.02.04. Ivanovo, 2002.19 p.}

Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сх одство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с. {Frumkina R.M. Color, meaning, similarity. Aspects of psycholinguistic analysis. Moscow: Science, 1984.175 p.}

ЭНЦИКЛОПЕДИЯНЫ · ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 81'272'811.512.122

М. О. Комекова, г. Алматы

ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ КАЗАХСТАНА

Целью статьи является анализ казахстанского опыта функционирования государственного языка в поликультурном ареале. Автор подчеркивает, что вследствие обширного распространения сравнительно небольшого числа языков, обладающих огромным политическим и культурным потенциалом, создаются условия для «растворения» во многих регионах мира множества национальных языков и возникает неоходимость активного культурного сопротивления для сохранения языков с ограниченным географическим, культурным и демографическим потенциалом. Делается вывод о том, что существуют два фактора языкового сдвига в исторических ситуациях: социокультурный прагматизм и культурный подход, которые либо поощряют сдвиг, либо сопротивляются ему. Эти два фактора, возможно, связаны, либо независимы друг от друга.

Ключевые слова: *лингвокультурология, билингвизм, трёхъязычие, латиница, государственный язык.*

LANGUAGE IN A MULTICULTURAL SPACE: KAZAKHSTAN'S EXPERIENCE. *The purpose of the article is to analyze the Kazakh experience of functioning of the official language in a multicultural area. The author emphasizes that due to the extensive distribution of a relatively small number of languages with huge political and cultural potential conditions are created for the "dissolution" of many national languages in many regions of the world and there is a need for active cultural resistance to preserve languages with limited geographical, cultural and demographic potential. It is concluded that there are two factors of language shift in historical situations: sociocultural pragmatism and cultural approach, which either encourage the shift or resist it. These two factors may be related or independent of each other.*

Keywords*: linguoculturology, bilingualism, trilingualism, Latin script, official language.*

Социокультурные условия функционирования казахского языка в Казахстане. Казахский язык, традиции казахской культуры и быта, основы «казахскости»* в целом, сохранялись примерно до 50-х годов XX в. в казахских аулах, в среде казахской интеллигенции (писателей, артистов, ориентированных на национальный контекст), затем с началом освоения целины стали рушиться и сдавать свои позиции русскому языку. Одной из задач внутриказахской национальной консолидации является полноценное возрождение казахского языка во всем объеме его функций как национального, именно как выразителя казахского мировоззрения и ядра этнической культуры, а также возможность обрести статус языка межнационального общения.

В научной литературе к вопросу о языковых проблемах в современном глобализирующемся мире уделяется достаточное внимание: «Языковое разнообразие – главная причина конфликтов. Любой честный профессионал в области социологии языка должен признать, что многоязычные сообщества являются менее сплоченными и мирными, нежели сообщества одноязычные» [Marshall, Gonzalez, 2015, 472].

По нашему мнению, передача функции межнационального общения русскому языку, конституционно закрепленная, размывает роль казахского языка как государственного, так как, статус государственности автоматически предполагает выполнение и функций межнационального общения [Чеботарев, 2012]. Эта задача может решаться постепенно, естественным образом, по мере смены поколений, уменьшения доли русскоязычных представителей казахского этноса, ностальгирующих по советским временам. Но может и, на наш взгляд, должна решаться более ускоренными темпами, если она будет понята и осмыслена на государственном уровне и будут приняты необходимые при таких ситуациях организационные меры. К сожалению, в связи с вхождением в Евразийский экономический союз время принятия решительных мер (идеологических и иных) в этом направлении, по-видимому, упущено, хотя при наличии соответствующей политической воли у верховной власти задача эта еще вполне решаема.

---

* Неологизм автора.

В этой связи следует обратить внимание на следующий факт, к сожалению, не замечаемый многими и воспринимаемый как нечто вполне естественное, само собою разумеющееся. Наше общество искусственно разделено на два лагеря – на казахоязычных и русскоязычных, противопоставляемых по языковому фактору друг другу. Получается таким образом, что с одной стороны барьера оказываются казахи, казахское население (за исключением тех из них, которые «безвозвратно» ушли в другой лагерь), а с другой – все остальное население, под которым почему-то подразумеваются представители всех диаспор, в том числе, скажем, узбеки, уйгуры, татары, азербайджанцы и т.д., которые в общем-то неплохо владеют казахским в силу общетюркского их происхождения. Это противопоставление, если вникнуть в его смысл, не только искусственно, но и антиобщественно, оно способствует возбуждению антиказахского настроения, тормозит процесс общенационального единения и имеет подспудно антиконституционный характер, ибо кроме прочего, противоречит конституционному закону о статусе казахского языка.

Переход к латинице и другие лингвокультурологические проблемы

В этой связи хочется обратить внимание на проект по переходу на латиницу. Распоряжение первого Президента Казахстана о переводе казахского языка на латиницу к 2025 году в его статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», опубликованной 12 апреля 2017 года в газете «Егемен Казахстан», вызвало бурную дискуссию в казахстанском обществе. Первые предложения по этому вопросу были зафиксированы еще в 1989 году во время принятия закона «О языке», когда Казахстан еще входил в состав СССР. Именно тогда были названы и главные доводы в пользу латиницы. Во-первых, это возможность для казахоязычного населения Казахстана быстрее овладеть доминирующим в мире английским языком, а во-вторых, улучшить взаимоотношения с проживающими в других странах мира этническими казахами. Также подчеркивалось, что с помощью латинской графики можно точнее передавать специфические звуки казахского языка. К началу 2000-х годов у сторонников латиницы появился еще один веский довод – её введение поможет казахоязычным гражданам страны лучше разбираться в стремительно развивающихся компьютерных технологиях, в основном создаваемых на английском языке.

Известный культуролог, общественный деятель Мурат Ауэзов считает, что «латинская графика даст нам возможность консолидироваться, без этого в современном мире тюркским народам очень сложно. Сейчас, к сожалению, мы не можем читать литературу народов, очень близких нам по языку. В свою очередь, и они не могут читать наши произведения» [Ауезов, 2014]. Политолог Айдос Сарым предполагает наличие политических последствий этого шага: «Политические последствия, безусловно, будут. И надеюсь, что они будут качественными. Имеется в виду, что придет поколение, которое будет оторвано от советского прошлого, которое выйдет из советского колониального дискурса. Что в свое время сделала советская власть? Она перевела казахскую письменность на кириллицу и фактически оторвала людей от собственного прошлого. Сейчас происходит примерно такой же процесс» [Сарым, 2015].

Казахский язык и казахская культура, находясь в сердцевине диалога культур народов и народностей, населяющих Казахстан, должны обогащаться путем интенсивного взаимного обмена духовными ценностями. Именно в этом, как думается, заключается их консолидирующая роль в масштабах страны в целом. Казахский язык должен быть окружен всеобщим вниманием и пользоваться особой государственной поддержкой в соответствии со своим статусом и в условиях объявленного триязычия оставаться на высоте своего положения и играть доминирующую роль во всех сферах общественной жизни страны [Кайдаров, 2018, 91]. Введение латинской графики может способствовать усилению инновационных тенденций, заключенных в области языковой политики, обогащению казахского языка не только как государственного, но и как языка межнационального общения, преодолению той незримой грани, которая возведена во многом искусственным делением населения на казахоязычных и русскоязычных.

Необходимым компонентом повышения уровня языковой культуры казахстанцев должно стать развитие культуры речи. Также государственная политика нацелена на формирование «лингвистического капитала каждого казахстанца», состоящего из трех компонентов: казахского-русского-английского [Сыздыкова, 2013, 272]. В числе главных причин ученые называют политическую и экономическую стабильность в обществе и улучшение социально-экономической ситуации в республике, изменение общей этнодемографической ситуации в стране, действенность избранных инструментов

языкового планирования, конструктивное использование законодательных механизмов, последовательную языковую политику в сфере образования, осуществление квалификационно-аттестационных мероприятий, административное регулирование, взвешенную деятельность различных субъектов планирования, содействие общества языковому планированию.

Анализируя такой фактор, как содействие общества языковому планированию, авторы выделяют три периода в изменении общественных настроений. Первый период характеризовался нечувствительностью к сложностям конкретной языковой ситуации, сложившейся к тому времени, склонностью к простым решениям и крайним средствам изменения языковой ситуации. Второй период следует отнести к состоянию ожидания определённых перемен. Третий период характеризуется взвешенным отношением к динамике жизненных языковых процессов. Пришло понимание невозможности радикальных изменений в языковой ситуации в краткие сроки, стала осознанной степень мотивации к изучению казахского языка, а также необходимости учета возрастных особенностей разных групп населения и дифференцированного подхода к ним.

По мнению вышеназванных ученых, изменился и фокус объектов языкового планирования. Если вначале ими были объявлены для овладения языком все группы населения страны, то позже большие ожидания и повышенные требования стали предъявляться к русскоговорящим казахам и к младшим поколениям казахстанцев [Кайдаров, 2018, 87]. Изменение вектора языковой политики ученые оценивают, как стратегически верное: оно поддерживается самими русскоязычными казахами из-за возросшего этнического и языкового самосознания и снижает давление на представителей других этносов.

Таким образом, в настоящее время социально-политические реалии Казахстана как суверенного государства, требуют модернизирующейся языковой политики, отвечающей современным потребностям полиэтнического населения страны и учитывающей особенности языковой, культурной, демографической и политической ситуации. Характер и способы разрешения языковых и лингвистических проблем, составляющих содержание языковой политики Казахстана, определяются интересами полиэтнического населения Казахстана, его политическими и идеологическими целями в области культуры и развития.

Литература

Ауезов М.М. Латиница нас сблизит // Источник: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30075082#pos= 5; 137 (дата обращения: 15.01.2020 г.). {Auezov M. M. Latin Alphabet will bring us closer / / Source: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30075082#pos=5; 137 (date accessed: 15.01.2020)}.

Қайдаров Ә. Қазақ тілінің өзекті мәселелері. Алматы: Ана тілі, 2018. 304 б. {Kaydarov A. Actual problems, of the Kazakh language. Almaty: Ana tili, 2018. 304 p.}.

Сарым А. Политические аспекты перехода к латинице // Радио Азаттык https://rus.azattyg.org/a/alphabet_latin_kazakhstan_|24242891.html. (дата обращения: 20.12.2019 г.). {Sarym A. Political aspects of the transition to the Latin alphabet // Radio Azattyk https://rus.azattyg.org/a/alphabet_latin_kazakhstan_ |24242891.html. (date accessed: 20.12.2019)}.

Сыздықова Р. Сөздер сөйлейді. Алматы: Ана тілі, 2013. 272 б. {Syzdykova R. The words say. Almaty: Ana tili, 2013. 272 p.}

Чеботарёв А. Языковой вопрос требует адекватных решений // V часть Интернет-журнал со своим мнением. URL: http://www.russian skz. info/society/3234- (дата обращения: 05.02.2020г.). {Chebotarev A. The question of language requires adequate solutions/ / V part Internet-magazine with your opinion. URL: http://www.russian skz. info/society/3234-(date of application: 05.02.2020)}.

Шаймерденова Д.Х. Социолингвистический справочник. Астана: Арман-ПВ, 2007. 125 с. {Shaimerdenova D. H. The Handbook of Sociolinguistic. Astana: Arman-PV, 2007. 125 p.}.

Языковая политика в контексте современных языковых процессов. Сборник под ред. д.ф.н. Биктеевой А.М. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. 372 с. {Language politics in the context of modern language processes. Collection edited by A. M. Bikteeva, D. F. N.: “Azbukovnik” Publishing center, 2015. 372 p.}

Marshall D.F., Gonzalez Roseann D.. «Una lingua, una patria?: Is monolingualism beneficial or harmful to a nation’s unity?». // Perspectives on Official English: The campaign for English as the official language of the USA. New York: Mouton, 2015. 472 p.

УДК 391

З.С. Кудайбергенова, г. Бишкек

ИСТОРИЯ И СХОДСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ ОДЕЖДЫ БАШКИРСКОГО И КИРГИЗСКОГО НАРОДОВ

В научной статье проанализирована история и сходство национальной одежды башкирского, киргизского народов. Дана информация о том, что стили народных костюмов складывались в течение веков и были обусловлены культурно-историческим прошлым народа. Национальная одежда претерпела за время своего развития много изменений, обусловленных различными историческими причинами: ростом производительных сил, развитием обмена и торговли, связями с соседними народами. Были сделаны выводы, что этнические, исторические, культурные, социальные, бытовые общие характерные черты связаны с историческими корнями народов.

Ключевые слова: *история, племена, головной убор, украшения, узоры, культура, искусство, цветовая гамма, традиции, нация, одежда.*

STORIES AND SIMILARITIES OF THE NATIONAL CLOTHES OF THE BASHKIR, KYRGYZ PEOPLES. *The scientific article analyzes the history and similarity of the Bashkir and Kyrgyz peoples. The content contains information that the style of folk costumes evolved over the centuries and was due to the cultural and historical past of the people; clothes underwent many changes during their development due to various historical reasons: the growth of productive forces, development of exchange and trade, relations with neighboring peoples. The conclusions were drawn that ethnic, historical, cultural, social, everyday common characteristics are associated with the roots of the people.*

Keywords: *history, tribes, headdress, jewelry, patterns, culture, art, colors, traditions, nation, clothes.*

Башкиры и киргизы – народы со сложной исторической судьбой и являются родственными, выходцами из алтайской цивилизации. В истории этих народов состав и стиль народного костюма складывались в течение веков и были обусловлены культурно-историческим прошлым народа. Л.И. Нагаева в работе «Национальный костюм и предметы-атрибуты на праздниках и в обрядах башкир» подчеркивала: «Что во все времена костюм являлся одним из важных художественных компонентов народных праздников и обрядов. Праздничный костюм был связан прежде всего с эстетическими представлениями народа [Нагаева, 1983, 45].

Традиционный костюм – яркий атрибут национальной принадлежности человека. Башкирская традиционная культура – благодатный источник, питающий разные области современного искусства. Башкирское декоративно-прикладное искусство в связи с развитием народных промыслов, использование строительных традиций и орнамента в современной сельской и городской архитектуре, народные обычаи и современная праздничная обрядность – вот далеко не полный перечень вопросов, которые приходилось и приходится решать в ходе осуществления практических задач культурного строительства в Башкирии.

Киргизы и башкиры придавали особое значение головному убору женщин. Часто на свадьбе девичий головной убор (*такъя, жолук, манлайса*) заменялся женским, невесте надевали платок, поверх платка – шлемообразный *кашмау* из кораллов и серебра. Истоки башкирских и киргызских обычаев восходят к историческим корням народа, его верованиям, уровню образованности и познаниям об окружающем мире.

О современном национальном костюме башкирского народа свое мнение выразил Ф.К. Вахитов: «Лучшие традиции народных мастеров продолжаются и развиваются сегодня. Национальный колорит придает современной одежде самобытность. Сколько уже моделей создано художниками по башкирским мотивам? Казалалось бы, давно использованы все характерные особенности фольклорного стиля: вышивка, крой, цветовые сочетания, кружево, рисунки тканей. Но с каждым изменением моды модельеры находят все новые и новые возможности для творчества, всякий раз выбирая то, что наиболее точно передает основные идеи моды, новое модное направление. Создавая модели по национальным мотивам, модельеры используют многие элементы башкирского народного костюма» [Вахитова, 1983, 80].

С.И. Руденко в своем исследовании по башкирской этнографии писал: «Знаковой символикой обладали предметы одежды, выступавшие в качестве свадебных подарков. Невеста дарила жениху

рубаху, тканые штаны, тюбетейку. Важным моментом на свадьбе было переодевание невесты в костюм женщины. В данном случае костюм был наделен четкой знаковой функцией. Его могла надеть женщина, считавшаяся знатоком ритуалов, песен, плясок, игр и всего хода праздника. Эти женщины помогали распорядительнице следить за тем, чтобы на празднике не угасали азарт, веселье [Руденко, 1955, 277–278]. Любили башкиры и танцевать, при этом многие танцы носят сложный, повествовательный характер, превращаясь то ли в пантомиму, то ли в театральное действо. Основные праздники приходились на весенне-летнюю пору, в период расцвета природы. Наиболее известны *каргатуй* ‘грачиный праздник – день прилета грачей’, *майдан* ‘майский праздник’, *сабантуй* ‘день плуга – окончание посевных работ’, который остался самым значимым праздником башкирского народа и отмечается с большим размахом.

Л.С. Фарзутдинова отмечает: «Возникновение и развитие башкирского театра способствовали появлению новой разновидности башкирской народной одежды – театрального костюма, ставшего одним из компонентов спектакля. Народному декоративно-прикладному искусству башкир присущи красочность, нарядность. Орнаментированные паласы, вышитые красными узорами полотенца, развешанные в простенках между окон создавали особую праздничную атмосферу спектаклей. Высокой художественной ценностью обладал башкирский костюм, в котором отразилось национальное понимание красоты, непосредственно связанной с человеком» [Фарзутдинова, 1983, 42].

Одежда киргизов, так же как и у башкир, претерпела за время своего развития много изменений, обусловленных различными историческими причинами: ростом производительных сил, развитием обмена и торговли, связями с соседними народами. Как и в других сторонах материальной культуры, в киргизской одежде отчетливо выступают особенности, которые были свойственны в прошлом отдельным территориальным и племенным группам. Киргизская одежда характеризуется также многими своеобразными чертами, типичными для одежды кочевников. Известный отпечаток на характер одежды киргизов накладывает и климат высокогорной страны с его резкими колебаниями температуры, местами довольно суровый. Это вызывает потребность в различных видах теплой одежды, используемой иногда и в летний сезон. Отпечаток своеобразия одежде и обуви киргизов в середине XIX в. придавали такие ее элементы, как женская рубаха с вышивкой на груди или с отдельно надевавшимся нагрудником (*ецур,* или *жака*), сплошь расшитым цветными нитками; конусообразная шлемовидная шапочка с украшениями (*шокуле*), которую надевали невесте; мужские штаны из выделанной кожи или замши (*чалбар, кандагай, жаргак шым*), изготовлявшиеся преимущественно из кожи косули и дикого козла и нередко вышитые шелковыми нитками с гарусом.

В целом, несмотря на глубокие изменения, традиционная башкирская и киргизская одежда имеет национальный облик, в чем немалую роль играет сохранение присущей ей цветовой гаммы и жизнерадостного колорита.

В киргизском быту некоторые виды одежды имели обрядовое значение. Головным убором невесты была шапочка шлемовидной формы *шекуле*, богато украшенная бисером, жемчугом, монетами, серебряными бляшками, при переезде молодухи в дом мужа на нее надевали (закрывая с головой) парчовый халат *кымкап* или закрывали ей лицо особой занавеской *чумбөт, бет жабуу, бет каща*, которую прикрепляли к головному убору.

В XIX веке на юге Киргизии еще бытовали старинные женские головные уборы, такие как *такыя*. К числу их относится и шекуле. Его шили из красного или малинового сукна или бархата, подкладкой служила набивная вата, возможно, что в прошлом ее делали из войлока. *Шекуле* имеет вид шлема и состоит из конической шапочки и пришитых к ней прямоугольных наушников и треугольной лопасти спускавшейся на спину. К сожалению, этот головной убор не сохранился у населения, нет подобных описаний его и в литературе, в единственных экземплярах он представлен и в музейных коллекциях. Примерно с середины прошлого века «шекуле» становится только обрядовым свадебным убором. Его надевала невеста, отправляясь в дом жениха, носила в течение трех-пяти дней, после чего мать молодухи забирала его себе и хранила как реликвию, берегла до свадьбы следующей дочери или близкого родственника.

Несмотря на общие характерные черты, головной убор каждого народа имел свои специфические особенности. Среди них киргизский «шекуле» выделяется своей самобытностью. Наибольшее сходство имеется в названии видов одежды рассматриваемых двух народов, чему мы можем привести следующие башкирские-киргызские примеры: *тун – тон* ‘зимная шуба’, *тақыя – такыя* ‘головной убор’, *ҡашмау – шекуле* ‘женский высокий головной убор’, *елән – елечек* ‘зилян’, *сарык – сайма* ‘узоры’, *ичиг – ичик* ‘пальто’, *кейез колаксын – кийиз калпак* ‘колпак из войлока’, *башкейем – баш кийим*,

ҡушъяулык – кош жолук ‘двойной платок’ и.т. О причине таких исторических, культурных сходств известный башкирский этнограф Раиль Кузеев и российский археолог, антрополог, этнограф С. Руденко пришли к такому выводу: «Башкиры, киргизы – потомки енисейских киргизов, живших в верховьях Енисея, т.е. на юге современного Красноярского края» [Руденко, 1955, 287]. Проблема использования традиционных народных черт костюма в современной одежде в наши дни возникает у обеих народов. Однако в теоретическом плане она разработана пока слабо. Как показывает практика, наметилось два направления в ее решении: во-первых, выявление наиболее удобных и приемлемых в современном быту видов одежды, некоторое их обновление в духе времени и налаживание их производства; во-вторых, творчество конструкторов и художников в этом плане целиком подчинено традиционной форме. В меньшей мере осуществляется производство бытовой одежды – повседневной и праздничной. Наблюдая образцы современной башкирской, киргизской национальной одежды и произошедшие в ней изменения, нельзя не подчеркнуть, что по сравнению с прошлым у большинства населения за последние десятилетия улучшилось качество одежды и увеличилось ее количество на каждого члена семьи, включая детей и подростков. Каждый народ заботится о высоком уровне развития культуры современной одежды. Художники-модельеры должны умело использовать народные традиции в деле развития национального костюма, добиваясь созвучия его требованиям нашей жизни.

Литература

Вахитова Ф.К. Опыт использования традиций башкирского народного искусства в трикотажных изделиях // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири: сборник научных трудов. Новосибирск, 1983. С. 80. {Vakhitova F.K. Experience of using the traditions of Bashkir folk art in knitwear // Traditions and innovations in the life and culture of the peoples of Siberia. Collection of scientific papers. Novosibirsk, 1983. P. 80.}

Ильяс Бекболотов. Башкиры рода кыргыз // История Кыргызстана и кыргызов. АКИ пресс. 2013. С. 3–44. {Ilyas Bekbolotov. Bashkirs of the Kyrgyz genus // The history of Kyrgyzstan and the Kyrgyz. AKI press. 2013. P. 3–44.}

Нагаева Л.И. Национальный костюм и предметы-атрибуты на праздниках и в обрядах башкир. Новосибирск, 1983. 45 с. {Nagaeva L.I. National costume and attributes at holidays and in rites of Bashkir. Novosibirsk, 1983. 45 p.}

Текстильная и легкая промышленность // Известия КГТУ им. И. Раззакова. 32/2014 {Textile and light industry. News KSTU them. I. Razzakova. 32/2014}

Руденко С.И. Башкиры: Историко- этнографические очерки. М.; Л., 1955. 394 с. {Rudenko S.I. The Bashkirs: Historical and ethnographic essays. Moscow; Leningrad, 1955. 394 p.}

Шитова С.Н. Традиционные черты башкирского национального костюма и их использование в современной одежде // Традиции башкирского народного искусства в современной одежде. Уфа, 1988. С. 17–25. {Shitova S.N. Traditional features of the Bashkir national costume and their use in modern clothes // Traditions of Bashkir folk art in modern clothes. Ufa, 1988. P. 17–25.}

Фарзутдинова Л.С. Традиции башкирской народной одежды в театральном костюме // Сборник научных трудов. Новосибирск, 1983. С. 42–43. {Farzutdinova L.S. Traditions of Bashkir folk clothes in a theatrical costume. Collection of scientific papers. Novosibirsk, 1983. P. 42–43.}

УДК 81

И.Г. Кульсарина, г. Уфа

О НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА М. Х. ХАЙРУЛЛИНОЙ

(от методики преподавания русского языка к вопросам башкирской диалектологии)

В статье освещается жизненный путь и научно-методическая деятельность профессора Мусаллии Хайрулловны Хайруллиной. Отмечается ее роль в становлении методической науки в республике. Анализируются работы профессора, посвященные методике преподавания русского языка в национальной школе, а также актуальным проблемам филологии. Особое внимание уделено трудам М. Х. Хайруллиной о северо-восточном диалекте башкирского языка.

***Ключевые слова**: профессор Мусаллия Хайрулловна Хайруллина, методика преподавания русского языка, северо-западный диалект башкирского языка.*

***ABOUT SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL ACTIVITIES OF PROFESSOR M. KHAIRULLINA (from the methodology of teaching Russian to issues of Bashkir dialectology)**. The article highlights the life path and scientific and methodological activities of Professor Musalliya Khairullina. Her role in the development of methodological science in the Republic is noted. The Professor's works on the methodology of teaching Russian at the national school, and current problems of philology are analyzed. Special attention is paid to the works of M. Khairullina on the North-Western dialect of the Bashkir language.*

***Keywords**: professor Musalliya Khairullina, methods of teaching Russian, North-Western dialect of Bashkir language*

«Патриарх методической науки в Башкортостане», «Учитель учителей», «продолжатель традиций Ильминского», «мудрый наставник» – все эти фразы часто встречаются в работах, посвященных первому доктору педагогических наук Башкортостана, известному профессору и общественному деятелю Мусаллии Хайрулловне (Галиевне) Хайруллиной (1915–2008). Яркая и незаурядная личность этой ученой стала образцовым примером беззаветного и преданного служения делу науки и педагогики для многих поколений гуманитариев. Автор многочисленных научно-методических работ и учебников по русскому языку для национальных школ была одной из глубокоуважаемых преподавателей и мудрых наставников студентов-филологов Башкирского государственного университета. Её труды, пропитанные глубокой идеей дальновидного ученого-патриота, ценителя и защитника словесности, не теряют своей актуальности и в настоящее время.

Мусаллия Хайрулловна (Галиевна) прошла солидную педагогическую и научную школу: обучалась в Бирском педагогическом техникуме, в Казанском педагогическом институте, преподавала в сельских школах Башкортостана и Татарстана, много лет своей научно-педагогической деятельности отдала системе высшего образования Республики Башкортостан. Особый след в становлении её педагогических взглядов сыграла работа сначала завучем, затем директором в башкирской школе № 9 г. Уфы. Именно здесь зародились научные интересы будущего пытливого исследователя, продолжателя традиций известного востоковеда Н. И. Ильминского. В 1951 году она поступает в аспирантуру Научно-исследовательского института национальных школ в Москве, которую завершает с успешной защитой кандидатской диссертации на тему «Изучение словообразования русских имен существительных в башкирской школе». В 1971 году в стенах этого же НИИ защищает докторскую диссертацию и становится первым доктором наук среди башкирских женщин.

В годы работы в Башкирском государственном университете Мусаллия Хайрулловна отдавала всю свою энергию внедрению инновационных технологий в образовательный процесс, установлению научно-педагогических контактов между учеными разных районов, республик и стран. Как вспоминают ученики и коллеги М. Х. Хайруллиной, именно при ней расцвела и была плодотворной связь с коллегами из Галльского университета им.М.Лютера (ГДР) в Башкирском государственном университете [Дьяченко, Ямалетдинова, 2004, 9].

Профессор М. Х. Хайруллина стояла у истоков образования новых кафедр в университете. Так, с 1972 года заведовала кафедрой русского языка, которая с 1977 года была разделена на две кафедры:

кафедру русского и сопоставительного языкознания и кафедру русского языка и методики его преподавания, которой до сентября 1990 года продолжала руководить. В 1990 году на факультете башкирской филологии и журналистики была организована кафедра русского языка и литературы, заведующей которой была назначена профессор М. Х. Хайруллина. Она является автором около 70 монографий, учебников и учебных пособий, методических руководств, 18 учебно-методических изданий, более 170 научно-теоретических статей, которые известны большому кругу специалистов не только в нашей стране, но и за рубежом. Большинство работ Мусаллии Хайрулловны посвящены методике преподавания русского языка в национальных школах. Фундаментальными стали её труды «Очерки по истории преподавания русского языка в национальной школе» (Уфа, 1969), «Родной язык как основа обучения русскому языку: учебное пособие (Уфа, 1981), «Обучение русскому языку в тюркоязычных школах (методическое наследие)»: учебное пособие (Уфа, 1997, 2000). В этих работах профессор анализирует труды методистов прошлого, аргументируя свои положения фрагментами из их высказываний, особо акцентирует внимание на роли родного языка в изучении других языков. Действительно, педагогические концепции известных методистов Н. Ильминского, И. Яковлева, И. Алтынсарина, К. Насыри о важности использования потенциала родного языка в обучении другим языкам остаются актуальными и в наши дни. В своей работе «Русский язык в Башкортостане» (Уфа: РИЦ БашГУ, 1991) Мусаллия Хайрулловна исследует историю преподавания русского языка в башкирском крае, подробно освещает проблемы билингвизма и условия его возникновения в регионе, анализирует труды ученых, работающих в данной области. Учебники по русскому языку, в составлении которых она принимала самое активное участие, пользовались большим авторитетом среди учителей-словесников всей страны и явились фундаментальной основой для успешного обучения русскому языку в национальной школе.

Профессор М. Х. Хайруллина внесла особый вклад и в башкирскую диалектологическую науку. После выступления в 1990 году с содержательным докладом в научно-практической конференции, посвященной проблемам преподавания башкирского языка в северо-западных районах республики, она серьезно занялась исследованием этой темы, ставшей одним из основных научных направлений ее многогранной деятельности. Глубокая заинтересованность языковыми проблемами северо-западных башкир и постоянное неравнодушие к ним известного ученого-методиста было связано еще с тем фактом, что родилась и выросла она в ауле Бакалы Бураевского района, жители которого бережно сохранили в душе и памяти историю своих корней. Статьи Мусаллии Хайрулловны, напечатанные в республиканской периодической печати, привлекли внимание широкой общественности, а выпущенная отдельным собранием работа «Корни наши – глубоки: северо-западные башкиры. Их история, настоящее, будущее» («Тамырҙарыбыҙ – тәрәндә: Төньяк-көнбайыш башҡорттары. Уларҙың үткәне, бөгөнгөһө, киләсәге») стала хорошим подспорьем для исследователей истории, культуры и языка северо-западных башкир [Хәйруллина, 2002]. Многие языковеды впоследствии отметили оригинальность и глубину её идей и мыслей, при этом особо подчеркивая принадлежность самого автора именно к этому диалекту башкирского языка. Ценность её трудов заключается еще в том, что свои положения профессор М. Х. Хайруллина подтверждает ревизионными документами о переписи населения, статистическими данными, приводит свою длинную генеалогию. В сборнике научных, научно-публицистических статей и воспоминаний М. Х. Хайруллиной, выпущенном в 2004 году в БашГУ, в компоновке которого автору данной статьи посчастливилось принимать участие, имеется целый раздел под названием «Размышления о родном языке». В первой же статье раздела под названием «Родной язык – дар от рождения» («Туған тел – тыумыштан килгән һәләтлек») автор акцентирует внимание читателя на уникальной способности, передающейся человеку от рождения, о чуткости к родному слову и отмечает об огромной ценности указанного природного явления. Выделяя роль учителя в развитии речи и мышления ребенка, она ставит вопрос о языке обучения в национальной школе. Ученая приходит к однозначному ответу на данный вопрос: в школе обучение должно начаться на родном языке ученика [Хайруллина, 2004, 66]. При этом Мусаллия Хайрулловна ссылается на труды известных ученых-методистов, высоко оценивающих роль родного языка в обучении другим школьным предметам. Одну из своих статей профессор так и назвала – «Обучению родному языку – серьезное внимание». В ней автор вполне справделиво отмечает, что родной язык является самым важным методическим средством при изучении русского языка [Хайруллина, 2004, 71]. Широкий резонанс вызвали выступления профессора о проблемах преподавания башкирского языка в северо-западных районах Башкортостана. Как она отметила, некоторые северо-западные башкиры общаются на диалекте, близком к татарскому языку, но они по национальности являются коренными башкирами:

«Язык башкир нашей местности не татарский язык, а диалект башкирского языка, подвергшийся влиянию татарского языка, что отразилось в фонетике местного говора» [Хайруллина, 2004, 72]. В то же время, как она пишет, этот язык сохранил свое исконное словарное богатство, особенности грамматического строя и словообразовательной системы. И поэтому жителей северо-западных районов нельзя считать татарами, они башкиры с древними своими историческими корнями. При этом М. Х. Хайруллина аргументирует свои положения высказываниями известных ученых республики – А.И. Харисова и Г.Б. Хусаинова. В статье «Отражение проблем северо-западных башкир в печати» также поднимаются актуальные проблемы башкирской диалектологии. Проанализировав статьи С. Миржановой, С. Гиззатуллиной, Р. Уметбаева, опубликованные в периодической печати республики, она поднимает проблему выпуска учебников башкирского языка с учетом потребностей северо-западных и западных башкир. Профессор призывает образовательные структуры за качественное внедрение преподавания родного башкирского языка и литературы в школах западных и северо-западных районов Башкортостана [Хайруллина, 2004, 77–78]. В статье «Некоторые особенности северо-западного диалекта башкирского языка», обосновывая специфику диалекта башкирского языка данной местности, приводит интересные сведения из своей жизненной практики. Как вспоминает профессор, в годы студенчества в Казани она столкнулась с тем, что многие слова из её речи не были понятны окружающим, т.е. местным татарам, что свидетельствует о том, что она разговаривала не на татарском, а на одном из диалектов башкирского языка. Отмечая ценность диалектологических изысканий С. Миржановой, Т. Баишева, она подробно останавливается на башкирских звуках «ҙ» и «ҫ». При этом особенно выделяет ценные положения монографии С.Миржановой «Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние)» по этому вопросу. В конце статьи она еще раз акцентирует внимание читателя на том, что язык жителей северо-западных районов республики – башкирский, в котором проявились диалектные особенности его носителей [Хайруллина, 2004, 83].

Диапозон научных интересов М. Х. Хайруллиной был широким. Она глубоко интересовалась и развитием литературы региона. Об этом ярко свидетельствует опубликованная ею статья «Трилогия, вобравшая в себя целое тысячелетие», в которой делается обзор и анализ произведений С. Ш. Поварисова. Ею были опубликованы также статьи о научной деятельности известных ученых республики – о З. Ш. Шакирове, Р. З. Шакурове, Х. М. Яппарове и др.

Таким образом, всю свою научно-методическую деятельность посвятив служению Слову, известный профессор прошла путь от методики преподавания русского языка в национальной школе до актуальных проблем методики и диалектологии башкирского языка. В своих мемуарах М. Х. Хайруллина отмечает, что в её семье жили по принципам: «Обещал – сделал», «Сказанное слово как выпущенная стрела», ставшим и для нее жизненным кредо. Верность своим принципам, трудолюбие и большая любовь к своему народу – эти черты характера известного профессора республики сделали её символом преданного служения филологической и педагогической науке.

Литература

Дьяченко Л. И., Ямалетдинова А. М. Первый доктор педагогических наук Башкортостана Мусаллия Хайруллина // Хайруллина М.Х. Сборник научных, научно-публицистических статей и воспоминаний. Уфа: РИО БашГУ, 2004. С. 8–10. {Dyachenko L. I., Yamaletdinova A.M. The First doctor of pedagogical Sciences of Bashkortostan Musalliya Khairullina // Khairullina M. Kh. Collection of scientific, scientific and journalistic articles and memoirs. Ufa: RIO Bashgu, 2004. P. 8–10.}

Хайруллина М. Х. Сборник научных, научно-публицистических статей и воспоминаний. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 160 с. {Khairullina M. Kh. Collection of scientific, scientific and journalistic articles and memoirs. Ufa: RIO Bashkir state University, 2004. 160 p.}

Хәйруллина М. Ғ. Тамырҙарыбыҙ – тәрәндә: Төньяҡ-көнбайыш башҡорттары. Уларҙың үткәне, бөгөнгөһө, киләсәге. Өфө, 2002. 64 бит. Корни наши – глубоки: северо-западные башкиры. Их история, настоящее, будущее. Уфа, 2002. 64 с. {Khairullina M. Kh. Our roots are deep: the North-Western Bashkirs. Their history, present, and future. Ufa, 2002. 64 p.}

УДК 80

А. В. Лоза, г. Ярославль

ЯЗЫК И ЭТНОС В СОЧИНЕНИЯХ ЛИНГВОФИЛОСОФОВ ГЕРМАНИИ XIX ВЕКА: К. ГЕРМАННА, Х. ГАБЕЛЕНЦА, Г. ГЕРБЕРА

В статье рассматриваются основные тезисы лингвофилософии XIX века, располагающиеся в русле гумбольдтианства. В фокусе внимания находятся вопросы взаимосвязи языка и этноса, языка и мышления, важности явлений языка для процесса познания. Представлены воззрения лингвофилософов, чьи труды в меньшей степени известны в отечественной научной традиции. Автор анализирует общие для лингвофилософов научные установки и убеждения. Особенного внимания заслуживают критика метафизики и спекулятивной философии языка, классических философских систем (И. Канта и Г. Гегеля) как основы методологии науки. Главную роль в философии играет критика языка, то есть использование материала этнических языков для решения вопросов мышления и познания.

***Ключевые слова**: лингвофилософия, язык и мышление, этнос, этнический язык, язык и познание, метафизика, спекулятивная философия, гумбольдтианство.*

***LANGUAGE AND ETHNOS IN THE WORKS OF LANGUAGE PHILOSOPHERS OF GERMANY IN THE XIX CENTURY: C. HERMANN, H. GABELENTZ, G. GERBER**. The article considers the main theses of philosophy of language of the XIX century, located in the mainstream of Humboldtianism. The focus of attention is on the relationship of language and ethnos, language and thinking, the importance of the phenomena of language for the process of cognition. The views of philosophers of language, whose works are less known in the domestic scientific tradition are presented. The author analyzes the scientific approaches and ideas common to them. Of particular note are the critics of metaphysics and speculative philosophy of language, classical philosophical systems (I. Kant and G. Hegel) as the basis of the methodology of science. The main role in philosophy is played by criticism of language, i.e. use ethnic languages to solve issues of thinking and cognition.*

***Keywords**: philosophy of language, language and thinking, ethnos, ethnic language, language and cognition, metaphysics, speculative philosophy, Humboldtism.*

В истории развития лингвистической и философской наук XIX век занимает особенное место. В это время языкознание выделяется в отдельную дисциплину, происходит смена парадигмы классической науки, что влечет за собой изменение исследовательских установок. В процессе формирования новой методологии ученые переходят к критике языка в изучении таких важных вопросов, как условия и границы нашего мышления и познания (мировосприятия) [Лоза, 2019, 158]. Особенных успехов в данной области достигли немецкие философы и филологи (Г. Гегель, И. Г. Гердер, А. В. и Ф. Шлегели, Ф. Бопп, Я. Гримм, В. фон Гумбольдт и другие).

Со становлением сравнительно-исторического языкознания усложнились представления о языке. Появилась тенденция изучать не язык вообще, а этнический язык, который стал пониматься как фактор, обуславливающий мышление, делались попытки проследить закономерности мышления носителей различных национальных языков.

Исследователи отказываются от оперирования чистыми категориями (априори) в изучении вопросов мышления и познания, отмечают важную роль языка в этих процессах и заявляют, таким образом, трансцендентальный характер языка. Тезис о взаимосвязи и, следовательно, взаимовлиянии языка и мышления становится основополагающим в работах ученых. Проводимые изыскания не ограничиваются рамками одного научного знания; исследователи отмечают большое значение междисциплинарного подхода в рассмотрении вопросов лингвистического характера.

Основополагающие для зарождения этнолингвистики, связывающие культурно детерминированное человеческое мировосприятие и язык тезисы были сформулированы в сочинениях В. фон Гумбольдтом. Подобное понимание языка (характерное для науки XIX века), как принято обозначать в научной традиции, располагается в русле гумбольдтианства. Но наряду с уже упомянутыми именами прославленных во всем мире языковедов и философов существует целый ряд не столь известных исследователей, чей вклад в науку нельзя не отметить. Зачастую в учебной литературе за главой о трудах В. фон Гумбольдта сразу следует аналитическая философия XX века.

Профессор Лейпцигского университета, лингвофилософ Конрад Германн (1819–1897) рассматривал язык не только как важный инструмент, но и в целом как необходимое условие для человеческого мышления. К. Германн писал, что язык представляет собой форму мышления [Лоза, 2018, 156]. Человек изначально обладает необходимым набором лексики и правил синтаксиса, чтобы строить предложения. На этом основана его способность мыслить. Без возможности речевого выражения мышление лишено определенности, ср.: das gegebene Instrument …Vorbedingung unseres Denkens [Hermann, 1858, 37–38].

Мышление, как психический процесс, как высшая ступень человеческого познания, присуще всем людям. К. Германн определял мышление как таковое, присущее всему человеческому роду, как «общее». Мышление, связанное с конкретными языками, он обозначал как «особенное». Причем «мышление в себе» (das Denken an sich) – это абстракция и не существует в действительности; реально существует только мышление, получающее свое выражение в этнических языках. Поэтому сколько есть различных языков, столько есть различных видов или форм мышления. Эти разнообразные формы мышления оказываются связанными национальными границами языка. Любой язык представляет собой зеркало, отшлифованное так, что в нем «духовное содержание мира отражается с особой стороны». Язык, с одной стороны, как опора для мышления, является универсальным явлением, с другой стороны, как этническое образование, он обуславливает содержательное разнообразие мышления, ср.: … teils an eine allgemein menschliche, teils… an eine besondere nationale Grenze der sprachlichen Gestaltung gebundenes [Hermann, 1858, 38]. Поэтому, как считал К. Германн, отдельные мысли конкретно взятого языка не могут быть выражены в другом без того, чтобы подвергнуться искажению, пусть и незначительному [Hermann, 1858, 41].

Немецкий филолог Ханс Георг фон дер Габеленц (1840–1893) также критикует спекулятивный подход философов языка, оперировавших априорными понятиями, и называет предметом изучения философии языка (общего языкознания) человеческий язык. Лишь задачи исследования могут быть поставлены априори, его результаты таковыми быть не могут [Gabelentz, 2016, 15]. Язык живет, является целым, системой и получает выражение в речи (lebendige Rede), которая представляет собой воплощение его жизни. Для того, чтобы познать язык, недостаточно обладать сведениями о его истории или системе грамматических правил. Древние праформы языка не способны раскрыть его сущность, совсем как «личинка, гусеница или куколка не могут объяснить закономерности полета бабочки» [Gabelentz, 2016, 9]. Предметом изучения науки о языке должен быть, следовательно, язык, живущий в душе народа (im Geiste des Volkes lebende Sprache) и получающий выражение в речи. Язык дает нам возможность взглянуть на мир «другими глазами», ср.: wir erblicken sie (die Welt) mit anderen Augen, in anderer Beleuchtung [Gabelentz, 2016, 42]. В качестве примера своеобразного восприятия мира, получающего выражение в языке, Х. Габеленц отмечает особенности номинации явлений действительности: мозоль (Leichdorn) в немецком языке (Hühnerauge), как и в венгерском (tyúkszem), в голландском называется (eksteroog, т.е. нем. Elsterauge), а в латышском обозначается (wardazs, т.е. нем. Froschauge) [Gabelentz, 2016, 43].

Отмечая многоаспектность языка как предмета исследования, Х. Габеленц обозначает языкознание в качестве составляющей науки о человеке (антропологии). Предмет изучения располагается в фокусе внимания сразу нескольких научных дисциплин: этнографии, истории, логики, философии и других. Язык народа представляет собой выражение его духовной жизни. Развитие последнего влечет за собой изменения в языке, и наоборот. Таким образом, язык является важной составляющей истории народа [Gabelentz, 2016, 14].

Немецкий философ Густав Гербер (1820-1901) представляет язык как важнейшее средство мышления и процесса познания. В этом аспекте Г. Гербер особенно подвергает критике философию И. Канта, отмечая несостоятельность когнитивного подхода к анализу развития человеческого рода без учета функций языка, ср.: …sie (die Sprache) die Denkbewegung umgrenzt und bedingt [Gerber, 1874, 190]. Слова языка являются представлениями человека о вещах окружающего мира (символами). Язык, таким образом, представляет собой систему символов, сформированную посредством субъективного восприятия. Каждое слово имеет тот или иной объем значений, который зависит от ситуации употребления (контекста). Так же, как К. Германн и Х. Габеленц, Г. Гербер писал о невозможности существования «мышления в себе» или «чистого мышления», ср.: Das reine Denken ist eben solches Hirngespinst, wie es eine reine Sprache sein würde, welche anzunehmen freilich noch niemand eingefallen ist [Gerber, 1874, 261]. Наряду с вопросом взаимосвязи языка и мышления в своих сочинениях Г. Гербер рассматривает множество тем лингвофилософского характера: язык и риторика, язык и искусство,

развитие языка и другие. Представления о языке как источнике информации для изучения природы человека формируют антропологические основания лингвофилософии Г. Гербера.

На пути своего становления и развития язык проходит два этапа: чувственный и духовный. Первый соответствует начальному уровню, последний свидетельствует о его зрелости: существовании и гармоничном использовании его словарного запаса в операциях понятийного мышления. Мыслительные формулы сами по себе одинаковы, но их языковое наполнение делает сам процесс и результаты ментальной (познавательной) деятельности своеобразными, вследствие чего можно утверждать об особенном восприятии окружающего мира и самих себя носителями, ср.: Sprache als Spiegel und Bild von uns selbst [Gerber, 1874, 145].

Как отмечалось, исследования философов языка XIX века объединяют общее неприятие методологических основ спекулятивной философии, в частности философии Г. Гегеля, «забывшей о языке». Тем не менее нельзя не отметить, что работы, содержащие обращение к понятию духа, созданы в традициях философии идеализма Г. Гегеля и раннего историзма, представляющих процессуальное развитие научных, нравственных, общественных идей.

Литература

Лоза А. В. О жизни и творческом пути лингвофилософа К. Германна // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 2. С. 153–157. {Loza A. V. About life and work of philosopher of language C. Hermann. Upper Volga Philological Bulletin. 2018. No 2. P. 153–157.}

Лоза А. В. Истоки формирования аналитической философии языка в Германии XIX века: О. Группе, К. Германн и М. Мюллер // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3. С. 157–164. {Loza A. V. Origins of analytical philosophy in the 19th-century Germany: O. Gruppe, C. Hermann and M. Müller. Upper Volga Philological Bulletin. 2019. No 3. P. 157–164.}

Gabelentz H. Die Sprachwissenschaft. Ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Berlin: Language Science Press, 2016. 559 S. {Gabelentz H. Linguistics. Its tasks, methods and present results. Berlin: Language Science Press, 2016. 559 p.}

Gerber G. Die Sprache als Kunst. Bromberg: Mittlersche Buchhandlung, 1874. 301 S. {Gabelentz G. Language as art. Bromberg: Mittlersche bookstore, 1874. 301 p.}

Hermann C. Philosophische Grammatik. Leipzig: Friedrich Fleischer Verlag, 1858. 428 p. {Hermann C. Philosophical grammar. Leipzig: Friedrich Fleischer publishing house, 1858. 428 p.}

УДК 238

Ф.А. Мамадалиева, г. Ташкент

ЭЛЕКТРОННЫЙ УЧЕБНИК КАК СРЕДСТВО ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Статья посвящена использованию электронных учебников в процессе обучения студентов. Приведены преимущества использования данной формы и метода обучения в образовательном процессе. Развитие системы образования ведет к созданию и внедрению современных электронных учебников, обеспечивающих успешный процесс обучения. Использование электронного учебника студентами будет способствовать развитию у них учебно-познавательной деятельности и мотивации в овладении предметом.

Ключевые слова: *электронный учебник, реформа, система образования, дистанционное обучение, технология, версия.*

THE ELECTRONIC TEXTBOOK AS A MEANS OF REMOTE TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE*. The article is devoted to the use of electronic textbooks in the learning process of students. The advantages of using this form and method of training in the educational process are presented. The development of the educational system leads to the creation and implementation of modern electronic textbooks providing a successful learning process. The use of an electronic textbook by students will contribute to the development of their educational and cognitive activity and motivation in mastering a subject.*

Keywords*: electronic textbook, reform, educational system, distance learning, technology, version.*

Реформа системы образования в республике Узбекистан выдвигает принципиально новые требования к качеству подготовки кадров в вузе. Научно-технический прогресс, социально-экономические и общественно-политические изменения в условиях развития современного общества привели к необходимости не только значительного увеличения объёма знаний, но и совершенствования форм и методов учебного процесса.

Основные принципы дистанционного обучения (ДО): установление интерактивного общения между обучающим и обучающимся без обеспечения их непосредственной встречи и самостоятельное освоение предоставленного информационного материала, знаний, навыков по выбранному предмету и его программе при заданной информационной технологии. Несомненно, бесспорна роль учебника в учебном процессе. Учебник был и остаётся основным средством обучения языку, так как он даёт не только материал для обучения и изучения, но также определяет методику работы, ход всего учебного процесса, а также цели конечного результата в изучении и овладении языком. Электронные учебники – это не электронная версия бумажного учебника, а обучающая среда, в которой содержится информационный, обучающий материал, ведущий к контролю и к практической направленности. Они дают возможность получать большую информацию для изучения и выполнения практических заданий по предмету, осуществлять проверку своих знаний на разных этапах овладения языком, мотивируя на дальнейшее изучение предмета.

Дистанционное и традиционное обучение существенно различаются в следующем:

1) пространственная разделенность обучающего и обучаемого;

2) усиление активной роли студента в образовательном процессе: в постановке образовательных целей, выборе форм и методов обучения;

3) подбор материалов, предназначенных специально для дистанционного изучения.

Основополагающей проблемой развития дистанционного обучения является создание новых методов и технологий обучения, которые отвечают телекоммуникационной среде общения. В процессе такого обучения учащиеся создают собственное понимание предметного содержания обучения. На смену имеющейся модели обучения пришла новая модель, основанная на определенных аспектах: в центре технологии обучения – студенты; суть технологии – развитие способности к самообучению и самообразованию; повышение роли самостоятельности в процессе обучения; в основе учебной деятельности – сотрудничество.

Успешное создание и использование дистанционных учебников должно начинаться с углубленного анализа целей обучения, дидактических возможностей новых технологий передачи учебной информации, требований к технологиям дистанционного обучения, дидактических возможностей новых технологий передачи учебной информации, требований к технологиям дистанционного обучения с точки зрения обучения к конкретным дисциплинам, корректировки критериев обученности. Использование электронного издания должно осуществляться при помощи комплексного календарно-тематического плана, позволяющий выполнять комплекс заданий за семестр и с индивидуальной последовательностью. Это позволит осуществлять самоконтроль и рационально использовать бюджет времени студентов.

Дидактические особенности курса ДО обусловливают новое понимание и коррекцию целей внедрения, которые можно обозначить следующим образом:

– стимулирование интеллектуальной активности студентов с помощью определения целей изучения и применения материала, а также вовлечения студентов в отбор, проработку и организацию материала;

– усиление учебной мотивации, что достигается путем четкого определения ценностей и внутренних причин, побуждающих учиться;

– развитие способностей и навыков обучения и самообучения, что достигается расширением и углублением учебных технологий и приемов.

Индивидуальная и самостоятельная работа студентов в изучении языка является неотъемлемой частью развития навыков речи у студентов в условиях ДО. Этот вид деятельности уплотняет учебное занятие, позволяет рационально и экономно использовать время и тем самым интенсифицировать процесс обучения. Экспериментально доказано, что решающим является не повторение, а понимание, логическая структурированность запоминаемого материала. Дидактический материал, учебные ситуации – «кейс – стадии», наглядность, схемы, графики контрольные срезы в электронном виде для самоконтроля, – активная, творческая работа студентов, которая стимулирует умственную и речевую деятельность обучающихся. Подобранный языковой материал соответствует тематике календарно-тематического плана и предполагает доведение до автоматизма овладение словосочетаниями, оборотами и типовыми фразами.

Очень важно добиваться того, чтобы поставленные цели помогли определить, что в конечном результате ожидается от студентов после изучения данного курса. Конкретизация целей позволяет дать представление о том, что студент в состоянии будет сделать или предоставить в конце каждого занятия. Цели помогают сконцентрироваться на развитии познавательной деятельности студентов и определить, на какой стадии они находятся. Правильно сформулированные цели позволят студентам:

– настроить мышление на тему обучения;

– сфокусировать внимание на наиболее важных проблемах;

– тщательно подготовиться к итоговому контролю, тестам и заданиям и другим средствам оценивания.

Работа по электронному изданию способствует возрастанию активности студентов в расширении и углублении своих знаний. При умелом использовании электронной литературы, она оказывает на студентов положительное психологическое воздействие, которое служит эффективным стимулом в обучении.

Успешная организация работы с электронным изданием, прежде всего, зависит от теоретической и методической подготовки преподавателя. Поэтому преподавателю необходимо постоянно совершенствовать своё педагогическое мастерство, изучая и используя на занятиях интерактивные методы обучения, новейшие технологии и инновационное обучение, знать специальную методику работы с техникой, изучать методическую и педагогическую литературу, больше обмениваться опытом работы, знакомиться с передовым опытом работы известных и ведущих методистов страны и зарубежья.

Литература

Крылова А.П. Применение электронного учебника для развития грамматических навыков развития языка в общеобразовательной школе. М., 2018. {Krylova A.P. The use of an electronic textbook for the development of grammatical skills of language development in a comprehensive school. Moscov, 2018.}

Трегубова О.П. Создание электронного учебника, фестиваль педагогических идей «Открытый урок». М., 2014. {Tregubova O.P. Creation of an electronic textbook, festival of pedagogical ideas “Open lesson”. Moscow, 2014.}

Червякова Я.И., Чибисова О.В. Электронный учебник как средство новых информационных технологий // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 4. С. 52–53. {Chervyakova I.I., Chibisova O.V. An electronic textbook as a means of new information technology // International Journal of Experimental Education. 2010. No. 4. P. 52–53.}

УДК 159.922.4:159.922

Н.С. Мерзлякова, г. Кумертау

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В статье автор обращается к значимости и особенностям межэтнического взаимодействия. Рассматриваются условия, обеспечивающие эффективность данного процесса. Представлены различные классификации межэтнического взаимодействия. Описаны такие ключевые понятия как толерантность и этническая идентичность. Отмечена роль языка как консолидирующего фактора.

***Ключевые слова**: этнос, межэтническое взаимодействие, толерантность, этническая идентичность, язык.*

***ETHIC IDENTITY IN INTERETHNIC INTERACTION**. In this paper the author appeals to the significance and peculiarities of interethnic interaction. Conditions ensuring the efficiency of this process are considered. Different classifications of interethnic interaction are represented. Such key concepts as tolerance and ethnic identity are described. The role of language as the consolidating factor is denoted.*

***Keywords**: ethnos, interethnic interaction, tolerance, ethnic identity, language.*

Процессы интеграции, глобализации, происходящие в современном мире, приводят к росту интенсивности соприкосновения различных культур. Стабильность и благополучие общества зависят от способности уважать культурные ценности, язык других народов, понимать друг друга и находить пути урегулирования межнациональных и межэтнических конфликтов.

Башкортостан и многие другие регионы России являются пространством разнообразных культур, религий, языков, традиций, обычаев, отношений и ценностей. Национальные сообщества соотносятся с определенным этносом, отражающим целостность культуры, представляющей идеи, материальные и духовные ценности определенной группы. В контексте полиэтничности региона необходимо обратиться к особенностям межэтнического взаимодействия.

Межкультурное взаимодействие – феномен, связанный не только с этническими процессами, но и с социально-политическими, экономическими реалиями, культурой и другими сферами жизнедеятельности. Исследователями представлены различные точки зрения на понятие межкультурного взаимодействия.

Межэтническое взаимодействие рассматривается Е.Е. Кутявиной как социальное взаимодействие, субъекты которого относятся к разным этническим группам [Кутявина, 2004, 212].

А.Д. Карнышев определяет межэтническое взаимодействие как «разнообразные контакты между этносами, ведущие к изменению индивидуальной и социальной характеристик каждой из взаимодействующих этнических групп и их отдельных представителей, а также интеграции определенных качеств и свойств» [Карнышев, 1997, 53].

Необходимо отметить, что эффективность межэтнического взаимодействия реализуется при определенных условиях:

– взаимодействующими этносами признается уникальность и ценность всего этноса и каждой его личности;

– право любого этноса на собственный менталитет и на собственную оценку происходящих событий;

– уровень национального достоинства представителей этносов не подлежит сомнению;

– партнеры не допускают взаимной предвзятости и стремятся к преодолению различных предрассудков в отношении друг друга;

– признаются и положительно оцениваются традиции, обряды и этические нормы народов;

– участие во взаимовыгодной деятельности и решение общих проблем;

– лучшие атрибуты другой культуры, особенности других этносов воспринимаются как возможность расширения собственных потенциалов [Трофимова, Карнышев, 2006, 83].

В литературе представлены различные уровни межэтнического взаимодействия. Согласно одной из классификаций выделяют коммуникативный (общение посредством языка и культурных традиций для определенной общности людей); интерактивный (общение с учетом личностных харак-

теристик людей); и перцептивный (процесс восприятия партнерами друг друга, определение контекста общения) [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2003, 142–143].

Б.С. Ерасовым отмечены этнический (между локальными этносами, этноконфессиональными общностями); национальный (в моноэтнической и полиэтнической среде через общую хозяйственную деятельность и государственно-политическую регуляцию) и цивилизационный уровни [Ерасов, 2000, 422].

Межэтническое взаимодействие особенно важно в поликультурном обществе, государстве, поскольку межэтнические отношения являются необходимым условием этнического самосознания. Данное взаимодействие также является основой формирования толерантного отношения к представителям других наций, рас, культур, религий, традиций, обычаев, ценностей.

Развитие толерантности – объективная потребность современного общества. Согласно Р.Р. Валитовой: «толерантность – это моральное качество личности, характеризующее терпимое отношение к другим людям, независимо от их этнической, национальной либо культурной принадлежности, терпимое отношение к иного рода взглядам, нравам, привычкам; необходима по отношению к особенностям различных культурных групп или к их представителям» [Валитова, 1996, 34].

Как отмечает Е.А. Пугачева, нормальное самосознание гражданина новой России – это единство трех компонентов. «Во-первых, это чувство принадлежности к своему этносу, своему народу, любовь и уважение к своим национальным традициям и истории своего народа, стремление владеть своим национальным языком и национальной культурой. Во-вторых, это чувство принадлежности к многонациональному российскому обществу, российский патриотизм, непременно сопряженный с отказом от этнического тщеславия, от представления о своей этнической исключительности. В-третьих, это чувство принадлежности к мировому сообществу, чувство ответственности не только за судьбы своего народа и своей многонациональной страны, но и всего мира» [Пугачева, 2008, 12–13]. Согласно Е.А. Пугачевой, «формирование толерантности студентов предполагает понимание каждым человеком уникальности других народов, многообразия их культур и исторических особенностей; целенаправленное и планомерное, систематическое обучение отказу от насилия; привитие уважения к другим, солидарности и сопричастности, которые базируются на осознании и принятии собственной самобытности, способности к признанию мужественности человеческого существования в различных культурных и социальных аспектах» [Пугачева, 2008, 14].

В содержании высшего образования В.П. Комаровым и О.В. Исаевой выделено три блока формирования толерантности:

– «обеспечивающий возможность личности самоидентифицироваться по принадлежности к той или иной культуре, общности, социальной группе;

– создающий условия для вступления личности в равноправный диалог с имеющимся инокультурным, инонациональным, иноконфессиональным, иносоциальным окружением;

– обеспечивающий возможность включенности личности в современные мировые общецивилизационные процессы» [Комаров, Исаева, 2003, 117].

Н.Г. Маркова подчеркивает, что понимание и признание культуры другого народа – важнейший шаг по развитию у подрастающего поколения политолерантного сознания, что является показателем восприятия и принятия многообразия мира. Знание культурных этносов, национальностей развивает этноориентированную личность, способную к творческому саморазвитию в поликультурном обществе [Маркова, 8].

Таким образом, жизнь общества в полиэтничном регионе должна основываться на интенсивном и позитивном межкультурном диалоге и взаимодействии через национальное самосознание и самоидентификацию, межэтническую толерантность.

При изучении феномена межэтнического взаимодействия важным является понятие этнической идентичности, представляющей результат процесса осознания этнической принадлежности, отождествление индивидом себя с представителями своего этноса и обособление от других этносов.

Л.А. Амирова подчеркивает, что траектория личностного развития в этнической среде имеет особенности. Взаимодействуя с членами национального сообщества, человек в процессе социализации приобретает национальный вкус, национальные интересы, впитывает национальные обычаи, соблюдает национальные традиции, приобретает национальный склад ума, характер. В данном случае речь идет об этнической идентичности. В процессе межэтнического взаимодействия этническая идентичность конструируется на основе представлений, образующих систему этнодифференцирующих признаков, в качестве которых выступают язык, ценности, религия, национальный характер, народное творчество [Амирова, 2006, 226].

Позитивная этническая идентичность – баланс толерантности по отношению к собственной и другим группам, это условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы и условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном мире. Позитивная этническая идентичность в окружении непривычной социальной среды, среди людей с несколько иным менталитетом, с другими мерками, обычаями, правилами, убеждениями, может выступать в качестве показателя успешности социально-психологической адаптации в новом обществе, способствовать налаживанию связей с новой культурой, приобретению целостности Я-образа. Тенденции взаимодействия этнических групп и стран отражаются на профессиональных, деловых и культурных отношениях, следовательно, актуален вопрос о путях социальной открытости, воспитания взаимной толерантности.

Опыт межнационального общения создает основу толерантного восприятия других культур.

Язык представляет собой производное от культуры этноса, нации, народа и одно из важнейших составляющих этнической культуры и идентичности. Языковая структура обеспечивает понимание этноса, а связь языка и этноса позволяет рассматривать язык как фактор этнической консолидации. Если человек относит себя к определенному этносу, он стремится овладеть языком данного этноса, поскольку только знание национального языка является основой для признания себя элементом нации. Язык в свою очередь является ключом к познанию культуры и истории народа и инструментом успешной жизнедеятельности человека в поликультурном, мультилингвальном сообществе.

Эффективное межкультурное, межэтническое взаимодействие в полиэтническом, мультилингвальном регионе с уникальностью, самобытностью и языковым своеобразием национальных сообществ основывается на принципах толерантности и позитивной этнической идентичности и способствует сближению народов и культур.

Литература

Амирова Л.А. Развитие профессиональной мобильности педагога в пространстве его личностной самореализации. Уфа: Восточный университет, 2006. 460 с. {Amirova L.A. Development of the teacher's professional mobility in the field of his personal self-realization. Ufa: The Eastern University, 2006. 460 p.}

Валитова Р.Р. Толерантность: порок или добродетель // Вестник Московского университета: серия 7. Философия. 1996. № 1. С. 33–37. {Valitova R.R. Tolerance: defect or goodness // Moscow University Bulletin: series 7. Philosophy.1996. No 1. P. 33–37.}

Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с. {Grushevitskaya T.G., Popkov, V.D., Sadokhin A.P. Fundementals of intercultural communication. Moscow: UNITY-DANA, 2003. 352 p.}

Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 2000, 591 с. {Erasov B.S. Social cultural science. Moscow: Aspect Press, 2000. 591 p.}

Карнышев А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. Улан-Удэ: Издательство БГУ, 1997. 184 с. {Karnyshev A.D. Interehnic interaction in Buryatia: social psychology, history, policy. Ulan-Ude: BSU Publ., 1997. 184 p.}

Комаров В.П., Исаева О.В. Воспитание толерантности у студентов университета / В.П. Комаров // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 4. С. 112–118. {Komarov V.P., Isaeva O.V. Teaching tolerance to the university students // Orenburg State University Bulletin. 2003. No 4. P. 112–118.}

Кутявина Е.Е. Проблема изучения межэтнического взаимодействия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия социальные науки. 2004. № 1 (3). С. 212–220. {Kutyavina E.E. Problem of interethnic interaction studying // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social sciences. 2004. No1 (3). P. 212–220.}

Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 308 с. {Markova, A.K. Psychology of professionalism. Moscow: International humanitarian fund «Znanie», 1996. 308 p.}

Пугачева Е.А. Формирование толерантности студентов в поликультурной среде вуза: автореф. дис. … канд. пед. наук. Н. Новгород, 2008. 27 с. {Pugacheva E.A. Development of students' tolerance in the polycultural environment of higher educational institution. Author's abstract of Ph.D. thesis. N.Novgorod, 2008. 27 p.}

Трофимова Е.П., Карнышев А.Д. Методы исследования и оптимизации межкультурного взаимодействия. Иркутск: БГУЭП, 2006. 189 с. {Trofimova E.P., Karnyshev A.D Methods of research and optimization of intercultural interaction. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law Publ., 2006. 189 p.}

УДК 811.512.145, ББК 81.2

Г. А. Набиуллина, г. Казань

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР И КАРАИМОВ В ПОСЛОВИЦАХ

В настоящее время, несмотря на имеющийся фактический материал и наличие научных публикаций, рассматривающих отдельные аспекты речевой этики тюркской этнокультуры, сравнительно-сопоставительное лингвистическое исследование, посвященное вопросам речевых стереотипов в языковой этике тюркских народов, является актуальным в современном языкознании. В данной статье на материале паремий рассматривается речевая культура татар и караимов. Систематизированы основные коммуникативные стратегии речевой культуры: вежливость, мудрость, сдержанность, искренность и открытость. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволяет выявить типичные и специфичные характеристики этнокультурных стереотипов речевого общения татар и караимов. Анализ речевой культуры в пословицах привел к выводу о том, что татары и караимы остаются верными соблюдению народных обычаев и специфичных речевых культур.

Ключевые слова: *речевая культура, татарская этнокультура, караимская этнокультура, паремиологический фонд.*

SPEECH CULTURE OF TATARS AND KARAITES IN PROVERBS. *At present, despite the available factual material and the availability of scientific publications that consider certain aspects of the speech ethics of the Turkic ethnoculture, a comparative linguistic study devoted to the issues of speech stereotypes in the language ethics of the Turkic peoples is relevant in modern linguistics. This article examines the speech culture of Tatars and Karaites based on the material of paremias. The main communicative strategies of speech culture are systematized: politeness, wisdom, restraint, sincerity and openness. The comparative analysis allows us to identify typical and specific characteristics of ethno-cultural stereotypes of speech communication between Tatars and Karaites. The analysis of speech culture in proverbs led to the conclusion that the Tatars and Karaites remain faithful to the observance of folk customs and specific speech cultures.*

Keywords: *speech culture, ethnic Tatar, Karaite ethnic culture, paremiological fund.*

Закономерно совпадение ряда пословиц у татар и других тюркских языков Поволжья и Приуралья. Это объясняется общностью истории быта и тесными экономическими и культурно-языковыми контактами. Например, аналогичные татарские пословицы можно встретить у тюркских народов, как узбеков, казахов, алтайцев, турок, азербайджанцев, ногайцев и т.д. На наш взгляд, в этом проявляется древний общетюркский пласт фольклора, свидетельствующий о единых корнях, давших поросль различных тюркских народностей.

Цель нашего исследования – изучение речевой культуры татар и караимов, представленных в паремиологическом фонде. Материалом исследования являются татарские и караимские пословицы [Полканов, 1995; Татар, 1987]. Нужно подчеркнуть, что изучение коммуникативного поведения на материале паремий позволяет выявить общие правила коммуникативного поведения этноса, которые оказываются намного богаче, разнообразнее и точнее многих современных основополагающих концепций эффективной передачи информации [Mugtasimova, 2014].

Несмотря на имеющийся фактический материал и наличие научных публикаций, рассматривающих отдельные аспекты речевой культуры, речевой этики, сравнительно-сопоставительное лингвистическое исследование, посвященное вопросам этнокультурных особенностей речевого поведения тюркских народов, является актуальным в современной тюркологии [Абдуллин, 2006; Кузнецов, 2004; Сайфуллина, 2009]. Подобные исследования позволяют переосмыслить коммуникативную культуру этноса в современном контексте и выявить типичные и специфичные характеристики коммуникативной культуры тюркских народов.

Караимы – маленький тюркский народ, издавна живущий в России, в основном в Крыму, а также в Литве, Польше, Франции и некоторых других странах. Караимский язык, один из наиболее древних живых тюркских языков, относится к кыпчакской группе тюркских языков, близкий к крымско-татарскому, кумыкскому и карачаево-балкарскому языкам. «Крымские караи (крымские караимы-тюрки) – коренной народ Крыма, объединенный общностью крови, языка и обычаев, осознающий

собственную этническую индивидуальность, кровное родство с другими тюркскими народами, самобытность культуры и религиозную самостоятельность. Испытывает особые чувства к Крыму, как к исторической родине, дружеское расположение к другим народам и конфессиям, уважает их самоидентификацию» [Караимы в Крыму]. Все эти основные черты караимов нашли отражение в речевом этикете, так как коммуникативная культура народов тесно связана с их ментальными и культурными ценностями. К основным ментальным качествам татар относятся также терпимость и толерантность. Они независимо от веры, национальности и социального положения, к собеседнику относятся подоброму, уважительно и дружелюбно.

В исследуемых языках существует много пословиц о силе и ценности слова. Например: *Тел – байлык (Язык – богатство); Тел күрке – сүз (досл. Ценность слова – язык);Тил ташны йарай ‘Язык камни раскалывает’* и т.д.

В пословицах говорится, что искусство владения речью помогает развивать и поддерживать взаимоотношения. Человек должен уметь владеть навыками культуры речи. Например, *Сүз сөйләү – һөнәр, сөйли белмәгән үләр ‘Говорение – это профессия, кто не умеет говорить, тот умрет’; Соз созыны ачар ‘Слово разговор открывает’; Эр созге къулакъ асылмас ‘К каждому слову не прислушиваются’; Кимни сыйладлар – анны дынледлар ‘Кого уважали – тому и внимали’; Бакъма, ким айтты – дынъле, не айтты ‘Не смотри, кто сказал, слушай, что сказал’* и т.д.

Высоко ценится умение сдержать свое слово, обещание: *Сүзне әйтмә, әйтсәң – кайтма ‘Слово не говори, сказал – не отступай’; Атылгъан соз, атылгъанлкъ, ашкъан тирлик къайтып кэльмэз ‘Сказанное слово, выпущенная стрела, прожитая жизнь назад не вернется’; Йаланджынынъ шаъады йанында болур ‘У луга свидетель бывает рядом с ним’* и т.д.

Как показывают наши исследования, в татарской и караимской коммуникативной культуре нужно быть сдержанным и рассудительным. Прежде чем говорить, нужно думать, анализировать свою речь: *Әүвәл уйла, аннары сөйлә ‘Сначала думай, прежде чем говорить’; Бар белгәнеңне сөйләргә ашыкма ‘Не спеши говорить, все что знаешь’; Телеңне тезгендә тот, этеңне чылбырда тот ‘Язык придержи на уздечке, собаку на привязи’; Созі вэрендэн эввэль услу кэрэктыр ‘Прежде чем дать слово, надо подумать’; Лакъырдын билип эйт ‹Говори знаючи’* и т.д.

Вежливость является одной из главных коммуникативных категорий татар и караимов. Под вежливостью понимают умение уважительно и тактично общаться с людьми, найти компромиссы: *Акыллы кеше сүз әйткәндә, әйтер сүзен чамалар ‘Умный человек знает что говорить’; Әдәп башы – тел ‘Воспитанный умеет разговаривать’; Инсафлыың теле саф ‘Воспитанный человек всегда вежливо говорит’; Дэли созга – карув йокъ ‘На глупое слово нет ответа’; Акъыллы кишидэн акъыллы соз чыгъар, акъылсынынъ башыны йарсанъ кози чыгъар ‘От умного человека выйдет умное слово, если глупому даже голову расколешь, то только глаза выпучит’* и т.д.

Народная мудрость ценит доброе, хорошее, ласковое, толковое слово: *Яхшы сүз балдан татлы ‘Доброе слово слаще меда’; Татлы тел тимер капканы да ачар ‘Сладкие слова откроют и железные ворота’; Җайлы сүз җан эретә ‘Толковое слово душу греет’; Җылы сүз – җан азыгы ‘Теплое слово – духовная пища’*. С точки зрения караимской коммуникативной культуры человек должен говорить “ласково и сладко”: *Татлы тиль йыланы йувадан чыкъарыр, йаман тиль инсаны – имандан ‘Ласковый язык змею выманит из гнезда, язык скверный лишит человека веры’; Шэндэмэ дэ бирирым, шэкэрдэмэ дэ билирым ‘И весело умею говорить, и сладко умею говорить’* и т.д.

В разговоре татары и караимы стараются проявлять уважение, не обидеть собеседника: *Сыйларга сыең булмаса, сыйпарга телең булсын ‘Если нет чем угостить, угощай приятными словами’; Хатыр йакъма къолай бир соз илэн, хатыр тапма йуз созда аз ‘Обидеть легко и одним словом, а расположить к себе и ста слов мало’* и т.д.

В пословицах болтливость и пустословие противопоставляется сдержанности. Немногословность, умение взвешивать слова характеризуют коммуникативную культуру исследуемых этносов: *Теленә салынган эшендә абынган ‘Кто много разговаривает, тот дело не сделает’; Коп создэн токъ болмассынъ ‘От болтовни сыт не будешь’; Узун тили – кыскамийи ‘Язык длинный – ум короткий’; Созиклисэкире ‘Болтун танцует’; Еош созден файда болмаз ‘От пустословия пользы не бывает’* и т.д.

В паремиях говорится о том, что тем, кто много болтает, хвастается, нельзя верить и положиться на них: *Аз сөйләгән аз ялгышыр ‘Кто мало говорит, тот мало ошибается’; Аз сүз – алтын, күп сүз – бакыр ‘Мало слов – золото, много слов – медь’; Берсүз аз, ике сүз күп ‘Одного слова мало, два слова много’; Махтана-махтана – тили танлайина къуруды ‘Хвастает, хвастает – язык к нёбу присох’; Махтаныджын бош чельмеги кайнай ‘У хвастуна и пустой горшок закипает’* и т.д.

Краткая речь, молчание в общении свидетельствуют о том, что человек умён и серьёзен в поступках. Молчание в обеих культурах оценивается высоко: *Сөйләвең көмеш булса да, дәшмәвең алтын 'Говорение серебро, молчание золото'; Эки къулакъ, бир авуз чокъ эшыт да аз созле 'Два уха, один рот, много слушай, мало говори'* и т.д.

Тем не менее, в караимских пословицах необщительный, неразговорчивый человек воспринимается негативно, то есть считается некоммуникабельным и скучным человеком в общении: *Аз созли – тэзбездыр 'Неразговорчивый – скоро надоедает'*.

Открытость, искренность, душевность являются главными критериями в речевом поведении: *Тел – күңел көзгесе 'Язык – зеркало души'; Йөрәктән чыкмаган йөрәккә җитмәс 'Слово, которое не идет от сердца, не доходит до сердца'; Тилин ийиси сахъабуна бал йэдирир, къутсыз – башына йаман хъал кэтырыр 'Хороший язык своего хозяина медом накормит, плохой – поставит в неловкое положение'; Тиль май дыр, тилмайа, тиль йигитке сэрмийэ 'Язык наверное смазка, язык – закваска, язык молодцу капитал'* и т.д.

Достаточно значимыми для речевой культуры являются такие черты, как прямота и правдивость: *Телнең зиннәте – тугры сүз 'Правдивое слово – украшение языка'; Туры сүзгә ант кирәкми* досл. *'Правдивому слову клятва не нужна'; Догъры лафкъа джан курбан 'За правдивое слово (можно) жизнью пожертвовать'; Догъры эшэкке эйтылыр 'Правду ослу говорят'; Кэртисоз – аджилдыр 'Правдивое слово – горькое'* и т.д.

Конфликт, раздор, ссора, ложь являются отрицательными категориями коммуникативного поведения как для говорящего, так и для слушающего и всегда вызывают негативные эмоции и чувства. Как татары, так и турки осуждают ложь и сплетни: *Гайбәт чәйнәгәнче, сагыз чәйнә 'Лучше жевать, чем сплетничать'; Гайбәтченең теле – мең колач 'Язык сплетника – тысячи километров'; Алмасары, сатмасары, арамызда (сэнэнадэ) катмасары 'Не слушай сплетни, не передавай сплетни, а не разводи между нами сплетни'; Чанакъ чанакъкъ атокъушса – созчигар, Инсан инсанга токъушса – къавгъа чыкар 'Если тарелка с тарелкой столкнется – разговор получится, если человек с человеком столкнется – ссора случится'; Эльнин тилинэ чушмэ 'Людям на язык не попадайся'* и т.д.

Анализ паремий позволяет сделать вывод, что в пословичных системах обеих культур одинаково представлены этнокультурные стереотипы коммуникативного поведения. Наиболее значимыми категориями коммуникативной культуры татар и караимов является сдержанность, вежливость, открытость, душевность и уважение. Отдается предпочтение правде перед ложью, молчанию перед болтливостью, делу перед словом, молчанию перед говорением. Тем не менее речевая культура каждого этноса многообразна, неповторима и уникальна.

Литература

Абдуллин А.А. Этические выражения в современном татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 25 с. {Abdullin A. A. Ethical expressions in the modern Tatar literary language: author. dis. ... Cand. Philol. sciences'. Kazan, 2006. 25 p.}

Караимы в Крыму // Режим доступа: ttps://www.svastour.ru/articles/puteshestviya/rossiya/krym/karaimy-v-krymu.html {дата обращения 01.03.2020) (The Karaites in the Crimea // Access mode: ttps://www.svastour.ru/articles/puteshestviya/rossiya/krym/karaimy-v-krymu.html (accessed 01.03.2020)}

Кузнецов А.В. Вербальные средства этикетного общения в чувашском языке: опыт компаративного, контрастивного и этнолингвокультурологического изучения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004. 25 с. {Kuznetsov A.V. Verbal means of label communication in the Chuvash language: experience of comparative, contrastive and ethnolinguoculturological study: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological Sciences. Cheboksary, 2004. 25 p.}

Mugtasimova G.R., Nabiullina G.A., Denmukhametova E.N. Paremiological fund of the Tatar people in the ethno-linguistic aspect // Life Science Journal. 2014. Vol. 11. Issue: 11. P. 409–412.

Полканов Ю.А. Кърым къайларынъ аталар созы (Пословицы и поговорки крымских караимов). Бахчисарай, 1995. С. 79. {Polkanov Yu. A. Krymkaylaryn atalar sozy (Proverbs and sayings of the Crimean Karaites. Bakhchisaray, 1995. 79 p.}

Сайфуллина Э.Р. Когнитивная сфера русских и татарских паремий: «образ языка» и нормы речевого поведения: автореф. дис… канд. филол. наук. Уфа, 2009. {Sayfullina E. R. The cognitive sphere of Russian and Tatar paremias: "the image of language" and norms of speech behavior: diss...Cand. Philol. sciences'. Ufa, 2009}

Татар – Татар халык ижаты. Мәкальләр һәм әйтемнәр. Казан: Татгосиздат, 1987. 590 б. {Tatar folk art. Proverbs and sayings. Kazan: Tatgosizdat, 1987. 590 p.}

УДК 392

З. Х. Назарова, г. Уфа

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Национальные ценности – это традиции, обычаи, культура и искусство представителей тех или иных этнических общностей, в которых находит отражение их историческое своеобразие. В данной статье автор раскрывает некоторые традиции и обычаи таджикского народа. Таджики являются очень древней нацией. Их культура самобытна и уходит корнями в древность. Традиции и обычаи таджиков отражаются в одежде, еде, быту, литературе, искусстве, науке. Также в статье приводится обзор литературы по исследованию традиционной культуры таджикского народа.

***Ключевые слова**: национальные ценности, таджики, обычаи, традиции, культура, искусство.*

***NATIONAL VALUES OF THE TAJIK PEOPLE**. National values are traditions, customs, culture and art of representatives of various ethnic communities, which reflect their historical identity. In this article, the author reveals some traditions and customs of the Tajik people. The Tajiks are a very ancient nation. Their culture is unique and goes back to ancient times. Tajik traditions and customs are reflected in clothing, food, everyday life, literature, art, and science. The article also provides a review of literature on the study of traditional culture of the Tajik people.*

***Keywords**: national values, Tajiks, customs, traditions, culture, art.*

Социокультурное пространство XXI века характеризуется большим интересом к изучению национальных ценностей, их содержания и динамики. Особую актуальность данная проблема приобретает в условиях глобализации, когда сохранение традиционных ценностей служит прочным фундаментом государства и одним из средств обеспечения его стабильного прогрессивного развития.

Национальные ценности в системе культуры занимают отдельное место. Этнопсихологический словарь определяет национальные ценности как совокупность духовных идеалов представителей тех или иных этнических общностей, в которых находит отражение их историческое своеобразие [Крысько, 1999, 289].

Для каждого народа важны его исторические корни, традиции, обычаи, культура. У народа, который не знает прошлое своей страны, нет будущего. Этой мудрой мысли следует и таджикский народ.

Таджики являются очень древней нацией. Их культура самобытна и уходит корнями в древность. Вся культурная жизнь нации построена на традициях и обычаях народа, которые они сумели сохранить.

Изучению истории и этнографии таджикского народа посвящены более 160 работ Н.А.Кислякова. Исследуя празднично-обрядовые традиции таджиков, Н.А. Кисляков совершенно резонно приходит к выводу, что праздники своими корнями уходят в древние верования и обряды как Ирана, так и Средней Азии, имевших в далеком прошлом общие культурные традиции и религиозные представления [Кисляков, 1989, 252].

Большой вклад в исследовании истории и традиционной культуры внес русский востоковед, археолог Н.И.Веселовский. В серийных сборниках «Очерки истории и теории культуры таджикского народа» нашли отражение различные аспекты искусства и культуры Таджикистана [АН РТ, 2009, 323]. Проблемы изобразительного, музыкального и театрального искусства и архитектуры рассмотрены в статьях Л.Н. Додхудоевой, Р.С. Мукимова, С. Рахимова и других. Также можно выделить публикации ученых стран Центральной Азии и России: П. Шозимова, С. Абашина, А. Капаевой, С. Абдрасулова, Ж. Урманбетовой.

Особо нужно отметить отчетный сборник «Анализ ситуации в области культуры и искусства в Республике Таджикистан». Сборник был издан в рамках программы «Поддержка культурного многообразия в Таджикистане» при поддержке Швейцарского офиса по сотрудничеству и развитию.

Исследовали праздничные обряды таджиков выдающиеся русские ученые: Г.П. Снесарев, Е.Э. Бертельс, К.А. Иностранцев, И.С. Брагинский, М.С. Андреев, О.А. Сухарева и другие. Некоторые ученые собирали материалы из уст самого народа, которые представляют большой познавательный и исторический интерес. В статье Л.Г. Хуснутдиновой «К проблеме истории таджикского народа в Республике Башкортостан» говорится о вкладе Центра таджикской национальной культуры

им. И. Сомони в удовлетворении культурных потребностей таджиков, проживающих в Республике Башкортостан, укреплении национального согласия и взаимопонимания между народами [Хуснутдинова, 2016, 366].

Особое внимание в Таджикистане придают проблемам возрождения древних традиций и обобщения процессов инновационных формирований. В 2007 году в стране приняли закон «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан», исполнение которых способствует у молодого поколения возрождению чувств патриотизма и национальной гордости. Данный закон упорядочивает традиции, торжества и обряды, учитывая потребности развития общества. А также направлен на защиту истинных ценностей национальной культуры и уважение к народным обычаям для повышения экономического и социального уровня жизни таджиков [Закон РТ № 1461, 2017].

Таджики ценят и чтят свои национальные традиции, передают их из поколения в поколение в первоначальном контексте. Традиции проходят красной линией через всю жизнь. Они и в одежде, и в еде, и в быту, и в развлечениях. Отражаются в литературе, искусстве, науке.

Таджикский народ очень трепетно относится к своему родному языку. Их оригинальный язык дари практически был уничтожен арабскими завоевателями. Однако они сумели возродить, вернуть себе свой язык. Таджики тысячелетиями бережно хранят его, передают другим поколениям в первоначальном виде, не искажая и не привнося ничего чужеземного.

В таджикской культуре главными составляющими во взаимоотношениях между собой являются смиренность, повиновение и уважение. Таджики издавна известны своей добротой и взаимовыручкой. Здесь гостеприимство имеет серьезные корни, поэтому не стоит отказываться, когда приглашают в дом, потому что это оскорбит хозяина. А еще тут не принято торопиться и шуметь в спорах, высоко ценится доброжелательность и умение промолчать. Старшее поколение, как и во многих мусульманских странах, пользуется особым почетом.

Семьи у таджиков большие, так как повзрослевшие дети не покидают отчий дом и продолжают жить рядом с родителями. Из-за большого размера семей дома здесь большие, поэтому гостям всегда найдется место. У таджиков уникальные свадебные церемонии. Свадьбы здесь совершенно иные и отличаются от обычных, они длятся семь дней. Большая ценность для таджикской семьи – дети. Они широко празднуют рождение ребенка. Существует огромное количество традиций защиты ребенка и матери от злых духов, джиннов.

Традиционная кухня народа является одной из древнейших кухонь мира. Ей близки, прежде всего, узбекские и персидские. Таджикская национальная кухня отличается большим разнообразием, насчитывает более десятки видов различных блюд. Традиционные блюда начинаются сладкими блюдами, такими как халва и чай, а затем супы и мясо. Самые известные и популярные блюда – плов и курутоб.

Таджикистанцы предпочитают наслаждаться своей чайной традицией в местных заведениях – «чайхона». Чайхона – это место, где собираются мужчины для обсуждения своих проблем и последних новостей. Относительно чая у таджиков есть обычай, согласно которому, допив последнюю каплю чая в своей пиале, принято переворачивать ее и оставлять на столе. Это показывает то, что человек больше не хочет пить чай.

Приветствовать друг друга принято словами «*Ассаломуалейкум*». При встрече здороваются пожатием правой руки, при этом левая рука должна быть на правой стороне груди. Ни в коем случае нельзя здороваться левой рукой, даже если правая рука занята. С женщинами принято здороваться только голосом, но если женщина знакома или старше собеседника, то в знак уважения одновременно прилагают правую руку к сердцу.

У таджиков разнообразный и богатый фольклор: трудовые, обрядово-праздничные, обрядово-календарные и траурно народные песни *суруд*, популярны четверостишия *рубаи*. Наиболее интересны сказки, широко распространены рассказы-анекдоты. Разнообразны музыкальные инструменты народа: *дутор, гиджак, най, дойра* и другие. Излюбленные народные зрелища – выступления фокусников, канатоходцев, кукольный театр.

Особое место занимают национальные праздники. Одним из красочных является праздник первых подснежников – «Гули сияхгуш» (в разных регионах этот праздником называют по-разному). Самым ярким, самым живописным и главным праздником весны является Навруз. В переводе с таджикского, слово «Навруз» означает новый день. Во всех восточных государствах этот праздник отмечают в разные дни. Таджики празднуют его с 21 по 24 марта, эти дни объявлены выходными. Устраивают различные игры и мероприятия в духе народных традиций: «бузхкаши» – козлодрание, конные скачки, борьба силачей, пляски, песни и гуляния. Символом праздника является блюдо «сумалак».

В Таджикистане даже отмечают праздник тюльпанов – «Гули Лола». Сопровождается празднование музыкой и танцами. Считается, что маки и тюльпаны являются родными цветами в Таджикистане и были источником оригинальных голландских тюльпанов.

Как и для всех приверженцев ислама, религиозные праздники занимают важное место в жизни всех таджиков. После 30-дневного поста в месяц Рамадан следует Ид-аль-Фитр (тюрк. *Ураза Байрам*) – праздник разговения, в котором есть день подаяния особой милостыни, так называемый фитр-садака (фитра). Через 70 дней после окончания месяца Рамадан, отмечают Ид аль-адха (*Курбан*) – самый почитаемый религиозный праздник у всех мусульман.

Таджики бережно хранят свои обычаи, традиции, уходящие глубоко в прошлое. Они понимают, что следование древним традициям помогает воспитывать у детей бережное отношение к духовным и национальным ценностям, способствует укреплению семьи, формирует моральные и этические принципы. На основе веками сложившихся обычаев и традиций можно поддерживать в себе памятную связь с поколениями, с предками, с культурой своего народа.

Таким образом, можно сделать вывод, что Таджикистан, действительно знаменит своими традициями, праздниками. Каждое событие уникально, имеет свой смысл и значение. Таджикский праздник нельзя спутать с другими. Каждый из них яркий, самобытный и запоминающийся, как и сама страна с его удивительными жителями.

Литература

Закон РТ от 07.06.2007 г. № 6-ЗРТ «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» [Электронный ресурс]. URL: https:// www.mfa.tj/ru/main/view/3960/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-t-obryadov {Law of the Republic of Tajikistan dated 07.06.2007 № 6-LRT «On the regulation of traditions, celebration sand rite sin the Republic of Tajikistan» [Electronicresource]. URL: https://www.mfa.tj/ ru/main/ view/3960 /zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-t-obryadov}

Кисляков Н.А. Страны и народы Востока // Главная редакция восточной литературы. 1989. № 3. С. 252. {Kislyakov N. A. Countries and peoples of the East. The Main editorial office of Eastern literature.1989. No3. P. 252.}

Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь // Московский психолого-социальный институт. 1999. С. 289. {Krysko V.G. Ethno-psychological dictionary. Moscow psychological and social Institute.1999. P. 289.}

Очерки истории и теории культуры таджикского народа // ред. А. Раджабов. Душанбе, 2009. С. 323. {Essays on the history and theory of culture of the Tajik people. Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Dushanbe, 2009. P. 323.}

Хуснутдинова Л.Г. К проблеме истории таджикского народа в Республике Башкортостан // Человек. Культура. Общество. Уфа, 2016. С. 366. {Khusnutdinova L.G. On the problem of the history of the Tajik people in the Republic of Bashkortostan. Human. Culture. Society. Ufa, 2016. P. 366}

УДК 81'373.6

К. И. Немцева, г. Санкт-Петербург

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ И СЕМАНТИКЕ ЛЕКСЕМЫ *RELIGIO*

Статья представляет собой обзор исследований по семантике лексемы religio как философского понятия и концепта. Наши представления о религии восходят к античности, где можно найти основные модели дальнейших представлений о ней. Существует множество трактовок религии: она понимается как требование, регламентирующее человеческое существование, как движущая сила, основа всякой цивилизации, как часть повседневной жизни, один из аспектов культуры. При рассмотрении религии в качестве концепта в этнолингвистическом плане внимание акцентируется на способности языка аккумулировать и отражать сферу религиозных ценностей социума. В контексте теории «духа народа» необходимо обратиться к языку конкретного этноса, чтобы понять, какими коннотациями, смысловыми оттенками наполнено понятие религии на национальном уровне, какие исторические события способствовали его формированию.

***Ключевые слова**: лексема, семантика, этимология, концепт, лингвокультурология, языковая картина мира.*

THE SPIRITUAL AND MORAL COMPONENT OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD: ON THE ETYMOLOGY AND SEMANTICS OF THE LEXEME RELIGIO. *The article is a review of research on the semantics of the lexeme religio as a philosophical notion and concept. Our ideas about religion go back to antiquity, where we can find the basic models of further ideas about it. There are many interpretations of religion: it is understood as a requirement that regulates human existence, as a driving force, the basis of any civilization, as part of everyday life, one of the aspects of culture. When considering religion as a concept in cultural linguistic terms attention is focused on the ability of language to accumulate and reflect the sphere of religious values of society. In the context of the theory "spirit of nation" we should refer to the language of a specific ethnic group, to understand what connotations and meanings fill the notion of religion at the national level, what historical events contributed to its formation.*

***Keywords:** lexeme, semantics, etymology, concept, cultural linguistics, language picture of the world.*

Говоря об истоках языковой концептуализации понятия «религия», следует принять тот факт, что общего индоевропейского слова для данного понятия не существует. В доисторические времена многие индоевропейские языки были лишены его ввиду специфичности данного термина, его неопределенности и неоднозначности, поскольку не был еще определен объем самого понятия, находящегося «между областью рационального, постигаемой интеллектом, и областью ноуменальной, не постигаемой рассудочными методами и исключающей возможность быть полностью осознанной человеческим сознанием» [Прилуцкий, 2010, 96]. Исследование тематической группы «религия» в контексте «значения» (désignation) и «смысла» (signification) позволило Э. Бенвенисту предположить наличие в предыстории языка одного понятия в двух видах: положительном – «освященное присутствием божества» и отрицательном – «то, соприкосновение с чем для человека запретно» [Бенвенист, 1995, 343].

Относительно семантики лексемы *religio* не было единого мнения ни в античные времена, ни в более поздних исследованиях. Все возможные определения этого термина колеблются между двумя объяснениями, одно из которых представлено Цицероном, который в своем трактате «О природе богов» относит *religio* к *legere – выбирать* (где *religio* объясняется как «вновь начинать прежде сделанный выбор, пересматривать решение, которое из него следует») [Цицерон, 1985], другое – Лактанцием и Тертуллианом, объясняющими *religio* глаголом *ligare* «связывать» (как сомнение, удерживающее человека, внутреннее препятствие какому-то действию, а не чувство, побуждающее к действию или заставляющее исполнять обряд) [Осипов, 2002]. Цицерон указывает на внутреннюю расположенность, а не на объективные свойства различных вещей или на совокупность верований и культовой практики. У христианских писателей впервые появляется объяснение из *religare:* Лактанций говорит о том, что «имя «религия» произошло от союза благочестия, которым Бог соединил с Собою человека...», таким же образом понимает существо религии и блаженный Августин, хотя он считает, что слово «религия» произошло от глагола *reeligere*, т.е. воссоединять; таким образом, сама религия означает воссоединение,

возобновление когда-то утерянного союза между человеком и Богом [Осипов, 2002]. Таким образом, изменилось само содержание религии. Для христианина – и это характерно – по сравнению с языческим культом новая вера есть связь, основанная на благочестии, зависимость верующего от Бога.

Ю. В. Тихонравов в своей книге «Религии мира» говорит о том, что наши представления о религии восходят к Античности, где можно найти основные модели дальнейших представлений о ней: 1) религия как иррациональный дар свыше, 2) религия как аллегорическое знание, 3) религия как преклонение, 4) религия как общественный институт, 5) религия как плод страха и бессилия, 6) религия как врожденное свойство человека [Тихонравов, 1996, 9-13]. Последняя модель, седьмая, «религия как направляющая сила», в отличие от предыдущих, восходит не к Античности, а к XVIII веку. Такое понимание религии было впервые сформулировано И. Кантом, который понимал основные положения религиозных учений не как «теоретические догматы, но предположения для необходимого практического стремления» [Кант, 1965, 137], т. е. они воспринимались им не просто как взгляды на жизнь, но требования, регламентирующие человеческую деятельность.

Одной из позднейших и предпочтительных модификаций толкования религии является ее определение через смысл человеческой жизни, поскольку именно через дар смыслополагания религия способна дать человеку ответы на многие вопросы мироздания в общем и человеческой жизни в частности [Тихонравов, 1996, 14; Юнг, 1992, 81; Фромм, 1989, 158].

Особый интерес представляет собой вопрос о соотношении религии и мифологии. В этнолингвистике, философии, психологии, этнографии накоплен немалый опыт изучения мифологии как сознания эпохи «детства народов» [Ф. В. Шеллинг, 1989]. Среди посвященных этой теме исследований особенно следует выделить культурно-историческую теорию развития психики Л. С. Выготского, который указывал на то, что историю сознания следует рассматривать как «своеобразную геологию в развитии генетически наличных пластов в поведении» [Выготский, 1983, 173]. Низшие, более ранние исторические формы сознания не исчезают, а становятся подчиненными высоких форм, изменяя при этом свои функции, подчиняясь целям более высокой системы. Таким образом, структура сознания представляет собой напластование исторических форм по аналогии с напластованием форм государственного устройства.

Начиная с английского философа и историка А. Д. Тойнби, религию стали представлять движущей силой, основой всякой культуры, цивилизации. Разбивая историю на отдельные, локальные цивилизации, Тойнби вместе с тем пытается восстановить идею единства мировой истории, придавая этому единству религиозный смысл. Через отдельные цивилизации история идет от примитивных обществ к цивилизациям, порождающим высшие религии и приобщенного к ним человека, способного остро ощущать существование иного, небесного мира [Ивин, 2000, 15].

Рассматривая религию в этнолингвистическом плане как концепт, нельзя не отметить, что одной из главных тенденций развития лингвистики XXI века является теоретическое осмысление языка как антропоцентрического феномена, отражающего все аспекты социально-культурного и духовно-нравственного существования личности и общества. Данная проблематика с конца XX века изучается в русле теории языка, прагматики, семиотики, лингвокультурологии, этнолингвистики и актуализируется на уровне интерпретации и реконструкции национальных образов мира и человека по данным языка. Ведущая роль в изучении феномена человека по языковым факторам принадлежит лингвокультурологии и этнолингвистике, изучающим взаимосвязь культуры и языка в его функционировании при помощи системных методов с ориентацией на культурные установки. Наличие внушительного культурно-исторического наследия указывает на то, что невозможно рассматривать религию абстрактно, поскольку она всегда живет в определенной культуре, являясь одним из ее фундаментальных аспектов. Религия как концепт кодирует на уровне языка и, в частности, фразеологии культурно значимые факты человеческого бытия; через религиозный код отражаются аспекты социально-культурного и духовно-нравственного бытия личности и общества, в том числе процессы секуляризации общества, находящие свое отражение в десакрализации религиогем. Если религия находится в нашем сознании и занимает свое особое место в нашей душе и в нашем образе мыслей, то, говоря о целом народе, можно вспомнить о «духе народа», предложенном В. фон Гумбольдтом. Есть мнение, что это выражение так же может переводиться как «образ мыслей народа», что представляет собою более систематизированное понятие, систему логических отношений мыслительных процессов [Гумбольдт, 2000, 56]. Чтобы понять, чем наполнено понятие религии на национальном уровне, необходимо обратиться к особенностям реализации духовно-нравственного кода культуры в языке данного народа на лексическом и фразеологическом уровнях [Немцева, 2014].

Литература

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с. {Benveniste E. Dictionary of Indo-European social terms. Moscow: Progress-Universes, 1995. 456 p.}

Выготский Л. С. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с. {Vygotsky L. S. Problems of mental development. Moscow: Pedagogy, 1983. 368 p.}

Гумбольдт В фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с. {Humboldt W. von. Selected works on linguistics. Moscow: Progress, 2000. 400 p.}

Ивин А. А. Философия истории. Москва: Гардарики, 2000. 525 с. {Ivin A. A. Philosophy of history. Moscow: Gardariki, 2000. 525 p.}

Кант И. Критика практического разума. М.: Мысль, 1965. 544 с. {Kant I. Critique of practical reason. Moscow: Thought, 1965. 544 p.}

Немцева К. И. Идиоэтничность фразеологической системы как особенность национального религиозного сознания // STUDIA LINGUISTICA. СПб.: Политехника-сервис. 2014. С. 147–154. {Nemtceva K. I. Idioethnic phraseological system as a feature of national religious consciousness // STUDIA LINGUISTICA. SPb.: Polytechnic-service. 2014. P. 147–154.}

Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. 430 с. Режим доступа: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_vere/osipov_put_razuma_08-all.shtml {Osipov A. I. Way of reason in search of truth. Moscow: Sretensky monastery Publishing house, 2002. 430 p. Access mode: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_vere/osipov_put_razuma_08-all.shtml

Прилуцкий А. М. К вопросу о специфике религиозного термина // Культура в фокусе знака. Тверь, 2010. С. 90–97. {Prilutckii, A. M. To the question about the specifics of the religious term // Culture focus of the sign. Tver, 2010. P. 90–97.}

Тихонравов Ю. В. Религии мира. М., 1996. 333 с. {Tikhonravov Yu. V. Religions of the world. Moscow, 1996. 333 p.}

Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э. и др. М.: Политиздат, 1989. С. 143–221. {Fromm E. Psychoanalysis and religion / in: Twilight of the gods. Nietzsche F., Freud Z., Fromm E. and others. M.: Politizdat, 1989. P. 143–221.}

Цицерон М. Т. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. 382 с. Режим доступа: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1422369001 {Cicero M. T. Philosophical treatises. Moscow: Nauka, 1985. 382 p. Access mode: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1422369001

Шеллинг Ф. Введение в философию мифологии. Монотеизм. Мифология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 544 с. {Schelling F. Introduction to the philosophy of mythology. Monotheism. Mythology. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 2013. 544 p.}

Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1992. 284 с. {Jung K. G. Archetype and symbol. Moscow, 1992. 284 p.}

УДК 811.51

А.А. Петров, г. Санкт-Петербург

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВУЗЕ

(из опыта работы Института народов Севера РГПУ им.А.И.Герцена)

В статье изучаются проблемы современной этнолингвистики коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. На основе многолетнего практического опыта преподавания тунгусо-маньчжурских и тюркских языков в Институте народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена выявлены особенности применения этнолингвистических исследований в практике вузовского преподавания. Актуализируются вопросы этнолингвоэкологии языков малочисленных северных народов нашей страны. Анализируются феномены концептуально-философской и языковой картин мира сибирских и арктических этносов при изучении лексики, связанной с духовной культурой: народные знания (метрология, метеорология, космология, календарь, народная медицина, традиционное питание и кухня), искусство (народные танцы, песни, декоративно-прикладное искусство), обряды (жизненный цикл: рождение, свадьба, похороны; производственные обряды и культы медведя, оленя), фольклор (устное народное поэтическое творчество: пословицы, поговорки, загадки, приметы, заговоры, проклятия, сказки, предания, эпос...) и др. Этнолингвистические проблемы изучаются в синхронном и диахроническом аспектах.

***Ключевые слова**: этнолингвистика, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, практика вузовского преподавания, Институт народов Севера РГПУ им. А.И.Герцена, лексика духовной культуры, языковая картина мира.*

ETHNOLINGUISTIC RESEARCHES IN UNIVERSITIES (from the experience of the Institute of the Peoples of the North, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen). *The article studies the problems of modern ethnolinguistics of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. On the basis of many years of practical experience in teaching the Tungus-Manchu and Turkic languages at the Institute of the Peoples of the North of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, the features of the application of ethnolinguistic research in the practice of university teaching are revealed. The issues of ethnolinguistic ecology of the languages of the small northern peoples of our country are being updated. The phenomena of conceptual-philosophical and linguistic pictures of the world of Siberian and Arctic ethnic groups are analyzed when studying vocabulary related to spiritual culture: folk knowledge (metrology, meteorology, cosmology, calendar, folk medicine, traditional food and cuisine), art (folk dances, songs, decorative -applied art),ceremonies (life cycle: birth, wedding, funeral; production ceremonies and cults of a bear, a deer), folklore (oral folk poetry: proverbs, sayings, riddles, signs, conspiracies, curses, tales, traditions, epics ...) and others. Ethnolinguistic problems are studied in the synchronous and diachronic aspects.*

***Keywords**: ethnolinguistics, indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, the practice of university teaching, Institute of the Peoples of the North Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, vocabulary of spiritual culture, linguistic picture of the world*

Этнолингвистика (ЭЛ) как направление языкознания изучает язык в тесной связи с народной культурой [Толстой, 1995]. Она как направление языкознания давно утвердила свои позиции и получила международное признание. Помимо российских ученых, в этой области успешно трудятся ученые-лингвисты разных стран – США, Франции, Польши, а также стран СНГ. Различные определения ЭЛ как научного раздела современной лингвистики мы находим в словарях, учебниках, монографических исследованиях (см. работы Н.И. Толстого, Н.А. Кондрашова, А.М. Кузнецова, А.С. Герда, Е.В. Перехвальской и др.) [Петров, 2013, 23–25]. ЭЛ коренных малочисленных народов Севера России развивалась научными трудами ученых-лингвистов и этнографов, таких как В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг, В.И. Иохельсон, Г.М. Василевич, В.И. Цинциус, В.Д. Лебедев и др.

Все языки малочисленных народов Севера находятся под угрозой исчезновения и потому актуальность их охраны стоит очень остро. Впервые вопрос о проблеме этнолингвоэкологии малочисленных народов России в 1994 г. поставил в своей вступительной статье к первому изданию “Красной книги языков народов России” директор Института языков народов России, академик РАЕН, доктор

филологических наук, профессор В. П. Нерознак [Нерознак, 1994, 5–9]. Экология культуры как научное направление было инициировано трудами академика Д.С. Лихачева [Лихачев, 1979]. Современное состояние языков народов Севера в России в XX – начале XXI века изучают в учреждениях РАН, а также в РГПУ им. А.И. Герцена в Институте народов Севера, которому в этом году исполняется 90 лет.

В практике школьного и вузовского преподавания в последние годы активно стал применяться метод этнолингвистического образования. Его суть заключается в использовании при изучении родных языков и культуры методики погружения в язык в русле этнолингвистической традиции.

ЭЛ изучает язык в тесной связи с материальной и духовной культурой этноса. Много лет мы посвятили исследованию этой проблемы в синхронном и диахроническом аспектах [Петров, 1991; 1998; 2011; 2013; 2019].

Во многом изучению языков способствует участие в народных песенно-танцевальных коллективах. В РГПУ им. А.И. Герцена это студенческий фольклорно-хореографический ансамбль (ныне театр-студия) “Северное сияние” (основатель коллектива – заслуженный работник культуры РСФСР Т.Ф. Петрова-Бытова). Исполнение и знакомство с названиями народных песен, танцев, игр на национальных музыкальных инструментах (бубне, варгане и др.) расширяет словарный запас студентов. Ансамбль много выступал и выступает на площадках и концертных залах Ленинграда-Санкт-Петербурга, в городах России, Прибалтики, за рубежом (Франция, Норвегия, Англия, Финляндия и др.), пропагандируя традиционное и современное искусство коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Немаловажным фактором при изучении родных языков учащимися Севера является их участие в творческой работе мастерских декоративно-прикладного искусства. Например, опыт работы ИНС: наши студенты вышивают бисером, вырезают изделия из бересты и дерева, изготавливают предметы искусства из бивня мамонта и слоновой кости. При этом они познают номинацию и семантику узоров, орнаментов, названий сырья и материалов (кожа, замша, мех и т.п.), инструментов и предметов традиционного и современного искусства; составляют тематические словари и глоссарии.

Во время лекций и практических занятий обучающиеся знакомятся с лексикой культуры: народных обрядов жизненного цикла (рождение, свадьба, похороны) и промысловых обрядов (охотничьих, рыболовецких, культа медведя и др.); религий (анимизм, тотемизм, шаманизм, христианство); народных знаний (метрология, метеорология, космология, география, медицина, народная кухня, табу, народные песни и танцы, обрядовая поэзия, малые жанры фольклора: загадки, пословицы, поговорки; традиционный этикет, народный календарь, система цветообозначения на разных уровнях языка, ориентация в пространстве и языковая картина мира и т.д.).

Вместе с тем некоторые исследователи выражают дискуссионную точку зрения. Так, например, во время круглого стола “Языки и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: вектор сохранения и развития” в рамках VIII Международного форума “Арктика: настоящее и будущее” 7 декабря 2018 г. в ИНС РГПУ им. А.И. Герцена В.С. Харитонов и его сторонники в социальных сетях (проект “Страна языков”) высказали мнение о том, что этнолингвистический метод эффективен только по 7 класс обучения включительно. Что в более старших возрастных группах он не работает.

Особую актуальность приобретают фиксация устной формы языка и создание аудиовизуального фонда родного языка (независимо от наречия, говора или диалекта). В этом направлении успешно работают в области эвенкийского языка Г.И. и А.Н. Варламовы (Якутск); Д.М. Берелтуева (Хабаровск–Улан-Удэ); Н.Я. Булатова, О.Н. Морозова, Г.А. Стручков (Благовещенск); по негидальскому языку Д.М. Берелтуева, А.В. Казарова, Д.И. Надеина (Хабаровск).

В условиях утраты родного языка и традиционной культуры приоритетными становятся такие составляющие этнолингвоэкологии, как научные исследования сохранившихся очагов бытования разговорного родного языка и культуры (особенно в местах компактного проживания этих народов и ведения традиционных видов хозяйствования – оленеводства, охоты, рыболовства, собирательства), а также преподавание этих языков на всех уровнях системы образования и воспитания (семья, дошкольные образовательные учреждения, начальная и средняя школа, средние специальные учебные заведения и вузы). В сложившихся обстоятельствах особенно важно практическое применение результатов исследований такого интересного направления языкознания как этнолингвистика.

Таким образом, необходимо констатировать, что при преподавании родных языков успешно и эффективно применяется метод этнолингвистического образования, который предусматривает погружение в лексику и семантику языка в неразрывной связи языка и народной духовной

и материальной культуры. Наши студенты готовятся и к внедряемым новым формам уроков (например: уроки предков), а также адаптируются к учебным пособиям, словарям, электронным учебникам, в последние годы и для учеников кочевых школ. С 2000 по 2018 год только в одном старейшем в стране государственном издательстве "Просвещение" (в Санкт-Петербургском отделении; директор С.Ф. Зубов) издано 140 учебников, учебных пособий, хрестоматий, разговорников и словарей по тунгусо-маньчжурским и тюркским языкам народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. В том числе: по эвенкийскому языку – 47; эвенскому – 39; нанайскому – 29; ульчскому – 6; долганскому – 19.

На базе Закона о языках народов Российской Федерации (в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 N 126-ФЗ, от 11.12.2002 N 165-ФЗ) в субъектах РФ были приняты законы о языках (в Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия, Красноярском крае, Чукотском автономном округе и других), которые гарантируют права коренных малочисленных народов на использование родных языков в различных сферах народного хозяйства, их защиту, возрождение и развитие. Это способствует задачам и выполнению основных требований сохранения языков.

В принятой Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (распоряжение Правительства РФ № 132-р от 4 февраля 2009 г. подписано В.В. Путиным) были обозначены также и вопросы сохранения и развития родных языков этих народов.

28 июля 2017 г. по поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина, поддержавшего инициативу Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, создан Благотворительный фонд поддержки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, в реализации основ этнолингвоэкологии привлекаются многие участники: государственные структуры и общественные организации, ученые, писатели, семья, дошкольные образовательные учреждения, учителя школ и преподаватели вузов, педагоги, художники, мастера народных промыслов и другие заинтересованные лица. В этом важную роль играет такое направление языкознания как этнолингвистика.

Литература

Лихачев Д.С. Экология культуры // Москва. 1979. № 7. С. 173–179. {Likhachev D.S. Ecology of Culture // Moscow. 1979. № 7. P. 173–179.}

Нерознак В.П. Малочисленные народы России: проблемы этнолингвоэкологии // Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 1994. С. 5–9. {Neroznak V.P. Small peoples of Russia: problems of ethnolinguoecology // Red Book of the Languages of the Peoples of Russia. Encyclopedic dictionary-reference book. Moscow: Academia, 1994. P. 5–9.}

Петров А.А. Лексика духовной культуры эвенов (народное искусство и обряды). Л.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1991. 80 с.{Petrov A.A. The vocabulary of the Evens spiritual culture (folk art and ceremonies). Leningrad: RSPU named after A.I. Herzen, 1991. 80 p.}

Петров А.А. Язык и духовная культура тунгусоязычных народов (этнолингвистические проблемы). СПб.: Образование, 1998. 88 с. {Petrov A.A. Language and spiritual culture of Tungus-speaking peoples (ethnolinguistic problems). St. Petersburg: Education, 1998. 88 p.}

Петров А.А. Лексика тунгусских языков. Духовная культура. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. 199 с. {Petrov A.A. Vocabulary of Tungus languages. Spiritual culture. St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2011. 199 p.}

Петров А.А. Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны) / отв. редактор д.ф.н. В.А. Роббек. Новосибирск: Наука, 2013. 216 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 30.) {Petrov A.A. Vocabulary of the spiritual culture of the Tungus-speaking peoples (Evenks, Evens, Negidals, Solons) / otv. Editor, Doctor of Philology V.A. Robbek. Novosibirsk: Nauka, 2013. 216 p. (Monuments of the ethnic culture of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East; V. 30.)}

Петров А.А. Тунгусо-маньчжурские языки России: история и современность. М.: Наука, 2019. 127 с. {Petrov A.A. The Tungus-Manchu languages of Russia: history and modernity. Moscow: Nauka, 2019. 127 p.}

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с. {Tolstoy N.I. Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. Moscow: Indrik, 1995. 509 p.}

УДК 1:316

З. Я. Рахматуллина, г. Москва

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДУХОВНОСТИ БАШКИРСКОГО ЭТНОСА: ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена осмыслению роли родного языка в жизни башкирского народа и необходимости его защиты и качественного развития в многонациональном обществе. Автор предлагает конкретные пути экологии башкирского языка в многонациональном обществе.

***Ключевые слова**: родной язык, национальная духовность, башкирский народ, экология языка, национальное образование, Башкортостан.*

***NATIVE LANGUAGE AS QUINTESSENCE OF NATIONAL SPIRITUALITY OF BASHKIR ETHNOS: ECOLOGY PROBLEMS IN A MULTI- ETHNIC SPACE.** The article is devoted to the understanding of the role of native language in the life of the Bashkir nation and the necessity of protection and qualitative development of the Bashkir language in a multinational society. The author offers concrete ways of native language ecology in a multinational society.*

***Keywords:** native language, national spirit, Bashkir people, language ecology, national education, Bashkortostan.*

Огромный многонациональный и поликультурный мир говорит сегодня на почти семи тысячах языках (только в Российском государстве представители более 190 этносов общаются на 277 родных языках и диалектах, в частности, 89 из них используются в системе отечественного образования).

Многочисленные родные языки, независимо от того, сколько носителей берегут их как священный символ своей этничности и квинтэссенцию национальной духовности, являются не только отражением прошлой и настоящей социокультурной истории народа, его традиций, религиозной веры. Они прежде всего выступают хранителем социальной памяти, способом передачи от поколения к поколению духовных ценностей, уникальных образов миропонимания и мироотношения и, самое главное, – средством конструирования уверенного этнического будущего. Язык – это хрупкое ядро национального духа и души, живая субстанция, которая живет по своим законам – рождается, развивается и может, при неблагоприятных объективных и субъективных условиях, «умереть», исчезнуть с «лингвистической» карты мира и навсегда «кануть в Лету». Именно поэтому восточные философы предупреждали своих современников и будущих потомков: «Кто язык свой растеряет, тот себя потеряет» – потеряет как личность, как этнос, как неповторимый культурно-языковой мир.

В условиях наступающей глобализации и распространения виртуальной Интернет-культуры (активно и агрессивно вытесняющей особенно из молодежной среды, с которой связывается настоящее и будущее языка, живое общение и книжную культуру) целенаправленно формируется языковая среда, актуализирующая и избирательно популяризирующая некоторые языки как механизмы глобального общения (английский, например). В данной ситуации родные языки, особенно малочисленных народов, безусловно, нуждаются в поддержке и защите и на международном, и на государственном, и на личностном уровнях. В частности, в условиях нарастающей «языковой угрозы» для малочисленных этносов Резолюцией «Права коренных народов» Генеральной Ассамблеи ООН 71/178 от 19 декабря 2016 года 2019 год был объявлен Международным годом языков коренных народов.

В России, например, по данным ЮНЕСКО, 136 родных языков, в том числе и башкирский, находятся в опасности. Сохранение родного языка, способность думать на нем и выражать свои мысли, умение разговаривать, оберегая его стилистику и мелодику, читать и писать (как закон природы и человеческого общежития) – общесоциальная аксиома, не нуждающаяся в доказательствах и призванная стать абсолютной нормой в обществе, иначе родной язык превратится лишь в предмет этнографического любования и семейную реликвию, оберегаемую только на уровне бытового общения. Обучение и изучение родного языка, как известно, – не только право каждого, гарантированное Конституцией страны, федеральным и региональными законами об образовании, но и «категорический императив» по отношению к языку, особенно в поликультурной среде, в целях его экологии и качественного развития.

Полиэтнический Башкортостан культивирует сегодня уникальную систему национального образования: в школах республики организовано обучение на языках многочисленных этносов (русском, башкирском, татарском, чувашском, марийском и удмуртском), а 14 родных языков изучаются как предмет. Башкирский язык, язык коренного населения многонационального края, испытывает те же системные трудности, как и другие родные языки: отчуждение молодых поколений от языка (особенно в урбанизированной среде), нежелание родителей приобщать детей к родному языку, сокращение ареала использования языка, наполнение родной языковой ниши более престижными иностранными языками и др. Более того, принятый федеральный закон о добровольном изучении родных языков в образовательных организациях стал своего рода легитимным основанием для ряда родителей-маргиналов, не задумывающихся о судьбах родного языка и национальной духовности и культуры и отказывающихся от изучения своими детьми башкирского языка. Очевидно, что принцип добровольного изучения родного языка именно сегодня стал своеобразным предостережением для тех родителей, которые уполномочены решать судьбу языкового будущего своего ребенка и которые могут лишить его в дальнейшем знания родного языка как священной ценности, как языка предков, как символа своей этничности и уникальности в современном обезличивающемся мире. Этот принцип – своеобразная проверка некоторых родителей, выявляющая реальную глубину их национального духа, меру подлинного, а не «показного», работающего на публику подвижничества в деле сбережения своего национального «Я», «лакмусовая бумажка», определяющая степень этничности человека, зачастую не осознающего, что современный башкир без знания родного языка – это «манкурт» без памяти прошлого, без связи с настоящим и без этнического будущего, что это всего лишь «одномерный человек», «гражданин мира», отчуждённый от культурных смыслов и национального духа своего народа. «Птенец видит в полёте то, что видел в своём гнезде», – говорили предки башкир. Именно семья – это то пространство, в котором изначально культивируется связь с этносом, с духовными корнями, закладываются интерес и любовь к родному языку, который впоследствии развивается, обогащается, поддерживается системой национального образования, этнокультурой, традиционной религией, национальными средствами массовой информации и др. Более того, осознание своей уникальности как представителя своей самобытной культуры и носителя родного языка, уважительное отношение к культуре, вере, языку соседа рядом также формируются первыми воспитателями в жизни индивида – родителями.

Добровольное изучение башкирского языка обусловливает выбор и нового формата работы учителя с учеником, педагогов с родителями и с конкретными семьями – особенно важен этот тезис в плане выбора родителями изучения своим ребенком башкирского языка как государственного. К сожалению, зачастую не только для детей иной национальности, но и для многих этнических учеников-башкир, выросших в русскоязычной городской среде, башкирский язык становится практически «иностранным» языком, проблемным и трудным для изучения. Сегодня, в условиях новой парадигмы приобщения к родным и государственным языкам республик, входящих в Российскую Федерацию, актуальной становится тема целенаправленного культивирования в семье, среди родителей и детей значимости не только знания русского языка как государственного языка Российской Федерации и родных языков, но и интереса к башкирскому языку как государственному языку Республики Башкортостан, как языку «республикообразующего этноса», который исторически жил в крае и в свое время гостеприимно принял на своей земле многочисленные народы разной веры и культуры и вместе с ними творил единую историю многонациональной башкирской земли и Российского государства [Рахматуллина, 2000, 150–153]. Важно донести до родителей и учащихся то, что изучение башкирского языка как государственного представителями других этносов – это показатель духовности и внутренней культуры индивида, уважительно относящегося к языку, истории и культуре башкир, для которых Башкортостан является единственным пространством для сбережения их этноязыковой идентичности. До родителей, отвечающих за воспитание современной поликультурной и духовной личности, эти истины должны быть переданы прежде всего школой и социальными институтами, ответственными за духовное формирование индивида. Безусловно, огромную просветительскую роль в выборе родителей, желающих, чтобы их ребёнок, наряду с русским и родным языком, добровольно изучал башкирский как государственный язык республики, играет учитель. К сожалению, непродуманные и несовершенные методики изучения башкирского языка как государственного, отсутствие увлекательных и колоритных учебников, интересных учебных пособий и наглядного материала зачастую превращают занятия по башкирскому в «анти-уроки» и способствуют девальвации самой идеи его изучения. Сегодня в республике началась системная «языковая» работа:

Указ о поддержке государственных и родных языков народов Башкортостана, подписанный Главой республики, направлен на то, чтобы обучение русскому и родным языкам, башкирскому как родному и как государственному языку стало творческим, увлекательным, основанным на новейших и интересных методиках и государственной финансовой поддержке.

Экология башкирского языка и его сохранение в настоящем и будущем – это, безусловно, системная и целенаправленная работа семьи, школы, национальной культуры и интеллигенции, деятелей традиционных конфессий, национально-культурных организаций и государственных структур, функционально отвечающих за сохранение и развитие башкирского языка, родных и государственных языков. Башкирский язык был, остается и будет государственным языком Республики Башкортостан, что отражено в Конституции и законе «Об образовании» Республики Башкортостан. Задача современного общества – приложить все усилия для того, чтобы знание русского языка как государственного языка Российской Федерации, родных языков и башкирского как государственного языка Республики Башкортостан стало «визитной карточкой» современного молодого человека с высоким уровнем личностной культуры, ответственного за сохранение своей этнической и языковой идентичности в глобализирующемся мире и уважительно относящегося к тому, кто живет рядом. И самое главное: знание родного языка башкирской молодёжью и его культивирование в собственной семье должны стать современным позитивным и модным трендом.

Безусловно, принятый закон о добровольном изучении государственных и родных языков выявил не только многочисленные проблемы в языковой сфере, связанные с разработкой примерных образовательных программ и стандартов, с уровнем подготовки кадров, с отсутствием интересных и результативных методик изучения языков, лицензированных учебников, но и стал началом системных государственных мер, направленных на решение существующих проблем, на сохранение и развитие родных языков, в том числе и башкирского языка – как родного, так и государственного. Как известно, еще в ходе работы над законопроектом Башкортостан предложил ряд принципиальных позиций, в частности, разработку федеральной Концепции обучения и преподавания родных языков (Концепция), в которой будут прописаны конкретные методологические подходы и принципы организации национального образования. По Концепции, под эгидой федерального Министерства просвещения отечественные ученые-языковеды, учителя-практики, эксперты, представители региональных министерств, в том числе и Башкортостана, уже провели серьезную работу. Более того, учреждена новая структура при Министерстве просвещения России – Институт поддержки и развития родных языков. Президентом страны подписан Указ о создании Фонда сохранения и изучения родных языков Российской Федерации, одним из многочисленных направлений, деятельности которого является финансовое обеспечение учебного процесса качественными лицензированными учебниками по родным языкам, входящими в федеральный перечень. Очевидно, что только системная работа всех заинтересованных в сохранении и развитии языкового многообразия страны, регионов и нашей республики сил: государственных структур, учителей, родителей, ученых, экспертов – даст ощутимые результаты, позволит сделать стремление к знанию родного языка социальной и личностной потребностью, а его изучение ярким, увлекательным, содержательным и интересным процессом, обеспеченным качественными учебниками, результативными методиками и творчески мыслящими учителями. Очевидно, что надежное настоящее и уверенное будущее башкирского языка в поликультурной и многоязычной среде в современных условиях – в его активном функционировании не только в семейном окружении и в быту, а прежде всего в активной и востребованной «жизни» в культуре, искусстве, науке, фундаментальных научных исследованиях, в официальной среде.

Литература

Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). Уфа, 2000. 304 с. {Rakhmatullina Z. Ya. Bashkir tradition (socio-philosophical analysis). Ufa, 2000. 304 с.}

УДК 811.512.1’27

Л.Р. Садыкова, г. Уфа

ОСОБЕННОСТИ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ И ЯЗЫКА У ТАТАРО-БАШКИРСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ

В статье рассматриваются особенности и развитие культурного своеобразия у татаро-башкирских соотечественников за рубежом на примере двух стран: Турции и США. Раскрывается понятие российского соотечественника. Также объясняется термин «татаро-башкирские соотечественники». Татаро-башкирские соотечественники, проживающие за рубежом в двух различных странах, демонстрируют общую тенденцию к сохранению своего этнического самосознания. Происхождение, язык и культура стали основой в объединении башкир и татар.

***Ключевые слова**: российская эмиграция, татаро-башкирские соотечественники за рубежом, тюркоязычные диаспоры в мире, адаптация этничности к новой реальности в условиях эмиграции, самоидентификация башкирских и татарских соотечественников за рубежом.*

***FEATURES AND DEVELOPMENT OF CULTURAL IDENTITY AND LANGUAGE AMONG TATAR-BASHKIR COMPATRIOTS ABROAD**. The article discusses the features and development of cultural identity of Tatar-Bashkir compatriots abroad on the example of two countries: Turkey and the United States. The concept of a Russian compatriot is revealed. The term Tatar-Bashkir compatriots is also explained. Tatar-Bashkir compatriots living abroad in two different countries show a general tendency to preserve their ethnic identity. Origin, language and culture became the basis for the Union of Bashkirs and Tatars.*

***Keywords**: Russian emigration, Tatar-Bashkir compatriots abroad, Turkic-speaking diasporas in the world, adaptation of ethnicity to the new reality in the conditions of emigration, self-identification of Bashkir and Tatar compatriots abroad.*

Проблемы адаптации татаро-башкирских соотечественников за рубежом требуют изучения социализации человека, особенностей и развития культурного своеобразия и языка к новой реальности в условиях изменяющегося мира. Понятие российского соотечественника введено Федеральным законом от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»: соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии [Федеральный закон от 24 мая 1999 г.].

В соответствии с законом, соотечественниками за рубежом являются граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами ее территории. Соотечественниками также признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на ее территории, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Россией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, в том числе:

– лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в его состав, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства;

– выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства.

Признание своей принадлежности к соотечественникам является актом самоидентификации, подкрепленным общественной либо профессиональной деятельностью по сохранению родного языка, развитию культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с Российской Федерацией, поддержке общественных объединений соотечественников и защите прав соотечественников либо иными свидетельствами свободного выбора данных лиц в пользу духовной и культурной связи с Российской Федерацией.

Отношения с соотечественниками за рубежом являются важным направлением внешней политики Российской Федерации. Деятельность Российской Федерации в области отношений с соотечественниками за рубежом проводится в соответствии с общепризнанными принципами и нормами между-

народного права и международными договорами Российской Федерации с учетом законодательства государств проживания соотечественников.

Правовую основу действий по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, составляют общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», Концепция поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом, одобренная Президентом Российской Федерации 30 августа 2001 г., другие законодательные и нормативные акты органов федеральной власти России.

Наши тюркоязычные соотечественники – башкиры и татары – проживают в ряде государств дальнего зарубежья. Тюркоязычные народы исторически формировались как одни из самых подвижных народов. Основными центрами компактного проживания татаро-башкирских соотечественников в различных зарубежных странах являются: Китай, Япония, Турция, Финляндия, Латвия, Эстония, Польша, Венгрия, Германия, Великобритания, США и др. Изучение данного вопроса необходимо начать с объяснения термина «татаро-башкирские соотечественники». Татаро-башкирские соотечественники – это эмигранты, которые рассматриваются принимающим обществом как культурно одинаковые выходцы из определенной страны. В самой же России этнические различия между башкирами и татарами остаются более значимыми. Татаро-башкирские соотечественники осознают и воспроизводят свое единство во внешнем мире с тюркоязычными выходцами из России на основе главных культурно отличительных черт – языка, религии и традиции. Бывшие жители Российской империи и СССР, выехавшие в страны Азии, Европы и США, составляют часть татаро-башкирского мира.

Отсутствует четкая периодизация истории эмиграции из России. Большинство исследователей ведут отсчет эмиграции с 1917 г., хотя она была и раньше. Эмиграция усиливалась в переломные, критические моменты истории, во время войн, социальных и политических катаклизмов в стране. Эмиграция из России имела глобальное значение, и в итоге отток интеллигентной части из страны. Это вынужденное переселение нанесло огромный ущерб стране, ибо этих знаний и опыта не хватало на Родине. Хронологически выделяются 3 массовых этапа: первый – до 1917 г., второй – с 1917 по 1922 год, третий – с 1941 по 1950-е годы. Чаще всего тюркоязычные народы от войны и насилия отступали на Дальний Восток, потом в Маньчжурию и Японию, Китай, впоследствии переселялись в Турцию, а часть оттуда отправлялась в западноевропейские государства и США. За исключением интеллектуальной элиты 1920-х годов – Гаяза Исхаки, Садри Максуди, Юсуфа Акчуры и других видных ученых и общественных деятелей, представлявших собой политическую эмиграцию. Основная масса переселенцев – татар, башкир – относится к экономической эмиграции, а скандинавская община занималась коммерческой деятельностью в регионе и за границей оказалась еще до событий 1917 г. в результате отделения Финляндии и Польши от России [Валеев, 1997].

Эмиграция татар и башкир в Турцию была задолго до революции 1917 г. История эмиграции из Российской империи тогда еще в Османскую империю насчитывает несколько веков. Началом эмиграции башкир послужили восстания против захватов земель, экономические закабаления, духовно-религиозные притеснения [Салихов, 2008, 153]. Первые татарские эмигранты из Урало-Поволжского региона появились после поражения знаменитого восстания Степана Разина. Российская империя пригрозила в 1683 году многим мусульманам конфискацией всех земель и имущества, если они не согласятся отказаться от ислама суннитского толка и перейти в христианство православного толка. В это время появляются первые татарские эмигранты в Османской империи. Таким образом они стремятся сохранить мусульманскую веру.

Опасаясь нового витка насильственной христианизации в середине XIX в. Российскую империю покинула другая волна татаро-башкирской эмиграции. Были случаи с просьбами к министру внутренних дел Российской империи о переезде в Османскую империю. После чего даже перестали на какое-то время давать разрешения на выезд за границу татарам и башкирам во избежание массового переезда в Османскую империю.

Следующая крупная попытка эмигрировать в Османскую империю была в конце XIX в. Тогда царские чиновники узнали, что у татар и башкир сильны протурецкие настроения и почитание османского султана.

Также были массовые татаро-башкирские эмиграции в Турцию после революции 1917 г. и Второй мировой войны (1939–1945). Кто-то эмигрировал в Турцию напрямую, а кто-то транзитом через

Китай и Европу. Таким образом в Турции произошло формирование татаро-башкирской диаспоры. Необходимо особо подчеркнуть, что татаро-башкирская диаспора в Турции была очень влиятельной. Среди её представителей были выдающиеся личности татаро-башкирской интеллигенции, сыгравшие значительную роль в становлении новой Турции, – Садри Максуди, Юсуф Акчура, Гаяз Исхаки, Заки Валиди, Хамит Зубеир Кошай, Абдулкадир Инан и др.

Татаро-башкирские эмигранты легко интегрировались в Турции благодаря общей мусульманской вере, общему тюркскому происхождению и близкой культуре. Но вероятность ассимиляции в таком окружении тоже велика. На современном этапе татаро-башкирской диаспоре в Турции удается сохранить свое этническое самосознание. В современной Турции продолжают свою деятельность татаро-башкирские диаспоры в таких городах, как Стамбул, Анкара, Измир, Искешэхер, Конья, Бурса и Анталия.

В США продолжительное время действуют две тюркоязычные диаспоры – «Американская тюрко-татарская ассоциация» (“American Turco-Tatar Association”) в Сан-Франциско, местечке Бурлингейм (Калифорния) и «Ассоциация американских татар» (“American-Tatar Association”) в Нью-Йорке.

Ассоциация в Нью-Йорке была создана на базе «Мусульманского единства» (“Moselman Berlege”), сформированного 15 марта 1927 г. Ее основателями были Нияз Максудов из Уфы, Абдулла Атлас, Загидулла Агишев, еще один Загидулла Агишев (тезка), татарин из Оренбурга, царский полковник Рашид Хусаинов, Ахтям Сулейманов, Али Уилсон (Welsh) – пензенский татарин. Это было первое мусульманское общество в Нью-Йорке и большую часть его руководителей составляли татары. Кроме татар, в «Мусульманское единство» входили другие представители тюркских и мусульманских народов – туркмены, азербайджанцы, казахи, киргизы, кабардинцы, чеченцы, адыгейцы, карачаевцы, крымские татары.

В 1963 г. «Мусульманское единство» меняет название на «Исламское общество Америки» (“Amerika Islam Gemqiete”). Приверженцы разных направлений в исламе входили в это общество и создали религиозную организацию. Через некоторое время входившие в «Мусульманское единство» близкие по вероисповеданию и культуре народы стали отделяться и строить свои национальные общества. Сегодня много разных тюркских и мусульманских обществ – крымских татар, туркмен, азербайджанцев, карачаевцев, черкесов. Татары объединились под своим именем в «Ассоциацию американских татар» (“Amerika Tatar Gemqiete”) [American Tatar Association, 1975].

Здание в Нью-Йорке в 1960-х годах приобрел Айса Мажитов, выходец из Татарстана. Несколько лет лидером ассоциации был инженер Ильдар Агиш (член правления), сегодня президентом «Ассоциации американских татар» является Ферит Урал (Ferit Ural) [Сайт Ассоциации американских татар: http://www.atany.com/].

Ассоциация занимается только культурной работой, проводит литературно-художественные тематические вечера, праздники и концерты. На праздничные торжества сюда приезжают из разных штатов и даже из Канады. Основные цели и задачи «Ассоциации американских татар» – культурная, образовательная и благотворительная деятельность. Таким образом, организация обеспечивает сохранение языка и культуры в среде татар, уделяет особое внимание образованию подрастающего поколения.

Довольно активную работу ведет тюрко-татарская диаспора, расположенная в пригороде Сан-Франциско, местечке Бурлингейм. Президент «Американской тюрко-татарской ассоциации» в Бурлингейме – Туран Апакай (Turan Apakay) [Сайт Американской тюрко-татарской ассоциации: http://www.attasf.org/]. Отдельные семьи проживают в Лос-Анджелесе, Флориде, Вашингтоне. Цифры по диаспорам дальнего зарубежья могут изменяться из-за того, что во многих местах татары, башкиры собираются для проведения вечеров, концертов, однако не везде им удается купить здание и зарегистрировать диаспору.

Тюркские народы США объединяют крепкие религиозные и культурные связи. Ассоциации не многочисленны, но их члены особенно трепетно относятся к языку, культуре, национальным традициям своего народа. Стало доброй традицией проведение Сабантуя среди татаро-башкирских эмигрантов (с 2001 г. – в Нью-Йоркском Эйзенхауэр парке). Представители ассоциации с удовольствием наблюдают за национальными играми и конкурсами на Сабантуе и даже принимают в них участие [Садыкова, 2015, 145].

Для татаро-башкирских соотечественников в Турции и США важную роль в формировании сыграло наличие общих черт происхождения, языка и культуры. Все это стало консолидирующим фактором в образовании татаро-башкирских диаспор среди наших соотечественников. Также способ-

ствовала быстрой адаптации башкирских и татарских соотечественников за пределами Родины культурно-просветительская работа диаспор. Культура и язык сыграли важную роль в сохранении национального, культурного облика, образа жизни и качеств соотечественников за рубежом, врастания их в инокультурную среду.

Проблем в области отношений татаро-башкирских соотечественников с исторической Родиной достаточно. Необходимо реализовывать масштабные проекты по поддержке национальной культуры и языка, организовывать взаимодействие с различными целевыми группами соотечественников: деловыми кругами, молодежью, деятелями науки и др. У Башкортостана и Татарстана должна быть своя политика по отношению к соотечественникам за рубежом, выраженная в официальных правительственных постановлениях.

Башкир и татар за рубежом объединяет общая тенденция – сохранение своей этничности, языка, стремление к консолидации между собой. Несомненно, оказывает влияние и сплачивает наших соотечественников наличие татаро-башкирских диаспор за рубежом. Главной целью татаро-башкирских соотечественников за рубежом является сохранение и приумножение этнокультурного, исторического наследия народа в условиях эмиграции.

Литература

Бадретдин С. Татарский Нью-Йорк [Электронный ресурс]. URL: http:// www.tatar-usa.org/russian/articles/ny.htm/ {Badretdin S. Tatar New York [Electronic resource]. URL: http:// www.tatar-usa.org/russian/articles/ny.htm/}

Бюллетень Ассоциации американских татар. 1975. № 1. 19 апреля. {American Tatar Association. 1975. № 1. April 19.}

Валеев Р.С. Вдали от исторической родины // II Всемирный конгресс татар. 28–29 августа 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kazadmin. narod.ru/congress/13.htm/ {Valeev R.S. Far from the historical homeland // II World Congress of Tatars, August 28–29, 1997 [Electronic resource]. URL: http://kazadmin. narod.ru/congress/13.htm/}

Садыкова Л.Р. Сохранение и трансформация этнокультурной идентичности в условиях эмиграции (на примере тюрко-татарской диаспоры США). СПб.: ООО «Своё издательство», 2015. 168 с. {Sadykova L. R. Preservation and transformation of ethno-cultural identity in the conditions of emigration (on the example of the Turkic-Tatar Diaspora in the USA). Saint Petersburg: Svoye publishing house, 2015. 168 p.}

Сайт Американской тюрко-татарской ассоциации [Электронный ресурс]. URL: http://www.attasf.org/ {Website of the American Turko-Tatar Association [Electronic resource]. URL: http://www.attasf.org/}

Сайт Ассоциации американских татар [Электронный ресурс]. URL: http://www.atany.com/ {Website of the Association American Tatars [Electronic resource]. URL: http://www.atany.com/}

Салихов А.Г. Башкиры в Турции // Российские соотечественники в Турции: история и современность. Стамбул, 2008. С. 153–155. {Salixov A.G. Bashkirs in Turkey // Russian compatriots in Turkey: history and modernity. Istanbul, 2008. P. 153–155.}

Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/12115694/{Federal law of May 24, 1999 № 99-FZ «On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad» (with amendments and additions) // [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/12115694/}

УДК 811.512.164

М. Соегов, г. Ашхабад

О РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕДАКТОРЕ ПЕРВЫХ ТУРКМЕНСКИХ НОВОМЕТОДНЫХ БУКВАРЕЙ И ЕГО ПРЕДИСЛОВИЯХ К НИМ

В статье рассматриваются некоторые вопросы периода подготовки и издания первых новометодных букварей туркменского языка путем изучения деятельности их русскоязычного редактора Ивана Александровича Беляева (1882–1920). Учитывая то, что эти издания, выпущенные на арабской графике, из-за последующих обстоятельств чудом сохранились в единичных экземплярах и уже давно представляют собой большую библиографическую редкость, автор статьи решил наряду с краткой биографией их редактора заново воспроизводить русские тексты его предисловий к туркменским букварям, изданным в Баку (1913 г.) и Ашхабаде (1914 г.).

Ключевые слова: *букварь, косвенное взаимодействие языков, составитель, редактор, предисловие.*

THE RUSSIAN-SPEAKING EDITOR OF THE FIRST TURKMEN ABC-BOOKS OF NEW METHODS OF TRIAINING AND HIS PREFACES TO THEM. *In the article some questions of the period of preparation and the edition of the first ABC-books of the Turkmen language of new methods by studying the activity of their Russian-speaking editor Ivan Aleksandrovich Belyaev (1882–1920) are considered.*

Considering that these editions which have been printed in the Arabic script, because of the subsequent circumstances by miracle have remained in almost single copies and for a long time already are among the rare books, the author has decided to reproduce anew along with the short biography of their editor Russian texts of his prefaces to the Turkmen ABC-books published in Baku (1913) and Ashgabat (1914).

Keywords: *the ABC-book, indirect interaction of languages, compiler, editor, preface.*

Рис. 1. Иван Александрович Беляев (1882–1920). Фрагмент-вырезка из коллективной фотографии, снятой в 1906 г.

Иван Александрович Беляев (1882–1920), выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета 1905 г. по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду, будучи еще студентом, по рекомендации своего научного руководителя профессора П.М. Мелиоранского был командирован Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях в Туркестанский край для изучения каракалпакского языка. После окончания университета начал преподавать сартовский (узбекский) и персидский языки в Ташкенте, являясь преподавателем учительской семинарии.

Занимая должность инспектора народных училищ Закаспийской области с 1905 г. (так указывается в литературе, а в действительности он занимал эту должность несколько позже) и являясь редактором «Закаспийской туземной газеты», первого периодического издания на туркменском языке, которое выпускалось в 1914–1917 гг. в Ашхабаде на арабском алфавите, И.А. Беляев одновременно был активным членом Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Данный кружок, основанный официально еще в 1903 г., но не развернувший в последующем свою деятельность в полном объеме, возобновил свою работу лишь в 1914 г. усилиями и.д. начальника области генерала Николая Клавдиевича Калмакова (Н.К. Колмаков, 1858 – ?). Под покровительством генерала кружок издал в 1916–1917 гг. в Ашхабаде четыре сборника трудов своих членов под общим названием «Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока», на страницах которого И.А. Беляев выступал с работами, выполненными на основе своих каракалпакских материалов, хотя отдельные его заметки и статьи по другим тюркологическим темам появились в печати еще в студенческие годы, а в период работы в Ташкенте наряду с подобными статьями он еще составил «Руководство к изучению сартовского языка» (Ташкент, 1906).

Десятилетний период деятельности инспектора народных училищ Закаспийской области И.А. Беляева (рис. 1) в Ашхабаде, конечно, прежде всего, характеризуется его безупречным выполнением своих прямых служебных обязанностей, которые включили в себя не только инспектирование открываемых русской администрацией новых учебных заведений, но и ознакомление с работой существующих с давних времен туркменских мектебов и медресе и оказание им необходимой помощи. Одновременно с большой инспекторской и редакторской работой И.А. Беляев в течение нескольких лет упорно занимался изучением туркменского языка, результатом которого явилось издание в Ашхабаде его «Русско-туркменского словаря» и «Грамматики туркменского языка» соответственно в 1913 и 1915 гг. Посредством этих двух своих работ И.А. Беляев смог навсегда войти в историю туркменской филологии начала XX в. [Соегов, 1915, 285–293].

Служба И.А. Беляева в Закаспийской области продолжалась до начала апреля 1917 г. Газета «Асхабад» от 21 апреля 1917 г. сообщила своим читателям, что инспектор народных училищ И.А. Беляев постановлением областного съезда народных учителей 5 апреля отстранен от занимаемой должности [Асхабад II]. «И.А. Беляев, который был освобожден от своей должности, говорят, уехал в Тифлис» – таково сообщение «Закаспийской туземной газеты» от 10 мая 1917 г. о своем, но уже бывшем редакторе [Закаспийская IV].

Из книги Франгиз Ханджанбековой, посвященной истории Национальной академии наук Азербайджана, узнаем, что в 1919 г. И. А. Беляев работал в Тифлисе научным сотрудником Кавказского историко-археологического института, основанного в 1917 г. академиком Н.Я. Марром [Общество]. В будущем предстоит исследователям выявить его работы, выполненные в Тифлисе. Не исключено, что И.А. Беляев в том же 1919 г. вместе с другим ашхабадцем, Львом Александровичем Зиминым (1886–1920) [Соегов, 2015, 74–78], начал работать во вновь созданном Бакинском государственном университете (БГУ), а через год он тоже стал одним из многочисленных жертв «красного террора».

Хотим особо отметить, что, будучи редактором «Закаспийской туземной газеты» в 1914–1917 гг., И.А. Беляев оказывал поддержку талантливому туркменскому писателю-публицисту Мухамметкули Атабай оглы (Атабаев, 1885–1916) – выпускнику Туркестанской учительской семинарии 1908 г., и добивался своевременного появления на страницах газеты его многочисленных и остросюжетных статей на злободневные темы. И.А. Беляев также выступал редактором первого новометодного туркменского «Букваря», составленного Алишбеком Сулеймановичем Алиевым (1883–1933) и изданного в 1913 г. в Баку, а затем в 1914 г. – в Ашхабаде.

В Предисловии к 1-му бакинскому изданию туркменского букваря, написанном его редактором И.А. Беляевым на русском языке, указывается: *«При обучении туркменских школьников их родному языку каждому учителю приходится испытывать большие затруднения в выборе первоначального учебника. На туркменском языке подобного издания не имеется, а руководства на татарском языке и азербайджанских наречиях крайне не подходящи для туземцев Закаспийской области.*

Предлагаемое издание "Звуковой метод обучения в туркменской школе", составленное учителем Тедженской русско-туземной школы им. Куропаткина Алиевым, так или иначе должно облегчить преподавание туркменам их языка. По своему содержанию это издание разделяется на два отдела: азбука и начальная хрестоматия. При составлении азбуки обращалось внимание на то, чтобы с первого же урока ученики складывали не звуковые сочетания, а определенные слова, часто встречающиеся в жизненном обиходе. Итак, после изучения двух-трех букв начинается не механическое складывание звуков, а понятных слов для чтения.

При выборе материалов для начальной хрестоматии, собранных среди туркмен Тедженского уезда, обращалось внимание на легкость текста в лексическом отношении и на его разнообразие; не забыта и народная мудрость, выраженная в пословицах и поговорках. Уделено место и известному туркменскому поэту Махтумкули.

В конце второго отдела помещены краткие статейки в изложении, понятном для детского ума, на следующие темы: "Царская семья", "Великая Россия", "Туркестан", "Закаспийская область", "300-летний юбилей Дома Романовых".

В заключение считаю долгом принести благодарность Н.П. Остроумову за многие его советы, знатоку туркменского языка, полковнику Ф.А. Михайлову, заведующему Туркестанским русско-туземным училищем, Калгонову и туркмену Суюн-Берди Каррыеву, которые в рукописи просмотрели руководство и внесли в него некоторые дополнения.

Издается книга при благосклонном внимании главного инспектора училищ Туркестанского края А.А. Соловьева».

Второе издание букваря с самостоятельным предисловием вышло в Ашхабаде в 1914 г. Тираж первого учебника составлял 1 тыс. экземпляров, второе издание также имело соответствующий первому изданию тираж. Новый выпуск букваря (рис. 2) имел ряд существенных отличий в отношении к первому изданию, о чем сообщается в предисловии к нему. Но до этого еще отметим, что в туркменских учебных текстах для чтения использованы более двадцати русских слов: потолок, пол (с. 25), стол (с. 26), помидор (с. 39), стакан, банка, самовар (с. 57); названия месяцев года (с. 51): январь, февраль, март… Многие из этих лексем в последующем вошли в туркменскую разговорную речь, затем прочно заняли свое место в литературном туркменском языке.

Рис. 2, 3. Титульный лист туркменского букваря, изданного в Ашхабаде в 1914 г. (слева), и учащиеся Тедженской школы со своими учителями (в центре), которые обучались грамоте по этому новометодному букварю (справа)

Предисловие И.А. Беляева ко 2-му ашхабадскому изданию туркменского букваря:

«Первое издание книги “Туркменская речь”, несмотря на некоторые ее недостатки, разошлось в самое короткое время, что объясняется главным образом тем, что “Туркменская речь” проникает не только в туркменские, но и в персидские мекдебные школы.

Во втором издании сделаны некоторые дополнения и изменения, а именно: 1) увеличено число отдельных слов и выражений для упражнения в первоначальном чтении; 2) введено много слов и оборотов из аульной жизни туркмен, т. е. таких слов, которые понятны и дороги для ума и сердца детей закаспийских пустынь; 3) добавлено много пословиц, поговорок и загадок, до сих пор еще нигде не напечатанных; 4) обращено внимание на возможную систему в правописании с тем, чтобы эта система облегчала дело изучения туркменской грамоты не только туркменскими школьниками, но и русскими, например, в городских училищах по положению 1872 г., в коих, с разрешения г. Главного начальника Туркестанского края, генерала от кавалерии Самсонова преподаются и туземные восточные наречия.

Возможны ошибки и в данном (втором) издании “Туркменской речи”, но они охотно будут исправляться при последующих изданиях».

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 13 ноября 1913 г. была опубликована критическая рецензия А.Н. Самойловича на этот учебник под заголовком «Первый букварь для туркменов», которая затем была перепечатана в газете «Асхабад» от 26 ноября 1913 г. [См.: Асхабад I]. Если центральная и местная русская периодическая печать в лице А.Н. Самойловича (1880–1938), одного из первых ученых-туркменоведов России в XX веке (в последующем академик АН СССР), посетившего Закаспийскую область еще в студенческие годы и защитившего в Петербургском университете дипломную работу по текинскому диалекту на золотую медаль (1903 г.), высказалась о первом туркменском букваре, во всяком случае, о первом его издании, крайне отрицательно, то на страницах «Закаспийской туземной газеты», выходившей в первые месяцы 1915 г., неоднократно печатались на эту книгу положительные отзывы [Закаспийская I, II, III и др.] видных представителей туркменской интеллигенции, а также других читателей.

Литература

Асхабад, 1913, 26 ноября. I {Askhabad.1913, on November, 26th.}

Асхабад, 1917, 21 апреля. II {Askhabad.1917, on April, 21st.}

Закаспийская туземная газета, 1915, 13 января. I {Transcaspian Native Newspaper. 1915, on January, 13th.}

Закаспийская туземная газета, 1915, 3 февраля. II {Transcaspian Native Newspaper. 1915, on February, 3rd.}

Закаспийская туземная газета, 1915, 27 февраля. III {Transcaspian Native Newspaper. 1915, on February, 27th.}

Закаспийская туземная газета, 1917, 10 мая. IV {Transcaspian Native Newspaper. 1917, on May, 10th.}

Общество и культура // [Электронныйресурс] URL: http://www.br.az/society /20151118101853137.html (дата обращения: 06.02.2020). {Society and culture [Electronic resource] URL: http:// www.br.az/society /20151118101853137.html (reference date: 2/6/2020).

Соегов М. Полузабытые лица и страницы из истории тюркологии в Туркменистане // III Международный Тюркологический симпозиум «Прошлое – настоящее – будущее крымских татар». Сборник докладов и тезисов (15–17 октября 2012 г.). Симферополь, 2014. С. 285–293. {Soyegov M. Half-forgotten persons and pages from history Turkic Study in Turkmenistan.III International Turkologic symposium «Last. Present. Future of Crimean Tatars». The collection of reports and theses (on October, 15–17th, 2012). Simferopol. 2014. P. 285–293.}

Соегов М. О деятельности в Баку в 1919–1920 гг. двух Александровичей из Закаспийской области: Лев Зимин и Иван Беляев (дополнение к ранее изданным работам) // Ученые записки Орловского государственного университета. № 4 (81). Орел, 2018. С. 57–59. {Soyegov M. About activityin Bakuin 1919–1920 of two Aleksandrovich from Transcaspian area: Lion Zimin and Ivan Belyaev (addition to ear lier published works). Scientific notes of Orel State University. Vol. 4, no. 81. Orel, 2018. P. 57–59.}

БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҺЫНЫҢ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.512:141

Р.А. Сулейманова, г. Уфа

ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ-ЛИНГВИСТ И ПЕДАГОГ

(к 125-летию со дня рождения А.А. Мансурова)

В статье, *посвященной юбилею известного языковеда А.А. Мансурова, рассмотрено его научное наследие, раскрыты его взгляды, вклад в башкирское языкознание. Оценивается роль и значимость его труда «Грамматика башкирского языка» и работ по методике преподавания башкирского языка.*

Ключевые слова: *башкирский язык, А.А. Мансуров, лингвистика, башкирское языкознание, грамматика.*

FAMOUS LINGUIST AND TEACHER (ON THE 125TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A.A. MANSUROV)*. In the article dedicated to the anniversary of the famous linguist A.A. Mansurov, his scientific heritage is examined, his views his contribution to Bashkir linguistics are revealed. The role and significance of his work* Grammar of the Bashkir language *and works on the methodology of teaching the Bashkir language are evaluated.*

Keywords: *Bashkir, Akhtyam Mansurov, linguistics, Bashkir linguistics, grammar.*

Ахтям Ахметович Мансуров родился в октябре 1895 г. в д. Нижние Термы Чишминского района Республики Башкортостан. После окончания медресе «Галия» он более 12-ти лет работал в школах Чишминского и Благоварского районов Республики Башкортостан. В 1931 г. окончил курс литературно-лингвистического отделения Восточно-педагогического института в Казани, а затем работал в Уфе в Башкирском педагогическом техникуме и на кафедре языка Медицинского института. Накопленный опыт помогал А.А. Мансурову в работе над его главным трудом – «Грамматикой башкирского языка» [Мансуров, 1953]; конечно, также его вдохновляли любовь и бережное отношение к родному языку.

Первое издание этого учебника вышло в свет в 1933 г. Многократно переизданная (18 изданий) «Грамматика башкирского языка» много раз перерабатывалась и дополнялась автором. В течение 20-ти лет этот учебник являлся пособием не только для школ, но и для педагогических училищ и педагогических институтов. На современном этапе значение этого учебника для развития башкирского языкознания трудно переоценить, так как многие объемные работы, появившиеся в последние годы, основываются именно на «Грамматике башкирского языка» А.А. Мансурова.

Башкирское языкознание только зарождалось как наука, и, конечно, не было объемных словарей и научной литературы по этой теме. В далеких 1920-х годах ученому приходилось быть первопроходцем и первооткрывателем. Создавая учебник, А.А. Мансуров одним из первых исследовал основы грамматических категорий и частей речи в башкирском языке, определял их грамматические значения. В первой части учебника содержится нормативное описание морфологии башкирского языка в рамках программы средней школы. Изложению основного материала предшествует вводная часть – параграфы 1–8, где даны краткие сведения по синтаксису и материал по фонетике, а в параграфах 20–22 приведены краткие сведения о словарном составе языка. Далее следует основная часть учебника, посвященная морфологии: именам существительным, прилагательным, глаголам и т. д.

Плодотворными были и годы работы в Институте усовершенствования учителей, Педагогическом институте им. К. Тимирязева в Уфе. Много сил и стараний было вложено им в разработку методики преподавания башкирского языка. Большое внимание ученый-педагог всегда уделял вопросам качественной подготовки будущих учителей, читал лекции. Ученый постоянно общался с учителями, интересовался их работой, изучал методы преподавания и многое делал для распространения передового опыта лучших учителей республики. Также А.А. Мансуров писал статьи, составлял учебные программы по башкирскому языку для средних школ и педагогических училищ, работал над «Сборником упражнений по орфографии башкирского языка для V–VI классов средней школы» [Мансуров, 1962]. Этот сборник служит дополнительным материалом к «Грамматике башкирского языка»: в нем даны упражнения для совершенствования навыков правописания, а с целью развития устной речи

учащихся некоторые тексты (в зависимости от содержания) предложено выучить наизусть. Этот сборник, как и «Грамматика башкирского языка», многократно переиздавался.

В 1944 г. за большой вклад в башкирское языкознание Ахтяму Ахметовичу Мансурову было присуждено звание доцента. Его беззаветный труд на благо своего народа и башкирского языка оценен медалями, почетными грамотами и значком «Отличник народного образования».

Ахтям Ахметович Мансуров – видный ученый-языковед и педагог, внесший большой вклад в повышение уровня преподавания башкирского языка. Без преувеличения мы должны признать, что на «Грамматике башкирского языка» выросло не одно поколение талантливых учителей, методистов и ученых.

Литература

Мансуров Ә.Ә. Башҡорт теле грамматикаһы. Өфө, 1953. {Mansurov A.A. Grammar of the Bashkir language. Ufa, 1953.}

Мансуров Ә.Ә. Орфография күнегеүҙәре йыйынтығы. Урта мәктәптең V һәм VI кластары өсөн. Өфө, 1962. {Mansurov A.A. Collection of exercises on spelling. For V–VI classes of high school in the Bashkir language. Ufa, 1962.}

Сулейманова Р. А. Известные башкирские ученые-лингвисты (к 120-летию со дня рождения А.А. Мансурова и 115-летию со дня рождения К.З. Ахмерова) // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 107–111. {Suleymanova R.A. Famous Bashkir linguistic scientists (on the 120th birthday of A.A. Mansurov and the 115th birthday of K.Z. Akhmerov) // Ural-Altai Studies. 2015. No 3 (18). S. 107–111.}

Сөләймәнова Р.Ә. Башҡорт тел ғилеменең юл башында (күренекле ғалим һәм педагог Ә.Ә. Мансуровтың тыуыуына 120 йыл) // Россия и Восток: Взаимодействие стран и народов. Труды Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Кн. 2. Уфа, 2015. С. 221–222. {Suleymanova R.A. At the source of Bashkir linguistics (on the 125th anniversary of the birth of A. A. Mansurov) // Russia and the East: Interaction of countries and peoples. Proceedings of the All-Russian Congress of Orientalists, dedicated to the 125th anniversary of the birth of the outstanding orientalist Akhmet-Zaki Validi Togan. Prince 2. Ufa, 2015. P. 221–222.}

Ураксин З. Г. Судьба народа – моя судьба. Уфа, 2015. С. 248–249. {Uraksin Z.G. The fate of the people is my fate. Ufa, 2015. P. 66–68; 248–249.}

ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.512:141

Р.А. Сулейманова, г. Уфа

ИЗВЕСТНЫЙ БАШКИРСКИЙ УЧЕНЫЙ-ЛИНГВИСТ

(к 120-летию со дня рождения К.З. Ахмерова)

В статье дается краткий обзор жизненного пути и научной деятельности известного башкирского ученого-лингвиста – Касима Закировича Ахмерова. Отмечается роль этого выдающегося ученого как основоположника башкирского языкознания.

Ключевые слова: *башкирский язык, К.З. Ахмеров, лингвистика, башкирское языкознание, грамматика.*

FAMOUS BASHKIR LINGUIST SCHOLAR (ON THE 120TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF K. Z. AKHMEROV)*. The article gives a brief overview of the life path and scientific activities of the famous Bashkir linguist – Kasim Z. Akhmerov. The article notes the role of this outstanding scholar as the founder of Bashkir linguistics.*

Keywords: *Bashkir, Kasim Akhmerov, linguistics, Bashkir linguistics, grammar.*

Для роста и развития любой отрасли науки необходим прочный фундамент. Если он заложен правильно и крепко, тогда наука развивается дальше, совершенствуется. Это утверждение верно и для башкирского языкознания. В его развитии можно выделить два этапа: первый – до 1920 г., второй – с 1920 г. по настоящее время.

Первый этап развития башкирского языкознания характеризуется тем, что его основу составляли небольшие по объему словари, учебники, труды русских и европейских ученых. Второй этап развития выделяется системным подходом к изучению языка башкирскими учеными. Имена таких известных ученых, как Нуриагзам Тагиров, Габдельахат Вильданов, Габдулла Амантай, Вали Хангильдин, Закир Шакиров, Тагир Баишев, Габбас Давлетшин, Ахтям Мансуров, Касим Ахмеров и др., неразрывно связаны с башкирским языкознанием 1920–1940-х годов. Надо сказать, что этими учеными-языковедами была проделана огромная работа, их роль в развитии башкирского языкознания неоценима. И мы всегда должны помнить о них, бережно и с уважением относиться к их вкладу в науку.

В связи с юбилейной датой лингвиста К.З. Ахмерова мы хотели бы сделать в данной статье краткий обзор жизненного пути и научной деятельности этого известного ученого. Доктор филологических наук, профессор Касим Закирович Ахмеров – один из основоположников башкирского языкознания. Он родился 7 ноября 1900 г. в с. Бураево Бирского уезда Уфимской губернии (ныне центр Бураевского района Республики Башкортостан). После окончания двухгодичной начальной школы в родной деревне он учился в г. Троицке в медресе «Расулия».

Затем К.З. Ахмеров работал на различных должностях: заведующим (директором) начальных школ, секретарем волостного исполкома, воспитателем в детской колонии, в Бирской кантонной советско-партийной школе, в Бирской областной советско-партийной школе, учителем родного языка в театральном училище, секретарем кантонной комиссии по реализации башкирского языка, инструктором Центральной комиссии по реализации башкирского языка при Башсовнаркоме, научным сотрудником и секретарем Общества по изучению Башкортостана, заведующим кафедрой башкирского языка в Башкомвузе, сотрудником Педагогического научно-исследовательского института, а с 1941 г. и до конца жизни (11 февраля 1969 г.) – старшим научным сотрудником и заведующим отдела в Институте истории, языка и литературы. Таким образом, трудовой путь ученого оказался очень насыщенным: в те далекие годы нашим наставникам приходилось быть одновременно и учеными, и учителями, и писателями.

Свою научную деятельность Касим Закирович Ахмеров начал в 1928 г. сотрудником в Научном обществе по изучению быта, истории и культуры башкир. В эти годы начиналось формирование башкирского литературного языка, а следовательно, и работа по внедрению башкирского языка в различные сферы жизни общества, и, конечно, развитие башкирского языкознания было тесно связано с практическими задачами. Ученым были составлены программы по башкирскому языку для средних школ и педагогических училищ. Наряду с публикацией различных научно-методических статей, К.З. Ахмеров работал также над брошюрами «Орфографические ошибки и методы преподавания орфогра-

фии» [Ахмеров, 1935], «Знаки препинания в башкирском языке» [Ахмеров, 1936] и др., которые имели большое значение в преподавании башкирского языка в школах. Знакам препинания и их роли в предложениях К.З. Ахмеров уделял особое внимание, говоря, что «знаки препинания являются материальными элементами письменной речи и служат потребностям общения» [Ахмеров, 1936, 4].

В 1932 г. в свет вышел первый учебник для начальных классов, созданный К.З. Ахмеровым [Ахмеров, 1932]. Впоследствии им были изданы более десяти учебников и пособий для школ и педагогических училищ.

Изданный в 1941 г. для педучилищ «Башкирский язык» [Ахмеров, 1941] стал первым учебником для студентов специальных учебных заведений. В данной книге изложены нормативные понятия и сведения по фонетике, графике, грамматике, орфографии и пунктуации, также в нем приводятся специфические упражнения, а сведения по языкознанию даются с учетом возрастных особенностей учащихся. Значение этого и подобных ему учебников, созданных К.З. Ахмеровым, трудно переоценить: на них выросло несколько поколений учителей и известных ученых. Из разделов, в которых ясно и четко отражены особенности синтаксиса башкирского языка, с научной стороны особого внимания достойны разделы, посвященные словосочетаниям, дополнениям, связи слов, порядку слов в предложении и т. д. Вопросы, связанные с согласованием, определениями и безличными предложениями в башкирском языке, на научной основе были рассмотрены автором впервые.

Касим Закирович плодотворно работал над изучением грамматического строя башкирского языка. В 1946 г. он успешно защитил диссертацию на тему «Современный башкирский язык (части речи)», и ему была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. Данная работа получила высокую оценку со стороны члена-корреспондента АН СССР Н.К. Дмитриева.

Научные статьи и объемные монографии К.З. Ахмерова, посвященные синтаксису и изучению строения простого и сложносочиненного предложений в современном башкирском языке [Ахмеров, 1958, 1960], внесли весомый вклад в развитие башкирского языкознания. В этих трудах он проанализировал структуру простого и сложносочиненного предложений, а также специфические особенности членов предложения башкирского языка. Впервые в башкирском языкознании ученый выделил безличные предложения как особый тип односоставных предложений. В 1963 г. за исследования по синтаксису башкирского языка К.З. Ахмерову была присвоена ученая степень доктора филологических наук.

Касим Закирович Ахмеров всю свою жизнь работал над совершенствованием правил правописания и занимался разработкой орфографических норм башкирского литературного языка. В этих целях ученый опубликовал множество статей, а также издал школьные пособия по орфографии и пунктуации. Его «Орфографический словарь башкирского языка» издавался дважды [Ахмеров, 1942, 1952], и это говорит о том, что данный труд является фундаментальным, а потому востребованным.

Результатом исследований К.З. Ахмерова в области истории башкирского литературного языка явился монографический очерк «История алфавита и орфографии башкирского литературного языка». В работе дана характеристика древнетюркской письменности с выводами об аналогии между некоторыми башкирскими тамгами и древнетюркскими графическими знаками. Также ученый рассмотрел степень отражения фонетического строя башкирского языка арабской, латинской и русской графиками. В 1972 г. эта монография вышла в свет под названием «Из истории башкирской письменности». В ней, наряду с исследованиями по истории башкирской письменности, были рассмотрены и такие вопросы, как место письменности в истории человечества и история письменности тюркских народов. В 2012 г. данный труд вышел под редакцией Ф.Г. Хисамитдиновой с дополнениями, куда вошли биография К.З. Ахмерова, перечень его трудов и образцы некоторых материалов, касающихся башкирского письма [Ахмеров, 2012]. К.З. Ахмеров добился больших успехов и в работе над словарем, требующей старания, кропотливого исследования, внимательности и бережного отношения к слову. Составленные под его руководством двуязычные словари («Русско-башкирский словарь» [Ахмеров и др., 1948; Ахмеров, 1964], «Башкирско-русский словарь» [Ахмеров, 1958]) имеют большое значение в развитии литературного языка и национальной культуры башкир. Также ученый-языковед К.З. Ахмеров принимал самое активное участие в издании на башкирском языке трудов Н.К. Дмитриева («Грамматика башкирского языка»), Р.Г. Кузеева («Башкирские шежере») и многих других. В знаменитой книге С.И. Руденко «Башкиры» по просьбе самого автора К.З. Ахмеров проанализировал все слова-термины башкирского происхождения и внес свои исправления. Кроме того, К.З. Ахмеров является одним из авторов «Сравнительной грамматики русского и башкирского языков» [Терегулова, Ахмеров, 1953], где основное внимание уделяется выявлению расхождений в грамматике этих языков

для того, чтобы преподаватель мог учесть эти моменты и, исходя из них, построить методику своих занятий. Труды К.З. Ахмерова в области просвещения и науки были высоко оценены: он был награжден орденом «Знак Почета», медалями и почетными грамотами. Необходимо отметить также и человеческие качества этого ученого. Он отличался исключительным трудолюбием и скромностью, доброжелательностью и чуткостью в общении с коллегами. Касим Закирович пользовался заслуженным авторитетом среди своих коллег и учеников. И благодаря постоянной работе над собой он смог добиться больших высот в науке. Его по праву можно считать основоположником башкирского языкознания*. Касим Закирович Ахмеров – видный ученый-языковед, внесший большой вклад в изучение, совершенствование, исследование, развитие и распространение башкирского языка, и мы обязаны знать и помнить его имя, изучать его наследие и продолжать начатое им дело.

Литература

Ахмеров К.З. Русско-башкирский словарь / под ред. Н.К. Дмитриева, К.З. Ахмерова, Т.Г. Баишева. М., 1948. {Akhmerov K.Z. Russian-Bashkir dictionary / Ed. Dmitrieva N.K., Akhmerova K.Z., Baisheva T.G. Moscow, 1948.}

Сөләймәнова Р.Ә. Ҡ.З. Әхмәров – оло ғалим һәм шәхес // Россия и Восток: Взаимодействие стран и народов. Труды Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана (на башк. яз.). Кн. 2. Уфа, 2015. С. 219–221. {Suleymanova R.A. K.Z. Akhmerov – a famous scientist and personality) // Russia and the East: Interaction of countries and peoples. Proceedings of the All-Russian Congress of Orientalists, dedicated to the 125th anniversary of the birth of the outstanding orientalist Akhmet-Zaki Validi Togan. Prince 2. Ufa, 2015. P. 219–221.}

Терегулова Р.Н., Ахмеров К.З. Сравнительная грамматика русского и башкирского языков: пособие для преподавателей русского языка в башкирской школе. Уфа, 1953. {Teregulova R.N., Akhmerov K.Z. Comparative grammar of the Russian and Bashkir languages: A manual for teachers of the Russian language in the Bashkir school. Ufa, 1953.}

Ураксин З.Г. Судьба народа – моя судьба. Уфа, 2015. С. 66–68. {Uraksin Z.G. The fate of the people is my fate. Ufa, 2015. P. 66–68.}

Әхмәр Ҡ.З. Башҡорт теле дәреслеге. 1-се киҫәк. Башланғыс курс. Өфө, 1932. {Akhmerov K.Z. Textbook of the Bashkir language. Part 1. Initial course in the Bashkir language. Ufa, 1932.}

Әхмәр Ҡ.З. Башҡорт телендә орфографик хаталар һәм орфографияны уҡытыу методтары. Өфө, 1935. {Akhmerov K.Z. Spelling mistakes and methods of teaching spelling in the Bashkir language. Ufa, 1935.}

Әхмәр Ҡ.З. Башҡорт телендә тыныш билдәләре. Өфө, 1936. {Akhmerov K.Z.Punctuation marks in Bashkir language. Ufa, 1936.}

Әхмәр Ҡ.З. Башҡорт теле: фонетика, морфология, синтаксис, тел ғилеме элементтары һәм тел тарихы. Педучилищелар өсөн дәреслек. Өфө, 1941. {Akhmerov K.Z. Bashkir language: Phonetics, morphology, syntax, elements of linguistics and the history of language. Textbook for teacher training schools in the Bashkir language. Ufa, 1941.}

Әхмәр Ҡ.З. Башҡорт әҙәби теленең орфография һүҙлеге. Башланғыс һәм урта мәктәптәр өсөн. Өфө, 1942. {Akhmerov K.Z.Spelling dictionary of the Bashkir literary language in the Bashkir language. Ufa, 1942.}

Әхмәр Ҡ.З. Башҡорт әҙәби теленең орфография һүҙлеге. Өфө, 1952. {Akhmerov K.Z. Spelling dictionary of the Bashkir literary language in the Bashkir language. Ufa, 1952.}

Әхмәр Ҡ.З. Башҡорт теленең ябай һөйләм синтаксисы. Өфө, 1958. {Akhmerov K.Z. The syntax of a simple sentence in the Bashkir language in the Bashkir language. Ufa, 1958.}

Әхмәр Ҡ.З. Башҡорт телендә теҙмә ҡушма һөйләм синтаксисы. Өфө, 1960. {Akhmerov K.Z. The syntax of a compound sentence in the Bashkir language. Ufa, 1960.}

Әхмәр Ҡ.З. Башҡорт яҙыуы тарихынан. Өфө, 2012. {Akhmerov K.Z. From the history of Bashkir writing in the Bashkir language. Ufa, 1960.}

* О научной деятельности К.З. Ахмерова и А.А. Мансурова, а также их значимости в судьбе башкирского народа см. также [Сулейманова, 2015; Ураксин, 2015: 66–68, 248–249, 390].

УДК 93;811.511.14

Н.В. Ткачук, г. Ханты-Мансийск

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В БЕРЕЗОВСКОМ РАЙОНЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На основе социологических данных в статье рассмотрена языковая ситуация среди коренных малочисленных народов (КМНС) сельских поселений Березовского района Югры. Представлено, что этнические языки малочисленными народами используются, но не повсеместно. Его носители отмечают разный языковой уровень владения, а в результате доминирования одного (русского) языка происходит языковой сдвиг, спад уровня владения этническим языком среди молодого поколения хантов, манси, ненцев.

Отмечено, что жизнеспособность языков обских угров обусловлена сохранившимся самобытным укладом жизни среди КМНС. Перспективы сохранности языков титульных этносов связаны с изучением их в школе, в последовательной передаче в семье.

Ключевые слова: *родной язык, малочисленные коренные народы, анкетирование, респонденты.*

LANGUAGE SITUATION IN BEREZOVSKY DISTRICT OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS DISTRICT-UGRA: SOCIOLOGICAL ASPECT*. On the basis of sociological data, the article considers the language situation among the indigenous small peoples (kmns) of rural settlements in the Berezovsky district of Ugra. It is shown that ethnic languages are used by small peoples, but not everywhere. Its speakers note different language proficiency levels, and as a result of the dominance of one (Russian) language, there is a language shift, a decline in the level of ethnic language proficiency among the younger generation of the Khanty, Mansi, and Nenets.*

It is noted that the viability of the Ob-Ugric languages is due to the preserved original way of life among the kmns. Prospects for the preservation of the languages of the titular ethnic groups are associated with their study at school, in sequential transmission in the family.

Keywords: *native language, small indigenous peoples, survey, respondents.*

Название Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее ХМАО-Югра) определено по названию титульных этносов – ханты, манси. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в общей численности КМНС Югры в 31483 чел. представителей народа ханты насчитывается 19068 чел., манси – 10977 чел., ненцев – 1438 чел. Согласно Закону ХМАО-Югры «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (2001 г.), языки обско-угорских народов представлены родными (национальными), установлены все меры поддержки для сохранения и дальнейшего развития этнических языков. Административными территориями использования мансийского языка являются Березовский, Октябрьский, Советский районы, в них проживают компактно манси, исключение составляет Кондинский район, в котором последний носитель восточномансийского языка умер в 2018 г. (по данным Института языкознания РАН)*. Носители хантыйского языка сосредоточены в Сургутском, Нижневартовском, Нефтеюганском, Ханты-Мансийском, Октябрьском районах. Лесные ненцы зафиксированы в Берёзовском, Нижневартовском, Ханты-Мансийском и Белоярском районах.

В статьях [Исламова, 2016; Исламова, 2017; Хакназаров, 2016] дан социологический анализ состояния уровня владения родным языком автохтонного населения. Результаты исследований полностью построены на опросах среди представителей обских угров ХМАО-Югры.

В данной статье мы опираемся на социологические данные 2019 г., позволяющие в некоторой степени описать языковую ситуацию на примере одного района. По численности представителей КМНС Югры Березовский район является одним из самых крупных в округе. В настоящее время на его территории проживает 26 тыс. чел., среди которых 20% занимают ханты, манси, ненцы. Многочисленная этническая группа КМНС, проживающих в Березовском районе, – манси.

* https://iling-ran.ru/web/ru/jazykirf (дата обращения: 31.12.2019).

Традиции и самобытность коренных народов продолжают оставаться предметом научных изысканий для исследователей северных территорий. Преимущественно традиционный уклад коренных народов Березовского района сохранился в оленеводстве. Кроме ведения оленеводческого хозяйства, жизненно необходимыми для коренного населения являются рыболовство, охота, заготовка дикоросов. Традиционная хозяйственная деятельность выступает не только как способ жизнедеятельности коренных жителей, но и является естественной средой для сохранения родных языков.

В ходе опроса в качестве перспективного метода исследования использовалось анкетирование. Опросом был охвачен 221 респондент в населенных пунктах района: деревни Теги, Ломбовож, Кимкьясуй, Анеево, Хурумпауль, поселки Хулимсунт, Сосьва, Игрим, Саранпауль, Березово. Анкета состояла из 28 вопросов. Респондентам предлагалось дать информацию о себе (национальность, пол, возраст, образование и др.). Блок «Язык» был направлен на получение информации о владении родным языком, о представлениях информантов относительно перспектив развития их родного языка, о языке общения в семье, жизнестойкости национальных языков, об оценке общественной значимости родного языка.

Главными принципами для отбора респондентов служили этнические и половозрастные показатели. Этнический состав респондентов был представлен манси (71,5%), ханты (24%), ненцами (1,4%). В анкетировании принимали участие респонденты следующих возрастных групп: до 20 лет – 7,2%; 21–30 лет – 13,6 %; 31–40 лет – 18,1%; 41–50 лет – 22,2%; 51–60 лет – 20,8%; 61 и старше – 18,1%. Численно в опросе преобладали респонденты в возрасте от 41 до 50 лет, а также респонденты женского пола – 75,1%, опрошенных мужчин было лишь 24,9%.

Родным языком считают другой (русский) язык 5,4% опрошенных, большинством респондентов родным языком выбран мансийский (72,4%), затем хантыйский (21,7%) и ненецкий (0,9%) языки. Среди респондентов этноса манси были ответы о знании ими коми-зырянского языка. Предполагаем, что подобное знание нескольких языков связано с ведением совместного оленеводческого хозяйства коми-зырян и манси на территории Приполярного и Северного Урала. Среди респондентов, свободно владеющих родным языком, манси оказалось 36,8%, среди опрошенных хантов – 25,5%. Самой малочисленной группой (3 чел.), представленной в опросе, была ненецкая. Лишь один человек указал, что на родном языке свободно выражает свои мысли, бегло использует язык в речи, а два респондента ненецкой национальности не владеют родным языком. Двумерный анализ данных показал, что остальные респонденты свой уровень владения отнесли к самостоятельному, элементарному и пассивному. В каждой этнической группе было разное число не владеющих родным языком: манси – 17,4%; ханты – 21,6%. Большинство считающих свой языковой уровень свободным оказалось среди опрошенных в возрасте 61 и старше (62,5%), а респондентов, не владеющих родным языком среди данного возрастного отрезка, отмечено не было.

Постепенный спад уровня языкового владения материнским языком заметен среди молодых групп: до 20 лет (50% – не владею); 21–30 лет (39,3% – не владею); 31–40 лет (23,7% – не владею). Причинами незнания родного языка выступают: не научили с детства (24%); отсутствие языковой среды (14,9%); не преподавали в школе (5,9%), отсутствие желания для изучения языка (1,4%). Большинство опрошенных (24,9%) затруднились указать причины невладения родным языком.

Опрос показал, что, независимо от признания этнического языка родным, главная коммуникативная роль в среде общения обских угров отдана русскому языку (68,3%); кроме этого, отмечается двуязычная внутрисемейная коммуникация (на родном и русском в равной степени) – 24%. В меньшей степени общение в семье происходит на родном языке (8,6%). Помимо внутрисемейной коммуникации языком общения на работе также выбран русский (74,7%). В коммуникационной практике обских угров родные языки (хантыйский, мансийский, ненецкий) второстепенны, русский язык выступает главным и в тесном бытовом общении. Опрошенными было отмечено, что с родителями они общались преимущественно на русском языке (43%). Родной язык использовали в семье 37,6%, а в равной степени и русский, и родной языки использовали 15,8% опрошенных.

Преобладающее большинство опрошенных выразили свое желание выучить и сохранить родной язык: «да, желаю выучить» (62%) против 11,3% не желающих; «да, нужно сохранить родной язык» (94,1%) против 1,8% – нет. Не разделяющие желания большинства отметили, что «уже поздно учить» (2,3%), «нет желания» (1,4%), «в нем нет необходимости» (1,4%), «нет времени» (0,5%).

На уточняющий открытый вопрос «Как Вы считаете, что нужно сделать, чтобы сохранить родной язык?» прозвучали справедливые и вполне своевременные высказывания о мерах сохранения родного языка: необходимо его учить в школе и детском саду (21,7%), популяризировать язык через национальные мероприятия (14,5%), необходимо в семье говорить с детьми на родном языке (12,6%),

возрождать и сохранять национальные традиции (2,3%), выделять больше часов на изучение языков в школе (1,4%). В целом ответы респондентов акцентируют внимание на необходимости поддержки этнической самобытности обских угров. Опрошенные считают, что общественная значимость родного языка на сегодняшний день недостаточно высока (34,8%), а жизнестойкость родного языка в современных условиях скорее находится под угрозой исчезновения (49,8%), чем в безопасности (2,7%). Опрошенными выражены надежды на перспективное развитие родных языков. Ответы респондентов позволяют определить, что семья, школа – главные источники знания и сохранения языка, который им достался от родителей (матери/отца). Помимо личного желания выучить родной язык, опрошенные выразили потребность в том, чтобы их дети, внуки умели понимать и говорить на родном языке (51,1%). Далее, они не согласны с действующим положением дел в преподавании родных языков в школе, считают, что факультативного подхода недостаточно для его знания, необходимо увеличить количество часов на изучение языков обско-угорских народов (67,4%). Позиции за/против непропорциональны: тех, кто не желает, чтобы их дети/внуки владели родными языками, оказалось в меньшинстве (6,3%), по их мнению, ситуацию по изучению языков в школе менять не следует (8,6%).

В завершении социологического анализа языковой ситуации в Березовском районе отметим, что в стабильности социолингвистического процесса на территории района неоценимую роль играют компактное расселение представителей КМНС внутри муниципального образования, а также традиционный уклад жизни сохранившийся локально. Несмотря на то, что повсеместно используется русский язык, а уровень владения этническим языком у опрошенных разный (самостоятельный, элементарный, пассивный), подавляющее большинство выбрало родным язык своей нации. Данный факт нам позволяет отметить среди манси, хантов, ненцев Березовского района высокую национальную самоидентификацию через этнический язык. В вопросе сохранения родного языка любого этноса важен мотивационный подход. Социолингвистический анализ позволяет отметить среди этнического сообщества упомянутой территории яркое восприятие родного языка, выражается понимание в необходимости поколенческого опыта языковой передачи (необходимость учить говорить на родном языке в семье).

В то же время языки малых этнических групп на территории Югры неконкурентны с государственным (русским) языком. Узкая сфера функционирования обско-угорских языков, редкое использование его дома не исключают того, что подрастающему поколению не потребуется глубокое самостоятельное знание родительского языка. Его знание будет продолжаться ограниченно, через факультативный подход к изучению в школе. Учитывая общеобразовательную программу, в рамках которой предусмотрено лишь факультативное обучение родному языку, ограниченность сферы использования языка сужает возможности его дальнейшего перспективного развития и сохранения.

Очевидно, представленный социологический опыт описывает ситуацию в определенное время, языковой мониторинг призван отслеживать происходящие процессы на территории автономного округа в динамике.

Литература

Исламова Ю.В. Языковая ситуация в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в социолингвистическом аспекте // Вестник угроведения: научно-теоретический и методический журнал. 2016. № 1 (24) С. 146–151. {Islamova Yu.V. Language situation in the Oktyabrsky district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra in the sociolinguistic aspect // Bulletin of Ugric studies, scientific-theoretical and methodological journal. 2016. No. 1 (24). Pp. 146–151.}

Исламова Ю.В. Социальный портрет носителя языков обских угров (по результатам социологического исследования в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Вестник угроведения. 2017. № 2 (29). С. 144–151. {Islamova Yu.V. Social portrait of a native speaker of the Ob Ugric languages (based on the results of a sociological study in the Oktyabrsky district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra) // Bulletin of Ugric studies. 2017. No. 2 (29). Pp. 144–151.}

Хакназаров С.Х. О потребности изучения хантыйского языка и предметов этнокультурной направленности в школе (по результатам социологического опроса среди родителей школьников Сургутского района Югры) // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (29 мая 2015 г., Ханты-Мансийск). Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. С.72–85. {Khaknazarov S.H. On the need to study the Khanty language and ethnocultural subjects at school (based on the results of a sociological survey among parents of schoolchildren in the Surgut district of Ugra) / Problems and prospects of socio-economic and ethno-cultural development of indigenous peoples of the North: mater. All right. science.-prakt. Conf. (May 29, 2015, Khanty-Mansiysk). Izhevsk: Print-2 LLC, 2016. Pp. 72–85.}

УДК 811.111

В.В. Федоров, г. Петропавловск-Камчатский
Е.В. Плисов, г. Нижний Новгород

ОТРАЖЕНИЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ КИТАЯ, ЯПОНИИ И КОРЕИ

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект «Мультилингвизм и социум: анализ современной социолингвистической ситуации на материале языков европейских стран».

В статье выявляются основные показатели влияния менталитета восточноазиатских народов на формирование вторичной языковой личности создателей англоязычных газетно-журнальных текстов. Особое внимание уделяется вербальным проявлениям восточноазиатского менталитета в периодической печати Китая, Японии и Кореи на английском языке.

Ключевые слова: *англоязычная газетно-журнальная публицистика Восточной Азии, вторичная языковая личность, восточноазиатский менталитет, адаптация, резистенция.*

EAST-ASIAN MENTALITY MANIFESTATIONS IN THE ENGLISH LANGUAGE JOURNALISM OF CHINA, JAPAN, AND KOREA*. The article distinguishes the main indicators of East-Asian nations' mentality impact upon the formation of linguistic identity of the English language journalism authors. Special attention is given to the verbal manifestations of East-Asian mentality in China's, Japan's, and Korea's periodicals in English.*

Keywords: *East Asia countries' English language journalism, East-Asian mentality, secondary language personality, adaptation, resistance.*

В современной лингвистике сложилось представление о тесной взаимосвязи языка и менталитета его носителей, оказывающей значительное влияние на формирование языковой личности. Актуальным представляется изучение этой проблемы в контексте функционирования языка в инокультурных социумах [Вариативность в европейских и восточных языках: межкультурный аспект, 2013; Основные направления исследований современной контактной вариантологии, 2015]. По мнению Ю.Н. Караулова, языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определённой целевой направленностью [Караулов, 1987, 4].

Дискуссионный характер вопроса о том, меняется ли культурно-языковая идентичность пользователя неродным языком, способствует осознанию того, что этническая и культурно-языковая идентичность не являются одним и тем же понятием. Ученые считают, что «носители различных языков воспринимают один и тот же объект через призму родного языка, что делает представления об этом объекте почти всегда лингвоспецифичными» [Плисов, 2016, 30], в связи с чем человек может относить себя к конкретному этносу, но знание других языков даёт ему возможность постижения других культур и вести себя соответственно требуемой ситуации в той или иной культуре [Прошина, 2017, 109–110]. В связи с этим в языкознании получил широкое распространение термин *вторичная языковая личность*, лингводидактическое толкование которого было предложено И.И. Халеевой, полагающей, что такая личность обладает совокупностью способностей общения на втором языке на межкультурном уровне и представляет собой «конечный пункт инокультурации языковой личности» [Халеева, 1995, 277–278].

Особый интерес представляет исследование факторов, влияющих на формирование вторичной языковой личности, которые проявляются в институциализированных формах речи на неродном языке [Sokolova, Plisov, 2019, 6]. Ярким примером этому служит англоязычная восточноазиатская периодическая печать, создаваемая журналистами, чья языковая личность формируется в билингвальном пространстве, где, наряду с родными языками, они должны осваивать вербально-семантический код английского языка, находясь под значительным влиянием *восточноазиатского менталитета,* для описания которого предлагается использовать термины *этноисторический менталитет* и *этносоциальный менталитет* [Федоров, 2017, 101].

Ю.В. Бромлей полагает, что этнос представляет собой «этносоциальный организм» во всём многообразии своих внутренних связей и внешних проявлений [Бромлей, 1983, 33]. Подобный подход позволяет рассматривать в качестве такого этносоциального организма как всю общность народов Восточной Азии, так и социумы каждого из государств, находящихся в этом регионе. В этом случае термин *этнос* может быть заменен на представление об этноисторической общности, которая включает в себя несколько самостоятельных этносов и обладает *этноисторическим менталитетом* – наиболее общими устойчивыми и социально-закреплёнными стереотипами мышления и поведения этноисторической общности, находящими отражение в языке и культуре. Высказанное замечание представляется достаточно существенным, поскольку в нём находит отражение как этноисторический менталитет, присущий всем восточноазиатским народам независимо от их национальной принадлежности, так в определённой мере и *этносоциальный менталитет*, характерный только для социумов Китая, Японии и Кореи.

При анализе восточноазиатских периодических изданий на английском языке менталитет создающих их журналистов, в первую очередь, проявляется на языковом уровне. Наблюдения показывают, что в англоязычной периодике Восточной Азии идет интенсивный процесс нативизации англо-американского газетно-журнального дискурса, характеризующийся наличием двух диалектически связанных тенденций. С одной стороны, в ней происходят адаптационные процессы, которые позволяют увидеть доминантность вербальных и невербальных средств оформления печатной периодики Великобритании и США. С другой стороны, наблюдается определённое сопротивление авторов публикаций этому влиянию. В дальнейшем эти процессы определяются как адаптация и резистенция [Федоров, 2016, 93].

Именно резистенция является отражением особого восточноазиатского менталитета создателей текстов публикаций. Её основными показателями являются приведенные ниже вербальные способы оформления газетно-журнального дискурса с ярко выраженной локализацией, свидетельствующей о функционировании региональных вариантов английского языка в качестве средства выражения «восточноазиатского» контента [Федоров, 2010, 85].

Широкое использование прецизионной лексики, связанной с общественно-политической жизнью восточноазиатских социумов:

топонимов: **(кит.)** Balougouvillage, Xian, etc.; **(яп.)** Akita City, Anyo, etc.; **(кор.)** Kangwon Province, Myeong-dong, etc.;

эргонимов: **(кит.)** Bidu, Changan, etc.; **(яп.)** Chugoku, Marubeni, etc.; **(кор.)** Dohwa, Pyeonghwa,etc.,

наименований культурных явлений: **(кит.)** Bai Ke Quan Shuo, Double Ninth Festival, etc.; **(яп.)** Akinabara, Cherry Blossom Festival, etc.; **(кор.)** Ch'ilsok, Kwangmyongsong, etc.,

личных имён: **(кит.)** Cheng Yu, Guan Jianzhag, etc.; **(яп.)** Asako Kawamoto, Asuka Saito, etc.; **(кор.)**Ahn Ho-sang, An Jong Su, etc.,

аббревиатур: **(кит.)** Agbank (Agricultural Bank), AH (Anhui Province), etc.; **(яп.)** JACL (Japanese American Citizens' League), JAL (Japan Air Lines), etc.; **(кор.)** IONIQ (Ion+Unique), SA (Strategy Analytics), etc.

Использование значительного числа общественно-политических *неассимилированных ориентализмов*, среди которых выделяются *специализированные ориентализмы* и *ориентализмы-экзотизмы*. Первые представляют собой перенесённые из восточноазиатских языков в английский лексические единицы, которые встречаются преимущественно в газетно-журнальной периодике и регистрируются только контактологическими словарями: **(кит.)** daitouren «лидер», danwei «предприятие, производственный коллектив», deng «порядок», etc.; **(яп.)** akiramenai «желание довести начатое дело до конца», benkyokai «производственное совещание», chochinkiji «публикация в прессе», etc.; **(кор.)** chongbu «правительство», chakupjachok «национальная независимость», kimjongist «кимченировец», etc. Ко вторым относятся встречающиеся в единичных контекстах лексические единицы, перенесённые из восточноазиатских языков в английский, которые воспроизводят фонографическую форму единицы языка-источника и не регистрируются словарями: «Sugar cane products ranging from vinegar to***"shouchu"*** (distilled spirits) are available» [China Daily, July 17, 2010]; «Restaurants meeting these needs offer the venues of ***joshi-kai*** [women-only drinking parties]» [The Daily Yomiury, July 20, 2012]; etc.

Использование «локальных» прецедентных феноменов – прецедентных имен и прецедентных высказываний, связанных с историей и культурой восточноазиатских стран. Так, рассуждения одного из героев публикации о морали молодого поколения японцев включает наименование уникального природного явления Oji-goroshi (свечение неба после захода солнца), связанного с именем сказочного чудовища Oji, – «He did not recommend him to visit this **Oji-goroshi** party» [Tokyo Journal

International Magazine, October 21, 2014], а статья о бурном развитии Сеула в последнее десятилетие – название одного из престижных районов этого города: «Itaewon has revamped its status from a dangerous, scary place to one of Seoul's **Gangnam districts**» [The Korea Herald, July 12, 2014].

Формирование корпуса восточноазиатских прецедентных феноменов – газетно-журнальных идиоматических словосочетаний, возникших в политическом дискурсе восточноазиатских стран и перешедших в переводе в английский язык. Например, **(кит.):** barefoot doctor, capitalist roader, Chinese economic reform architect, etc.; **(яп.)** black mist, bullet train, comfort woman, etc.; **(кор.)** bamboo wife, sun of Juche, supreme leader, etc.

Использование традиционной восточноазиатской фразеологии, переведённой, как правило, путём калькирования на английский язык. Например, **(кит.):** clouds and sun, crystal mirror, etc.; **(яп.)** fat age, to squeeze under red gates, etc.; **(кор.)** heavy mouth, to eat guksu, etc. В ряде случаев объектом калькирования становятся полные предикативные структуры (паремии), выступающие в качестве прецедентных высказываний: «They were hoping to become, as a famous saying goes, **"the carp that jumps over the dragon gate"**» [Global Times, August 18, 2011]; «The most commonly used traditional wise-saying of the Korean people using money is: "**Even the monkey will fall from the tree**"» [The Korea Post, February 23, 2016]; etc.

Всё сказанное свидетельствует о том, что важным экстралингвистическим параметром восточноазиатской газетно-журнальной публицистики является *вторичность*, поскольку она представляет собой *вторичную газетно-журнальную публицистику*, в создании которой в той или иной мере участвуют *вторичные языковые личности*, формирующиеся под влиянием восточноазиатского менталитета.

Литература

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с. {Bromley Yu. V. Studies in ethnos theory. Moscow: Nauka, 1983. 412 p.}

Вариативность в европейских и восточных языках: межкультурный аспект: коллективная монография. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. 137 с. {Variability in European and Oriental languages: intercultural aspect: a collective monograph. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Vitus Bering Kamchatka State University Publ. 2013. 137 p.}

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с. {Karaulov Yu. N. The Russian language and language personality. Moscow: Nauka, 1987. 261 p.}

Основные направления исследований современной контактной вариантологии: коллективная монография. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2015. 156 с.{Contemporary World English paradigm: collective monograph. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Vitus Bering Kamchatka State University Publ., 2015. 156 p.}

Плисов Е.В. Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 20–31.{Plisov Ye. V. The image of bread in Russian, German and English worldviews. *KRASEC Herald*. Humanitarian Sciences. 2016. № 2. P. 20–31.}

Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка: проблемы теории. М.: Наука, 2017. 208 с. {Proshina Z. G. World Englishes Paradigm: the problems of theory. Moscow: Nauka, 2017. 208 p.}

Федоров В.В. Восточноазиатский английский: язык и менталитет: монография. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2016. 200с. {Fyodorov V. V. East-Asian English: language and mentality: monograph. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Vitus Bering Kamchatka State University Publ., 2016. 200 p.}

Федоров В.В. Развитие англоязычной газетно-журнальной публицистики восточноазиатских стран в ситуации кросскультурного контакта // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. 14. № 1. С. 101–105.{Fyodorov V. V. Development of the English language East-Asian journalism in cross-cultural situation. *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*. 2017. Vol. 14. № 1. P. 101–105.}

Федоров В.В. Теоретические основы выделения региональной разновидности восточноазиатского английского языка // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2010. №11. С. 81–88.{Fyodorov V. V. Theoretical foregrounding of East-Asian English definition. *N. A. Dobrolubov Nizhniy Novgorod Linguistic University Herald*. 2010. № 11. P. 81–88.}

Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: РАНИРЯ, 1995. С. 277–278. {Khaleyeva I. I. The secondary language personality as a recipient of foreign text. In *Language – system. Language – text. Language – abilities*. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Linguistics Development, 1995. P. 277–278.}

Sokolova M., Plisov E. Cross-linguistic transfer classroom L3 acquisition in university setting. *Vestnik of Minin University*. 2019. Vol. 7, no. 1. P. 6.

УДК 811.511.14:39

С.Х. Хакназаров, г. Ханты-Мансийск

ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ РОДНОГО ЯЗЫКА СРЕДИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА КОНДИНСКОГО РАЙОНА ХМАО – ЮГРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной работе анализируются использования и оценка значимости родных языков коренных народов Севера Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Обобщаются и анализируются результаты социологических исследований, проведенных на территории рассматриваемого района по данной тематике в 2019 г. и ранее.

Ключевые слова: *родной язык, использование, значимость, коренные народы Севера, респонденты, Кондинский район.*

USE AND ASSESSMENT OF THE IMPORTANCE OF MOTHER TONGUE AMONG THE INDIGENOUS PEOPLES OF UGRA IN THE NORTH KONDIN DISTRICT: SOCIOLOGICAL ASPECT*.*

This paper analyses the use and assessment of the importance of native languages of indigenous peoples of the North of the Kondinsky region of Khanty-Mansi Autonomous District - Ugra. The results of sociological studies on this topic in 2019 and earlier carried out in the territory of the district under consideration are summarized and analyzed.

Keywords*: native language, use, significance, indigenous peoples of the North, respondents, Kondinsky district.*

Использование родного языка является базовым условием сохранения этнокультурной идентичности, так как многие компоненты этнокультуры (устное народное творчество, народная песенная культура, национальная литература, национальный театр и т. д.) существуют благодаря его функционированию.

Общественная значимость родного языка выступает как комплексный показатель восприятия населением его роли в общественной жизни. В него входит степень владения родным языком большинством населения, а в некоторых субъектах страны и эффективность его функционирования как государственного.

Исследование проводилось с целью изучения состояния использования и оценки значимости родного языка среди коренных народов Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Основным методом мониторинга является опрос-анкетирование. Выборка составила 188 человек: 63% женщин и 33,5% мужчин. Среди респондентов 50,3% отнесли себя по национальности к ханты, 49,2% – к манси. По возрасту среди респондентов представлены все возрастные группы, наиболее многочисленные в возрастных группах 31–40 лет – 35,4% и 41–50 лет – 18,2%.

Опрошены жители 4-х населенных пунктов с компактным проживанием коренных народов Севера: Кондинское, Алтай, Болчары и Шугур.

Образовательный уровень респондентов достаточно высокий: 38,1% имеют среднее профессиональное, 36% – общее среднее, 24,3% – незаконченное высшее и высшее образование. Наиболее высокий уровень образования в возрастных группах 31–40 лет и 41–50 лет.

Среди респондентов по роду занятий преобладают служащие (21,0%) и работники сферы образования (18,8%).

Больше половины респондентов назвали родным языком русский язык (50,5%), другая половина примерно в равных количествах назвали родным хантыйский (20,2%) и мансийский (24,5%) языки.

Отношения к этническим языкам демонстрируют ответы респондентов рассматриваемого района на вопрос: *«Что означает для Вас язык Вашей национальности?»* Для 9,4% языки коренных народов Севера – это их родные языки. Для 57,7% – языки их предков. Язык близких друзей и знакомых – 1,9%, чужой язык – 6,6%. Для 17,9% респондентов их родной язык ничего не означает. Затруднились с ответом – 7,5% (табл. 1). Сопоставление данной информации с информацией об этнической принадлежности показывает несовпадение национальности респондентов с их родным языком. Как видим, абсолютное большинство опрошенных утратило связь с языком своего этноса. Для этой категории родным языком стал русский язык.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Что означает для Вас родной язык?»*, n = 106

Table 1

Distribution of answers to the question: «What does native language mean for you?», n = 106

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа опрошенных
Мой родной язык	10	9,4
Язык моих предков	61	57,5
Язык близких друзей и знакомых	2	1,9
Чужой язык	7	6,6
Ничего не означает	19	17,9
Затруднялись ответить	8	7,5

Для сравнения отметим, что отвечая на этот же вопрос, большинство опрошенных (56,5%) Нефтеюганского района [Хакназаров, 2019] также отметили, что это язык их предков. 23,9% респондентов отметили, что это их родной язык.

В семье и на работе все респонденты общаются в основном на русском языке (табл. 2, 3). Респонденты в подавляющем большинстве отметили, что родители с ними общались на русском языке (92,6%), всего по 3 человека (по 1,6%) указали, что в детстве с ними общались на родном языке или на двух языках в равной степени.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«На каком языке или языках Вы обычно общаетесь в семье?»

Table 2

Distribution of answers to the question:
«In what language or languages do you usually communicate in the family?»

Варианты ответа	Частота	% от опрошенных
На русском языке	181	96,3
На родном языке	0	0,0
Нет данных	7	3,7
Итого	188	100,0

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«На каком языке или языках Вы обычно общаетесь на работе?»

Table 3

Distribution of answers to the question:
«In what language or languages do you usually communicate at work?»

Варианты ответа	Частота	% от опрошенных
На родном языке	0	0,0
На русском языке	173	92,0
На родном и русском языках в равной степени	2	1,1
Затрудняюсь ответить	3	1,6
Нет данных	10	5,3
Итого	188	100,0

* Данные за 2016 г. В опросах 2019 г. данный вопрос не рассматривался.

Отвечая на вопрос*: «Есть ли желание выучить родной язык?»*, большая часть респондентов (62,8%) отметили, что не желают учить родной язык. Желают учить родной язык 31,9% респондентов. Наиболее активны в вопросе изучения родного языка респонденты среднего возраста 31–50 лет. Опрошенные респонденты старше 60 лет высказали нежелание выучить родной язык. Мотивация у этих групп различная: одни не видят необходимости, у других – возраст не позволяет. Из респондентов, желающих выучить родной язык, в равной доле назвали хантыйский (51,7%) и мансийский (50,0%) языки.

Наиболее часто нежелание изучать родной язык аргументируют нецелесообразностью, отсутствием необходимости в нём (22,5%), желания (12,7%), среды общения и по причине большого возраста респондента (по 8,5%); но чаще всего встречается отсутствие объяснений – не дали ответ 41,5% респондентов из числа коренных народов Севера.

Больше половины респондентов общественную значимость своего родного языка оценили как недостаточно высокую и низкую (79,3%), всего 13,3% респондентов дали высокую оценку (табл. 4). Мы отмечаем, что данная оценка не зависит от образования респондентов. Касаясь данного вопроса, более половины респондентов (55,2%) Нефтеюганского района [Хакназаров, 2019] также оценили ее как низкую и недостаточно высокую.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как бы вы оценили общественную значимость Вашего родного языка на сегодняшний день?»

Table 4

Distribution of answers to the question: «How would you rate the public significance of your native language today?»

Варианты ответа	Частота	% от опрошенных
Как высокую	14	7,4
Как достаточно высокую	11	5,9
Как недостаточно высокую	46	24,5
Как низкую	103	54,8
Нет данных	14	7,4
Итого	188	100,0

Касаясь вопроса о жизнестойкости родных языков, отметим, что более половины (51,2%) респондентов высказали опасения о жизнестойкости родного языка, при этом 37% затруднились дать оценку (табл. 5). Большая часть затруднившихся с выбором ответа указывает на то, что люди не задумываются о сохранении родного языка. Лишь 9,9% респондентов отметили, что языки находятся в безопасности и положение не вызывает опасения. Также большинство респондентов (62,8%) Нефтеюганского района [Хакназаров, 2019] считают, что их родные языки находятся под угрозой исчезновения и их положение вызывает опасения.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос:
«Как бы вы оценили жизнестойкость Вашего родного языка в современных условиях?»

Table 5

Distribution of answers to the question:
«How would you rate the resilience of your mother tongue in modern conditions?»

Варианты ответа	Частота	% от опрошенных
1	2	3
Находится в безопасности	6	3,2
Положение вызывает опасения	7	3,7

Продолжение таблицы

1	2	3
Находится под угрозой исчезновения	58	30,9
Находится в серьезной опасности	10	5,3
Находится в критическом состоянии	30	16,0
Затрудняюсь ответить	67	35,6
Нет данных	10	5,3
Итого	188	100,0

С незнанием родного языка связаны отрицательные ответы на вопрос о чтении газет и журналов на родном языке, всего 4,5% респондентов читают эти издания. Значительно больше респондентов иногда смотрят (слушают) теле(радио)передачи (22,6%), вместе с тем большая часть опрошенных (77%) ответили на данный вопрос отрицательно. Всего 6,1% респондентов исполняют песни, стихи на родном языке, а 45% – только на русском языке.

Значительное большинство респондентов (75,7%) высказались за сохранение родного языка, против – каждый пятый. При этом 61% респондентов не знают, что для этого необходимо сделать, а основная рекомендация «учить язык в школе и детском саду» (23,3%) видится слишком простой.

В заключение отметим следующее:

– больше половины респондентов назвали родным языком русский язык, что можно объяснить тем, что детство этих людей прошло в смешанных семьях, где русский язык выполнял коммуникативную функцию. Они себя идентифицируют как ханты и манси, при этом подавляющее большинство респондентов не владеют или слабо владеют родным языком и объясняют это отсутствием языковой среды, тем, что не научили в детстве. Данная ситуация характерна и в настоящее время: в семье и на работе все респонденты общаются на русском языке. Таким образом, родные языки уходят из среды коммуникации между родственниками, усугубляя ситуацию с сохранением родных языков коренных народов Севера;

– касаясь вопроса значения этнических языков для респондентов отметим, что большинство респондентов считают, что это языки их предков. Лишь незначительная доля респондентов ответили, что это их родной язык. Как видим, абсолютное большинство опрошенных утратило связь с языком своего этноса. Для этой категории родным языком стал русский язык;

– больше половины респондентов общественную значимость родного языка оценили как низкую. Данная оценка не зависит от образования респондентов;

– более половины респондентов высказали опасения о жизнестойкости родного языка. Значительное большинство респондентов считают, что необходимо сохранить родной язык, но не знают, что для этого необходимо сделать.

Таким образом, ситуация с сохранением хантыйского и мансийского языков на территории рассматриваемого района остается критической.

Литература

Хакназаров С. Х. Общественная значимость родных языков коренных малочисленных народов Югры: на примере Нефтеюганского района // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Ижевск, 2019. С. 288–290. {Khaknazarov S. Kh. Public significance of native languages of small indigenous peoples of Ugra: on the example of Nefteyugan district // Finno-Ugric world in the polyethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: collection of articles on the materials of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugrovedov. Izhevsk, 2019. P. 288–290.}

УДК 238

Ш.М. Холматова, г. Ташкент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Статья посвящена вопросам использования мультимедийного учебного материала на занятиях по русскому языку. Использование мультимедийных средств позволяет активизировать процесс обучения за счет наглядности, повысить эффективность преподавания русского языка, обогатить процесс обучения, преодолеть этнокультуроведческие барьеры при изучении русского языка.

***Ключевые слова**: мультимедийные средства, презентация, электронное пособие, моделирующие программы, адаптация.*

***USE OF THE MULTIMEDIA TRAINING MATERIAL AT THE LESSONS IN RUSSIAN IN THE CONDITIONS OF INTERACTIVE TEACHING METHODS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION**. The article is devoted to the use of multimedia educational material in learning the Russian language in class. The use of multimedia tools allows to intensify the learning process through visibility, to increase the effectiveness of teaching the Russian language and enrich the learning process, also to overcome ethno cultural barriers in learning the Russian language as well.*

***Keywords**: multimedia tools, presentation, electronic manual(handbook), modeling programs, adaptation.*

Современное общество диктует новые требования. Сегодня урок русского языка в национальных группах должен быть интересным, обучающим, развивающим и воспитывающим. Поэтому использование современных образовательных технологий на уроках русского языка в национальных группах, в частности, в группах с узбекским языком обучения – потребность сегодняшнего времени.

В работе преподавателей русского языка школ, лицеев, колледжей и неязыковых вузов нашей страны имеются существенные недостатки. К ним можно отнести следующие:

1) в ряде общеобразовательных учреждений не уделяется должного внимания интерактивным методам обучения, в частности, компьютеризации обучения и использованию на занятиях по языку электронных учебников и учебных пособий;

2) мало или почти отсутствуют дидактические материалы по новейшим технологиям, в частности, как планировать и использовать электронные учебники, учебные пособия, литературу и электронную библиотеку для обучения русскому языку;

3) практически нет электронных программ по преодолению препятствий при межкультурной коммуникации в процессе изучения инонационального текста;

4) не на всех кафедрах лицеев, профессиональных колледжей Республики Узбекистан ведется систематическая и планомерная работа по планированию и использованию электронных учебников и учебных пособий по изучению русского языка;

5) преподаватели в своих планах редко предполагают использование компьютерных технологий при изучении языков в условиях межкультурного общения.

Электронное мультимедийное учебное пособие, на наш взгляд, – это электронное издание, частично или полностью заменяющее учебное пособие или утвержденное в качестве данного вида издание. Электронное учебное пособие представляет собой комплект обучающих, контролирующих, моделирующих и других программ, размещаемых на магнитных носителях персональных компьютеров, в которых отражено основное научное содержание учебной дисциплины. Оно часто дополняет обычное пособие, а особенно эффективно в тех случаях, когда это пособие:

а) обеспечивает практически мгновенную связь;

б) помогает быстро найти нужную информацию;

в) существенно экономит время при многократных обращениях к гипертекстовым объяснениям;

г) позволяет быстро, но в темпе, наиболее подходящем для конкретного индивидуума, проверить знания по определенному разделу.

Использование электронного (мультимедийного) учебного пособия рекомендуется применять как в аудиторное время в компьютерном помещении учебного заведения, оборудованном для самостоятельной работы студентов, так и дома на персональном компьютере.

Электронное учебное пособие ставит следующие задачи:

1. Дать обучающимся круг знаний о важнейшем периоде развития русской литературы, представленном в творчестве русских поэтов и писателей;

2. Ознакомить студентов с фактами во многом новой для них картины мира, в частности, с реальными фактами русской культуры при изучении русской литературы XIX в.;

3. Преодолеть этнокультуроведческие барьеры при изучении русского языка;

4. Ознакомить студентов с особенностями исторической эпохи, событиями, национальными героями русского народа, с его духовными ценностями и многими фактами, встречающимися при изучении русского языка и литературы в узбекской аудитории;

5. Выработать с помощью целенаправленных действий коммуникативные и лексические умения и навыки при изучении инонационального произведения;

6. Активно вовлекать студентов в учебный процесс;

7. Преодолеть языковой барьер;

8. Научить студентов работать самостоятельно;

9. Рационально организовать самостоятельную работу в аудитории и вне нее;

10. Использовать дидактические материалы электронного учебного пособия для работы в режиме самоконтроля на учебном занятии и вне него.

Практическое занятие можно начать с коллективно-групповой работы, затем учащиеся могут перейти к самостоятельной работе, а преподаватель в это время начинает работать индивидуально с каждым, отключая от самостоятельной работы одного, затем другого обучаемого. Работать индивидуально преподаватель может лишь при условии, если задания будут выполнять и контролировать сами учащиеся. Индивидуализация обучения и адаптация к условиям компьютеризации осуществляется во время индивидуальной работы учащегося с электронным мультимедийным учебником. Это позволяет демократизировать обучение и сделать его доступным широким массам.

После изучения особенностей работы с электронным учебным пособием, принимая во внимание установки Национальной программы по подготовке кадров, учитывая языковые, культуроведческие и индивидуальные особенности учащихся в группах с узбекским языком обучения, можно сделать следующие выводы: электронные пособия учащиеся могут использовать как на занятии под руководством преподавателя, так и при самостоятельном изучении.

Итак, главная цель электронных учебных пособий – преодоление основных трудностей, связанных с усвоением специальных слов и конструкций, с их восприятием звучащей речи или при чтении текста. В конечном итоге они направлены на активизацию речевого материала, так как в результате должен появиться навык оперирования фонетическими, лексическими и синтаксическими элементами языковой системы. В электронных мультимедийных учебных материалах отрабатывается языковой материал, формируются речевые умения и навыки, анализируется содержание высказываемой мысли, а внимание студентов обращено на правильный выбор языковых средств.

Литература

Педагогика / под ред. С. А. Смирнова. М.: 2007. 313 с. {Pedagogy. Ed. S. A. Smirnova. Moscow, 2007. 313 p.}

Кариева Ш.М. Педагогические технологии в обучении русскому языку (методическое руководство для преподавателей). Ташкент, 2006. {Karieva Sh.M. Pedagogical technologies in teaching the Russian language (methodological guide for teachers). Tashkent, 2006.}

Ревицкий В.В. Формы и методы обучения русскому языку иностранных студентов в сфере профессионального общения. Минск, 1987. 200 с. {Revitsky V.V. Forms and methods of teaching Russian to foreign students in the field of professional communication. Minsk, 1987. 200 p.}

Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 278 с. {Passov E.I. Fundamentals of a communicative methodology of teaching foreign language communication. M.: Russian language, 1989. 278 p.}

УДК 37.013

М.К. Шарипова, г. Нур-Султан

«УЗНАВАЕМЫЕ» ТЮРКИЗМЫ, АРАБИЗМЫ, МОНГОЛИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются так называемые «узнаваемые» заимствованные слова тюркского, арабского, монгольского происхождения в русском языке. Особый интерес вызывает этнолингвистический, этимологический подход к анализу заимствованных слов в диахронии.

Рассматриваются пути заимствования иноязычной лексики. Автор анализирует языковые признаки, с помощью которых можно узнать, определить происхождение заимствованных слов.

Прослеживается поведение «мигрирующего лексического материала» (тюркизмы, арабизмы, монголизмы) в русском языке.

Ключевые слова: *этонокультурология, этимология, заимствованная лексика, диахрония, этнолингвистика.*

«RECOGNIZABLE» TURKISMS, ARABISMS, MONGOL LOANS IN THE RUSSIAN LANGUAGE*. This article discusses the so-called «recognizable» borrowed words of Turkic, Arabic, Mongolian origin in the Russian language.*

Of particular interest is the etnolinguistic, etymological approach to the analysis of borrowed words in diachrony. The ways of borrowing vocabulary are considered. Linguistic analysis can find out, determine the origin of borrowed words. The behavior of «migratory lexical material» (Turkisms, Arabisms, Mongol loans) in Russian is traced.

Keywords: *ethnoculturology, etymology, borrowing, vocabulary, diachrony, ethnololinguistics.*

Язык отражает этнокультурные, исторические связи этноса с другими этносами, и с его помощью можно получить ответ о культурно-историческом взаимовлиянии, взаимообогащении, взаимообусловленности, взаимозависимости народов.

Социальные, исторические условия не являются чем-то фиксированным, и выражающие их языковые единицы также не могут оставаться нетрансформированными в различные периоды развития языка.

Языковое развитие происходит не сразу и не одновременно, поэтому регулярные, закономерные для предыдущих эпох развития языка лексические и грамматические формы, вытесненные затем другими, не исчезают бесследно, а оставляют «след» в новом витке развития языка.

Обращение к лексическим заимствованиям в диахронии перспективно, так как изучение лексических единиц в древности и их лексико-семантической эволюции позволит выявить особенности семантики и функционирования современных языковых единиц, тем самым дать ответы на те вопросы, на которые синхроническая лингвистика без помощи диахронической ответить не сможет. «Система языка не может быть «свободной от истории», синхрония не может пренебречь диахронией, диахрония присутствует в синхронии» [Алимпиева, 1986, 71].

Особый интерес вызывает этнолингвистический подход к анализу заимствованных слов в диахронии. Этнолингвистика как наука исследует все то в языке, в чем нашли отражение современное бытие и история этноса, его материальная и духовная культура – не только в этнокультурной лексике, но и в ономастике, ассоциативных связях, идиоэтнических, пресуппозитивных и фоновых знаниях [Копыленко, 1997, 17].

В работе И.У. Асфандиярова «Восточная лексика в русском языке» находим: «До самого последнего времени заимствования русским языком тюркских (тюркизмы) и заимствования через тюркские языки из восточных в специальной литературе даются недифференцировано, как тюркизмы» [Асфандиярова, 1991, 38]. Ср. также: «Синонимичные данному понятию терминологические словосочетания “восточные заимствования”, “восточная лексика”, “восточные слова”, обозначают в первую очередь тюркскую лексику, а также арабские, персидские, монгольские слова, обогатившие словарный состав тюркских языков и, как правило, попавших в русский язык через посредство соседних тюркских народов» [Габдуллина, 2011, 5].

Язык способен хранить «следы далеких эпох», великие события в жизни народа, достижения и потери, положительный опыт и ошибки человеческого бытия. Для описания того, что стоит за

словом, необходим экскурс в прошлое, с тем чтобы ответить, почему именно этот образ связывается в сознании того или иного этноса с данным словом.

Интерес современного человека к прошлому, истории, истокам культуры заставляет внимательно всмотреться в языковые единицы – трансляторы культуры.

Любой языковой контакт обязательно предполагает взаимовлияние, взаимообогащение языков, иначе нет смысла для контактов. Свидетельством контактов языков и культур является заимствование. Л.В. Щерба отмечал важность исследования двуязычия как основы заимствования [Щерба, 1956, 52].

Известно, что своеобразие языка обусловлено двумя факторами: происхождением языка и взаимодействием его с другими языками, то есть языковыми контактами. Эти два фактора представляют собой две противоположные силы, которые формируют непохожесть отдельного языка на другие. Контакты языков – это наиболее заметные события языковой истории, которые сильнее всего изменяют облик языка [Мечковская, 200, 169].

Через посредство тюркских языков в русский, как и в западноевропейские языки, попали также и слова арабского и персидского происхождения, имеющие поэтому лингвистический статус тюркизмов.

Тюркские заимствования (тюркизмы) имеют широкое значение в русском языке. Этим термином в лингвистической науке обобщают русские слова, пришедшие к нам одновременно изо всех тюркских языков – или напрямую, или опосредованно (чаще всего – из персидского и арабского).

Большинство заимствованных слов (тюркизмов, арабизмов, монголизмов), претерпевая изменения на разных уровнях заимствующего языка, в разные периоды, узнаваемы.

Не случайно, характеризуя «мигрирующий лексический материал», Л.П. Крысин ставит вопрос: в равной ли мере все иноязычные слова могут усваиваться лексической системой заимствующего языка или существуют определенные факторы, которые препятствуют вхождению некоторых разрядов иноязычных слов в эту систему? [Крысин, 1968, 32].

Например, одним из «узнаваемых» показателей заимствования из арабского языка в русский являются арабские форманты – *ал* – \ – *аль* –, которые присутствуют в словах: *алгебра*, *алгоритм*, *алхимия*, *Алголь*, *алкоголь, Альтаир, альманах*.

Слово *алгебра* произошло от книги арабского математика Мухаммеда аль – Хорезми «Китаб аль – джабр аль – мукабалла». Ученый решал уравнения с помощью двух приемов: *алджебр* – «восстановление», *алмукабалла* – «противопоставление» [Глейзер, 2000, 143–144].

А слово *алгоритм* произошло от самого имени ученого аль – Хорезми.

Алхимия – с арабского *al – kimia* – означало в Средние века мистическую науку, которая была направлена на поиски философского камня как средства для превращения простых металлов в драгоценные [Крылов].

Алголь – слово используется как термин в астрономии – «*Звезда в созвездии Персея*», также называют *«Голова Медузы»,* потому что в изображении созвездия Персея Алголь изображался как глаз отрубленной головы Горгоны Медузы. В языке-источнике означает «*сурьма, тонкий порошок, спирт*» – в русском языке этому слову есть синонимы – *этиловый спирт*, *алкогольные напитки.*

Как мы видим, в арабском языке *al* произносится мягко, например, как в словах *аль* – Фараби, *аль* – Хорезми. В языке-источнике *al* – это определенный артикль, который пишется всегда через дефис с другими словами, в русской орфографии пишется слитно со словом.

Артикль означает определенное, точное место «*из города Хорезм*» или «*из района Фараба*». Город Отырар арабы называли Фарабом. Арабы называют людей по месту их рождения.

В слове *Альтаир* тоже пишется мягкий знак, так назвали самую яркую звезду в созвездии Орла, это название происходит от арабского «*ан – насрат – таир*», которое означает «парящий орел», «летун», «летящий».

Альманах – в русском языке означает «литературный сборник», а в арабском данное слово означало «*климат*», «*солнечные часы*».

Если слово *Манах* употребляется без *аль,* значит, речь идет «вообще о погоде», а если употребляется с *аль,* то говорится о погоде определенной, конкретной местности, например: *аль-монах Хорезм* или *аль – Муалим Альтаира,* то есть это значит учитель Альтаира.

А в словах *алгебра*, *алгоритм*, *алхимия*, *Алголь*, *алкоголь* артикль утерял свою мягкость, поэтому в этих словах буква *л* произносится твердо.

Причиной вариативности «*ал*» или «*аль*» арабских слов в русском языке является то, что эти слова пришли в русский язык опосредованно, то есть не прямо из арабского языка, а пришли через другие

языки. Некоторые эти слова, переходя из одного языка в другой, претерпевали изменения фонетические, орфографические, орфоэпические.

Слово *Альбатрос* помимо русского языка употребляется в английском *albatross,* фрацузском, испанском – *albatros*, португальском – *albatroz*.

Слово возникло первоначально в арабском языке *al-qáṭras* [Мыркасымова, 2020, 152–154].

Для определения тюркских заимствований прежде всего считается фонетический признак – сингармонизм гласных, в русском языке дающий повторение одного и того же гласного в слове: *казарга*, *байдана*, *барабан*, *аркан*, *тамга*, *набат*, *арба*, *аргамак, арчак, алафа* (повторяются *а*); *бутурлык*, *бунчук*, *тулумбас*, *укрюк* (повторяются *у*); морфологическим признаком для некоторых слов тюркского являются конечные *-лык* и *-ча*: *башлык*, *басалык*, *бутурлык*, *каланча*, *парча, камча*.

Например, гласные звуки, не совпадающие с русскими (или не свойственные русскому языку), передаются по-разному: сочетание гласных древнетюркское *boatur* (батыр), *surtuk* (сердюк), *nukak – nőkők* (нукер), *văzir* (визирь).

В восточнославянские языки заимствовались не только отдельные тюркские слова, но и различного рода грамматические элементы, пока еще недостаточно изученные славистами и тюркологами. К числу таких заимствований относят, например, кальки – образования аналитических видовых конструкций типа русских разговорных форм: *давай бери* < тюркское *ala ber* «возьми, возьми же, давай возьми, давай бери» [Юналеева, 2000, 45]. Различные виды калькирования тюркских слов и выражений представляют собой результат «взаимодействия национальных сознаний» коммуникантов. Например, употребляющиеся на Руси еще с 1375 г. «исконно русские» слово *челобитная* и фразеологизм *бить челом* – это тюркские кальки, возникшие в результате перевода среднеазиатских челобитных.

В «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л.З. Будагова приводятся соответствия: *баш урмак*, *баш куймак* «просить, бить челом» [Кулмаматов, 2011, 5]. В современных тюркских языках это выражение употребляется и сейчас: казахск. *бас уру* «бить челом; высказывать знак покорности; беспрекословно слушаться»; татарск. *баш ору* «бить челом; кланяться, класть земные поклоны»; узбекск. *бош урмок* «кланяться; класть земные поклоны; бить челом» и др. [Кулмаматов, 2011, 4–8].

Для определения монгольских заимствований одним из признаков является фонетический признак – наличие долгих гласных фонем, которые претерпевают изменения в русском: *харуул – караул, засуул – есаул, хонуур – конура, идээ – еда, бөөс – вошь, алаач – палач* [Гумилев, Монголизмы в русском языке, (Электронный ресурс)].

Слово, путешествуя из одного языка в другой, меняясь, обновляясь значениями, иногда остается еще узнаваемым.

Литература

Алимпиева В.В. Семантическая значимость слова и структура ЛСГ. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 177 с. {Alimpieva V.V. The semantic meaning of the world and the structure of LSH. Leningrad: publishing house Leningrad University, 1986. 177 p.}

Асфандияров И.У. Восточная лексика в русском языке. Ташкент: Фан, 1991. 247 с. {Asfandiyarov I.U. Oriental vocabulary in Russian. Tashkent: Fan, 1991. 247 p.}

Габдулллина Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2011. 40 с.{Gabdullina G.Kh. Oriental borrowings in the language of Muscovite Russia: Author's. dis. ... doc. filol. Science. Kazan, 2011. 40 p.}

Глейзер Г.И. История математики в школе. М.: Просвещение, 1999. 200 с.{Gleizer G. I. History of mathematics at school. Moscow: Education, 1999. 200 p.}

Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. Алматы: Евразия, 1997. 178 с. {Kopulenko M.M. Basics of ethnololinguistics. Almaty: Eurasia 1997. 178 p.}

Крылов Г.А.Этимологический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/krylov.{Krylov G.A. Etymological Dictionary. [Electronic resource]. Access Mode: https://gufo.me/dict/krylov}

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с. {Krusin L.P. Foreign words in modern Russian. Moscow: The science, 1968. 208 p.}

Кулмаматов Д.С., Панжиев Н.П., Махматкулов С.М. Проблемы языковых контактов и трансформационного анализа. Термез, 2001. 110 с.{ Kulmamatov D.S., Panzhiev N.P., Makhmatkulov S.M. Problems of language contacts and transformational analysis. Termez, 2001. 110 p.}

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с. {Mechkovskaya N.B. Social linguistics. Moscow: Aspect Press, 2000. 207 p.}

Мыркасымова А.Н. Арабские слова на «ал» и «аль» в русском языке. Русский в XXI веке: исследования молодых: материалы VII международной студенческой конференции. Нур-Султан: Изд-во ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, 2020. С. 152–154. {Myrkassymova A.N. Arabic words in “al” and “al” in Russian. Russian in the 21st Century: Young Studies: Proceedings of the VII International Student Conference. Nur-Sultan: Publishing House of the ENU named after L.N. Gumilyov, 2020. P. 152–154.}

Центр Льва Гумилева. Монголизмы в русском языке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gumilev-center.ru/mongolizmy-v-russkom-yazyke/.{Mongolisms in Russian. Center of Lev Gumilyov. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.gumilev-center.ru/mongolizmy-v-russkom-yazyke/}

Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. М., 1958. Т. 1. С. 40–53. {Shcherba L.V. On the concept of mixing languages // Shcherba L.V. Selected works on linguistics and phonetics. Moscow, 1958. T. 1. P. 40–53.}

Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). Казань: Таглимат, 2000. 172 с. {Yunaleeva R.A. Türkisms of the Russian language (problems of polyaspect research). Kazan: Taglimat, 2000. 172 p.}

УДК 15.41.35

А.О. Шоманбаева, Ж.А. Жунисбекова, г. Шымкент

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ОКРУЖЕНИИ

В период с 2014 по 2019 год нами было осуществлено этнопсихологическое исследование по изучению ценностно-мотивационных структур и динамики проявления этнических предубеждений у студентов русского и казахского этносов г. Шымкента с целью определения психологических механизмов, способствующих формированию у молодежи позитивной этнической идентификации и этнической толерантности.

Результаты, полученные в ходе эмпирического исследования по изучению особенностей национального характера, ценностных структур личности и этнических предубеждений студентов, были использованы в разработке социально-психологических тренингов «Этнокультурный ассимилятор» и «Подготовка к межэтническому и межконфессиональному взаимодействию в условиях полиэтнического окружения». Тренинги были апробированы при обучении студенческого актива в ходе работы республиканского форума студенческой молодежи (Шымкент, июль-август 2015 г.) и внедрены в учебный процесс подготовки практических психологов.

В настоящей статье представлены результаты 1-го этапа комплексного научного исследования по изучению этнолингвистического поведения студенческой молодежи г. Шымкента.

***Ключевые слова**: этническое самосознание личности, национальный язык, этнодифференцирующие, этноинтегрирующие, этноидентифицирующие признаки.*

***STUDY OF FEATURES OF ETHNOLINGUISTIC BEHAVIOR OF STUDENTS IN A MULTI-ETHNIC EDUCATIONAL ENVIRONMENT**. In the period from 2014 to 2019 we conducted an ethnopsychological recearch on the study of value-motivational structures and dynamics of ethnic biases among students of the Russian and Kazakh ethnic groups in Shymkent in order to determine the psychological mechanisms that contribute to the formation of positive ethnic identification and ethnic tolerance among young people.*

The results obtained in the course of an empirical study of the peculiarities of national character, value structures of personality and ethnic biases of students were used in the development of socio-psychological trainings "ethno-Cultural Assimilator" and "Preparation for interethnic and interfaith interaction in a multi-ethnic environment". The training courses were tested while training of student activists during the Republican forum of student youth (Shymkent, July-August 2015) and introduced into the educational process of training practical psychologists.

This article presents the results of the 1st stage of a comprehensive scientific study on the research of ethnolinguistic behavior of student youth in Shymkent.

***Keywords**: ethnic self-consciousness, the national language, ethnic differential, ethnoidentification signs.*

Важнейший показатель этнического самосознания есть язык представителей этнических групп, выступающий носителем широкого набора символов единства членов данного этноса, их сходства между собой и отличия от других. Язык этноса – средство не только пробуждения этнического самосознания, но и усвоения этнической истории, духовных ценностей, вкусов, мыслей и чувств [Issahanova, 2012, 927–930; Aimaganbetova, 2019, 252–260; Jumageldinov, 2014, 410–414; Berdibayeva, 2016, 782–789; Sakhiyeva, 2014, 415–419].

Нам удалось выяснить, в какой мере язык служит средством общения как внутри изучаемого этноса, так и за его пределами; в каких жизненных сферах он используется больше или меньше; какой другой язык, в каких сферах и в какой мере сопутствует языку данного этноса; какова степень устойчивости данного языка в условиях языкового существования; как люди относятся к родному языку своего этноса с помощью модифицированного этнопсихологического опросника Г.В. Старовойтовой. Вопросы анкеты были переведены на казахский язык и проверены методом обратного перевода [Шоманбаева, 2008, 26].

В качестве респондентов нашего исследования выступили 402 студента, обучающихся на русском и казахском отделениях (экономический, исторический и психологический специальности)

Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (ЮКГУ) и университета «Мирас» (г. Шымкент).

Опрошено 240 респондентов казахской национальности, обучающихся в группах с русским ($К^{П}$) и казахским языком обучения ($К^{М}$), 96 – русской национальности, обучающихся в моно- ($Р^{М}$) и полиэтнических ($Р^{П}$) по составу учебных группах, 66 – других национальностей. Протоколы опроса последних респондентов в исследовании не анализировались. В исследовании приняли участие 223 девушки и 179 юношей. Расчет репрезентативности выборки показал достоверную вероятность, равную 99,6% [Шоманбаева, 2008, 26].

При фиксировании результатов уровня компетентности в этническом и втором языках были выявлены статистически достоверные различия по группам респондентов: русские моноэтнических ($Р^{М}$) групп и казахи моноэтнических групп ($К^{М}$); казахи полиэтнических ($К^{П}$) и моноэтнических ($К^{М}$) групп и совпадения в диаде $Р^{М} – Р^{П}$, а также тенденция сближения $К^{П} – Р^{П}$ по конативному компоненту (языковому поведению) ценностных ориентаций. По χ^2-критерию Пирсона различия оказались выше критичного показателя, что говорит о достоверности результатов. Это подтверждается данными, представленными в таблицах 1, 2.

Таблица 1

Показатели владения национальным языком в выборочной совокупности

Ситуации владения языком	$К^{М}$	$К^{П}$	$Р^{М}$	$Р^{П}$
1	2	3	4	5
Свободно говорят, читают и пишут на родном языке	100% (122 чел.)	50% (59 чел.)	100% (48 чел.)	100% (48 чел.)
Свободно говорят, но не читают и не пишут на родном языке	–	23% (27 чел.)	–	–
Понимают и могут объясняться на родном языке	–	25% (30 чел.)	–	–
Не владеют своим родным языком	–	2% (2 чел.)	–	–
Свободно говорят, читают и пишут на русском (казахском) языках	16,3% (20 чел.)	100% (118 чел.)	–	–
Свободно говорят, но не читают и не пишут на русском (казахском) языках	15,55% (19 чел.)	–	–	–
Понимают и могут объяснить на русском (казахском) языках	68% (83 чел.)	100% (118 чел.)	15% (7 чел.)	33,3% (16 чел.)
Не владеют русским (казахским) языком	–	–	85% (41 чел.)	66,7% (32 чел.)
Говорят дома только на родном языке	80% (98 чел.)	45,8% (54 чел.)	100% (48 чел.)	100% (48 чел.)
Говорят дома в одинаковой степени на родном и русском (казахском) языках	20% (24 чел.)	35% (41 чел.)	–	–
Говорят дома только на русском (казахском) языке	–	19,2% (23 чел.)	–	–
С друзьями своей национальности говорят только на родном языке	92,6% (113 чел.)	15% (18 чел.)	100% (48 чел.)	87,5% (42 чел.)
С друзьями своей национальности говорят в одинаковой степени на родном и русском (казахском) языках	7,3% (9 чел.)	48% (57 чел.)	–	12,5% (6 чел.)
С друзьями своей национальности говорят на русском (казахском) языках	–	37% (44 чел.)	–	–

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
К человеку своей национальности обратились бы только на родном языке	89% (108 чел.)	35% (41 чел.)	87,5% (42 чел.)	75% (36 чел.)
К человеку своей национальности обратились бы на русском (казахском) языке	–	20% (24 чел.)	–	–
Обращение зависит от ситуации	11,4% (14 чел.)	45% (53 чел.)	12,5% (6 чел.)	25% (12 чел.)

Таблица 2

Показатели владения казахским языком (%)

Степень владения казахским языком	$К^{м}$	$К^{п}$	$Р^{м}$	$Р^{п}$
Казахским языком не владею совсем	–	2,5% (3 чел.)	35,4% (17 чел.)	25% (12 чел.)
Не владею, но понимаю некоторые фразы	–	2,5% (3 чел.)	54,1% (26 чел.)	45,8% (22 чел.)
Понимаю речь, но объясниться не могу	–	5% (6 чел.)	10,4% (5 чел.)	8,2% (4 чел.)
Понимаю речь и могу с трудом объясниться	–	25,4% (30 чел.)	–	21% (10 чел.)
Свободно говорю и читаю, но не пишу	–	15,2% (18 чел.)	–	–
Свободно говорю, читаю и пишу	100% (122 чел.)	49,5% (58 чел.)	–	–

Все студенты казахского отделения являются абсолютно компетентными носителями казахского языка. Свободно владеют русским языком 3% из них, 11% находятся на уровне социального общения; 78% – бытового, 8% – на уровне понимания. 50% казахов полиэтнических групп являются высоко компетентными носителями казахского языка, 18% находятся на уровне социального общения, 25% – бытового общения, 5% – на уровне понимания, 2% не владеют языком вообще. Студенты казахского этноса, полиэтнических по составу групп, свободно и адекватно владеют русским языком.

В целом выявлена *привязанность студентов к этническому языку*. В ходе беседы и интервью замечено, что в среде казахов полиэтнических групп степень владения казахским языком респондентами преувеличена и в большей степени носит декларативный характер. (Напомним, что студенты казахского этноса полиэтнических групп – это по преимуществу выпускники городских школ с русским и казахским языком обучения, а также представители полиэтнических семей) Другими словами, наблюдается рассогласование между реальным и проективным языковым поведением казахов в группах с русским языком обучения. Это, возможно, объясняется попыткой защитить свою самооценку в ситуации неадекватного владения высокостатусным в настоящее время казахским (родным для них) языком.

Аналогичная тенденция наблюдается у студентов русского этноса полиэтнических по составу учебных групп, где выражена направленность на овладение казахским (государственным) языком, мотивированное стремлением русских сохранить свой социальный статус. Эти студенты абсолютно не исключают для себя вариант общения с друзьями казахского этноса на их родном языке (табл. 1). Выявленная у русских студентов полиэтнических групп направленность на изучение казахского языка – основного ретранслятора культуры казахов, стимулирует процесс их приобщения к национальным ценностям и самобытности казахского этноса и, возможно, приводит к заимствованиям во внутренней ментальной структуре.

Характерной особенностью языкового общения казахского этноса (в большей степени – казахов полиэтнических групп) является *двуязычие* (родной и русский язык) в сфере не только межнациональных, но и внутринациональных контактов (табл. 1). Координативный билингвизм демонстрируют

двуязычные казахи с равновысоким уровнем социального и адекватного общения. Далее мы рассмотрим, как компетентность в этническом и втором языках оказывает влияние на содержание и проявление этнической идентичности у исследуемых этнических подгрупп.

Данные ранговой корреляции Спирмена показывают тесную связь между испытуемыми в подгруппах $Р^{П}$ и $К^{П}$ ($r_{Sэмп}$ = 0,99); $К^{М}$ и $К^{П}$ ($r_{Sэмп}$ = 0,7) и невыраженность корреляции в диадах $К^{М}$ – $Р^{М}$ ($r_{Sэмп}$ = 0,4); $Р^{М}$ – $Р^{П}$ ($r_{Sэмп}$ = 0,75). Это свидетельствует о расхождении в приоритетах этнических ценностей в самоидентификации казахов и русских моноэтнических групп и совпадений ценностей у респондентов в полиэтнических группах. Отметим также более выраженную степень совпадения критериев идентификации у казахов (моно- и полиэтнических групп) в сравнении с русской выборкой (моно- и полиэтнических групп).

На основании экспериментальных данных опросника сформулированы следующие выводы: 1. Выявлена привязанность студентов к этническому языку; 2. Характерной особенностью языкового общения казахского этноса (по преимуществу казахов полиэтнических групп) является двуязычие в сфере межнациональных и внутринациональных контактов. Координативный билингвизм демонстрируют двуязычные казахи с равновысоким уровнем социального и адекватного общения; 3. Наблюдается рассогласование между реальным и проективным языковым поведением русских и казахов полиэтнических групп; 4. Компетентность в этническом и втором языках оказывает влияние на содержание и проявление этнической идентичности у исследуемых этнических подгрупп [Шоманбаева, 2008, 26].

Литература

Aimaganbetova O.Kh., Zhantikeyev S.K., Adilova E.T., Sadvakassova Z.M. l gender, Kasym L. Influence of culture on psychological differences // Вестник КаЗНМУ. Серия психологии и социологии. 2019. № 2. С. 252–260.

Berdibayeva S., Kozhamzharova D., Atakhanova G. Psychological features of the value sphere structure of titular ethnic group of Kazakhstan. 31st International Congress of Psychology. Japan, 2016. P. 782–789.

Issahanova A.A., Jakupov S.M., Madalieva Z.B., Tolegenova A.A. Psychological Research of Ethnic Prejudices World Academy of Science, Engineering and Technology International Journal of Psychological and Behavioral Sciences. Vol. 6. No 5. 2012. P. 927–930.

Askar Jumageldinov ethnic identification, social discrimination and interethnic relations in Kazakhstan. – ELSEVIER. Procedia-Social and Behavioral Sciences. Vol. 114. 2014. P. 410–414.

Sakhiyeva F.A., Berdibayeva S.K., Shomanbayeva A.O. Identity as an Ethnic Identity Aggregate Value Orientations. ELSEVIER. Procedia-Social and Behavioral Sciences. Vol. 114. 2014. P. 415–419.

Шоманбаева А.О. Взаимосвязь ценностных ориентаций и этнических предубеждений личности в условиях полиэтнического окружения: автореф. дис. … канд. психол. наук. Ярославль, 2008. 26 с. {Shomanbayeva A.O. The relationship of value orientations and ethnic biases of the individual in a multiethnic environment. Author's abstract of Ph. D thesis. Yaroslavl, 2008. 26 p.}

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ОНОМАСТИКА

УДК 811.512.1

Адилхан Адилогълу, г. Анталия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ ТУРЦИИ

На карачаево-балкарском языке разговаривают примерно 350 тысяч человек, которые в настоящее время проживают в Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской автономных республиках Российской Федерации, где карачаево-балкарский язык является официальным литературным языком. Вслед за Российской Федерацией на нем больше всего говорят в Турции. В Турции проживает карачаево-балкарская диаспора из 30 тысяч человек, эмигрировавших из России в различные годы. Сегодня потомки карачаево-балкарцев, которые приехали и поселились в Турции около 140 лет назад, продолжают говорить на своем родном карачаево-балкарском языке, который, несмотря на относительно устойчивое сохранение грамматических особенностей языка, претерпевает изменения под влиянием турецкого языка.

***Ключевые слова**: карачаево-балкарский язык, турецкий, Россия, Турция.*

***LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE SPOKEN IN TURKEY**. The Karachay-Balkar language is spoken approximately by 350 thousand people who lives in the Karachay-Cherkess and Kabardino-Balkaria Autonomous Republics of the Russian Federation at the present time and ie is used as the official and literary language as well. Following the Russian Federation it is spoken most in Turkey. A Karachay-Balkar diaspora of 30 thousand people, who emigrated from Russia in different years, lives in Turkey. Today, the descendants of Karachay-Balkarians who came and settled in Turkey approximately 140 years ago continue speaking their native language – Karachay-Balkarian. This language relatively preserving its grammatical features is under a great influence of Turkish.*

***Keywords:** Karachay-Balkar language, Turkish, Russia, Turkey.*

TÜRKİYE'DE KONUŞULAN KARAÇAY-MALKAR TÜRKÇESİNİN DİLBİLİMSEL ÖZELLİKLERİ

Giriş

Karaçay-Malkar Türkçesi günümüzde yoğun olarak Rusya Federasyonuna bağlı Karaçay-Çerkes Özerk Cumhuriyeti ile Kabardey-Balkar Cumhuriyetinde yaşayan yaklaşık 350 bin kişi tarafından konuşulmaktadır. Bu dil aynı zamanda Rusya Federasyonunda resmî yazışma ve edebiyat dili olarak kullanılmaktadır. Bu dil, Rusya Federasyonundan sonra en fazla Türkiye'de konuşulmaktadır. Türkiye'de, yoğun olarak 1885 ve 1905 yıllarında, bugünkü Karaçay-Çerkes ve Kabardey-Balkar bölgelerinden muhtelif sebeplerle göç ederek gelip yerleşen bir Karaçay-Malkar diasporası yaşamaktadır. Bu diasporanın toplam nüfusuyla ilgili resmî ve kesin bir bilgi olmamakla birlikte bu rakamın yaklaşık 30 bin kişi olduğu tahmin edilmektedir.

Yaklaşık 140 yıl önce ata yurtlarından göçerek Türkiye'ye gelip yerleşen Karaçay-Malkarların 3, 4 ve 5. kuşaktan torunları bugün ana dilleri olan Karaçay-Malkar Türkçesini bu dilin gramer özelliklerini de 'nispeten' muhafaza etmek suretiyle ve elbette Türkiye Türkçesinin de büyük tesiri altında konuşmaya devam etmektedirler.

Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin belli başlı ve en çok dikkat çeken dil özellikleri, Karaçay-Çerkes ve Kabardey-Balkar özerk cumhuriyetlerinde kullanılan Karaçay-Malkar Türkçesi yazı diliyle de mukayese etmek suretiyle aşağıda ana başlık altında ve maddeler halinde özetlenerek verilmiştir.

I. Fonetik Özellikler

1. Karaçay-Malkar Türkçesinde arka damağın daha gerisinde, küçük dile yakın bir bölgede teşekkül eden */ķ/ (q ~ къ)* ünsüzünün bazı kelimelerde sızıcılaşarak Arapçadaki */ḫı/* (خ) ünsüzüne benzeyen */ḫ/ (χ ~ x)* ünsüzünün Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde genellikle */ġ/ (γ)* ünsüzüne, hatta bazen Türkiye Türkçesindeki kalın ünlülü sırada teşekkül eden arka damak */g/* ünsüzüne dönüştüğü müşahede edilmektedir. Söz konusu bu ünsüzün yer aldığı kelimeler Karaçay-Malkar Türkçesi yazı dilinde */ḫ/ (x)* harfiyle

sabitlenmiştir: *açġıç < açḫıç ~ ачхыч* (anahtar), *ḳoçġar < ḳoçḫar ~ къочхар* (koç), *aşġı < aşḫı ~ ашхы* (iyi, güzel), *çıçġan < çıçḫan ~ чычхан* (sıçan, fare), *baçġa < baçḫa ~ бачха* (bahçe).

2. Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde *bol-* (olmak) fiilinin öğrenilen geçmiş zaman teklik 3. şahıs çekiminde genellikle fiil tabanındaki */l/* ünsüzünün düştüğü görülmektedir: *tas boġant < tas bolġandı ~ мас болгъанды* (kaybolmuş ~ kayıp olmuş).

3. Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde fiillerin öğrenilen geçmiş zamanın çekiminde teklik 3. şahıs *-dI / -dU* ekinin genellikle *d > t* tonsuzlaşması ve ekin sonundaki ünlü sesin düşmesi sonucu *-t* şekline dönüştüğü müşahede edilmektedir: *barġant < barġandı ~ баргъанды* (gitmiş), *kelgent < kelgendi ~ келгенди* (gelmiş), *ḳaçġant < ḳaçḫandı ~ къачханды* (kaçmış).

4. Türkiye'de bilhassa Tokat ili Sulusaray ilçesine bağlı Arpacıkaraçay köyünde (ve bu köye mensup olup da başka yerlerde yaşayan kişilerce) konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde arka damak */ḳ/* ünsüzünün tonlulaşarak */g/* sesine dönüştüğü müşahede edilmektedir. Örnekler: *gayda < ḳayda ~ къайда* (nerede), *gırıl- < ḳırıl- ~ къырыл-* (kırılmak, yok olmak), *guv- < ḳuv- ~ къуу-* (kovmak), *guy- < ḳuy- ~ къуй-* (dökmek, koymak), *gıyır < ḳıyır ~ къыйыр* (kıyı, kenar), *gıçır- < ḳıçır- ~ къычыр-* (bağırmak), *goy < ḳoy ~ къой* (koyun) [Çinpolat, 2016: 106–115].

5. Eski Türkçedeki *birle* edatından gelişen, Karaçay-Malkar Türkçesinde hem bağlaç görevinde ve hem de vasıta hâli eki olarak kullanılan *bıla* (ile) edatı, Karaçay-Malkar Türkçesi yazı dilinde *бла* (bla) şeklinde ve kendisinden önce gelen kelimeden daima ayrı yazılmaktadır. Sovyet dönemi öncesinde Karaçay-Malkar Türkçesi ve Arap alfabesiyle basılmış birkaç eserde bu edatın bağlaç görevinde *bıla* بِلَه (ile) şeklinde, vasıta hâli eki görevinde ise tarihî vasıta hâli eki olan *-n* ekiyle birleşmiş olarak *bılan* بِلَانْ (ilen) şeklinde yazıldığı görülmektedir: *eri bıla ḳatını* اَر بِلَه قَاتِن 'kocası ile karısı' [Balkarî, 1909: 8], *anı ḳulları bıla kesini arasında* اَنِى قۇلَرِى بِلَاه كَسِنِى 'O'nun kulları ile kendisi arasında' [Karaşay, 1912: 6]; *ḳıbtıları bılan* قِبْتِلَر بِلَانْ 'makaslarıyla' [Balkarî, 1909: 23], *kiyimleri bılan* كِيمْلَرِي بِلَانْ 'giyimleriyle', *razılığı bıla* رَاضِى لِغِى بِلَانْ 'razılığıyla', *zor bılan* ضۇرْ بِلَانْ 'zorla' [Karaşay, 1912: 4–8].

Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde *bıla* (ile) edatının kullanımıyla ilgili hususlara gelecek olursak; birincisi bu edatın *bıla* ve *bla* şekillerinin yanı sıra Türkiye Türkçesinin tesiriyle *'bile', 'ble', 'la', 'le'* şekillerinin de kullanıldığı; ikincisi ise bu edatın gerek bağlaç işlevinde olsun ve gerekse vasıta hâli işlevinde kullanıldığı zaman kendisinden önce gelen kelimeyle daima duraksız şekilde, yani birleşik hâlde söylendiği müşahede edilmektedir: *menibile, menible, menile, menle* (benimle), *anıla* (onunla), *eribile ḳatını* (kocasıyla karısı), *senile birge* (seninle birlikte), *arbabıla, arbala* (arabayla), vb. [Günay, 2017: 112].

II. Morfolojik Özellikler

1. Karaçay-Malkar Türkçesinin şekil bilgisi bakımından Türkiye Türkçesinden en belirgin farklarından birisi de öğrenilen geçmiş zaman çekiminin *-gAn / -ḫan* ekiyle yapılmasıdır. Türkiye Türkçesinde ise bu çekim *-mIş / -mUş* ekleriyle yapılmaktadır. Günümüzde ise söz konusu bu *-mIş / -mUş* ekleri Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin tamamına sirayet etmiş durumdadır. Yani Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin tamamında öğrenilen geçmiş zaman çekimi artık *-gAn / -ḫan* ekleriyle birlikte *-mIş / -mUş* ekleriyle de yapılmaktadır. Bu iki ekin kullanılma oranının günümüzde neredeyse yarı yarıya olduğunu söyleyebiliriz. Söz konusu bu *-mIş / -mUş* eklerinin bilhassa teklik 3. şahıs çekiminde çokça kullanıldığı müşahede edilmektedir: *barmış < barġandı ~ баргъанды* (varmış, gitmiş), *kelmiş < kelgendi ~ келгенди* (gelmiş), *körmüş < körgendi ~ кёргенди* (görmüş), vs.

2. Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin en önemli morfolojik özelliklerinden bir diğeri de Türkiye Türkçesine mahsus bazı fiil tabanları ile Karaçay-Malkar Türkçesine mahsus fiil çekim ve şahıs eklerinin birlikte kullanılmasıdır: *seyreterbiz < ḳararbız ~ къарарбыз* (seyrederiz), *saygı duyarbız < hurmet eterbiz, sıy berirbiz ~ хурмет этербиз/сый берирбиз* (saygı duyarız), *dinlengenleri saġatda < soluġanları saġatda/zamanda ~ солугъанлары сагъатда/заманда* (dinlendikleri sırada), *çalışama < işleyme ~ ишлейме* (çalışıyorum), *konuşabız < söleşebiz ~ сёлешебиз* (konuşuyoruz), *neyapasa < netese ~ немесе* (ne yapıyorsun, nasılsın), vb.

3. Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde görülen önemli morfolojik özelliklerinden bir başkası da Türkiye Türkçesinden girmiş olan *-IncA*, *-ken* ve *-mAdAn* zarf-fiil ekleridir. Söz konusu bu zarf-fiil ekleri Rusya Federasyonu sınırları içesinde konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesi konuşma ve yazı dilinde yoktur.

-IncA (~ KM. *-gAnlAy, -gAnlAyIn, -gAndA*): *barınca* 'varınca, gidince' (~ KM. *barġanlay, barġanlayın, barġanda*), *kelince* 'gelince' (~ KM. *kelgenley*, *kelgenleyin, kelgende*), *körünce* 'görünce' (~ KM. *körgenley, körgenleyin, körgende*), vb.

-ken (~ KM. *-a, -e, -y + turub / turġanlay*): *barırken* ‘giderken’ (~ KM. *bara turub, bara turġanlay*), *kelirken* ‘gelirken’ (~ KM. *kele turub, kele turġanlay*), kararken ‘bakarken’ (~ KM. *karay turub, karay turġanlay*), vb.

-mAdAn (~ KM. *-mAy, -mAyIn, -mAgAnlAy, -mAgAnlAyIn*): *barmadan* ‘gitmeden’, (KM. *barmay, barmayın, barmaġanlay, barmaġanlayın*), *kelmeden* ‘gelmeden’ (KM. *kelmey, kelmeyin, kelmegenley, kelmegenleyin*).

4. Tokat ilindeki Arpacıkaraçay ve Çilehane köylerinde konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde yeterlilik fiilinin geniş zaman olumsuz çekiminde zamir kökenli çokluk 3. şahıs *-bIz* / *-bUz* eklerinin yanı sıra iyelik kökenli çokluk 3. şahıs *-k* ekinin de sıklıkla kullanıldığı görülmekte, hatta bu ekin kimi zaman sızıcılaşarak *-ḫ* şeklini aldığı da müşahede edilmektedir: *baralmaḳ ~ baralmaḫ < baralmabız ~ baralmazbız ~ бараллмабыз ~ бараллмазбыз* (varamayız), *ketalmaḳ ~ ketalmaḫ < ketalmabız ~ ketalmazbız ~ кеталлмабыз ~ кеталлмазбыз* (gidemeyiz).

5. Tokat ili Almus ilçesine bağlı Çilehane köyünde konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde şahıs eklerinin standart şekillerinin yanı sıra farklı şekillerinin de kullanıldığı görülmektedir. İlk olarak; fiillerin şimdiki zaman çekiminde kullanılan zamir kökenli teklik 1. ve 2. şahıs ekleri olan *-mA* ve *-sA* şekillerinin yanı sıra kimi zaman *-mAn* ve *-sAñ* şekillerinin de kullanıldığı görülmektedir: *bilmeymen > bilmeyme ~ билмейме* (bilmiyorum); *kelemiseñ > kelemise ~ келемисе* (geliyor musun), *neteseñ > netese ~ нетесе* (nasılsın), vb.

İkinci olarak; Çilehane köyü ağzında şahıs ekleriyle ilgili dikkat çeken bir başka husus ise zamir kökenli çokluk 2. şahıs ekinde görülmektedir. Karaçay-Malkar Türkçesinde gerek konuşma dilinde ve gerekse yazı dilinde bu ek *-sIz / -sUz* şeklindedir. Ancak bu ekin Çilehane köyü ağzında *-sIgIz* şeklinde de kullanıldığı müşahede edilmektedir: *netesigiz < netesiz* (< ne+etesiz) ~ *нетесиз* (ne ediyorsunuz ~ ne yapıyorsunuz, nasılsınız), *igimisigiz < igimisiz ~ игимисиз* (iyi misiniz).

III. Leksikolojik Özellikler

Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin dikkat çeken, hatta belki de en belirgin özelliği Türkiye Türkçesinden girmiş olan kelimelerdir.

1. Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesine Türkiye Türkçesinden girmiş kelimelerin tür ve yapı bakımından fark gözetmeksizin; isim, fiil, sıfat, edat, zarf, bağlaç, vb. kelimelerden oluştuğu müşahede edilmektedir. Bilhassa Karaçay-Malkar Türkçesinde olmayan *‘yani’, ‘zaten’, ‘ve’, ‘veya’, ‘herhalde’, ‘tabi’, ‘tamam’, ‘hem’, ‘hem de’, ‘fakat’, ‘hiç’, ‘hiçbir’*, vb. edat, zarf ve bağlaçların sıkça kullanıldığı görülmektedir. Bunların *‘gine’ ~ ‘gina’* (yine, gene), *‘heralda’ ~ ‘haralda’* (herhalde) gibi basit ses değişmelerine uğramış şekilleri de mevcuttur.

2. Türkiye Türkçesine ait pek çok kelime ‘sözde’ basit ses değişmelerine uğrayarak Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin kelime hazinesine girmiş durumdadır. Bu tür kelimelerin başında bilhassa */y/, /d/* ve */g/* ünsüzleriyle başlayan kelimeler gelmektedir. Karaçay-Malkar Türkçesi ile Türkiye Türkçesi arasında ön seste *c ~ y, t ~ d* ve *k ~ g* ünsüz denkliklerine bağlı olarak; *col ~ yol, ceti ~ yedi, cel ~ yel, temir ~ demir, teli ~ deli, tiş ~ diş, keç ~ geç, keçe ~ gece, küç ~ güç, kel- ~ gel-*, vb. pek çok kısmî eşdeğer kelime bulunmaktadır.

İşte bu ünsüz denkliklerinden hareketle; Türkiye’deki Karaçay-Malkar Türkçesi konuşurları bilmedikleri veya unuttukları Karaçay-Malkar Türkçesine ait bazı kelimelerin yerine Türkiye Türkçesine ait kelime hazinesinden ödünçleme yaptıkları kelimeleri ikame etmektedirler. Ancak bu ikame esnasında söz konusu bu kelimeler yukarıda bahsi geçen ünsüz denkliklerine binaen Karaçay-Malkar Türkçesinin fonetiğine uygun hâle getirilmektedir. Daha açık bir ifadeyle Türkiye Türkçesinde */y/* ünsüzüyle başlayan herhangi bir kelimenin */c/* ünsüzüyle söylendiği takdirde o kelimenin Karaçay-Malkar Türkçesindeki eşdeğeri olacağı varsayılmaktadır: *caş < yaş* (hayatın bir yıllık dönemi), *tuy- < duy-* (işitmek, ses almak), *kelenek < gelenek* (örf, adet, anane), *cön < yön* (cihet, istikamet, taraf), *cazılı < yazılı* (yazılı, yazılı imtihan), *ceşer- < yeşer-* (yaprak vermek, yapraklanmak; yeşillenmek; canlanmak), *cayla < yayla* (yazın havası iyi ve serin olan dinlenme yeri veya hayvan otlatma yeri), *tavran- < davran-* (belli bir eylemde bulunmak, bir eyleme girişmek), *küreş- < güreş-* (güreşmek, güreş sporunu icra etmek), vb.

3. Bunların dışında; Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde, Türkiye Türkçesinden tercüme yoluyla geçen ‘*surat meşna’* (fotoğraf makinesi), eski *cuvġan meşna* (çamaşır makinesi) ve ‘*savut cuvġan meşna’* (bulaşık makinesı), vb. gibi kelimeler de dikkat çekmektedir. Gerçi bu kelimelerde geçen ‘meşna’ (makine) kelimesi Rusça ‘*maşina ~ машина’* (makine) kelimesinden gelmektedir. Ancak bu tür kelimeleri müspet şekilde karşılamak lazımdır.

Sonuç

Çalışmamızda Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesi belli başlı dil özelliklerini maddeler hâlinde kısaca vermeye çalıştık. Çalışmamızda verilen örneklerden anlaşılacağı üzere Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin fonetik, morfolojik ve leksikolojik bakımdan Türkiye Türkçesinin büyük tesiri altında olduğu müşahede edilmektedir. Bunun da en önemli sebebi, her iki dilin yani Türkiye Türkçesi ile Karaçay-Malkar Türkçesinin zaten temelde birer Türk lehçesi olmalarıdır.

Kaynakça

Balkarî, Hacı Lokman Asanî. Kitâbü Mürşidi'n-Nisâ, Temirhan-Şura, Matbaatü'l-İslâmiyye.1909. {Balkarî, Haci Lokman Asanî. The book of guide for women. Temirkhan-Sura. The Islamic Printing House. 1909.}

Çinpolat, Rümeysa. Arpacı Karaçay Köyünden Üç Masal // Littera Turca (Journal of Turkish Language and Literature). Vol: 2/1. 2016. s. 103–120. {Rumeysa, Cinpolat. Three tales from Arpacikarachay village // Littera Turca (Journal of Turkish Language and Literature). Vol: 2/1. 2016. p. 103–120.}

Günay, Ayşe. Karaçay-Malkar Türkçesinin Kendisine Has Özellikleri ve Kıpçak Lehçeleri Arasındaki Yeri // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. Cilt: 10. Sayı: 53. 2017. s. 109–114. {Gunay, Ayse. Idiosyncracies of Karachay-Malkar Turkish and its place in Kipchak dialects // The Journal of International Social Research. Vol. 10. Iss. 53. 2017. p. 109–114.}

Karaşay, İsmail Efendi ibn Yakub. Kitâbü'l-İmân ve'l-İslâm. Temirhan-Şura. Matbaatü'l-İslâmiyye. 1912. {Karashay, Yakub's son Ismail Efendi. The book of faith and Islam. Temirkhan-Sura. The Islamic Printing House. 1912.}

БАШКОРТОСТАН БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ

УДК 811.512.15

Алкая Эржан, г. Элязыг

ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВ И ФОРМ В ГОВОРАХ СИБИРСКИХ ТАТАР

Диалекты сибирских татар составляют одну из трех больших групп диалектов татарского языка. Татарский язык делится на казанский (средний), мишарский (западный) и сибирский (восточный) диалекты. В данном докладе на основе работы «Сибирско-татарский диалект», опубликованной нами в 2008 году, рассматриваются характерные фонетические и морфологические особенности диалектов сибирских татар.

Ключевые слова: *татарский язык, сибирско-татарские диалекты, фонетика, морфология.*

DISTINCIVE PHONETIC AND MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE SIBERIAN TATAR SABDIALECTS*. The Siberian Tatar subdialects are one of the three large dialect groups of Tatar Turkic. Tatar Turkic dialects are divided into Kazan (Middle), Mishar (West) and Siberian (East) ones. In this study based on our work titled Siberian Tatar Turkic published in 2008, phonetic and morphologic features of Siberian Tatar dialects are discussed.*

Keywords: *Tatar Turkic, Siberian Tatar dialects, phonetics, morpholgy.*

SİBİRYA TATAR AĞIZLARININ BELIRGIN SES VE ŞEKIL ÖZELLİKLERİ

Sibirya Tatar ağızları Tatar Türkçesinin ağızlarını oluşturan üç büyük ağız grubundan birisidir. Tatar Türkçesinin ağızları Kazan (Orta), Mişer (Batı), Sibir (Doğu) olmak üzere üçe ayrılmaktadır. Sibirya Tatar ağızları da kendi içinde Tobol-İrtiş (Tümen-Omsk), Baraba (Novosibir) ve Tom (Tomsk) olmak üzere üç ağız grubuna ayrılır. Konuşulduğu coğrafya ve konuşur sayısı itibariyle en büyük grubu Tobol-İrtiş bölgesi ağızları oluşturur ve kendi içinde Tümen, Tobol, Tara, Tevriz ve Saz yöresi olmak üzere beş büyük alt gruba ayrılır. Baraba Tatar ağızları kendi içinde bir bütünlük oluşturur. Tom yöresi ağızları ise kendi içinde Evişte Tatarları, Çat Tatarları ve Kalmak Tatarları olmak üzere üçe ayrılır [8, s. 29–42].

Sibirya Tatar Türkleri; Batı Sibirya, Doğu Sibirya ve Uzak Doğu Sibirya olmak üzere üç bölgeye ayrılan Sibirya'nın Batı Sibirya bölgesinde yaşarlar [7, s. 7]. Altay Krayı, Kemerovo, Novosibirsk, Omsk, Tomsk ve Tümen Oblastlarının bulunduğu Batı Sibirya bölgesinin yüzölçümü 2.428.000 km^2'dir. Altay Krayı dışarıda tutulursa, Sibirya Tatarlarının yaşadığı alan 2.166.000 km^2'lik bir alana tekabül eder. Başlıca 1. Tobol-İrtiş, 2. Baraba, 3. Tomsk Tatarları olarak üç grupta topladığımız Sibirya Tatarları muazzam büyüklükteki bu alanda dağınık olarak yaşarlar. Bugün Tümen, Novosibirsk ve Tomsk bölgesinde yaşayan Sibirya Tatarlarının toplam nüfusu 2002 yılı verilerine göre 277.600 olarak (Tümen/Tobol-İrtiş 227.400, Novosibirsk/Baraba 29.400, Tomsk/Tom 20.800) gösterilmiştir.

Sibirya Tatarlarının yaşadığı coğrafyanın batısında İdil-Ural Türkleri (Tatarlar, Başkurtlar), batı, güney ve güneybatısında Kazak Türkleri, güney ve güneydoğusunda Güney Sibirya Türkleri (Altay, Hakas, Tuva Türkleri) bulunmaktadır. Bu coğrafyanın kuzeyinde ise Ruslar bulunmaktadır.

Sibirya Tatarları, Batı Sibirya bölgesinin asli sahipleri olup bu bölge Türklüğün ana vatanıdır. MÖ 3. asırdan itibaren Batı Sibirya'nın ormanlı-bozkırlı bölümü Hun, VI. asırdan itibaren Göktürk, VIII. asırda Uygur, IX. asırda Kırgız kağanlıklarının idaresinde olmuştur. IX-X. asırlarda bu coğrafi bölgenin güney bölümü Kimek ve Kıpçaklardan müteşekkil olan Kimek kağanlığının idaresine girer. Kıpçak ve Kimek boylarının bir kısmı 11-13. asırlarda Batı Sibirya'da bulunmuşlardır. Sibirya Tatar Türklerinin Sibir/Sibirya adıyla tarihte kurdukları tek kuruluş 1556-1600 yılları arasında varlığını devam ettiren Sibir Hanlığıdır. Sibirya Tatarlarının etnik esasını Kimek-Kıpçak boyları oluşturur [6, s. 1613]. Günümüz Sibirya Tatarlarının oluşumunda en önemli tabakayı Kıpçaklar teşkil eder. Bununla birlikte devam eden tarihî süreçte İdil-Ural bölgesinden gelen Tatar Türkleri, Nogay, Kazak, Karakalpak, Başkurt, Özbek, kısmen Oğuz boyları Sibirya Tatar Türklerinin oluşumuna katkıda bulunur [8, s. 29–42]. Bunun yanında kısmen Moğol etkisi ve Türk olmayan yerli halklardan Hantıy, Mansıy, Ugor, Samoyed, Ket gibi halkların da Sibirya Tatar Türklerinin oluşumuna katkıda bulundukları düşünülmektedir.

Sibirya Tatar Türkçesi, Tatar Türkçesinin bir ağzı olmakla birlikte bulunduğu coğrafya itibariyle Başkurt, Nogay, Kazak, Kırgız, Karakalpak gibi Kıpçak lehçeleri ve Tuva, Hakas, Altay gibi güney Sibirya lehçeleriyle ses bilgisi, şekil bilgisi ve söz varlığı bakımından ortaklıklar göstermektedir. Tobol-İrtiş ağızları

Tatar edebi diline daha yakındır. Baraba ve özellikle Tom bölgesi ağzı edebî dile yakın olmakla birlikte Kazak, Kırgız, Tuva, Hakas, Altay gibi Türk lehçelerinden etkilenmiştir.

Sibirya Tatarlarının ağızları birbirleriyle kendi içlerinde büyük oranda ortaklık gösterir. Beş asırdan fazla bir zaman içinde Kazan Tatarlarının tesiri neticesinde her ağız Tatar Türkçesinin diğer ağızlarına, daha çok Orta ağız konuşmalarına yani edebî dile yaklaşmıştır. Ağızların ünlüler sistemi Tatar edebî dilinin sistemine ayrıca yakındır. Yine, eski ve çağdaş Türk lehçelerinden farklı olarak, ünlülerin tarihî gelişimi Tatar ve Başkurt Türkçelerine yakındır. Birçok arkaik özellikte bu görünüşün hâlen daha tamamlanmadığı görülmektedir. Tatar edebî dili ve onun birçok ağzı ile ortak noktaları olmasına rağmen, Sibirya Tatar ağızları, Tatar Türkçesinin ağızlar sistemi içinde ses ve şekil özellikleri bakımından özel bir yere sahiptir. Sibirya Tatar ağızlarının en karakteristik bazı ses ve şekil özelliklerini kısaca şu şekilde göstermek mümkündür. "Ercan Alkaya, Sibirya Tatar Türkçesi, Turkish Studies Yay., Ankara 2008" adlı çalışmamızdan ortaya çıkan sonuçları şu şekilde sıralayabiliriz.

1. Ses Bilgisi Özellikleri

1. Sibirya Tatar Türkçesinde toplam 12 ünlü bulunmaktadır: a, e, å, é, ı, i, o, ¥, ö, ¤, u, ü. Bu ünlülerden dokuzu olan a, e, å , ı, i, o, ö, u, ü ünlüleri Tatar edebî dili ile aynıdır ve Tobol-İrtiş ağzında bulunmaktadır. Bu 12 ünlünün tamamı Baraba ağzında bulunur. Tom ağzında ise a, e, å, é, ı, i, o, ö, u, ü ünlüleri olmak üzere 10 ünlü bulunmaktadır [3, s. 51–52].

2. Sibirya Tatar Türkçesindeki ünlüler ve ünlü sistemi (özellikle Tobol-İrtiş ağızları) Tatar edebî dilinden çok büyük farklılık göstermez. Tatar edebî dilindeki ünlülere bağlı ses olayları büyük ölçüde Tobol-İrtiş ağızları için de geçerlidir. Baraba ağzı Eski Türkçenin ses sistemini koruması bakımından önemlidir. STT'de kısmen ilk hecenin dışında yuvarlaklaşma olayı görülür. Sibirya Tatar ağızları bu yönüyle Kazak, Kırgız, Başkurt ve Altay Türkçelerine yaklaşır: yoltos (SDM, 8) "yıldız", qoydorob (SDM, 106) "koydurup", qoyoroğon (SDM, 64) "kuyruğunu", östöndö (SDM, 110) "üstünde" vb.

3. Tatar konuşma dilinde ilk hecede (ğ, q, m, ŋ, x, b, p, n ünsüzlerinden sonra) yuvarlak olarak telaffuz edilen (qål- "kal-", mål "mal", bål "bal") /a/ ünlüsü, Sibirya Tatar Türkçesinde edebî dilden farklı olarak yuvarlaklaşmadan düz olarak telaffuz edilir. STT bu yönüyle Mişer Tatar ağzıyla ve Başkurt Türkçesinin çeşitli ağızlarıyla benzerlik gösterir [5, s. 123]: at (ETD, 186), atsıq (YBT, 70) "açık", alma (CTD, 96) "elma" vb.

4. STT'de Tatar edebî dilinde olduğu gibi ilk hecede Eski Türkçedeki /e/ler /i/ye dönüştüğü için asli /e/ sesi çok az görülür. Yalnız sıklıkla Baraba ağzında ve kısmen de diğer ağızlarda çeşitli kelimelerde /e/ sesi ilk hecede asli olarak görülmektedir: temir (YBT, 66) "demir", teri (YBT-27) "deri", kerek (YBT, 120) "gerek", er (SDM, 128) "erkek, eş, koca" vb.

5. STT'de Türkçe kelimelerde güçlü bir damak uyumu vardır: ayıw (ETD, 202) "ayı", urmanlıx (ZGTİY, 157) "ormanlık", ögis (YBT, 27) "öküz", kilåntsek (SDM, 50) "yeni gelin, gelincik". STT'de ç (<y), ş, y, ts (<ç) gibi ünsüzlerin etkisiyle bazen Türkçe kelimelerde ünlünün incelmesi sonucu damak uyumu bozulabilmektedir: çiyıl- (<yığıl-) (SDM, 103) "toplan-, yığıl-", siyır (SDM, 101) "inek", yiyıl- (<yığıl-) (SDM, 117) "yığıl-, toplan-", qayin (<qaOıŋ. DLT I, 32) (SDM, 101) "kayın ağacı" vb.

6. STT'de dudak uyumu Tatar edebî dilinde olduğu gibi zayıftır. /o/, /ö/ ünlüleri yalnız ilk hecede bulunduğu ve /u/, /ü/ ünlüleri de ilk hecenin dışında /ı/ ve /å/ olarak görüldüğü için dudak uyumu zayıftır: onıt- (ZGTİY, 157) "unut-", kömåş (SDM, 80) "gümüş", muyın (ETD, 186) "boyun", kümår (SDM, 72) "kömür" vb. Baraba ağızları, ikinci hecede düz yuvarlak /u/, /ü/ ünlülerinin bulunması bakımından kısmen dudak uyumuna uyar: qomuz (SDM, 113) "kopuz", polup (YBT, 70) "olup", süŋkü (YBT, 70) "süngü", k¤çlü (YBT, 119) "güçlü" vb. Bunun yanında 2. madde de işaret edildiği gibi ilk hece dışında güçlü bir yuvarlaklaşma eğilimi de vardır.

7. Sibirya Tatar Türkçesinde /b/, /c/, /ç/, /d/, /f/, /g/, /ğ/, /h/, /x/, /j/, /k/, /q/, /l/, /m/, /n/, /ŋ/, /p/, /r/, /s/, /ş/, /t/, /v/, /w/, /ß/, /y/, /z/, /ts/, /şç/ olmak üzere 28 ünsüz bulunmaktadır [3, s. 70–71].

8. STT'deki ünsüzlerle ilgili en önemli ses olayı tonsuzlaşmadır. Kelime, hece başında ve kelime sonunda genel Türkçedeki ve edebî dildeki /b/, /c/, /d/, /g/, /ğ/, /z/ tonlu ünsüzleri tonsuz karşılıklarıyla değiştirilir: bir>pår (ETD, 186), bol->pol- (YBT, 60), cefā>çefa (SDM, 54) "cefa", hucūm>höçüm (SDM, 53), durust>törös (SDM, 14), buğday>potay (SDM, 119), yigirmi>yekårme (ETD, 147) "yirmi", gevher>kewxer (ETD, 132) "cevher", qısğa>qısqa (SDM, 24) "kısa", sığta>sıqta- (YBT, 71) "ağla-", kızıl>qısıl (SDM, 88), toquz>tuğıs (ETD, 187) "dokuz".

9. STT'de iki ünlü arasında veya tonlu ünsüzler komşuluğunda gelen /q/, /k/ tonsuz ünsüzleri tonlulaşır: oqı-> oğo- (SDM, 118) "oku-", saqal>sağal (SDM, 27) "sakal", iki>igå, , (SDM, 74), bükül->bögöl- (SDM, 44).

10. Sibirya Tatar Türkçesinde edebî dilde kimi kelimelerde kelime başında bulunan /c-/ (<y-) sesi bulunmaz ve bu kelimeler kelime başında /y-/li olarak görülür. Bundan dolayı Sibirya Tatar ağızları /y/leştirici diyalekt diye adlandırılır [1, s. 18]: cil>yål-, cilek>yålek-, cidå>yåtå-, citmåş>yåtmåş, ciber>yåber- vb. STT'de alıntı kelimelerde bulunan /c-/ sesleri dahi /y-/ye dönüşür: cum'a>yoma (SDM, 123) "hafta", cān>yan (SDM, 99).

11. Sibirya Tatar Türkçesinde genel Türkçedeki /ç/ sesi her durumda /ts/ sesine dönüşür. Bunun için Sibirya Tatar ağızları /ts/leştirici diyalekt diye de adlandırılır [4, s. 80]. Bu bakımdan Sibirya Tatar ağızları bazı Mişer ağızlarıyla benzerlik gösterir [2, s. 61]: çıq->tsıq- (ETD, 187) "çık-", çöp>tsüp (ETD, 186) "ot, yem", bıçaq>pıtsaq (YBT, 28) "bıçak", üç>öts (SDM, 32) "üç", qılıç>qılıts (SDM, 85) "kılıç".

12. STT'de /x/ ünsüzü /q/ ünsüzüyle değiştirilir: xalq>qalıq (SDM, 70) "halk", xayr>qeyår (SDM, 118) "hayır, bağış", taxte>taqta (SDM, 15) "tahta", zavxoz>sapqus (TİD, 30) "demirbaş müdürü", meşāyix>meşeyaq (SDM, 80) "şeyhler".

13. Sibirya Tatar Türkçesinde Eski Türkçede olduğu /rt/, /lt/, /nt/ gibi ünsüz çiftlerinin yanı sıra /mt/, /ŋt/, /wt/, /yt/ gibi ünsüz çiftleri de bulunmaktadır. Dolayısıyla /l/, /m/, /n/, /ŋ/, /r/, /w/, /y/ ünsüzlerinden sonra STT'ye özgü bir ünsüz uyumu vardır: öl-tür- (63-10/YBT, 70) "öldür-", yul-ta (54-7/ETD, 198) "yolda", uram-ta (SDM, 58) "sokakta", kåm-tår (SDM, 102) "kimdir", qarın-taş (SDM, 68) "yakın akraba", an-ta (ZGTİY, 157) "orada", üsåŋ-te (SDM, 39) "kendinde", üs araŋ-ta (SDM, 14) "kendi aralarında", ültår-tå, m (ZGTİY, 155) "öldürdüm", yår-ten (SDM, 31) "yerden", kiyew-ten (SDM, 48) "damattan", Tamtaw-ta (YBT, 120) "Tamtaw'da", öy-te (ETD, 199) "evde", quy-tı-q (SDM, 15) "koyduk".

2. Şekil Bilgisi Özellikleri

Sibirya Tatar Türkçesi, şekil bilgisi bakımından Tatar edebî diliyle büyük ortaklıklar göstermesine rağmen, kendine has bazı karakteristik özellikleri de bulunmaktadır.

1. Sibirya Tatar Türkçesinde şimdiki zaman bildirme kipinin 3. şahsı –tı/tå eklerini alarak çekimlenir: ala>alatı "alıyor", kile>kiletå "geliyor", uynıy>uynaytı "oynuyor". Mesela: Elå küs altımta **toratı**. (SDM, 15) "Halen gözümün önünde duruyor", Yeşler anıŋ menåsån pålmeytå . (SDM, 12) "Gençler onun manasını bilmiyor".

2. Sibirya Tatar Türkçesinde alışılmış, devamlı, her zaman ola gelen iş ve hareketleri bildirmek için –a+torğan sıfat-fiilinden gelişen ayrı bir şimdiki zaman şekli kullanılır: Min aru uqıy **almaytığın**. (DST, 92) "Ben iyi okuyamıyorum", Sis te anta **paratığanma**? (DST, 92) "Siz de oraya gidiyor musunuz?", Sıyırnı k¤nåne ¤ts ret **savatın**. (DST, 92) "İneği günde üç kez sağıyor".

3. Emir kipinde I. teklik şahısta daha çok Eski Türkçede olduğu gibi -ayın/-eyån şekli, II. teklik şahısta ise eksiz kullanımın yanında -ğın,-gån/-qın/-qån; -ğıl,-gål/-qıl/-qål; -(ı)ç/-(å))ç gibi ekler kullanılır: Sin **yırlağın**, min **tıŋlayın**. (ETD, 153) "Sen şarkı söyle, ben dinleyeyim", Alay qıylanıp **yörmegån**! (KST, 35) "Öyle kırıtıp gezme!", Qıylmånisa, **kiliç** monta. (DST, 212) "İlminisa, gel buraya".

4. Tatar edebî dilinde istek kipi fiilin üzerine gelen -ası/-esâ eki ile yapılırken STT'de asıl istek kipi eki -ğı/-gå; -qı/-kå ekiyle kurulur (fiil+-ğı/-gå;-qı/kå +iyelik eki+ kil-): **Öylendårgåm kiledå**. (SDM, 28) "Evlendirmek istiyorum", Ul irnå sınap **baqqısı kilgen**. (SDM, 31) "O erkeği deneyip göresi gelmiş", **S¤ylegåbås kilmi**. (DST, 232) "Konuşmak istemiyoruz".

5. Tatar edebî dilinde asıl mastar eki olan -ırğa/-årge eki yerine Sibirya Tatar Türkçesinde asıl mastar eki olarak -ğalı/-gelå; -qalı/-kelå /-xalı/-xelå kullanılır [3, s. 375]: al-ğalı "almak", aŋtı-ğalı "avla-mak", ültår-gelå "öldürmek", sat-qalı "satmak", yaŋart-xalı "yenilemek. Kåşå artınnan köl **sipkelå** yaramaytı. (SDM, 65) "Kişinin arkasından kül serpmek iyi değildir.", Pay **kürgelå** tåletå. (ETD, 200) "Bey görmek istedi".

Kısaltmalar

CTD : Л. Җәләй, Татар диалектологиясе, Казан, 1947.
DLT : Kaşgarlı Mahmud, Divanü Lûgat-it-Türk Tercümesi (Çev. Besim Atalay), C. I-III, TDK Yay., Ankara, 1992.
DST : Д. Г. Тумашева, Диалекты сибирских татар, Казань, 1977.
ETD : Г. Х. Әхәтов, Татар Диалектологиясе, Казан, 1984.
KST : Д. Г. Тумашева, Көнбатыш себер татарлары теле, Казан, 1961.
SDM : Д. Б. Рамазанова, Себер диалектларыннан материаллар, Казан, 2001.
STT : Ercan Alkaya, Sibirya Tatar Türkçesi, Turkish Studies Yay., Ankara, 2008.
TİD : Х. Ч. Алишина, Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар, Казань, 1994.
YBT : Л. В. Дмитриева, Язык барабинских татар, Ленинград, 1981.
ZGTİY : Р. С. Барсукова, Заболотный говор тоболо-иртышского языка в сравнительном освещении, Казань, 2004.

Kaynaklar

1. Алишина Х.Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань, 1994. 119 с.
2. Alkaya Ercan. Mişer Tatarları // Türkler, 20. Cilt, Ankara: Yeni Türkiye Yay., 2002. P. 58–63.
3. Alkaya Ercan. Sibirya Tatar Türkçesi. Ankara: Turkish Studies Yay., 2008. 592 p.
4. Җәләй Л. Татар Диалектологиясе, Казан, 1947. 136 б.
5. Әхәтов Г. Х. Татар Диалектологиясе, Казан, 1984. 80 б.
6. Tumaşeva D. G. Sibirya Tatarlarının Dili ve Eski Türk Abideleri // 3. Uluslararası Türk Dil Kurultayı 1996. Ankara: TDK Yay., 1999. P. 1161–1613.
7. Тумашева Д. Г. Көнбатыш Себер Татарлары Теле. Казан, 1961. 240 б.
8. Юсупов Ф. Ю. Себер Татарлары // Мирас. 2003. № 12. 29–42 б.

УДК 81-119

Айжан Байгаж, г. Нур-Солтан

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

В статье рассматриваются пути проникновения заимствованных слов и проблемы их подчинения грамматическому строю, фонетическим нормам языка, изменения значений. В статье анализируется, какое изменение способствовало появлению заимствований в языке.

Ключевые слова: *заимствованные слова, трехъязычие, языки мира, слова, словари, лингвистика.*

THE REASONS EMERGENCE OF LOAN-WORDS*. The article examines the ways of penetration of borrowed words and the problems of their subordination to the grammatical structure, phonetic norms of the language, changes in meanings. The article analyzes what change led to the appearance of borrowings in the language.*

Keywords: *loan words, trilingualism, languages of the world, words, dictionaries, linguistics*

The word content of any language is constantly updated. Changes in the socio-political, economic and other spheres in Kazakhstan, the integration of Kazakhstan into the world social and social relations system, as well as the tri-lingual policy of the country, have resulted in changes in our language, including the emergence of borrowings from the English language etc.

In the context of global economic, political and social processes, the rapid development of information technology and the media, enhancing the speed of information dissemination cross-language interaction is being intensified.

The increased political, economic and cultural relations of the Republic of Kazakhstan with many countries of the world lead to the development and expansion of contacts between the Kazakh language and the other languages of the world. Any phenomenon or event is reflected in the pages of newspapers and magazines, on television, in the news of the Internet portals. Particular innovations are introduced into the language, become a part of our speech and root into it.

The history of world civilization in terms of intercultural communication as a social, cultural and linguistic phenomenon has gone through the stages of long historical development in the process of which separate national languages have formed, and today there is an intensive dialogue of languages and cultures in a multinational communication space.

The obvious result of such contacts are layers of loanwords in language, which adapt to the phonetic and grammatical language rules of the language, and in the future are no longer perceived by native speakers as «alien» elements.

The study of interlanguage contacts and foreign borrowings is one of the most important linguistic problems. As you know, language is inseparable from culture, which is its substantive aspect, and in modern linguistics, the interrelation of language and culture is undeniable. Language does not only reflect contemporary culture, but also captures its previous state, transmits its values from generation to generation. Language cannot exist in a confined space; language contact is one of the most important ways of any language's development. The word stock of any language, on the one hand is enriched by the internal lexical resources of the language, on the other hand, posseses loan words from other languages. In this regard it should be noted that in recent years the Kazakh language takes a large number of loan words and terms from the English language.

The issue of loan words on a scientific basis was comprehensively studied by A. Meye, Baudouin de Courteneé, F. de Saussure, A.A. Potebnya, L.V. Scherba and others. The researches of N.D. Arutyunova, I.R. Galperin, E.B. Cherkassky, V.A. Zvegintsev, V.M. Alpatov, Yu.V. Rozhdestvensky, A.E. Karlinsky were devoted to the study of this problem. The analysis of their work shows that the degree of influence of one language on another depends on the language factor that reflects the degree of closeness between the interacting languages.

The researchers were interested in the sources, dates, historical causes and conditions of borrowing. Let us consider the concept of *borrowing*, which is understood and explained differently by researchers and scholars. *Glossary of linguistic terms* by O. S. Ahmanova defines a borrowing as:

1) an appeal to the lexical fund of other languages to express new concepts, further differentiation of existing and designation of previously unknown objects;

2) words, derivational affixes and constructions included in the language as a result of borrowing [Ахманова, 1969].

A. A. Potebnya drew attention to the creative element in the process of borrowing. "To borrow, – he believed, – means to take to the treasury of human culture more than you can get" [Потебня, 1999, 140].

Such an approach to the issue of borrowing reveals regularities that govern the development of vocabulary, to explain the phenomena occurring in it and identify their causes, reveal the connection between the history of individual words, the history of language and history of the people.

A. Meye, in turn, claimed that anyone who wants to study the history of any language, has to understand its kin languages, i.e., the actual course of the history of language is based on speakers' sense of continuity in language. And all this comes in accordance with the social essence of language, as each language is more or less limited within a definite social group [Мейе, 2004, 104].

R. S. Ginzburg believes that the reasons for borrowing depend not only on the historical conditions, but also on the degree of genetic and structural closeness of the languages [Гинзбург, 1979, 269].

M. A. Breiter identifies the following reasons for borrowing: the absence of a correspondent notion in the cognitive basis of recipient language, absence of a corresponding naming unit in the ensuring stylistic (emphatic) effect, the expression of positive or negative connotations, which the equivalent units in the recipient language do not have [Брейтер, 1997, 156].

A variety of facts of borrowing, their numerous in the modern reality lead to different interpretations of the causes of borrowing. The main reasons for borrowing include: historical contacts of people, the need of nomination of new objects and concepts, the economy of language means, credibility of source language (which sometimes leads to borrowing in many languages from a single one and occurrence of internationalisms), the historically conditioned increase in a certain social strata, adopting a new word.

All these are extra-linguistic reasons. The intralinguistic reasons include:

1) a lack of an equivalent word for the new object or concept in the native language, which is the basis for borrowing (импичмент, принтер);

2) a tendency to use one borrowed word instead of a descriptive turnover (short press conference for journalists – брифинг);

3) the need for detalization of the appropriate meaning, designation of a special kind of objects or concepts by a foreign word that were notated only by a Russian word (or borrowed word) before (to refer to a special kind of jam (in the form of a dense homogeneous mass) – джем;

4) a tendency to fill up the expressive means, leading to the appearance of foreign-language stylistic synonyms (обслуживание – сервис, ограничение – лимит) [see Чистякова, Валгина, Дьякова].

The division of causes of borrowing into extralinguistic and linguistic proper is appropriate, because "...it allows you to distinguish what is "open socially" from hidden mechanisms of the influence of social factors on languages and their relationships" [Хабургаев, 1980, 192].

Socio-psychological reason for borrowing is the desire to use trendy, more modern foreign words. This trend is now extremely topical one. The first sign, which is the basis for the classification of borrowing is the source, i.e. language from which the borrowed item came in the receiving language. In the Process of borrowing involved the vast majority of the world′s languages, but not all are equally active in this role. Nowadays due to its worldwide prevalence the English language makes the greatest number of loans into other languages. In earlier historical epoch championship belonged to Latin and Greek. Languages can not only take from other languages, but also transfer them, acting as intermediaries in the chain of borrowing.

The presence of intermediate stages of the foreign-language elements borrowing between the source language and the host language are divided into: direct – the ones which came from one language to another language without intermediaries; indirect – in cases when there are additional steps of borrowing between the source language and the receptor language. According to the number of stages of borrowing we found first and second degrees of borrowing. Thus, the problem of borrowing is considered in detail by many linguists [Аристова, 1978, 140–144].

The process has developed since the most ancient times, since the emergence of languages, and it intensifies due to the expansion of inter-cultural and cross-language interaction, which has reached the level of globalization. In this regard, there is disagreement on the need for borrowings, since their reckless use makes language debased, and understanding of the meaning of the words becomes difficult. Therefore, each individual manifestation of the process requires attention, careful analysis and deep critical thinking, if these conditions are fulfilled the language acquires expressiveness and beauty. Borrowings are of obvious interest, primarily as linguistic and cultural factors.

The phenomenon of borrowing is a complex and multifaceted phenomenon. Consequently, the problem of borrowing is presented as a complex language task communication and collaboration support for multiple companies in the same language environment that contributes to the relationship between the ratios of different national cultures, i.e., borrowing is a consequence of the interaction of language contact between peoples, sharing new insights about the surrounding world image [Шанский, 1972, 312].

Reasons for entering borrowings: new concepts (blockbuster, jeep, site, etc.) that come along with those words, replacing it with a single word (laptop computer - notebook), refining some concepts (motel - hotel for caravansers), their communicative relevance (website, provider, default). At the same time, there are some situations that can contribute to the emergence of borrowing words: the acceptance of foreign language words that are derived from language relations as contemporary words.

Nowadays, by the reason of the high rate of emergence of words, today it is impossible to find them in dictionaries, so foreigners such as press releases (special newsletters issued by media outlets) are overlooked when readers meet in the mass media.

However, entry the borrowings into the Kazakh language is not a novelty because it is known that in the history of the long history of the Kazakh people, it has been communicate with a number of countries and has had different relations at different times. The earlier with the Tajik, Uzbek, Tatars in the 8th-11th centuries, with the Arabian-Persian states in the VIII-XI centuries, with the Mongolian countries in the XII-XIII centuries, from the XVIII century from the period of Kazakhstan's entry into the Russian occupation (1731) until today. After such long connections, the Kazakh language has a lot of foreign words.

The lexicon of the Kazakh language borrowings consists primarily of four languages: Arabic, Persian, Mongolian, Russian. The words translated from Arabic-Persian have now become the original language of the Kazakh language.

Researchers in lexicology do not only study the origin of the word and the cause. They are also concerned with the kind of changes in the vocabulary of the language in which the words are translated, their grammatical and phonetic norms are met, and the meaning changes. The Russian linguist of the nineteenth century Potebnjia A.A, we have to ask what and what language it was borrowing, and how it should be added and asked what result came from to another language [Потебня, 1993, 65].

Entries are also spoken in the oral and written form. Oral words are quickly absorbed in the language, and their recordings preserve their phonetic, spelling, and grammatical features. The main ways of accessibility of words in the language: transcription, transliteration, calque and semantic inclusions.

Transcription – the preservation of the vocabulary of foreign words. For example: image, summit, trailer, briefing, etc.

Transliteration – use native language letters when writing foreign words. Here the words are read according to the rules of the receiving language. For example: PR (пиар), web (веб), provider (провайдер) motel (мотель), hotel (хотел)

Calque is a direct translation of foreign words in the host language.

Semantic inclusions - change the original meaning of foreign words in a new sense. For example: blockbuster's meaning is:

1. speculative property with real estate;
2. Popular film.

The first meaning of this word in English is "block-buster".

One of the word-searchers A.T. Islamova's research on the topic "The signs and data of foreign words" suggests that in Kazakh terminology it is possible to distinguish the following types of foreign words:

1) materials inclusions;
2) Calques;
3) mixed borrowings (polylexemic terms and complex words) [Исламова, 2004, 15].

In the late 19th and early 20th centuries, many researchers have used the term "borrowings", although some researchers suggest that leisure and calquefication is a different process. Many linguists B. Abylkasymov and B.Momynova mention in their works that the penetration of words from another language into the language is enriched by lexicon of the receiving language [Әбілқасымов, 1971; Момынова, 1999].

The simplification of the lexical word is the function of the tendency of formation of the same word-type structure with the lexical unit accepted in the language. For example, movies, cars, taxis, and metro words from other languages in the 20th century.

According to L.P. Krysin, the following conditions are required for the word to be entered into the input language system:

– phonetic and graphic representation of the foreign language into the input language;

– the relationship of the word with the grammar classes and categories in the introductory language;

– phonetic mastering of foreign words;

– grammar skills;

– vocabulary activity;

– semantic mastering of foreign words:

– the meaning of the word, the meaning of the words in the language and the words in foreign languages and the differentiation of their tone [Крысин, 1968, 56].

Considering the reasons for foreign language borrowing, it should be noted that, if the lexicon words that can be combined into a number of lexical rows are based on common sense and repetition, and their type is typical, their use will be somewhat simpler. For example, words with a shared elements are: gentleman, athlete, congressman, and so on. This gradually began to fill with such words: businessman, barman, super.

The borrowing words are a way to convert a two-member name into a single member. For example: Pope Razzi is a professional photographer who takes photos from the lives of celebrities.

However, it should be noted that the tendency to replace the phrase with foreign words are not lawful. When considering the question of how the word is formed in the language, what is the relation between the lexical units before it and so on? it is necessary to take into consideration the factors characterizing the system of speech language, in particular, the micro-system - the exact set of common names according to the "thematic" principle. For example, the titles of a single mechanism or the names of specific product names. Sometimes there are common structural features within such microcircuits.

However, if the name of the micro-system consists of two members, the replacement of one of its members with a foreign expression that does so would not result in a systematic breakdown of the group within that group. In the same way, names that replace a phrase can be one word. In this case, there are certain reasons why you can stay in the language because you are not expelled from a terminology micro-system that has not been given a specific name or foreign word.

The reasons for entering into the words and the circumstances that require them to move from one language to another. The key condition for accessible words is the popularity of linguists. However, S. Bulch says that bilingualism can not be considered as a territorial link between two neighboring countries. Spontaneity arises from the interlocutors′ communication with another linguistic environment [Булич, 1886, 26].

B. Shulan «Most of the input in the dictionary is derived from the Hostility environment, the first known foreign language is used by two-language speakers, and then spreads extensively in the linguistic sphere. Later on, he entered into a written word and covered all aspects of the language. «[Sulan, 1963, 122].

At present, as we have already seen, there is no conception that linguistic expressions differ from foreign words. All foreign words registered in the dictionary are considered as accessible words. However, given the fact that there is a difference in the transmission of one word in different dictionaries, it appears that this is not a solution.

Let′s take a look at the specific criteria to determine if the language belongs to the lexical system of the given language. Grammatical and phonetic descriptions that indicate that the given language belongs to the lexical system can be specified. But it is not enough to tell in what language the word is used (for example, native speakers of the Kazakh language include in their speech the words of English, French languages).

One way to deal with these issues is to choose the descriptive criteria that you need to use as a sufficient criterion to estimate the keyword′s keyword and the keyword that is going to be included in the lexical of the language. Symptoms of assimilated speech in a language – a sufficient need.

Not all of the above signs are necessary for foreign language input and function. The optional feature is the phonetic and grammatical assimilation of foreign words and its vocabulary. For example, in the Kazakh language there are words that do not correspond to the Kazakh language and grammar system: image, engineering.

Looking at the key word in modern media, let′s just say:

The most common words are foreign words with Kazakh letters: default, display, printer, issuer, stress, image, fast-food, billboards.

Foreign words that preserved their language graphics: PhD, megaline, online, show-room, web, IT.

Foreign words reserved by foreign spheres: briefing, corporation, engineering, offsampling, pitch-diving, bestsellers.

Semi-foreign words: web-resource, PR-agency, KazNet.

Borrowings are of obvious interest, primarily as linguistic and cultural factors. The phenomenon of borrowing is a complex and multifaceted phenomenon. Consequently, the problem of borrowing is presented as a complex language task communication and collaboration support for multiple companies in the same language environment that contributes to the relationship between the ratios of different national cultures, i.e., borrowing is a consequence of the interaction of language contact between peoples, sharing new insights about the surrounding world image.

References:

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1969, 608 с. {Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. 2nd ed. Moscow: Sovet Encyclopedia, 1969. 608 p.}

Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. 152 с. {Aristova V. M. English-Russian language contacts (Anglicisms in the Russian language). Leningrad: Edition house Leningrad University, 1978. 152 p.}

Әбілқасымов Б. Алғашқы қазақ газеттерінің тілі. Алматы: Ғылым, 1971. 73 б. {Abylkasimov B. The language of the first Kazakh newspapers. Almaty: Ilim, 1971. p. 73.}

Булич С.К. Заимствованные слова и их значение для развития языка. XV т. Варшава: Русс. филол. вестн., 1886. С. 26. {Bulich S.K. Borrowed words and their meaning for the development of language. VI–XV. Warsaw: Russ. filol. Bullet., 1886. P. 26.}

Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов. Владивосток: Диалог, 1997. 156 с. {Breiter M.A. Anglicisms in Russian: History and Prospects: A Handbook for Foreign Russian Students. Vladivostok: Dialog Publishing House, 1997. 156 p.}

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Лотос, 2003. 304 с.{Valgina N.S. Active processes in modern Russian. Moscow: Lotos, 2003. 304 p.}

Гинзбург Р.С., Хидекель С.С., Князева Г.Ю. и Санкин А.А. Лексикология английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1979. 269 с. {Ginzburg R.S., Khidekel S.S., Knyazeva G.U. and Sankin A.A. Lexicology of the English language: Textbook for institutes and departments of foreign language. 2nd ed., rev. and enlarged. Moscow: Higher publishing house, 1979. 269 p.}

Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 35–43 {Dyakov A.I. Reasons for the intensive borrowing of Anglicisms in the modern Russian language // Language and Culture. Novosibirsk, 2003. p. 35–43.}

Исламова А.Т. Шетел сөздерінің белгілері мен деректері. Алматы, 2004. 15 б. {Islamova A.T. Signs and Facts of Foreign Words. Almaty, 2004. P. 15.}

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 188 с. {Krysin L.P. Foreign words in modern Russian. Moscow: Science, 1968. 188 p.}

Момынова Б. Газет лексикасы. Алматы: Арыс, 1999. 72 б.{Mominova B. Newspapers lexicas. Almaty: Arys, 1999. 72 p.}

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: УРСС, 2004. 104 с. { Meye A. Comparative method in historical linguistics. Moscow: URSS, 2004. 104 p.}

Потебня А. Полное собрание трудов. М.: Лабиринт, 1999. 300 с. {Potebnya A. Complete collection of works. Moscow: Labyrinth, 1999. 300 p.}

Потебня А. Мысль и язык. Киев, 1993. С. 65 {Potebnya A. Thought and language. Kiev, 1993. P. 65.}

Sulan B. Zu einigen Fragen des Billinguismus. III v. Debrezen: Slavica, 1963, 134.

Хабургаев Г. А. Становление русского языка: пособие по исторической грамматике / Г.А. Хабургаев. М.: Высш. шк., 1980. 192 с. {Khaburgaev G. A. Formation of the Russian language: a manual on historical grammar / G.A. Khaburgaev. Moscow: Publishing house, 1980. 192 p.}

Чистякова О.Н. Заимствования в современном русском языке // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика : междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.) : тр. и материалы : в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань, 2001. Т. 2. С. 4–5; [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kls.ksu.ru/boduen/bodart_1.php?id – на рус. яз. { Chistyakova O.N. Borrowings in the modern Russian language // The Baudouin readings: Baudouin de Courtenay and modern linguistics: int. scientific conf. (Kazan, December 11–13, 2001): tr. and materials: in 2 v. / under total ed. K.R. Galiullin, G.A. Nikolaev. Kazan, 2001. V. 2. P. 4–5; [Electronic resource]. – Access mode: http://www.kls.ksu.ru/boduen/bodart_1.php?id - in Russian lang}

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: пособие для студентов педагогических институтов. 2-е изд., испр. М.: Просвещение, 1972. 312 с. {Shansky N.M. Lexicology of the modern Russian language: A manual for students of pedagogical institutes. 2nd ed., rev. Moscow: Prosveschenije, 1972. 312 p.}

УДК 811.161.1

Е.Н. Бекасова, г. Оренбург

ОСОБЕННОСТИ КАЗАХСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ОРЕНБУРГСКИХ РУССКИХ ГОВОРАХ

Оренбургские русские говоры относятся к территориям позднего заселения. Формирование и развитие Оренбургской губернии с середины XVIII в. до начала XX в. характеризовалось активными междиалектными и межъязыковыми контактами. При этом наиболее тесным было контактирование с тюркскими диалектами. Заимствования из тюркских языков мотивировались целым рядом причин и принадлежали определённым тематическим группам. Особого внимания заслуживают корреляции казахских и русских лексических единиц, которые позволяют уточнить специфику их интерференции и адаптации.

***Ключевые слова**: оренбургские русские говоры, междиалектное контактирование, казахские заимствования, проблемы интерференции, «Областной оренбургский словарь» Б.А. Моисеева.*

The Orenburg Russian subdialects refer to territories of late settlement. The formation and development of the Orenburg Province from the mid-18th century to the beginning of the 20th century was characterized by active inter-linguistic and inter-linguistic contacts. At the same time, we observe the closest contact was with the Turkic dialects. Borrowing from Turkic languages was motivated by a range of reasons and belonged to certain thematic groups. Special attention is given to correlations of the Kazakh and Russian lexical units which allow to determine specifics of their interference and adaptation.

***Keywords**: Orenburg Russian subdialects, interalective contact, Kazakh borrowing, interference problems,* Regional Orenburg Dictionary *by B.A. Moiseev.*

Проблема языковых заимствований в некоторой степени регулируется особенностями контактирования этносов, их культурными, образовательными и бытовыми потребностями, и в этом плане следует согласиться с утверждением И.А. Бодуэна де Куртенэ, что «нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, 363].

Но если для литературных языков проследить отбор и направленность заимствований, как правило, не представляет особых сложностей, так же, как и обосновать их необходимость в определённых сферах коммуникации, то для диалектов это сделать непросто. Во-первых, особую трудность представляет отслеживание путей и причин таких заимствований, поскольку контактирующие диалекты нередко теряются в своём бесписьменном прошлом, а некие «передаточные» звенья иногда изымаются и не поддаются восстановлению. Особую трудность в этом случае представляют территории позднего заселения, где, как в котле, сплавлялись диалекты разных языковых групп. В этом плане достаточно показательна территория Оренбуржья, заселяемая выходцами различных русских диалектных зон, которые нередко начинают жить в пределах одного населённого пункта. Автор «Оренбургского областного словаря» Б.А. Моисеев отмечает, что «во многих случаях происходило смешение говоров и языков. В одном поселении могли оказаться акающие и окающие говоры, здесь же могли проживать украинцы или белорусы. Результаты взаимодействия между говорами и языками были разнообразными и очень интересными. Вопросы, связанные с этими процессами, еще ждут своих будущих исследователей» [Моисеев, 2010, 14]. Однако в настоящее время привычные для Оренбуржья сильнейшие миграционные процессы затрудняют установить, какие диалектные системы контактировали и каким образом внедрялись заимствования. В случаях межъязыковых контактов заимствование в определённой степени сохраняет свой «иноплеменный» след, однако в этом случае встаёт вопрос о причинах и необходимости заимствования. Для литературного языка данный процесс может объясняться не только объективной необходимостью, но и результатом субъективных факторов, связанных прежде всего с культурными, экономическими, политическими предпочтениями общества. Это обусловливает возможности дистантного и вневременного контактирования, в том числе через языки-посредники литературного статуса. Диалектные системы взаимодействуют «здесь и сейчас», и заимствования в основном обусловлены межэтнической коммуникативной потребностью. Для переселенцев двадцати губерний европейской части Российской империи чрезвычайно важным было осваивание новой территории в иных природных и климатических условиях, которые были

привычны для целого ряда народов, успешно осваивающих её до переселенцев [Якимов, 2017]. Отсюда и естественный – а не искусственный как с литературными языками – процесс заимствований, который эффективно мог происходить только в условиях тесных этнических контактов соседствующих народов.

Следует отметить, что записи диалектной речи 50–60-х годов прошлого века сохраняют различные аспекты такого соседства. В частности, информанты весьма часто вспоминают о враждебности казахских (киргизских) племён: «К'ирг'èзы нъпадàл'и, из-за йåфтъвъ нъ покîс выйежжàл'и вм'åс'т'и / а хтî н'и усп'åт скос'èт', упоздàт, од'èн н'и йåд'ит: ф пл'åн брàл'и/ об åтъм и ф п'åс'н'ь» (с. Гирьял Беляевского района, запись 1965 г.) [Моисеев, 2005, 11]. Особенно много таких рассказов записано в Соль-Илецком районе, например: «М'етàл'и с'åнъ от'åц з дîчър'йу // и вîд дîч нъ стогó ув'идàлъ, што йåдут к'ирг'èзы, и гъвор'èт// Б'ег'è, бàт'ушкъ, скрывàйс'и, а уж мн'å как бîк пъв'ел'èт // от'åц-тъ уб'ежàл, врîд'е-къ скрûлс'и, а онà так ы н'ь уб'ежàлъ // йейî вз'àл'и ф пл'åн», «Бûлъ д'ålъ в Бурàн'ьнскъй, Осàфъм звàл'и пàрн'ъ удновî // йевî зобрàл'и ф пл'åн к'ирг'èзы и застàв'ил'и робîтът' мотûгъй // он бûл на фс'î màст'ьр // п'èшшъй-тъ йевî н'е бîл'нъ корм'èл'и, но фс'å нîчы îн робîтъл» (записи 1958 г.) [Моисеев, 2005, 86, 89] и под.

Имеются сведения и о тесных хозяйственных связях, которые сохраняются в многочисленных заимствованиях казахской терминологии животноводства [Бекасова, 2014; Бекасова 2017]. Более того, анализ заимствованных названий казахских наименований пищи из словаря Б.А. Моисеева свидетельствует о тесных соседских и дружеских отношениях живущих рядом русских и казахов. Достаточно в этом плане обратить внимание на иллюстративный текстовый материал, например, статьи *бижбармак* и *бижбармачить* [Моисеев, 2019, 38], который наглядно показывает «общение представителей разных этносов, которые объединены не только общей территорией, но особым ритуалом дружеского застолья, где и хозяевами и гостем одинаково признано и оценено его основное блюдо» [Бекасова, 2018, 551].

В этом случае достаточно прозрачны причины процессов заимствований, например, терминов верблюдоводства или терминов национальных кушаний. Труднее объяснить заимствования номинаций лошадей, коров и овец в зависимости от возраста и масти (типа *тай, тай огуз, башмак, басмак таргил*, *таргыл, кашкар* и под.), но и в этом случае возможно предположить, что такая терминология была необходима для достижения эффективности общения при покупке домашнего скота у тюркских народов [Бекасова, 2014, 38–41]. Об этом, в частности, свидетельствует наименование *адаевских*, или *адайских* лошадей, на которых ездили «дикие» казахи – *адайцы* (*адаи*), враждебные и славянским, и другим тюркским поселенцам казахи адаевского рода [Моисеев, 2019, 22]. Ещё сложнее объяснить заимствования, обозначающие те реалии, которые были хорошо известны русским переселенцам, например, *куян (башк. ҡуян)*, отмеченный В.И. Далем. Наши исследования показали, что такие заимствования восполняли свойственную диалектным системам семантическую неэкономность, и, по всей видимости, позволяли дифференцировать необходимые для охоты признаки зайца [Бекасова, 2013, 10–11].

Однако весьма важным аспектом изучения междиалектных и межъязыковых контактов является изучение процессов интерференции, а затем и адаптации заимствований. В связи с этим, было проведено исследование казахских заимствований из «Оренбургского областного словаря» Б.А. Моисеева, содержащего полевые записи 50–70-х годов XX в. Такой временной период позволяет рассмотреть лексический состав диалектов и особенности их сохранности более чем за столетие. В основном, в словаре отражена лексика центральных и южных районов области, при этом Соль-Илецкий район описан наиболее полно, поскольку является не только родным для Б.А. Моисеева, но и объектом изучения в его кандидатской диссертации. В связи с этим целенаправленно были выбраны казахские заимствования, зафиксированные на территории Соль-Илецкого района.

Опрос жителей данного района, владеющих казахским диалектом, позволил выявить ряд разночтений, которые, естественно, могут быть объяснены временным разрывом, который определяет качественные характеристики как русских, так и казахских диалектов в период их контактирования. Однако представляется, что при таком сопоставлении можно выявить некоторые аспекты процессов заимствования. В ходе опроса информантам, которые не владеют литературным казахским языком, но используют казахский язык в повседневном бытовом общении, из словаря Б.А. Моисеева последовательно были предложены сначала значения казахских заимствований, а затем и словарные лексические единицы, что позволило выявить ряд сходств и расхождений. В частности, были отмечены полные сходства казахских слов и заимствований типа *Аман* — здравствуй, здорово. Обычно русские так приветствуют казахов (с. Елшанка) [Моисеев, 2019, 24] (с уточнениями: *Амаң* – приветствие (здравствуйте, добрый день), а*маң сынзба* – обращение к старшему, а*маң болсың* – обращение к младшему, но

русские в частности употребляют это выражение в значении ‘Пусть все будет хорошо’ – как пожелание напоследок); *бурсаки* – казахское кушанье из кусочков теста, сваренных в сале. *Придёшь к киргизам, они наварят, нажарят бурсаков* (с. Новоилецк) [Моисеев, 2019, 51] (с уточнением, что название произошло от казахского слова ‘*баурым*’, которым называют родного человека, поскольку этим хлебом принято делиться только с самыми близкими и родными людьми). Следует обратить внимание на то, что русскоязычные оренбуржцы сохраняют традиции обращения к казахам по-казахски, а казахи – традицию гостеприимства. Это подтверждает наши выводы на основании анализа диалектного оренбургского материала о том, что на протяжении многовекового опыта межэтнических контактов и освоения нового пространства вырабатывалась человеческая мирообщежительность оренбуржцев, где важным становится соседство и тесные хозяйственные и личностные контакты [Бекасова, 2018, 552].

Имеются фонетические расхождения, например: *ит* – мясо по-казахски. Многие русские жители знают это слово, но употребляют его лишь в беседе с казахами (с. Елшанка) [Моисеев, 2019, 136] (*ср.: ет*). Однако наблюдаются и значительные различия. С одной стороны, слово *ичиги* (сапоги из тонко выделанной кожи, носят казахи (с. Саратовка) [Моисеев, 2019, 136] (ср.: *былғары ети*к – кожаные сапоги, башк. *болғар(и) итек*) не следует рассматривать как казахское заимствование, поскольку лексема, судя по «Словарю русских народных говоров», широко распространена в уральских и сибирских говорах и, по всей видимости, была привнесена переселенцами из европейских территорий. Не совпадает название мясного бульона (у казахов) *шулюм,* (у башкир) *шулпа* (г. Соль-Илецк) [Моисеев, 2019, 499] (ср.: *сорпа*); казах. *байгуж,* башк. *байғош* ‘бедняк’. *Байгужи ничего не имели: ни жилища, ни скота, они всю жизнь были работниками у богатых* (г. Соль-Илецк) [Моисеев, 2019, 29] (ср.: *жарл*).

Следует также констатировать отсутствие целого ряда лексем, представляющих различные наименования коров по возрасту, масти и др. типа казах. *басмак,* башк. *башмаҡ;* казах., башк. *тай, тамыр;* казах. *тайчина,* башк. *тайғына* и др., которые, по всей видимости, за последние десятилетия были потеряны вместе с утратой местных пород крупного рогатого скота.

Таким образом, анализ диалектного материала говоров территорий позднего заселения сохраняет свидетельства о многоаспектных межъязыковых контактах, которые несут информацию о жизни оказавшихся в тесном соседстве народов и особенно ярко реализуют свойственные для диалектных систем качества проницаемости и вариантности.

Литература

Бекасова Е.Н. Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от Куяна до Ваучера // Уральский филологический вестник / ФГБО ВПО «Уральский государственный филологический университет». Вып. 3 / гл. ред Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2013. С. 5–12. (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 22). {Bekasova E.N. Linguocreative potential of Orenburzhya: from Kuyan to Voucher // Ural Philological Journal / Ural State Philological University. Issue. 3 / T.A. Gridina. Yekaterinburg, 2013. Pages 5–12. (Series «Language. System. Personality: Creative linguistics». Issue. 22).}

Бекасова Е.Н. О некоторых особенностях заимствований в оренбургских русских говорах // Актуальные проблемы диалектологии народов России: материалы XVII Всероссийской научной конференции (Уфа, 1–2 июня 2017 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦРАН, 2017. С. 30–34. {Bekasova E.N. On Some Peculiarities of Borrowing in Orenburg Russian Beef // Topical Problems of Dialectology of the Peoples of Russia: Materials of the XVII All-Russian Scientific Conference (Ufa, June 1–2, 2017). Ufa: IYAL UNCRAN, 2017. P. 30–34.}

Бекасова Е.Н. Об особенностях представления тюркских заимствований в оренбургских говорах // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XIV Всероссийской научной конференции (Уфа, 20–22 ноября 2014 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 34–44. {Bekasova E.N. On Peculiarities of the Presentation of Turkic Borrowing in Orenburg Hovors // Current Problems of Dialectology of Languages of the Peoples of Russia: Materials of the XIV All-Russian Scientific Conference (Ufa, November 20–22, 2014). Ufa: IYAL UNC RAS, 2014. P. 34–44.}

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 384 с. {Boduen de Courtené I.A. Selected works on general linguistics. T. 1. Moscow: Russian Academy of Sciences of the USSR, 1963. 384 p.}

Моисеев Б.А. Оренбургская областная диалектологическая хрестоматия: учебное пособие по русской диалектологии. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. 76 с. {Moiseev B.A. Orenburg regional dialectological chrestomy tutorial on Russian dialectology. Orenburg: OGPU, 2005. 76 p.}

Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь [послесл. Е.Н. Бекасовой]. Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2019. 516 с. {Moiseev B.A. Orenburg regional dictionary [aftersl. E.N. Bekasova]. Orenburg: «Orenburg Book Publishing House named after G.P. Donkovtsev», 2019. 516 p.}

Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 192 с. {Moiseev B.A. Orenburg regional dictionary. Orenburg: OGPU, 2010. 192 p.}

Якимов П.А. Русские говоры как отражение национальной ментальности. Оренбург: Оренбургская книга, 2017. 157 с. {Yakimov P.A. Russian speakers as a reflection of national mentality. Popular scientific edition. Orenburg: «Orenburg Book publishing house», 2017. 157 p.}

Bekasova E.N. Peculiarities Of Linguistic Worldview Transformation On The Territory Of Later Settling // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. WUT 2018 IX International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». Vol. XXXIX – WUT 2018. Pages: 548–553.

УДК 94(09)(=17=37)

Н.В. Беленов, г. Самара

ОБ ОДНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЛИМНОНИМЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ СЕЛА ТОРНОВОЕ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

В статье рассматривается этимология одного из географических названий окрестностей мокша-мордовского села Торновое, лимнонима Шамотье. Данный лимноним встречается только в одном из картографических памятников – на ПГМ 1808 г. Современному населению села Торновое это название неизвестно. В процессе этимологизации лимнонима приводятся некоторые данные о словарных заимствованиях в мордовских языках, семантической эволюции соответствующих лексем в них. Для обоснования этимологических решений привлекаются топонимические параллели с других территорий расселения носителей мордовских языков, других финно-угорских языков. Топонимическое пространство села Торновое исследовалось автором статьи на протяжении полевых сезонов 2017 и 2018 гг.

***Ключевые слова**: топонимика, лимноним, мордва, мокша-мордовский язык, Торновое.*

***ABOUT A HISTORICAL LIMNONYM IN THE SURROUNDINGS OF THE VILLAGE TORNOVOE IN THE SAMARA LUKA**. The article deals with the etymology of one of the geographical names of the surrounding area of Moksha-Mordovian village Tornovoe: Shamotie. This toponym is found only in one of the cartographic monuments - on the PGM of 1808. The modern population of the village Tornovoe does not know this place-name. In the process of etymologization of the limnonym, some data on lexical borrowings in the Mordovian languages and the semantic evolution of their lexemes are provided. To substantiate etymological solutions, toponymic parallels from other territories of settlement of speakers of Mordovian languages are used. The toponymic space of the village Tornovoe was studied by the author of the article during the work seasons of 2017 and 2018.*

***Keywords**: toponymy, limnonym, Mordva, Moksha-Mordovian language, Tornovoe.*

Исследование топонимических пространств мокша-мордовских сёл Самарской Луки автор настоящей статьи проводил на протяжении полевых сезонов 2017 и 2018 гг. Объектом исследования являлись бытующие ныне у мокша-мордовского населения полуострова географические названия, а также топонимы, связанные с мордвой, либо происходящие из мокша-мордовского языка, имеющие распространение у проживающих на Самарской Луке русских и чувашей. При этом, однако, неохваченным остался небольшой пласт мордовских топонимов Самарской Луки, представленный единичными географическими названиями, которые фиксируются в исторических источниках, но к настоящему времени исчезли из народной памяти.

К этой группе названий и относится лимноним, которому посвящена данная статья – *озеро Шамотье*.

Прежде всего, отметим, что источников, по которым можно было бы восстановить историческую топонимию, для Самарской Луки немного. Одним из наиболее информативных источников такого рода являются планы генерального межевания (в дальнейшем изложении – ПГМ) данной территории, значение которых для топонимических исследований неоднократно подчёркивалось специалистами [Смолицкая, 1970]. Работа над ПГМ началась в Российской империи после соответствующего указа Екатерины II, с 1765 г., и продолжалась до конца XIX столетия. Соответственно, различные территории были отражены на ПГМ в разное время, с различной точностью, а сами ПГМ отличаются разной степенью сохранности. Территория Самарской Луки на ПГМ была нанесена в 1808 г., детализацию межевания можно относительно оценить как среднюю, названия многих, даже относительно крупных, объектов, на план не нанесены.

На данном плане к югу от села Торновое обозначено лишь одно озеро с названием *Шамотье*. В настоящее время озера с таким названием в окрестностях Торнового нет. Территориально ближе всего к обозначенному на ПГМ озеру в настоящее время находится озеро *Каль*. Однако, отождествлять озеро *Шамотье* и озеро *Каль,* мы считаем неправильным. Дело в том, что низина, занимаемая ныне озером *Каль,* достаточно точно отображена на ПГМ рядом с озером *Шамотье*, однако границы данного озера чётко отмежёваны от неё. Кроме того, на той территории, где обозначено озеро *Шамо-*

тье, в настоящее время имеется несколько пересыхающих озёр, наполняющихся талой водой в период таяния снега, что указывает на возможность существования здесь в прошлом крупного озера.

Как мы полагаем, в результате изменений гидрологического режима на территории Самарской Луки, которые стали наиболее интенсивными с XVII в., озеро *Шамотье* исчезло, вследствие чего население села Торновое забыло и сам топоним. Вероятно, что именно к данному озеру изначально приурочивался известный в окрестностях Торнового ороним *Эрьхке-панда – Озёрная гора*. В настоящее время у подножия горы значимых озёр не имеется. Версия о том, что гора могла получить своё название от располагающегося рядом озера *Каль,* торновской мордвой решительно отвергается. Информаторы предлагали нам иную версию: они говорили, что ещё лет пятьдесят назад под этой горой была «настоящая вода», по которой они в детстве на плотах плавали. Такого рода временные озёра нередко появляются после весеннего разлива на Самарской Луке на месте существовавших в прошлом озёр и речных стариц. Также надо отметить, что ввиду семантического несоответствия, появившегося вследствие изменившегося гидрологического режима и исчезновения постоянного озера под горой, ороним *Эрьхке-панда* стал местным населением забываться. На смену ему пришло другое название – *Немецкая гора*, обусловленное тем, что во время Великой Отечественной войны на этой возвышенности разработкой доломита занимались пленные немцы [Беленов, 2018].

Представляет интерес этимология названия *Шамотье*. Ввиду относительно многочисленных достоверных топонимических параллелей с других территорий расселения носителей мордовских языков, с высокой степенью вероятности можно предложить для лимнонима *Шамотье* этимологическое решение от мокша-мордовского *шямонь* – ‘ржавчина’, *шямоню* – ‘ржавый’ (эрзя-мордовское соответствие – *чемень*). Названия подобного рода даются в различных этноязыковых средах водоёмам с застаивающейся водой, заболоченным озёрам. Таковы, большей частью, современные озёра в окрестностях села Торновое. Таким образом, принцип семантического соответствия для предложенной этимологии выполняется.

В энциклопедической работе Д.В. Цыганкина по топонимии Республики Мордовия для данного названия имеются следующие параллели:

– мокша-мордовские: *Шямонь* – ручей, приток реки *Большой Азясь*; *Шямонь ляйня* – речка, *Шямонь эшиня* – родник у села Новая Толковка Ковылкинского района; *Шямонь* – болото у села Пичпанда Зубово-Полянского района;

– эрзя-мордовские: *Чемень латко* – овраг с ржавой водой у села Лобаски Атюрьевского района; *Чеменьлей* – река в Ичалковском районе; *Чемень лисьмапря* – родник у села Семилей Кочкуровского района [Цыганкин, 2005].

Также следует указать топонимические параллели в пермских языках. Так, А.Н. Ракин приводит этимологию гидронима *Симъёль* на Верхней Вычегде из коми-зырянского: *сим* – ‘ржавый’, ‘ржавчина’ + *ёль* – ‘ручей’ = *Ржавый ручей* [Ракин, 2012, 125]. А.С. Кривощёкова-Гантман выделяет в коми-пермяцком языке географический термин *сим* со значением ‘ржавец’, ‘ржавое болото’ [Кривощёкова-Гантман, 1983].

Отметим также, что термин, лежащий в основе указанных лексем и восходящих к ним географических названий, вероятно, изначально имел в мордовских языках значение ‘тёмный’, возможно – ‘чёрный’. В современных мордовских языках чёрный цвет обозначается лексемами *равжо/раужо*, что является заимствованием из индоевропейских языков, где заимствованный термин обозначал ржавчину. При этом у мордвы исходная лексема со значением ‘тёмный’ и/или ‘чёрный’ претерпела семантическую эволюцию, изменив значение на ‘ржавый’, а также, предположительно, сохранилась в прежнем значении в составе ряда зоонимов: *шимонь* – ‘куница’, *чёмболкс* – ‘ласка’ и т. п. На бытование в мордовских языках данной лексемы в прошлом в значениях ‘тёмный’ и/или ‘чёрный’ указывают и параллели в других уральских языках: горномарийское *шим* – ‘чёрный’; луговомарийское *шеме* – ‘тёмный’, *сим* – ‘буровато-чёрный’; удмуртское *симыд* – ‘пасмурный’; финское *samea* – ‘тёмный’; мансийское *šemel* – ‘чёрный’.

В.И. Лыткин и Е.С. Гуляев реконструируют общепермскую основу для данной группы лексем **sim* [Лыткин, Гуляев, 1970, 258], а языковые параллели позволяют полагать, что она восходит к общеуральской праформе.

В заключение следует, однако, отметить, что лимноним *Шамотье* возник у торновской мордвы, вероятно, в тот период, когда лексемы с данной основой имели в мокша-мордовском языке значение, близкое либо идентичное современному.

Литература

Беленов Н.В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. Самара: Порто-принт, 2018. 200 с. {Belenov N.V. Moksha-Mordovian toponymy of Samara Luka. Samara: Porto-print, 2018. 200 p.}

Кривощёкова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь: Кн. изд-во, 1983. 175 с. {Krivoschyokova-Gantman A.S. Place-names of Verkhnee Prikamye. Perm: Komi book publishing house, 1983. 175 p.}

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с. {Lytkin V.I., Gulyaev E.S. Short etymology dictionary of Komi language. Moscow: Science, 1970. 386 p.}

Ракин А.Н. Проблема изучения региональной ономастики (на материале гидронимической лексики Верхневычегодского региона) // Интеграция образования. 2012. № 4. С. 122–127. {Rakin A.N. The problem of studying the regional onomastics (based on the gydronymy lexicon of Verkhnevychegotsky region). Integration of education. 2012. No 4. P. 122–127.}

Смолицкая Г.П. Карты Генерального межевания России как источник топонимического исследования // Развитие методов топонимических исследований. М.: Наука, 1970. С. 99–105.{Smolitsckaya G.P. Maps of the General land survey of Russia as a source of toponymic research. The development of methods of toponymic research. Moscow: Science, 1970. P. 99–105.}

Цыганкин Д.В. Память, запечатлённая в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 429 с. {Tscygankin D.V. Memory imprinted in the Word: dictionary of geographical names of the Republic of Mordovia. Saransk, 2005. 429 p.}

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 81-13

Ю.А. Бессонова, г. Орел

МНОГОЗНАЧНОЕ СЛОВО В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ГОВОРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В настоящей статье рассматривается специфика полисемичной единицы в литературном языке и говоре. Многозначное слово позиционируется как средство отображения фрагмента языковой картины мира. В качестве примера сопоставляются значения многозначного слова «ладить», представленного в словарях диалектной лексики и литературного языка. Анализ значений слова показывает его широкую употребительность в речи представителей сельского социума. Делается вывод о том, что семантика полисемичной единицы содержит знания о различных сторонах человеческой жизни и деятельности.

***Ключевые слова**: многозначное слово, литературный язык, говор, картина мира, языковая картина мира.*

***A POLYSEMANTIC SIGNIFICANT WORD IN A LITERARY LANGUAGE AND SUBDIALECT AS A REFLECTION OF A FRAGMENT OF A LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD.** This article discusses the specifics of the polysemic unit in the literary language and dialect. A multi-semantic word is positioned as a means of displaying a fragment of the linguistic picture of the world. As an example, the meanings of the multi- semantic word LADIT' 'get along' are compared in the dictionaries of dialect vocabulary and literary language. An analysis of the meaning of the word shows its widespread use in the speech of representatives of rural society. It is concluded that the semantics of a polysemic unit contains knowledge about various aspects of human life and activity.*

***Keywords:** polysemantic word, literary language, dialect, picture of the world, language picture of the world.*

Картина мира – объект изучения философии, психологии, языкознания. Являясь представлением об окружающей действительности, отраженном в сознании человека, картина мира основывается на систематизированных представлениях, мнениях и знаниях как отдельной личности, так и человеческой общности в целом. Языковая картина мира называет специфическим ее выразителем язык. К проблемам изучения языковой картины мира в последние десятилетия обращаются все больше исследователей, анализируя специфику этого понятия [Яковлев, 2017], исследуя ее этноязыковой аспект [Алещенко, 2008], сопоставляя картины мира у представителей различных народов [Кравцов, 2008] и др.

Проблемам описания языковой картины мира в народных говорах также посвящен ряд исследований [Белякова, 2005; Бессонова, 2010; Морозова, 2015].

Языковую картину мира можно представить как «ментально-лингвальное образование, ее элементами являются концепты, то есть означенные информемы» [Гончарова, 2012].

В настоящей работе обратимся к анализу семантики многозначного слова, функционирующего в орловских говорах и литературном языке, с целью выявления и описания фрагмента реальности, запечатленного в нем. Как известно, «слова запечатлевают в своих значениях целый мир», поскольку существует «неразрывная связь языка, культуры, истории, всей жизни народа» [Брагина, 1986, 24]. Этот мир способен сохраняться в семантике слова и воспроизводиться в человеческой памяти при употреблении слова в речи. Таким образом, оно становится средством накопления, сохранения информации, тех знаний, которые народ получил за свою историю.

Выбор предмета нашего исследования определяется тем, что многозначное слово, по сравнению с однозначным, позволяет запечатлеть в своей семантике знания о различных сторонах деятельности людей, их особенностях восприятия мира. Действительно, «одно – однозначное соответствие... противоречило бы природе языка как инструмента познания, естественному стремлению отразить многообразие явлений окружающего мира» [Литвин, 1984, 4]. Поэтому интересно рассмотреть, как полисемичная единица становится средством накопления и сохранения информации о мире, способом отражения фрагмента языковой картины мира.

Обратимся к одному из многозначных слов русского языка – глаголу *ладить*. В Словаре современного русского литературного языка он отмечен со следующими значениями: 1. Разг. Жить

в согласии, мире, дружить; 2. Приводить в порядок, в исправное, годное к употреблению состояние; Простореч. Изготовлять, делать что-либо, строить; 4. Обл. Делать что-либо в лад, согласно, равномерно (обычно при молотьбе); 5. Простореч. Намереваться, предполагать (делать что-либо), стремиться к чему-либо, норовить; 6. Обл. Договариваться, уславливаться; 7. Простореч. Говорить одно и то же, твердить [Словарь современного русского литературного языка, 1957, 24–25]. Слово содержит знания о типичных действиях человека в русской социокультурной среде. Это такие действия, как: взаимодействия между людьми, мирные, дружеские; действия, направленные на совершенствование объекта труда; действия, направленные на создание объекта в процессе труда; трудовые действия, равномерные, гармоничные; действия, направленные на достижение поставленной цели; действия, направленные на достижение результата в процессе человеческого общения; речевые действия, направленные на повторение высказывания. Интересно, что только одно из значений слова *ладить* является нейтральным, все остальные имеют пометы: одно – разговорное, два – областное, три – просторечное. Это дает основание предположить, что данное слово широко употребительно среди различных слоев населения, как городского, так и сельского. Вероятно, оно известно во всех своих значениях и носителям говора.

Интересно, что глагол *ладить* зафиксирован в Словаре орловских говоров со значениями: 1. Договариваться о бракосочетании, о свадьбе; 2. Делать что-либо ручным способом, мастерить; 3. Приводить в порядок, в исправное, годное к употреблению состояние, чинить, налаживать; 4. Делать что-либо в лад, согласно, равномерно; 5. Петь в лад, согласно с мелодией, слаженно [Словарь орловских говоров, 1994, 11].

Диалектное слово отражает разнообразные действия человека, носителя говора, которые являются для него повторяемыми, привычными и каждодневными. Это и действия, направленные на совершение обряда, заключение союза между мужчиной и женщиной; трудовые действия, повседневная работа, починка инвентаря и пр.; гармоничные коллективные трудовые действия; проявления вокального искусства.

Если суммировать значения, которые отмечены у глагола *ладить* в литературном языке, говорах, то их окажется 10. Все они содержат знания о различных сторонах человеческой жизни и деятельности: обрядовой, трудовой, речевого взаимодействия, трудовых отношений между людьми. Таким образом, значения многозначного слова *ладить* в литературном языке и орловском говоре относятся к ряду семантических полей: говорения, трудовой деятельности, обрядовой деятельности, взаимодействия и взаимоотношения. В этом смысле семантика полисемичного слова отражает различные реальности, в которых пребывает человек: от сферы внутрисемейных отношений до социального взаимодействия в организованном сообществе.

Итак, многозначное слово способно запечатлеть в себе различные стороны человеческой жизни и деятельности, становится способом отражения фрагмента языковой картины мира, содержит в своих значениях знания об отношениях людей, способах и формах их действия и взаимодействий, специфике образа жизни и мировосприятия личности в социуме и социума в целом.

Литература

Алещенко Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора: на материале народной сказки: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 432 с. {Aleschenko E. I. Ethnolinguistic picture of the world in the texts of Russian folklore: on the material of a folk tale: Dis. Dr. filol. sciences. Volgograd, 2008. 432 p.}

Белякова С.М. Прошлое и будущее в диалектной картине мира [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cinref.ru/razdel/01200filologia/01/78541.htm (дата обращения: 06.04.2020) {Belyakova S.M. Past and future in the dialectic picture of the world [Electronic resource] – Access mode: https://cinref.ru/razdel/01200filologia/01/78541.htm}

Бессонова Ю.А. Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах: структурный, коммуникативный, культурологический аспекты. Орел: Издательство ОРАГС, 2010. 224 с. {Bessonova Yu.A. Semantics of dialect verbs of speech in Oryol dialects: structural, communicative, cultural aspects. Eagle: Publishing house Orags, 2010. 224 p.}

Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. М., 1986. 128 с. {Bragina A.A. Synonyms in the literary language. M., 1986. 128 p.}

Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. С. 396–405. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya (дата обращения:

28.01.2020) {Goncharova N.N. Linguistic picture of the world as an object of linguistic description // Bulletin of Tula State University. Humanitarian sciences. 2012. S. 396–405. [Electronic resource] – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya}

Кравцов С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»): дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 2008. 391 с. {Kravtsov S.M. The picture of the world in Russian and French phraseology (on the example of the concept "Human Behavior"): Dis. Dr. filol. sciences. Rostov n / a., 2008. 391 p.}

Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М., 1984. 119 с. {Litvin F.A. The polysemy of a word in language and speech. M., 1984. 119 p.}

Морозова Т. И. Гендерные характеристики диалектной картины мира донского казачества: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 23 с. {Morozova T.I. Gender characteristics of the dialect picture of the world of the Don Cossacks // Abstract. diss. Cand. filol. sciences. Volgograd, 2015. 23 p.}

Словарь орловских говоров. Орел, 1994. Вып. 6. {Dictionary of Oryol dialects. Eagle, 1994. Vol. 6.}

Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1957. Т. 6. {Dictionary of modern Russian literary language. M.; L., 1957. T. 6.}

Яковлев А. А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 2. С. 5–20. {Yakovlev A. A. Linguistic picture of the world as a linguistic concept: a review of Russian publications in recent years // Tomsk State University Journal. Novosib. state university. Linguistics and Intercultural Communication Series. 2017. Vol. 15, No. 2. P. 5–20.}

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 83’373.6

А.В. Богатырев, г. Тольятти

К ПРОБЛЕМЕ БЫТОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ТЕРМИНА *РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ*

Пересматривается наличествующее в специальной литературе мнение относительно этимологии понятия «Речь Посполитая». Существенным подспорьем в этом деле могут послужить архивы дипломатических миссий, в особенности – первой русской резидентуры в Варшаве В.М. Тяпкина. Автор берется выяснить, каким смыслом наделялось у дипломата сочетание «Речь Посполитая», более четко определить хронологические границы его использования в русских текстах. Показывается, что употребление данного обозначения было достаточно активным.

***Ключевые слова**: топонимика, этимология, лексикография, архивные документы, польско-российские связи в 1673–1677 гг.*

***ON THE PROBLEM OF USING THE TERM RZECZPOSPOLITA IN RUSSIAN**. The opinion existing in the special literature concerning the etymology of the concept Rzeczpospolita is reviewed. Archives of diplomatic missions, especially those the first Russian residency in Warsaw of V.M. Tyapkin can serve as a significant help in this case. The author undertakes to find out what meaning was given by the diplomat to the combination Rzeczpospolita, to more clearly define the chronological boundaries of its use in Russian texts. It is demonstrated that the use of this designation was quite active.*

***Keywords**: toponymy, etymology, lexicography, archival documents, Polish-Russian relations in 1673–1677.*

Стремительными темпами происходят ныне изменения в науке, существующие знания дополняются новыми фактами, уточняются пределы распространения тех или иных терминов, понятий, языковых явлений. Это касается и, казалось бы, достаточно известных обозначений политико-государственного свойства – например, *Речь Посполитая*. Прибегнув в своих исследованиях к помощи Словаря русского языка XI–XVII вв., мы обнаружили среди прочих и такое пояснение к слову *Речь*:

Речь Посполитая (ср. польск. Rzeczpospolita). а) *Государство; республика.* Дабы в союзе… быти бъ и светлейшей речи посполитой Венецыйской. Петр I, 97. 1696 г. б) *О Польско-Литовском государстве.* На королевство Польское коруны польской и Великого княжества Литовского санатори и вся Речь Посполитая выбрали королем князя Саксонскаго. ДАИ XII 63. 1697 г. [СлРЯ, 1997, 154].

Как видим, случаи употребления понятия отнесены к 1690-м годам, но это взгляд на проблему из 1997 г. Естественно, любая словарная статья не может быть исчерпывающей, тем более что за многие годы накопились какие-то данные, произошло немало изменений. Желая разобраться в современном взгляде на время бытования в русском языковом поле данного термина, мы обратились к более поздним изысканиям. Конкретно по нашему вопросу трудов практически нет, за исключением, пожалуй, статьи В. Короткого, которая, правда, освещает тему на основе лексического субстрата Великого княжества Литовского [Короткий, 2006, 49–62].

В более новой работе Е.В. Генераловой затрагивается использование в русских текстах XVI–XVII столетий понятия *посполитый* (‘простой, национальный’; *поспольство* – ‘общество’ [СлРЯ, 1991, 218]), по ее словам, чаще всего встречающегося в сочетаниях *посполитое рушенье* (‘род ополчения в Польско-Литовском государстве’) и *Речь Посполитая*. Отмечается при этом, что словарные единицы, к которым относится интересующее нас обозначение, «достаточно редки и малочастотны» [Генералова, 2017, 33]. Верно подметив вероятность их происхождения из польского языка, через «простую мову», тем не менее автор права не во всем.

Непреложная истина: «перевалочным пунктом» для многих проникавших с Запада в русскую речь новых лексем стала Польша. Эта мысль обретает «резкость» при обращении к дипломатическим документам той поры, в частности, к донесениям первого постоянного представителя России в Речи Посполитой в 1673–1677 гг. В.М. Тяпкина. Совершенно естественно, что, продолжительное время живя в чужой стране, дипломат со временем впитывал ее культуру, в том числе и язык. В документах Тяпкина содержится внушительный объем иноязычной лексики, которая с письмами резидента попадала на стол к представителям высшей власти Московского царства.

В записях царского «агента» как раз и наблюдаем понятие *Речь Посполитая* («Речьпоспо-литая», «речь посполитая», «Речь По Сполитая»), причем мелькает оно весьма часто – и в переводных фрагментах, и в письменной речи самого россиянина. Судя по материалам миссии, термин также встречается в государственных бумагах, пересланных из Москвы резиденту. Так, по пути на место назначения, в Смоленске, к Тяпкину поступили две грамоты – о том, что царю известно о смерти польского короля Михаила Вишневецкого (к которому направлялся «московит») и что посланец, несмотря на это, должен «не мешкая» отправиться к «панам раде» и «всей *речи посполитой* (здесь и далее курсив наш – *А.Б.*)» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 161а, л. 6]. Траур не помеха миссии: с приставом поляки обязаны пропустить резидента в Варшаву «по андрусовским премирным договорам и по московском[у] постановлению к панам раде и к всей *речи посполитой*» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 161а, л. 14об.–15].

Как убеждаемся, Речь Посполитая соседствует у Тяпкина с *панами;* под интересующим нас топонимом, вероятно, подразумевали прежде всего «народ» – шляхту польско-литовской «жечи». В том числе и поэтому о *Речи Посполитой* отзывались как о живом существе, беспокоились о ее «здравии» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 182, л. 27]. Не случайно в приведенном в словарной статье отрывке «санатори» (приближенные короля) отделены от «всей Речи Посполитой» [СлРЯ, 1997, 154], так как имелось в виду не государство в качестве некоего отвлеченного института, а, скорее то самое «сословие». Ведь и в польском языке *rzecz* [Linde, 1859, 186–188] вместе со словом *pospolity* значит ‘народное, общее дело’ (глас народа). Выбранный в «республиканском» духе монарх, которым с 1674 г. стал Ян III Собеский, клялся соблюдать «золотые вольности», шляхетские права, обещал привилегированному слою: «Того ж месяца... королевское величество учинил всей *речи посполитой* в костеле святаго Яна [присягу] такову…» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 161а, л. 105об.]. Именно недовольство «рыцерства» вызвали притязания французской супруги Собеского, Марии Казимиры, на роль королевы. Сопротивление было сломлено, оставалось возмущаться, «каковым способом и мудрым поступком его королевское величество так учинил, еже без жадного *речи посполитой* постановления жену свою короновал…» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 178, л. 60об.].

Зачастую фраза *Речь Посполитая* сопутствует у Тяпкина лексеме *посол*. *Послами* величали представителей шляхты на сейм, вопросы решались от имени «всех сенаторов и *послов речи посполитой*» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 161а, л. 101об.–102]. Резидент сообщал – «в посолской палате, где заседают *послы речи посполитой* во время сеймов…», поверял в дела «суда, будущаго от *послов речи посполитой,* на тот час заседающих…» [Иванов, 1850, 310–311]. А на одном из выходов монарха «ехало панство, старосты, подкомории, и урядники высокие, и *послы речи посполитой* на сейм…» [Иванов, 1850, 313]. «Гневаютца сенаторы и *послы* все *речи посполитой*, что послов от великого государя, его царского величества, на сейм нынешней не слышат…» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 178, л. 99], – доводил Тяпкин до сведения вышестоящих особ.

Объект изучения трижды попадается нам на глаза в одном из писем московского дипломата: «Того же месяца… в посолской избе *послы речи посполитой* обрали маршалка, хоронжего Познанского, и со всеми чинами *речи посполитой* ходили в Сенаторскую избу к королевскому величеству (Яну III. – *А.Б.*), и витались с королевским величеством, и объявляли единогласно, и были у руки его королевского величества… А что в сенаторской избе сенаторы, также и в посолской избе *послы речи посполитой* в раде говорили, и тому царского величества резидент посылал чрез почту дневную записку на полском письме…» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 161а, л. 779–780].

Применялся термин *Речь Посполитая* и как синоним Польско-Литовского государства. Уместно здесь сослаться на строку из записей Тяпкина, согласно которой ставшая королевой Мария Казимира присягала «на права и волности шляхецкие и обыкновенных справ и поступков *речи посполитой* противна быть не может, а желателна будет всякого добра *государству* тому…» [Иванов, 1850, 319]. Лишь в одном переводе «делопроизводственного» документа («клятве» Яна III) наименование *Речь Посполитая* встречается примерно 47 раз [Богатырев, 2020, 82–103].

Из необъятных донесений Тяпкина взор выхватывает не менее сотни случаев использования словосочетания *Речь Посполитая* и как минимум столько же остается вне зрительного восприятия по причине внушительных размеров корреспонденции. Здесь мы сталкиваемся не только с изложением содержания польских бумаг, но и со словоупотреблением, «исторгнутым», так сказать, из уст самого московского человека. Разумеется, сфера бытования понятия *Речь Посполитая* была довольно специфической, однако в любом случае сложно согласиться с утверждением, что данный термин относится к «достаточно редким и малочастотным».

Литература

Богатырев А.В. Русский текст «Pacta conventa» Яна III Собеского и его польский первоисточник // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 19 / гл. ред. О.А. Туфанова; отв. ред. Е.А. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 66–103. {Bogatyrev A.V. Russian text of Pacta conventa by Jan III Sobieski and his Polish primary source. *Hermeneutics of old Russian literature*. Collection 19 / Chief-in-chief O.A. Tufanova; editor E.A. Andreeva. Moscow: IWL RAS, 2020. P. 66–103.}

Генералова Е.В. Относительные прилагательные в старорусском языке: становление системы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. С. 30–44. {Generalova E.V. Relative adjectives in the old Russian language: formation of the system. *Bulletin of the Tomsk state University. Philology*. 2017. No. 45. P. 30–44.}

Иванов П.И. Описание государственного архива старых дел. М.: Тип. С. Селивановского, 1850. XVIII, 390, II с. {Ivanov P.I. Description of the State archives of old sources. Moscow: S. Selivanovsky, printshop. 1850. XVIII, 390, II p.}

Короткий В. Термин «Речь Посполитая Литовская» в полемической литературе Великого княжества Литовского XVI–XVII вв. // SENOJI LIETUVOS LITERATŪRA. 2006. K. 21. S. 49–62. {Korotky V. The term *Rzeczpospolita Litewska* in the polemical literature of the Grand Duchy of Lithuania at the XVI–XVII centuries. SENOJI LIETUVOS LITERATŪRA. 2006. Book 21. P. 49–62.}

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 79, оп. 1, д. 161а, 178, 182. {Russian state archives of ancient acts. Fund 79, bordereau 1, individual file 161a, 178, 182.}

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1991. Вып. 17. 296 с. {Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Moscow: Nauka, 1991. Vol. 17. 296 p.}; Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1997. Вып. 22. 298 с. {Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Moscow: Nauka, 1997. Vol. 22. 298 p.}

Linde S.B. Słownik języka polskiego. Lwów: Zakład Ossolińskich, 1859. T. 5. 758 s.{Linde S.B. Dictionary of the Polish language. Lviv: Ossolineum, 1859. Vol. 5. 758 p.}

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ • ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.512.153

Т.Н. Боргоякова, К.Н. Бурнакова, г. Москва

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПРОЦЕССНОСТИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Работа выполнена по проекту No11.13. в рамках государственного задания РАНХиГС

Статья представляет исследование структурных особенностей хакасских средств выражения значения процессности, которые никогда раньше не подвергались специальному анализу. Кажущаяся простота их структуры скрывает в них один и тот же показатель –и/-ир, обеспечивающий значение процессности. В хакасском языке этот показатель используется в качестве средства выражения значения процессности действия в сочетании с временными формами, с соединительным деепричастием, с формой условного наклонения. В сложных синтаксических конструкциях функционирует для выражения динамичных действий.

Ключевые слова: *форма, аффикс, вспомогательный глагол, причастие, деепричастие, условное наклонение, грамматикализация, процессность.*

STRUCTURAL FEATURES OF THE MEANS OF EXPRESSING THE PROCESS IN KHAKASS. *The article presents a study of the structural features of the Khakass means of expressing the process. They have never been the objects of special analysis. The seeming simplicity of their structure hides in them an element -i / -ir, which possesses the meaning of process. In modern Khakass the element functions as a marker of process. It is used in combination with the tense forms, a coverb or a conditiona lmood. It is used within the verbal predicates in combinations with the present tense form –ir or past participle -ған. In complex syntactic constructions, it functions as a part of a dependent predicate, combining with a converb or with a conditional mood form, used to express dynamic, observable actions.*

Keywords: *form, affix, auxiliary verb, participle, particle, conditional mood, grammaticalization, processivity.*

В хакасском языке структурные особенности средств выражения значения процессности не подвергались специальному анализу. В рамках данной статьи процессность, вслед за А.В. Бондарко, понимается «как протекание неограниченного пределом действия в фиксируемый срединный период, когда оно уже начато, но ещё не закончено» [Бондарко, 2007, 85]. Для выражения этого значения в хакасском языке существует четыре формы с показателем процесса протекания действия *-и/-ир*: форма настоящего времени *-ир*; форма прошедшего времени *-иген*; форма соединительного деепричастия *-ирып*; форма условного наклонения *-и-за*. Специфика этих форм состоит в том, что все они содержат в своей структуре показатель процессности *-и/-ир*, что хорошо видно на следующих примерах: *Ол ибзер пар-и-р* ‘он идёт домой’ (настоящее время на *-ир*). *Ибзер пар-и-ған кізі* ‘идущий домой человек’ (причастие настоящего времени на *-и-ған*). *Ол ибзер пар-иған* ‘он шел домой’ (прошедшего длительное время на *-иған*). *Ибзер пар-ир-ып, …* ‘идя домой’ (деепричастие на *-ып* с полной формой *-ир* (< *-ир-ып*). *Ибзер пар-иза* , … ‘когда идёт домой’ (форма условного наклонения с элементом *-и-за*).

Все эти формы не только объединены наличием в их семантической структуре значения процессности, но и приобретают одинаковые сочетаемостные свойства: при наличии в их составе показателя процессности *-и/-ир*, они могут употребляться только с глаголами *пар- ‘идти туда’*, *кил- ‘идти сюда’*. Этот факт дает основание предположить, что и форма настоящего времени на *-ир* тоже является сложной формой, сочетающей в себе показатель процессности и времени. Без определения границ между временной формой *-ир* и показателем процессности *-и/-ир* сложно анализировать все другие формы.

Структурно-семантический анализ формы *-ир* предполагает раздельное рассмотрение скрытых в ней двух аффиксов: временной формы, изначально восходящей к форме широкого настоящего *-ар*, и показателя процессности *-и/-ир*, который восходит к вспомогательному глаголу *ир-/и-*.

Глагол *ир-/и- ‘быть, являться’*, известный в других тюркских языках как «*ӧр-, э-, і-*», утратил собственное значение глагола, но сохранился в некоторых тюркских языках в функции предикативной связки [Щербак, 1981, 138]. Кроме указанных фонетических вариантов, он также имел фонетический

вариант *-ир*, который подвергся воздействию процесса редукции и выпадения звука *-р*. В результате этих преобразований в одних языках он сократился до *э-*, а в других – существует в виде *и-* [Дмитриев, 2008, 182]. В хакасском языке он не существует как глагол, но сохранился преимущественно в виде *и-* в сочетании с другими аффиксами, а с соединительным деепричастием употребляется в своей полной форме *ир-*. Его существование отмечено только в грамматических формах *-ир-ып,-и-за,-иған,-ир.*

В системе хакасских временных форм *-ир* относится к узко специализированным, поэтому находится на периферии поля [Боргоякова, 2020]. В хакасских публикациях она рассматривается как форма, не имеющая сложной структурной организации. В.Г. Карпов считает, что этот аффикс «исторически восходит к древнему тюркскому причастию настояще-будущего времени на *-ар/-ер/-ыр/-ир* и не относится к числу сложных [Карпов, 2007, 38]. На самом деле, эта форма послужила лишь основой для образования структурно и семантически более сложной формы настоящего времени на *-ир*. Она имеет только один фонетический вариант *-ир,* что может свидетельствовать о фонетических процессах, связанных со стяжением и выпадением звуков на стыке морфем. Форма *-ир* могла возникнуть в результате слияния двух архаичных аффиксов. В качестве первого компонента мог выступать глагол *ир-* ‘быть, являться’, а второго – форма настоящего времени на *-ар*. Похожее явление имеется у Э.Р. Тенишева при описании именного сказуемого саларского языка. Он рассматривает реликт «древне-уйгурской связки настоящего времени ärür (är= ‘быть’+ ür): … ašy … ät qan ärür ... ‘пища их … мясо и кровь’». Далее он приводит изменение ärür в фонетическом отношении: ärür > är > ä/i [Тенишев, 1976, 210]. Аналогичное явление наблюдается в этой хакасской временной форме на *-ир*. Можно предположить, что этот аффикс образовался как результат «фузионного сплавления» [Грамматика, 1988, 399] вспомогательного глагола *ир-* и формы настоящего времени на *-ар.* Полученная таким образом форма настоящего времени на *-ир* является аспектуально-временной формой, обладающей такими характеристиками, которые не свойственны ни одной из форм системы настоящего времени. Это время не имеет отрицательной формы и обладает узко специализированным значением процессности. Именно это значение обеспечивает ей устойчивое положение во временной системе. Например*: Кем пеер кил-ир?* ‘Кто идет сюда?’ Из этой фразы можно судить, что действие динамично, наблюдаемо и происходит в момент речи. В современном хакасском языке эта форма употребляется для выражения: процессности действия, совпадающего с моментом речи; протяженности, непрерывности действия, не ограниченного временными рамками; процессности действия, происходящего в определенный момент прошлого, но передающегося с помощью эллиптической конструкции с формой условного наклонения.

Формант -иған не вошел в число временных форм, отмеченных академической грамматикой, но он отмечен среди причастий настоящего времени *-иған/-иген* [ГХЯ, 1975, 232]. В исследованиях, посвященных вспомогательным глаголам в тюркских языках, А.М. Щербак выделяет глаголы *ӧ(р)-* ‘быть’ и *бол-* ‘быть’, ‘становиться’ в отдельную группу вспомогательных глаголов, выполняющих «функции предикативной связки» и служебного компонента других перифрастических образований [Щербак, 1988, 138]. В рамках данного исследования представляют интерес такие формы, как «*ӧрӱр, ӧркӓн ~ і(р)кӓн, ӧ(р)міш*» [Щербак, 1981, 136], поскольку этот ряд можно пополнить хакасской формой *-иған/-иген*. В хакасском языке сочетание глагола *и(р)- ‘быть’* с причастием прошедшего времени на *-ған* способствовало модификации базового значения исходной формы и образованию причастия настоящего времени на *-иған с* фонетическим вариантом: *-иген* (*пар-иған ‘уходящий’ и кил-иген ‘приходящий’*). Существуя в языке и как причастие настоящего времени, и как форма прошедшего времени, регулярно используется в функции конечного сказуемого или зависимого сказуемого в сочетании с падежными и послеложными формами. Например: *пар-иған кізі* – идущий человек; *ол ибзер пар-иған* ‘он шел домой’; ибзер пар-иған-да ‘ когда он шёл домой …’. Причастие на *-иған*, как и любая другая причастная форма, может выступать в роли разных членов предложения, но наиболее часто употребляется в функции определения, например: *Син хайдаң пар-иған, хайдар пар-иған пала полчазың? ‘Ты откуда идущим, куда идущим ребёнком являешься?*’. Причастие на *-иған* является близким синонимом причастия настоящего времени на *-чатхан*, но в отличие от последнего, имеет значение процессности. Прошедшее время на *-иған* сочетает в себе значения времени и аспектуальное значение процессности действия в прошлом.

Формант на -иза (-ир-са). Форма условного наклонения на *-са* сочетается с усеченной формой вспомогательного глагола *ир-*, образуя формант *-иза*. Этот формант всегда выступает в качестве зависимого сказуемого придаточного предложения времени. Например: *Апсах кізі париза, ибіҷек хы-*

ринда пір ах хулун турчатчаң полтыр. ‘Когда старик шел, около юрты белый жеребёнок стоял (=обычно)’. В зависимой части сложного предложения формант *-иза* выражает длительность зависимого действия, совпадающего с главным. В данном случае сказуемого главного предложения является регулярно повторяющимся действием в прошлом.

Соединительное деепричастие *-ып,* в отличие от форм *-ған* и *-са,* присоединяется к полной форме вспомогательного глагола *ир-*, сохраняя конечный *-р*: *пар-ир-ып ‘идя’*. Сравним употребление *ир-* с деепричастием и с формой условного наклонения в следующем примере: *Пір аалны арали пар-ир-ып, көр пар-и-за, хости пір сиденде ікі киис иб турча. ‘(Когда) Проходя по одной деревне, видит, у одной изгороди две войлочные юрты стоят’*. Из примера видно, что обе части – и деепричастная часть, и часть с формой условного наклонения, выражают длительные действия в процессе их одновременного совершения. Весь комплекс действий относится к одному временному плану: «проходит…, видит… и стоит…», который можно назвать темпоральной полипредикативной конструкцией, выражающей общую временную соотнесенность.

Таким образом, в современном хакасском языке вспомогательный глагол *ир- ‘быть’* сохранился в языке только в составе сложных грамматических формантов: -ир, *-ир-ып, -иза*, *-иған*. Преобразуя эти формы своим участием, он способствует модификации их семантической структуры тем, что вносит в них дополнительное значение процессности. Все эти средства выражения значения процессности образовались в результате длительного процесса грамматикализации и используются в простых (*-ир, -иған*) и сложных (*-ир-ып*, *-и-за, -и-ған-да*) предложениях в качестве зависимых или главных предикатов.

Литература

Боргоякова Т.Н., Бурнакова К.Н. Употребление формы на -ир и её сочетания в функции настоящего времени // Казанская наука № 2. Казань: Рашин Сайнс, 2020. С. 83–85. {Borgoyakova T. N., Burnakova K. N. The use of the -ir form and its combinations in the present tense function // Kazan science № 2. Kazan: Rashin science, 2020. P. 83–85.}

грамматика хакасского языка. М.: Наука. 1975. 418 с.{The grammar of the Khakass language. Moscow: Science, 1975. 418 p.}

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.: Наука, 2008. 264 с. {The grammar of the Bashkir language. Moscow: Science, 2008.}

Карпов В.Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во ХГУ, 2007. 260 с. {Karpov V.G. Khakass language: problems and development prospects. Abakan: Publishing House of KSU, 2007. 260 p.}

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.{Comparative historical grammar of the Turkic languages. Morphology. Moscow: Nauka, 1988. 560 p.}

Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. М.: Наука, 1976. 574 с. {Tenishev E. R. The Structure of the Salar language. Moscow: Nauka, 1976. 574 p.}

Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 5-е изд., стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 352 с. {The theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporary localization, taxis. 5th Ed. stereotyped. Moscow: Komkniga, 2007. 352 p.}

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л.: Наука, 1981. 183 с. {Shcherbak A.M. Essays on the comparative morphology of the Turkic languages. The verb. Leningrad: Nauka, 1981. 183 p.}

УДК 809.461.281-4

М.Д. Ваджибов, г. Махачкала

О ДОЛГИХ И КРАТКИХ ГЛАСНЫХ В ТАБАСАРАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье описаны долгие и краткие гласные в табасаранском языке. При этом долгие функционируют как в литературном языке, так и в говорах. Долгота на письме орфографически не обозначается, хотя долгими могут быть любые табасаранские гласные. Краткие же представлены только в говорах, которые обычно являются гласными верхнего подъема. Если краткие встречаются как в исконных, так и в заимствованных словах, то долгие в основном используются в словах иноязычного происхождения. Краткие гласные всегда безударны и занимают только предударное положение, а долгие могут быть как ударными, так и безударными.

***Ключевые слова**: табасаранский язык, долгие и краткие гласные, простой гласный, долгота, краткость, говор, звук, ударение, процесс.*

***ABOUT LONG AND SHORT VOWS IN THE TABASARAN LANGUAGE**. The article describes long and short vowels in the Tabasaran language. At the same time, long ones function both in the literary language and in dialects. The length is not marked out in spelling, although any Tabasaran vowels can be long. Short ones are presented only in dialects. These shorts are usually vowels of the upper range. If the short ones are found in both original and borrowed words, the long ones are mainly used in words of foreign origin. Short vowels are always unstressed and occupy only a pre-stressed position, and long vowels can be either stressed or unstressed.*

***Keywords**: Tabasaran language, long and short vowels, simple vowel, longitude, brevity, dialect, sound, stress, process.*

В системе вокализма табасаранского языка представлены долгие, простые и краткие гласные. Долгие характеризуются длительностью в произношении по сравнению с другими гласными, а кратким свойственна меньшая длительность в произношении, чем долгим и нейтральным (простым) в отношении к признаку «долгота-краткость» [ЛЭС, 1990, 106].

П.К. Услар отмечал, что в табасаранском языке решительно не существует различия между долгими и «короткими» гласными [Услар, 1979, 56]. А.М. Дирр писал, что «*в табасаранском языке нет долгих. Конечно, неударяемые гласные беглее, короче других…*» [Дирр, 1905, 4]. Долгие и краткие гласные, по мнению А.А. Магометова, – это результат фонетических изменений [Магометов, 1965, 30–32]. Б.Г.-К. Ханмагомедов подчеркивал, что в различных говорах табасаранского языка представлены долгие и краткие гласные [Ханмагомедов, 1967, 546]. На взгляд К.Т. Шалбузова, гласные в отношении к признаку «долгота-краткость» в табасаранском литературном языке нейтральны. Долготу, которая является отголоском качественной характеристики гласных, имеют некоторые заимствования [Шалбузов, 1984, 14, рукопись]. В табасаранском языке долгие гласные **ā, āь** наличествуют в словах иноязычного происхождения, ср.: **ъāжжýгъ** (аз.) «*гнев, гневный*», **лāзýм** (ар.) «*нужный»*, **ъāьлýм** (ар.) «*ученый*», **мāьлýм** (ар.) «*учитель*» и др. [Алексеев, Загиров, 1992, 7, 11, 49, 56]. Кстати, в одном источнике отмечено, что «*в немногочисленных заимствованных словах с долгими гласными ударный гласный не совпадает с долгим*» [Ханмагомедов, 1967, 548].

В рассматриваемом языке прослеживается звукосоответствие «*простой гласный **а** + щелевой язычковый звонкий согласный **гъ** – долгий гласный*», причем долгий гласный – это показатель говоров нитрикского и этегского диалектов, а *простой гласный + согласный* – это норма в литературном языке. Приводим слова, в которых норма и диалектное употребление лексемы указаны через косую черточку и на первом месте дан литературный вариант, а на втором – произношение в говорах, то есть вместо диалектных долгих гласных **ā, āь, ō** в литературном языке используется сочетание **а + гъ**. ср.: **ъ<u>агъ</u>зýр/ъāзýр** «*тысяча*», **j<u>агъ</u>лачú/jāлачú** «*сковородка*», **гь<u>агъ</u>мý/гьōмý** (мест.) «*расположенное далеко наверху, то, что наверху*» и пр.

В отрицательных формах повелительного наклонения и в табасаранском литературном языке, и в межгюльском говоре нитрикского диалекта представлены долгие ударные гласные, где налицо синхронный звуковой процесс «*простой гласный → ударный долгий гласный*», ср.: **ъилдитýб** «*снять*» **→ ъýлдит** «*сними*» **→ миъōлдитан/мōлдита** «*не снимай*»; **ъалахьýб** «*одеть, надеть*» **→ ъáлахь**

«*одень, надень*» → **маъāлахьан**/**мāлахьа** «*не одевай, не надевай*» и др. Очевидно, появление данных долгих гласных связано и с фиксированным ударением в глагольных формах, и с близким расположением одинаковых гласных. Долгота в литературном языке, где налицо явление сингармонизма, отличает одинаковые гласные друг от друга: простой ударный гласный становится долгим, а гласный в префиксе остается простым. В говоре, возможно, имеет место процесс гаплологии.

В табасаранском языке долгие гласные функционируют и в ряде исконных слов, ср.: **māгъá** «*сопля*», **вāрú** «*все*», **ъаьйттōз** (межгюльский говор) «*не знаю*» (при этом [**ó**] является ударным) и пр. Долгие гласные встречаются или под ударением (в говорах), или в предударном положении.

В литературе отмечено, что долгота гласных не имеет фонематического значения [Ханмагомедов, 1967, 546]. По нашему мнению, в диалектах именно по признаку долготы гласных можно различать омонимичные слова, ср.: **гьóтму** «*то, что там*» и **гьōтму** (где [**ó**] долгий) «*то, что там дальше*» и др.

В орфографии табасаранского языка не только не используется долгота звуков, но и не отражается краткость гласных, функционирующих в хивском, яракском, сиртичском и других южных говорах. На месте краткого звука в нормативной грамматике дается или простой безударный гласный, ср.: **китáб**/**кӀиттáб** «*книга*», **кумúш**/**кӀумúш** «*айва*» и др., или же в редких примерах ничего не применяется, ср.: **хпир** «*женщина, жена*» → **хпар** (орфогр.)/**хӀупар** «*женщины, жены*», **шид** «*вода*» → **штар** (орфогр.)/**шӀиттáр** «*воды*» и др. В южных говорах (села Чере, Зирдаг, Зильдик, Хив и др.) краткие гласные, являющиеся только гласными верхнего подъема, встречаются исключительно в предударных слогах как в исходных формах двусложных слов, так и в косвенных формах, ср.: исх. **и/ӏ - хинá/хӏинá** «*краска для волос*»; исх. **уь/ӯь** – **куькúь/кӀуьккúь** «*цветок*»; исх. **у/ӯ** – **чухрá/чӀухрá** «*прялка*»; исх. **и** – **хил** «*рука*» → косв. **и/ӏ - хилáр/хӏилáр** «*руки*»; исх. **уь** – **куьл** «*ветка*» → косв. **уь/ӯь** – **куьлéр/кӀуьлúр** «*ветки*»; исх. **у** – **сул** «*лиса*» → косв. **у/ӯ** – **сулáр/сӀулáр** «*лисы*» и др. Данный переход, который называем ослаблением простых гласных, является живым процессом в языке, при котором ударение с корня переходит на показатель формы и гласные звуки могут подвергаться изменениям. Если в литературном языке предударный гласный в косвенной форме является простым, то в говорах этот звук может быть или простым, или кратким, ср.: **сул** «*лиса*» → **сулáз/сӀулáз** «*лисе*»; **мукь** «*гнездо*» → **мукьáр** «*гнезда*» (одинаковое произношение в говорах и литературном языке) и др. При этом в говорах в косвенных формах краткие гласные появляются только при условии, если исходная форма слова односложна, ср.: **хил** «*рука*» → **хилúз/хӀилúз** «*в руку, на руку*», **хал** «дом» → **хулáъ/хӀулá** «*в доме, дома*» (**а** → **у/ӏ**), **чуркк** «*детеныш*» → **чуркáр/чӀуккáр** «*детеныши*» и др. В межгюльском говоре мы обнаружили спорадический случай звукоперехода **ӯь** → **уь** только в единственном числе одной двусложной лексемы, ср.: **хуьнú/хӯьнú** «*корова*» → **хуьндú/хуьнжжú** «эрг. п., ед. ч.», **хуьндúн/хуьнжжúн** «р.п., ед.ч.» и др., **но**: **хуьнйúр/хӯьнúр** «*коровы*» → **хуьнйúриз/хӯьнúриз** «*коровам*» и др.

Может быть, в примерах типа **циркúл**/**цӀиккúл** «*ветка, отрасль*» в говорах не наличествует краткий гласный, а призвук является огласовкой последующего за ним ударного гласного. Однако положение о том, что для современного табасаранского языка не характерно стечение согласных в анлауте, предполагает обязательное наличие гласного между консонантами. Кроме того, при изменении формы слова простой ударный гласный в южных говорах может выпадать, а призвук остается, ср.: **циркúл**/**цӀиккúл** «*ветка, отрасль*» → **циркláр**/**цӀиккláр** «*ветки, отрасли*»; **чимúл/чӀимúл** «кизил» → **чимláр**/**чӀимláр** «мн.ч.»; **чурчул**/**чӀуччул** «*ящерица*» → **чурчláр**/**чӀуччláр** «*ящерицы*» и др. Исходя из этих примеров, где налицо выпадение корневых гласных, мы считаем, что призвук является самостоятельным кратким звуком, хотя указанное выше положение не всегда действует: при изменении ряда двусложных исходных лексем ранее ударный гласный не выпадает. При этом не подвергается изменениям и краткий безударный гласный, ср.: **хилúнцц**/**хӀилúнцц** «*крыло птицы*» → **хилинццáр**/**хӀилинццáр** «*крылья птицы*»; **кукушв/кӀуккушв** «*пустой грецкий орех*» → **кукушвáр/кӀуккушвáр** «мн. ч.» и др.

В южных говорах наличествует еще один звук, который в редких случаях выступает как краткий гласный – это звук **ă**, являющийся гласным нижнего подъема: его мы обнаружили только в косвенных формах в нитрикском диалекте, ср.: **хьа** «*есть, находится рядом*» → **хьтар** (орфогр.)/**хьăттáр** «*нет, не находится рядом*»; **кас** «*человек*» → **касáр/кăсáр** «*люди*», **цал** «*стена*» → **цалáр/цăлáр** (хивский говор) «*стены*» и др.

Как результат адаптации мы рассматриваем функционирование кратких гласных в заимствованиях, ср.: **чулáхъ/чӀулáхъ** (из перс. яз.) «*сухорукий, безрукий, калека*», **шурпá/шӀуппá** (из азерб. яз.) «*суп*» [Алексеев, Загиров, 1992, 85, 91], **пич** (сущ., из русск. яз.) «*печь*» → **пичáр/пйчáр** «*печи*» и др.

В табасаранской ономастике используются краткие гласные, а долгие не представлены, ср. названия селений, ср.: **Тинӳ́т**/**Тйнӳ́тI** «*Тинит*», **ЧвулáтI**/**ЧвӳлáтI** «*Чулат*», **Куьрáьгъ**/**Кӳьрáьгъ** «*Кюряг*» и др. При изменении форм этих топонимов краткие гласные не выпадают, ср.: **Чувéкк**/**Чйвӳ́г** «Чувек» → **Чувéккна**/**Чйвӳ́гна** «*в Чувек*» (куда?), **СиртIӳ́ч**/**Сйттӳ́чI** «*Сиртич*» → **СиртIичáн**/**СйчIáн** «*из Сиртича*» (откуда?), **Хуьчнá**/**Хӳьчнá** «*Хучни*» → **Хуьчнáз**/**Хӳьчнáз** «*на Хучни*» (смотреть), «*в Хучни*» (съездить) и др. В межгюльском же говоре мы нашли два наименования топонимов, которые расположены на территории селения и в которых произносятся краткие гласные, ср.: **Хьӳрáр** «*название местности;* этимология не ясна; употребляется только во множественном числе» и **ШйтIӳ́н** «*наименование родника в центре селения*» (букв. «*на роднике*»: налицо процесс **д** → **тI**; ср.: **ШйтIӳ́н** ← **шид** «*вода*»). В обеих лексемах при словоизменении краткие гласные сохраняются, что характерно для поведения указанных звуков в табасаранских словах-топонимах, ср.: **Хьӳрáрихъ** «*указывает данную местность*» (происходить, находиться), **Хьӳрáрихъна** «*направление, поездка, поход именно на эту территорию*» (сходить, съездить) и т. д.; **ШйтIӳ́на** «*на родник за водой*» (сходить), **ШйтIлá** «*с родника*» (возвращаться) и т. д.

Б.Г.-К. Ханмагомедов отмечал, что краткие гласные не являются фонемами [Ханмагомедов, 1967, 546]. Мы полагаем, что в межгюльском говоре в косвенных формах краткие гласные могут выполнять смыслоразличительную функцию, о чем свидетельствует следующая минимальная пара с корреляцией **у – ӳ**, ср.: **хулáр** «*канавы*» (← **хул** «*канава*») – **хӳлáр** «*дома*» (← **хал** «*дом*»).

Примеры с коррелятами **и – ӣ, уь – ӳь, а – ӑ** для определения фонематичности звуков в говорах и диалектах нами не зафиксированы.

Таким образом, в табасаранском языке представлена корреляция гласных по долготе-краткости, в которой краткие гласные встречаются только в предударных слогах, а долгие – в предударных и ударных. Отличительными особенностями ряда табасаранских говоров от литературной нормы в области долгих и кратких являются: 1) наличие в говорах кратких гласных **ӣ**, **ӳь**, **ӳ**, **ӑ**; 2) функционирование долгих гласных в говорах шире, чем в литературном языке; 3) долгие и краткие гласные не используются после ударных гласных.

Литература

Алексеев М.Е., Загиров В.М. Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. 96 с. {Alekseev M.E., Zagirov V.M. School etymological dictionary of the Tabasaran language. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1992. 96 p.}

Дирр А.М. Грамматический очерк табасаранского языка. ММОМПК, XXXV. Тифлис, 1905. С. 1–8. {Dirr A.M. Grammar outline of the Tabasaran language. MMOMPK, XXXV. Tiflis, 1905. P. 1–8.}

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.М. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с. {LED – Linguistic Encyclopedic Dictionary (Ch. Ed. V. Yartseva). M.: Soviet Encyclopedia, 1990. 685 p.}

Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1965. С. 1–78. {Magometov A.A. Tabasaran language. Tbilisi: Metzniereba, 1965. P. 1–78.}

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 34–64. {Uslar P.K. Ethnography of the Caucasus. Linguistics. VII. Tabasaran language. Tbilisi: Metsniereba, 1979. P. 34–64.}

Ханмагомедов Б.Г.-К. Табасаранский язык // Языки народов СССР. В 5 т. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967. С. 546–548. {Khanmagomedov B.G.-K. Tabasaran language // Languages of the peoples of the USSR in 5 volumes. T. 4. Iberian-Caucasian languages. M.: Nauka, 1967. P. 546–548.}

Шалбузов К.Т. Нормативная грамматика табасаранского литературного языка. Графика и фонетика (Вокализм). Махачкала, 1984 (Рукописный фонд ДНЦ РАН. Фонд 3. Опись 4. Документ № 543). 31 с. {Shalbuzov K.T. The normative grammar of the Tabasaran literary language. Graphics and Phonetics (Vocalism). Makhachkala, 1984 (Manuscript Fund of the DSC RAS. Fund 3. Inventory 4. Document No. 543). P. 31.}

УДК 811.512.1’373.21

М.Р. Валиева, г. Уфа

СЕМАНТИКА НЕКОТОРЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ АНТРОПОНИМОВ

Данная статья посвящается антропонимам с неизвестной семантикой, которые встречаются в башкирских фольклорных текстах. Лексико-семантический и лексико-этимологический анализы основ личных имен позволяют обнаружить древнетюркские апеллятивы и мотивы в традициях имянаречения древних башкир. По мотивам имянаречения автор выделил следующие типы антропонимов: имена-благопожелания, имена-обереги и имена-описания.

Ключевые слова: *мифоантропоним, фольклор, древнетюркский, апеллятив, башкирский.*

SEMANTICS OF SOME FOLKLOR ANTHROPONYMS*. This article is devoted to anthroponomy with unknown semantics, which are found in Bashkir folk texts. The lexical-semantic and lexico-etymological analyses of the stems of personal names make it possible to discover ancient Turkic appellatives and motives in the traditions of the name-giving of the ancient Bashkirs. Based on the name-giving, the following types of anthroponomy have been distinguished: benevolent names, amulet names, and description names.*

Keywords: *mythanthroponomy, folklore, ancient Turkic, appellative, Bashkir.*

Личные имена как образец духовной культуры неоценимы в изучении истории языка народа, их лексико-семантическое и этимологическое исследование позволяет выявить основные этапы исторического развития и формирования лексических пластов.

Башкирская антропонимия имеет прозрачную семантику для большинства носителей башкирского языка в целом. См.: *Айгөл* ‘лунный цветок’, *Таңһылыу* ‘утренняя красавица’, *Иштуған* ‘родился друг, помощник’, *Кинйә* ‘самый младший’ и т. п. Однако некоторые древнебашкирские антропонимы, известные по фольклорным текстам, не совсем ясны и понятны современным башкирам. Их семантика и этимон остаются неизвестными, например, *Алдар батыр, Кужак батыр, Сүкем батыр, Байык сәсән, Барсын һылыу, Маянһылыу, Уҙак-Туҙак, Ек Мәргән, Коблан* и др., несмотря на то, что они являются исконно тюркскими именами собственными. Также следует отметить, что многие фольклорные имена башкирских батыров не вошли в состав лексико-семантических словарей антропонимов, где выявлено и описано их нарицательное значение.

В связи с вышесказанным, мы решили разъяснить архаичную коннотацию фольклорных личных имен в лексико-семантическом, сравнительно-сопоставительном аспектах и определить этимоны антропонимов. Основным источником для пояснения семы и апеллятива устаревших имен собственных мы выбрали «Древнетюркский словарь» (1969).

Древние урало-алтайские племена верили в магическую силу слова и соблюдали интересные традиции имянаречения. Их традиции перешли в последующие эпохи тюркских и монгольских народов. Распространенными являются имена-благопожелания, согласно которым родители верили влиянию значения личных имен на характер и судьбу его носителя. К таковым, то есть предопределяющим дальнейшую судьбу ребёнка, можно отнести следующие антропонимы из эпических сказаний.

Алдар батыр – историческая личность *Алдар Исекеев* (Исянгильдин, годы жизни –1670 –1740) – башкирский потомственный тархан, батыр и старшина Бурзянской волости, участник Крымского и II Азовского (1696) походов русской армии, предводитель башкирского восстания 1704–1711 гг., так называемого Алдар-Кусюмовского бунта, посол России в казахском Младшем жузе. После взятия Азова сам царь Пётр I при награждении героев битвы, проявивших большую отвагу, вручил своими руками ярлык-грамоту батыру Алдару Исекееву и наградил его саблей с золотыми ножнами [Акманов, 2015; Асфандияров, 2006, 81].

Антропоним *Алдар* невозможно объяснить через современный башкирский апеллятив *алдар* ‘лжец и лгун’. Наши поиски в лексико-семантическом аспекте выявили, что имя собственное восходит к монгольскому апеллятиву *алдар,* который означает ‘почет и слава’.

Байык (Айҙар) сәсән – историческая личность *Баик Аблаев* (по другим данным – *Баймухамет Байназаров*; годы жизни – 1 декабря 1710 – 1 октября 1814) – известный башкирский поэт-импровизатор, сэсэн, певец и кураист, борец за справедливость и свободу башкирского народа. Родился в деревне Мунай (по другим данным – Махмутово) Мурзаларской волости Сибирской дороги

(ныне в Салаватском районе Башкортостана). Сын тархана Байназара Айдар Баик принимал участие в башкирских восстаниях 1735–1740-х годов и 1755–1756-х годов. Преследуемый царскими карателями, он скрывался в казахских степях. Но к началу Крестьянской войны вернулся на родину. Разъезжая по аулам, он выступал со своими песнями, в которых зажигательным поэтическим словом призывал земляков примкнуть к повстанцам, к их предводителям Емельяну Пугачеву и Салавату Юлаеву.

Во время Отечественной войны 1812 г. своими песнями и стихами он напутствовал полки башкирских батыров, отправлявшихся на поля сражений с армией Наполеона, также встретил победителей песней «Байык» [Акманов, 2015].

Многие древнебашкирские антропонимы имели нарицательный смысл и выступали в роли апеллятивной лексики, в том числе и имя собственное *Байык* некогда употреблялось в качестве нарицательного слова, которое зафиксировано в «Древнетюркском словаре» (1969) и в словаре Махмуда Кашгари в форме *bajïq* ‘правдивый, истинный’, *bajïq cöz* ‘правдивое слово’. Значение данного антропонима способствовало быть правдивым и вдохновлять народ истинными словами этого героя башкирских эпосов, что доказывает смысл антропонима *Байык* и богатая поэтическая словесность сэсэна.

Кроме вышесказанных, в башкирских эпосах «Ҡоблан батыр», «Тарғын менән Ҡужаҡ» наблюдаем персонажи с антропонимом *Ҡужаҡ, Ҡара-Ҡужаҡ,* который образован от неизвестного в башкирском языке апеллятива. Данная лексема зафиксирована в «Древнетюркском словаре» в форме Qujaq, Qujaγ и означает ‘панцирь, кольчуга’ [ДТС, 1969, 464]. Также имя *Сүкем* батыра берет свое начало от древнетюркского апеллятива *soqïm* ‘деревянный трехгранный свистящий наконечник стрелы’ [ДТС, 1969, 509]. Возможно, родители верили в магическую силу слова и поэтому давали такие имена-обереги, желая защитить ребенка от разных бед, напастей.

В составе следующего личного имени эпического героя *Ек мәргән* видим две основы, где слово *ек* восходит к древнетюркскому апеллятиву *jek* ‘демон’ или *jeg* ‘хороший’ [ДТС, 1969, 252, 253] + общетюркский апеллятив *мәргән* ‘стрелок; меткий’. Семантико-структурный анализ данного мифоантропонима представляет, что имя героя образовано путем сложения двух апеллятивов и носит описательный, оценочный характер – ‘хороший (меткий) стрелок’ или ‘демон-стрелок’.

Барсынһылыу – это богатырская красивая дева, обручённая с легендарным батыром тюрков Алпамышем. Эпос распространен у казахов, киргизов, узбеков, каракалпаков – «Алпамыс», у башкир «Алпамыша», татарская версия называется «Алпамша», среди западносибирских татар «Алып Мямшян», алтайцев «Алып-Манаш». В Средние века женское имя *Барсын* означало ‘шелк, шелковый; парча, парчовый’, так как в ДТС и в словаре Махмуда Кашгари зафиксирован апеллятив *barčïn* с такой семантикой [ДТС, 1969, 80]. В древности шелк и парча были атрибутами роскоши и высокого социального положения.

Маянһылыу – красавица, обрученная с Ҡуҙыйкурпәсем до своего рождения. Однако судьба влюбленных сложилась трагично. По разным версиям эпоса влюбленные по-разному погибают. Эпос известен у казахов «Козы Корпеш – Баян сулу», у барабинских татар – «Козы Корпеш», у алтайцев – «Козы Эркеш» [Казахская ССР: краткая энциклопедия, 1994, 324–325].

В поисках значения имени *Маян / Баян* мы обратились к «Древнетюркскому словарю», где зафиксирован апеллятив *bajïn* с семантикой ‘густо-красный (цвет полевого мака)’ [ДТС, 1969, 79]. Возможно, в древности имя *Баян* могло означать цвет ярко-красного дикого полевого мака, который для тюрков символизировал женскую красоту, изящество и очарование.

Традиция имянаречения зоонимами характерна для древнетюркской эпохи. Древние тюрки давали такие имена детям, желая им ловкости, силы зверей и способности обладать качеством того или иного животного. К подобным именам-пожеланиям можно отнести антропонимы *Түләк* ‘ягненок (осенного приплода)’, *Ҡуҙыйкүрпәс* ‘ягненок (весеннего приплода); ягненок серна’, *Уғызхан* ‘бык+хан’, *Ҡоланбай* ‘кулан+бай’ [ДТС, 1969, 318, 462, 594, 596] и т. п.

Значение следующих личных имен говорит о том, что в качестве антропонима могло быть любое нарицательное слово, связанное с временем рождения ребенка, описанием его цвета кожи или цвета волос, тотемом рода и т. д. К подобным именам-описаниям относится имя главного героя *Уҙаҡ-Туҙаҡ* башкирского эпоса «Уҙаҡ-Туҙаҡ – балабәшнәк ярсығы», где обнаруживаем древнетюркский апеллятив *uzaq* ‘долгожданный; долгий’ + древнетюркский вокатив *tuzaq* ‘дорогой, милый’ [ДТС, 1969, 594, 620]; древняя семантика имени *Аҡай батыра* по указанному словарю означает *aqa* ‘старший брат’, то есть также носит описательный характер.

В башкирских фольклорных текстах наблюдаются имена собственные с архаичными цветолексемами *ҡолан*, *ҡоба,* означающими саврасые, буланые масти животных и светло-каштановый,

цветло-бурый цвет волос [ДТС, 1969, 462, 464]. Например, *Ҡолансәс, Ҡоланбай; Ҡоланял, Ҡоблан (quba* ‘буланый’ + *ulan* ‘сын’*)* и т. п. Исследовательница древнетюркской антропологической системы как отражение мировоззрения тюрков Г.Ф. Благова в своих трудах отмечает, что подобные описательные личные имена образовывались из апеллятивов путем их метафоризации [СИГТЯ, 2001, 619].

По нашим изысканиям, башкирский мифоантропоним *Һәүбән* также относится ко второй группе – именам-описаниям – и состоит из древнетюркского апеллятива *sü* ‘войско’ + *bän* ‘личный показатель сказуемости; я’ [ДТС, 1969, 516], *Иҙеүкәй* восходит к древнетюркской лексеме *edgu* ‘добрый, благоразумный, благонравный’ [ДТС, 1969, 163], Таким образом, личные имена-описания образуются от нарицательных слов, обозначающих различные положительные качества личности: мудрость, храбрость, силу, разум, благонравность, цвет волос и кожи. Семантический анализ вышеперечисленных башкирских мифоантропонимов указывает на отражение в них древнетюркских и монгольских лексем.

В заключении отметим, что наши поиски истинного смысла древних антропонимов башкирского фольклора выявили их устаревшие коннототемы с семой «благородства, славы, почета, силы, защиты» у мужчин, «природной красоты» у женщин. При расшифровке первоначальной семантики личных имен героев фольклорных текстов мы выделили имена-благопожелания, имена-обереги и имена-описания, выраженные древнетюркскими и монгольскими апеллятивами, что указывает на генетические слои формирования башкирской антропонимической системы в целом. Семантика древних башкирских антропонимов представляет мудрость и менталитет народа в традициях имянаречения, а также нравственно-дидактическую, морально-наставленческую установку на будущую судьбу хозяина имени.

Литература

Акманов И.Г. Алдар // Башкирская энциклопедия / гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2015–2019. {Akmanov I. G. Aldar // Bashkir Encyclopedia / Ch. ed. M. A. Ilgamov. Ufa: Bashkir Encyclopedia, 2015–2019.}

Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 160 с. {Asfandiyarov A.Z. Bashkir Tarkhans. Ufa: Kitap, 2006. 160 p.}

Башкирское народное творчество. Т. 4–5. Исторический эпос. Уфа: Китап, 1999–2000. (на башк. яз.) {Bashkir folk art. Vol. 4–5. Historical epic. Ufa: Kitap, 1999–2000. (in Bask.)}

Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с. {Ancient Turkic Dictionary / Edited by V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Scherbak. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p.}

Казахская ССР: краткая энциклопедия / гл. ред. Р.Н. Нургалиев. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия, 1991. Т. 4: Язык. Литература. Фольклор. Искусство. Архитектура. С. 324–325. {Kazakh SSR: a brief encyclopedia / Ch. ed. R.N. Nurgaliev. Alma-Ata: Ch. ed. Kazakh Soviet Encyclopedia, 1991. T. 4: Language. Literature. Folklore. Art. Architecture. P. 324–325.}

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Москва: Наука, 2001. 822 с. {Comparative historical grammar of Turkic languages. Lexis. Moscow: Science, 2001. 822 p.}

УДК 81-22

О.В. Васильева, г. Санкт-Петербург

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ О ЧЕЛОВЕКЕ: ОЦЕНКА ЧЕРЕЗ НОМИНАЦИИ И СРАВНЕНИЯ

(на материале предметной лексики)

Статья написана при поддержке РФФИ, проект 19-012-00495
«Псковский областной словарь с историческими данными. Выпуски 30, 31, 32»

В статье на материале вышедших выпусков «Псковского областного словаря» с историческими данными рассмотрены все случаи использования номинаций, относящихся к предметному миру, применительно к человеку. Использование предметной лексики по отношению к людям маркирует какое-либо явное отличие внешности или поведения человека от нормы. Чаще всего образные номинации данной группы акцентируют визуально обнаруживаемые отличия. Одни из них являются постоянными (очень высокий человек, очень полный человек и т. п.), другие ситуативными (кто лежит неподвижно, кто промок и т. п.). Менее распространены переносные номинации со звуковой мотивировкой (о том, кто ворчит, кто кричит). Достаточно часто переносные номинации «предмет → человек» используются для оценки поведенческих или умственных особенностей человека.

***Ключевые слова**: псковские говоры, оценочная лексика, предметная лексика, номинации, сравнения, метафоры, Псковский областной словарь.*

***PSKOV DIALECTS ABOUT PERSON: ASSESSMENT THROUGH NOMINATIONS AND COMPARISONS (ON THE MATERIAL OF SUBJECT VOCABULARY)**. In the article on the material of the published issues of the Pskov Regional Dictionary with historical data, all cases of using nominations related to the objective world, as applied to a person, are considered. The use of subject vocabulary in relation to people marks any obvious difference in the appearance or behavior of a person from the norm. Most often, figurative nominations of this group emphasize visually detectable differences. Some of them are permanent (a very tall person, a very stout person, etc.), while others are situational (one who is motionless, who is wet, etc.). Less common are transferred nominations with sound motivation (about one who is grumbling, who is screaming). Quite often, transferred nominations "subject → person" are used to assess the behavioral or mental characteristics of a person.*

***Keywords**: Pskov dialects, assessment vocabulary, subject vocabulary, nominations, comparisons, metaphors, Pskov Regional Dictionary.*

Псковский областной словарь с историческими данными [ПОС] всеми своими сторонами – опубликованными выпусками, богатейшими картотеками, которые содержат почти 2 миллиона карточек, записанных в экспедициях 1945–2019 гг., архивными материалами – являет ценнейшее собрание высказываний псковского крестьянства, которые изучались и будут изучаться в самых разных аспектах [см. ПУ]. В данной статье будут рассмотрены все случаи использования номинаций, относящихся к предметному миру, применительно к человеку, которые представлены в выпусках ПОС. 27 выпусков Словаря (лексемы на буквы от *а* до *п*) содержат более 350 таких случаев. Поскольку возможность переноса номинаций из сферы «предметы» в сферу «человек» исследуется типологически, языковая сущность подобных сближений (образное сравнение или метафорическая субституция) не столь существенна и не дает оснований рассматривать эти две группы примеров по отдельности. Как пишет Г.Н. Скляревская, «едва ли не любое свойство любого предмета… может быть употреблено для характеристики тех или иных человеческих качеств в самом широком диапазоне» [Скляревская, 2004, 89]. И далее: «Исследуя языковые метафоры, можно сделать важные выводы… в частности, о том, какие человеческие качества порицаются и какие одобряются, какие реалии действительности устойчиво связываются ассоциациями в сознании членов языкового коллектива» [Скляревская, 2004, 111].

Анализ материала псковских говоров показывает следующее. Во всех случаях использования предметной лексики по отношению к людям присутствует какое-либо явное отличие внешности или поведения человека от нормы, стандарта. Чаще всего образные номинации данной группы маркируют визуально обнаруживаемые отличия. Так, очень высокий человек (и при этом часто худой) получает в псковских говорах наименования по названиям предметов, имеющих большую протяженность

в длину: *оглóбля, каланчá, мáчта, дубúна* «палка, трость», *орясина* «длинная палка», *подавáлка* «длинные вилы», а также *веделúна*, *дягилúна, должúна, жердúна, островúна* – группа сингулятивов, образованных от названий длинных и тонких предметов – *дягиль, жердь, ведельё* «ботва огородных растений», *должьё* «срубленные деревья, бревна», *островьё* «заостренные стволы, жерди для сушки сена». К данной группе номинаций относится и образное выражение *три метра сухостоя* – «о худощавом человеке высокого роста». В этом случае, как и в ряде предыдущих, с признаком «высокий» сочетается признак «худой». Однако при этом выделяется отдельная группа «очень худой человек»: *овсúнка* (образовано от *овсúна* «зерно овса»), *пáлка, пистолéтка*, куда также входят устойчивые сравнения и фразеологизмы, включающие номинации предметного мира: *как нúточка, как мы́щелка* (*мы́щелка* – «сустав»), *что мóщи, одни́ мóщи, одни́ мостолы́жки остáлись, фунт костéй, поварёшка мя́са.*

Столь же объемна группа визуальных ассоциаций «человек маленького роста» – небольшой предмет: *гвоздóк, гриб, грибóк, каплю́шка, конопли́нка, копылóк* «брусочек для крепления саней к полозьям», *корешóк, крóха* (и ее производные *крóшка, крохóтушка, крóшенька, крóшечка*), *лубóк* «небольшое лукошко», *оковáлок* «краюшка», *кнóпка, колпачóк, копéйка, наколю́шка* «шило», а также *кри́на* «сосуд», *кубы́шка, лóжка, метрóвка, недорóдыш* и *недорóст* «маленький плод», *обáбок* «подберезовик», *пингалéтка* (от заимствования *шпингалет*), *обру́бок, огурéц.* Последние лексемы, лишенные ласкательной коннотации, соотносятся только со взрослыми людьми небольшого роста, как и фразеологизм *недорóд бéсов*, тогда как приведенные в начале лексемы и фразеологизмы *метр с кéпкой (шáпкой)* и *с горóшину* употребляются как по отношению к детям, так и ко взрослым людям.

Хорошо представлена в псковских говорах ассоциация «очень полный человек» – предмет округлой формы: *вакáрина* «толстый пень», *кляч* «толстое бревно», *дощáн* «бочка», *звенó, кáдка* и *кадýшка, кáлица* «брюква», *квашня́* «кадушка для теста», *клёцка, колóда* «ствол упавшего дерева», *кокóра* и *мякýра* «круглый хлебец», *крёпаник* «пирог с начинкой», *кýбарь* «катыш, шарик», *кувáлда, оклёпыш* «молоток», *лепёха, лесúнина, мя́киш, мя́клыш, мякýша, одóнок* «стог сена», *опéкаш* «хлеб», *пехтéрь* «корзина», *плáха* «бревно». В эту же группу входят сравнения *как на дрожжáх, как обáбок, тóлстый как мешóк с капýстой, здорóвый как мя́клыш, крýглый как мякýра.* Маленького упитанного ребенка именуют *клубáшек* и *клубáшечка, кáтыш, катышóк, кýбáрь* «хлебный шарик», *кéзик* «ковш», *пампýшка, пампýшечка, опéкаш* «круглая булочка».

Могучих, крепких и рослых людей в псковских говорах называют *древúна, дуб, кряж, лесúна* и *лесúнина* «большое дерево», а также *как молоткóм оклёсанный*.

Сгорбленного человека называют словами, в основном значении именующими искривленный предмет: *горбы́ль* «горб», *косты́г* «кривое шило», *кочергá* и *кочеры́га, крюк*, сравнивают с *коромы́слом.*

Для номинации красивого человека используются лексемы *гонобóлина* «ягода голубики», *малúнушка, игрýшка, картúна, кáрта* (то же, что *картина*), кýкла и 6 ее уменьшительно-ласкательных производных *кýколка, кýколочка, куклёнок, куклёночек, куклёнушек, кукленёнок*, аккуратного, опрятного – *груздóк* и *огурéц*, некрасивого – *глы́за* «ком», *опáдыш* «опавший плод», *ошапýрок* «мелкий непривлекательный предмет», *лáпоть*. Цветовые ассоциации отражены в использовании лексемы *огáрыш* «огарок» для номинации смуглого человека, *мáчина, мак* – по отношению к человеку с красным лицом.

Старый человек в псковских говорах – *гриб, обáбок* «подберезовик», *мховúк, корчáвина* «пень», *пень*, старики – *охóботье* «старое тряпьё».

Столь же системно метафорические номинации или сравнения с предметами используются в случаях также визуального уподобления, однако по врéменному, а не постоянному признаку, например: кто лежит не шевелясь – *дровúна, колóда, колóдина, деревя́ха, корчавéжка* «комель с корнями», *кочервéха* «лежащее бревно, коряга», *кочеры́га, отвáл* «упавший сук», *пласт*, *пáлка*, кто сидит без движения – *валýй, пень* и др. Промокшего человека называют *гýня, гýнька* «пелёнка», *гýща* «осадок в жидкости» (о нём также говорят *раскúс как грúбина / блúцина* «гриб», *как отóпок*), грязного – *онýча, золá, коптéлка*, плохо одетого – *опóрыш* «валенок с обрезанным голенищем», того, кто идет сзади – *лемéш.* Непостоянные цветовые ассоциации: *гонобóлина* – кто посинел от холода, *котёл* – синий от побоев, *погáнка* – сильно побледневший человек.

Переносных номинаций, имеющих звуковую мотивировку, не очень много: *бубенéц, брюзгá, брякотýшка* «бубенчик» – о ворчуне, *граммофóн* – о крикуне, *грым* «гром» – скандалист, *гýта* «гудок» – крикун, *кóлокол* – болтун, *колокóлок* и *колокóльчик* – говорливый ребенок, *мéлен, мелея́, мéля* «жернов» – кто любит говорить. Также к этой группе относятся сравнение *говорит как молотóк* – громко и быстро, отрывисто, и фразеологизмы *мелея́ пустая* «болтун», *молóть как мéльница* «много говорить», *завестú свой граммофóн* «начать балагурить».

Тактильные ассоциации единичны: *как пе́чка* – об очень горячем на ощупь человеке.

Достаточно часто номинации-метафоры и сравнения с предметами появляются для оценки поведенческих или умственных особенностей человека: глупый человек – это *волну́ха, кисля́к* «раскисший гриб»*, лопу́х, пе́шка, пень, пенёк, пистоле́т, ото́пок, пальту́шка, дуби́на, истука́н* (а также *голова́ пела́ми набу́та*, где *пела́* – отходы при молотьбе), легкомысленный человек – *ветеро́к, за́метель* «метель»*, пёрушко* (а также *ве́тра много в голове́ у кого-л.*), неуклюжий, неповоротливый человек – *во́йлок, дрочёна* «пресная лепешка», *непропе́чина, непропечёнок, опе́каш* «недопеченый хлеб», *комя́га* «долбленка», *борона́, о́бух, голдо́бина* «бревно».

В других случаях перенос номинации или сравнение человека с предметом может маркировать такие свойства и качества, как жадность (*ко́рень, кокóра* «что-н., неопрятное на вид»*, мухомо́р, жмых, жмы́ль, жом, зажо́м* «что-л. смятое»), лень (*копна́, облóм* «пролом», *о́бух*, а также *лено́й как мешо́к травяно́й*), или, наоборот, подвижность, энергичность (*вихрь, мото́р, молонья́, поворо́т, ого́нь*), вспыльчивость (*квасо́к, кости́га* «измельченная кора стебля льна), упрямство (*но́жик, остре́ц* «осока», *пень, ко́рень*), драчливость (*кирпичи́на*), неприветливость (*о́бух*), сварливость (*пила́*), язвительность (*зано́за*), желание покрасоваться (*ко́зырь*), надоедливость (*лузга́*, а также *в ка́ждой бо́чке гвозде́м*) и др. Одинокий человек в псковских говорах – *были́нка, па́лец, пень, пёнушек*, хулиган – *оку́рыш* «окурок», задира – *коро́ста,* плохой человек – *о́мут, ошмёток, грязь*, необразованный человек – *зале́сица* «захолустье», *деревни́ща* «большая деревня», *кисля́к* «раскисший гриб», *волну́ха, пе́чка*, нелюдимый человек – *коверзе́нь* «лапоть», ворчун – *кила́* «грыжа», сирота – *обсе́вок* «незасеянное место», кто чего-то не достиг – *недоро́док* «незрелое зерно», пьяница – *насо́с* (деньги сосет у людей), иждивенец, нахлебник – это *нашейник* «ошейник» и *отрёпа* «отходы при обработке волокна» и т. д. Младшего ребенка в семье называют *оскрёбыш* «последний блин», любого ребенка – *отро́сток*, *отростёлок* и их синонимом *отро́док*, оставшегося, уцелевшего человека – *обры́вок.* Как бранные слова по отношению к человеку употребляются лексемы *зоб, и́дол, га́шник* «шнурок, на котором держатся штаны», *мостолы́га* «кость», а как ласковые – *зо́лото* (и его производные *золоти́нка, золоти́ночка*), *изю́минка, карами́лина.*

Уподобляться предметам в псковских говорах может не только один человек, но по некоторым признакам и целые группы. Так, большое количество детей в семье рождает их ассоциации с опятами (*опёныши*) и лесными ягодами (*гонобóль*).

В некоторых случаях ассоциации человека с одним и тем же предметом могут осуществляться по разным признакам, что рождает сразу несколько метафорических номинаций. Так, лексема *ото́пок* «стоптанный лапоть» применительно к людям означает и старую деву, и необразованного человека, *ломи́на* «лом, кол» – это и очень высокий человек, и тот, кто много работает, и, наоборот, лодырь, лентяй, *леси́на* «дерево» – это также очень высокий человек, и в то же время – тот, кто долго живет на одном месте, *курдю́к* – и человек маленького роста, и богач, *борона́* «орудие для рыхления земли» – это неуживчивый, неспокойный человек, и драчун, и неуклюжий человек, *гриб* – это и старый человек, и мальчик-подросток, *дуби́на* – и высокий, и упрямый человек.

Сравнения человека с предметами регулярно реализуются во фразеологизмах. Помимо тех, что уже приводились выше, это *как мёдом нама́зан* – о том, кто привлекает внимание, общерусские *от горшка́ два вершка́* – об очень молодом человеке, и *бо́жий одува́нчик* – о кроткой старой женщине, диалектные *сиде́ть как глы́зина* («ком, опухоль») *в цвета́х* – невыгодно отличаться своей внешностью, *воро́чаться как мешо́к* – о том, кто неуклюже ходит, *мешо́к косте́й* – об очень худом человеке, *в каблуке́ после́дний гвоздь* – о незначительном человеке, *как ли́пина го́лая* – девушка без приданого, *растопы́риться как мухомо́р* – о спесивом человеке, *в сту́пе песто́м не пойма́ть* – об изворотливом человеке, *как кото́мка запле́чная* – о том, кого нужно водить, кому помогают идти, *как колесо́ в грязи́* говорят о том, кто постоянно работает, *приста́ть как коро́ста* и *что письяк на глазу́* – о назойливом человеке, *деся́той коро́вы требу́х* и *деся́тая води́на на киселе́* – о дальнем родственнике.

В целом номинации предметов для оценки человека используются в псковских говорах достаточно активно, как общерусские, так и собственно диалектные. При этом пейоративная оценка существенно преобладает над мелиоративной, что характерно для языкового сознания как такового.

Литература

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. Вып. 27. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. (Издание продолжается.) {Pskov Regional dictionary with historical

data. Vol. 1. L.: Publishing house LSU, 1967. Vol. 27. SPb: Publishing house SPbSU, 2017. (The publication continues.)}

ПУ – Псковские народные говоры в их истории и современном состоянии: библиографический указатель / ред.-сост. Н.В. Большакова. Псков: ЛОГОС Плюс, 2013. 328 с. {Pskov dialects in their history and current state: bibliographic index / Editor-compiler N.V. Bolshakova. Pskov: LOGOS Plus, 2013. 328 p.}

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. 164 с. {Sklyarevskaya G.N. Metaphor in the language system. SPb: Philological Faculty of SPbSU, 2004. 164 p.}

УДК 81-133, 81-139, 801.731, 811.214.21

И.А Газиева, г. Москва

ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

(*на примере индийских идиом*)

Идиомы и поговорки широко используются в индийской смешанной разговорной речи. В статье анализируются идиоматические выражения с компонентами «части человеческого тела», «еда», «фауна», представленные в повествовательных и диалогических текстах образовательного фильма «Мухавара», созданного в Международном университете хинди (Индия). Сюжет фильма рассказывает о реалиях индийской деревни, представляет ее образ жизни, быт, характер персонажей и традиционные индийские ценности. Фильм полностью состоит из идиоматических выражений, найденных в повествованиях героев, в диалогах матери и дочери, зятя и дочери, дочери и зятя и т. д.

***Ключевые слова**: идиомы, перевод, национально-культурная специфика, интерпретация.*

***THE HINDI PHRASEOLOGICAL UNIT'S TRANSLATION AND INTERPRETATION**. Hindi idioms are very difficult to translate because the literal translation does not provide the meaning of an expression that easily could be understood by the Indian society. The paper analyses the examples of Hindi idioms with components of "parts of the human body", "food", "animals and birds". Such stable combinations of words make speech more expressive. The film "Muhavara" is unique. It consists entirely of proverbs and idiomatic expressions. We can observe various masks of dialogue participants in each frame of the film: the mask of indifference, anger, ridicule and resentment, joy and hate, etc.*

***Keywords**: Idioms, Hindi, human body parts, variability of translation.*

Индийская речь, лишенная фразеологизмов, искусственна и малопонятна, но присутствие их в разговорной речи придает ей образность, яркость и живость. Во фразеологизмах воплощена вся история развития индийского народа, его образ жизни, менталитет, принципы поведения, особенности общения и многое другое. В каждом индийском штате люди используют смешанный язык или «*mishrit bhasha*» [Газиева, 2014, 183], который представляет собой смешение государственного языка штата и местных диалектов. В любом литературном произведении на индийском языке или фольклоре присутствуют фразеологические единицы – слова в речи персонажей, имеющие переносный смысл, особенно если они относится к типу «gaon sahitya» или деревенские сюжеты.

В ФГБОУ ВО «РГГУ» студенты, изучающие язык хинди, уже с первых курсов знакомятся с произведениями индийского фольклора. Изучая пословицы, поговорки и идиомы на хинди они развивают речь и логику мышления. Это делает изучение языка гораздо более увлекательным. Такая методика активно развивает ассоциативный ряд. Студенты быстро проникают в тонкости языка хинди, потому что одни и те же часто повторяющиеся слова концентрируют их произношение, внимание и укрепляют память. Кроме того, культура Индии становится для них более понятной [Газиева, 2014, 184]. Объектом нашего исследования являются идиоматические выражения и анализ их перевода с хинди на русский язык. В качестве предмета исследования рассматриваются идиомы, связанные с лексикой «части тела», «еда», «флора и фауна». Мы поставили перед собой следующую цель – проанализировать фразеологические единицы с компонентами «части человеческого тела», «еда», «животные и птицы». В связи с этим задача будет сосредоточена на анализе таких единиц, а именно идиоматических выражений в сопоставлении с их эквивалентами на русском и частично английском языках.

Существуют разные мнения относительно определения, классификации и анализа фразеологических единиц. Некоторые ученые включают в состав фразеологии устойчивые сочетания (Л.П. Смит, В.П. Жуков, В.Н. Телия, Н.М. Шанский и др.), другие ученые включают только определенные группы (Н.Н. Амосова, А.М. Бабкин, А.И. Смирницкий и др.). В.В. Виноградов рассматривает фразеологизмы «как выражения, в которых значение одного элемента зависит от значения другого». В разряд фразеологизмов не включены пословицы, поговорки и крылатые слова, поскольку они по своей семантике и синтаксической структуре отличаются от фразеологических единиц. «Пословицы и поговорки имеют структуру предложений и не являются семантическими эквивалентами слов» [Виноградов, 1977, 141]. Буслаев говорил о фразеологизмах как о «своеобразных микромирах, содержащих в себе и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которое завещали

предки в руководство потомкам» [Буслаев, 1954: 37]. Согласимся с мнением Телии о том, что «фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурологическая общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1966, 82]. Смирницкий провел различие между фразеологизмами, которые «входят в основную ткань языка, являются его неотъемлемой и необходимой частью, лишены какой бы то ни было образности, метафоричности (to get up, to fall in love)», и собственно идиомами, которые «являются идиоматичными словосочетаниями, основанными на переносе значений, на метафоре, ясно осознающейся говорящими». Метафоры по Смирницкому разделяются на три вида: 1) метафоры, основанные на обращении к обычным, естественным предметам (to fish in troubled water – «ловить рыбу в мутной воде»; 2) метафоры, основанные на обращении к специфичным, известным образом ограниченным и локализованным предметам (City of brotherly love – Филаделифия); 3) метафоры, основанные на перенесении выражений из одной сферы употребления в другую (acid test – серьезное испытание) [Смирницкий, 1998, 209, 226].

Семантика идиом хинди своеобразна и зачастую неопределенна. Это фразы, о значении которых трудно догадаться, даже если мы рассмотрим значения отдельных слов. Мы проанализируем идиоматические выражения, используемые в речи персонажей фильма “Muhavara” («Идиома»). В речи героев фильма постоянно звучат идиоматические выражения, пословицы и поговорки, а также цитаты из мифов и сказок, из литературы и рекламы. Характерно, что в каждом кадре фильма отображается маска участников диалога: равнодушия, злобы, насмешки и обиды, радости и ненависти и т. д. Нами рассматриваются идиомы с компонентами «части человеческого тела», «еда», «животные и птицы». Они экспрессивны и выразительны. В структуре речи их существенный признак – это регулярная повторяемость. Идиомы в языке хинди поддаются сложному переводу, поскольку буквальный перевод не дает сути понимания выражения, которое понятно индийскому обществу. В связи с этим смысл идиом весьма сложно сохранить, если только не использовать в языке перевода различные замены или добавления. Таким образом, для понимания таких идиоматических оборотов очень хорошо нужно знать особенности языка хинди, литературы на хинди и индийскую культуру вообще. Некоторые фразеологизмы на хинди имеют эквиваленты в русском языке. Рассмотрим идиомы из учебного фильма «Muhavara»:

Идиома в хинди “*anguutha dikhana*” (*досл.* «показать палец») означает «отказаться». У этого выражения есть эквивалент “*saaf mana karna*” – «наотрез отказывать». В русском языке этому выражению соответствует выражение «держать/показывать кукиш в кармане» и означает «отказывать кому-либо в чем-либо, не показывая это в явном виде, что осмысляется это как тайный жест отказа, специфичный для русской культуры» [Фразеологический, 209, 260].

Идиома “*Pet me chuuhe kudna*” (*досл.* «мышь/крыса в живот прыгнула») имеет смысл – «испытывать сильный голод». Смысловой эквивалент этого выражения в русском языке передает выражение «в холодильнике мышь повесилась», означающее «пустой холодильник». Эта поговорка связана с легендой народов Севера и Дальнего Востока, которые питались съедобными клубнями различных растений. Эти клубни они находили в лесах в мышиных норах, куда мыши складывали их про запас. Забирая запас мышей, люди верили, что мышь с голода умирает, вешаясь на какой-нибудь ветке. Они часто и находили мёртвых мышей, висящих на развилках веток. Однако это делали хищные птицы. Они, ловя мышей, вставляли их между ветками деревьев про запас, чтобы их запас не стащила лиса[*]. Впоследствии выражение «мышь повесилась с голодухи» приобрело смысл «пустого холодильника». В английском языке русское выражение «мышь повесилась» передается фразой “*The cupboard is bare*” – «в доме нет еды».

Идиома “*Chati par saamp lotna*” (*досл.* «змея на грудь заползла») означает «мучиться от ревности» (*irshya karnaa*). В хинди-русском словаре слово «irshya» является слово санскритского происхождения и означает: 1) зависть, 2) ревность, 3) злобу. В русском языке выражение «пригреть змею на груди» означает «проявлять внимание, заботу, любовь к человеку, который впоследствии платит неблагодарностью». Выражение пришло от притчи о крестьянине, который находит змеиное яйцо, кладёт его за пазуху, где оно было согрето его теплом и из него вылупилась змея, которая тут же ужалила своего спасителя. Притча была положена Эзопом в основу басни «Крестьянин и змея».

Другими словами, *пригреть змею на груди* – это иносказательное выражение коварства и предательства[**].

---

[*] http://lakoff.ru/statistika/2015-04-21-otkuda-poshlo-vyrazhenie-mysh-povesilas

[**] https://slovar.cc/rus/frazeologiya/1468110.html

Выражение "*Munh mitha karna*" (*досл*. «сделать рот сладким») означает «праздновать, раздавая сладости». По индийской традиции считается, что при хороших новостях нужно угощать сладостями или любое успешное дело завершается раздачей сладостей.

Выражение "*Daal na galna*" (*досл*. «чечевица не протухла») означает «не удаваться о деле, не быть успешным», где слово *Daal* означает «чечевица, похлебка из чечевицы», а глагол *galna* означает «портиться, тухнуть». В хинди эта идиома означает «не доделанную работу».

Выражение "*Terhi kheer hona*" (*досл*. «иметь трудное дело»), где *Terhi* является прилагательным, означающим «кривой, изогнутый, извилистый, запутанный, трудный» (о деле), а *kheer* означает «сладкая рисовая каша на молоке». Выражение *Terhi kheer* означает «очень трудное дело».

Выражение "*Zabaani jamaa kharch karna*" (*досл.* «собрав слова их растрачивать») означает «болтать много и не делать ничего» (*baten bahut karna par kaam kuch na karna*).

Таким образом, изучая индийские и русские идиоматические выражения, можно получить более глубокое понимание культурной самобытности и философии двух стран. На эмоционально-оценочную интерпретацию влияют различные факторы. Согласимся с мнением Баско, что «идиоматическое выражение, фразеологизм – это устойчивое образное выражение, имеющее "скрытый" смысл, "скрытое" значение. Носители языка знают, понимают этот "скрытый" смысл фразеологизмов, а для иностранцев он всегда лингвистическая загадка, секрет. Именно поэтому фразеологические обороты являются наиболее сложной в семантическом плане группой языковых единиц для иностранных учащихся. Именно поэтому фразеологизмы вызывают трудности при чтении художественных текстов из русской литературы, а также газет, журналов на русском языке, при понимании обычной русской разговорной речи» [Баско, 2003, 8]. Тем не менее, изучая язык хинди и используя фразеологические единицы в речи, студенты научатся понимать их смысл и расширят свою информационную базу, знакомясь с вековыми традициями индийской культуры.

Литература

Баско Н.В. Русские фразеологизмы – легко и интересно. М.: Флинта: Наука, 2003. 152 с. {Basko N.V. Russian phraseological units – easy and interesting. M.: Flinta: Nauka, 2003. 152 p.}

Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. М., 1954. 176 с. {Buslaev F. I. Russian proverbs and sayings, collected and interpreted. M., 1954. 176 p.}

Вершинина М.И. Идиомы в отечественном и зарубежном языкознании // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 2–3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/idiomy-v-otechestvennom-i-zarubezhnom-yazykoznanii (дата обращения: 08.04.2020). {Vershinina M.I. Idioms in Russian and Foreign Linguistics // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2012. No. 2–3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/idiomy-v-otechestvennom-i-zarubezhnom-yazykoznanii (date of reference: 08.04.2020).}

Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // (Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161. {Vinogradov V.V. On the main types of phraseological units in the Russian language // (Vinogradov V.V. Selected Works. Lexicology and Lexicography. M., 1977. P. 140–161.}

Газиева И.А. Идиомы и пословицы в современном индийском нарративе // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: материалы VI Международной научно-практической конференции / редакционная коллегия: Е.Н. Малюга, Т.А. Дмитренко, Е.В. Пономаренко, Ю.Н. Марчук, Е.В. Бреус. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2014. С. 183–184. {Gazieva I. A. Idioms and proverbs in modern Indian narrative // Actual problems of linguistics and linguodidactics of a foreign language of business and professional communication // Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Editorial board: E.N. Malyuga, T.A. Dmitrenko, E.V. Ponomarenko, Yu.N. Marchuk, E.V. Breus. M.: Peoples′ Friendship University of Russia (PFUR), 2014. P. 183–184.}

Откуда пошло выражение: «Мышь повесилась». URL: https://guriny.livejournal.com/339795.html (дата обращения: 29.03.2019). {Where did the expression come from: "The mouse hanged itself". URL: https://guriny.livejournal.com/339795.html (date of reference: 29.03.2019}

Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1998. С. 209. {Smirnitsky A.I. Lexicology of the English language. M., 1998. P. 209.}

Телия В.Н. Что такое фразеология. М., 1966. 84 с. {Telia V.N. What does phraseology means. M. 1966. 84 p.}

Справочник по фразеологии. (2012). URL: https://slovar.cc/rus/frazeologiya/1468110.html (дата обращения: 19.04.2020). {Handbook of phraseology. (2012). URL: https://slovar.cc/rus/frazeologiya/1468110.html (date of reference: 19.04.2020).}

Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009. 704 с. {Phraseological Explanatory Dictionary of the Russian Language / Ed. A.N. Baranova and D.O. Dobrovolsky. M.: Eksmo, 2009. 704 p.}

Черданцева Т.З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. М., 1988. С. 78. {Cherdantseva T.Z. Metaphor and symbol in phraseological units // Metaphor in language and text / ed. B.N. Telia. M., 1988. P. 78.}

Cupboard is bare. Farlex Dictionary of Idioms. (2015). URL: https://idioms.thefreedictionary.com/cupboard+is+bare%2c+the (date of reference: 18.04.2020).

УДК 811.512'373

Г.Р. Галиуллина, г. Казань

ИМЕНА СО ЗНАЧЕНИЕМ «КОТ» (*ДУША)* В ТЮРКО-ТАТАРСКОМ АНТРОПОНИМИКОНЕ

Статья посвящена рассмотрению семантического и функционального потенциала слова «кот» в татарском языковом пространстве. В качестве предмета исследования выбраны личные имена, генетически восходящие к древнетюркскому языку. Материалы иллюстрируют специфику мировосприятия древних людей, изменение образа мышления национальной личности. Изучая личные имена с компонентом «кот», мы выявили, что антропонимический код реализуется в дальнейшей эволюции татарского антропонимикона в заимствованных личных именах, в семантике которых сохраняются заложенные в ранних этапах значения.

***Ключевые слова**: татарский язык, антропонимия, духовная культура, семантика, тюрко-татарская культура.*

NAMES WITH THE SEMANTICS 'SOUL' IN THE TURKO-TATAR ANTHROPONYMICON. *The article is devoted to the consideration of the semantic and functional potential of the word "qot" in the Tatar language space. As the subject of the study, personal names genetically dating back to the ancient Turkic language were selected. The materials illustrate the specifics of the worldview of ancient people, a change in the way of thinking of a national personality. Studying personal names with the "qot" component, we found that the anthroponymic code is implemented in the further evolution of the Tatar anthroponymicon in borrowed personal names, the semantics of which are preserved in the early stages of the meaning.*

***Keywords**: the Tatar language, anthroponymy, spiritual culture, semantics, Turkic-Tatar culture.*

В древнем обществе имя наделялось магическими свойствами и использовалось в обрядности как инструмент магии – охранительной, отгонной, продуцирующей. Выбор имени и именование подчинялись строгой регламентации и магическим целям. Первобытный человек одушевлял весь окружающий мир. Реки и камни, растения и животные, солнце и ветер, жизнь и смерть – все имело душу, волю, способность действовать, вредить или помогать человеку. Согласно первобытным представлениям, духи обитали в невидимом потустороннем мире, но проникали в видимый мир людей. Поклонения и магия должны были помочь людям так или иначе ладить с духами – умилостивить их или перехитрить. По этой причине в семантике многих древних имен сохранились мифологические воззрения народа, часть которых транслировалась на более поздние антропонимиконы.

В древнетюркском антропонимиконе особое место занимали имена, образованые при помощи компонента «*кот*» – душа. В период тюркской империи употреблялась фраза: Täŋrı jarlyqagyn üčun özım qutym bar üčun qagan olurtym «Так небо оказало милость, Так как у меня самого было счастье, я сел (на царство) каганом» [Стеблева, 1976, 13]. С «*кот*» тюрки связывали жизненную силу человека от его зарождения до самой смерти. Кот человека – жизненная сила, сама суть жизни, божественное происхождение, приходящее из Космоса. В евразийском пространстве «*кот*» сопоставляется с Солнцем, которое во всех древнетюркских контекстах именуется божественным, в буддийских текстах *kotñäkte* употребляется в том же значении, что и древнетюркское *kün tngrı* [Иванов, 2003, 20].

В древнетюркском обществе в понятие «*кот*» было заложено огромное значение, являвшееся результатом рефлексии на стыке социального и биологического. Диапазон значений тюркского *кот* широк. *Qut* является общетюркским словом и употреблялось в значениях: 1) душа, жизненная сила, дух; 2) счастье, благо, благодать, удача, успех, благополучие; 3) достоинство, величие [Древнетюркский словарь, 1969, 254; Баскаков, 1973, 1]. У современных тюрков *душа* имеет многообразие значений. Например, в Хакасии *кот* – душа человека с трехлетнего возраста и до его смерти, у алтайцев – душа в смысле жизненной силы, присутствия духа, плодородия, у якутов – одна из душ [Скрынникова, 1992, 80], у башкир также, как указывает Ф.Г. Хисамитдинова, *кот* имеет значения 'душа', 'жизненная сила', 'счастье', 'удача' и связан с древнетюркским *qut* 'жизненная сила', 'душа', 'счастье' [Хисамитдинова, 2010, 190]. В «Толковом словаре татарского языка» указано пять значений данного слова: 1) *миф*. душа, дух; 2) маленькое отлитое изваяние, амулет, фигура, олицетворяющая человеческий дух; 3) присутствие духа и одухотворенности, красоты, символ духовной силы;

4) счастье, счастливая судьба; 5) *уст*. собирательное название четырех стихий [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2017, 394–395].

Древние тюрки имели особое отношение к смерти: по поверьям, сроки жизни распределяет небо, сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть; при этом об умершем говорили, что он улетел. Небо – это начало, которое дарует жизнь и несёт смерть. Такое распространённое поверье зафиксировано в булгарских эпиграфических памятниках. Как свидетельствуют Д.Г. Мухаметшин и Ф.С. Хакимзянов, характерным признаком эпитафий Булгарского округа является наличие заглавных коранических формул «Он живой, который не умирает» [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, 46]. В современном татарском языке *кот* в значении *души* активно употребляется в составе устойчивых словосочетаний *котсыз*, *кот очу, кот чыгу*, *котсыз калу* и др. По всей вероятности, это связано с древними верованиями, по которым душа человека после его смерти вылетает из тела в виде птицы. Как утверждают исследователи, найденные в эпиграфических памятниках Волжской Булгарии рисунки одноглавой птицы являются символическим изображением души, покидающей тело после смерти человека. У древних тюрков, а далее и тюрко-татар было поверье, что человек не умирает, а отходит к богу, в другой мир. Это поверье существует и поныне. Особое значение, придаваемое «*кот*», заметно и в Булгарскую эпоху. Например, на дирхеме 683 г. (1284 г) написано Qotliγbolsun! [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, 45].

Древние мифологические воззрения, закодированные в именах тюрков, существовали довольно долго. Семантическое поле этого слова изначально, по всей видимости, соотносилось с телесным духом, параллельно актуализировалось второе значение, содержащее понятие «счастье». Известно, что уже в древнетюркскую эпоху собственные имена и титулы элиты включали эпитет «gutluγ»– «счастливый», все уйгурские ханы величались «Jduggud» – «священный кут». Правитель, согласно архаичным воззрениям, являлся гарантом общественного благополучия, несущим счастье подчинённому ему народу. В историческом антропонимиконе тюрко-татар встречается множество имён с компонентом *кот*: *Котлызаман* – имя одного из сыновей Нугайбека [Әхмәтҗанов, 2002, 45], *Котлы Кыя солтан* – представитель племени мунь/мен, один из основоположников Золотой Орды [Әхмәтҗанов, 2002,104], *Котлык бәк* (имя зафиксировано в эпитафиях Волжской Булгарии, примерно 1349 г. [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, 122]), *Котлы би, Котлыш бәк* (сохранились в эпитафиях примерно XV в.*), Котлыяр, Котлык* [Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг., 1978, 215], *Котлыбулат* [Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 гг., 2001, 465]. В работах извесный тестолог М.И. Ибрагимов указывает, что антропоним *Котлы* как морфологический элемент часто встречается в составе древнетатарских имен [Әхмәтжанов, 2019, 237].

В тюрко-татарском языке *ураз* – синоним слова *кот* – часто встречается в антропонимической системе: *Уразбакты, Уразгуҗа, Уразмөхәммәт, Уразали, Үрәзмәт* [Саттаров, 2019, 325–326] и т. д. Часть из них сохранилась в фамилиях современных татар: *Уразов, (у)Разов, Уразаев, Уразманов* и др. Заслуживает внимания тот факт, что в исторических источниках XIX в. компонент *кот* перестает употребляться в составе имён. Но народная традиция, заложенная в древности, находит продолжение в другой, заимствованной из персидского языка, лексической единице – *җан,* являющейся составным компонентом, как и слово *кот,* мужских имён: *Салихҗан, Әмиржан, Җанбәк, Җанбай, Җанәхмәт, Мөбәрәкҗан, Мәхмүтҗан, Җантаһир* и др. Необходимо отметить, что в препозитиве данный компонент употребляется редко. Заслуживает внимания и тот факт, что в сочетании с тюрко-татарскими словами компонент *җан* активно употреблялся до полной арабизации татарского именника. В современном антропонимиконе конца XX начала XXI века среди мальчиков активизируются имена *Салихҗан, Әмиржан, Сәетҗан, Нуржан, Әхмәтҗан,*что еще раз подтверждает высказанное нами мнение.

Таким образом, народная память, зашифрованная в языковых знаках, продолжала свое существование в новых лексических единицах, в семантике которых обнаруживается то же понятие, что легло в основу мотивации ещё на предыдущих этапах развития антропонимической системы тюрко-татар.

Литература

Баскаков Н.А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая (термины, их значение и этимология) // Советская этнография. 1973. № 5. С. 1–5. {Baskakov N.A. Soul in the ancient beliefs of the Altai Turks (terms, theirmeaningandetymology) // Soviet ethnography. 1973. No. 5. P. 1–5.}

Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.{Ancient Turkic dictionary. L.: Nauka, 1969. 676 p.}

Иванов В.В. Евразийские эпические мифологические мотивы // Евразийское пространство. Звук, слово, образ. М.: Языки славянской культуры, 2003. 581 с. {Ivanov V.V. Eurasian epic mythological motives // Eurasian space. Sound, word, image. M.: Languages of Slavic culture, 2003. 581 p.}

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Татарское книжное издательство, 1987.128 с. {Mukhametshin D.G., Khakimzyanov F.S. Epigraphic monuments of the city of Bulgar. Kazan: Tatar Book Publishing House, 1987. 128 p.}

Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов / сост. Р.Н. Степанов. Казань: Издательство Казанского университета, 1978. 239 с. {ThescribalbookoftheKazandistrict 1602–1603 years / Comp. R.N. Stepanov. Kazan: KazanUniversityPress, 1978. 239 p.}

Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2001. 540 с. {The scribal book of the Kazan district 1647–1656 years / Comp. I.P. Ermolaev, D.A. Mustafina. M.: Publishing Center of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2001. 540 p.}

Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре: аңлатмалы сүзлек. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2019. 551 б. {Sattarov G.F. Tatar names: explanatory dictionary. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2019. 551 p.}

Скрынникова Т.Д. Представления монголов о сакральности правителя // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М.: Наука, 1992. С. 71–79. {Skrynnikova T.D. Representations of the Mongols on the sacredness of the ruler // Turkic and Mongolian written monuments. Textual and cultural aspects of the study. Moscow: Nauka, 1992. P. 71–79.}

Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. 212 с. {Stebleva I.V. Poetics of ancient Turkic literature and its transformation in the early classical period. Moscow: Science. The main edition of oriental literature, 1976. 212 p.}

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: III том: К. Казан: ТӘhСИ, 2017. 744 б. {Explanatory dictionary of the Tatar language: V.III: K. Kazan: Institute of Languages, Literature, and Art, 2017. 744 p.}

Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с. {Khisamitdinova F.G. The mythological dictionary of the Bashkir language. Moscow: Nauka, 2010. 452 p.}

Әхмәтҗанов М. Нугайурдасы. Казан: Мәгариф нәшрияты, 2002. 341 б.{Akhmetzyanov M.I. Nogai Horde. Kazan: Education Publishing, 2002. 341 p.}

Әхмәтҗанов М.И. Сайланма хезмәтләр. Казан: ТӘhСИ, 2019. 336 б. {Akhmetzyanov M.I. Selected works. Kazan: Institute of Languages, Literature, and Art, 2019. 336 p.}

ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.161.1

Е.В. Генералова, г. Санкт-Петербург

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00214 А
«Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии»

В статье рассматривается функционирование имен собственных (антропонимов и топонимов) в современной (за последние приблизительно пятьдесят лет) фразеологии русского языка. Фразеологизмом-неологизмом, согласно концепции неологической лексикографии, признается единица, не зафиксированная толковыми словарями предыдущего периода. Исследование показало, что имена собственные используются в современной русской фразеологии по тем же законам, что и в целом онимы во фразеологическом фонде. В новой русской фразеологии фиксируются онимы, соответствующие вымышленным и реальным именам собственным, именам персонажей фильмов и интернет-мемов. Устойчивые выражения, включающие онимы, преимущественно исконного, реже – заимствованного происхождения. Онимы используются во фразеологии как обозначения стереотипных объектов и, напротив – как отсылки к конкретным, прецедентным фигурам и местам, а также по созвучию как языковая игра. Большинство новых фразеологизмов, включающих имена собственные, имеют ироническую окраску.

***Ключевые слова**: фразеология, ономастика, современный русский язык, фразеологизм-неологизм, имя собственное.*

***PROPER NAMES IN MODERN RUSSIAN PHRASEOLOGY**. The article deals with the functioning of the proper names (anthroponyms and toponyms) in the modern (approximately the last fifty years) Russian phraseology. Phraseologism-neologism, according to the concept of neological lexicography, is defined as a unit not fixed by the explanatory dictionaries of the previous period. The study showed that the proper names in modern Russian phraseology are used according the same laws as in the phraseological fund in general. In the new Russian phraseology there are proper names corresponding to fictional and real proper names, names of characters of films and the Internet memes. Phraseologisms including proper names are mainly of native origin, less often -borrowed. Proper names are used in phraseology as designations of stereotype objects and, on the contrary, as references to specific figures and places, as well as due to language game. Most new phraseologisms with proper names are used ironically.*

***Keywords**: phraseology, onomastics, modern Russian language, phraseologism-neologism,proper name.*

Фразеологизмы, включающие имена собственные, образовывались и функционировали в языке во все периоды его существования. Состав онимов, использующихся в идиоматике, с одной стороны, представляет собой яркую иллюстрацию национального своеобразия языка: см. образы, характерные для русской картины мира (*куда Макар телят не гонял, валять Ваньку*), фразеологизмы, отражающие значимые страницы русской истории (*Мамай прошел, как швед под Полтавой*), отсылки к прецедентным в русской культуре текстам (*богатенький Буратино, дядя Степа*). С другой стороны, в русской фразеологии активно используются и интернациональные общеизвестные имена собственные: прежде всего библеизмы (*поцелуй Иуды, от Адама*) и онимы из античной мифологии (*Авгиевы конюшни, суд Париса*). Как подчеркивает М.Л. Ковшова, «онимы особенно ярко и памятно выполняют в паремиях и идиомах важнейшую культурно-языковую функцию – быть носителями культурных смыслов, воплощенных в языковую оболочку» [Ковшова, 2019, 7].

Предметом исследования настоящей статьи является функционирование имен собственных (антропонимов и топонимов) в современной фразеологии русского языка. Для анализа взята новая русская фразеология, а именно фразеология приблизительно последних пятидесяти лет. Понятие фразеологизма-неологизма достаточно сложно. Для неологии «актуален фактор времени – те слова, которые для одного синхронного среза являются новыми, на другом синхронном срезе могут оказаться нейтрально-актуальными, а другие слова того же периода – уже устаревшими и ушедшими из языка» [Бурыкин, 2016, 13]. В русской академической неологической лексикографии, созданной на основе концепции Ю.С. Сорокина, Н.З. Котеловой и Т.Н. Буцевой, принят критерий, основанный на факте

лексикографической фиксации неологизмов в языке: новым считается слово или фразеологическая единица, не зарегистрированные в словарях предыдущего периода [Котелова, 1988]. Так, новые фразеологизмы частично могут быть зафиксированы специальными словарями: словарями неологизмов, словарями разговорной речи [Химик, 2017], немногими существующими на настоящий момент словарями фразеологизмов-неологизмов русского языка [Mokienko, 2003; Stepanova, 2018], однако еще не осознаются полноценной частью лексического состава языка и не фиксируются толковой лексикографией.

Исследование показало, что имена собственные используются в современной русской фразеологии по тем же законам, что и в целом онимы во фразеологическом фонде. Новые фразеологизмы включают имена собственные, представляющие собой номинации несуществующих объектов (*дядя Вася*), обозначения реально существующих людей (*войска дяди Васи*) и географических объектов (*Нигерия в снегах*), имена кино- и интернет-персонажей (*Элементарно, Ватсон!*). Большинство фразеологизмов, включающих онимы, собственно русского происхождения (*Вася Пупкин)*, но есть и заимствования (калька *капитан Очевидность*).

Рассмотрим подробнее функции использования имен собственных в современной русской фразеологии. Ряд онимов становится компонентами фразеологизмов, выступая обозначениями неких стереотипных реалий, и это онимы, указывающие как на вымышленные, так и на реальные объекты.

Так, частотным антропонимом, не имеющим отсылки к реальному адресату, в современном дискурсе является *Вася Пупкин*. Это устойчивое словосочетание используется как ироническое обозначение некой неизвестной или анонимной личности, усредненного человека (ср. *имя рек*) любого возраста (см. *А Вася Пупкин из 4 «а» уже курит* (Наши дети: Подростки, 2004) [НКРЯ]), любой профессии (*Что, он в миллиард разумнее, чем какой-нибудь дворник Вася Пупкин?* (Г. Копанев. Робот или не робот? // «Пятое измерение», 2003) [НКРЯ]. Этот антропоним активно используется в разговорной речи, интернет-общении, публицистическом дискурсе. Оно познается и по одному компоненту: *Судебные приставы, если и доберутся до злостного неплательщика штрафов, максимум, что могут сделать, это пожурить: «Не хорошо, товарищ Пупкин, надо бы штрафики-то заплатить»…* (А. Федоров. Апидаун // «Автопилот») [НКРЯ], легко подвергается трансформациям: см. *Пупкин-Тютькин* (вытесняет использовавшееся ранее *Петров-Сидоров*), фиксируется словарями современной разговорной речи [Химик, 2017, т. 1, 90; Stepanova, 2018, 78].

Похожие современные фразеологизмы – это выражения *дядя Вася* ‘иронически: о человеке рабочей специальности, мужчине-работяге’: *Тут-то и нашел я некоего дядю Васю, который обещал за две тысячи в неделю все качественно сделать, «как у академика»* (С. Есин. Имитатор, 1985), *Доверь работу с мотором профессионалам, не лезь сам и не доверяй дяде Васе из соседнего гаража* (Автопатриотизм: покупаем и дорабатываем отечественную машину // «Хулиган», 2004.08.15) [НКРЯ], и фразеологизм *гуляй, Вася (жуй опилки)!*, для которого В.В. Химик выделяет два значения: «Сниж. и ирон. 1. Свободен от обязательств (при каких-л. условиях), полное отсутствие проблем. … 2. Фам. Предложение прекратить общение, уйти прочь» [Химик, 2017, т. 1, 90]: см. *Сейчас отстегнем старому хрычу его долю, и гуляй, Вася, – в Пекин!* (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем, 2002), *Я тебя тогда спасла, а теперь – гуляй, Вася, да?* (С. Василенко. Шамара, 1994) [НКРЯ].

В качестве аналогичного женского антропонима в русской фразеологии используется имя *Маша* (см. *как умная Маша* ‘иронически: о женщине, девушке, девочке, не достигшей результата своей деятельности, обманувшейся в ожиданиях’, *Маша с Уралмаша* ‘иронически: о недалекой, простоватой женщине, девушке (часто из провинции)’), но эти выражения возникли раньше, в первой половине XX в. (*Умная Маша* – созданный Б. Малаховским, Д. Хармсом, Н. Гернет персонаж советских комиксов журнала «Чиж»).

Стереотипным обозначением может выступать и реальное имя собственное: см. *Пушкин* как обозначение усредненного, не совпадающего с говорящим и слушателем субъекта во фразеологизме «*Кто делать будет? Пушкин*?» (строго говоря, этот фразеологизм к новейшей фразеологии тоже не относится, известен уже в 1920-е годы). Новым фразеологизмом, включающим стереотипный топоним, является выражение (*кто-л./что-л.) и в Африке (кто-л./что-л.)* ‘о стабильности какого-л. положения, неизменности сущности кого-л., чего-л.’: *Но муж – он и в Африке муж, он и привязанный к яблоне – муж, и первым делом он спросил строго и требовательно…* (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем, 2002), *За смену пройдет два десятка лесовозов, что там особо проверять? Бревна, они и в Африке – бревна!* (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но…, 2011) [НКРЯ]. В данном случае *Африка* – стереотип места, наиболее удаленного, экзотического, непохожего на то, где находится говорящий, а предмет сохраняет свое тождество несмотря на изменившиеся условия.

Но онимы-имена реальных людей и названия реальных географических мест используются во фразеологии и с другой функцией – указание именно на конкретный (всегда общеизвестный) объект и его типичные свойства. Для субъекта это может быть указание на характерный, запоминающийся продукт его деятельности: см. современный фразеологизм *сказки Пушкина* ‘небылицы’. Есть и остро злободневные устойчивые выражения. Обычно они привязаны к конкретной ситуации и конкретному времени: например, *ножки Буша* ‘об импортируемых из США замороженных куриных окорочках’ (о поставке дешевых продуктов в 1990 г. М.С. Горбачев договорился с американским президентом Джорджем Бушем-старшим): *На отечественном курином рынке «ножки Буша» занимают лидирующие позиции* (М. Смовж. Другой путь «Ножек Буша» // «Известия», 2002.08.27) [НКРЯ]. Но иногда такие устойчивые сочетания могут и перерастать свое время: так, десантные войска нередко именуют *войсками дяди Васи* (шуточная расшифровка аббревиатуры ВДВ), но здесь это не усредненный дядя Вася, а реальный человек – генерал армии, Герой Советского Союза, Василий Филиппович Маргелов, внесший огромный вклад в развитие Воздушно-десантных войск (1954–1979 – командующий ВДВ): *А где я в армии служил? В ВДВ – войсках дяди Васи* (В. Попов. Очаровательное захолустье, 2001) [НКРЯ].

От имен собственных, использующихся с функцией стереотипизации и, напротив, указания на характерный реальный объект и его типичные свойства, следует отличать реально существующие имена собственные, использующиеся во фразеологизмах по законам языковой игры в связи со случайной близостью их звукового облика какому-либо слову. Обращая внимание лингвистов на явление вторичной семантизации («появления у слова нового (особого) лексического значения», которое «может не подчиняться языковым правилам метафоры и метонимии» [Норман, 2019, 66]), Б.Ю. Норман подчеркивает, что «в принципе название должно переноситься с более известного (более частого) понятия на менее известное. Но на практике бывает так, что говорящий использует редкое, знакомое ему понаслышке слово (агноним или тароним), выбирая его по фонетическим или стилистическим признакам и наполняя своим произвольным значением. Очень характерны в этом смысле фонетически выразительные слова» [Норман, 2019, 66–67]. В роли таких фонетически выразительных слов могут выступать как неизвестные, так и, наоборот, постоянно находящиеся на слуху лексемы, в том числе онимы: см. эвфемистическое соответствие обсценному бранному выражению *Блин Клинтон* (языковая игра по созвучию с именем американского президента Билла Клинтона и использование слова *блин* в роли эвфемизма), выражение (*кто-л.) не Копенгаген*‘иронически: кто-л. не разбирается в чем-л., не является компетентным в чем-л.’ (выражение возникает в русском языке в 1970-е годы, топоним *Копенгаген* появляется по созвучию со словом *компетентен*). Ряд антропонимов представляет собой имена киногероев, так как группа фразеологических выражений – это цитаты из кинофильмов, и фразеологизмы, включающие эти онимы, обычно являются отсылками к соответствующим ситуациям: *Элементарно, Ватсон!* ‘никаких трудностей нет, всё просто’ (основано на реплике Шерлока Холмса из фильма 1979 г. «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона»), *Вас, Штирлиц, вас я попрошу остаться* ‘просьба задержаться для разговора’ (основано на реплике Мюллера из фильма 1973 г. «Семнадцать мгновений весны») и др.

В заключение отметим лингвистическое явление, когда в качестве имени собственного используется имя нарицательное по происхождению: см. в последние годы широкое распространение получил заимствованный фразеологизм *капитан Очевидность*‘о человеке, который говорит банальные, тривиальные, общеизвестные и общепонятные вещи’. Это калька с английского: персонаж *Captain Obvious* был впервые использован в интернет-меме в 1992 г. и получил широкое распространение, но английскому прилагательному *Obvious* соответствует в большей степени воспринимающееся как антропоним русское существительное *Очевидность*.

Таким образом, в новой русской фразеологии используются онимы, соответствующие вымышленным и реальным именам собственным, именам персонажей фильмов и интернет-мемов. Устойчивые выражения, включающие онимы, преимущественно исконного, реже – заимствованного происхождения. Онимы используются во фразеологии как обозначения стереотипных объектов и, напротив – как отсылки к конкретным, прецедентным фигурам и местам, а также по созвучию как языковая игра. Большинство новых фразеологизмов, включающих имена собственные, имеют ироническую окраску.

Литература

Бурыкин А.А. Лексический материал словарей «Новые слова и значения» в контексте новых лексикографических источников // Неология и неография: современное состояние и перспективы. К 50-летию научного направления. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 13–15. {Burykin A.A. Lexical material of dictionaries «New words and values» in the context of new lexicographic sources. In: Neology and neografy: current state and prospects: To the 50 anniversary of the scientific direction]. Saint-Petersburg: Nestor-Istorija. P. 13–15.}

Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с. {Kovshova M.L. The dictionary of proper names in Russian riddles, proverbs, sayings and idioms. Moscow, 2019. 352 p.}

Котелова Н.З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. М.: Русский язык, 1988. С. 46–63. {Kotelova N.Z. Theoretical aspects of the lexicographic description of neologisms. In: Soviet lexicography. Moscow, 1988. P. 46–63.}

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www. ruscorpora. Ru / search-main. html (дата обращения: 05.04.2020) {National Russian Language Corps [Electronic Resource]}

Норман Б.Ю. Вторичная семантизация в языке и в речи: к основаниям окказиональных переносов лексического значения // Русский язык: исторические судьбы и современность VI Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет 20–23 марта 2019 г. Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 66–67. {Norman B.Ju. Secondary semantisation in language and speech: to the base of occasional transfers of lexical meaning. In: Russian: historical fates and modernity :VI International Congress of Researchers of Russian Language. Moscow, Lomonosov Moscow State University, philological faculty on March 20–23, 2019. Works and materials. Moscow, 2019. P. 66–67.}

Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2 т. СПб.; Златоуст, 2017. {Himik V.V. An explanatory dictionary of Russian quotidian and common speech. In 2 volumes. Saint-Petersburg, 2017.}

Мокиенко В. М. Новая русская фразеология. Opole; Uniwersyt et Opolski: Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 с. {Mokienko V. M. New Russian phraseology. Opole; Uniwersyt et Opolski: Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 p.}

Степанова Л., Доброва М. Словарь русских неологизмов. Slovník ruských neologismů. Olomouc: Univerzita Palackého, 2018. 472 с. {Stepanova L., Dobrova M. Dictionfary of Russian neologisms. Olomouc, 2018. 472 p.}

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.161.1

А.В. Гузнова, г. Княгинино

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРОЗВИЩА НИЖЕГОРОДСКОГО ОКСКО-ВОЛЖСКО-СУРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Статья посвящена изучению коллективных прозвищ: представлены взгляды лингвистов на коллективные прозвища, их функции. Рассматриваются коллективные прозвища Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья. Представлен анализ коллективных прозвищ с точки зрения способов и принципов номинации. Внимание уделяется мотивированности/немотивированности. Отмечается, что в качестве производящей базы коллективной прозвищной номинанты могут выступать имена как в форме единственного числа, так и в форме множественного числа.

***Ключевые слова**: прозвище, коллективное прозвище, семейное прозвище, номинация, номинанта, этноним.*

***COLLECTIVE NICKNAMES NIZHNY NOVGOROD OKSKO-VOLGA-SURSK INTERFLUVE**. The article is devoted to the study of collective nicknames: the views of linguists on collective nicknames, their functions are presented. Collective nicknames of the Nizhny Novgorod Oksko-Volga-Sursk interfluve are considered. The analysis of collective nicknames from the point of view of the methods and principles of nomination is presented. Attention is paid to motivation / non-motivation. It is noted that the names of both in the singular and in the plural can be used as the generating base of the collective nickname nomination.*

***Keywords**: nickname, collective nickname, family nickname, nomination, nominee, ethnonym.*

Прозвища составляют богатый пласт неофициальной антропонимии русского народа, где словно в зеркале отражаются быт, культура и история развития общества. В процессе номинации человека прозвищем на первый план выходят идентификация и характеристика личности, сопряжённые с мотивацией: временем, местом, речевой ситуацией прозывания и ассоциативными связями.

Коллективные прозвища занимают особое место среди неофициальных антропонимов, называя, идентифицируя и характеризуя не конкретное лицо, а группу людей. Коллективное (групповое) прозвище – это «прозвище, которое дано группе людей, семье, роду, поселению, этнической группе» [Подольская, 1978, 116]. Вопрос о статусе коллективных прозвищ до сих пор остаётся нерешённым. К анализу коллективных прозвищ обращались В.К. Чичагов, А.В. Суперанская, Т.В. Бахвалова и другие исследователи. В трудах лингвистов обнаруживаются разные номинации данной разновидности прозвищ (групповые, коллективные, коллективно-территориальные прозвища), разный состав.

В.К. Чичагов различал прозвища индивидуальные, групповые, партийные и псевдонимы. Среди групповых прозвищ выделял профессиональные, возрастные, территориальные, территориально-диалектные, социально-групповые, бытовые прозвища и прозвища других народов [Чичагов, 1959, 6]. Соответственно, понятие «групповые прозвища» оказывалось достаточно объёмным, включающим все возможные наименования групп лиц по определённым характерным чертам.

А.В. Суперанская говорит о групповых антропонимах, к которым относит родовые, семейные и династические имена коллективов людей, выделяющихся по различным признакам [Суперанская, 1973, 176–178]. На первый план у А.В. Суперанской выходят родовые отношения между членами семьи, соответственно групповые прозвища – это прозвища семей.

Т.В. Бахвалова делит все прозвища на две группы: лично-индивидуальные и коллективные (коллективно-территориальные, групповые). Лингвист отмечает ряд особенностей коллективных прозвищ: наличие номинативной и характеризующей функций, территориальную локализацию, высокую степень информативности об особенностях жителей конкретного населённого пункта, наличие фоновых знаний и коннотативного компонента [Бахвалова, 2017, 61–64].

В работе Ю.Б. Воронцовой коллективные прозвища сопоставляются с оттопонимическими названиями жителей, семейными прозвищами, прозвищными топонимами, социальными прозваниями, прозвищными этнонимами. В качестве отличительных особенностей коллективных прозвищ названы номинация группы людей, территориальная закреплённость, отсутствие связи с соответствующим топонимом, характеризующий принцип номинации [Воронцова, 2002, 7–8].

Итак, коллективные прозвища – это, в первую очередь, прозвища территориально единого коллектива (стоит отметить, что семья – это тоже коллектив). Прозвание коллектива происходит при определённых обстоятельствах – прецедентах, номинанты отражают характерные черты коллектива, обладают коннотативным компонентом, локализованы и информативны. Коллективные прозвища оказываются на периферии онимического пространства ввиду подобия этнонимам и близости к апеллятивам.

Коллективные прозвища в говорах Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья представлены собственно коллективными прозвищами (около 50 единиц) и семейными прозвищами (около 150 единиц). Семейные прозвища – прозвища семей, которые бытуют наряду с официальными фамилиями в пределах одного населённого пункта: например, **Карасй**, необидн. Прозвище семьи. *Чилеевых звали. Они все милкотны́е, ма́ненькие.* Деяново Пильн.; **Лягуша́тники**, обидн. Прозвище семьи. *Их всю жись Лягушатниками завут: ани около балота живут.* Новосёки Воз. Собственно коллективные прозвища – прозвища группы лиц, не объединённых родственными связями: например, **Анда́тры**, обидн. Прозвище группы людей. *Эт мы так ариндаторов зовём.* Княжиха Пильн.; **Водохле́бы**, необидн. Прозвище жителей с. Ильинского. *Сроду вадахлёбами их заут. Што назва́ли? Можа, вады много пили.* Ильинское Поч. Остановимся подробнее на собственно коллективных прозвищах.

Коллективными прозвищами именуются:

– жители одного села (**Кошéли,** обидн. Прозвище жителей с. Нарышкино. *Раньшы нарышински с кошеля́ми за хлебом в город ходили, сумок-то ни у ково не было, вот и прозвали Кошелями*. Нарышкино Воз.; **Грачи**, мн. Прозвище жителей деревни Акулиновки [с. Акулинино]. *Мы акулиновских грачами зовём, их так раньше прозвали: шумливы были, как грачи, да драчливы. Так грачами их и прозвали.* Малая Мажарка Кр.-Окт.);

– группа лиц, объединённых по общему признаку или действию (**Огуре́чники**, необидн. Прозвище жителей деревни Вазьянка. *Так зовут жителей села, они выращивают много огурцов для продажи. – Жители деревни Вазьянка, потому што выращивают огурцы, получают основной доход от этого.* Спасское Спас.; **Горшкй,** необидн. Прозвище жителей села. *Нас горшками прозывают, потому што мы посуду глиняную делали.* Большое Череватово Див. – представленные примеры иллюстрируют синкретизм в номинации жителей одного села, занимающихся общим делом).

По способу номинации коллективные прозвища делятся на:

– простые, состоящие из 1 слова, например: **Анда́тры,** обидн. Прозвище группы людей. *Эт мы так ариндаторов зовём*. Княжиха Пильн.; **Не́мцы**, м., обидн. Прозвище жителей одного села. *Они уж больно жадны, нищим не подадут, Семёнавски-ти. Их так и прозвали Немцами.* Слизнево Арз.

– сложные, состоящие из 2 и более слов, например, **И́долы Нечи́ста Ду́ха**, обидн. Прозвище группы женщин. *Да вон бабы – Идолы Ницыста Духа. Баку́лят и баку́лят, вовсе ницово не делают*. Кошелиха Перв. Сложных коллективных прозвищ значительно меньше, их соотношение с простыми составляет примерно 1 к 7.

Вполне закономерным является использование в качестве номинанты существительного в форме множественного числа, так как коллектив представляет собой не одного человека, а множество людей. Однако встречаются случаи использования в качестве номинанты имени существительного в форме единственного числа: **Кошáр**, м., необидн. Прозвище мальчиков. *Кошарик и Кошар*. Лопатино Вад. (ед.ч.).

По принципу номинации коллективные прозвища представлены следующими группами:

– прозвища жителей одного населённого пункта: **Водохлёбы**, необидн. Прозвище жителей с. Ильинского. *Сроду вадахлёбами их заут. Што назва́ли? Можа, вады много пили.* Ильинское Поч.; **Сластники́**, необидн. Прозвище жителей с. Починки. *Ане в раёне жыут харашо. Идят сладко. Вот и назвали сласники.* Ильинское Поч.

– по роду деятельности: **Гроботёсы,** обидн. Прозвище бригады плотников. *Это прозвище палучила бригада плотников в стройарганизации.* П. им. Степана Разина Лук.; **Ла́пники,** необидн. Коллективное прозвище. *Лапников и пымали. Да они лапти плетут*. Большое Череватово Див.; **Печники́,** необидн. Коллективное прозвище. *Прозвище получила бригада каменщиков в стройорганизации.* П. им. Степана Разина Лук.;

– прозвища по религиозным взглядам: **Большекре́стые,** необидн. Прозвище старообрядцев. *У нас иконы всякие, а у них бальшие, и крест у них бальшой, за это их и празва́ли Большекре́стые*. Калапино Шатк.; **Кулугу́ры**, неодобр. Прозвище жителей деревни Латышихи. *У них вера старообрядска, вот мы их Кулугурами и зовём.* Латышиха Спас.;

– по особенностям речи: **Куда́ровский Суцо́к,** м., необидн. Прозвище жителей с. Кудеярово. *Раньши наши кудяровски гаварили на «цэ», атсюда и пашло: Кудяровский Суцок. Это уж в привычку вашло, и никто не абижатся.* Кудеярово Лук. – особенности произношения; **Арзама́сская Пра́вда**, ж., обидн. Прозвище болтливых людей. *Болтунов так-то у нас зовут Арзамасска правда.* Протопоповка Арз. – любители поговорить;

– по месту проживания, учёбы: **Прудо́вские,** необидн. Прозвище жителей рощи Прудо́к. *Роща Прудо́в есь. Пруд в роще был. Шесь семей было, уехали они, Прудо́ськими их звали.* Глухово Див.; **Козлы́,** обидн. Прозвище студентов зооветтехникума. *Как только начали у нас в техникуме учиться, так с тех пор и зовут всех Козлами. Не любят у нас студентов.* Макарьев Лыск.; **Коне́чные Девчо́нки**, ж., необидн. Прозвище девушек с порядка (улицы). *Жили мы на конце, вот нашу артель и звали Конечны Девчонки.* Чернуха Арз.

Большая часть коллективных прозвищ мотивирована, однако встречаются прозвища со стёртой мотивацией: **Бекёшки**, обидн. Прозвище двух девочек. *Да хто их знат, робята, прозвали, вот и Бекешки.* Веришки Арз.; **Водохлёбы**, необидн. Прозвище жителей с. Ильинского. *Сроду вадахлёбами их заут. Што назва́ли? Можа, вады много пили.* Ильинское Поч.; **Рога́**, необидн. Прозвище жителей с. Можаров-Майдан. *Вот зовут нас майданских. Рога, Рогульки, а почаму – я не знаю. Вроди мы не злые, не сердиты.* Можаров-Майдан Пильн.

Среди коллективных прозвищ Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья есть номинанты, обозначающие двух людей: **Два́ толстяка́,** необидн. Прозвища двух мужчин. *Обои таки то́лсты и ходят вместе, ну прям как два толстяка.* Неледино Шатк. – в прозвищной номинанте содержится прямое указание на количество прозываемых. **Масля́тина-Исая́тина**, ж., необидн. Прозвище двух подружек. *Я Маслова, а она Исаева. Мы всегда вместе, нас и зовут Маслятина-Исаятина. Мы уж привыкли.* Чернуха Арз. – данное прозвище представляет собой звуковую ассоциацию.

Таким образом, коллективные прозвища представляют собой интересный пласт антропонимов, используемый для номинации двух и более людей. По способам и принципам номинации, мотивированности/немотивированности коллективные прозвища перекликаются с индивидуальными прозвищами. В качестве производящей базы коллективной прозвищной номинанты могут выступать имена как в форме единственного числа (единичные случаи в говорах Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья), так и в форме множественного числа.

Литература

Бахвалова Т.В. Коллективно-территориальные прозвища Орловщины // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. Майкоп, 2017. С. 61–64. {Bakhvalova T.V. Collective-territorial nicknames of the Oryol region // Russian language and onomastics in the multicultural educational space of the south of Russia and the North Caucasus: problems and prospects. Maykop, 2017. P. 61–64.}

Воронцова Ю.Б. Коллективные прозвища в говорах Русского Севера: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2002. 17 с. {Vorontsova Yu. B. Collective nicknames in the dialects of the Russian North: abstract of diss. ... cand. filol. Sciences: 10.02.01. Yekaterinburg, 2002.17 p.}

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 1-е изд. М.: Наука, 1978. 198 с. {Podolskaya N.V. Dictionary of Russian Onomastic Terminology. 1st ed. Moscow: Nauka, 1978. 198 p.}

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 365 с. {Superanskaya A.V. General theory of the proper name. Moscow: Nauka, 1973. 365 p.}

Чичагов В.К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М.: Учпедгиз, 1959. 127 с. {Chichagov V.K. From the history of Russian names, patronymics and surnames (Questions of Russian historical onomastics of the XV–XVII centuries). Moscow: Uchpedgiz, 1959. 127 p.}

Сокращения районов

Арз. – Арзамасский район, Вад. – Вадский район, Воз. – Вознесенский район, Див. – Дивеевский район, Кр.-Окт. – Краснооктябрьский район, Лук. – Лукояновский район, Лыск. – Лысковский район, Перв. – Первомайский район, Пильн. – Пильнинский район, Поч. – Починковский район, Спас. – Спасский район, Шатк. – Шатковский район.

УДК 811.512.1

Х.Е. Гусейнова, г. Баку

СИБИРСКИЕ ТОПОНИМЫ ТУРЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье предпринята попытка этимологизации сибирских топонимов и описания древних языковых контактов тюркских племен.

TOPONYMS OF TURKIC ORIGIN OF SIBERIA

Innovations in all spheres of the world, modern methods in science, culture and politics, modern relations are also manifested in linguistics. In this regard, we also observe new ideas in the study of ancient Turkic writings and the classification of territories inhabited by Turkic peoples.

Orkhon-Yenisei inscriptions are written in a literary language close to the spoken language of the Turkic tribes in the V-X centuries, remind of the Turkic tribes living in Siberia and along the Volga River , the language of Turkic-speaking peoples: Tuva, Khakass, on the other hand, the Azerbaijani, Turkish, Turkmen, Gagauz languages belonging to the Oguz language group, Uzbek, Uighur, Kyrgyz according to some language elements [7, p. 6].

«No nation in the history of mankind has lived alone in a concrete, limited geographical space for a long time. The nation has relied on its past. He learned from the people he was in contact with, and taught others his positive aspects. The ancient Turks also played an exceptional role in the formation of universal values in Persians, Byzantines, Russians, Indians, Chinese and other peoples throughout history. While Turks and Ajams live in the same conditions of life, in the same cultural environment and under Turkish rule, Every Turk, little and old , without knowledge or educated, learns the Persian language, but the Ajams do not learn the Turkish language, do not write in this language... it shows that Turk is superior and smarter than Ajam" [7, p. 3].

Sixteen of the hundred and twenty states historically created by the Turks were world-wide Empires. The most important fact proving that Turks have an ancient culture is the ancient written texts and Turkmen toponyms created by them.

Hasan Mirzayev, one of the great figures of Azerbaijani linguistics, based on the instruction of great leader Heydar Aliyev, has done a great job in the field of studying Turkmen toponyms, studying geographical nomens active in the formation of toponyms. One of such toponyms is the name Daralayaz. Let′s pay attention to the opinion of the scientist about the component "ala // excellent" in the composition of the name.

In Turkish, the word ***ala*** // excellent means «***high, excellent***». The word daralayoz means ghuzs, oghuzs living in the high, and great valleys [9, p. 113–117]. It is also true that the Oguz Turks have always loved to live at the high places. The Turkmen toponyms are 90 per cent in historical sources and in Information Books published in the XIX century in Russian, in the materials of Chopin and Zaven Korkudyan on population census. H.Mirzayev provided extensive, comprehensive and accurate information about onomastic units in ***Daralayaz*** district. Each onomastic unit was studied on the basis of exact facts, clarified their most characterist.

Speaking of onomastic units, H.Mirzayev gave detailed information about ethnonyms and ethnoponyms, studied their areas extensively. Author analysed ***Boyat, Bilajari, Gazakh, Kumcu, Gargar, Tarakama, Khalaj, Tartar, Duvanli*** and some other ethnotoponyms in a historical-linguistic direction and clarified a number of dark issues.

Prof. H.Mirzayev studied the areas of Azerbaijani toponyms and found traces of many of them in Russian and Sibir toponyms in near and far countries, said the following:

Dadali oykonym in Crimea, Bulgaria, Turkey, Iran, Central Asia; ***Ertish*** village is named after Irtish River in Siberia; ***Garagaya*** village in Azerbaijan and Bulgaria, etc. He clarified the facts and clarified the blood relations of Turkic-speaking Ethnos.

The Armenian nationalists who deny such facts should know that such attachment and historical facts justify the idea that ***Daralayaz*** was an ancient land of Oguz. It should be noted that the elements of areal Turk-Oguz are also observed in the works of Chopin and other foreign historians. Prof. H. Mirzayev along with informators, used one of the ancient Dictionaries on linguistics the dictionary of Radlov (Drevneturkskiy slovar, 1969; In the dictionary of V.V. Radlov).

In Russian toponymy, we can give examples of Turkic names:

In the sources of the XIX century, the previous name of the settlement ***Anzo/Anzov*** was ***Zivirs***. This name is very close to ***Zovin*** in Lerik -Yardimli, ***Zovle*** in Lankaran , the root of ***Zivel*** village in Kelbajar, in Azerbaijan . There is a settlement called ***Ziviya*** in southern Azerbaijan. It is interesting that the researchers tried to explain the origins of these adaptations in the language of the ethnic tribe living in that region. In any case, the connection of ***Zuvin/Zevin*** compatibility with the word "zua", "boys" and "brave" in the Talysh language in the Astaranian territorial unit is not convincing.Or: the explanation of the suitability of the ***Zovla*** in the form of "zov" and "***La***" ("mountain ,valley and the diminutive form – "***small valley*** ") is controversial. Such "curly" explanations can often be found [9, p.128].

Studies have shown that most toponyms ending with-la topoformant are not "diminutive suffix", but "***ula***" of Mongolian origin-a phonetic variant of the word mountain. For comparison, the ancient name ***Zivia-iya*** refers to the concept of "Earth, space "and the word "***ziv***" corresponds to the roots of this word. In our opinion, there is a serious need for an in-depth study of the roots of this word.

Some researchers note that the word ***Zivirs*** originated from the word ***sibir/Shiber/shivir*** of Mongolian origin. It is known that the toponym ***s < sh < z*** was replaced and zivirs reveals . In the Mongolian language, ***Zivirs*** is explained in the meaning of "swamp", "jungle". On the territory of Lerik there is a Sibirdu mountain. The mountain was named after the village of ***Sibirdu***, which existed until the beginning of the XX century.

The researchers also linked Sibiroba compliance in Khachmaz region with ***sıbır/zıvır/shıvır/shıber***. The Turkic-Mongol tribes also existed in the Yardimli territories. In the southern region, other place names related to the Mongols are also found. Studies have shown that until the Mongol invasion (XIII) there have been settlements in these areas since very ancient times. The invasion also caused great apathy in the Yardimli area. It can be concluded that on the eve of the golden age in Ardabil becoming a religious and political-ideological tool, there was a strong flow and control over the present-day Yardimli territories. The flow of Turkic-speaking tribes from the territory of South Azerbaijan to the present-day Yardimli region began not in the XIII century, but mainly after the XIV century (after Mongols mixed with local Oguz and Kipchak tribes). The facts show that the present-day Yardimli people were not organized from the coming tribes .

The name of the word ***Zivirs*** and the place names from this tribe (***Sibiroba, Sibirdo***, etc. it is controversial that it is considered to be of Mongolian origin. It is not true that the word Sibiroba also means ***"oba// place***, home in the swamp". It may be that the word zhivir is associated with the name of the ***suvar*** tribe, which is a branch of the Huns, widely spread in that area. Historians refer to the suvars with different names-savar, suvar, sabir, savir, etc. have noted.

It can be said that the name is also preserved in the ***Siberia*** toponym, which includes a large part of Russia. Some researchers have said that the Sibiric toponym reflects the name of the ***savar*** Ethnos.

Q.Kazimov writes that in this regard, the Huns and ***savars*** returning to Albania im the third millenium B.C.should not be doubted it was part of the ***subir*** tribe, which lived in the territory of Zagros, in the north of the Sumerians. We do not doubt that the savars that appeared in Albania from the first centuries of our era together with the Huns are from the same root as the subars in the neighboring Sumerians 3 thousand years ago, as we do not doubt that the Saks are the ***Kas*** in ***Albania*** are in the same root of ***Tursakas*** in the territory of Italy. Most researchers note that the Bilasuvar toponym in the neighborhood originated from the name of the suvar tribe. It is known from history that most of the population of the mighty ***Khazar*** state was made up of ***savirs.***

M.Ismail writes that Bilasuvar was named after the Suvarlar river in the Middle Ages. They are supposed to come to these places in the V–VI centuries, perhaps even earlier. According S. Mollazde's sources and researchers, the suvaries / / the suvars was so strong that the Sassanids considered their arrival a threat to themselves.According Q. Kazimov the sh~s passage in the words Shumer-Suber, it is clear that these (Sumerians and Subers) are parts of the same tribe . Subers historically separated from ***Kutis***-the part of the Kutis living in lush areas was called so. The author then writes that the suvars /sabirs/savars, who later appeared on the stage of history, arrived in Azerbaijan in the middle of the 1st millennium BC, are descended from subirs.

In linguists also have interesting ideas about the etymology of the name Sibir. Sometimes the word Sibir is associated with the word ***sever //*** north in Russian. But at this time it is possible to explain the substitution of b-v according to the laws of the Russian language. At the same time, the difference of accent in these words denies this idea. Also the Russian population of Siberia lived not in the north, but in the east of Siberia.

Related to the etymology of the name Sibir Z.Y. Boyarnishan's opinion is also interesting. Based on historical sources, the author came to the conclusion that the term "***sipir"*** (***syovir, sabir)*** is the name of the great ancestors of the Ugors. Later, the professor clarified his ideas and explained the toponymy based on the language of the Turks living in the Middle Eastern Region [27].

Since the XIII century, Eastern authors have called Siberia both Ethnos and eplace names. In the XIV–XV centuries, on the banks of the Irtish River, a city was called ***Sibir***. In Russian written sources, in the XV century, the territory of lower Tabol and middle Irtysh was called Sibir.

Later, as a result of the movement of the Russians to the East, the name Sibir was attributed to the territories from the Ural mountains to the shores of the Pacific Ocean.

Many researchers assume that the name Sibir derives from the word "shiver" of Mongolian origin. .In the last article of A.Q.Mitroshkian,devoted to the explanation of the term Sibir, the author considered this word of Mongolian origin, but assumed that it originated from the word "seber" (beautiful city), and not shiver. At the same time, the author tried to explain these ideas based on toponyms of Siberia and Mongolia, apart from historical, linqvistic aspects.

The savars as part of the Huns moved to the West their pro -fathers lived in Azerbaijan three thousand years before they came to Azerbaijan. This is also useful in terms of determining the initial direction of migration [26, p.188].

Geographical names of Turkish origin are also found when examining the toponyms and hydronyms of the territory of Sibir. We can give examples of these as follows: http://www. sibrybalka. ru/vodojomy/ toponimicheskiy_slovar):

1) the left tributary of the Aba-Tom River. Toponym is derived from the word "aba // ata" of Turkish origin. According to another version, "a"means the peak of the mountain and "ba"-River (in the South samodian language). The literal meaning is the river flowing from the top of the mountain;

2) Ayyul-Chulim is the name of the river . «The moon»-the planet (luna) and "yul" – explained in the meaning of the river (http://www. sibrybalka. ru/vodojomy / toponimicheskiy-slovar) [27];

3) Akkul – the name of the lake in Siberia. Turkish origin is formed from the combination of the words ag – "white" and gul – "Rose// gol /Lake" (http://www. sibrybalka. ru/vodojomy / toponimi cheskiy-lovar) [27];

4) Balakta-Culum is a branch of the river. Turkish origin reflects the word "Balik" (fish);

5) Balanda-river in the name of the Turkish origin of the word" bulanmak, bulan//turbidity " is preserved. In the XVIII century P.S.Pallas wrote that "...we approached the river Bolande, which flows rapidly ""(http://www. sibrybalka. ru/vodojomy / toponimicheskiy-slovar);

6) Barlakul – Lake. Linguists associate this name with the word "borli" of Turkish origin and "gol " (Lake-ozero) (see). (http://www. sibrybalka. ru/vodojomy / toponimicheskiy-slovar);

7) Berchikul – in Siberia there is a lake and river of this name. Turkish origin is associated with the words" Borchok/ "(stain) and" Rose "/ (Lake-ozero) (http://www. sibrybalka. ru/vodojomy / toponimicheskiy-slovar) [27].

In addition to the examples we have shown, there are many Turkish toponyms in Russian toponymy.

Finally, it can be concluded that not only in Russian toponymy, but even in the toponymy of other near and far countries there are enough names of Turkish origin, words of Turkish origin. There is a need for systematic research of these words and names.

References

1. Toponyms of Azerbaijan. Encyclopedic Dictionary. Part I, Baku, 2007, 303 p.
2. The Encyclopedic Dictionary of Azerbaijani Topologies. Vol. II, «East-West», Baku, 2007, 304 p.
3. Toponyms of the Turkish origin of the Caucasus. Baku, 2010, 255 p.
4. Jafarov S. Vocabulary in the Azerbaijani language. Baku: Azerbaijan State University Publishing House, 1960, 202 p.
5. Jafarsoylu I. The Turks are in the Russian genocide. Baku, 1995, 115 p.
6. Ahmadov T. Fundamentals of Azerbaijan toponymics. Baku, 1991.
7. Hudiyev N. The language of ancient Turkic written monuments. Baku, 2015.
8. Karasharli J. Early inhabitants of the Mediterranean basin. Turks. Baku, 2009, 278 p.
9. Mirzayev H. A few words about the topology of Daralayaz. Thematic collection on language issues, № 1, Baku, 1988.
10. Mollazade. S. Toponymy of Azerbaijan. Baku, 1985, 81 p.
11. Akhmetova Sh., Bronnikova O.M. and others. Peoples of Western and Central Siberia: Culture and Ethnic Processes (Culture of Russia; T.6). Novosibirsk: Nauka, 2002, 325 p.
12. Akhmetzyanov I.G. Historical and linguistic research of the Turkic-Tatar geographical names in the Russian annals. Author's abstract of Ph.D. thesis. 2004.

13. Dmitriyeva T.H. Turkicisms in the Russian subdialects in the prehistoric // Etymology. Sverdlovsk, 1981.
14. Dobrodomov I.G. The problem of stratification of Iranian and Turkic place names in the Seversky Donets basin // Chuvashian language and altaistics. Cheboksary, 1995.
15. Old Turkic dictionary. Leningrad, 1969.
16. Karaev S.K. Etymology of Shiber and Siberia // Social sciences in Uzbekistan. 1966. N 1.
17. Kononov A.N. The semantics of the Slovenian words for «black» and «white» in Turkish geographical terminology. 1954.
18. Kubarev B.D. Ancient Turkic sculptures of Altai. Novosibirsk: Nauka, 1984.
19. Kuryaeva R.I. Turkic stratum of Russian oikonymy of the Middle Volga region. Author's abstract of Ph.D. thesis. Kazan, 1992.
20. Leonova T.N. Topographic map of Tyumen Oblast // Ethnography. Moscow: Nauka, 1971.
21. Miller G.F. History of Siberia. Moscow–Leningrad, 1937. Vol.1.
22. Molchanova O.T. Structural types of Turkish toponyms of the Altai Mountains. Saratov, 1982.
23. Murzaev E.M. Toponymics and geography. Moscow: Nauka, 1995.
24. Tumasheva D.G. The dialects of the Siberian Tatars. Kazan: Kazan state university press, 1992, 255 p.
25. Vasmer M. Etymological dictionary of the Russian language / translated by Trubachev O.N. 4 Vol. Moscow: Progress, 1986–1987.
26. Kazimov G. Selected works. Part one. Baku, 2008, 560 p.
27. http://www. sibrybalka. ru/vodojomy / toponimicheskiy-slovar. (accessed 3.02.2020)
www.google.az (accessed 3.02.2020)

БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ

УДК 81

М.Д. Даниева, г. Карши

ЭСТЕТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ВКЛАД СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В ЗНАЧЕНИЕ ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассмотрены вопросы определения концептуальных основ семантико-функциональных и производных свойств словосочетаний, а также взаимосвязь этих свойств с участием в текстовой композиции.

Ключевые слова: *словосочетание, языковое единство, функция, контент, прагматическая и эстетическая ценность, ассоциативное поле.*

AETHETIC-PRAGMATICAL CONTRIBUTION OF PHRASES TO THE CONTENT OF THE TEXT IN MODERN ENGLISH*. The problems of the conceptual basis of semantic-functional and derivational properties of phrases are determined in the article and the relationship of these properties with participation in a textual composition is analyzed as well.*

Keywords*: phrases, linguistic unit, function, text content, content, pragmatic and aesthetic value, associative field.*

As any linguistic unit phrases also have the function of aesthetic-pragmatic affect and this functional opportunity is mainly seen in the use of phrases in the content of the text. It is known that the existence of pragmatic and aesthetic value in the linguistic units is the characteristic feature of these units because their semantic structure is based on the interrelation of the various meanings of the components. The aesthetic meaning which appears at the result of interrelation of the general and separate qualities is the set part of the content of the linguistic units. According to the opinion of Sh.Bally, who paid the attention to the aesthetic meaning of the components for the first time, every word has its associative field and the incorporating words in this field can be "far or close". [3:151].

The pragmatic value of the linguistic units is the objective verbalization determining the functional features of the language. On this issue the aesthetic value is worth to be defined as the semantic-pragmatic category having a place in the structure of the content of the linguistic units.

Phrases as linguistic unit having own place in the structure of linguistics as any type of nominal units has aesthetic value. Following the ideas of dominating semasiologists we can enter the aesthetic value into the line of concepts which enrich the semantic structure of phrases and get active in the content of the text. This kind of approach makes us to investigate the meaning of phrases in certain contexts in the form of cooperation of denotative and connotative units.

During his investigation M.V.Nikitin paid attention to such kind of linguistic units as *loud noons, dreamy horses, sad joy, harmonious madness, living death, blue sound* etc. calling them as "non-implication units" and belonged to the special group. He pointed that it is important to study the semantic meaning of these linguistic structures in the process of text analyzing. [5: 27]. His opinion was supported by well-known methodologists I.V. Arnold and I.R.Galperin as well. [2; 4: 267–290]. Great Uzbek linguist Sh. Safarov said: "… the conceptual activity of humans does not consist of the system which is supplied with the importance and fullness. The ability of understanding and generalizing our knowledge and experience about the environment in different way is given us by God." The linguistic units appeared as the result of the adjustment of non-implication units are not against to the laws of natural language. It can be seen in the wide usage of such kind of units in the literary texts [6: 270].

The language of fiction differs from the language of scientific literature. Scientific language describes the linguistic view of the world through analyzing the meanings belonging to this or that field of subject, the logical relationship of concepts and their connection with the real life events, and in this way helps to get the scientific knowledge. In the texts of this genre the connection of meanings is always under the control, the cognitive models and the devices of linguistic expression are almost not changeable.

The functions being fulfilled by the literary thinking and speech are more complicated, because in the process of this activity the aim of getting subjective-emotional attitude towards the meaning of the information through delivering the cognitive information to the addressee is put. In literary texts while getting the same aim the author treats to the source of devices existing in the system of language but this source is not

satisfactory for him/her. In the system there may be not enough units answering the intention of the author, or if there exist some units but being not able to reach the pragmatic result. In the purpose of avoiding such kind of uncomfortableness the author needs to treat to the secondary meanings of the linguistic units. The nominative unit which is gained through the method of joining the cognitive and subjective-assessing information in the field of one linguistic form is the result of author's individual linguistic thinking. But such kind of units do not appear by themselves in undisciplined way, there may be followed the disorder of the norms of form of expression and the rule of logical adjustment of the concepts keeps its power.

In conclusion we can say that the phrases have text-forming peculiarity which in its turn has its place in coherence of text and in the expression of communicative-pragmatic meaning. In the communicative process the phrases get the status of discursive verbalization. The contribution of phrases to the communicative pragmatic meaning of the text is seen in their aesthetic function. The opportunity of expression of expressiveness of non-implication units in the context of any text is wider than of other units.

Literature

Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. Ташкент: Фан, 1988. 121 с. {Aznaurova E.S. Pragmatics of literary word. Tashkent: Fan, 1988. 121 p.}

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. 3 изд. М.: Просвещение, 1990. 301 с. {Arnold I.V. Stylistics of Modern English. Stylistics of Decoding. 3rd pub. Moscow: Prosvesheniye, 1990. 308 p.}

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с. {Bally Sh. General Linguistics and the problems of French Language. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1955. 416 p.}

Гальперин И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 267–290. {Galperin I.R. About the Principles of semantic analyses of the stylistically marked extracts of the text. In the book: Principles and methods of semantic researches. Moscow: Nauka. 1976. P. 267–290.}

Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974. 222 с. {Nikitin M.V. Lexical meaning in the word and phrases. Vladimir, 1974. 222 p.}

Сафаров Ш. О двойном управлении древнеанглийских глаголов // Лингвистические исследования. М., 1975. С. 263–280. {Safarov Sh. About the double management of Old English Verbs // Linguistic investigations. Moscow, 1975. P. 263–280.}

Башкирская энциклопедия

УДК 811.133.1

И.Е. Денисенко, г. Оренбург

БЕЛЬГИЙСКИЙ ВАРИАНТ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Статья раскрывает содержание понятий «бельгицизмы», «регионализмы» в рамках сопоставительного анализа языковой ситуации метропольного варианта и франкоязычного ареала Бельгии. В статье проводится анализ языковой ситуации в Бельгии и рассматриваются особенности бельгицизмов на лексическом уровне. Бельгийский вариант французского языка характеризуется отличительными особенностями на лексическом уровне языковой системы, сохраняя в себе архаизмы, обогащаясь заимствованиями и неологизмами. Исследование опиралось на данные диалектных и франко-бельгийских словарей.

***Ключевые слова**: бельгийский ареал, бельгицизмы, регионализмы, диалекты, заимствования.*

***BELGIAN VARIANT OF THE FRENCH LANGUAGE**. The article reveals the content of the concepts of "belgicism", "regionalism" in the framework of a comparative analysis of the language situation of the metropolitan variant and the French-speaking area of Belgium. The article analyzes the language situation in Belgium and considers the features of Belgicisms at the lexical level. The Belgian version of the French language is characterized by distinctive features at the lexical level of the language system, preserving archaisms, enriched by borrowings and neologisms. The study relied on dialectal and Franco-Belgian dictionaries.*

***Keywords*:** *Belgian area, belgicisms, regionalisms, dialects, borrowing.*

В последнее время ученые уделяют большое внимание исследованию индоевропейских языков в рамках диалектологии. Изучению бельгийского варианта французского языка посвящены работы зарубежных и отечественных лингвистов Ф. Масьона, Ж. Кадлека, Л. Миликовой, М. Франкара, А. Доппаня, В. Клокова, Т. Загрязкиной, Е. Невежиной. Французский язык в Бельгии представляет собой региональный вариант французского языка и, вместе с нидерландским и немецким, является одним из официальных языков Бельгии [Денисенко, 2019, 140].

Целью нашего исследования является выявление особенностей бельгицизмов, распространенных на территории Бельгии.

В Бельгии различают три лингвистические семьи. На севере страны, на территории Фландрии проживает нидерландоговорящее население, официальным языком которого является нидерландский стандартный язык, составляет 60 % населения. На востоке страны германоговорящая община составляет 1% населения. Французский язык функционирует на территории Валлонии и в Брюсселе и в некоторых фламандских городах, где он находится под влиянием фламандского брюссельского диалекта.

С лингвистической точки зрения Валлония разделена на 4 региона: западный, центральный, восточный и южный. Валлонский диалект оказывает большое влияние на бельгийский вариант французского языка. Интерференция французского языка и валлонского диалекта стала источником образования многих бельгицизмов.

Бельгийский лингвист Ф. Масьон выделяет три группы бельгицизмов: 1. Неизмененные диалектные термины, которые сохраняют свою диалектную форму. Речь идет о совпадении означающего и означаемого, которые отсутствуют в метропольном французском языке. 2. Диалектные термины, которые были офранцужены и употреблялись в старофранцузский период. Многие из этих архаизмов функционируют в наши дни: p.ex. *aubette* "kiosque à journaux" – abri ménagé pour le public aux arrêts de transports en commun – газетный киоск, расположенный на остановках общественного транспорта; *escabelle* – "échelle double" – стремянка; *passet* (валлонский, брюссельский диалект) – "petit banc pour les pieds" – скамейка; *rebulet* (валлонский диалект) – "recoupe, terme de meunerie" – мука из отрубей, термин употребляется в мукомольной промышленности.

Определенное количество лексических архаизмов в бельгийском варианте французского языка объясняется медленным процессом языковой эволюции на периферии по сравнению с центральными регионами.

3. Фландрицизмы, которые раньше употреблялись в бельгийском французском языке: p.ex. *couque* – "pain d'épices" – пряник, коврижка; *crole* – "boucle de cheveux" – локон, завиток; *crollé* (валлонский диалект) – " bouclé " – завитой; *panne* – "tuile, poêle à frire" – сковорода [Massion, 1987, 451].

Лингвистическая ситуация в Брюсселе заслуживает особого внимания благодаря историческим, политическим, социокультурным и языковым особенностям. Если на территории Валлонии французский суперстрат оказывает влияние на романский диалект, то брюссельский французский

язык и региональный французский язык Брюсселя находятся под влиянием германских диалектов. Нидерландский диалект представлен двумя формами: 1) субстрат южно-нидерландского диалекта – брабантский говор; 2) адстрат в литературной и диалектной форме.

Изучение особенностей бельгийского варианта французского языка неотъемлемо связано с экспликацией различий между терминами «бельгицизмы» и «регионализмы». Бельгийский лингвист Ф. Масьон понимает под «бельгицизмом» любое фонетическое, фонологическое, синтаксическое, морфологическое или лексическое средство, свойственное группе людей, чьим родным языком на территории Бельгии является французский язык, но который в свою очередь отличается от французского [Massion, 1987, 56]. В понятие «бельгицизмы» могут входить архаизмы, испанизмы, фландрицизмы, слова административного назначения, кулинарные термины, которые легко пересекают лингвистичскую границу [Massion, 1987, 62]. В словаре лексических бельгицизмов М. Пирон приводит дефиницию термина «бельгицизм», учитывая языковые особенности лексических единиц, фунционирующих на территории большинства бельгийских провинций [Piron, 1973, 297]. Данный критерий частотности употребления языковой единицы Ш. Брюно относит и к термину «регионализм». С точки зрения языковой нормы лингвист различает бельгицизмы «de bon aloi», соответствующие языковой норме, и варваризмы «barbarismes» [Bruneau, 1952, 99].

В лексическом плане существует классификация по географическому критерию: 1) бельгицизмы или панбельгицизмы, известные на территории франкоговорящей Бельгии; 2) регионализмы, употребляющиеся на территории некоторых регионов; 3) диалектизмы.

Лингвисты выделяют критерий классификации по происхождению слова, проводя исследования в рамках диахронического анализа. Согласно данному критерию выделяют: 1) архаизмы – выражения, вышедшие из употребления во Франции, но функционирующие на территории Бельгии, p. ex. s'encourir 'подвергаться, заслуживать', souper 'ужинать'; 2) неологизмы – communautariser 'trasférer de la compétence nationale à la compétence de chacune des communautés'[Francard, 2010, 145] – pur néologisme "чистый неологизм " и смысловые неологизмы – détournement [Kadlec, 2009, 185] 'deviation de la circulation routière' – направление движения по другому маршруту, объезд дороги; détour 'поворот, объезд' в метропольном варианте; 3) заимствования, которые употребляются в диалектах, p.ex. touillet [Francard, 2008, 123] – (на территории провинции Гом), в нидерландском стандартном языке, p.ex. ket 'enfant, gamin, gavroche' – ребенок, мальчуган, а так же в других иностранных языках, особенно в английском языке, p.ex. keeper 'gardien de but' – вратарь, в немецком языке, p.ex. skat 'скат' – карточная игра, в испанском языке p.ex. amigo 'cachot, prison de police' – полицейский участок.

Третий критерий – критерий языковых уровней. Данное слово может употребляться в литературном языке или в устной речи, или в речи определенной группы людей – юристов, студентов, p.ex. argot étudiant 'студенческое арго': koteur [Cleante, 2000, 105] 'celui qui habite en kot' – человек, снимающий комнату, студию или небольшую квартиру.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что речь бельгийцев отличается от речи французов. Бельгийский вариант французского языка включает заимствования из других языков и диалектов. На динамику языковых процессов в Бельгии оказали влияние географические факторы, исторические причины и взаимовлияние диалектов, функционирующих на ее территории.

Литература

Денисенко И.Е. Лексические особенности французского языка за пределами Франции // Материалы V Всероссийской научн.-практ. конф. с международным участием, Уфа, 26 ноября 2019 г., том 2. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 140–145. {Denisenko I.E. Lexical features of the French language outside of France // Materials of the V All-Russian scientific-practical. conf. with international participation, Ufa, November 26, 2019, volume 2. Ufa: RIC of BashSU, 2019. P. 140–145.}

Bruneau Ch. Le français en Belgique // Vie et Langage. 1952. № 3. P. 99.

Cléante. *Tours et expressions de Belgique, prononciation, grammaire, vocabulaire.* Bruxelles: Éditions Duculot, 2000. 160 p.

Cohen G. Le parler belge // Vie et Langage. 1953. № 21. P. 31.

Francard M. Variétés de français en Belgique // La langue française dans sa diversité. Quebec: Gouvernement de Quebec, 2008. P. 39–57.

Francard M. Dictionnaire des belgicismes. Bruxelles: De Boeck Duculot, 2010. 400 p.

Kadlec J. Particularités lexicales du français de Belgique // Actes du 8e Séminaire international d'études doctorales 5–7 février 2004. Prague: Presovská universita, 2009. P. 183–186.

Massion F. Dictionnaire de belgicismes / F. Massion. Francfort – sur – le – Main: Peter Lang, 1987. Vol. 2. 946 p.

Piron M. Les belgicismes lexicaux: essai d'un inventaire // Travaux de linguistique et de Littérature. Strasbourg: Melanges Paul. Imbs, 1973. P. 295–304.

УДК 81’373.42

Н.И. Ершова, г. Саранск

ЯВЛЕНИЕ ПОЛИСЕМИИ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЙ ОДЕЖДЫ

В статье охарактеризовано явление полисемии как вид парадигматических связей между диалектными названиями одежды. Исследование проводится на материале русских говоров Мордовии. Лексико-семантическая группа названий одежды является довольно многочисленной и разнообразной и включает в себя как однозначные, так и многозначные существительные. Особое внимание уделяется выявлению общей специфики явления полисемии у данной группировки слов в говорах по сравнению с литературным языком. В результате аналитического рассмотрения диалектного материала установлены условия развития многозначности в названиях одежды, охарактеризованы типы полисемии, выявлены основные когнитивные механизмы развития многозначности у диалектных существительных, обозначающих одежду.

***Ключевые слова**: полисемия, лексико-семантическая группа, парадигматические связи, диалектная лексика, названия одежды, говоры.*

***THE PHENOMENON OF POLYSEMY IN THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF DIALECTAL NAMES OF CLOTHES.** The article describes the phenomenon of polysemy as a type of paradigmatic relationship between the dialect names of clothing. The study is conducted on the material of Russian subdialects of Mordovia. The lexical-semantic group of clothing names is quite numerous and diverse and includes both monosemantic and polysemantic nouns. Particular attention is paid to identifying the general specifics of the phenomenon of polysemy in this group of words in subdialects in comparison with the literary language. As a result of an analytical examination of the dialect material, the conditions for the development of polysemy in clothing names are established, the types of polysemy are characterized, the main cognitive mechanisms for the development of polysemy in dialect nouns denoting clothes are identified.*

***Keywords**: polysemy, lexical-semantic group, paradigmatic connections, dialect vocabulary, names of clothes, dialects.*

Лексика диалекта представляет собой систему, состоящую из единиц, связанных различными отношениями. Традиционно в науке выделяются 2 группы подобных связей: синтагматические и парадигматические. К парадигматическим отношениям можно отнести такие лексические категории, как синонимия, антонимия, полисемия, омонимия, тематические группы, семантические поля и т. п. [Сороколетов, 1978, 14–15]. Рассмотрим подробнее явление полисемии в диалектной лексике на примере названий одежды русских говоров Мордовии.

Полисемия – это наличие у языковой единицы более чем одного значения. Полисемию, или многозначность, образуют семантические варианты одного слова, его значения. В речи они наделены разными функциями и находятся в отношениях дополнительного распределения, то есть не могут взаимозаменять друг друга в одном и том же контексте без изменения его смысла. Диалектизмы обладают большой семантической ёмкостью, развивая производные значения. Многозначными в говорах чаще бывают общенародные слова, так как значительная часть собственно диалектной лексики отличается дифференцированностью наименований, она близка к терминам. В современных условиях многозначность возникает под влиянием литературного языка или соседних говоров, когда в говорах кроме своего диалектного значения появляется значение слова или оттенки значения, свойственные литературному языку или другому говору [Маслов, 2007, 33].

Как правило, многозначных слов в языке больше, чем слов, имеющих только одно значение, и диалекты не являются исключением [Дивеев, Ершова, 2019]. Однозначность, или моносемия, по своей сути, всего лишь частный случай полисемии. Однако среди выявленных нами существительных, называющих одежду, в русских говорах Мордовии (всего 252 лексемы) однозначных слов подавляющее большинство: 176 слов с одним значением и всего 76 слов с двумя и более лексико-семантическими вариантами.

В различных семантических подгруппах диалектных наименований одежды соотношение многозначных и однозначных слов неодинаково. Более специализированные наименования (названия

различных деталей кроя одежды, её украшений и др.) довольно близки к терминам, так как обозначают понятие определённой области – изготовление, пошив одежды, поэтому, как правило, имеют одно узкое значение, на них в меньшей степени влияют процессы, способствующие возникновению полисемии, например: *блюза – «кокетка у кофты, платья»; вымевка – «пройма»; гольтяпина –* «*задний разрез у детских штанов»* и др. Более же частотно употребляющиеся названия (собственно наименования различной женской, мужской одежды) могут иметь несколько лексико-семантических вариантов.

Среди родовых названий одежды многозначных слов немного, в большинстве они имеют одно значение «одежда». Сильнее полисемия представлена у слов из семантической подгруппы «качественная характеристика одежды» (названия одежды в зависимости от степени изношенности, внешнего вида, фасона, размера и т. п.).

В названиях предметов одежды многозначность наиболее развита, причём в подавляющем большинстве случаев лексико-семантические варианты одной лексемы связаны с родовым понятием «одежда», благодаря чему одна и та же языковая единица оказывается в различных семантических подгруппах, например: *вязанка:* 1. «*вязаный шерстяной платок»;* 2. «*шерстяная кофта ручной вязки»;* 3. *«шерстяные чулки, носки»;* 4. «*женская и детская обувь в форме тапочек или ботинок, связанная из шерсти и подшитая кожей»* // «*тапочки, сшитые из сукна»; зипун:* 1. «*пиджак»;* 2. «*сарафан на подкладке»;* 3. «*фартук»; куртка:* 1. «*верхняя мужская и женская зимняя одежда до колен со сборками по талии»;* 2. «*стеганая ватная куртка»;* 3. «*короткий женский жакет на вате со сборками по талии»;* 4. «*безрукавка на вате»;* 5. «*стеганая на вате подкладка под шубу»;* 6. «*короткая мужская рубашка из холста»;* 7. «*короткое, до колен, платье»* и др.

Для группы диалектизмов, обозначающих предметы женского гардероба, в частности, сарафаны и юбки, характерно явление, когда одна и та же лексема последовательно развивает и содержит в себе оба данных значения, например: *дуван:* 1. «*сарафан»* и 2. «*широкая юбка со сборками»; москаль:* 1. *«сарафан на подкладке, украшенный вышивкой или лентами»* и 2. «*широкая юбка со сборками, чаще на лямках»; московик* и *московска*: 1. «*сарафан на подкладке*» и 2. «*широкая юбка со сборками»*.

Реже отдельные значения диалектизмов, представленных в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» [Словарь, 2013], семантически не связаны между собой и близки к омонимам: *коротыш – «верхняя одежда до колен со сборками по талии* и «*короткое бревно»; сак –* «*праздничный жакет из черной материи»* и *«рыболовная сеть, верша»; шушун –* «*женский жакет с какой-либо отделкой»* и «*посудное полотенце*».

Слова, относящиеся к подгруппе слов с каким-либо узким, конкретным значением, не развивают многозначности. Это лексемы с семантикой нарядной, рабочей или форменной одежды, например: *одеянье –* «*одежда для покойника*»; *харюша –* «*праздничная одежда*»; *чупрунок –* «*рабочая одежда*».

Значения одного и того же слова так или иначе связаны между собой, что и позволяет нам считать данное слово единым, имеющим разные значения, а не отдельными языковыми единицами. Изначально при появлении слова в языке, диалекте слово имеет одно значение. Однако процессы развития языка и общества неизбежно влияют на семантику слов, она усложняется. Это различные социальные и языковые процессы (например, потребность в обозначении новых предметов и явлений, которые легче назвать уже существующим словом, ограниченность языковых ресурсов, внутриязыковые и межъязыковые аналогии). Следовательно, развитие многозначности представляется закономерным процессом [Маслов, 2007, 34].

С лингвистической точки зрения явление многозначности в языке объяснил С.О. Карцевский, обосновавший закон асимметрии знака и значения: «обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны» [Карцевский, 1965, 85–90].

В рамках полисемии как парадигматических отношений выделяются отношения эпидигматические, которые представляют собой систему значений на уровне одного слова. Ими обусловлено выделение трёх типов полисемии.

1. Радиальная. В данном типе вторичные значения тесно связаны, прямо обусловлены первичным значением, например: *вязанка* (вероятно, первоначальная семантика «то, что связали из шерсти») – 1. *«вязаный шерстяной платок»*; 2. *«шерстяная кофта ручной вязки»*; 3. *«шерстяные чулки, носки»*; 4. *«женская и детская обувь в форме тапочек или ботинок, связанная из шерсти и подшитая кожей»*.

2. Следующий тип полисемии – цепочечная, где каждое последующее значение вытекает из предшествующего; встречается реже остальных типов. В диалектах весьма распространены многозначные наименования одежды со значениями «ткань» и «то, что изготовили из этой ткани», например:

касандреска 1. *«домотканый холст в полоску»*; 2. *«брюки из такого холста»*; *суррогат* 1. *«домотканое полотно»*; 2. *«одежда из домотканого полотна»*.

Характерен для диалектных названий одежды и механизм возникновения значений, связанный с цветом, например: *кумачка* 1. *«сарафан красного или бордового цвета, часто на подкладке и с различными украшениями»*; 2. *«платье красного цвета»* – второе значение вытекает из первого, сарафаны как вид одежды постепенно исчезают из обихода, и данное слово приобретает новое значение – не сарафан, а платье определённого (красного) цвета.

3. Последний, наиболее распространённый тип полисемии – это смешанная (радиально-цепочечная) полисемия. Данная разновидность сочетает в себе признаки радиальной и цепочечной. Примером данного типа является слово *полосушка:* 1. «*домотканый холст в полоску»*; 2. *«брюки из такого холста»*; 3. «*женский фартук из такого холста»*; 4. «*домотканое полосатое покрывало»*; 5. «*грубая ткань домашнего изготовления из скрученной пеньки и ситцевых ленточек»*; 6. «*коврик или половик из такой ткани».* Как видим, первым значением обусловлены второе, третье, четвёртое и пятое (по радиальному типу), шестое же вытекает из пятого значения (цепочечный тип).

Таким образом, можно сделать вывод, что в русских говорах Мордовии представлены все 3 типа полисемии, причём наиболее распространёнными являются смешанная и радиальная, цепочечная же встречается относительно редко.

Основными когнитивными механизмами развития полисемии являются метафора (сравнения, ассоциации по сходству) и метонимия (перенос по смежности) [Ершова, Лияскина, 2019]. Метафора возникает в результате ассоциаций по сходству, имеет в большинстве своём характеризующую функцию. Метонимия возникает в результате ассоциаций по смежности, то есть имеет идентифицирующий характер, называет предмет. Оба механизма представлены среди диалектных названий одежды, хотя, на наш взгляд, преобладает метонимия. Ее примером является диалектизм *обдергай* 1. «*короткая и узкая одежда»;* 2. «*перен. тот, кто носит узкую и короткую одежду»* – метонимия: первое значение – одежда с определённой, ярко выраженной характеристикой «короткая и узкая», второе значение произошло в результате ассоциации по смежности «тот, кто носит подобную одежду».

Очень широко распространён в диалектных наименованиях одежды механизм переноса по смежности по модели «материал – изделие из него». Можно привести следующие примеры:

Крашонка: 1. «*домотканый холст»;* 2. «*женская рубашка из домотканого холста»;* 3. «*брюки из домотканого холста в полоску»; дубка:* 1. «*дубленая овчина»;* 2. «*шуба из дубленых овчин»; сукман:* (первые 3 значения): 1. *устар. «домотканое сукно»;* 2. *устар. «сарафан из этого сукна»;* 3. *устар. «юбка из домотканого сукна».*

Метафорический механизм возникновения полисемии нами выявлен в меньшей степени, но он также имеет место в диалектах: *огорелок:* 1. *«большой воротник у верхней одежды»;* 2. *«ошейник»* – можем наблюдать явный перенос значения по сходству формы.

Таким образом, анализ диалектных названий одежды в русских говорах Мордовии показал, что данная лексико-семантическая группа включает в себя значительный пласт диалектной лексики (около 250 лексем), где наблюдаются различные виды парадигматических связей, в том числе полисемия (3 типа). Однозначные существительные со значением одежды встречаются в рассматриваемых говорах значительно чаще, чем многозначные. Причем практически у всех многозначных слов значения принадлежат изучаемой семантической области.

Литература

Дивеев А.В., Ершова Н.И. Семантическое своеобразие диалектных наименований сферы свадебного обряда (на материале русского языка) [Электронный ресурс] // Огарев-online. 2019. № 8. URL : http://journal.mrsu.ru/arts/cemanticheskoe-svoeobrazie-dialektnyx-naimenovanij-sfery-svadebnogo-obryada-na-materiale-russkogo-yazyka (дата обращения: 01.04.2020) {Diveev A.V., Ershova N.I. The semantic originality of the dialect names of the wedding rite sphere (based on the material of the Russian language) [Electronic resource] // Огарев-online. 2019. № 8. URL : http://journal.mrsu.ru/arts/cemanticheskoe-svoeobrazie-dialektnyx-naimenovanij-sfery-svadebnogo-obryada-na-materiale-russkogo-yazyka (date of the application: 01.04.2020)}

Ершова Н.И., Лияскина Д.И. Лексико-семантические связи русских диалектных прилагательных, отражающих внешний вид человека [Электронный ресурс] // Огарев-online. 2019. № 8. URL : http://journal.mrsu.ru/arts/leksiko-semanticheskie-svyazi-russkix-dialektnyx-prilagatelnyx-otrazhayushhix-vneshnij-vid-cheloveka (дата обращения: 01.04.2020) {Ershova N.I., Liyaskina D.I. Lexical-semantic relations of Russian dialectal adjectives reflecting the ap-

pearance of a person [Electronic resource] // Огарев-online. 2019. № 8. URL : http://journal.mrsu.ru/arts/leksiko-semanticheskie-svyazi-russkix-dialektnyx-prilagatelnyx-otrazhayushhix-vneshnij-vid-cheloveka (date of the application: 01.04.2020)}

Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях [Текст] / В. А. Звегинцев. М.: Учпедгиз, 1965. Ч. II. С. 85–90. {Kartsevsky S.O. On the asymmetric dualism of a linguistic sign // V. Zvegintsev. History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts [Text] / V.A. Zvegintsev. M.: Uchpedgiz, 1965. P. II. P. 85–90.}

Маслов В.Г. Системные отношения в диалектной лексике (на материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области). Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007. 124 с. {Maslov V.G. System relations in dialect vocabulary (based on dialect Dobrinka of the Uryupinsky district of the Volgograd region). Tula: Publishing house Tulsk. state University, 2007. 124 p.}

Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. СПб. : Наука, 2013. Ч. 1. С. 1–672. Ч. 2. С. 673–1560. {Dictionary of Russian dialects in the Republic of Mordovia: in 2 p. SPb.: Science, 2013. P. 1. P. 1–672. P. 2. P. 673–1560.}

Сороколетов Ф.П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров // Диалектная лексика: сб. науч. тр. Л.: Наука, 1978. С. 14–24. {Sorokoletov F. P. On the question of systemic relations in the vocabulary of folk dialects // Dialect vocabulary: collection scientific tr. L.: Science, 1978. P. 14–24.}

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 81’366.54

Л.А. Еспекова, Е.Е. Окасова, г. Нур-Султан

ТОПОНИМЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

(*на основе казахских исторических эпосов*)

В статье обсуждаются лексические особенности топонимов в казахских исторических песнях. Исторические песни рассказывают об этнокультурной жизни и духовной культуре нашего народа. Они основываются на исторических фактах. Топонимы в данных исторических песнях описывают древнюю историю нашего народа. Также рассматривается использование оронимов, гидронимов, ойконимов в лексике эпоса и их семантика.

Ключевые слова: *исторические песни, топонимы, лексика, оронимы, гидронимы, ойконимы.*

TOPONYMS IN HISTORICAL SONGS (based on Kazakh historical epics)*. The article discusses the lexical features of place names in Kazakh historical songs. Historical songs tell about the ethnocultural life and spiritual culture of our people. They are based on historical facts. Toponyms in these historical songs describe the ancient history of our nation. The use of oronyms, hydronyms, oikonyms in the vocabulary of the epic and their semantics is also considered.*

Keywords: *historical songs, place names, vocabulary, oronyms, hydronyms, oikonyms.*

Мировоззрение, этническая культура и менталитет каждого этноса являются результатом отдельной исторической эпохи. Безусловно, исторические песни представляют собой не только фольклорное наследие, но и историческую ценность. Иными словами, есть основания полагать, что взаимосвязь фактов о жизни и деятельности исторических личностей, а также созвучность географических названий, то есть лингвистические сведения о древних версиях составляют фактуальный фонд нашей истории и культуры. Как полагает А. Кайдар, независимо от долговечности, постоянного обновления, язык остается главным свидетелем прошлых дней. «В этой связи, особую важность обретает исследование богатого лексического фонда казахского языка, в особенности подробное изучение наименований местностей и имен людей. Это, безусловно, является крайне важным для истории языка, где также немало объектов для исследования» [Кайдар, 2014, 91]. Поэтому, изучая лингвистический фонд исторических песен, мы значительно расширяем горизонты наших познаний об истории нашего народа.

Наряду с языковым фондом, лексика исторических песен XVIII в. отображает экспрессивно-стилистический характер, особенности использования слов в языке. В этой связи изучение географических наименований в исторических песнях, которые воспевались веками в народе, представляет особую важность для ономастики. Поскольку в песне описывается географическое пространство, местоположение, рубежи времени, исторические этапы, социальное положение и др., мы остановимся на форменной и семантической характеристиках ономастических наименований, также сгруппируем их по географической и хронологической особенностям. Таким образом, мы постараемся определить степень распространения исторических песен в целом.

По географическим признакам можно выделить следующие группы топонимов в исторических песнях. Это:

1) оронимы (названия гор, взгорьев и др.): Алтай (*Қазіргі тұрғын жерім* ***Алтай*** *тауы, адамға жақсы болар деннің сауы...*), Ұлытау (*Орта жүздің батырын жиып алып,* ***Ұлытауға*** *барсын да, тіксін қосты...*), Көкшетау (*Еліне қайтқандары амандасып,* ***Көкшетау*** *орда тігіп жатпақ болды...*), Алатау (*Жағалап* ***Алатауды*** *қырғыз келген, ол қырғыз түнде келмей, күндіз келген...*), Аюлы (*Бұл сөзді естіп алып Қараш кетті, Арқалық* ***Аюлыға*** *барып жетті...*) и др.;

2) гидронимы (названия рек, озер и др.): Алакөл (*Айнала жел соғады* ***Алакөлге, Алакөл*** *сусын болған талай елге...*), Ащысу (*Дәулетбай* ***Ащысуға*** *кетті деген, шалынды батырлардың құлағына...*), Қара емел (*Қабекең ат тұяғын тағалатты, жағасын* ***Қара Емелдің*** *жағалапты...*) и др.;

3) ойконимы (названия местностей): Бурабай (*Жүріп кетті Абылай* ***Бурабайға****, тоқтату қылып бұзақыны тұрамай ма...*), Қызылжар (*Абылай* ***Қызылжардан*** *үй салғызды, мирас қып артына үй қалғызды...*), Қарақұрсақ (*Қожағұл, Өмір, Дәулен бәрі де аман, шабылған жалғыз ауыл* ***Қарақұрсақ****...*), Тарбағатай (*Мекені еліміздің* ***Тарбағатай****, сөзімнен жаңылдырма*), Барлық, Қызыл

тұз (***Барлық*** *пен* ***Қызылтұзды*** *басып өтіп, Ілеге суыт жүріп тіке тартты-ай!..*», Сарыбел (*Қабекең көшіп кетті* ***Сарыбелге****...*) и др.

В песнях часто используются топонимы, которые описывают внешний вид, цвет, форму, количество, качество и другие особенности, характерные объекту. Например: *Қызылжар, Сарысу, Айнакөл, Көкшетау, Ащысу, Алакөл* и др. В исторических песнях также встречаются названия местностей, не относящиеся к Казахстану. Например, Үрімжі (*Менімен тілегім сол Ақжалды бер,* ***Үрімжі*** *осы арадан бірталай жер...*), Қырым (*Адасқан қойдай маңырап, кететін болдық* ***Қырымға****...*). Наряду с этим, исторические песни включают в себя своего рода второстепенные топонимы, которые не имеют отношения к основной местности: Арарат (*Айдап салды жер шетіне қайтпастай,* ***Арарат*** *пен Алтай таудан асырды...*»), Асфаһан (***Асфаһан*** *шаһарынан алдырыпты, ақ болат, алтын қылыш белге шалып...*).

Топонимы описывают древнюю историю нашего народа. Таким образом, топонимические названия относятся к разным временным измерениям: древней, средневековой и нынешней эпохе. По мнению А. Кайдар, к исконным географическим названиям относятся следующие: «К ряду наидревнейших топонимов относятся: *Каспий, Арал, Балқаш, реки Ертіс, Сырдария, Іле, Меркі, Талас, Есіл, Тобыл, горы: Хан тәңірі, Алтай, Алатау, Қаратау, Ұлытау* и др.» [Кайдар, 2014, 122]. Обратим внимание на активное использование данных географических названий.

«Тоғылтып ***Ұлытауға*** *жайылайық,*

Үш жүз боп бір Құдайға сыйынайық» [Косан, Т. 57, 2010, 175].

В песне «Абылай хан» слово *Ұлытау* используется тринадцать раз. Ұлытау – горный массив, который расположен на юго-западе Сарыарки. Поэтому мы понимаем, что он не имеет отношения к древнетюркскому слову *ұлығ*, который означает «большой, великий, могучий, высокий». В этой связи, У. Суймуханов отмечает: «В древнетюркских языках наряду со словом “ұлық” существует другая фонетическая форма слова “ұлық”. Его значение – “пик, вершина”, в некоторых случаях – “устаревший, изношенный, ветхий”. В результате сочетания слов *ұлық* и *тау* образовалось понятие “высокая гора”, то есть слитное слово “Ұлытау”» [Суймуханов, 2006, 32]. Таким образом, мы видим наглядный пример того, как сочетание слов *ұлық тау* обретает значение «высокой горы *шоқтық тау*», и вследствие звуковых изменений формируется слово *Ұлытау*.

Судя по исторической географии Ұлытау XVIII в., в этих местах проходили крупные сражения и воспевалась воинственность Абылая. Вместе с тем в эпоху Абылая Ұлытау был политическим центром, о чем свидетельствует объединение Абылаем трех жузов и созыв общего совещания. Во время этого собрания рассматривали судьбоносные проблемы казахского народа и принимали по ним решения. Учитывая особую роль Ұлытау в качестве политического центра великой степи, Абылай выбрал именно это место для созыва трех жузов. Поэтому в исторических песнях широко используются факты об Ұлытау, также об исторических личностях (Шақшақұлы Жәнібек, Абылай хан), их деятельности.

«*Қашты қалмақ* ***Қаратауды*** *көбелеп,*

Қызды қазақ емін-еркін денелеп» [Косан, Т. 61, 2010, 171].

В песне также часто используется топоним «Қаратау». Қаратау – край, ставший свидетелем многочисленных трудностей, испытаний. Ученый Е. Койшыбаев говорит: «Қаратау – совокупное название отдельных гор, плоскогорьев, нагорьев». Э.М. Мурзаев отмечает: «Слово *қара* в данном названии связано с цветом, поскольку Қаратау не характерен снег в летний период времени, как в других горах» [Койшыбаев, 1985, 158].

В «Абылай хан жыры»:

«*Қыс қыстап* ***Сарыарқаның*** *жерін жайла,*

Қалмақтың қашып барған сөзі қайда» [Косан, Т. 57, 2010, 188].

В песне «Шақшақұлы ер Жәнібек»:

«*Өкпелеп тіл алмаған балаларға,*

Біразы ***Сарыарқаға*** *тұра қашты*» [Косан, Т. 61, 2010, 147].

В исторических песнях название «Сарыарқа» встречается восемь раз, в краткой форме Арқа – одиннадцать раз. Слово Арқа – широко распространенное название среди населения. Сарырқа – необъятный регион на севере Казахстана, который охватывает центральный и восточный части страны, растягивается между реками Жайық и Ертіс. Сарыарқа имеет название «Арқа», так как это слово означает «широкая возвышенность». Наряду с этим название Сарыарқа связывают с желтоватым оттенком самой возвышенности. При этом следует отметить, что слово «сары» означает не только цвет,

а имеет значение «широкий», «огромный», «большой». В толковом словаре казахского языка представлены следующие значения: «Сары (сар) дала поэт. – а) бескрайняя, необъятная, широкая равнина; б) брошенная, безлюдная, опустевшая местность» [Жанузаков, 2008, 712], «сар жол – большая, широкая дорога» [Жанузаков, 2008, 709]. В этой связи ученый Е. Койшыбаев отмечает, что название Сарыарқа означает – «широкая возвышенность, широкая степь, бескрайняя возвышенность». «Поэтому следует понимать значение слова *сар* в названиях Сарысу, Сарытау и других топонимах как «широкая, необъятная», что созвучно по происхождению с индо-арабскими языками» [Койшыбаев, 1985, 20]. Исходя из этих лингвистических фактов, мы понимаем, что топоним «Сарыарқа» имеет следующее значение: широкая степь, равнинная степь.

Гидронимы в исторических песнях различаются по специфическим особенностям, то есть по характеру и географическому месту, по растительному и животному миру данной местности и другим признакам. К примеру, обратим внимание на происхождение одного из древних названий «Балқаш».

«***Балқаш*** *көлін басып әрі жөнелді,*
Тірі кетті дейміз кейін кебенек» [Косан, Т. 61, 2010, 171].

Есть несколько мнений относительно истории происхождения слова «Балқаш». Исследователь Е. Койшыбаев подчеркивает, что в средневековых архивах озеро Балқаш называли «Атраққөл» и «Көкчетенгиз». Касательно этимологического происхождения названия «Балқаш» ученый излагает следующее: «Слово Балқаш также имеет исконную этимологию. Есть вероятность происхождения от слов *bal // bar*, которые связаны с понятием воды и относятся к уральско-алтайской языковой семье. В Алтайских языках слово *балқаш* используется в значении грязи, болота. На основе данных принципов можно предположить происхождение названия “Балқаш”, как субстантивированное прилагательное, которое произошло от слова *балық* (с древнетюркского означает “вода”) и гидрономического суффикса -аш. Таким образом, Балқаш (балықаш) является древнетюркским словосочетанием, которое означает “место бескрайней воды”» [Койшыбаев, 1985, 65]. При этом также следует отметить, что в связи с болотной местностью озера Балқаш данный топоним может иметь значение, как «болотное озеро». Другими словами, возможно и происхождение от характера местности. В народе есть и легенда о нынешнем названии озера Балқаш. Согласно легенде, топоним Балқаш происходит от имени молодой девушки Балқия (Балқаш), которая упала с крутого обрыва.

«*Ордамыз Түркістан, балам,*
Меселің қайтпасын ұрыстан, балам,
Түркістанда түгел баб, балам...» [Косан, Т. 61, 2010, 137].

Это благословение мудреца *Абыз* Ер Жанибеку. Здесь мы видим, город Түркистан является важным культурным и духовным центром для народа. В исторических песнях, анализируемых нами, ойконимы Түркистан встречаются девять раз. Түркистан – это один из древнейших городов в Центральной Азии, история которого насчитывает 1500 лет. С начала XVII в. Түркистан был столицей казахского ханства, то есть казахского государства. Поэтому его частое использование в исторических песнях XVIII в. вполне объяснимо. Также были годы сражений с монголо-татарами, джунгарами, в том числе с другими государствами Центральной Азии. Түркистан является свидетелем всех этих событий, поэтому топоним Түркистан в песнях используется наряду с именами Абылая, Жәнібека, Қабанбая, Бөгенбая.

Топонимы – это отдельный лексический слой казахского языка, который заключает в себе национальный колорит этноса. На основе вышеперечисленных примеров мы убедились, что этнокультурные коннотации названий формируются вне зависимости от лингвистических факторов. В ходе изучения этнокультурного потенциала названий мы познаем культурно-исторические особенности данной эпохи, в том числе древний лексический фонд казахского языка.

Литература

Слова предков. В 100 т. / под ред. С. Косан. Т. 57. (Исторические эпосы). Астана: Фолиант, 2010. 408 с. {The words of the ancestors. In 100 vol. / Edited by of S. Kosan T. 57. (Historical epics). Astana: Foliant, 2010. 408 p.}

Слова предков. В 100 т. / под ред. С. Косан. Т. 61. (Исторические эпосы). Астана: Фолиант, 2010. 448 с. {The words of the ancestors. In 100 vol. / Edited by of S. Kosan. T. 61. (Historical epics). Astana: Foliant, 2010. 448 p.}

Толковый словарь казахского языка / под ред. Т. Жанузакова. Алматы: Дайк Пресс, 2008, 968 с. {Explanatory dictionary of the Kazakh language / Edited by of T. Zhanuzakov. Almaty: Dyke Press, 2008, 968 p.}

Кайдар А. Жизнь в науке: сборник статей, отчетов. Т. 1. Алматы: Сардар, 2014. 520 с. {Kaydar A. Life in science. Collection of articles, reports. Vol. 1. Almaty: Sardar, 2014. 520 p.}

Койшыбаев Е. Словарь земельных и водных названий Казахстана. Алматы: Школа, 1985. 256 с. {Koishybaev E. Dictionary of land and water names of Kazakhstan. Almaty: Shkola, 1985. 256 p.}

Суймуханов У.А. Природно-географические особенности в топонимах Центрального Казахстана // География в школах и вузах Казахстана. 2006. № 4. С. 32–34. {Suimukhanov U.A. Natural-geographical features in toponyms of Central Kazakhstan. // Geography in schools and universities of Kazakhstan. 2006. No 4. P. 32–34.}

УДК 80/81

А. Жэфухати, г. Инин,
А.Ш. Юсупова, г. Казань

ЯЗЫК ТАТАРСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Изучение особенностей функционирования татарского языка в Китае (суар), в среде изолированных от метрополии носителей языка ценно в научном плане и потому, что при этом выявляются взаимодействия языков разной демографической и коммуникативной мощности, функционально неравнозначных и генетически различных. Это важно для теории речевой коммуникации, в частности, интерес представляет изучение особенностей взаимодействия татарского и уйгурского языков.

В нашей работе изучается процесс развития и обогащения татарского языка, в частности речь татар Китая. В этой связи изучение грамматических особенностей языка диаспоры в отношении к литературному языку и его диалектам представляется актуальным.

Ключевые слова: *процесс, развитие, обогащение, татарский язык, грамматические особенности.*

The study of the functioning of the Tatar language in China (SUAR), in an environment isolated from the mother country of native speakers is valuable in scientific terms and because it reveals the interaction of languages of different demographic and communicative power, functionally unequal and genetically different. This is important for the theory of speech communication. in particular, it is interesting to study the features of interaction between the Tatar and Uyghur languages.

In our work we study the process of development and enrichment of the Tatar language, in particular the speech of the Tatars of China. In this regard, the study of grammatical features of the Diaspora language in relation to the literary language and its dialects is relevant.

Keywords: *process, development, enrichment, Tatar language, grammatical features.*

На данный момент в Китайской Народной Республике проживают около 5 тысяч татар. В основном – в Синьцзянском автономном округе, где они обосновались ещё в XIX в. Большинство татар живут в городах Урумчи, Чавучак и Инин, и за время своего обитания здесь они сыграли важную роль в реформировании старой религиозной образовательной системы, распространении научных и культурных знаний и торговле.

Проведенный нами грамматический анализ речи татарской диаспоры в КНР дает возможность сделать следующие основные выводы.

Язык татарской диаспоры в КНР по словообразованию, склонению имён существительных особенно не отличается от татарского литературного языка. Особенностями можно считать следующие отличия: используются не имена и отчества, а неполные имена и уменьшительные формы от них: *Шади – Шадия, Флуш – Флера*. Существительные притяжательного падежа употребляются в форме *-ың/-ең*. Принадлежность в форме 1 лица множественного числа имеет окончание *-ымыз/-емез, -мыз/-мез: китабымыз (наша книга), кызымыз (наша дочь)*.

В речи диаспоры личные местоимения употребляются в двух фонетических вариантах: *мен/мин, син/сен, у/ол, быз/без, сыз/сез.* В склонении местоимений по падежам, в отличие от татарского литературного языка, есть некоторые особенности. В притяжательном падеже местоимение 1 лица, единственного числа *мин (я)* употребляется в форме *минең (мой)*, а в направительном падеже – *миңә* (*мне*). Вместе с употреблением литературного варианта указательных, вопросительных местоимений встречаются также диалектные слова: *нимә (нәрсә) (что), канча (ничә) (сколько), кандый (нинди) (какой), канчычы (ничәнче) (какой по счету)*, *бу/бо (это), шул/шо, ул/ол/у* (тот) и т. д. Неопределенные местоимения в речи диаспоры, как и в литературном языке, образуются с добавлением аффиксов *-дыр/-дер* вопросительным местоимениям : *кемеседер (кемдер) (кто-то); кайдадыр, қайдандыр (кайдадыр, кайдандыр) (где-то, откуда-то)*. Притяжательные местоимения образуются путем добавления аффиксов *-ныкы/-неке,* но в отличие от литературного языка иногда употребляются в роли определения: *Бу кемнеке нан? (Это чей нан (хлеб)?*).

По образованию и употреблению прилагательных язык диаспоры почти не отличается от литературного языка. Но есть своеобразие в образовании сравнительной степени. К прилагательным в сравнительной степени прибавляются двойные аффиксы *-рак/-рәк: зурраграк (больше), кечерәгрәк (меньше).*

Глагол – это такая часть речи, которая в татарском языке не может существовать без формальных показателей своей глагольности. Поэтому глаголы, образованные в речи татар-эмигрантов от заимствованных основ, создаются по образцу татарских аналитических глаголов, образованных с помощью вспомогательных глаголов. Язык татарской диаспоры обнаруживает то же противопоставление глагол/имя, которое свойственно ему в метрополии, то есть на родине. Спряжение глагола не подвергается разрушению. В склонении имени обнаруживаются явления, свидетельствующие о росте аналитических форм. Так создаются глаголы – «гибриды» (китайское слова + татарские грамматические показатели): «*cuaäңshu qylu*» (җаншу кылу) – ремонтировать, «*caңvaң qylu*» (җанван кылу) – войти в интернет, «*daiң qylu*» (дияң кылу) – распечатывать, «*caushaң tartu*» (чаушан тарту) – фотографировать, «*cil*ә *qylu*» (чилә кылу) – беспокоить и т. д.

В настоящем времени изъявительного наклонения в языке диаспоры сохранилась древняя форма времени изъявительного наклонения *-ай/-әй: уйлайым (думаю) – уйлайбыз (думаем), уйлайың (думаешь) – уйлайсыз (думаете), уйлай (думает) – уйлайлар (думают).* Настоящее время изъявительного наклонения 2 лица единственного числа употребляется в сокращённом виде: *бараң (барасың) (идёшь, едешь), киләң (киләсең) (идёшь, едешь)*. Глаголы изъявительного наклонения настоящего времени 1 лица множественного числа, в отличии от формы *-быз/-без* литературного языка, образуются с помощью аффиксов *-мыз/-мез.*

Формы прошедшего времени, в основном, употребляются так же, как и в литературном языке. Однако в их образовании и употреблении наблюдаются некоторые особенности. Например, зафиксированы случаи сокращения аффиксов глагола прошедшего времени 1 лица единственного числа: *килгәм (килгәнмен) (я приехал)*: *Мин туйларга күп йөргәммен.* (*Я был на свадьбах много раз)*. Во 2 лице множественного числа вместе с аффиксом *-тыңыз/-теңез, -дыңыз/-диңез* под воздействием языка окружения добавляется окончание *-лар/-ләр*: *алдиңлар (вы взяли), киттиңләр (вы пошли, поехали).* Прошедшее повторное время глагола в языке татарской диаспоры употребляется в древнейшей форме *-адыр/-әдер иде (-адыр/-әдер + -ыйы/-ийе).*

Глаголы будущего времени, в основном, образуются так же, как и в литературном языке. Но в отличие от литературного языка, глаголы в 1 лице единственного числа употребляются в сокращенном варианте*: Кайнар аш биремен сиңә. (Тебе подам горячий суп).*

Повелительное наклонение глаголов 2 лица множественного числа образуется посредством аффиксов *-ң/-ың /-ең + -лар/-ләр: барыңызлар (идите), килеңезләр (приходите), утырыңызлар (садитесь)*. Например, *Кереңезләр өйгә. (Заходите домой). Ашаңызлар. (Угощайтесь)*. Желательное наклонение в языке татарской диаспоры образуется с помощью аффиксов *-айык/-әйек, -асы/-әсе иде.*

Причастие прошедшего времени в татарском языке представлено причастной формой на *-ган/-гән,* которая считается самой продуктивной. В языке татарской диаспоры, больше контактирующей с уйгурами и казахами, часто встречается усеченная форма аналитической формы причастия настоящего времени в виде - *атыган/-әтегән.* В речи активно употребляются следующие формы причастия будущего времени: *-ар/-әр /-ыр/-р, -атшак/ -әтшәк/ -яткшак/ -яткшәк.*

В языке татарской диаспоры в КНР существует несколько форм деепричастий, которые образуются с помощью аффиксов: *-п/-ып/-п /-уп/–үп; -гач/-гәч/-кач/-кәч; -гыча/-гечә/-кыча/-кечә; -а/-ә/-й; -гали/-гәли/-кали/-кәли; -гачка/-гәчкә/-качка/-кәчкә.* Среди них самой распространенной является форма, которая образуется путем присоединения к основе глагола аффикса: ***-ып/-***ep/-***п/-***уп/-үп.

В отличие от литературного языка в речи татарской диаспоры понудительный залог активно образуется при помощи аффиксов *-гыз/-гез,- кыз/-кез: яткыз (укладывай), кергез (вноси), белгез (сообщи).*

Таким образом, можно сделать следующие выводы: грамматическая сторона речи татар, живущих в Китае, более устойчива, чем лексика, и характеризуется особенностями словообразования и использования глагольных форм (в том числе причастий и деепричастий), которые в современном татарском литературном языке уже не используются или же сохранились лишь в отдельных диалектах татарского языка. Следует отметить, что в грамматических особенностях речи татар, проживающих в данной местности, обнаруживается близость с казахским и уйгурским языками.

Настоящее исследование не исчерпывает всего содержания рассматриваемой проблемы. Представляется, что полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего исследования

грамматических особенностей языка татарской диаспоры в КНР. Перспективы данного исследования мы видим в дальнейшем изучении языка зарубежных татарских диаспор, в расширении корпуса лингвистического материала, в обобщении и систематизации научных результатов.

Литература

Госманов М.Г. Ябылмаган китап. Казан: Татар. китап. нәшр., 1996. 206 б. {Gosmanov M.G. A book not closed. Kazan: Tatar book publishing house, 1996. 206 p.}

Тенишев Э.Р. Система существования древнеуйгурского языка // Тенишев Э.Р. Избранные труды. Книга первая. Уфа: Гилем, 2006. С. 226–237. { Tenishev E.R. System of existence of the ancient Uighur language // In *Tenishev E.R*. Selected works. Book one. Ufa: Gilem, 2006. P. 226–237.}

Тенишев Э.Р. Уйгурский диалектный словарь / отв. ред. К.М. Мусаев. М.: Наука, 1990. 198 с. {Tenishev E.R. Uyghur dialect dictionary /edited by K. M. Musaev. Moscow: Nauka, 1990. 198 p.}

Юсупова Ә.Ш., Денмөхәммәтова Э.Н. Мәдәният-ара бәйләнешләрдә Кытай татарлары // Фәнни язмалар: фәнни мәкаләләр җыентыгы. Казан: Вестфалика, 2011. 269–272 б. {Yusupova A.Sh., Dinmukhammetova E.N. Chinese Tatars in cultural communication // *Journal of scientific articles*. Kazan: Westfalika, 2011. P. 269–272.}

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 801.311:371

К.З. Закирьянов, г. Уфа

ПСЕВДОНИМЫ И ПРОЗВИЩА КАК ВТОРИЧНЫЕ ИМЕНА

В статье рассматриваются причины появления и условия употребления псевдонимов и прозвищ в качестве дополнительных, вторичных имен. Псевдоним – это вымышленное имя, оно заменяет первое, юридическое, имя лица и употребляется официально. Прозвище не заменяет первое официальное имя, а дает лишь оценку лицу, характеризует его по какому-то признаку и употребляется лишь в неофициальной обстановке. Материал богато иллюстрирован конкретными примерами. Рассматриваемая проблема относится к числу малоисследованных.

Ключевые слова: *первое (официальное) имя, второе (вторичное) имя, псевдонимы, прозвища, причины использования псевдонимов, оценочно-характеризующая функция прозвищ.*

PSEUDONYMS AND NICKNAMES AS SECONDARY NAMES*. The article discusses the causes and conditions for the use of pseudonyms and nicknames as additional, secondary names. An alias is a fictitious name, it replaces the first, legal name of a person and is used officially. The nickname does not replace the first official name, but gives only an assessment to the person, characterizes him/her by some sign and is used only in an informal setting. The article is richly illustrated with concrete examples. The problem under consideration is one of the little studied ones.*

Keywords*: first (official) name, second (secondary) name, pseudonyms, nicknames, reasons for using pseudonyms, evaluative and characterizing function of nicknames.*

Личные имена (антропонимы) – это часть истории народа: в них отражаются быт, мировоззрение, фантазия, художественное творчество народов, их исторические контакты. Например, наполеоновские войны в Европе привели к тому, что многие его почитатели стали давать своим детям имя *Наполеон*.

Велика роль личного имени в жизни каждого человека: это способ узнавания каждого индивидуума. Все поступки человека – хорошие и плохие – делаются достоянием гласности благодаря имени. Широка сфера употребления личных имен: в быту, в частных разговорах, в документах, в различных официальных ситуациях, в юридической практике и т. д. Личное имя сопровождает человека на протяжении всей его жизни, поэтому нужно дорожить им, своим именем, сохранить его честь.

Однако, наряду с первыми именами, многие лица имеют дополнительное имя, несущее вторичную функцию наименования человека. Это псевдонимы и прозвища, из них псевдонимы заменяют первое имя юридически и употребляются официально (ср.: *Максим Горький* вм. *Алексей Максимович Пешков)*, а прозвища функционируют лишь в неофициальной обстановке и не заменяют первое имя (*кепка* – такое прозвище дали мэру Москвы Юрию Лужкову за особый тип головного убора, который он носил).

Псевдоним, по определению толковых словарей, это вымышленное имя. Оно заменяет настоящее. Причин использования псевдонимов очень много, как то:

1) желание скрыть настоящее имя. Это связано с разными причинами: боязнью различного рода преследований, природной скромностью личности (нежелание выставить свое имя напоказ), неблагозвучием собственного имени (возникает желание заменить его более звучным), неприязнью к реальному имени (не нравится собственное имя, данное родителями), желание оставаться неизвестным для окружающих (обычно это характерно для начинающих писателей и поэтов);

2) наличие тезок (однофамильцев): псевдоним используется для того, чтобы не путать данную личность с другим человеком, носящим то же имя/фамилию;

3) желание иметь «оригинальное» (необычное) имя, привлекающее к себе особое внимание; например: для сатириков и юмористов «забавный» псевдоним является дополнительным средством создания комического эффекта;

4) желание подчеркнуть в псевдониме свою профессию, национальность, социальное происхождение, место рождения, место проживания, главную черту своего характера, направление своего творчества и т. д.;

5) желание придать имени (псевдониму) какую-то загадочность (заинтриговать, кто же скрывается под этим псевдонимом);

6) есть псевдонимы, которые человек (носитель псевдонима) не сам выдумывает, а присваивают ему другие в связи с какими-то случаями, обстоятельствами.

Можно назвать еще целый ряд причин использования псевдонимов (анализ их не входит в задачу настоящей статьи).

Псевдонимами пользуются обычно люди творческих профессий: писатели и поэты, актеры, певцы, художники, политические деятели и т. д.

Приводим некоторые примеры псевдонимов.

1. Псевдонимы писателей и поэтов:

Аркадий Гайдар – настоящее имя *Аркадий Петрович Голиков*;

Максим Горький – настоящее имя *Алексей Максимович Пешков*;

Демьян Бедный – настоящее имя *Ефим Алексеевич Придворов*;

Александр Герцен – настоящее имя *Александр Иванович Яковлев* (внебрачный сын помещика Ивана Алексеевича Яковлева и немки Луизы Гааг. Фамилию придумал отец: от имени *Herz* – «сердце»);

Александр Грин – настоящее имя *Александр Стефанович Гриневский* (псевдоним появился путем сокращения фамилии);

Вениамин Каверин – настоящее имя *Вениамин Александрович Зильбер* (псевдоним заимствован у реального лица – Петра Каверина, приятеля писателя);

Лагин Лазарев – настоящее имя *Лазарь Иосифович Гинзбург* (псевдоним получился путем сочетания первых букв имени *ЛАзарь* и фамилии *ГИНзбург*);

Корней Чуковский – псевдоним образован из своей фамилии *Корнейчук* Николай Васильевич;

Анна Ахматова – настоящее имя *Анна Андреевна Горенко* (в качестве псевдонима взяла татарскую девичью фамилию бабушки по линии матери);

Козьма Прутков – коллективный псевдоним, под которым выступали в середине XIX в. *Алексей Толстой, братья Алексей, Владимир, Александр Жемчужниковы, Петр Ершов.*

2. Псевдонимы актеров, певцов (певиц):

Валерия – настоящее имя *Алла Юрьевна Перфилова*;

Жасмин – настоящее имя *Сара Семендуева*;

Ани Лорак – от собственного имени *Каролина* путем обратного чтения;

Жанна Фриске – настоящее имя *Жанна Владимировна Копылова* (в качестве псевдонима взяла девичью фамилию бабушки);

Маша Распутина – настоящее имя *Алла Николаевна Агеева*;

Наташа Королева – настоящее имя *Наталия Владимировна Порывай*;

Лариса Долина – настоящее имя *Лариса Александровна Кудельман*;

Леонид Утёсов – настоящее имя *Лейзер Иосифович Вайсбейн*;

Марк Бернес – настоящее имя *Марк Наумович Нейман*;

Дима Билан – настоящее имя *Виктор Николаевич Белан*;

Лев Лещенко – настоящее имя *Лев Лещев;*

Григорий Лепс – настоящее имя *Григорий Викторович Лепсверидзе* (псевдоним появился путем сокращения фамилии);

Прохор Шаляпин – настоящее имя Андрей Андреевич Захаренко.

3. Псевдонимы художников, скульпторов:

Василий Перов – незаконный сын барона Криденера. Дьячок, учивший его грамоте, за хороший почерк дал прозвище *Перов;*

Иван Шадр – настоящая фамилия *Иванов* (в основу псевдонима положено название родного города Шадринска);

Кукрыниксы – коллективный псевдоним трех художников: М. Куприянова, П. Крылова, Н. Соколова. И другие.

4. Псевдонимы политических деятелей:

Владимир Ильич Ленин – настоящее имя *Владимир Ильич Ульянов*;

Иосиф Виссарионович Сталин – настоящее имя *Иосиф Виссарионович Джугашвили;*

Сергей Миронович Киров – настоящее имя *С.М. Костриков*;

Вячеслав Михайлович Молотов – настоящее имя *В.М. Скрябин;*

Лев Давидович Троцкий – настоящее имя *Лев Давидович Бронштейн*;

Лев Борисович Каменев – настоящее имя *Лев Борисович Розенфельд* (псевдоним появился путем перевода с немецкого Stein – «камень»). И другие.

Прозвище, в отличие от псевдонимов, не заменяет, «не вытесняет» первичное имя, а только сопровождает его, давая оценку лицу, характеризуя его по какому-то отличительному признаку. В отличие от первых имен и заменяющих их псевдонимов, прозвищам характерна ограниченная сфера употребления.

В толковом словаре прозвище определяется как «название, данное человеку в шутку, в насмешку и т. п. (обычно содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту его характера, наружности, деятельности и т. п.» [МАС, 1959, 657].

Прозвища как антропонимы появились давно; в далеком прошлом они «не имели в себе того предосудительного оттенка, которым они наделены сейчас» [Мирославская, 1962, 199], а употреблялись как синоним слова *имя* и выполняли функцию социального знака наших предков. С тех пор прошло много времени, у людей уже появились официальные имена, отчества, фамилии, однако прозвища по-прежнему продолжают жить как названия, даваемые человеку по наиболее ярким чертам, отличающим его от других.

Применительно к представителям преступного мира С.М. Федяев определяет функции прозвища (автор пользуется термином кличка в значении «прозвище» – К.З.) следующим образом: «В кличках отражаются криминальные ценности и нормы криминальных сообществ. Они выполняют несколько взаимосвязанных функций: 1) заменяют фамилии (функция обозначения); 2) являются средством стигматизации (от греч. Stigma – «клеймо»); 3) закрепляют статус личности в групповой иерархии; 4) служат вербальным средством деперсонализации (путем наделения человека неблагозвучными и оскорбительными кличками); 5) служат вербальным средством персонализации личности (путем наделения «верхов» благозвучными «почетными» кличками)» [Федяев, 1998, 140].

В основном те же функции выполняет прозвище и по отношению к представителям других социальных групп. Но все же главная функция прозвищ – оценочно-характеризующая. Они очень метко характеризуют человека. Иные прозвища так прочно «прилипают» к своему «хозяину», что вытесняют его настоящее имя, и носителю его, как бы ни хотелось, невозможно освободиться от него. Очень образно писал об этом великий классик Н.В. Гоголь: «Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно, что писанное, не вырубливается топором… как пашпорт на вечную носку, и ничего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы, – одной чертой обрисованы с ног до головы!» (Н.В. Гоголь. Мертвые души).

Как же даются прозвища? Как они создаются? Что лежит в их основе?

Как уже было сказано, любое прозвище имеет оценочный характер, оно и возникает для характеристики данной личности по особенному признаку, которым она отличается от остальных. Словом, в основе образования прозвища лежит какой-то отличительный признак человека. Некоторые люди могут иметь несколько прозвищ: характеризуются по разным специфическим признакам.

Так, в прозвищах отражается:

1) внешность человека, его физические данные, прежде всего недостатки физического развития и особенности внешнего облика: косоглазие (*косой*), величина ушей (*лопух, локатор*), большой нос (*дюбель, паяльник, хобот)*, хромота (*костыль),* отсутствие волос, лысый (*курчавый*), наличие горба, горбатый (*верблюд*), высокий рост (*оглобля, жердь, каланча, верста, Гулливер, жираф),* низкий рост (*кнопка, катушка, лилипут)*, полнота, упитанность (*толстяк, бочка, кубышка),* худой, тощий (*скелет),* большая голова (*котелок*), узкие глаза (*китаец, японец),* тот, кто постоянно носит очки (*очкарик, бинокль, микроскоп*), форма телосложения (*кавалерист, яйцо, стержень, медведь*), цвет кожи (*негр, чернушка*) и многое другое;

2) черты характера и поведения, психологические особенности. Обычно в прозвищах отражаются негативные черты характера и поведения: жадность (*Плюшкин* – герой поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»), хитрость (*лиса*), пронырливость, назойливость, изворотливость, наглость, настырность (*липучка, муха, клизма, глиста, крыса*), тупость, несообразительность (*профессор, академик* – используется принцип противоположности с ироническим подчеркиванием недостатка), безделье, праздность (*стрекоза*), «легкое» поведение (*бабочка*), мстительность, злость (*чума, холера*) и т. д.;

3) социальное положение, региональное происхождение, национальная принадлежность: *барин, хозяин* (выражает неуважительное отношение к руководителю учреждения, организации, коллектива), *татарин, цыган, хохол, чукча, туземец, азиат, деревня* (ограниченный, плохо разбирающийся в обстановке, недалекий);

4) трудовая, профессиональная деятельность: *училка* (выражает пренебрежительное отношение к учительнице), *сапожник* (плохой специалист), *шайба* (хоккеист) и другие.

По лексическому составу прозвища представляют собой эмоционально окрашенные слова с ярко выраженным оценочным значением. Например, в качестве прозвищ используются: 1) слова в переносном или противоположном значении (*профессор* – для выражения тупости); 2) названия различных живых организмов: *осел, козел, медведь, жаба, сорока, ворона, крыса, змея, микроб, глиста, амеба* и др. Обычно все эти прозвища носят унижающий, оскорбительный характер; 3) трансформированные личные имена и фамилии: *Майкл* (Михаил), *Серж* (Сергей), *Джон* (Иван), *Натали* (Наталья); 4) названия высоких должностей, чаще это благозвучные прозвища, имеющие положительное значение, выражающие высокое, почетное положение личности: *отец народов* (так называли И.В. Сталина), *король, принц, рулевой* и другие; 5) имена и фамилии литературных героев, взятых из художественных произведений: *Плюшкин, Собакевич, Коробочка, Чичиков* (Н.В. Гоголь. Мертвые души), *Обломов* (И.А. Гончаров. Обломов), *Унтер Пришибеев* (А. Чехов) и другие.

Большинство прозвищ характеризуют человека с отрицательной стороны, дают ему негативную оценку, содержат унижающее, оскорбительное значение. Благородных прозвищ, дающих человеку положительную оценку, возвышающих его, очень мало – не более 10 % . Обычно эти прозвища даются людям, имеющим качество лидера, руководителя, сделавшим очень много для народа, для общества, которые заслужили уважительное отношение к себе, пользуются большим авторитетом среди населения.

Различна продолжительность жизни прозвищ: одни появляются и быстро забываются (например, школьные прозвища, прозвища в студенческих группах, в кругу друзей), другие закрепляются надолго, некоторые из них человек носит всю жизнь, а отдельные прозвища даже передаются из поколения в поколение. Соответственно прозвища бывают: а) родовые (передаются из поколения в поколение), б) семейные (одно и то же прозвище носят все члены семьи), в) индивидуальные (даются только отдельным лицам, чаще всего они кратковременные).

Прозвища как вторые имена носят представители всех социальных слоев и всех возрастов. Практически каждый человек имел или имеет свое прозвище (в детстве, в школе, в семье, среди коллег и т. д.). Одни из них «дружеские», другие «обидные», одни быстро исчезают, другие закрепляются на всю жизнь.

Прозвища имеют общественные и политические деятели, руководители государства – «великие мира сего», притом они становятся общеизвестными, распространяются по всей стране. Пожалуй, ни в одной стране нет ни одного государственного и политического деятеля, лидера и вождя, который не имел бы второе имя. Прозвища имели вожди и лидеры как в прошлом, так и в настоящее время. Объясняется это тем, что их жизнь проходит на виду у всех. Одни из этих прозвищ «мягкие», другие «колкие», «резкие», остро подмечающие характерные черты прозываемого. В них проявляется отношение народа к этим личностям (см. [Закирьянов, 2004, 88–90]). Приводим несколько примеров.

И.В. Сталин – *отец народов, хозяин, сам, тиран*;

Н.С. Хрущев – *хрущ, хрюшка, кукурузник, лысый*;

Л.И. Брежнев – *густобровый, бровеносец, челюсть, генералиссимус, иконостас, Ленька;*

М.С. Горбачев – *Горби, горбач, горбатый, меченый, балаболка;*

Б.Н. Ельцин – *ЕБН, Елкин, Ебелдос* (от *Ельцин, Белый дом, Свобода* – автор журналист Александр Невзоров), *царь Борис* (летом 1997 г. в Карелии Борис Ельцин сообщил прессе, что после Петра Великого никто из руководителей России не приезжал в Карелию. Вот только Борис первый. Это стало поводом для прозвища);

Борис Березовский – *БАБ, баобаб, береза*;

Юрий Лужков – *кепка, колобок, Лужок.*

Обобщим изложенное. Прозвища весьма распространены и жизненны. В отличие от первых личных имен и от псевдонимов, прозвища заключают в себе ту или иную характеристику их носителей, что и обеспечивает их жизнеспособность. Основная функция современных прозвищ – оценочная: с их помощью одним словом можно охарактеризовать человека с головы до ног. Урегулировать этот процесс вторичного наименования невозможно, это стихийное явление; каждый факт вторичной номинации индивидуален, имеет свою причину, свои мотивы и свои способы выражения.

Литература

Закирьянов К.З. Прозвища политических деятелей // Проблемы региональной ономастики: материалы межвузовской научно-практической конференции. Майкоп: Изд-е Адыг. ун-та, 1998. С. 88–90. {Zakiryanov K.Z. Nicknames of politicians // Problems of regional onomastics: Materials of an inter-university scientific and practical conference. Maykop: Adyg Publishing House. University, 1998. P. 88–90.}

МАС – Малый академический толковый словарь: словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 3. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. С. 657. {Small Academic Explanatory Dictionary: Dictionary of the Russian language in 4 volumes / Ed. A.P. Evgenyeva. Vol. 3. Moscow: Publishing house of foreign and national dictionaries, 1959. P. 657.}

Мирославская А.Н. Еще раз о древнерусских именах и прозвищах // Ученые записки Башк. ун-та, 1962. С. 198–206. {Miroslavskaya A.N. Once again about Old Russian names and nicknames // Uchenye zapiski Bashk. University, 1962. P. 198–206.}

Федяев С.М. Клички как прозвище в молодежной криминальной субкультуре // Проблемы региональной ономастики: материалы межвузовской научно-практической конференции. Майкоп: Изд-е Адыг. ун-та, 1998. С. 138–146. {Fedyaev S.M. Nicknames as a nickname in the youth criminal subculture // Problems of regional onomastics: Materials of an inter-university scientific and practical conference. Maykop: Adyg Publishing House. University, 1998. P. 138–146.}

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.512.133

Х.Р. Закирова, г. Андижан

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЦВЕТ И ОКРАСКУ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье подвергнуты лексико-семантическому анализу прилагательные, обозначающие цвет. Освещены некоторые специфические особенности их употребления в переносных значениях как в литературном языке, так и в некоторых диалектах узбекского языка. Рассматриваются вопросы о функционировании слова «ранг» (цвет), его употреблении, названиях основных цветов и их значения, некоторые слова-термины, обозначающие масть животных в узбекском языке.

***Ключевые слова**: прилагательные, цвет, окраска, лексико-семантический анализ, специфические особенности.*

***SEMANTIC FEATURES OF WORDS DESIGNING COLOR AND PAINT IN THE UZBEK LANGUAGE**. The article presents lexical and semantic analysis of adjectives denoting colors. Some specific features of their use in figurative meanings both in the literary language and in some of its dialects are highlighted. Questions about the word rank (color) are considered as well as, its use in the names of the primary colors and their meanings, some word-terms denoting the color of animals in the Uzbek language.*

***Keywords**: adjectives, color, coloring, lexical and semantic analysis, specific features.*

Категория прилагательного занимает в словарном составе узбекского языка большое место и объединяет несколько разрядов. Самым большим из них является разряд слов, обозначающих цвет, окраску, масть и оттенок. Некоторые работы, проделанные тюркологами и языковедами в этом направлении, бесспорно интересны и сейчас при изучении категории прилагательного [Кононов, 1954, 2].

Слово *ранг* ‘цвет’ в узбекский язык вошло из таджикского и синонимично словам *тус, бўёқ* ‘цвет, краска’. В словаре «Девону луғот-ит турк» Махмуда Кашгарского встречается слово *ӧң – јашіл ӧң тўк тон* ‘зеленый халат’. Корень глагола *ўнгмоқ* ‘линять’ – *ўнг* в современном узбекском языке генетически связан с древнетюркским словом *ӧң* [Кошғарий, 1960, 76].

Слово *ранг* в сочетании с некоторыми именами существительными образует новые названия для обозначения цвета: *жигарранг* ‘коричневый, букв. цвета печени’, *кулранг* ‘серый, букв. цвета пепла’, *ҳаворанг* ‘голубой, букв. цвета воздуха’ и т. д.

В парных словах оно имеет различные значения: *ранг-баранг//ранго-ранг* ‘разноцветный’, *ранг-рўй//ранг-қут* ‘цвет лица (человека)’ и т. д.

В сочетаниях с глаголами, прилагательными и другими частями речи слово *ранг* образует различные выражения, передающие состояние цвета лица человека или его изменения. Например, *ранги тоза* или *ранги яхши* ‘о цвете лица здорового человека’, *ранги заҳил//рангпар//ранги йўқ* ‘бледный (о цвете лица)’, *ранги кетган* ‘побледневший (напр., от болезни)’, *ранги ўчган* ‘побледневший (напр., от испуга или от холода)’, *ранги чиқмоқ//рангига чиқмоқ//ранги кирмоқ* : *унинг ранги кириб қолибди* ‘он пришел в себя, после болезни’; *ранги ўзгармоқ*: *унинг ранги ўзгарди* ‘он побледнел, или покраснел, напр., от ревности’ и т. д.

Это же слово употребляется и для передачи изменений цвета фруктов, овощей: *ранг олмоқ* – начинать поспевать, напр., *узум ранг олибди* – виноград начал поспевать. В этом же смысле *ранг келтирмоқ*, *ранг кирмоқ*, напр. *олчага ранг кириб қолибди* – вишня начала поспевать.

Человек в процессе своего развития осознал сперва наиболеее яркие, отчетливые цвета и дал им свои наименования, например, *қора, қизил* ‘черный, красный’. А их слабые, бледные оттенки он стал различать позднее. В древнейшие времена зеленые, синие, голубые краски воспринимались как один цвет. Очевидно, что в этом кроется причина наименования всей группы этих цветов одним словом *кўк*.

Кўк – синий, голубой, зеленый. Оно широко распространено в узбекском и вообще в тюркских языках. В памятнике древнетюркской письменности «Кюль-Тегине» оно употребляется в современном значении: *кӧк тäңрі* – голубое небо.

Следует сказать, что слово *кўк* в значении цвета по сравнению с другими цветообозначениями имеет более широкий и отвлеченный смысл, оно употребляется вообще, когда говорят о *яшил* (зеле-

ный), *зангори* (синий), *ҳаворанг* (голубой), не уточняя их оттенков. Однако, если необходимо внести конкретизацию, то их называют своими именами (*зангор, ҳаворанг, яшил*).

Таким образом, слово *кўк* может замещать несколько слов, обозначающих самостоятельные цвета. Оно может применяться: 1) вместо *ҳаворанг* ‘голубой’: *кўк осмон//ҳаво ранг осмон* ‘голубое небо’; 2) вместо *зангор* ‘синий’: *Илгарироқ бу ерда бозорлар бўлган, тақачилар сув ичган кўк ҳовузлардан* (М. Шайхзода); 3) вместо *яшил* ‘зеленый’, *баргранг* ‘салатный’: *Самоварчи… бир боғ кўк беда олиб чиқди-да, ариқ бўйига ёйиб солди* (А. Мухтор); 4) для выражения названия масти животных вместо *кулранг* ‘серый’: *кўк от* ‘серая лошадь’, *кўк сигир* ‘серая корова’, *кўк бўри* ‘серый волк’ и т. д.

Слово *кўк* перед существительными в качестве определения, кроме значения цвета, может выражать также переносные значения «молодой», «зеленый», «незрелый». Например, *кўк қалампир, кўк узум, кўк нўхат, кўк пиёз* и т. д.

Зангор*//*зангори, это слово в диалектах различается по смыслу. Например, в ташкентском говоре в форме *зангори* оно означает “голубой”, “синий”, а в ферганском, коканском, андижанском и джизахском говорах формы *зангор* и *зангори* обозначают “зеленый” цвет. В самаркандском говоре вместо *зангор* употребляется слово *пистақи*. В художественной литературе это слово употребляется в том же значении, что и в ташкентском говоре: *Зангори Дунай лойқаланиб, безовта бўлиб оққан, словянлар манзили шу*. (С. Акбарий)

Оқ – белый. Слово *оқ* – одно из древнейших слов словарного состава узбекского языка. В памятниках древнетюркской письменности («Кюль-Тегин») встречается *ак атын бініп* [Малов, 1951, 32], в словаре «Девону луғотит турк» – *ап-ақ* [Кошғарий, 1960, 70] и в том же значении в форме *ўрўң* ‘белый’, *ўп ўрўң* ‘белый-пребелый’. Приведенное Махмудом Кашгарским чигильское слово *ўрўң* позже в узбекском языке не встречается.

Слово *оқ* обозначает, главным образом, цвет, например: *Оқ яктакли одамни кўриб у орқасига бурилди* (М. Исмоилий). Оно может также передавать значение слов ‘бесцветный’, например, *унинг ранги оқ* ‘он бесцветный’; ‘некрашенный’, например, *оқ ипак, оқ пол* ‘некрашенный шелк, некрашенный пол’. Кроме названия цвета, слово *оқ* субстантивируясь, характеризуется возникновением добавочных значений, которые раскрываются и конкретизируются в составе устойчивых и свободных словосочетаний в контексте: *Терговчи бу ерга оқни оққа, қорани қорага ажратиш учун келган* (С. Анорбоев). *Оққа кўчирмоқ* – переписывать из черновика в беловую.

Сариқ//сариғ (в некоторых говорах *соры*) ‘желтый’. Главным образом выражает название цвета, например: *Раъно оёқ учларини сариқ атлас кўйлаги билан яширди* (А. Қодирий). Слово *сариқ* в качестве определения перед существительным имеет различные переносные значения: а) ‘грязный’, “немытый”, “старый”, “изношенный”. Например, *Йигитнинг ўзи ҳам сариқ эгри тишларини кўрсатиб илжайди* (А. Қаххор); б) дополнительное значение “спелый”, “зрелый”; в этой функции чаще встречается употребление в интенсивной форме (сап-сариқ): *Сап-сариқ ўриклар шохларини эгиб турибди* (Эртак); в) дополнительное значение “высохший”, “пожелтевший”, “перезревший”, например: *сариқ бодринг*.

Қора ‘черный’. *Қора соч* ‘черные волосы’, *қора ипак* – черный шелк. Слово *қора* с древнейших времен входит в словарный состав узбекского языка. Оно встречается в памятниках древнетюркской письменности.

Лексические значения слова *қора*, кроме обозначения цвета, выявляются большей частью при его субстантивации и в контексте. Оно может обозначать: 1) ‘силуэт’, ‘тень’, ‘призрак’: *У тевараккa жовдираб қаради, ҳеч ерда ҳеч қора кўринмас эди* (М. Исмоилий); *Қоранг ўчсин*!; 2) ‘мишень’, ‘цель’: *Биринчи отган ёй қорадан бир қарич юқори кетди* (Афанди латифалари); 3) ‘зрачок’ (вместо слова *қорачиғ*): *кўз қорасидай асрамоқ*; 4) ‘темнота’, ‘тьма’, ‘темный’: *Кечанинг чексиз қора оғушидан катта нур ўпқини ёради* (Ойбек); 5) ‘траур’, ‘траурные одежды’: *қора киймоқ* (носить траур).

Кроме того, слово *қора* в контексте, в словосочетании или будучи частью сложного слова имеет различные значения: 1) ‘виноватый’, ‘опозоренный’: *Тошматни қора қилиб қўйишибди* – Тошмата обвинили; 2) в сочетаниях *қора кўнгил //кўнгли қора , юзи қора* является синонимом слов *ғаразли* ‘корыстный’, *бахил* ‘скупой’, *ярамас* ‘негодяй’; 3) ‘резкий’, ‘сильный’, ‘пронзительный’: *қора совуқ, қора қиш, қора довул* и т. д. Например: *Қора қиш қақшатгудай, нетай аҳволим ёмон* (Т. Йўлдош).

Как очевидно, изучение прилагательных, обозначающих цвет (окраску, масть и оттенок), в узбекском языке имеет большое значение как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Литература

Кононов А.Н. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии. Изд. АНТаджССР, вып. V, 1954. { Kononov A.N. On the semantics of the words kara and ak in Turkic geographic terminology. Ed. ANTajSSR, issue V, 1954.}

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. {Malov S.E. Monuments of ancient Turkic writing. Moscow; Leningrad, 1951.}

Шерцль В.И. Название цветов и символическое значение их. Воронеж, 1884. {Scherzl V.I. The name of the flowers and their symbolic meaning. Voronezh, 1884.}

Laude-Cirtauta. Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in den Türkdialekten, Wiesbade, 1961.

Кошғарий М. Девону луғотит турк. Т. I. Тошкент, 1960. {Koshғary M. Devon is delighted by the Turk. T. I. Toshkent, 1960.}

УДК 811.512

Ю.М. Ибрагимов, г. Нукус

ТЕРМИНЫ РОДСТВА И АРЕАЛЫ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В УЗБЕКСКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН

Терминология родства и ареалы их распространения в узбекских говорах Республики Каракалпакстан (далее РК), до сих пор не были предметом специального исследования и поэтому являются очень актуальными в современном языкознании.

Ключевые слова: *тюркские языки, термины родства, диалектные особенности, взаимовлияние соответствия и взаимодействие языков.*

KINSHIP TERMS AND DISTRIBUTION RANGES IN UZBEK DIALECTS OF RESPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN*. The terminology of kinship and the areas of their distribution in the Uzbek dialects of the Respublic of Karakalpakstan reflecting the general Turkic sustem of terms of kinship within individual languages have stile not been the subject of special research and therefore are very relevant in modern linguistics.*

Keywords: *Turkic languages, terms of kinship, dialectal featues, mutual influence, coonformitiy accounting of lexsical materials.*

Терминология родства тюркских языков РК в своей основе отражает общетюркскую систему терминов родства. Тем не менее как между отдельными языками региона, так и между диалектами внутри отдельных языков в области терминологии родства имеются довольно значительные различия. Диалектные особенности и междиалектные взаимоотношения терминов родства внутри отдельных языков РК в той или иной степени разработаны [Бегжанов, 1971, 77–81; Бекетов, 1992, 110–111; Доспанов, 1980, 34–35; Ибрагимов, 1986, 94–112]. Сравнительно-сопоставительный анализ терминов родства тюркских языков РК не было предметом специального исследования до настоящего времени. Сравнительно-историческое изучение терминологии родства продолжительно и интенсивно контактировавших между собой узбекского, каракалпакского, казахского и туркменского языков с привлечением всех известных диалектных вариантов представляет интерес не только для лингвистов, но и для историков и этнографов.

В данной статье рассматриваются термины родства узбекского, каракалпакского, казахского и туркменского языков.

В говорах узбекского языка РК понятие *мать* обозначается лексемами: *апа, апай, аба, абай, әнә, әнәй*. В гурленско-берунийской подгруппе и внутренне переходной подгруппе говоров преимущественно употребляется термин *апа*, в говоре ходжелийско-кипчакской – *апа, апай аба, абай* употребляется паралельно, а в турткульско-элликалинской и внешне переходной подгруппе говоров – *әнә, әнәй*.

Термин *апа*, постепенно расширяя свой ареал распространения, из гурленско-берунийского говора проник в турткульско-элликкалинский и внешне переходную подгруппу говоров. В отдельных говорах йекающего кыпчакского типа узбекского языка РК *апа* в основном употребляется в значениях *старшая тетя, старшая родная сестра* и как форма при вежливом обращении к женщинам старше своих родителей, но не пожилых. Во многих тюркских языках, в том числе в узбекских говорах и узбекском литературном языке данный термин употребляется в том же значении [УзРС, 1959, 305]. Но ареал распространения термина *апа* шире, чем *әнә* и *аба*. Об этом говорит и то, что из тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана *әнә* и *аба* представлены только в узкодиалектной форме в узбекском языке РК – *әнәй, абай* являются вокативом *әнә* и *аба*, восходящего к более древней форме *ача.* Данные термины имеют соответствия в среднеазиатских, центральноазиатских и Волжско-Уральских тюркских языках [Максютова, 1976, 159, 286; Миржанова, 1979, 83–90; Бикбулатов, 1980, 12–23; Гильманова, 1981, 50–54]. Ср.: ккалп. *апа* ‘мать, сестра, обращение к сестре мужа и ко всем старшим женщинам’ [ККРС, 1958, 46], казах. *апа*, туркм. *еже,* уйгур. *ача* ‘старшая сестра’, чуваш. *апай, ама* ‘мать’, башк. *әсә, әннә*, *әнәй*, ‘мать’, в диалектах татарского языка представлены четыре основные фонетические варианта термина: *ана*, *әни, әнәй, инәй, инә***(**й) [Ахатов, 1977, 66–67], алтай. *јзе*, шор. *јса*, чулым. *аза* ‘мать’, прототюркское *әнә, апа* ‘старшая родственница’, в современных тюркских языках

отражается как *апа* ‘старшая сестра; мать’, а в древнетюркском *апа ачы* термин родства, употребляемый по отношению к старшим по возрасту [Малов, 1951, 359]; *ача* ‘старшая сестра’, *ач* ‘пожилая женщина’, ст. узб. *апа*. Как отмечает Л.А. Покровская, в памятниках древнетюркской письменности этот термин встречается в трех фонетических вариантах: *асі, әсі, әчі* и имеет значение ‘старший родственник’ [Покровская, 1961, 28]. В дальнейшем в тюркских языках термин *апа* стал настолько многозначным, что порою слова трудно собрать в одну лексическую группу.

Основное значение термина *апа, апай* в древнетюркском – старшая родственница. В условиях большой патриархальной семьи термином *апай* обозначали всех старших родственниц в семье – старших сестер, родную мать, тетушек и др. Самую старшую в семье женщину (бабушку) называли *әнә әнә йэнә*, *йэнәй, иэнә, иэнәй*. При отсутствии бабушки термином *әнә* называют родную мать. Следы такого своеобразного использования терминов *апа, апай* и *иэнә, иэнәй, йэнә, йэнәй* сохранились в говорах РК.

Геноним *аба* ‘мать’ и вокативная форма *абай* имеют в некоторых тюркских языках параллели: алтай. *аба* – дед [Егоров, 1981, 3], чигатай. *аба* – предок, киргиз. *аба* – отец, в тебризском диалекте азербайджанского языка *аба* – мать, в кубинском диалекте азербайджанского языка *аба* – отец [Зеринзаде, 1962, 79]. Слово встречается и в древнетюркских языках (др.-тюрк. *аба*). В тюркских языках в качестве самостоятельных лексических единиц употребляются две формы: звонкая *аба* и глухая *апа*. Э.В. Севортян этимологию данного существительного связывает с глаголом *аб*, *аба* ‘быть престарелым’ [ЭСГТЯ, 1974, т. 1, 16].

Широкая семантика слова *аба* заставляет предположить здесь существование исходного именного компонента *ап* с гипотетическим значением ‘род’. Возможно, что этот корень представлен в составе огузского термина *аба* ‘род, семья, поселение’. Ср. также монг. *обог* ‘род’. Тюркский термин *аба* можно возвести к праформе *абаг* и предположить его связь с монгольско-тюркской формой *абаг*. Не исключено, что обе основы содержат в своем составе единый корневой компонент *ап/аб*.

Так, в некоторых говорах слова *иэнәй, йэнәй* сохранились в значениях ‘бабушка по линии отца; старшая золовка’. В процессе складывания в гурленско-берунийском, ходжелийско-кыпчакском, приаральском говорах узбеков и во внутренней переходной подгруппе говоров узбекского языка РК за термином *иэнә, иэнәй, йэнә, йэнәй* ‘прародительница, самая старшая женщина в семье’, закрепилось значение ‘мама’ (вокативный термин), а в туркульско-элликалинском и внешней переходной подгруппе говоров узбекского языка РК это значение закрепилось за термином *әнә, әнәй* ‘мать; старшая родственница’. Еще в древнетюркском термины *әнә*, *әнәй* употреблялись в значении ‘мама, мать’. В связи с тем, что *апа* в узбекских говорах РК и в соседних каракалпакском, казахском языках чаще употребляется в значении ‘мать’, нежели в значении ‘старшая сестра’, для обозначения последнего понятия сформировался сложной термин *қыз апа, аджапа, айапа,* что можно квалифицировать как проявление дифференциации генонимов.

Для определения конкретных путей развития рассматриваемого термина в различных тюркских языках следует учитывать факты контактирования исследуемых языков. Так, например, можно предположить, что в каракалпакском, казахском языках *иене* видоизменилось под влиянием *энә*, *әнә*, бытующих в узбекских говорах РК, поскольку каракалпаки и казахи проживают на территории южно-приаральского региона, соседствуя с узбеками.

Отметим также, что термин *әнә, иэнә, йэнә* употребляется по отношению к животным в значении ‘самка’, при этом другие, близкие по значению к *әнә* термины родства (*ана* и др.), в данном значении встречаются в говорах ходжелийско-кыпчакских и аральских узбеков – *энә қой* ‘дойная овца’. В том же значении данное слово бытует и в говорах туркменского, казахского, каракалпакского языков: *ене қой* ‘овца, дойная овца’ [КТДС, 1969, 78]. Подобное употребление данного слова, по-видимому, является специфической чертой аральских и ходжелийско-кыпчакских подгрупп говоров узбекского языка. В связи с этим укажем на высказывавшееся в литературе предположение о возможности выделения в составе лексемы *инак/ энәк* ‘корова’, характерной для узбекских говоров Бухарской и Самаркандской областей и ряда тюркских языков, элемента *инә/ инәй, әнә* с первичным значением ‘матушка’ [Щербак, 1961, 97].

В узбекских говорах РК бабушка по матери обозначается термином *мама*. Слово *мама* фиксируется и в других узбекских говорах, насчитывающих семь значений у данного слова [ЎХШЛ, 1971, 350–351]. В узбекском литературном языке и узбекских говорах РК зафиксированы следующие значения у слова *мама*: мать; прадед; золовка; жена дяди со стороны матери; бабушка; старушка; прабабушка. В УзРС слово *мама* отмечено в значениях ‘кормилица’ и с пометой обл. ‘бабушка’ [УзРС, 1959, 266]. Ср.: ккалп. *мама* ‘бабушка’ [ККРС, 1958, 445], туркм. *мама* ‘бабушка по матери’ [ТуркмРС,

1955, 723]; монг. *маму* ‘ребенок’ [МРС, 1957, 238], уйгур. *мама* ‘бабушка; старшая сестра бабушки’ [Покровская, 1961, 22]. По-видимому, вышеперечисленные лексемы связаны с древнетюркским *маму* ‘женщина, остающаяся вместе с невестой в первую брачную ночь’ [ДТС, 1969, 335].

В некоторых узбекских говорах РК понятия ‘бабушка по отцу’ и ‘бабушка по матери’ обозначаются одним и тем же словом. Во внутренней переходной подгруппе говоров узбекского языка РК для обеих бабушек существует один термин – *мама* бабушка вообще. В ходжелийско-кыпчакской подгруппе говоров этот термин выступает в звательной форме *мамай* и обозначает жену старшего брата отца и бабушку по матери. В данной подгруппе говора слово *мама,* выступая в сочетании со словом *энə*, образует новый термин *йэнəкə мама*, имеющий значение ‘повивальная бабка’. Понятие ‘повивальная бабка’ передается и другим способом – *йəнəкə кəмпир*. Следует отметить, что в языке племени Чандыр Ильялийкого района бабушка по матери называется словом *мама,* прабабушка по матери *əнə.*

Сравнительный анализ диалектных терминов родства тюркоязычных народов РК позволяет сделать следующие выводы: 1) термины родства в период своего возникновения означали родственные, половозрастные, брачные группы; 2) референтивные термины родства, сравнительно с вокативными, обладают большей устойчивостью и относительно слабо проникают из одного языка в другой; 3) при сравнительно-историческом и этимологическом исследовании терминов родства большое значение имеет полнота лексического материала, учет всех диалектных вариантов ареала.

Литература

Ахатов Г.Х. Татарская диалектология. Уфа: БашГУ, 1977. 76 с. {Akhatov G.Kh. Tatar dialectology. Ufa: Bashkir State University, 1977. 76 p.}

Бабаев С.К. К вопросу о роли персидского языка. Нальчик: Вестник Кааб.-Балк. НИИ, 1973. Вып. 7. С. 358. {Babaev S.K. On the role of the Persian language. Nalchik: Vestnik Kaab.-Balk. Scientific – Research Institute, 1973. Vol. 7. P. 358.}

Бегжанов Т. Қарақалпақ тили диалектологияси маселелеринен. Нокис: Қарақалпақстан, 1971. 77–81 бб. {Begzhanov T. From the problems of dialectology of the Karakalpak language. Nukus: Karakalpakstan, 1971. P. 77–81.}

Бекетов Б. Қарақалпақ қазақтарынын тили. Алматы: Раүан, 1992. 110–112 бб. {Beketov B. The language of the Karakalpak Kazakhs. Almaty: Rawan, 1992. P. 110–112.}

Бикбулатов Н.В. Историческое развитие родства башкирской системы родства. Уфа, 1980. С. 12–23. {Bikbulatov N.V. The historical development of kinship of the Bashkir kinship system. Ufa, 1980. P. 12–23.}

Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тефсира XV–XVI вв. М.: Наука,1963. С. 51. {Borovkov A.K. The lexicon of the Central Asian tefsir of the XV–XVI cc. M.: Science, 1963. P. 51.}

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и балкарского наречия. Введение и Фонетика. Л.: Наука, 1929. С. 250–251. {Vladimirtsov B.Ya. Comparative grammar of the Mongolian written language and the Balkar dialect. Introduction and Phonetics. Leningrad: Science, 1929. P. 250–251.}

Гильманова С.Г. Термины родства в северо-западном ареале башкирского языка // Иссл. материалы башк. яз. Уфа, 1981. С. 50–56. {Gilmanova S.G. Kinship terms in the northwestern range of the Bashkir language. Ufa: The research materials of the Bashkir language, 1981. P. 50–56.}

Доспанов У. Диалектная лексика каракалпакского языка. Нукус: Билим, 1980. 203 с.{Dospanov U. The dialect lexicon of the Karakalpak language. Nukus: Bilim, 1980. 203 p.}

Егоров Н.И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. Отец (родитель). Чебоксары: Чуваш. кн. изд., 1964. 355 с. {Egorov N.I. The etymologization experience of the Chuvash terms of kinship and property. Father (parent). Cheboksary: Chuvash. book publ., 1964. 355 p.}

Зеринзаде Х. Форс дилинде ишланан азербайжан созлери. Бакы: Илим, 1962. 436 б. {Zerinzade H. Azerbaijani words used in the Persian language. Baku: Science, 1962. 436 p.}

Ибрагимов Ю.М. Лексика узбекских говоров Приаралья. Нукус: Билим, 1996. 156 с. {Ibragimov Yu.M. The lexicon of Uzbek dialects of the Aral Sea region. Nukus: Bilim, 1996. 156 p.}

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. 123 с. {Kuzeev R.G. The origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement. Moscow, 1974. 123 p.}

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976. 292 с. {Maksyutova N.Kh. Oriental dialect of the Bashkir language in comparative historical coverage. M.: Science, 1976. 292 p.}

Максютова Н.Х. Говор башкир долины реки Ай // Башк. диалектологический сборник. Уфа: БФАН СССР, 1959. С. 9–45. {Maksyutova N.Kh. The Dialect of Bashkir people of the Ay River Valley. Ufa: Bash. dialect., 1959. P. 9–45.}

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1951. 445 с.{Malov S.E. Monuments of ancient Turkic writing. Moscow; Leningrad: Publishing. USSR Academy of Sciences. 1951. 445 p.}

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 272 с. {Mirzhanova S.F. Southern dialect of the Bashkir language. Moscow: Science, 1979. 272 p.}

Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках. М.: Наука, ИРЛТЯ. 1961. С. 11. {Pokrovskaya L.A. Terms of kinship in Turkic languages. Moscow: Science, IRLTY. 1961. P. 11.}

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. С. 16. {Sevortyan E.V. Etymological dictionary of Turkic languages (General Turkic and Inter-Turkic Vowels). Moscow: Science, 1974. P. 16.}

Словарь башкирских говоров, т. 2. Уфа, 1967. С. 77. {Dictionary of Bashkir Dialects, Vol. 2. Ufa, 1967. P. 77.}

Щербак А.М. Основные особенности южнохорезмского говора в сравнительном освещении. Ташкент: Узакадемнашр. УзДМ, 1961. Т. 2. С. 178–214. {Shcherbak A.M. The main features of South Khorezm dialect in comparative illumination. Tashkent: Uzakademnashr. UzDM, 1961. Vol. 2. P. 178–214.}

Источники

ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука. Ленинградск. отделение, 1969. 676 с. {ATD – Ancient Turkic Dictionary. Leningrad: Science. Leningrad department, 1969. 676 p.}

ДЛТИ – Махмуд Кошгарий. Девони луғатит турк. Индекс. Тошкент: Фан, 1967. 635 б. {DLTI – Makhmud Koshgari. Devoni Lugatit Turk. Index. Tashkent: Fan, 1967. 635 p.}

ККРС – Каракалпакско-русский словарь / под ред. Н.А. Баскакова. Гос. изд.-во иностр. и нац. словарей. М.: Наука, 1958. 892 с. {KKRD – Karakalpak-Russian Dictionary / Edited by N.A. Baskakov. State Publishing House of foreign and nat. dictionaries. Moscow: Nauka, 1958. 892 p.}

ККТДС – Каракалпак тилинин тусиндирме созлиги. Нокис: Каракалпакстан, 1978. 403 б. {EDKKL – Explanatory Dictionary of the Karakalpak language. Nukus: Karakalpakstan, 1978. 403 p.}

МонгРС – Монгольско-русский словарь / под ред. Дувсэндэндэва. Гос. изд.-во иностр. и нац. словарей. М.: Наука, 1957. 785 с. {MongRD – Mongolian-Russian Dictionary / Edited by Duvsendendeva. State Publishing House of foreign and nat. dictionaries. Moscow: Science, 1957. 785 p.}

ТуркмРС – Туркменско-русский словарь / под ред. А.А. Пальмбаха. Гос. изд.-во иностр. и нац. словарей. М.: Наука, 1955. 723 с. {TurkmenRD –Turkmen-Russian Dictionary / Edited by A.A.Palmbach. State Publishing House of foreign and nat. dictionaries. Moscow: Nauka, 1955. 723 p.}

УзРС – Узбекско-русский словарь / под ред. А.К. Боровкова. Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. М.: Наука, 1959. 490 с. {UzRD – Uzbek-Russian Dictionary / Edited by A.K. Borovkov. State Publishing House of foreign and nat. dictionaries. Moscow: Science, 1959. 490 p.}

ЎХШЛ – Узбек халқ шевалар лугати. Тошкент: Фан, 1971. 407 б. {DUzFD – Dictionary of Uzbek Folk Dialects. Tashkent: Fan, 1971. 407 p.}

ЭСТЯ – Э.В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 467 с. {EDTL – E.V. Sevortyan. Etymological dictionary of Turkic languages (General Turkic and Inter-Turkic Vowels). M.: Science, 1974. 467 p.}

УДК 81

Д.Т. Ибрагимова, г. Карши

МОТИВАЦИЯ ЛИЧНЫХ ИМЁН В СТАНОВЛЕНИИ ИДИОМАМИ ИЛИ КОМПОНЕНТАМИ В ИДИОМАХ

В статье рассматриваются вопросы участия антропонимов в структуре идиом, этимология антропонимов, участвующих как компонент идиом, объекты и значения идиом, которые имеют антропонимы в своём составе и их функции в предложении.

Ключевые слова: *антропоним, идиома, этимология, презентуемый объект, имя нарицательное, структурный компонент.*

MOTIVE FOR PERSON'S NAME BECOMING AN IDIOM OR A COMPONENT OF AN IDIOM. *In this article it is discussed about the participation of anthroponyms in the structure of idioms, etymology of anthroponyms participating as one of the components of idioms, objects and meanings presented by idioms having an anthroponym as a component in its structure and their function in the sentence.*

Keywords: *anthroponym, idiom, etymology, presented object, common noun, structural component.*

Second half of the XXth century was quite successful and effective period for Etymology, it is related to the increase of researches in this sphere, creating new materials concerning it, preparing a number of etymological dictionaries and having them printed. Learning the process of formation and sources of vocabulary stock of language, the structure of componential vocabulary of old languages is the subject of Etymology. Words of a language get change according to certain models over time and this throw shade to the original form of a word. Relying on the materials of the sister languages an etymologist should restore that form and give the explanations on how the word has gained the current form. The branch of Etymology of Linguistics stands out with its complex research methods. The word (or stem) that Etymology should assign is connected with words (or stems) existing in the related languages, the stem which is considered the general root of the derivative will be found out in the result of removing the layers of historical changes and it will be assigned its original form and meaning.

There are idioms, phrases, phraseological units, sayings and proverbs in the English language system and its vocabulary is unique with its richness in phrases, phraseological units and idioms. And all of them have appeared according to social life and lifestyle of the nation and besides in their bottom essence attaching culture, morality and views characteristic to a nation, they carry these characteristics from time to time and from generation to generation.

An idiom is a combination of two or more words which function as a unit of meaning. Structural components of idioms existing in English consist of the words belonging to various parts of speech and these groups of words consisting one idiomatic unit turn into a means denoting one meaning and one object.

For example: a potato on the couch – lazy, sluggard, dawdle (Noun)

According to Ch. Fernando (1996) idioms can be grouped into three: pure idioms, semi-idioms and literal idioms.

The case of transformation of proper noun to common noun or another part of speech as an expressive means we can mainly see in the situations of their becoming components of idioms. For example:

"Benjamin of the family" – this idiom is used concerning to the youngest child in the family. *Benjamin* is from Hebrew name *Binyamin* meaning "son of the south" or "son of the right hand", from the roots *ben* meaning *son* and *yamin* meaning *right hand, south*. Benjamin in the Old Testament was the twelfth and youngest son of Jacob and the founder of the southern tribes of the Hebrews. When he was born he was originally named *Ben-oni* meaning "son of my sorrow" by his mother Rachel, who died shortly after childbirth, but it was later changed by his father. In the result of crusades *Benjamin* began to be used as a first name later it was used as a surname in England. Nowadays the name is used as *Ben, Benny, Benji* in current English. The anthroponym *Benjamin* came into general use after the Protestant Reformation. A famous bearer of this name was Benjamin Franklin (1706–1790), an American statesman, inventor, scientist and philosopher.

The etymological origin of the name of *Benjamin* consists of common nouns, we can see it one of the component in the structure of the idiom as a proper name and this combination of words is functioning as a unit of meaning that denotes basically the youngest and most favorite child in the family.

Among the idioms containing anthroponyms as structural components the idioms with the name of *Jack* numerically dominate. There are more than 24 idioms containing *Jack* as one of the components or at a certain degree the name itself is taken as an idiom.

The idiom of *to raise Jack* is translated into Uzbek as "to provoke conflict". Here we can see that the proper name *Jack* is equivalent of the word *conflict*.

Jack participates as an expressive means in the in structure of idioms more than other anthroponyms.

For example:

before you can say Jack Robinson – very quickly;

not know Jack – no nothing, being aware of nothing;

Example: *Mr. Jason claims to have a lot of programming experience, but I'm pretty sure he doesn't know Jack about databases.*

Jack-of-all-trades – A person with a wide variety of skills;

Example: *He's a* ***jack of all trades*** *– he'll fix your car and then come in and program your computer.*

Jack the Lad – A confident and not very serious young man who behaves as he wants to without thinking about other people;

Jack – a man;

Every man Jack – everybody;

Jack and Gill (Jill) – a boy and a girl;

Example: Every Jack has his Jill. A good Jack makes a good Jill. All shall be well, Jack shall have Jill.

Jack Blunt – a rude/ sharp, direct person;

Jack Frost – Snowman;

Jack Johnson – heavy gun/ large-caliber projectile;

Jack Horner – a playful boy;

Jack Ketch – an executioner;

Jack Presbyter – a pope;

Jack Sprat – a lilliputian, a dwarf;

Cheap Jack – a hawker, a peddler;

Jack in office – bureaucrats;

Jack out of office – an unemployed;

Jack of/on, o'/ both sides – a person who serves and for ours and for yours;

Jack at a pinch – a person who is ready to fulfill any task immediately;

United Jack – UK of Great Britain;

Union Jack – the flag of Great Britain;

The Black Jack – pirates' black flag;

Derived from *Jackin* (earlier *Jankin*), a medieval diminutive of *John*. It is often regarded as an independent name. During the Middle Ages it was very common and it became a slang word meaning "man" and becoming a component of the above – mentioned idioms it turns into one language unit with other words and denotes different kinds of people and things. Besides that, we can often see this anthroponym as the hero's name in the works and rhymes created for children including, "Jack and beanstalk", "Little Jack Horner", "Jack Sprat" and others.

Example: Jack and Jill went up the hill,
Jack fell down and broke his crown.
And Jill came tumbling after.

To conclude it can be said that in the article it was found out and analyzed the methods of linguistic occurrence of anthroponyms in English.

1. Learning the process of formation and sources of vocabulary stock of the language, the structure of componential vocabulary of old languages is the subject of Etymology.

2. A person's character, his behavior and his participation in historical events and occasions also may be a factor or motive for his name becoming an idiom or a component of an idiom.

Literature

Nurmonov A., Yo'ldoshev B. Tilshunoslik va tabiiy fanlar. Toshkent: Sharq, 2001. B. 72. {Nurmonov A., Yuldoshev B. Linguistics and natural sciences. Tashkent: Shark, 2001. P. 72.}

Charles Lucille Hoerr. "Drama in First-naming Ceremonies // Journal of American Folklore 64 (1951): 11–35. {Чарльз Люсилле Хорр. Драма в церемонии присвоения имён // Журнал американского фольклора. 1951. № 64. С. 11–35.}

Ellis A. and Beechley M. Emotional Disturbance in Children with Peculiar Given Names // Journal of Genetic Psychology 85 (1954): 337–339. {Эллис А. и Бикли М. Эмоциональное нарушение в детях со своеобразными именами // Журнал генетической психологии. 1954. № 85. С. 337–339.}

Feldman Harold. The Problem of Personal Names as a Universal Element in Culture // American Imago16 (1959): 237–250. {Фельдман Гарольд. Проблема личных имён как универсальный элемент в культуре // Американский образ. 1959. № 16. С. 237–250.}

Fernando Ch. Idioms and idiomaticity. Oxford: Oxford University Press, 1996. {Фернандо Ч. Идиомы и идиоматичность. Оксфорд: Изд-во Оксфордского ун-та, 1996.}

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ · БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.512:141

А.М. Ишеғолова, Өфө ҡ.

КҮРЕНЕКЛЕ ТЕЛСЕ-ЛЕКСИКОГРАФ, ДИАЛЕКТОЛОГ МИНДИЯР ИШБИРҘЕ УЛЫ ДИЛМӨХӘМӘТОВТЫҢ ТЫУЫУЫНА 80 ЙЫЛ ТУЛЫУҒА ҠАРАТА

Статья посвящается 80-летию известного башкирского языковеда-лексикографа, диалектолога Дильмухаметова Миндияра Ишбердиновича (1940–2011). В ней дается краткий обзор жизненного пути и научной деятельности языковеда.

***Ключевые слова**: Дильмухаметов М.И., башкирская лексикология, лексикография, диалектология, языковед.*

The article is dedicated to the 80th anniversary of the famous Bashkir linguist-lexicographer, dialectologist Dilmukhametov Mindiyar Ishberdinovich (1940-2011). It gives a brief overview of the life path and scientific activities of the linguist.

***Keywords**: Dilmukhametov M.I., Bashkir lexicology, lexicography, dialectology, linguist.*

Рәсәй фәндәр академияһы Өфө федераль тикшеренеү үҙәгенең Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты бына 90 йылға яҡын башҡорт халҡының байлығын – телен, әҙәбиәтен, тарихын, фольклорын – өйрәнә.

Башҡорт теленең диалектологияһы, башҡорт теленең һөйләштәре тигәндә һәр ваҡыт Институттың диалектология бүлеге күҙ алдына баҫа. Бына улар: Нәжибә Хәйерзаман ҡыҙы Мәҡсүтова, Сәриә Фазулла ҡыҙы Миржанова, Урал Фазулла улы Нәҙерғолов, Эрнст Файзрахман улы Ишбирҙин, Миндияр Ишбирҙе улы Дилмөхәмәтов, Рафаэль Ғәйнетдин улы Аҙнағолов, Сәнә Ғәфүр ҡыҙы Сабирйәнова, Ғәшүрә Ғәлибай ҡыҙы Гәрәева һ.б. Бик күп эштәр башҡарған улар.

Бөгөнгө һүҙем телсе-лексикограф, тәжрибәле диалектолог, филология фәндәре кандидаты Миндияр Ишбирҙе улы Дилмөхәмәтов хаҡында. Миндияр Ишбирҙе улы 1940 йылда Балаҡатай районының Яныбай ауылында тыуа. 1957 йылда Яныбай урта мәктәбен тамамлай. Бала сағы, үҫмер йылдары ауыр ваҡыттарға тура килеүгә ҡарамаҫтан, ул белемгә, ғилемгә ынтыла. 1961 йылда Башҡорт дәүләт университетының филология факультетының башҡорт-рус бүлегенә уҡырға инә. Студент йылдарында әҙәбиәт түңәрәгенә йөрөй, шиғырҙары баҫыла. Университетты тамамлағандан һуң, 1966–1968 йылдарҙа, Балаҡатай район гәзитендә редактор урынбаҫары, “Башҡортостан пионеры” гәзите хеҙмәткәре булып эшләй.

1969 йылдан Миндияр Ишбирҙе улының тормошо Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты һәм диалектология фәне менән бәйле. Диалектология фәне экспедицияларҙа, командировкаларҙа йөрөп материал йыйыуҙан тыш, шул төбәктә йәшәгән халыҡтың этник составын, тарихын һәм этнографияһын анализлау, әҙәби тел менән һөйләш үҙенсәлектәрен фонетика, морфология, лексика буйынса сағыштырып тикшереү, тел үҫешен яҡшы белеүҙе лә талап итә. Тимәк, диалектолог телсе генә түгел, тарихсы ла, этнограф та булырға тейеш.

Миндияр Ишбирҙе улы Дилмөхәмәтов үҙ эшенә яуаплы ҡарай. Аспирантураға уҡырға инә, ғалимдарыбыҙ менән бергә Башҡортостан райондарына һәм башҡорттар йәшәгән сит өлкә төбәктәренә экспедициялар, командировкаларға йөрөй, материал туплай. Ошо йыйылған материалдар нигеҙендә һөйләш өлгөләре, һүҙлектәр төҙөүҙә һәм мөхәррирләүҙә ҡатнаша. Мәҫәлән: өс томлыҡ «Башҡорт һөйләштәре һүҙлеге», ике томлыҡ «Башҡорт теле һүҙлеге», «Башҡортса-русса һүҙлек», «Башҡорт теленең диалектологик һүҙлеге», ике томлыҡ «Русса-башҡортса һүҙлек».

Бынан тыш ул ғилми хеҙмәт өҫтөндә ла уңышлы эшләй, 1980 йылда “Урта Урал башҡорттары һөйләше” темаһына кандидатлыҡ диссертацияһын яҡлай. Миндияр Ишбирҙе улының хеҙмәтендә Башҡортостан Республикаһы Мәсетле районының төньяҡ, сиктәш Свердловск өлкәһенең көньяҡ һәм Силәбе өлкәһенең көнбайыш өлөшөндә йәшәгән башҡорттарҙың һөйләш үҙенсәлектәре тикшерелә. Һөйләштәрҙең лексик, фонетик, морфологик үҙенсәлектәре башҡорт әҙәби теле һәм татар теленең ҡайһы бер һөйләштәре менән сағыштырылып бирелә [Отчет о научно-исследовательской деятельности отдела языкознания за 2005–2009 гг.].

Миндияр Ишбирҙе улы Дилмөхәмәтов башҡорт һөйләштәрен лингвогеографик өйрәнеүҙә һәм диалектологик атласты төҙөүҙә бик актив ҡатнаша. Билдәле ғалимә Н.Х. Мәҡсүтова етәкселегендә

Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты диалектологтары Н.Х. Ишбулатов, С.Ф. Миржанова, С.Ғ. Сабирйәнова, У.Ф. Нәҙерғолов, Ғ.Г. Гәрәйева менән берлектә республиканан тыш, башҡорттар йәшәгән бөтә региондарҙан (Ҡурған, Ырымбур, Һамар, Һарытау, Свердловск, Силәбе өлкәләренән) диалект материалдары йыялар. Быныҡ өсөн башта терәк пункттар билдәләнә, программа төҙөлә. Материал йыйлып бөткәндән һуң, карталар һыҙыла, уларға комментарийҙар һәм интерпретациялар бирелә [Отчет о научно-исследовательской деятельности отдела языкознания за 2005–2009 гг.].

Шулай уҡ Институтта үткәрелгән ғилми-практик конференцияларҙа сығыштар яһарға, коллегаларының хеҙмәттәренә баһалама, мәҡәләләр яҙырға ла өлгөрә ғалим. Уның “Ареальные исследования в языкознании и этнографии” (Уфа, 1985), “Особенности наклонения глагола в говоре среднеуральских башкир” (1985), “Словообразования существительных и прилагательных в говоре среднеуральских башкир” (1986), “Изоглоссы гласных А, Ә в башкирских говорах” (1986) һәм башҡа мәҡәләләре диалекталь күренештәр хаҡында ҡиммәтле материал бирә.

Миндияр Ишбирҙе улы Дилмөхәмәтовтың студент саҡтарынан уҡ шиғырҙары баҫылыуын беләбеҙ. Уның 1986 йылда “Сәскәле ялан” тип аталған шиғырҙар китабы донъя күрә. Миндияр ағайҙың күңел түренән сыҡҡан шиғырҙарын беҙгә тел ғилеме бүлеге ултырыштарында ишетергә насип булды.

Миндияр Ишбирҙе улы Дилмөхәмәтов – башҡорт әҙәби телен, уның диалекттарын яҡшы белгән, һәр һүҙгә, уның мәғәнәһенә, төҫмөрөнә иғтибарлы телсе ул. Ҙур тырышлыҡ, түҙемлек, иғтибар талап иткән эше Миндияр ағайға мул хеҙмәт емештәре килтерә. Уның ҡатнашлығында яҙылған хеҙмәттәр башҡорт тел ғилеменең үҫешенә ҙур өлөш индерҙе.

Әҙәбиәт

Башкирско-русский словарь / под ред. З.Г. Ураксина. М.: Дигора: Русский язык, 1996. 865 с. {Bashkir-Russian Dictionary / Ed. Z.G. Uraksin. M.: Digora: Russian language, 1996. 865 p.}

Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа, 2002. 432 с. {The dialectological dictionary of the Bashkir language. Ufa, 2002. 432 p.}

Диалектологический атлас башкирского языка / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой и др. Уфа: Гилем, 2005. 234 с. 169 карт. {The dialectological atlas of the Bashkir language / Ed. F.G. Hisamitdinova et al. Ufa: Gilem, 2005. 234 p. 169 maps.}

Дильмухаметов М.И. Говор среднеуральских башкир. Уфа: Гилем, 2005. {Dilmukhametov M.I. The talk of the Central Urals Bashkirs. Ufa: Gilem, 2005.}

Дильмухаметов М.И. Цветочная поляна. Стихи: [Для дошк. возраста.]. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. {Dilmukhametov M.I. Flower meadow. Poems: [For preschoolers. age.]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1986.}

Русско-башкирский словарь: в 2 т. / под ред. З.Г. Ураксина. Уфа : Башк. энцикл., 2005. Т. 1: А–О. 808 с., Т. 2: П–Я. 680 с. {Russian-Bashkir dictionary: in 2 volumes / Ed. Z.G. Uraksin. Ufa: Bashk. encycl., 2005. Vol. 1: A – O. 808 p., Vol. 2: П–Я. 680 p.}

Словарь башкирских говоров. Т. 1: (Восточный диалект) / ред.: Н.Х. Максютова, Н.Х. Ишбулатов. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат Управления по печати при Совете Министров БАССР, 1967. 300 с. {Dictionary of Bashkir dialects. T. 1: (Eastern dialect) / Ed.: N. Maksyutova, N. Ishbulatov. Ufa: Ufa Printing Plant of the Press Directorate under the Council of Ministers of the BASSR, 1967. 300 p.}

Словарь башкирских говоров. Т. 2: (Южный диалект) / ред. Н.Х. Максютова. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат Управления по печати при Совете Министров БАССР, 1970. 326 с. {Dictionary of Bashkir dialects. T. 2: (Southern dialect) / Ed. N. Maksyutova. Ufa: Ufa Polygraph Plant of the Press Directorate under the Council of Ministers of the BASSR, 1970. 326 p.}

Словарь башкирских говоров. Т. 3: (Западный диалект) / ред. Н.Х. Максютова. Уфа: Китап, 1987. 232 с. {Dictionary of Bashkir dialects. T. 3: (Western dialect) / Ed. N. Maksyutova. Ufa: Kitap, 1987. 232 p.}

Словарь башкирского языка : в 2 т. / ред. А.Г. Биишев и др. М. : Рус. яз., 1993. Т. 1 : А–М. 861 с.; Т. 2 : Н–Я. 814 с. {Dictionary of the Bashkir language: in 2 volumes / Ed. A. Biishev et al. M.: Rus. Yaz., 1993. T. 1: A – M. 861 p.; T. 2: Н–Я. 814 p.}

УДК 81+811.512.141

Л.К. Ишкильдина, г. Уфа

ИССЛЕДОВАНИЯ Ф.Г. ХИСАМИТДИНОВОЙ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ

В данной статье анализируются работы доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента АН РБ Ф.Г. Хисамитдиновой в области фонетики башкирского языка. Среди них в частности ее кандидатская диссертация, которая была посвящена истории консонантных сочетаний «сонорный + глухой смычный». Данное фонетическое сочетание в башкирском языке имеет общность с языком древнетюркских и древнеуйгурских памятников и считается архаическим явлением.

Ключевые слова: *Ф.Г. Хисамитдинова, фонетика, консонантные сочетания, история языка, экспериментальная фонетика.*

F.G. KHISAMITDINOVA'S RESEARCH IN THE FIELD OF PHONETICS*. This article analyzes the work of Ph. D., professor, and corresponding member of Bashkortostan academy of Sciences F. G. Khisamitdinova in the field of phonetics of the Bashkir language. In particular we mean here PhD thesis, which was devoted to the history of consonant combinations "sonorous + voiceless consonsnt". This phonetic combination in the Bashkir language has much in common with the language of ancient Turkic and ancient Uighur monuments and is considered to be an archaic phenomenon.*

Keywords*: F.G. Khisamitdinova, phonetics, consonant combinations, language history, experimental phonetics.*

Первые научные работы Ф.Г. Хисамитдиновой посвящены исследованию фонетики башкирского языка. Еще будучи студенткой, она пишет статьи о консонантных сочетаниях в башкирском языке. Позднее это стало темой ее кандидатской диссертации «Консонантные сочетания башкирского языка типа "сонорный + глухой смычный" в историческом освещении» (М., 1980). Это исследование в 1989 г. вышло отдельной книгой под названием «История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике» (Уфа, 1989). В указанной работе Ф.Г. Хисамитдиновой подробно рассматриваются реликтовые фонетические сочетания *лт, мт, нт, рт, нк, ңк*, которые сохраняются в башкирском языке.

Диссимилятивное сочетание фонем («сонорный + глухой смычный») является древним фонетическим явлением, так как фиксируется еще в орхоно-енисейских, древнеуйгурских и древнебулгарских памятниках, а также существует в других тюркских языках (алтайском, саларском, сибирско-татарском, хакасском, шорском, чувашском, якутском и др.).

В башкирском языке «сочетания *лт, нт, рт, нк, ңк* систематически употребляются в среднем, караидельском, спорадически наблюдаются в таныпском, гайнинском, в ряде слов ялан-катайского подговора аргаяшского, карагай-кипчакского подговора кызыльского, в верхнебельском подговоре миасского, в говоре среднеуральских и части бурзянских башкир» [Хисамитдинова, 1989, 9]. Примеры: лит. *унда* 'там' – сред., караид. *анта*, лит. *алдыр* 'большая деревянная чаша' – сред. *алтыр*, лит. *балдыҙ* 'свояченица; шурин' – сред., караид. *балтыҙ*, лит. *ямғыр* 'дождь' – средн. *ямҡыр*, лит. *диңгеҙ* 'море' – караид. *тиңкес*, лит. *аңҡы-тиңке булыу* 'быть не в себе, обалдеть' – гайн., танып. *тиңке-миңке булыу* и т. д. Данное явление существует, как указывает исследователь, и в литературном языке: *бал**т**ырған* 'борщевик', *е**мт**ек* 'мертвечина, падаль', *йоғо**нт**о* 'влияние', *ҡыҫы**ңк**ы* 'тесный', *и**ңк**еш* 'шмель' и т. д.

Ввиду отсутствия древних письменных памятников башкирского языка Ф.Г. Хисамитдинова проводит исследование в основном на диалектном материале. Ею рассматриваются указанные консонантные сочетания в неразложимых (корневых) и разложимых (на стыке морфем) основах. Разложимые основы включают в себя словообразовательные и словоизменительные аффиксы. Очень продуктивны следующие словообразовательные форманты: *-таш/ -тәш* (*ҡарынташ* 'младшая сестра', *юлташ* 'спутник'), *-таҡ /-тәк* (*ҡорҡолтаҡ* 'хронический кашель', *тәзелтәк* 'ворчун'), *-тыҡ / -тек* (*ҡалтыҡ* 'остаток', *ышантыҡ* 'вера, доверие', *йыуынтыҡ* 'помои'), *-ҡы /-ке* (*бороңҡо* 'древний', *ҡараңҡы* 'темный', *иртәңке* 'утренний'), *-мтыҡ/ -мтек* (*иләмтек* 'отруби', *йарымтыҡ* 'мифическое существо') и др.

В области словоизменительных аффиксов примечательно то, что в среднем говоре южного диалекта в ряде слов наблюдаются окончания множественного числа на глухой «т», хотя для южных

говоров характерно окончания *-нар /-нәр* и *-лар /-ләр*: *вагунтар* ‘вагон’, *думтар* ‘дома’, *көнтәр* ‘дни’. «По всей вероятности, форма множественного числа на *-тар/ -тәр* в среднем говоре появилась или под влиянием контактирующего восточного диалекта, или возникла самостоятельно в результате оглушения ассимилятивных вариантов» [Хисамитдинова, 1989, 27–28].

Диссимилятивные сочетания в основном характерны среднему и караидельскому говорам. Ввиду того, что в этих двух говорах нет оппозиции по звонкости и глухости согласных, предполагается корелляция по силе и слабости артикуляции звуков.

Генезис данного архаического явления Ф.Г. Хисамитдинова связывает с родоплеменным составом носителей говоров. На среднем говоре разговаривают башкиры племен *катай* и *табын*. Носителем караидельского говора является племя *ун*. «Унларцы были сеседями западных табынцев. По всей вероятности, территориальная близость была обусловлена генетической общностью» [Хисамитдинова, 1989]. Опираясь на работы Р.Г. Кузеева, автор пишет, что указанные племена – выходцы из Центральной Азии и Южной Сибири и они обнаруживают генетические связи с древними уйгурами. В древнеуйгурском также существовало сочетание сонантов и глухих смычных, которое фиксируется в древнеуйгурских памятниках и современном языке сары уйгуров.

Ф.Г. Хисамитдинова пишет, что явление сочетания «сонорный + глухой смычный» объединяет тюркские языки с алтайскими и уральскими языками, так как обнаруживается в монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских и финно-угорских языках.

Еще одним ярким фонетическим явлением, на которое обратила внимание Ф.Г. Хисамитдинова, является фарингализованность заднерядной фонемы [а]: «Можно констатировать, что при произнесении ***а*** корень языка отходит назад и, приподнимаясь, сближается с мускулами глотки, при этом гортань отходит вниз, и звук произносится гораздо глубже, ниже и дольше, чем ***а*** литературного языка, то есть это настоящий фарингальный (*авт*. фарингализованный) звук с особым глоточным звучанием» [Хисамитдинова, 1986, 46–47].

Фарингализованный аллафон фонемы [а] употребляется в кубалякском говоре, инзерском подговоре среднего и сакмар-сурянской зоне ик-сакмарского говоров. Наиболее четко глоточное звучание ***а*** проявляется в односложных основах: *аъқ* ‘белый’, *аънт* ‘клятва’, *қаън* ‘кровь’, *таъл* ‘ива’; в первом слоге многосложных основ: *аъқай/аъғай* ‘брат, дядя’, *аърыш* ‘рожь’, *баъқта* ‘весенняя линька’, *қаъты* ‘твердый’, *баъла/ паъла* ‘дитя’, *қаълақ* ‘ложка’, *наъуыт* ‘посуда’, *таъбақ* ‘чашка’ [Хисамитдинова, 1986, 47]. Употребление фарингализованного варианта фонемы ***а*** в среднем и кубалякском говорах Ф.Г. Хисамитдинова связывает с особым строем системы смычных данных говоров: корреляции по силе и слабости (а не по звонкости/ глухости), а также наличием придыхания. Необходимо заметить, что это древнее фонетическое явление сохраняется в отдельных населенных пунктах восточного и южного диалектов, в основном в речи старшего поколения.

Первые экспериментальные исследования по фонетике башкирского языка также связаны с именем профессора Ф.Г. Хисамитдиновой. По ее инициативе в 2010 г. начались экспериментальные исследования башкирского языка методом магнитно-резонансного томографирования (МРТ-метод). Будучи директором Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра (УНЦ) РАН (ныне ИИЯЛ УФИЦ РАН), Ф.Г. Хисамитдинова организовала сотрудничество с Лабораторией экспериментальной фонетики Института филологии Сибирского Отделения РАН (г. Новосибирск). Результатом сотрудничества явилось издание серии «Атласов...» (2012, 2013, 2014) по согласным звукам 3-х диалектов башкирского языка под руководством ученого-экспериментатора Н.С. Уртегешева.

Еще одной проблемой в области исторической фонетики, которую затрагивает Ф.Г. Хисамитдинова, является булгаро-башкирские этнолингвистические связи. Вслед за Т.М. Гариповым, Н.И. Егоровым и другими Ф.Г. Хисамитдинова считает, что редукция праязыковых узких и последующее сужение широких гласных в урало-поволжских тюркских языках (башкирский, татарский, чувашский) произошло под влиянием булгарского субстрата. «Если учесть, что в составе башкир, по данным Р.Г. Кузеева, представлен значительный булгарский компонент, то в формировании вокалической системы башкирских диалектов и говоров, безусловно, участвовал и язык булгарских племен» [Хисамитдинова, 2016, 119]. Она также отмечает, что фонетические особенности, характерные для булгарской языковой группы, нашли отражения в топонимии Башкортостана. Например, следующие гидронимы имеют явно булгарскую этимологию – *Ур, Урды, Урда, Ургазы, Уран, Кундур, Шар, Шаркуль, Акшар, Варьяз, Барьязы, Шиле, Шизе* и т. д. [см. Хисамитдинова, 1985, 175–176].

Исследования Ф.Г. Хисамитдиновой в области исторической фонетики были продолжены ее учениками и защищены в виде кандидатских диссертаций: Л.К. Ишкильдина «Историческое развитие

консонантизма башкирского языка (на материале диалектов)» (2013), М.Р. Валиева «Проблема булгарского влияния на развитие башкирского языка» (2016).

Таким образом, в данной статье было рассмотрено лишь одно направление в многогранной деятельности профессора Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой – историческая фонетика башкирского языка. Ее работы по истории языка не потеряли актуальности и являются ценным материалом для специалистов в области фонетики, а идеи продолжают разрабатываться в исследованиях ее учеников.

Литература

Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г., Ишкильдина Л.К. Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 104 с. {Urtegeshev N.S., Khisamitdinova F.G., Ishkildina L.K. Atlas of articulatory settings of consonants of the Eastern dialect of the Bashkir language. Ufa: IIAL URC, RAS, 2012. 104 p.}

Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г., Ишкильдина Л.К. Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 116 с. {Urtegeshev N.S, Khisamitdinova F.G., Ishkildina L.K. Atlas of articulatory settings of consonants in the North-Western dialect of the Bashkir language. Ufa: IIAL URC, RAS, 2014. 116 p.}

Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г. Атлас артикуляторных настроек согласных южного диалекта башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. 108 с. {Urtegeshev N.S., Khisamitdinova F.G. Atlas of articulatory settings of consonants of the southern dialect of the Bashkir language. Ufa: IIAL URC, RAS, 2013. 108 p.}

Хисамитдинова Ф.Г. Избранные труды. Фонетика. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. 380 с. {Khisamitdinova F.G. Selected works. Phonetics. Ufa: IIAL URC, RAS, 2017. 380 p.}

Хисамитдинова Ф.Г. История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике: учеб. пособ. Уфа: Башк. пед.-т, 1989. 84 с. {Khisamitdinova F.G. History of the Bashkir language: Materials on historical phonetics: Manual. Ufa, 1989. 84 p.}

Хисамитдинова Ф.Г. К ареальной характеристике названий с булгарскими чертами в топонимии Башкирии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985. С. 175–176. {Khisamitdinova F.G. On the areal characteristics of place names with Bulgarian features in the toponymy of Bashkiria // Areal studies in linguistics and Ethnography. Ufa, 1985. P. 175–176.}

Хисамитдинова Ф.Г. К вопросу о реликтовых звукосочетаниях, сохранившихся в лексике башкирского языка на материале среднего говора // Советская тюркология. 1974. № 5. С. 13–14 (в соавт.). {Khisamitdinova F.G. (et al.) On relic sound combinations, preserved in the lexicon of the Bashkir language (on the material of the middle dialect) // Soviet Turkology. 1974. No. 5. P. 13–14.}

Хисамитдинова Ф.Г. О фарингализованном заднеязычном *а* в башкирском языке // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение АН СССР, 1986. С. 46–49. {Khisamitdinova F.G. On the pharyngalized back-lingual *a* in the Bashkir language // Phonetics of the languages of Siberia and neighboring regions. Novosibirsk: Nauka, Siberian branch of the USSR Academy of Sciences, 1986. P. 46–49.}

Хисамитдинова Ф.Г. Язык и письменность // Башкиры. М.: Наука, 2016. С. 115–129. {Khisamitdinova F.G. Language and writing // The Bashkirs. Moscow: Nauka, 2016. P. 115–129.}

УДК 811.512.111’37

Л.В. Коротаева, г. Стерлитамак

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРА ЧУВАШСКИХ СЕЛ ШАРАНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Статья представляет собой исследование диалектной лексики коренных жителей чувашских деревень и сел Дюртюли, Укияз, Наратасты, Новоюмашево, Михайловка Шаранского района Республики Башкортостан. Язык чувашей этих населенных пунктов испытал сильное влияние со стороны татарского языка. Собран лексический материал, который оформлен в виде словаря в алфавитном порядке. Диалектизмы представлены в сравнительно-сопоставительном аспекте. Работа представляет интерес для воссоздания языковой картины исторического прошлого чувашских населенных пунктов Шаранского района Республики Башкортостан.

***Ключевые слова**: говор, чувашский язык, диалектизмы, ареал, татарский язык, башкирский язык, чувашский язык, Шаранский район.*

***DIALECTIC LEXICS OF CHUVASH VILLAGES OF THE SHARAN DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN**. The article is a study of dialect vocabulary and their detailed description from the living speech of the indigenous inhabitants of the Chuvash villages and villages of Dyurtyuli, Ukiyaz, Naratasty, Novoyumashevo, Mikhailovka, in Sharansky district of the Republic of Bashkortostan. The language of the Chuvashes of these settlements was strongly influenced by the Tatar language. The lexical material is collected, which is arranged in the form of a dictionary in alphabetical order. Dialectisms are presented in comparative aspect. The work is of interest for reconstructing the linguistic picture of the historical past of the Chuvash settlements of the Sharansky district of the Republic of Bashkortostan.*

***Keywords:** dialect, Chuvash language, dialectisms, range, Tatar language, Bashkir language, Chuvash language, Sharansky district.*

Говоры чувашей Республики Башкортостан имеют свои особенности. Взаимное культурное влияние чувашей, татар и башкир огромно. Языковые факты дают показательные примеры контактной жизни и взаимного культурного влияния этих народов. Лексические проникновения охватывают все языковые уровни.

Диалектные слова, обозначающие действия и состояния предметов, весьма многочисленны в говоре чувашей Шаранского района: *ăша* – лит. *пек, евĕрлĕ; пĕр сăнлă* «походить, быть похожим (на кого-что-либо)» (< тат., *охша-*, башк. *окша-* «быть похожим, подобным»): Хĕр ашшине, малай амăшне *ăшасан* păскаллă пулат теç пирĕн пинче (У нас говорят: если дочь похожа на отца, а мальчик – на мать, будут счастливы) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Укияз, Наратасты, Новоюмашево.

Кăтăр – лит. *тарăх* (< тат. *котырыну*, башк. *ҡотороу*) «бесноваться»: Пăх-ка эс уна, *кăтăрса* кайрĕ (Смотри-ка на него, беснуется) (Шар.: Наратасты); Шар.: Укияз, Михайловка.

Кĕнлеш – лит. *кӳлеш* (< тат. *кенләшү*) «ревновать»: Коля, арăмĕ урăх арçынпа калаçса тăнине курсан *кĕнлеше* пуçлат (Коля, когда его жена разговаривает с другим мужчиной, ревнует) (Шар.: Наратасты); Шар.: Укияз.

Окăр – лит. *кăшкăр* (< тат. *акыру*, башк. *аҡырыу*) «кричать»: Мĕн эс ман çине *окăран?* (Почему ты на меня кричишь?) (Шар.: Дюртюли).

Пăçран – лит. *варлан, пылчăклан* (< тат. *пычрату* «испачкать», башк. *бысраныу*) «испачкаться»: Шăллăм тулта выляса *пăçранса* пĕтрĕ (Братишка на улице испачкался) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Укияз, Наратасты, Три Ключа.

Рехетлен – лит. *килен* (< тат. *рәхәтләнү*) «наслаждаться»: Пӳере ачасем *рехетленсе* кĕчĕç (В пруду дети с удовольствием купались) (Шар.: Наратасты); Шар.: Дюртюли, Укияз, Три Ключа.

Те[ӳ]ерет – лит. *кустар, йăвала, йăвантар* (< тат. *тегерәтү*, башк. *тәгәрәтеү*) «катать»: Çерем çине çăмарта *техеретме*, выляма тухаттăмăрччĕ (На лугу яйца катали, играли) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Укияз, Наратасты.

Уйла – лит. шухăшла (< тат., башк. *уйлау*) «думать»: *Уйларăм-уйларăм* сан пекех туас терăм (Подумала-подумала, решила сделать так же, как ты) (Шар.: Наратасты); Шар.: Дюртюли, Укияз.

Ӳрмеле – лит. *упален* (< тат., башк. *үрмәләү*) «ползти на четвереньках, ползать»: Усен ачи *ӳрмеле* пуҫланӑ (У них ребенок начал ползать) (Шар.: Три Ключа); Шар.: Укияз, Наратасты, Дюртюли.

Чистарт – лит. *тасат* (< тат. *чистарту*) «чистить»: Çимӗк умӗн пӳрт-çурта *чистартнӑ,* килӳартне шӑлса тухнӑ, мунча хутса кӗнӗ (Перед Троицей дома убирались, топили баню) (Шар.: Дюртюли).

Шаян – лит. *шӳтле* (< тат. *шаяру*, башк. *шаярыу*) «шутить, шалить» (Шар.: Кучуково).

Шортлат – лит. *сиктер, сирпӗт* (< тат. *шартлату*, башк. *шартлатыу*) «взорвать»: Пӳрте *шортлаттарса* ан яр (Не взорви дом) (Шар.: Дюртюли).

Имена существительные: *зӑйа<u>н</u>* – лит. *сиен, сӑтӑр* (< тат. *зыян*, башк. *зыян*) «вред, убыток, ущерб»: Жуксем улмасене *зӑйан* кӳреççӗ (Жуки вредят картошке) (Шар.: Дюртюли).

Левче – лит. *ланкашка, лупашка, кӳлленчӗк* (< тат. *лыч* «сырой») «лужа» (Шар.: Три Ключа).

Марта – лит. *вӗлле* «улей» (< тат. *умарта* «улей», башк. *умарта* «тж.»); мар. *омарталык* «пасека, пчельник» (Шар.: Три Ключа).

Пейрем – лит. *уяв* «праздник» (< тат. *бәйрәм*, башк. *байрам*): Кашни кун *пейрем* пулмас, улма пахчине çӑмлама тухмалла (Каждый день не бывает праздника, надо и в огороде работать) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Укияз, Наратасты .

Рисӑк – лит. *шӑпа, ӑраскал, кун-çул, пӳрни* (< тат. *ризык,* башк. *рызык* «продукт, пища, пропитание») «судьба, доля»: *Рисӑк* пулсан ку çул çӗнӗ пӳрте куçаппӑр (Если судьба, то в этом году должны перейти в новый дом) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Наратасты, Укияз.

Сӑткӑ – лит. *вӗт шатра* «прыщ», *пӳрлешке* «угорь» (< тат. *сыткы* «прыщ, угорь», башк. *һыткы* «угорь (на лице)»; мар. *сытке* «прыщ, угорь») (Шар.: Три Ключа).

Сӑян – лит. *сиен, сӑтӑр* «вред» (ср. тат., башк. *зыян* «вред, помеха», «убыток, ущерб, урон, убыток, невыгода») (Шар.: Три Ключа).

Тӑвайкки – лит. *чӑнкӑ, сакӑлта* (< тат., башк. *тау*) «гора»: Тӗкке *тӑвайкки* çине кӗçке лӑхрӑмӑр (На крутую гору еле поднялись) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Наратасты, Укияз.

Тӑвӑ<u>ç</u> – лит. *Тури кас* «верхняя часть улицы»: Пирӗн ялти пайсем: Анат вӗçӗ, *Тӑвӑç*, Типпар, Çӳелти урам (На нашей улице части: Тавас, Типпар, Верхняя улица) (Шар.: Дюртюли).

Тор – лит. тар «пот»: Пит тӑрӑх *тор* юхать (По лицу течет пот) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Наратасты.

Файт<u>а</u> – лит. *хӑвайта* (< тат. *файда,* башк. *файҙа*) «польза, выгода»: Ку япалан пӗр те *файти* çук (От этой вещи никакой пользы нет) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Укияз, Наратасты, Рождественка.

Чӑккӑр – лит. *çырма, тип çырма, тип вар* (< тат. *чокыр*) «овраг»: Тихенек *чӑккӑрӗ* тесе каланӑ, мӗншӗн тесен ку вырӑнта ялан тихенек ӳснӗ (Назвали «Овраг репейника», потому что здесь росли репейники) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Укияз, Наратасты.

Наречия: *г<u>е</u>л* – лит. *ялан, пӗрмай* (< тат. *гел*, башк. *гел*) «всегда»: *Гел* вӑл вӑрах тӑхӑнат (Всегда долго одевается) (Шар.: Дюртюли).

Кӗçк<u>е</u> – лит. *аран, аран-аран* (< тат. *көчкә*, башк. *көскә*) «кое-как, едва, насилу, с трудом»: *Кӗçке* сирӑн питне килсе çитрӗм (До вас кое-как дошла) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Наратасты, Укияз, Михайловка.

Кин<u>е</u>т – лит. *сасартӑк, ӑнсӑртран* (< тат., башк. *кинәт*) «вдруг, внезапно, неожиданно»: *Кинет* çӑмӑр çума пуçларӗ (Неожиданно начался дождь) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Наратасты, Укияз, Кучук.

Хас<u>ӑ</u>р – лит. *халӗ, халь, çак самантра* (< тат. *хәзер,* башк. *хәҙер*) «теперь, сейчас, сию минуту»: *Хасӑр* ӗнтӗ эс пӗчӗк мар, хӑв уйламалла мӗн кирлӗ сана (Ты сейчас не маленькая, сама должна понимать, что тебе надо) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Наратасты, Укияз.

Эр<u>е</u>м – лит. *ахаль, кӑлӑха, нехекрен* (< тат., башк. *әрәм*) «пустая трата, зря, напрасно» (Шар.: Дюртюли); Шар.: Наратасты, Укияз.

Прилагательные: *пӑçр<u>а</u>к* – лит. *таса мар, хура, пылчӑклӑ* (< тат. *пычрак*, башк. *быҫрағ*) «грязно, грязный, грязь»: *Пӑçрак* аллусемпе сӗтел хушшине ан лар (Руки грязные – за стол не садись) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Наратасты, Укияз, Три Ключа.

Пелекей – лит. *пӗчӗк, пӗчӗккӗ, пӗчӗкçӗ* (< тат. *бәләкәй*, башк. *бәләкәй*) «маленький, малый, небольшой»: Эпир *пелеккей* чухне мункуна савӑнса кӗтсе илеттӗмӗрччӗ (Мы в детстве с радостью ждали Пасху) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Наратасты, Укияз.

Сорлаӳ<u>а</u> – лит. *сарлака* «широкий»: Сирӗн ялурта урамсем *сорлаӳа* (У вас в деревне улицы широкие) (Шар.: Дюртюли).

Тӳхерек – лит. *çаврака* (< тат. *түгәрәк*, башк. *түңәрәк*) «круг»: Куӳӑль чустине анне çӑмӑллӑн кӑна туатчӗ: çӑнӑха тӑварланӑ ӑшӑ шывра çӑратчӗ. Чустине çинçе туса саратчӗ. *Тӳхерексен* туса

касатчĕ. Ăшне валли вак тураса улма, кохай, сухан (Тесто для пирога мама делала простым способом: тесто месила в подсоленой воде. Тесто получалось тонким. Делала кружочки. Начинку готовила из картошки, мяса, лука) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Наратасты, Укияз.

Тĕкке – лит. *чăнкă, сакăлта* (< тат., башк. *текә*) «крутой»: *Тĕкке* тăвайкки çине кĕçке лăхрăмăр (На крутую гору еле забрались) (Шар.: Дюртюли); Шар.: Наратасты, Укияз.

Шăма – лит. *яка* (< тат. *шома*, башк. *шыма*) «гладкий»: Сĕтел çийĕ *шăма* (Шар.: Дюртюли); Шар.: Укияз, Наратасты, Три Ключа.

Эйпет – лит. *лайăх, аван* (< тат. *әйбәт*, башк. *һәйбәт*) «хороший, славный, милый»: Мункун *эйпет* иртсе кайрĕ (Пасху отметили хорошо); (Шар.:Наратасты); Шар.: Дюртюли, Укияз, Три Ключа, Кучук.

Влияние татарского языка наблюдается и в фонетической системе. Например, вместо литературных слов *ăçта* «где»*, хăçан* «когда»*, хăшĕ* «который» произносят *кăçта, кăçан, кăшĕ,* (ср. с татарским языком *кайда, кайчан, кайсы*). Здесь наблюдается соответствие звуков *к//х* и вставка звука *к* в начале слова.

В Шаранском районе встречаются населенные пункты со смешанным национальным составом, где отмечается особо сильное влияние со стороны татарского языка. Так процесс татарско-чувашской языковой интерференции и синкретизации завершился полной ассимиляцией чувашей села Базгиево Шаранского района. Сейчас жители этого населенного пункта считают себя чувашами, однако языком не владеют. В деревнях Дюртюли, Укияз, Наратасты старшее поколение свободно владеет как чувашским, так и татарским языками. В словарном составе чувашского языка имеется большое количество заимствованных слов из русского языка. Это результат взаимных контактов чувашей и русских с древнейших времен.

Таким образом, в данной статье нами рассмотрены лексические инновации, которые реализуются в форме заимствований в зонах межъязыковых контактов. Территориальная смежность чувашского, татарского, башкирского языков обусловливала их непрерывное лексическое взаимодействие, что нашло отражение в башкирских и татарских заимствованиях в чувашском языке. Все лексические заимствования в статье рассмотрены с точки зрения ареальной распространенности. В исследовании выявлено, что одни лексические проникновения являются достоянием всего чувашского языка, а другие локализованы в узко ограниченном ареале.

Условные сокращения

Башк. – башкирский; лит. – литературный; тат. – татарский; Шар. – Шаранский район.

Литература

Ахвандерова А.Д., Коротаева Л.В. Диалектная лексика, обозначающая действия и состояния предметов, в говорах чувашского языка Республики Башкортостан // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2018. 3 (99). С. 26–30. {Akhvanderova A.D., Korotaeva L.V. Dialectal vocabulary denoting the actions and states of objects in the dialects of the Chuvash language of the Republic of Bashkortostan // Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after AND I. Yakovleva. 2018.3 (99). P. 26–30.}

Власова Л.В. Фонетическая и лексическая системы говоров приуральских чувашей Башкортостана. Опыт сравнительно-исторического анализа. Стерлитамак: Гос. пед. акад., 2009. 244 с. {Vlasova L.V. Phonetic and lexical systems of dialects of the Ural Chuvash of Bashkortostan. The experience of comparative historical analysis. Sterlitamak: State Pedagogical Academy of Sciences, 2009. 244 p.}

Коротаева Л.В., Ботвинева Е.А. Систематизация лексических диалектизмов чувашей Шаранского района Республики Башкортостан по лексико-семантическим группам // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2017. 4 (96). С. 31–37. {Korotaeva L.V., Botvineva E.A. Systematization of the lexical dialectisms of the Chuvashes of the Sharansky region of the Republic of Bashkortostan by lexical-semantic groups // Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after AND I. Yakovleva. 2017. 4 (96). P. 31–37.}

УДК 81 ‘367

Г.К. Кдырбаева, г. Нукус

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОСОБЫЙ ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматриваются некоторые метафоры каракалпакского языка, которые в языковой картине мира вербализируют лингвистические мифы. Автором исследуются метафоры, получившие распространение в обыденном сознании каракалпаков. Метафоры являются основными идентификаторами, которые вербализируют концептосферу «человек / адам». Соответствующие метафоры следует понимать как метафорические понятия (концепты).

***Ключевые слова**: лингвистика, мифология, концептосфера, научное сознание, языковое сознание, национальная картина мира, метафора.*

***MYTHOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD AS A SPECIAL ELEMENT OF A NATIONAL PICTURE OF THE WORLD**. The article discusses some metaphors of the Karakalpak language, which verbalize linguistic myths in the linguistic picture of the world. The author explores metaphors that are widely spread in the ordinary consciousness of Karakalpaks. Metaphors are the main identifiers that verbalize the conceptual sphere “man / adam”, the corresponding metaphors should be understood as metaphorical notions (concepts).*

***Keywords:** linguistics, mythology, conceptual sphere, scientific consciousness, linguistic consciousness, national picture of the world, metaphor.*

Национально-культурное развитие народа на каждом этапе жизни опирается на мифы, так как они и являлись основными источниками жизни и поиска для человека смысла и ценности жизни. Миф в сознании человека – «пазл» для построения целостности картины мира, способной обобщить эмпирический опыт и дополнить его ограниченность.

Немаловажную роль играет миф в национально-культурной жизни этноса и несет в себе важную этническую информацию, становясь частью традиции. Мифологическое мышление – преимущественно образное мышление и именно потому отличается метафоричностью и символизмом. В семиотике символ рассматривается как образ, сохраняющий внешнее подобие с символизируемым объектом или определенным его свойством. В этом его отличие от знака, в котором это сходство означающего и означаемого отсутствует.

М.М. Маковский отмечает, что национальная картина мира (языковая картина мира) представляет человека через призму его культуры, в частности языка. Именно метафора является своеобразной «картиной мира», неодинаковой у носителей различных культур или одной же культуры в отдельные исторические периоды. По своему происхождению каждая метафора является, в сущности маленьким мифом [Маковский, 1996, 16]. Ф. Ницше отмечал, что язык состоит исключительно из метафор, собранное создание которых является основополагающим инстинктом человека, хотя он и не осознает метафорические свойства, но затем снова подвергнется метафорическим преобразованиям, которые нередко не сходны с первоначальными [Ницше, 1993].

В каракалпакской литературе поэт и писатель И. Юсупов в своей поэме «Гилемши ҳаял ҳаққында хақыйқатлық» (Правда, о женщине ткачихе) мастерски играл метафорами и часто употреблял их в поэме. Метафорические обозначения автора репрезентируют своеобразный стиль описания человеческого бытия, и когнитивная карта строится с помощью структурного источника, например: *Илип жаслай қалын малдын қармағы, Қазан урған гулдей солып шырайы (141 стр.).*

В данном примере «с малых лет быть на крючке калына (выкупа)» метафора «быть на крючке выкупа» обозначает, что каждую девушку выкупают, и все они бывают на крючке «калына», в данном примере невозможно увидеть вербализаторов исследуемой концептосферы, но в понятийной форме можно увидеть метафорическое значение.

Дәртлер ине таба алмай дәрманың,
Сола берди, сөйтип, өнер еркеси (134 стр.).

«Не найдя лекарство от недуга, увядает мастерица неженка» здесь автор употребляет словосочетание «өнереркесиниңсолыуы», и слово «солыу» передает метафорическое значение «выбиться из сил, увядать, уставать».

Батсын күни қалын малдың, шәрияттың.
Жете рбизди сур жыланның шаққаны. (143 стр.)

В примере говорится, что «из-за калына (выкупа) кусают змей со всех сторон, долой выкупу», строки ярко выражают метафорическую картину, «сур жылан» означает «враг».

В поэме можно встретить многочисленное количество метафор, вербализирующих концептосферу «адам» идентификаторами данной концептосферы.

Сол мәҳәлде шырп етип оқжылан,
Байғус ылақ жерди сүзип қулады.(141 стр.).

Из вышеприведенных примеров можно отметить, что «оқжылан» (змея), «суўышқы» (страсть к воде) являются метафорами.

В поэме метафорические образования в большинстве случаев вербализируют концепт «женщина». В основном описывается данный концепт в сознании туркменов: тяжелая жизнь туркменских женщин, безответная любовь, заветная любовь: *Мал басқылап мухаббеттин гуллерин, Сынды толмай жас өмирдиң кесеси. (126 стр.) / Звери растоптали цветки любви, Сломали незаполненную молодую чашу жизни; Питти, сөйтип, гилемлердиң патшасы, Алты қанат үйдин ишин орап тур. (128 стр.) / И так готово царь ковров, Покрыта весь, юрта на шесть крыльев.*

В данном примере раскрывается концепт «патша» (царь), являющийся идентификатором концептосферы «адам» (человек). Он в данном примере употребляется как самый лучший, самый дорогой ковёр. Но можно сказать, что он входит в дальнюю периферию понятийных значений «патша»(царь) и «глем»(ковер) в национально-языковой картине мира каракалпакского языка.

Метафорическое обозначение в языковой картине узбекского, туркменского, каракалпакского языков имеет ряд зооморфизмов, передающих физические данные человека с идентификаторами концептосферы «адам».

В национальной языковой картине мира каракалпакского языка человек глашатай плохих вестей и предатель описывался с помощью зооморфемы «сорока»; хитрый человек – лиса; человек разиня, ротозей – верблюд, кроме того, неприятные, плохие люди сравнивались с сорокой: *ҳәккедей шық-шықлап* ‘ворчать, как сорока’.

В каракалпакской национальной картине мира употребление зоометафор можно разделить по гендерным определениям, и многие из выбранных материалов вербализируют концепт «женщина»: *жылан* ‘змея’ – это коварная, холодная женщина, о которой говорят *жыландай шағады* ‘жалить, как змея’, *зәҳәри бетине шығып тур* ‘яд на лице’, *өпепек* ‘кукушка’ – мать, бросившая детей, *губелек* ‘бабочка ночная’ и *ийнелек* ‘стрекоза’ – метафоры, обозначающие тощую женщину, легкомысленную женщину, *түйе таўық* ‘индюшка’ означает в языке быть дурой, беспечной, беззаботной, *ешки* ‘коза’ – бойкая и беспокойная девка *ешкибас*. Проанализированные примеры метафор имеют негативные значения при вербализации концепта «женщина».

Мы рассмотрели метафоры с негативными значениями, вербализующие концепт «женщина». Выражение *анна сүти* букв. ‘материнское молоко’, порожденное надеждами и искренними пожеланиями матери своему ребенку, вербализирует значение «оправдать материнскую надежду», «святость», «бесценность». В то же время в выражении *Түн уйқысын төрт бөлген анаңды меккеге жаяў алып барып, ананың берген ақ сүтин ақлай алмайсан* (досл.: Долг материнского молока перед матерью, кормившей ночью четырежды проснувшись, не искупишь, даже если пешком отнесешь ее в Мекку) для каракалпаков заключен священный смысл о заведомой неискупаемости долга детей перед своей матерью и вербализирует «священность материнского молока». Результат метафоризации обусловливает моделирование концептных структур, в ходе которого в сознании осуществляются такие логические операции, как сравнение, категоризация. К примеру, существует фразеологизм, связанный с религиозными представлениями у многих мусульманских народов: *Жәннет аналар аяқ астында*, который дословно переводится так: *Рай находится под ногами матери*. В этом выражении заключена глубокая мысль: «Если чтишь свою мать, возноси ее до небес, тогда и сам будешь счастлив».

В целом в каракалпакской национально-языковой картине мира можно обнаружить метафорические выражения с зоомонимами, описывающие наряду с общими и специфические черты концепта «женщина». *Кийик* – симпатичная девушка, напротив, *шошка* – страшилище, *ешки* – торопливая, неспокойная, *ийнелек* – костлявая, некрасивая женщина, а иногда и старая женщина. Ряд прилагательных, употребленных с данным существительным, придают выражению различные семантические значения: *түйедей аңқаў* – беззаботная, *жулынған таўыктай* – худая. Названия некоторых других

животных символизируют многие внутренние отрицательные черты: *түлки* ‘лиса’ – наглая, хитрая женщина; *кобра* – ведьма, злюка; *бака* – наглая девочка; *гарга* ‘ворона’ – мать, не заботящаяся о своих детях; *сур жылан* ‘лживая змея’ – предательница. В языке также осуждается вмешательство в сферу мужского «превосходства» со стороны женщины, то есть главенство в семье, общая активность; отсюда – *түйенин улкени* ‘домашний дракон’, *шайтан таўық* ‘активная женщина’.

В каракалпакском языке обнаружены речевые обороты, в которых женский пол сравнивается с некоторыми чертами поведения собаки. Так, испорченная женщина представляется как приблудная собака. Сварливую женщину характеризуют выражением *аўзынан ақ ит кирип көк ит шыққан* ‘лаять, как собака’ или букв. ‘белая собака зашла в рот, а голубая вышла’. Голубой цвет *көк* рассматривается как специфический лингвистический код, противопоставленный белому и несущий в себе отрицательную коннотацию, например, *көк бет хәйел* ‘бессовестная женщина’, *көк долы* ‘обидчивая, капризная, сварливая’. Черный цвет *қара* в языке, напротив, наделен чаще положительной семантикой, хотя, безусловно, в ряде сочетаний наблюдается и отрицательное значение. Например, *қара бет* – бесстыдник / бесстыдница. В качестве подтверждения можно привести достаточно примеров: *қаракалпак* – черный калпак; *қарашаңырақ* – дом предков; очаг, *қараорын* – родина, земля предков; *қараорман* – имущество (скот, состояние); *қарасөз* – народные слова, *қара үй* – юрта.

Наиболее важный вывод из всего сказанного выше состоит в том, что метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека. Таким образом, всякий раз, когда мы говорим о метафорах, вербализирующих концептосферу «man/адам», соответствующие метафоры следует понимать как метафорические понятия (концепты).

Литература

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. 416 с. {Makovskiy M.M. Comparative dictionary of Mythological symbols in the Indo-European languages. Moscow, 1996. 416 p.}

Ницше Ф. Ницше неизвестный и неожиданный. Симферополь: Реноме, 1998. 528 с. {Nitsch F. Unknown and unexpected Nitsch. Simferopl: Nenome, 1998. 528 p.}

Қарақалпақ тилиниң түсиндирме сөзлиги. Нөкис: Қарақалпақстан, 1982. төрт томлық I том А–В, Томның томлы шығарыўшысы Мамут Қәлендеров. {Dictionary of the Karakalpak Language: Vol. I A-B. Nukus: Karakalpakstan, 1982. 486 p.}

Қарақалпақ фольклоры, IV том. Нукус: Каракалпакстан, 1978. 216 б. {Karakalpak Folk: Vol. IV. Nukus: Karakalpkastan, 1978. 216 p.}

УДК 391

М.В. Калинина, г. Волгоград

НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ

(на материале донских казачьих говоров)

Статья посвящена лингвокультурологическому описанию женских головных уборов в донских казачьих говорах. Материалом для исследования служат данные диалектных словарей. Приводится классификация наименований женских головных уборов, выявляются группы диалектизмов, рассматривается явление вариативности лексических единиц. Делается вывод о том, что названия головных уборов содержат этнолингвистическую информацию, связанную с особенностями мировидения носителей донских казачьих говоров.

***Ключевые слова**: донские говоры, язык и культура, тематическая группа, наименования головных уборов, вариативность, диалектизмы.*

NAMES OF WOMEN'S HEADGEAR (based on the Don Cossack subdialects). *The article is devoted to the linguistic and cultural description of women's headdresses in the Don Cossack subdialects. Data from dialect dictionaries are used as research material. The classification of names of women's headdress is given, groups of dialectisms are identified, and the phenomenon of variation of lexical units is considered. It is concluded that the names of headdresses contain ethnolinguistic information related to the peculiarities of the worldview of the Don Cossack speakers.*

***Keywords**: Don subdialects, language and culture, thematic group, headdress names, variability, dialectisms.*

Выделение и описание отдельных групп слов, определение их признаков, установление внутренних связей слов в пределах отдельных парадигм входит в проблематику исследования лексико-семантической системы языка. Свое место в этой системе занимают и наименования женских головных уборов. Эта тематическая группа включает 74 лексические единицы диалектного характера.

Все женские головные уборы можно разделить на два основных вида:

– в форме платка (квадратной или треугольной формы);

– в форме шапочки.

В XX в. платок становится почти единственным головным убором женщины в деревне. Платки носили в непогоду и сильные морозы, а также надевали во время сельскохозяйственных работ. Л.А. Климкова и Н.В. Назарова отмечают, что многофункциональность платков привела к детализации их наименований [Климкова, Назарова, 2000, 105]. Действительно, при анализе лексических единиц в донских говорах обращает на себя внимание широкая представленность в данной группе родовидовых отношений, что свидетельствует о богатстве и выразительности диалектного языка: *белокра́йка* – большой клетчатый платок с белыми полосами по краям [СРДГ II, 221]; *развя́зка* – головной платок, надеваемый во время повивания [БТСДК, 444]; *серя́к* – головной платок из холста [СРДГ III, 116]; *требу́шка* – пуховый платок [БТСДК, 531]; *ша́ль* – большой шерстяной платок с длинными кистями [БТСДК, 586]; *шале́йка* – 1) шаль, 2) ситцевый или батистовый платок, надеваемый обычно летом [БТСДК, 587]; *ша́лечка* – небольшой головной платок [БТСДК, 587]; *шалфо́н* – черная тюлевая косынка [БТСДК, 587]; *ша́лька* – небольшой тонкий платок из шерсти или пуха козы [БТСДК, 587] и др.

В приведенном перечне лексем обращает на себя внимание вариативность лексических единиц, характерная для говоров вообще и для донских говоров в частности (*шалка, шалька, шалевка* и др.). Наблюдается и явление параллелизма, представленное разными названиями одного и того же предмета, одной и той же реалии. Иллюстрацией этого могут быть лексемы *пла́т, ша́ль, шале́йка* (большой головной платок); *матрёшка, ша́лечка*, *ша́лька* (небольшой головной платок) и др.

К головным уборам в форме шапочек, которыми покрывали головы казачки, относятся общерусские слова, представленные и в севернорусских говорах, – *ки́ка, ки́чка* (нарядная шапочка с мягкой тульей, символизирующая замужество). Простые казачки в старину делали кички из белого или синего холста. По форме кички были разнообразны: *рога́тые, копытообра́зные, лопатообра́зные, в виде котелка, седла, овала* и т. д. Но первичными считаются рогатые. Д.К. Зеленин, говоря о защитной

функции этого головного убора, обращает наше внимание на то, что «рога служили для ребенка и его матери, особенно для роженицы, оберегом от злого духа и от дурного глаза» [Зеленин, 1991, 258]. В XIX в. сельское духовенство боролось с высокими рогами кичек казачек, не допуская их к причастию в таком головном уборе. Под влиянием новой моды и современной культуры внешний вид кички меняется, рога становятся значительно меньше, а к 60-м годам в среде зажиточных казачек кички вытесняются модными шляпками и чепчиками.

Разновидностью кички считалась *сорóка*. Данное наименование является производным от названия птицы сороки из-за сходства с птичьим хвостом и расцветкой перьев [Фасмер, III, 723]. На Руси существовал культ птицы: утка и курица считались оберегом для замужней женщины, желающей иметь детей. Е.В. Антошенкова считает, что птица сорока также могла выполнять подобную функцию, что проявляется в обряде бракосочетания: «Женщине надевали на голову убор, имеющий зооморфное название, и значит с этого дня добрый дух, поддержкой которого заручились таким образом, как бы брал ее под защиту и обещал большое потомство» [Антошенкова, 1996, 60]. Кроме того, ношение *сорóки* определялось и другими жизненными ситуациями: существовала *бýдничная сорока* (она не имела сплошной золотой вышивки), *осóбая сорока* (носили после родов и в Великий пост), *вдóвья сорока* (носили женщины, потерявшие мужей, такая сорока была обычно белого цвета).

Отметим и другие названия головных уборов казачек: *колпáк* – головной убор особой формы: круглая с ободочком шляпочка из тонкой шелковой ткани с вышивкой, которая надевалась на косы, уложенные в узел на затылке [БТСДК, 587]; *лобогрéйка* – вязаная шапочка [БТСДК, 266]; *сáльник* – женский головной убор, надеваемый на волосы под верхний платок [БТСДК, 469]; *чепóк* – летний головной убор пожилой женщины [БТСДК, 573]; *шлы́чка, шлычóк* – головной убор, который носили замужние казачки [БТСДК, 594].

Девичьи головные уборы отличались от женских тем, что не полностью прикрывали волосы, верхушка оставалась открытой. Волосы девушки заплетали в косу и украшали ее лентами (*косниками* [БТСДК, 594], *косничками* [БТСДК, 235]. Невесты под венец шли, согласно древнему обычаю, с распущенными волосами. Нарядная повязка на косах невесты называлась *мутóтой* [БТСДК, 292]. По внешнему виду приближается к повязкам и *венéц* – нарядный девичий головной убор в виде широкого обруча, расшитого и украшенного [БТСДК, 538]. Этот головной убор входил в брачный наряд невесты.

Анализ наименований женских головных уборов показывает преобладание собственно лексических (*клотóвочка* ‘небольшой платок’, *фальшóн* ‘головной убор из черных кружев, надеваемый замужними женщинами на уложенные в пучок на затылке волосы’) и семантических (*ды́мка* ‘головной убор невесты из прозрачной ткани’, *кóврик* ‘женский платок из тонкой шерсти’, *матрёшка* ‘маленький головной платок’) диалектизмов. Представлены также фонематические (*коси́нка* ‘косынка’) и лексико-морфологические (*фатóй* ‘фата’) диалектизмы. Большинство собственно лексических и семантических диалектизмов не имеют литературных производных либо из-за отсутствия в литературном языке данных корней, либо из-за иного значения корня в литературном языке.

Следует отметить, что лексические единицы данной группы подразделяются на однословные и составные наименования: 1) однословные наименования: *колпáк* ‘головной убор замужней казачки’ [БТСДК, 227], *подшáльник* ‘цветной платок’ [БТСДК, 388], *полушáлька* ‘праздничный головной платок’ [БТСДК, 398], *ширúнка* ‘головной убор’ [БТСДК, 592] и т. д.; 2) составные названия состоят, как правило, из слова платок и определения, выраженного именем прилагательным: *варёный платок* ‘головной платок из проваренного шелка’ [СРДГ, I, 55]; *ковро́вый платок* ‘головной узорчатый платок из толстого бархата’ [БТСДК, 222]; *кутырястый платок* ‘платок, имеющий выпуклые узоры’ [БТСДК, 254]; *накрывно́й платок* ‘верхний платок’ [Маслов, 106]; *пúсаный платок* ‘ажурный шелковый платок, вывязанный узорами’ [БТСДК, 367]; *суко́нный платок* ‘белый в крапинку платок для пожилых женщин’ [БТСДК, 518]; *требушно́й платок* ‘пуховый платок с узорами’ [БТСДК, 531]; *шалёвый платок* ‘самый большой платок из шерсти’ [БТСДК, 586] и др.

С данной тематической группой связана группа со значением «Действия, связанные с головными уборами»: *наки́нуться* [БТСДК, 304], *падвяза́ться* [Маслов, 120] – ‘покрыть голову платком’; *закулёматься* [БТСДК, 172], *укулёматься* [БТСДК, 541], *поку́таться* [БТСДК, 394] – ‘укутаться в платок’.

Традиционные женские головные уборы во второй половине XIX в. постепенно заменяются покупными платками. Наиболее популярным у донских казачек с конца XIX – начала XX в. становится *цветко́вый платок* ‘яркий, фабричного изготовления платок, с пестрым растительным орнаментом (чаще ярко-желтого цвета на красном фоне)’ [БТСДК, 565].

Многовековая устойчивость данной группы лексики обусловлена ее важной ролью в жизни казачек. Изучение наиболее значимых фрагментов языковой картины мира носителей диалекта, в частности женских головных уборов, в семантической структуре которых отражаются базовые представления народа – носителя диалекта – о тех или иных явлениях окружающей действительности, помогает выявить ее идиоэтническую специфику, познакомиться с традициями, укладом жизни донских казаков, особенностями их мировосприятия и миропонимания.

Литература

Антошенкова Е.В. Вот тебе кокуй, с ним и ликуй! Головные уборы восточных славянок // Русская речь. 1996. № 1. С. 59-61. {Antoshenkov E. V. Here's a coqui with him and rejoice! Headdresses of Eastern Slavs // Russian speech. 1996. No 1. P. 59–61.}

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. 608 с. {Large explanatory dictionary of the don Cossacks. Moscow: Russian dictionaries: Astrel: AST, 2003. 608 p.}

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978. {Dal V. I. Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 vols. Moscow, 1978.}

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 507 с. {Zelenin D. K. East Slavic Ethnography. Moscow: Nauka, 1991. 507 p.}

Климкова Л.А., Назарова Н.В. Лексика женских головных уборов в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2000. С. 105–109. {Klimkova L.A., Nazarova N.V. Russian lexicon of women's headwear in Nizhny Novgorod dialects // Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 1997. SPb.: Izd-vo OR RAS, 2000. P. 105–109.}

Маслов В.Г. Словарь говора Добринки (На материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области). Шуя, 1993. 178 с. {Maslov V.G. Dictionary of the Dobrinka subdialect (based on the material of the Dobrinka subdialect of the Uryupinsky district of the Volgograd region). Shuya, 1993. 178 p.}

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006–2007. Вып. 1, 2, 3. {Dictionary of the Don subdialects of the Volgograd region / Edited by R.I. Kudryashova. Volgograd: Publishing house of VGIPK RO, 2006–2007. Vol. 1, 2, 3.}

Словарь русских донских говоров: в 3 т. Ростов н/Д: Изд-во Рос. ун-та, 1975–1978. {Dictionary of Russian don subdialects: in 3 vols. Rostov-on-Don, 1975–1978.}

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Т. 1–41. СПб.: Наука, 1965–2007. {Dictionary of Russian folk subdialects / Edited by F.P. Filin, F.P. Sorokoletov. Vol. 1–41. SPb.: Nauka, 1965–2007.}

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973. {Vasmer M. An Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Moscow, 1964–1973.}

УДК 81’42

М.А. Калиниченко, Л.Р. Сакаева, М.А. Яхин, г. Казань

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «БЕДНОСТЬ/POVERTY – БОГАТСТВО/WEALTH» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ

Данная статья посвящена исследованию фразеологических единиц (ФЕ) фразеосемантического поля «бедность/poverty – богатство/wealth» на материале английского языка и его диалектов. ФЕ являются выделяющими элементами национальной уникальности английского языка, и важное значение имеет сфера богатства и бедности. Развитие и становление культуры оказало большое влияние на восприятие человеком разницы в физическом и метафизическом достатке; это обусловило появление многих ФЕ. Богатство и бедность – основные классовые разграничители в любом человеческом обществе – и являются понятиями как физическими, так и социальными. Представленный материал показывает, что данное поле является важным компонентом фразеосемантического пространства английского языка и обладает множеством уникальных свойств.

Ключевые слова: *язык, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, английский, фразеосемантическое поле, фразеологическая единица, концепт, богатство, бедность.*

PHRASEOSEMANTIC FIELD OF THE CONCEPT «POVERTY – WEALTH» IN THE ENGLISH LANGUAGE AND ITS DIALECTICS. *This article is devoted to the study of phraseological phraseological units of the phrase “poverty-wealth” based on the material of the English language and its dialects. Phraseological units are distinguishing elements of the national uniqueness of the English language and the sphere of wealth and poverty is important. The development and formation of culture had a great influence on the perception of a person by the difference in physical and metaphysical abundance; this led to the appearance of many phraseological units. Wealth and poverty are the main class delimiters in any human society, so are concepts, both physical and social. The presented material shows that this field is an important component of the phrase-semantic space of the English language and has many unique properties.*

Keywords: *language, linguoculturology, cognitive linguistics, English. phraseological semantic field, phraseological unit, concept, wealth, poverty.*

Конец XX в. ознаменовался для лингвистики анализом и суммированием накопленных за все время существования науки знаний [Kenzhetayeva, Sakaeva, Yakhin, Bagautdinova, Fatkullina, 2016, 4048]. В настоящее время происходит как сравнение и анализ успехов и ошибок различных научных течений в языке, так и подведение этих течений под масштабный общенаучный стандарт. Иными словами, наблюдается переосмысление парадигм лингвистики как науки. Современное языкознание исследуется с помощью двух наиболее влиятельных парадигм. Системоцентричный подход подразумевает рассмотрение языка как независимой системы единиц, не требующей вмешательства человека для функционирования. Данная методика подробно описана в работах Ф. де Соссюра и активно развивалась в течениях структурализма Америки и Европы. Данный подход сменил собой сравнительно-историческую парадигму, доминировавшую в научном сообществе в XIX в. Последняя декада XX в. примечательна выявлением несоответствия парадигмы структурализма задачам лингвистического характера, возникшими на фоне интенсивности межкультурной коммуникации. Необходимость принятия новой доминирующей парадигмы обусловлена растущей ориентацией на прагматику, изучением языковой личности и исследованием человеческого фактора в использовании и изменении языка.

Одной из причин смены доминирующей парадигмы с системоструктурной на антропометрическую является смещение внимания исследователей с изучения языка как обособленной системы на изучение языка как продукта совместной работы людей в обществе, как социального явления, заключенного в рамки языкового сообщества, что привело к возникновению нового течения в лингвистической науке – антропоцентризму, фокусирующемуся на изучении синтеза языка и человеческого общества.

Антропоцентрическая парадигма, помимо обладания разработанных предыдущими парадигмами областей знания, является базисом для таких наук, как лингвокультурология и когнитивная лингвистика, находящихся в стадии оформления [Тахтарова, 2017]. Оформление лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины происходит в конце XX в. в работах отечественных ис-

следователей: В.В. Воробьева, В.А. Масловой, В.Н. Телия, В.М. Шаклеина, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.В. Красных и др. Необходимость возникновения антропоцентрической парадигмы, а вместе с ней и предпосылки к появлению лингвокультурологии как научной дисциплины можно отметить в трудах отечественных (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня) и зарубежных (Э. Сепир, В. Гумбольдт, Б. Уорф) лингвистов. Различные школы культурологии, возникающие и оформляющиеся в настоящее время, по-разному интерпретируют данную идею.

В рамках антропоцентрической парадигмы разработан ряд направлений исследования концептов: психологический (Д. Лихачев считает, что возникновение концепта происходит при столкновении словарного значения слова с опытом людей, его применяющих); логический (Н. Арутюнова и др.); философский (В. Колесов рассматривает концепты в качестве основных единиц национального менталитета, представленных в языке); лингвокультурологический (Ю. Степанов утверждает, что концепт является юнитом менталитета и культуры, имеет сложную структуру, а основные концепты являются константами культуры); лингвистический и антропологический (освещается работами М. Одинцовой, Л. Никитиной и др., изучающих человека как многогранную структуру); когнитивный (представлен работами А. Кубряковой, И. Стернина, Н. Болдырева и др., в которых через понимание языка осознаются формы различных структур знаний и описываются взаимозависимости, существующие между ними и языком).

Проблема метода изучения и описания концептов считается одним из наиболее неоднозначных вопросов в когнитивной лингвистике. В рамках данной статьи исследуется концепт «богатство» на материале английского языка. В качестве актуальных для исследования подходов авторами рассматриваются когнитивный и лингвокультурологический подходы исследования концептов. Когнитивный подход направлен на разработку поэтапной методологии концептуального анализа для изучения семантической структуры слова, его парадигматики, синтагматики и этимологии, комплекса производных слов, реализации ключевых лексем-вербализаторов концепта и их частоты употребления. Лингвокультурологический подход акцентирует внимание на идее концепта как компоненте национальной концептуальной сферы, базовой единице мышления и мировоззрения в категориях и формах родного языка.

Первое употребление термина «концепт» отмечено в 1928 г. в научной статье С.А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово», однако в широкое употребление понятие входит только в середине XX в. Автор считает, что концепт – это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, 269]. Исследователь данного определения полагает, что концепт является неким «заместителем» имеющихся в окружающем мире предметов или явлений, аспектов этих предметов. Д.С. Лихачев, соглашаясь с С.А. Аскольдовым-Алексеевым, приписывает концепту значение «заместителя понятия», при этом указывая коннотацию «алгебраический». Именно столкновение словарного значения с народным и личным опытом человека, его использующего, и порождает концепт как результат слияния этих двух частей [Лихачев, 1997, 281].

Исследования концепта с точки зрения когнитивной лингвистики обладают направленностью к типологии и нацелены на обнаружение общих закономерностей в формировании мыслительных образов. Преобладает семасиологический вектор: от концепта к вербализации, от смысла понятия к языку, в котором оно используется. Ученые-лингвисты, работающие в области когнитивной лингвистики, рассматривают понятие концепта как основополагающую единицу оперирующей семантики, как когнитивный элемент, соответствующий знаку языка.

Как показывает исследование, вербализация концепта «*богатство/wealth*» в английском языке происходит с помощью таких лексем, как *«money», «gold», «rich», «coin»*; преобладающая ассоциация понятия богатства с его физическим эквивалентом (*деньги, драгоценные металлы, прочие ликвидные активы*) преобразовывает лексему «*money*» в один из ключевых вербализаторов изучаемого концепта. Синонимичным значением обладает лексема «*gold»*, ввиду ассоциации понятия денег с золотом, золотым стандартом. Лексема «*coin*» вербализует концепт «богатство» в качестве универсальной разменной валюты, которую можно запасать или обменивать. Эти лексемы также могут образовывать сложные слова со сходным значением: *goldmine* – золотая жила, *moneybags* – мешки с деньгами, *coin-amasser* – скопидом. Наиболее частотными лексемами английского языка, выражающими концепт «богатство/wealth» являются: *money* (деньги, средства): *easy money* – легкие деньги, *spend money like water* – сорить деньгами; *gold* (золото, деньги): *tohoardgold* – копить золото, *gold-crusted* – золотом покрытый; *rich* (богатый, богатство): *toamassriches* – копить деньги, *healthisbetterthanriches* – здоровье дороже денег; *plenty, luxury* (достаток): *thehornofplenty* – рог изобилия, *toliveinthelapofluxury* – жить

припеваючи; *pocket* (кошелек, карман): *sparesdon'tweighthepocket* – запас карман не тянет, *hitsomebody'spocket* – бить по кошельку.

В ходе исследования вслед за Н.Э. Агарковой обозначен перечень качеств, которыми обладает концепт «богатство/wealth» в английском языке: 1) богатство – материальное состояние человека, которым он владеет, может распоряжаться и использовать по своему усмотрению; подразумевает конкретные предметы, имеющие общую лексему «богатство»; человек, обладающий богатством, ведет себя иначе: более спокоен, уверен в себе, самолюбив; богатство можно получить, потратить, потерять, приумножить; 2) процесс получения материального богатства может происходить по-разному: легким и/или быстрым путем или тяжелым и/или трудоемким; изменение материального статуса может быть результатом случайности или долгого планирования; 3) процесс обогащения может быть легальным или нелегальным, моральным или аморальным, безопасным для окружающих или несущим прямую угрозу. Эти аспекты влияют на положительную или отрицательную коннотацию лексем концепта «богатство» [Агаркова, 2000].

Данный перечень позволяет сделать вывод, что в английском языке концепт «богатство» при рассмотрении имеет следующие свойства: обладание богатством дает ощущение силы, независимости, свободы выбора, однако может, исходя из своей сути как инструмента эксплуатации, подчинить человека себе; либо же в процессе получения богатства человек лишится свободы и независимости (кредит, займ); богатство может представлять собой рычаг для приложения усилий к цели, однако не всегда может влиять на человека, использующего данный рычаг, богатство может являться инструментом как положительных, так и отрицательных поступков; богатство часто выступает в качестве антипода концептов «modesty», «decency», «generosity», «kindness», однако иногда может выполнять роль их субститута для создания оттенков выражений. Коннотация при этом зачастую остается отрицательной или нейтральной.

Концепт «бедность/poverty» в английском языке носит преимущественно отрицательную коннотацию. Бедность накладывает на поведение человека и на его мотивы такой же заметный отпечаток, как и богатство; это вербализуется лексемами с яркой отрицательной окраской: «cheap», «rags», «filth», «poor», «loss». Лексема «poor» является основной и наиболее часто встречающейся лексемой в ФЕ фразеосемантического поля «бедность/poverty», так как является антонимом лексемы «rich» и обозначает нужду, жалость к описываемому объекту. Лексема «cheap» является антонимом не только лексемы «expensive», но и лексемы «quality»; низкое качество предметов обихода является неизбежным спутником жизни бедного человека. В ходе анализа фразеосемантического поля «бедность/poverty» выделен следующий перечень качеств, которыми обладает исследуемый концепт в английском языке:1) бедность – отсутствие или скромное материальное состояние человека, некая пустота вместо желаемого богатства, недостаток власти или влияния как следствие этого чувства пустоты; 2) процесс обеднения может быть как спонтанным, так и направленным, как быстрым, так и постепенным.

Из этого перечня следует, что англичане рассматривают несколько аспектов бедности как понятия:1) бедность лишает человека сил, власти, влияния, в некоторых случаях и желания что-либо изменить, камнем тянет на социальное дно; 2) концепты «богатство» и «бедность» не обязательно подразумевают положительную или отрицательную коннотацию действий, с ними связанных. Бедность и богатство могут играть роль факторов, но не являться основными мотивами поступков человека; 3) бедность у англичан вербализируется словами «*rags», «filth», «poor*», но в то же время и такими лексемами, как «*generous», «sharing», «communal*».

В результате исследования выделено две крупные фразеосемантические группы «богатства» и две крупные фразеосемантические группы «бедности»; каждая из этих групп, в свою очередь, разделяется на меньшие подгруппы по признаку вторичных значений и коннотации. Несмотря на подобное разделение, все исследованные выше ФЕ сохраняют уникальные культурные аспекты английского языка, дают представление о его носителях. Из изученного материала становится понятно, что англичане как этнос четко разделяют понятия «богатство» и «бедность», антонимизируя их; при этом концепт «богатство» может обладать как положительной, так и отрицательной коннотацией в зависимости от описываемого индивида. Также мы отметили, что концепт «бедность» может ассоциироваться с такими концептами, как «доброта», «верность», «честность» и т. д. Из этого можно сделать вывод, что англичане обладают очень развитой культурой, допускающей наличие как положительной, так и отрицательной коннотации у антонимичных друг другу понятий.

Литература

Агаркова Н.Э. Концепт «Деньги» как фрагмент английской языковой картины мира: на материале американского варианта английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Иркутский гос. лингвистич. ун-т. Иркутск, 2001. 20 с. {Agarkova N.E. The concept of «Money» as a fragment of the English language picture of the world: on the material of the American version of the English language: abstract diss. ... of the candidate of philological sciences: 10.02.04 / Irkutsk state. linguistic un-t Irkutsk, 2001. 20 p.}

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 262–269. {Askoldov S.A. Concept and word // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology / Ed. V.P. Unsigned. Moscow: Academia, 1997. P. 262–269.}

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 281–287. {Likhachev D. S. The conceptosphere of the Russian language // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology. Moscow: Academia, 1997. P. 281–287.}

Kenzhetayeva G.K., Sakaeva L.R., Yakhin M.A., Bagautdinova G.K., Fatkullina F.G. The comparative analysis of anthropocentric phraseological units in Russian, English and Tatar languages. Journal of the Social Sciences. 2016. Vol. 11. P. 40–48.

Sakaeva L.R., Yahin M.A., Rinatovich K.K. The relationship between the structure of English nanotechnology terms and the choice of corresponding methods of translation into Russian. Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. 2019. Vol. 11. № 8 Special Issue. P. 1938–1943.

Spirina T.S., Sakaeva L.R. Structural models of phraseological units characterizing power in the English, German and Russian languages. Asian Social Science. 2015. Т. 11. № 7. С. 145–151.

Тахтарова С.С. Коммуникативные категории в когнитивно-дискурсивной парадигме. Legal Concept. 2017. Т. 16. № 2. С. 189–196. {Takhtarova S.S. Communicative categories in the cognitive-discourse paradigm. Legal Concept. 2017. Vol. 16. No. 2. P. 189–196.}

БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ • БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ

УДК 912.4

Г.Н. Ксенжик, г. Алматы

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ РУССКИХ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ XVIII – НАЧАЛА XX В.: В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Рассмотрение русских картографических материалов как исторических свидетельств по истории Казахстана XVIII – начала XX в. опирается прежде всего на всесторонний источниковедческий анализ, который невозможен без знания условных знаков «старых карт» данного периода. Условные знаки картографических материалов XVIII – начала XX в. имеют свою историю развития и совершенствования. К картографическим условным знакам относят все виды подписей, совокупность которых называется легендой карты. В целях эффективного источникового анализа картографического материала необходимо знать все условные знаки, количество которых было велико и разнообразно для каждого конкретного периода развития картографии. При этом довольно часто на картах исследуемого периода на полях карт условные обозначения не помещались или отсутствовали объяснения их значений. Данная публикация предоставляет исследователям «старых карт» необходимые сведения по условным знакам картографических материалов XVIII – начала XX в., без знания которых невозможна квалифицированная интерпретация источников такого типа, и этим доказывается её актуальность.

***Ключевые слова**: междисциплинарное исследование, новое время, условные знаки «старых карт», «легенда».*

***SYMBOLS OF RUSSIAN MAPPING MATERIALS OF THE XVIII – BEGINNING OF THE XX CENTURY: IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF KAZAKHSTAN.** Consideration of Russian cartographic materials as historical evidence of the history of Kazakhstan in the 18th – early 20th centuries. relies primarily on a comprehensive source analysis, which is impossible without knowledge of the conventional signs of the "old maps" of this period. Symbols of cartographic materials of the 18th – early 20th centuries. have their own history of development and improvement. Cartographic conventional signs include all types of signatures, the totality of which is called the map legend. For the purpose of effective source analysis of cartographic material, it is necessary to know all the conventional signs, the number of which was large and varied for each specific period in the development of cartography. At the same time, quite often on the maps of the period under study, the legend did not fit in the margins of the maps or there was no explanation of their meanings. This publication provides researchers of "old maps" with the necessary information on the conventional signs of cartographic materials of the 18th – early 20th centuries, without knowledge of which a qualified interpretation of sources of this type is impossible, and this proves its relevance.*

***Keywords**: interdisciplinary research, modern times, conventional signs of "old maps", "legend".*

Условные знаки картографических материалов дают возможность увидеть исторические сюжеты в ином графическом измерении. Они служат языком карт, с помощью которых обозначают различные виды объектов, их местоположение, формы, размеры, качественные и количественные характеристики, и которые развивались и совершенствовались одновременно с развитием картографии. К картографическим условным знакам относят все виды подписей. Подписи на картах занимают особое место. Они обогащают содержание карты и выполняют различные функции. Условные знаки и пояснения к карте (или «легенда» карты) являются основой к чтению и анализу содержания картографических материалов. В «легенде» обязательны: исчерпывающая полнота, то есть включение всех применяемых на карте знаков; логичность в группировке, размещении и соподчинении знаков (например, по отдельным элементам содержания в порядке их значения); безусловная ясность и по возможности краткость текстов, объясняющих смысловое значение знаков. Правильно построенная легенда раскрывает содержание карты, перечень элементов, классификации и показатели, используемые для каждого элемента, а также степень их обобщения [1, с. 45]. Одна из первых таблиц условных знаков была приложена к инструкции геодезистам руководителем Оренбургской экспедиции (1734–1737) И.К. Кириловым в 1732 г. [2, л. 184].

К середине XVIII в. при составлении общегеографических карт использовалось около пятидесяти значков, специализированных по элементам географической ситуации. В большинстве своем

знаки представляли собой простую совокупность значков, не имеющих логических связей. Введение единых знаков, в большинстве своем аналогичных символике западноевропейских карт, выводило русскую картографию на общеевропейский уровень. В том числе открывало новые возможности для включения русских картографических материалов в общеевропейские и мировые атласы [3, с.14]. К примеру, «Атлас Российский, состоящий из девятнадцати карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями» является одним из первых картографических произведений, где использовалась таблица условных знаков (легенда).

Чаще всего легенда карты размещалась на полях карты, на свободных пространствах внутри её рамки, иногда размещалась отдельной таблицей на листе, как в данном случае. В состав атласа входила карта «Течение рек Иртыша, Енисея с их вершинами, и при них также и между ими лежащими местами», на которой изображена «Степь казачьей орды». Картографический язык карт атласа весьма богат и включает 46 условных обозначений, из них 18 относятся к населенным пунктам. Знаки дорожной сети в таблице отсутствуют, но на ряде карт изображены как крупные дороги, так и более мелкие традиционные маршруты передвижения в окраинных районах [4, л.15].

Карты, издававшиеся в XVIII в., имели, в основном, общегеографический характер и не могли удовлетворять запросы военного ведомства не только по масштабу, но и по содержанию. Во второй половине XVIII в. ориентировка условных знаков на картографических установилась достаточно единообразной, тем не менее количество условных знаков росло [5, с. 57]. Дальнейшее развитие условных знаков связано со становлением в 60-е годы XVIII в. ведомственного картографирования, положившего начало возникновения и широкого распространения тематических карт с целью обеспечения потребностей военной службы. Ведомственная регламентация привела к разработке системы условных знаков в различных сферах государственной деятельности. С первого десятилетия XIX в. системы условных знаков общегеографических и военных карт развиваются самостоятельно, создаются отдельные условные знаки. В 1757 г. вышла в свет книга Д.П. Цицианова (1722 – после 1790 г.) «Краткое математическое изъяснение землемерия межевого», которая стала официальной инструкцией XVIII в. В книге были даны рекомендации по использованию различных красок при оформлении карт и планов. В 1821 г. создаются «Правила для надписывания карт и планов...», разработанные генерал-майором А.И. Хатовым [6, с. 117]. 6 июня 1822 г. были утверждены разработанные генерал-майором А.И. Хатовым и генерал-лейтенантом К.Ф. Толем единые «Условные знаки для употребления на топографических, географических и квартирных картах и военных планах...» [7], которые имели помимо графического изображения различных объектов на картах обширные пояснения и были призваны обеспечить единообразие в составлении и оформлении картографических материалов и стали главным документом, который контролировал проведение съемочных и картосоставительных работ до середины XIX в. В 1834 г. в дополнение к действующим руководящим документам были утверждены «Знаки для изображения на картах войск, крепостей, шоссе, военных дорог, водяных сообщений и разных военно-сухопутных заведений», предназначенные главным образом для военных карт, которые действовали вплоть до 1917 г. без каких-либо существенных изменений [6, с. 171].

Таким образом, значительное влияние на эволюцию условных знаков русских картографических материалов по истории Казахстана XVIII – начала XX в. данного периода оказало совершенствование технической оснащенности царской армии и повышение её наступательной активности на окраинах Российской империи и как следствие повышения спроса на точную и оперативную информацию об местности. Унификация условных документов происходила по принципу картографической генерализации, то есть отбору и обобщению изображаемых на карте объектов, выделению их основных типичных черт и характерных особенностей. В этой связи общегеографическая карта пополняется все новыми условными знаками, прежде всего, по элементам географической ситуации, важным в стратегическом и тактическом отношении. По нашему мнению, дальнейшее развитие условных знаков картографической символики русских карт тесно связано со становлением в 60-е годы XVIII в. ведомственного картографирования, положившим начало возникновению и широкому распространению тематических карт.

Литература

1. Атлас Российский, состоящий из девятнадцати карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями. Санкт-Петербург: Имперская академия наук, 1745. Л.15. {Atlas of Russia, consisting of nineteen maps representing the all-Russian Empire with border lands. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1745. L. 15.}

2. Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт / отв. ред И.А.. Федосеев; АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. М.: Наука, 1985. 214 с. {Postnikov A.V. Development of cartography and issues of using old maps / Rel. edited by A. I. Fedoseyev; USSR Academy of Sciences. In-t history of natural science and technology. Moscow: Nauka, 1985. 214 p.}

3. Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989. 229 с. {Postnikov A.V. Development of large-scale cartography in Russia. Moscow: Nauka, 1989. 229 p.}

4. РГАДА (Российский государственный архив древних актов, г. Москва). Фонд. 248. Д. 1428. {RGADA (Russian state archive of ancient acts, Moscow). Fund. 248. D. 1428.}

5. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Фонд. 417. Д. 223. {Rgvia (Russian state military historical archive) Fund. 417. D. 223.}

6. Салищев К.А. Картоведение: учебник. 3-е изд. М.: Издательство МГУ, 1990. 400 с. {Salishev K.A. Kartofelina: a Textbook, 3rd edition. Moscow: Moscow state University publishing House, 1990. 400 p.}

7. Сотникова С.И. Источниковедение русских карт XVII – начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Московский государственный историко-архитектурный институт. М., 1990. 43 с. {Sotnikova S. I. source Studies of Russian maps of the XVII–early XX centuries: abstract of the dissertation of the doctor of historical Sciences. Moscow state foam historical and architectural Institute. Moscow, 1990. 43 p.}

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.35

Д.М. Магомедов, г. Махачкала

ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА АВАРСКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуются некоторые синтаксические особенности аварских диалектов. Синтаксический строй аварских диалектов характеризуется большей общностью по сравнению с лексическим, фонетическим и морфологическим строем. Анализируются синтаксические явления диалектов с указанием черт, общих с литературным языком, а также особенностей, не свойственных литературному языку. Изучение диалектов и говоров дает ценный материал для разработки вопросов истории формирования аварского языка, его исторической диалектологии.

Ключевые слова: *диалект, синтаксис, литературный язык, словосочетание, предложение, говор, эргатив, номинатив, послелог.*

DIALECT FEATURES OF THE AVAR LANGUAGE SYNTAX*. The article explores some syntactic features of Avar dialects. The syntactic structure of Avar dialects is characterized by a greater commonness compared to the lexical, phonetic and morphological systems. The syntactic phenomena of dialects are analyzed with the indication of features common with the literary language, as well as features that are not characteristic of the literary language.*

Keywords: *dialect, syntax, literary language, phrase, sentence, dialect, ergative, nominative, postposition.*

Синтаксический строй аварских говоров (в отличие от лексического, фонетического и морфологического) характеризуется меньшим числом ярких диалектных различий. Диалектные различия проявляются в способах построения словосочетания, в способах выражения сказуемого, в своеобразном употреблении послелогов и т. д.

В аварском литературном языке представлены своеобразные синтаксические черты, отсутствующие в диалектах. Так, в диалектах отсутствуют назывные предложения, которые встречаются в литературном языке. Например: *Рокьи. ТалихI. Лъимер. ЦIва* (Гъ.Гъ.) «Любовь. Счастье. Дитя. Звезда»; *Март. ГъутIби. Дурги дирги плащ* (Гъ.Гъ.) «Март. Деревья. Твой и мой плащ» и др. Односоставные предложения как особый семантико-структурный тип простого предложения с одним главным членом в качестве организующего центра высказывания, таким образом, являются новым явлением в синтаксисе аварского языка. Вероятно, этот тип предложений аварский литературный язык заимствовал из русского языка [Магомедов, 1996, 37].

Возможны ли предложения, в которых вовсе нет предикативности? Разумеется, да. Если в предложении нет сказуемого или другого аналогичного ему члена, то, конечно, в нем нет и предикативности. Так, например, нет предикативности в назывных предложениях типа: *Их. ТIугьдул. Хинал къоял.* «Весна. Цветы. Теплые дни».

Определенные различительные явления наблюдаются в структуре послеложных и беспослеложных конструкций. Например, послеложные конструкции карахского диалекта соотносительны с формой имени в локативе V серии литературного языка: *гъутIода ахакь* (карах. диал.) – *гъотIокь* (лит. яз.) «под деревом»; *чода ъад* (карах. диал.) – *чотIа* (лит. яз.) «на коне», *вегьзилъ циве* (карах. диал.) – *вачIиналде* (лит. яз.) «прежде чем пришел» и т. д. Необходимо отметить, что в аварском литературном языке в равной степени употребительны как послеложные, так и беспослеложные конструкции указанных типов: *гъотIокь – гъотIода гъоркь* «под деревом», *хьагиниб – хьагида жаниб* «в кастрюле» [Магомедов Д., 2015, 154].

К различительным явлениям, связанным со структурой предложения, относится также различие в оформлении вопросительных предложений. Характерным для карахского диалекта вопросительным предложениям типа *Дулъ ъэхь цIалури?* «Ты книгу прочитал?» в литературном соответствуют предложения типа *Дуца тIехь цIаланищ?* с тем же значением. Особенность структуры вопросительного предложения в карахском диалекте заключается в том, что при оформлении вопросительного предложения выпадает элемент частицы *-щ,* обязательно присутствующий в литературном языке. Данные схемы предложения распространены в говорах южных диалектов.

Известно, что диалекты и говоры, находящиеся в иноязычном окружении, сохраняют в большей степени архаические языковые черты. В этом отношении большой интерес представляет закатальский диалект, где категория лица находит своеобразное отражение в глаголе-сказуемом. Глагол закатальского диалекта в так называемом прошедшем достоверном времени выражает не только категорию числа и класса, но и лица. Например: *дун веров* «я пришел», *дуй вортолов* «я упал» (1 лицо); *мун* или *дав вери* «ты (он) пришел», *мун* или *дав ворта* «ты (он) упал» и т. д. [Бокарев, 1949, 18].

Для аварского литературного языка характерно очень широкое употребление союза *ва* «и», выполняющего соединительную функцию, и частицы *-ги* с теми же функциями, в то время как в карахском диалекте в соответствующих случаях употребляется только частица *-ги.* Союз же *ва* «и» в карахском диалекте практически не встречается. Например: *ъэмен ва ъэбел // ъэменги ъэбелги* «отец и мать» (лит. яз.) ~ *ъиминги ъибелги* (карах. диал.). Употребление союзов, частиц, послелогов в словосочетаниях и предложениях представляет собой факт синтаксический, поскольку они являются элементами определенных синтаксических конструкций.

В карахском диалекте не употребляется транслатив, который встречается в литературном языке. Аналогичные случаи в карахском передаются описательно, либо послеложными конструкциями: *Дав вегьур роснаса тиру* «Он пришел через селение» ~ ср. в лит. яз.: *Дов вачIана росулъан; кьода асса* «через мост» (карах. диал.) ~ *кьодасан* (лит. яз.) и др.

В кегерском говоре андалальского диалекта личное местоимение 1 и 2 лица именительного падежа множественного числа употребляется в качестве подлежащего при переходном глаголе: *ниж чед квана* «мы съели хлеб», *нуж чед квана* «вы съели хлеб» [Чикобава, 1948, 14]. Подобное же явление зафиксировано в гидском диалекте, а также в келебском говоре (в последнем – в речи женщин) южного наречия. В аварском литературном языке здесь употребляется эргативный падеж: *нижеца чед кванана* и *нужеца чед кванана.*

В гидском диалекте Ш.И. Микаилов отмечает следующую синтаксическую особенность: в качестве дополнения здесь употребляется форма направительного падежа 1-й серии вместо местного падежа 1-й и 2-й серий, существующих для этого в литературном языке. Например: *Балая ханассул васассэ* (направительный падеж 1-й серии) «Посмотри-ка на ханского сына» вместо *балагьея ханассул васассухъ* (местный падеж 2-й серии) [Микаилов, 1959, 371]. Такое же смещение падежных функций мы наблюдаем в карахском диалекте, где иногда вместо местоимения 1 лица единственного числа употребляется местоимение 2 лица множественного числа. К таким приемам прибегают с целью унижения собеседника, передачи возмущения, несогласия.

В фольклорных текстах могут сохраняться более архаичные варианты грамматических форм слов и конструкций, уже утраченные в литературном языке. Так, инфинитные формы глагола в предложении функционируют, как правило, при наличии финитной формы: они выражают такое действие, которое зависит от действия, передаваемого финитной формой. Однако в произведениях устного народного творчества встречаются случаи, когда инфинитные формы, в частности причастия, употребляются в предложениях самостоятельно. В таких предложениях полностью отпадает необходимость употребления финитных форм, например: *Борхатаб магIарда гIигин вукIадго тIогьараб магIарде вахун вукIарав* (М.Х.К.) «Находясь с отарой высоко в горах, взобрался на цветущую гору». Здесь вместо финитного глагола *вукIана* «был, находился» выступает инфинитная форма данного глагола – причастие *вукIарав* «бывший, находящийся». Сила предикативности данной причастной формы настолько интенсивна, что она замещает финитную форму и превращает словосочетание в предложение. Подобные факты, на наш взгляд, уже сами по себе могут служить убедительным аргументом того, что в старом аварском языке причастные формы имели статус предикативности, постепенно утраченный в ходе развития языка. В настоящее время в случаях (весьма, впрочем, редких) причастие может употребляться вместо глагола [Магомедов М., 2015, 158].

Аналогичное явление наблюдается также и в аварских народных пословицах и поговорках: *Кету рихаразда гIункIкIаз къвал балеб* (А.Х.К.) «Мыши обнимают тех, кому ненавистен кот»; *Къуваталдаса гIакълу бергьунеб* (А.Х.К.) «Ум побеждает силу»; *КIкIуй гьечIеб цIа букIунареб* (А.Х.К.) «Нет дыма без огня»; *ЛъикIлъи хIехьоларес квешлъи хIехьолеб* (А.Х.К.) «Кто не терпит хорошее, тот терпит плохое» и т. д. Здесь вместо финитных форм употреблены инфинитные формы: *балеб – бала* (лит. яз.); *бергьунеб – бергьуна* (лит. яз.); *букIунареб – букIунаро* (лит. яз.); *хIехьолеб – хIехьола* (лит. яз.). Как видим из примеров, причастия-предикаты в аварских пословицах и поговорках соотносительны с финитными формами современного литературного языка.

Однако для аварского языка в целом, по-видимому, преждевременно было бы считать этот процесс (предикативность причастий) завершенным: до сих пор иногда встречаются конструкции с причастиями в функции предиката. Предикативное употребление причастных форм – если не говорить о единичных случаях, возникающих в разговорно-просторечном стиле, – для нашего времени можно квалифицировать как явление, свойственное как аварскому литературному языку, так и его диалектам. Что же касается предложений с предикативными причастиями, то они раньше характеризовались, видимо, большей, чем сейчас, употребительностью, о чем свидетельствуют фольклорные тексты. В материалах устного народного творчества аварцев просматриваются особенности того или иного диалекта. Однако в силу большой распространенности и подвижности фольклорных сюжетов и текстов последние могут совмещать в себе весьма разнохарактерные лексические и синтаксические особенности многих диалектов, а не только лишь одного диалекта, где первоначально возникли эти произведения.

Условные сокращения

Гъ.Гъ. – ГъазимухIамад Гъалбац1ов
А.Х.К. – Авар халкъалъул кицаби ва абиял
М.Х.К. – Маг1арулазул халкъиял куч1дул

Литература

Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.; Л., 1949. 279 с. {Bokarev A.A. Syntax of the Avar language. Moscow; Leningrad, 1949. 279 p.}

Магомедов Д.М. Из истории изучения диалектов аварского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XV Всероссийской научной конференции, проводимой в рамках IV Всемирного курултая башкир и посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Ф.Г. Хисамитдиновой (Уфа, 20 ноября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 152–155. {Magomedov D.M. From the history of the study of dialects of the Avar language // Actual problems of the dialectology of languages of the peoples of Russia. Materials of the 15th All-Russian Scientific Conference held as part of the IV World Kurultai of Bashkirs and dedicated to the anniversary of Doctor of Philology, Professor F.G. Khisamitdinova (Ufa, November 20, 2015). Ufa, 2015. P. 152–155.}

Магомедов М.И. Структура простого предложения в аварском литературном языке и в его диалектах // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 3. М., 1996. С. 35–40. {Magomedov M.I. The structure of a simple sentence in the Avar literary language and in its dialects // Dagestan linguistic collection. Issue 3. M., 1996. P. 35–40.}

Магомедов М.И. Роль диалектов в процессе становления лексических норм аварского литературного языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XV Всероссийской научной конференции, проводимой в рамках IV Всемирного курултая башкир и посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Ф.Г. Хисамитдиновой (Уфа, 20 ноября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 155–159. {Magomedov M.I. The role of dialects in the formation of lexical norms of the Avar literary language // Actual problems of the dialectology of languages of the peoples of Russia. Materials of the 15th All-Russian Scientific Conference held as part of the IV World Kurultai of Bashkirs and dedicated to the anniversary of Doctor of Philology, Professor F.G. Khisamitdinova (Ufa, November 20, 2015). Ufa, 2015. P. 155–159.}

Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959. 511 с. {Mikailov Sh.I. Essays on Avar dialectology. Moscow; Leningrad, 1959. 511 p.}

Чикобава А.С. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1948. С. 5–18. {Chikobava A.S. From the history of the formation of the ergative (active) case in the Avar language // Languages of Dagestan. Vol. 1. Makhachkala, 1948. P. 5–18.}

УДК 81’373.611

А.Э. Мамедова, г. Гродно

ОБРАЗНАЯ МОТИВАЦИЯ ПРОИЗВОДНЫХ С СЕМОЙ «ЭМОЦИЯ» В ГОВОРАХ

Производные отношения диалектных единиц с семой «эмоция» строятся на различных видах мотивации. В данной статье рассматриваются случаи образной мотивации. Образная мотивация в рамках настоящей работы включает в себя собственно метафорическую мотивацию и мотивацию, основанную на семантической связи с переносным значением производящего. Производные с образной мотивацией способны образовывать различные объединения родственных слов. В некоторых случаях диалектные образные единицы выражают значения, не выраженные в системе литературного языка.

***Ключевые слова**: образная мотивация, метафорическая мотивация, когнитивно значимые единицы, диалектная лексика, производное слово, производящая основа.*

***FIGURATIVE MOTIVATION OF DERIVATIVES WITH THE EMOTION SEMA IN SUBDIALECTS**. The derivative relations of dialect units with the seme “emotion” are built on various types of motivation. This article discusses cases of figurative motivation. The figurative motivation in the framework of this work includes the metaphoric motivation itself and motivation based on semantic connection with the figurative meaning of the producer. Derivatives with figurative motivation are able to form various associations of related words. In some cases, dialectal figurative units express meanings not expressed in the system of literary language.*

***Keywords**: figurative motivation, metaphorical motivation, cognitively significant units, dialect vocabulary, derivative word, generating base.*

Явление метафорической мотивации впервые было описано В.В. Лопатиным. По мнению ученого, «специфика метафорической мотивации состоит в том, что переносный смысл возникает у определенных основ только на уровне мотивированного слова, только в его словообразовательной структуре» [Лопатин, 1975, 55]. При этом В.В. Лопатин уточняет, что существуют случаи передачи переносного смысла мотивированным словом, которые необходимо отличать от явления метафорической мотивации. К таким явлениям исследователь относит ***мотивацию устойчивыми сочетаниями*** с учетом метафорического смысла, присущего производным словам, который обнаруживается и на уровне сочетания мотивирующих слов (напр., *очковтирательство* ‘введение в заблуждение, обман’ ← *втирать очки*); ***семантическую связь мотивированного слова только с переносным значением мотивирующего*** (к примеру, *прилипала* ← *прилипать* ‘неотступно следовать за кем-то’) [Лопатин, 1975, 53−54].

Согласно классификации, предложенной Е.А. Земской и О.П. Ермаковой, выделяются следующие типы *образной мотивации* (термин Е.А. Земской; О.П. Ермаковой): 1) ***мотивация собственно метафорическая*** − производное соотносится только с метафорическим значением производящего (*зверь* − *звереть*); 2) ***мотивация ассоциативная*** − в качестве мотивирующего слова выступает прямое значение базового слова, но в производном реализуется прежде всего его коннотативный компонент (*цыган* – *цыганить*); 3) ***мотивация-метаморфоза*** – мотивирующим является прямое значение базового слова или сочетание слов (при образовании сложных слов), но производное при этом получает только метафорическое значение, прямое значение (или чаще сочетание прямых значений) при этом преобразуется в метафору (*сердцеед*, *белоручка*); 4) ***мотивация расширенно-метонимическая*** (*колесить*, *пришпилить*) [Ермакова, Земская, 1991, 105].

И.А. Ширшов выделяет 6 ступеней мотивированности, объединяя их в две большие группы: ***полная мотивированность***: 1) прямая, 2) переносная, 3) периферийная; ***частичная мотивированность***: 4) косвенная, 5) метафорическая, 6) ассоциативная [Ширшов, 1995, 41].

Е.В. Полянина в кандидатской диссертации «Метафорические процессы в словообразовании» подводит итог: «При всем многообразии и многоступенчатости классификаций тех случаев, когда образуются производные слова с переносным значением, можно выделить два основных типа мотивации: 1) переносное значение производного мотивировано переносным значением производящего (односторонняя словообразовательная мотивация); 2) переносное значение производного мотивировано прямым значением производящего (собственно метафорическая мотивация)» [Полянина, 2006, 7−8].

В данной статье, опираясь на классификацию В.В. Лопатина, мы выделяем единицы с собственно метафорической мотивацией и единицы, связанные семантически только с переносным значением мотивирующего. Мотивация устойчивыми сочетаниями является для нас материалом для отдельного исследования. Для обобщения данных видов мотивации мы используем термин Е.А. Земской и О.П. Ермаковой *образная мотивация*.

Благодаря отсутствию кодифицированности в говорах можно обнаружить значительное количество слов, значения которых не находят материального выражения в системе литературного языка, «диалектных когнитивно значимых единиц» [Никитевич, 2012, 142], либо слов, представляющих интерес своей формой. Образное мышление носителей языка, не связанное определенными нормами, способно породить немалое количество подобных единиц.

Примером собственно метафорической мотивации могут служить следующие производные:

1) Грибастый 1. ‘Губастый, с большими отвисшими губами’. *Грибан* 1. ‘Человек с толстыми губами’;

2) Грибастый 2. ‘Плаксивый’. *Грибан* 2. ‘Угрюмый, вечно недовольный человек’. → *Грибаниться* 1. ‘Хмуриться, становиться угрюмым’. 2. ‘Морщиться лицом, хмуриться, дуться, дуть губы; корчить рожи’. Арх. *Грибатик* ‘Плакса’. *Гри́биться* 1. ‘Морщиться, хмуриться, дуться, сердиться’. Пск., Твер. || ‘Плакать, скривив губы’ [Словарь русских народных говоров, 1972, 140].

В данном случае можно наблюдать «*двойную метафоризацию*» производящей основы: первое значение производного *грибастый* ‘губастый, с толстыми губами’ мотивировано ассоциацией (толстые губы − грибы), второе же значение снова подвергается метафоризации (толстые надутые губы − характерная черта плачущего человека). Таким образом, от основы *гриб* в говорах можно выделить две линии производных с метафорической мотивацией, представленных различными частями речи: существительными, прилагательными, глаголами. Следует отметить, что значение, основанное на метафорическом переосмыслении, способно развернуться в достаточно большое количество производных. Заслуживает внимания то, что среди указанных значений присутствуют и не выраженные в литературном языке значения, например, *гри́биться* ‘плакать, скривив губы’.

Представляет интерес следующий факт: данные единицы зафиксированы в разных говорах, объединяясь при этом в выражении схожих значений одной и той же производящей основой. Это говорит о том, что границы между говорами, даже находящимися в территориальном отдалении, не являются четкими, так как все русские говоры находятся внутри системы общенародного языка. Именно поэтому является возможным анализ деривационного потенциала диалектных слов как в рамках одного говора (группы говоров), так и в различных говорах.

Выражение различных эмоций, мотивированное метафорой, как в литературном языке, так и в говорах, зачастую строится по модели ‘вести себя как…’ и, следовательно, мотивируется переносным значением производящего. К примеру, *ба́биться* ‘стесняться, быть боязливым, нерешительным’ [Мельниченко, 1981, 25] ← *баба* 4. ‘Переносно и в сравнении: о мужчине слабого, нерешительного характера, робком, изнеженном и т. п.’ [Словарь современного русского литературного языка, 1948, 718].

Нередко номинации глаголов эмоций базируются на переосмыслении различных качеств животных. Заслуживает внимания тот факт, что в говорах на базе переносного значения могут образовываться различные объединения родственных слов: пары, цепочки, парадигмы. К примеру,

вспетушиться ‘внезапно прийти в раздражение, стать задиристым, как петух’ [Блинова, 2001, 63]; *запетушиться* ‘начать вести себя задиристо, как петух’ [Блинова, 2001, 109]; *петуший* ‘задиристый, как петух (о человеке)’ [Блинова, 2001, 197].

Особачеть ‘повести себя злобно, подобно собаке, грубо браниться’; *высобачить,* ‘выругать, облаять кого-л.’ [Словарь русских народных говоров, 1970, 25]. В говорах, как и в просторечной лексике, встречаются различные объединения родственных единиц с семой «эмоция, мотивированная значением ‘подобно лаю собаки’: *брехать* (с помет. неодобр.) ‘врать, говорить вздор, напраслину, подобно пустому лаю собаки’; *обрехать* ‘оболгать’; *брехня* ‘враньё, вздор, напраслина; результат действия по глаг. брехать’; *брехун* ‘клеветник, лгун; тот, кто брешет’ [Блинова, 2001, 46]. *Лай* ‘ругань, брань’; *лаять* ‘бранить, ругать’; *лаяться* ‘браниться, ругаться с кем-л.’; *облаять* ‘грубо обругать’ [Блинова, 2001, 147]. *Обгавкать,* осуд. ‘сильно обругать’. *Потявкать* ‘ругаться, браниться некоторое время’ [Блинова, 2001, 178].

Бычиться 1. ‘Упрямиться, дуться, отказываться от чего-л. из упрямства (о ребенке)’. [Мельниченко, 1981, 35]. Отражено в говорах и иное ассоциативное значение с данной основой, не связанной с эмоциональной лексикой: *Бык*, перен. ‘первая туча перламутрового цвета, являющаяся

предвестником сильной грозы, грозовое облако’. Вон какой бык-от из-за лесу-то вылазит, гроза будет. Бычиться ‘хмуриться, быть хмурым, сумрачным (о небе, погоде)’. Ноне весь день небо бычится. [Паникаровская, 1983, 53].

Воскрыситься ‘разозлиться, злобно наброситься на кого-либо; окрыситься’. Перм. [Словарь русских народных говоров, 1970, 137].

Куковать ‘быть в одиночестве, терпя лишения, невзгоды’ [Блинова, 2001, 142].

Звереть ‘приходить в ярость’. *Звероватый* ‘свирепый, словно зверь’ [Блинова, 2001, 111]. *Озвереть* ‘повести себя грубо, злобно, уподобиться зверю’ [Блинова, 2001, 183].

Для диалектной речи, как и для разговорной, характерно выражение одного и того же значения различными вариантами, к примеру, *зубатить* / *зубатиться* / *зубачиться* ‘ругаться, огрызаться, словно показывая зубы’ [Блинова, 2001, 115].

Следует отметить диалектные глаголы с образной мотивацией, значение которых не выражается в литературном языке одним словом, к примеру, *одеревенеть* 2. ‘Утратить силу воли, желание что-л. делать’ [Блинова, 2001, 183]; *прокиснуть* 1. ‘Стать скучным, вялым (о человеке)’ [Блинова, 2001, 220]. При этом важный дополнительный компонент значения: *костерить,* экспр. ‘***сильно*** ругать, бранить’; *наточить* ‘рассердить, настроив против кого-л., ***обострив это чувство’*** [Блинова, 2001, 173].

На основании проанализированного материала можно сделать вывод, что большинство случаев образной мотивации диалектных единиц обусловлено семантической связью мотивированного слова только с переносным значением мотивирующего, в меньшем количестве представлены случаи собственно метафорической мотивации.

Некоторые образные диалектные единицы с семой «эмоция» образуют различные комбинации родственных слов, не зафиксированные в словообразовательной системе литературного языка, а также выражают значения, являющиеся «когнитивно значимыми».

Литература

Ермакова О.П., Земская Е.А. К уточнению отношений словообразовательной производности // Russian Linguistics Vol. 15. No. 2 (1991). С. 105−116. {Ermakova O.P., Zemskaia E.A. To clarify the relations of derivational production // Russian Linguistics Vol. 15. No. 2 (1991). P. 105−116.}

Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ученые записки: сб. ст., Т. № 143 / Министерство просвещения Узбекской ССР, Ташкентский гос. пед. ин-т им. Низами; отв. ред. А. Н. Тихонов. Ташкент, 1975. С. 53–57. {Lopatin V.V. Metaphorical motivation in Russian word formation / V.V. Lopatin // Actual problems of Russian word formation. Scientific Notes: d. of art., P. 143 / Ministry of Education of the Uzbek SSR, Tashkent State Pedagogical Institute named after Nizami; editor A. N. Tikhonov. Tashkent, 1975. P. 53–57.}

Никитевич А.В. Опыт описания фрагмента лексико-словообразовательного гнезда (от литературного гнезда к диалектам) // Ф.М. Достоевский в современном поликультурном пространстве: сборник материалов международной научной конференции, Брест – Иваново, 6–7 октября 2011 г. / Учреждение образования «Брестский гос. ун-т им. А.С. Пушкина»; под общ. ред. Т.В. Сенькевич. Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2012. С. 141–147. {Nikitevich A.V. Experience description of a fragment of a lexical-derivational nest (from a literary nest to dialects) // F.M. Dostoevsky in modern multicultural space: collection of materials of the international scientific conference, Brest – Ivanovo, October 6–7, 2011 / Educational Institution “Brest State University named after A.S. Pushkin”; edited by T.V. Sen’kevich. Brest: BrSU named after A.S. Pushkin, 2012. P. 141–147.}

Полянина Е.В. Метафорические процессы в словообразовании (на материале производных глаголов с образной мотивацией): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Полянина; Саратовский гос. ун-т. Саратов, 2006. 24 с. {Polianina E.V. Metaphorical processes in word formation (on the material of derived verbs with figurative motivation): abstract of the candidate of philological sciences: 10.02.01 / E.V. Polianina; Saratov State University. Saratov, 2006. 24 p.}

Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии: в 12 т. / Т.Г. Паникаровская; под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда: Министерство просвещения РСФСР, Вологодский государственный педагогический институт, 1983. {Dictionary of Vologda dialects. Study Guide on Russian Dialectology / T.G. Panikarovskaia. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute, 1983.}

Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Томск, ун-та, 2001. 312 с. {Dictionary of figurative words and expressions of folk dialect / Ed. O.I. Blinova. Tomsk: Tomsk University Press, 2001. 312 p.}

Словарь русских народных говоров: 1965–2007. М.; СПб.: Изд-во Академии наук СССР; Институт лингв. исследований РАН. Вып. 1–42. {Dictionary of Russian subdialects [Slovarʹ russkikh narodnykh govorov]: 1965–2007. Moscow – St. Pet., Is. 1–42.}

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: В.И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. М.; Л.: АН СССР, 1948–1965. {Dictionary of modern Russian literary language [Slovarʹ sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka] / Ed. V.I. Chernyshev. Moscow, 1948–1965.}

Ширшов И.А. Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. М., 1995. № 1. С. 41−54. {Shirshov I.A. Types of word-building motivation // Philological Sciences. Moscow, 1995. No. 1. P. 41−54.}

Ярославский областной словарь. Учебное пособие: в 10 т. / Г.Г. Мельниченко [и др.]; отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль: Министерство просвещения РСФСР, Ярославский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт им. К.Д. Ушинского, 1981. {Yaroslavl Regional Dictionary. Tutorial: edited by G.G. Melnichenko. Yaroslavl: Ministry of Education of the RSFSR, 1981.}

УДК 39 (470.57); 641

Э.В. Мигранова, г. Уфа

БИШБАРМАҠ: ОСОБЕННОСТИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И ТЕРМИНЫ

В статье рассматриваются особенности приготовления и подачи одного из излюбленных башкирских мясных кушаний, а также территориальные особенности рецептуры и диалектные названия (бишбармаҡ, ҡуллама, һалма и др.). Это блюдо, будучи одним из древнейших традиционных кушаний башкир, широко включалось и в обрядовую жизнь народа, с ним были связаны особые церемонии угощения. На протяжении времени технология приготовления блюда и используемые ингредиенты видоизменялись, сказывалось влияние особенностей хозяйственных занятий, происходило смешение скотоводческих и земледельческих традиций, чувствовалось влияние национальных кухонь окружающих народов и т. д.

Ключевые слова: *башкиры, бишбармаҡ, мясные блюда, тюрки, скотоводы.*

BISHBARMAK: PECULIARITIES OF COOKING AND TERMS*. The article discusses the features of cooking and serving one of the favorite Bashkir meat dishes, as well as the territorial features of the recipe and dialect names (Bishbarmak, Kullama, halma, etc.). This dish being one of the most ancient traditional dishes of the Bashkirs, was widely included in the ritual life of the people, and special treats were associated with it. Over time, the cooking technology and the ingredients have been changed because of the influence of the characteristics of household occupations. Also there has been a mixture of cattle-breeding and farming traditions, the influence of the cuisines of the surrounding peoples was felt, etc.*

Keywords*: Bashkirs, bishbarmak, meat dishes, Turks, cattle breeders.*

Одни из наиболее ранних сведений о традиционной мясной пище башкир содержатся в трудах участников Академических экспедиций XVIII в. – П.С. Палласа [1773, 1786] и И.И. Лепехина [1775, 1802], маршрут которых охватил южное Приуралье, горные районы Башкортостана и Зауралье; некоторую информацию о питании башкир можно найти в обобщающем труде И.Г. Георги [1799]. Бишбармак (*ҡуллама*) неоднократно описывался также в публикациях XIX в. Так, в начале 90-х годов XIX в. у юго-восточных башкир собирал этнографические и антропологические материалы итальянский профессор С. Соммье [1891–1892]. В этот же период среди башкир работал П.С. Назаров [1890]. К концу XIX в. относятся серьезные исследования доктора Д.П. Никольского [1899]. Подробная глава о башкирской пище содержится в фундаментальной работе С.И. Руденко [1955]. Такое внимание, уделяемое мясным кушаньям башкир в целом и бишбармаку в частности, объяснялось тем, что башкиры, будучи скотоводами, отдавали предпочтение мясо-молочной пище, а бишбармак являлся одним из древнейших традиционных кушаний башкир и широко включался в обрядовую жизнь народа; с ним также были связаны особые церемонии угощения. Историко-этнографическое изучение традиционной башкирской кухни, в том числе мясных блюд, было продолжено во второй половине XX в. этнографами ИИЯЛ – С.Н. Шитовой, Р.Г. Гаделгареевой [Шитова, Гаделгареева, 1979; Гаделгареева, 1978 и др.]; в настоящее время изучение системы питания башкир и связанных с нею обычаев и обрядов является сферой наших научных интересов [Мигранова, 2012, 2016 и др.]. При определении ареала распространения блюда, изучении территориальных и диалектных особенностей названий, а также определении специфики их приготовления, наряду с полевыми материалами, неоценимую помощь оказывают работы башкирских языковедов. Так, терминологию, связанную с продуктами животного происхождения, исследовали У.Ф. Надергулов [1994, 2000], Г.Д. Зайнуллина [2006]; названия мясных продуктов рассматривались С.Г. Гильмановой [1985, 1988] и др.

В традиционном пищевом рационе башкир особое место издавна занимали мясные блюда (*ит ризыҡтары*). Башкиры, как и некоторые другие скотоводческие народы, предпочитали мясо скота с так называемым «горячим дыханием» – баранину и особенно конину. Считалось, что блюда, приготовленные из этих видов мяса, способны наполнить человека энергией и увеличить его силу. Менее ценилось мясо домашних животных с «холодным дыханием» – коров, коз, верблюдов. С. Соммье, побывавший в конце XIX в. на юго-востоке Башкортостана, отмечал, что в сельских лавках продавались «баранина и телятина по пяти коп. за фунт, а лошадиное мясо (маханина), предпочитаемое башкирами... вдвое дороже другого мяса» [Соммье, 1891–1892, 24]. В башкирском фольклоре имеются сведе-

ния, что наилучшие гостевые угощения готовились из «мяса четырехлетних кобылиц» [БНТ, 1987, 282–283, 512]. По мере перехода населения к оседлости и сокращения табунов и отар, у башкир возрастало употребление говядины, телятины, домашней птицы.

В условиях полукочевого образа жизни способы приготовления мясных блюд отличались простотой и в первую очередь основывались на сохранении вкусовых и питательных качеств продуктов. «Мясные кушанья башкир самые простые, вовсе не сложные, без всяких приправ», – отмечалось в литературе XIX в. [Коноплев, 1862, 379].

Ни одна праздничная гостевая или обрядовая трапеза башкир не обходилась без мясного угощения. Нарезанное довольно большими кусками мясо опускалось в казан с холодной водой и доводилось до готовности. Предпочтение отдавалось жирному мясу на кости – баранине или конине; часто использовалось одновременно несколько видов мяса, например, конина и баранина; конина, баранина и говядина; или конина, баранина и гусятина и т. д. В случае удачной охоты, в ход шло мясо лося, оленя или косули.

После закипания бульона, снимали пену и, прикрыв крышкой, продолжали варить мясо на слабом огне в течение 2–2,5 часов. Бульон солили примерно за полчаса до готовности. Солить сразу не рекомендовалось, поскольку в соленой воде мясо варилось дольше и сохраняло меньше вкусовых и питательных веществ. В самом конце приготовления отливали верхний (самый жирный) бульон (*һөҙлөк*, *һөҙҙөк, һөҙҙөк майы, тоҙлоҡ*, *тоҫтоҡ, өрө*, *сөҙөк*, *турта*) в отдельную посуду, чтобы позже полить им мясо.

Вместе с мясом по желанию варили вывернутые жиром внутрь свежие или провяленные конские кишки – *эсәк*, а также жир, снятый с загривка лошади – *ял* (*ҡазы ял*); в некоторых горно-лесных и зауральских деревнях в блюдо добавляли юрму (*йүрмә*, *йүрма*), состоящую из овечьих или козьих (реже – тонких говяжьих) кишок, переплетенных с добавлением брюшинного мяса. У башкир южных степных районов в прошлом лакомым угощением был верблюжий горб – *үркәс*; имевшие курдючных овец употребляли в пищу как самостоятельное блюдо или подавали с мясом сваренный бараний курдюк – *оса майы*. Особый вкус как бульону, в котором варилось мясо, так и всему блюду, придавала свежая или вяленая жирная конская колбаса – *ҡазы* (*ҡазылыҡ*, *ҡабырғалы ҡазы*), которую также можно было сварить вместе с мясом.

Сварившееся мясо вынимали и, немного охладив, нарезали небольшими ровными кусочками, которые вместе с субпродуктами и конской колбасой раскладывали на деревянном блюде *табаҡ* (*ҡоштабаҡ*). Мясо на кости и реберную часть баранины подавали отдельно или раскладывали по краю чаши с нарезанным мясом.

У башкир-скотоводов при угощении мясом во время праздничных и обрядовых трапез соблюдалась определенная последовательность. Сначала гостям подавалось сложенное горкой на большом подносе мясо на кости, причем каждому из присутствующих предназначалась собственная «доля» (*өлөш*). Такая форма подачи мяса являлась демонстрацией щедрости и должна была выражать идею изобилия. Распределение долей было прерогативой хозяина дома, но иногда он перепоручал эту почетную обязанность кому-либо из уважаемых гостей. При вручении мяса высказывалось пожелание изобилия скота. У башкир в рейтинге престижности высоко стояли ребра (*ҡабырға*), грудинка (*түш, түш ите*), бедренные кости (*янбаш, бот һөйәге*), филе (*билдәмә*), голова барана (*баш*), крестцовая часть туши (*оса һөйәге*), а также жирные кишки (*эсәк, ҡарта*), печень (*бауыр*), язык (*тел*) и др.

Особенно много мяса употребляли башкиры во время осенне-зимнего забоя скота – *һуғым*. Во время этих трапез мясное угощение готовилось из разных частей туши (*бөйөрөнән дә, арҡа һөйәгенән дә, ҡарынынан да, бауырынан да, түшенән дә, кабырғаһынан да*) [Гильманова, 1988, 43] и осмысливалось как некое ритуальное восстановление целостности животного, что должно было служить гарантом будущего приплода скота, а следовательно и материального благополучия хозяев.

У южных и юго-восточных башкир существовал старинный обычай угощать друг друга лучшими кусочками мяса, оказывая особое уважение (*һоғондороу*); при этом мясо клали руками прямо в рот. В начале трапезы хозяин проделывал эту процедуру со всеми присутствующими, затем каждый по желанию мог угощать кого угодно, демонстрируя свое расположение. Вот как описывает ощущения от подобного обхождения В. Зефиров, побывавший в середине XIX в. у башкир: «Что за приятность, что за вкус; а особенно, когда хозяин, искрошив баранину мелко-мелко и желая выказать свое доброхотство и любовь к гостю, зачерпнет своей пятерней из чашки баранины и поднесет к его рту, – так я уж и не знаю, как выразить это наслаждение, – оно выше всякого понятия» [Зефиров, 1989, 425]. Известный писатель Л.Н. Толстой, находясь на башкирской кочевке, писал жене, что «башкиры…

принимают везде с гостеприимством, которое трудно описать. Куда приезжаешь, хозяин закалывает жирного курдюцкого барана, становит огромную кадку кумысу, стелет ковры и подушки на полу, сажает на них гостей и не выпускает, пока не съедят его барана и не выпьют его кумыс. Из рук поит гостей и руками (без вилки) в рот кладет гостям баранину и жир, и нельзя его обидеть» [Цит. по: Рахимкулов, 1985, 94].

У башкир, также как и у многих других скотоводов Евразии, издавна сложилась традиция включения теста в состав мясного угощения. Раньше у многих скотоводческих народов, в пищевом рационе которых ощущался недостаток зерновых, вареное пресное тесто подчас было единственным мучным изделием, которое в процессе развития скотоводческой кухни добавлялось к мясу. Данное блюдо под названием «бишбармак» было довольно широко распространено и известно многим тюркским народам, имевшим сходство в хозяйственных занятиях: татарам (*бишбармак*), казахам, ногайцам, узбекам (*бесбармак*), киргизам (*бешбармак*) и т. д.

В литературе и этнографических источниках XVIII – XIX вв. термин «бишбармак» встречается неоднократно. Он, скорее всего, закрепился после публикаций русских и иностранных путешественников, которые отмечали, что «бишбармаком» полукочевые башкиры называли свое главное праздничное мясное блюдо, которое ели руками (букв. *биш бармаҡ* – пять пальцев). По свидетельству И.И. Лепехина, «бишбармак, самая лучшая башкирская пища, произходитъ от слова *биш* "пять" и *бармак* "палец" и состоит в мелкоизрубленных кусках лошадинаго, коровьяго или овечьяго мяса и салмы. Салма делается из крутаго теста пшеничной, ячменной или полбенной муки, которое, разделяя на куски величиною с медной пятикопеешник, варят в одном котле с мясом» [Лепехин, 1802, 106]. Основным гостевым угощением было «мелко крошеное мясо, которое они, за неупотреблением ими ложек, ели пятью пальцами. От чего пища сия и имя свое имеет… бишбармак» [БНТ, 1987, 338]. П.С. Назаров, посетивший башкир в конце XIX в., считал, что бишбармак называется так еще и потому, что пресное тесто для него делается «со следами пяти пальцев» [Назаров, 1890, 185].

Вообще у многих кочевых и полукочевых скотоводческих народов Евразии наблюдалось сходство в способах переработки мяса и приготовлении мясных блюд, в том числе бишбармака; важное значение имел и порядок угощения мясом, ритуального вручения той или иной части туши.

Однако даже среди башкир название «бишбармак» употреблялось не повсеместно. Кое-где на юго-западе республики (Давлекановский, Альшеевский и другие районы), в центральных областях, некоторых юго-восточных Зауральских районах (Абзелиловском) и горно-лесных деревнях (Бурзянский район) мясное блюдо с квадратной лапшой называлось «*һалма*» или «*ҡуллама*» (диал. – *ҡулдама*; в ряде юго-восточных аулов – *ҡулһалма*, на юго-западе встречалея термин *ҡулҫалма*). Названия *ҡуллама, ҡулдама* также бытуют в кызылском и миасском говорах. В их основу положена словообразующая форма *ҡул* – «рука» [Надергулов, 2000, 127], что также означает, что раньше это блюдо ели руками или что кусочки теста для него формовали вручную. Среди населения южных и юго-восточных районов для обозначения такого кушанья употреблялись также названия *һалма* (Белорецкий, Хайбуллинский, Баймакский, Кугарчинский и другие районы), *һалмалы ит* (мясо с салмой), *итте аш* (мясная пища, мясной суп) или просто *аш* (пища, суп). Когда в мясном бульоне были сварены крупные куски теста, блюдо могло называться *ҡүмәс ашы* (*ҡүмәсте ашы, өлөште аш*). У оренбургских башкир издавно было распространено мясное блюдо, сходное с бишбармаком, называемое *ҡушбаш (ҡошбаш)*; а у ик-сакмарских – *ҡарпау*, по способу приготовления и вкусу также напоминающее бишбармак [Гильманова, 1985, 132].

Форма изделий из теста, используемых в разных районах для праздничного мясного блюда, могла быть различной, но рецептура самого теста особо не отличалась: в подсоленную воду разбивали одно или несколько яиц и замешивали крутое тесто из пшеничной муки (раньше использовали также ржаную, ячменную или просяную муку); в южных и юго-восточных районах в тесто по давней скотоводческой традиции иногда добавляли бульон, считая, что такая салма будет более вкусной и не разварится. Наиболее ранним способом приготовления теста, вероятно, была мучная затируха (*умас*, *ыумас*, *ымас*), перетертая между ладонями, или кусочки теста, отрываемые от жгутиков не раскатанного теста (*өҙмә һалма*, *һындырған һалма, озонса һалма*); часто небольшие кусочки теста скатывали в шарик или расплющивали между пальцами (*йомро һалма, ҡул һалмаһы*, *ҡулһалма, ҡулдама*, *ҡуллама*, *сумар*); иногда небольшое количество мягкого теста отсекалось ложкой и сбрасывалось в кипящий бульон (*ҡашыҡ сумары*). На юго-западе предпочитали готовить клецки-ракушки (*соҡор һалма*, *сумар*), сделав большим пальцем углубление в кусочке теста; иногда это делали на сите, в результате чего на ракушках оставался сетчатый узор (*иләк һалмаһы*). Таким образом подготавливали тесто демские,

айские, иногда челябинские и курганские башкиры. В северо-восточных районах в памяти информаторов сохранились воспоминания о приготовлении бишбармака с закрученными кусочками теста [Шитова, 1979, 97]. Но в целом затируху или изделия типа клецек, галушек, ракушек редко добавляли в мясные блюда; ими больше заправляли молочные, постные или зеленые супы (*һөтлө аш*, *ҡараш*, *ҡыҫыр аш, балтырған ашы*).

У южных и юго-восточных башкир рано установилась традиция использования для подачи с мясом салмы, которую нарезали из тонко раскатанного теста. Сочень, независимо от последующей разделки, обычно назывался так же, как и пресные лепешки – *йәймә, өшә*. Самыми распространенными способами нарезки теста у башкир были небольшие квадратики или ромбики (примерно 1,5 х 2,0 см) (*һалма*, *дүрткел һалма*, *ҡыйыҡ һалма*, *шаҡмаҡ һалма*). Информаторы из юго-восточных районов отмечали, что крупная четырехугольная лапша (5х5 см или 7х7 см) чаще называлась «казахской» – *ҡазаҡ һалмаһы*. На западе и северо-востоке Башкирии, а также в восточном Зауралье ромбическая салма была малопринятой, хотя сам термин *һалма* употреблялся.

Салму, как правило, отваривают в небольшом количестве бульона или воды, вынимают, сдабривают бульонным жиром или сливочным маслом (чтобы избежать слипания), после чего соединяют с нарезанным мясом и конской колбасой и щедро поливают наваристым бульоном. Бульон, в котором варилось тесто, гостям обычно не подают.

В ряде горных районов, а также в аулах, расположенных к югу и юго-востоку по реке Белой, встречаются случаи, когда тонкие сочни отваривают целиком или тесто делят очень крупно – на четыре или восемь частей. Иногда тесто не режут, а просто разрывают руками. Запрет резать тесто или хлеб ножом идет из глубокой древности, у некоторых народов он силен и в наши дни. Традиция «вареного хлеба» особенно крепка в восточном Зауралье: вареные куски теста здесь называют *күмәс* – это один из терминов, обозначающих у башкир хлеб. В Кунашакском районе Челябинской области большой кусок теста, сваренный в казане в бульоне, называется *ҡазан күмәсе (ҡазан гүмәсе)*.

Раньше готовое блюдо, состоящее из мяса и теста, посыпалось мелко нарезанным диким луком и/или чесноком; с развитием огородничества в состав кушанья стали включать картофель, морковь, репчатый лук, нарезанный кольцами, петрушку, укроп и т. д.

В конце угощения бишбармаком традиционно подается мясной бульон. В наши дни его наливают каждому отдельно, а раньше бульон чаще пили так же, как и кумыс, передавая чашу по кругу. По мере опустошения, чашу наполняли вновь. Вообще, обычай передавать сосуд с кушаньем или питьем по кругу был призван подчеркнуть единство коллектива, а совместное угощение выполняло важные нравственно ориентированные функции: у людей во время общей трапезы укреплялись теплые дружеские отношения. В народе говорили: *«Бер көн тәғәм итһәң, ҡырҡ көн сәләм бир»* (Один раз угостившись, сорок дней приветствуй).

Бишбармак у башкир является не только праздничным, но и обрядовым блюдом. Это мясное кушанье часто выступает и в качестве ритуального во время календарных, семейных и религиозных праздников. Так, для приготовления обрядового угощения в засушливые годы во время обряда вызывания дождя (*теләк, ямғыр теләү, ямғыр бутҡаһы*) башкиры режут купленное вскладчину или пожертвованное богатыми односельчанами животное (барана, овцу или козу, реже корову или лошадь) черной масти – *ҡорбан*, а затем в больших котлах варят бишбармак.

У различных групп башкир, в силу природных и хозяйственных особенностей, а также культурного влияния окружающих народов, издавна сложилась и пищевая специфика. Полевые этнографические материалы демонстрируют наиболее отчетливые различия в традициях питания башкир-скотоводов южных и юго-восточных районов, у которых длительное время сохранялись особенности полукочевого образа жизни, а также башкир западных и северных районов.

У западных, северо-западных, северных башкир блюдо типа бишбармака не было распространено, а основным праздничным угощением являлся мясной суп с тонко нарезанной лапшой (*туҡмас, оҙон туҡмас*) и кусочками мяса, по желанию заправленный катыком. Причем, чем тоньше и длиннее была нарезана лапша, тем выше оценивалось мастерство хозяйки. Однако и здесь, так же, как и в южных и в юго-восточных районах, существовал обычай во время крупных застолий выделять гостям порции мяса на кости (*өлөш*). На стыке территорий, по среднему течению реки Белой (Гафурийский, Ишимбайский районы), в южном Забелье (Зианчуринский, Куюргазинский, Мелеузовский районы) после традиционного угощения мясом с салмой гостям иногда подавали суп с лапшой (*туҡмаслы аш*). У челябинских и курганских башкир бишбармак иногда готовили с длинной лапшой. Это были своего рода компромиссные варианты праздничного угощения, примирившие разнохарактерные традиции

юго-восточных скотоводческих и северо-западных земледельческих территорий. Две формы лапши – в виде длинных узких полосок и ромбическая – представляли по существу кулинарные традиции разных этнических групп башкирского народа [Шитова, Гаделгареева, 1979, 100].

Таким образом, на примере рассмотрения даже одного блюда мы видим, что на пищевые традиции башкир, технологию приготовления кушаний и терминологию блюд оказывали влияние особенности хозяйственных занятий населения, культурное взаимодействие с окружающими народами и т. д.

Несмотря на современную трансформацию системы питания, традиционный мясной бишбармак сохраняется в рационе многих скотоводов, в том числе и башкир. Это блюдо в какой-то мере является символом и брендом национальной кухни не только башкир, но и некоторых других тюркоязычных народов. У башкир приготовление и подача этого праздничного кушанья, как и раньше, сопровождаются определенными правилами и ритуалами. Во многих башкирских семьях бишбармак до сих пор предпочитают делать традиционно без овощей. Так же, как и раньше, при угощении этим блюдом соблюдается определенная последовательность – сначала подается мясо на кости (*өлөш*), затем мясо, смешанное с вареным тестом-салмой, нарезанным ромбиками (*һалма*), и наконец, бульон (*һурпа*) с разведенным в нем курутом.

Литература

Башкирско-русский, русско-башкирский терминологический словарь по животноводству / сост. Г.Д. Зайнуллина. Уфа, 2006. {Bashkir-Russian, Russian-Bashkir terminological dictionary of livestock / Comp. G.D. Zaynullina. Ufa, 2006.}

Башкирское народное творчество (далее – БНТ). Эпос / сост. М.М. Сагитов. Т. 1. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. {Bashkir folk art Epic / comp. M.M. Sagitov. T. 1. Ufa, 1987.}

Гаделгареева Р.Г. Традиционные способы консервирования молочных и мясных продуктов у башкир // Культура и быт башкир. Уфа, 1978. {Gadelgareeva R.G. Traditional methods of preserving dairy and meat products in Bashkirs // Culture and life of Bashkirs. Ufa, 1978.}

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. II. СПб., 1799 {Georgi I.G. Description of all peoples living in the Russian state: Their everyday rites, customs, clothes, housing, exercises, fun, faiths and other memorials. Part II. SPb., 1799}.

Гильманова С.Г. Названия мясных продуктов в говорах башкирского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа, 1985. С. 131–134. {Gilmanova S.G. Names of meat products in the dialects of the Bashkir language // Questions of the dialectology of Turks languages. Ufa, 1985. P. 131–134.}

Гильманова С.Г. Ареал и структура названий пищи в башкирском языке // Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике башкир. Уфа, 1988. {Gilmanova S.G. The area and structure of food names in the Bashkir language // Areal studies in Bashkir dialectology and onomastics of Bashkirs. Ufa, 1988.}

Зефиров В. Взгляд на семейный быт башкирца // Башкирия в русской литературе. Т.1. Уфа, 1989. С. 421 – 428. {Zefirov V. Look at the family life of the Bashkir // Bashkiria in Russian literature. T.1. Ufa, 1989. P. 421–428.}

Коноплев Н.В. О кумысе у башкирцев Оренбургской губернии // Протоколы заседаний русских врачей в Санкт-Петербурге в 1861–1862 гг. СПб., 1862. С. 373–385. {Konoplev N.V. About koumiss among the Bashkirs of the Orenburg province // Protocols of the meetings of Russian doctors in St. Petersburg in 1861–1862. SPb., 1862. P. 373–385.}

Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина в 1770 г. Ч. II. СПб., 1802. {Lepekhin I.I. Continuation of the daily notes of the journey of academician and medicine Dr. Ivan Lepekhin in 1770, Part II. SPb., 1802.}

Мигранова Э.В. Башкиры. Традиционная система питания: историко-этнографическое исследование. Уфа: Китап, 2012 (переиздание: Уфа: Китап, 2016). {Migranova E.V. Bashkirs. Traditional nutrition system: historical and ethnographic research. Ufa: Kitap, 2012; 2016.}

Надергулов У.Ф. Названия домашних животных в башкирском языке // Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии. Уфа, 1994. {Nadergulov U.F. Names of domestic animals in the Bashkir language // Actual problems of Bashkir lexicology and lexicography. Ufa, 1994.}

Надергулов У.Ф. Животноводческая лексика башкир. Уфа, 2000. {Nadergulov U.F. Livestock vocabulary of the Bashkirs. Ufa, 2000.}

Назаров П.С. К этнографии башкир // ЭО. 1890. Вып. 1–2. С. 164–192. {Nazarov P.S. To the ethnography of the Bashkirs // EO. 1890. Issue. 1–2. P. 164–192.}

Никольский Д.П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. {Nikolsky D.P. Bashkirs. Ethnographic and sanitary-anthropological research. SPb., 1899.}

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Кн. I, ч. 1. СПб., 1773; Кн. I, ч. 2. СПб., 1786. {Pallas P.S. Traveling to different provinces of the Russian Empire. SPb., 1773; 1786.}

Рахимкулов М.Г. Любовь моя – Башкирия. Уфа, 1985. {Rakhimkulov M.G. My love is Bashkiria. Ufa, 1985.}

Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. {Rudenko S.I. Bashkirs: Historical and ethnographic essays. M.; L., 1955.}

Соммье С. О башкирах / пер. О.Н. Олениной; под ред. Д.П. Никольского // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 13. Вып. 1. Екатеринбург, 1891–1892. {Somme S. About the Bashkirs // Notes of the Ural society of lovers of natural sciences. T. 13. No. 1. Yekaterinburg, 1891–1892.}

Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979. С. 78–125. {Shitova S.N., Gadelgareeva R.G. Cereals in the everyday, festive and ceremonial food of the Bashkirs in the late XIX – early XX centuries // The economy and culture of the Bashkirs in the 19th – early 20th centuries. M., 1979. P. 78–125.}

УДК 811.161.1'373.231

М. Мордань, г. Белосток (Польша)

ДИАЛЕКТНЫЕ ФОРМЫ ЛИЧНЫХ ИМЕН НА ПОЛЬСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

(на примере деревни Хацьки)

В статье рассматриваются формы личных имен современного неофициального обихода на польско-белорусском пограничье. Проводится анализ ономастических единиц с учетом словообразовательных и фонетических особенностей местного восточнославянского говора. Автор указывает на значение диалектных форм в поддержании национальной идентичности автохтонов и подчеркивает их связь с агионимами христианского происхождения. Данное исследование дает лингвистическое описание и закрепляет исчезающие локальные варианты собственных имен.

***Ключевые слова**: ономастика, антропонимия, личные имена, неофициальные формы личных имен, диалект, польско-восточнославянское пограничье.*

***DIALECTAL VARIANTS OF FORENAMES ON POLISH-EAST SLAVIC BORDERLAND IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY AND AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY (EXAMPLIFIED BY HAĆKI VILLAGE).** The paper presents contemporary informal variants of forenames on the Polish-Belorussian borderland. The village, in which residents use the local Eastern-Slavonic subdialect is the example. The analysis also includes word-formation and phonetic aspects. Dialectal variants of forenames support the national identity of indigenous peoples. Attention is drawn to the need of collecting, saving and studying the informal anthroponyms, which demonstrate specificity of local ethnic and cultural space.*

***Keywords**: onomastics, anthroponymy, forenames, informal variants of forenames, dialect, Polish-East Slavic borderland.*

С середины XX в. наблюдается повышенный интерес к изучению региональных ономастических систем. За это время появилось большое количество работ, посвященных неофициальной антропонимии, в которых главное внимание отводится экстралингвистически мотивированным единицам – прозвищам [Лисова, 2016, 269–270]. По нашему мнению, пристального внимания также заслуживают и местные формы личных имен, употребляющиеся исключительно в повседневной устной речи автохтонов. В силу воздействия внутри- и внешнеязыковых факторов, локальные варианты имен естественным путем выходят из обихода, навсегда исчезая из регионального антропонимикона. Именно поэтому они требуют немедленной письменной фиксации и лингвистического описания.

Культурная ценность местных антропонимов повышается, если они бытуют в этнически неоднородной среде. Деревня Хацьки (произн. *ħацьки, γацьки*) расположена на польско-восточнославянском пограничье – территории столкновения и взаимовлияния разных цивилизаций и вероисповеданий. Среди них выделяются два культурных ареала – восточнославянский, с византийским религиозным наследием, и польский, с латинской конфессиональной традицией. Неофициальная антропонимическая система данного населенного пункта тесно сопряжена с микроязыком, служащим средством повседневного общения. Местные жители пользуются восточнославянским подляшским говором – диалектом, сформированным на базе западнорусского (старобелорусского) языка, в прошлом основного языка канцелярии Великого княжества Литовского.

На территории деревни Хацьки в качестве основного средства именования отдельных жителей преимущественно выступают: неофициальная форма крестного имени (напр., *Ка'тька, Шу'рык*) и двухкомпонентная антропонимическая модель, включающая в себя квалитатив имени и сингулятивную форму уличной фамилии (напр., *Вла'дэк Хотюку͡о'в, Ге'ник Они'ськув, Зи'нка Никано'рова, Ма'нька Тимо'хова*). Именование человека с помощью уличных фамилий присуща, главным образом, жителям старшей генерации. Тем не менее этот способ идентификации используют представители среднего, и, в меньшей степени, молодого поколений. Количество здешних прозвищ невелико, несмотря на то, что в антропонимическом пространстве некоторых других деревень региона они более продуктивны. Постепенно в живую речь жителей сельской местности проникает антропонимическая

модель *имя + фамилия*, употребляемая в официальном языке и характерная для городской среды. В этом населенном пункте таких способов именования немного, что на данный момент позволяет обнаружить и зафиксировать традиционные антропонимические формулы.

Необходимо подчеркнуть, что поскольку жители этой деревни исповедуют православие, местная система личных имен сформировалась на основе православного церковного календаря. Канонические формы христианских имен подвергались многовековым изменениям и приспосабливались к народной среде, что привело к возникновению огромного количества вариантов, особенно в устной сфере [Лемтюгова, Гапоненко, 2018, 20].

Основным ономастическим источником данного исследования стали записи спонтанной речи старожилов деревни Хацьки. Именно говор людей старшего поколения отражает архаический и оригинальный материал [Ганцовская, 2019, 300]. Анализируемые онимы относятся к проживающим ныне, или умершим во II половине XX – начале XXI в., память о которых сохраняется среди диалектоносителей [ср. Тюрина, 2015, 211].

В области мужских имен засвидетельствовано 53 неповторяющиеся единицы. Официальные варианты немногочисленны. Единичными случаями представлены антропонимы, тождественные церковным формам имен (*Рома'н* 1 – цифра обозначает количество форм в материале), польским (*А'нджей* [*д-ж*] 2) или русским литературным (*Ива'н* 4). Более продуктивны неофициальные варианты: *Гми'тёр* 1, *И'гор*1, *Марци'н* 1, *Микола'й* 1, *Ондры͡е'й* 1, *Рыху͡о'р* [ɦ], [*ɣ*] 1, *Стэпа'н* 1, *Сэрху͡е'й* [ɦ] 2, *Тимо'х* 1, *Трохи'м* 1, *Федо'т* 3, *Хвэду͡о'р* 1. К этой группе следует также причислить имя, лишенное церковного окончания *-ий*: *Васи'ль* [*l*] 2 [*l* – здесь и дальше – обозначение альвеолярного латерального звука близкого польскому *l*]. Гораздо чаще встречаются дериваты (или квалитативные формы [Ганжина, 2016, 115]) христианских личных имен. Некоторые из них возникли путем усечения основы и прибавления окончания *-а/-'а* (*Ва'ня* 1, *Ко'ля* [*la*] 1, *Пе'тя* 1, *Са'ня* 1), а также *-ы*, появившегося, предположительно, под влиянием польского официального имени (*Костэ'нты* 1, ср. польск. *Konsta'nty*). Нулевое окончание имеет дериват *Гмиць* 1, возникший, возможно, под воздействием фонетики белорусского языка или вследствие полонизации восточнославянского варианта с мягким согласным *т'*. Три формы представляют собой суффиксальные образования, в которых формант присоединился к полной основе исходного имени: *Миха'лко* 2 (ср. польск. *Mi'chał*), *Пё'трэк* 1, *Я'нэк* 1. Самую большую группу образуют деминутивы, в которых усечение основы сопровождается суффиксацией. Заметно преобладают суффиксы с согласным элементом *-к-*, то есть *-ка* (*Ва'ська* 1, *Воло'дька* 2, *Ко'лька* [*l*] 5, *Лё'нька* [*lo*] 1, *Ми'тька* 1, *Ми'шка* 2, *Пе'тька* 3, *Са'нька* 5, *Сё'мка* 1, *Серо'жка* 1, *Сцё'пка* 2, *Шу'рка* 3), *-ик* (*А'лик* 1, *Ге'ник* 3, *То'лик* 2), *-ко* (*Ля'рко* [*la*] 1, *У'лько* [*l*] 1), *-ык* (*Шу'рык* 1), и характерный для польского языка формант *-эк* (*Вла'дэк* 1, *Ко'стэк* 1, *Ро'мэк* 1, *То'мэк* 2). Несколько дериватов образовалось с помощью других суффиксов – с элементом *-с'* (*Грэсь* 1, *Онто'сь* 1), *-л' (-l)* (*Ондру'ль* [*l*] 1) и *-н-* (*Грэ'ня* 1). Дважды отмечен сложный суффикс *-ш+к(а)*: (*Гры'шка* 4, *Са'шка* 1).

В ряде примеров наблюдаются фонетические изменения: чередования гласных (*Ондры͡е'й, Онто'сь, Ондру'ль* (оканье)) и согласных (*Гми'тёр, Стэпа'н, Тимо'х, Трохи'м, Хвэду͡о'р*), отвердение согласных (*Гры'шка, И'гор, Сэрху͡е'й*), исчезновение протетических согласных звуков (*Рыху͡о'р*), упрощение группы гласных (*Лё'нька*, *У'лько*, *Федо'т, Хвэду͡о'р*). Появляются гибридные (восточнославянско-польские) формы, например, *Костэ'нты, Грэсь*. Дифтонги, отмеченные в исследуемых именах (*Сэрху͡е'й*, *Рыху͡о'р*, *Хвэду͡о'р*), типичны для подляшских говоров. Важным фактором, позволяющим отнести диалектные формы к производным именам православного церковного календаря, является ударение. Именно по этой причине имена *Марци'н, Микола'й* относятся, вероятнее всего, к народным вариантам церковных имен *Мартин, Николай*, а не к антропонимам в польской официальной версии *Ma'rcin, Miko'łaj*. Имя *И'гор* (с твердым конечным согласным), встречающееся в польском языке, соотносится с восточнославянской культурной традицией.

Разнообразны по структуре также женские имена, насчитывающие 42 единицы. Их количественное распределение по словообразовательным моделям частично соответствует мужским антропонимам. Встречаются формы, равные польским официальным вариантам (*Агне'шка* 1, *Хали'на* [ɦ] 1, *Кароли'на* 1, *Паули'на* (иногда произн. как *Павли'на*) 1, *Эвэли'на* 1), церковным (*Мела'ния* 2) или одновременно как церковным, так и польским (*Тама'ра* 1). Неофициальных вариантов женских имен меньше, по сравнению с мужскими антропонимами аналогичного типа. В исследуемом материале их всего три: *Хажбы͡е'та* [ɦ] 1, *Мокрэ'ня* 1 и *Тэ'кля* 1. Последний пример, в силу фонетических особенностей, причислен к производным формам, несмотря на польскую исходную форму *Te'kla* (см. ниже). В одном имени появляется окончание *-а* вместо церковного *-ия* (*Ли'да* 1). Остальные

имена – это дериваты, возникшие в итоге словообразовательных процессов. К ним относятся квалитативные формы, сформированные вследствие усечения основы и прибавления окончания: *А'ня* 2, *Ва'ля* [*la*] 1, *Ге'ня* 1, *Кры'ся* 1 (ср. нерк. *Христина*, польск. *Krysty'na*), *Лю'ба* [*lu*] 2, *На'дя* 6, *На'сьця* 2, *О'ля* [*la*] 2 (здесь от *Ольга* и *Александра*), *Пара'ска* 1. В других случаях суффиксы прибавлялись к полной основе: *-ка* (*Вӣе'рка* 4, *Ха'нка* [ɦ] 1, *Зо'йка* 1, *Ни'нка* 2), *-(у)ся* (*Хану'ся* [ɦ], [ɣ] 1), *-дзя* (*Ха'ньдзя* [ɦ] 2). Чаще всего в употреблении оказываются дериваты, возникшие путем усечения основы с одновременной суффиксацией. Рядом с формантом *-ка*, заметно преобладающим в рассматриваемом наборе (*Ва'лька* [*l*] 3, *Ду'нька* 1, *Ё'лька* [*l*] (< польск. *Jo'la* < *Jola'nta*) 2, *Жэ'нька* 4, *Зи'нка* 7, *И'рка* 1, *Ка'тька* 1, *О'лька* [*l*] 3, *Ра'йка* 2), выступают аффиксы *-н(я)* (*Ма'ня* 2, *Со'ня* 1) и *-с(я)* (*А'ся* (< польск. *Joa'sia* < *Joa'nna*) 1, *Явдо'ся* 1). Следует обратить внимание на квалитативы со сложными суффиксами: *-н'+к(а)* (*Ма'нька* 15, *Со'нька* 2) и *-с'+к(а)* (*Лю'ська* [*lu*] 1).

Также в репертуаре женских имен обнаруживаются фонетико-фонологические изменения. К ним относятся: чередование гласных (*Мокрэ'ня*), опущение букв (*Хажбӣе'та*), яканье (*Явдо'ся*), цеканье (*На'сьця*) и дзеканье (*Ха'ньдзя*), смягчение согласных (*Мокрэ'ня*), наличие дифтонгов (*Вӣе'рка, Хажбӣе'та*). Упомянутые особенности производных форм подчеркивают их дифференцированность от официальных личных имен – с одной стороны, с другой – придают им местную языковую окраску. Своеобразие местной антропонимической системы заключается также в употреблении польско-восточнославянских гибридных форм, примерами которых являются имена *Хажбӣе'та*, *Кры'ся, Тэ'кля* и др.

Стоит отметить, что некоторые жители именуются с использованием квалитативных форм как с формантом *-ка*, так и бессуффиксных, напр. *Ге'нька Борысо'ва – Ге'ня Борысо'ва, На'дька У'лькова – На'дя У'лькова, Са'нька Мела'нин – Са'ня Мела'нин, Сцё'пка Белахӯ'в – Сцё'па Белахӯ'в*. Причисление антропонимов к соответствующим группам было обусловлено частотностью употребления конкретной формы имени. Не будет лишним упомянуть, что варианты на *-ка*, вопреки эмоционально-экспрессивной окраске этого аффикса в пласте нарицательной лексики, в локальных онимах выступают, как правило, стилистически нейтральными и обычными для обыденного общения носителей диалекта [ср. Ганцовская, 2019, 302].

Как показал рассмотренный материал, приведенные формы личных имен восходят к агионимам христианского происхождения. Значительно преобладают восточнославянские варианты производных антропонимов. Наличие немногочисленных квалитативов, свойственных польскому языку, оправдано административной и гражданской принадлежностью деревни Хацьки и ее жителей к Республике Польша. Тем не менее они косвенно относятся к церковным именам, поскольку местность населяют православные жители. Небольшую группу составляют имена, отсутствующие в святцах Восточной церкви, но их носители крещены с другими именами (напр., *Каролина – Кира, Паулина – Павла, Эвэлина – Ева*).

В ходе словообразовательного анализа выявлено, что наибольшее количество производных форм образовалось путем усечения основы и суффиксации. В неофициальной речи именно гипокористики используются для выражения вокативной и фатической функций [Мадиева, Супрун, 2010, 100].

Личные собственные имена являются яркими этническими, социальными и историческими показателями. Вместе с другими компонентами речи они создают языковую картину мира [Климкова, 2018, 14–15]. В развитии общества неизбежен процесс односторонней ассимиляции, в результате которой культура меньшиства вытесняется доминирующей цивилизацией. Его можно наблюдать и на рассматриваемой территории. В региональных говорах количество вкраплений польского языка увеличивается. В области локальных форм имен (представляющих собой неотъемлемую составную часть диалектной лексики) несложно заметить, что традиционные, восточнославянские квалитативы уступают место польским вариантам, как, например, в антропонимических образованиях *То'мэк Ги'брув, А'нджей Ме'ткув, Агне'шка Белахо'ва*. Имена такого типа лишены местной языковой окраски. Поэтому описание диалектных форм личных имен способствует, хотя бы в минимальной степени, сохранению своеобразия локального этнокультурного пространства (деревни и региона в целом) и поддержанию национальной идентичности местного населения.

Литература

Ганжина И. М. Об основных тенденциях антропонимической номинации преднационального периода (на материале тверских памятников деловой письменности XVI–XVIII веков // Вестник ТвГУ. Филология. 2016.

№ 1. С. 114–121. {Ganzhina I.M. On the main trends of anthroponymical nomination pre-national period (on the material of the Tver business manuscripts XVI–XVIII centuries) // Bulletin of TvSU. Philology. 2016. Vol. 1. P. 114–121.}

Ганцовская Н.С. Личные имена собственные в ономастическом пространстве костромских говоров // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции / под ред. В.Л. Васильева, Т.В. Шмелевой, Н.Н. Вихровой, В.И. Супруна. Великий Новгород: НовГУ, 2019. С. 300–305. {Gantzovskaya N.S. Personal proper names in onomastic space of Kostroma dialects // Onomastics of the Volga region: materials of the 17th International Scientific Conference / Ed. by V.L. Vasilyev, T.V. Shmeleva, N.N. Vikhrova, V.I. Suprun. Veliky Novgorod: NovSU, 2019. P. 300–305.}

Климкова Л.А. Имя собственное в газетном дискурсе: ассоциативно-деривационный и функциональный аспекты // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования / под ред. А.М. Мезенко. Витебск: ВГУ, 2018. С. 14–20. {Klimkova L.A. Proper names in newspaper discourse: associative-derivational and functional aspects // Regional Onomastics: problems and prospects of research / Ed. by A.M. Mezenko. Vitebsk: VSU, 2018. P. 14–20.}

Лемтюгова В.П., Гапоненко И.О. Корни наших фамилий. Карані нашых прозвішча? Минск: Звязда, 2018. 672 с. {Lemtiugova V.P., Gaponenko I.O. The roots of our surnames. Minsk: Zvazda, 2018. 672 p.}

Лисова И. Неофициальные формы личных имен: полиаспектный подход // Studia Wschodniosłowiańskie. 2016. Т. 16. С. 269–278. {Lisova I. Informal forms of personal names: multidimensional approach // Eastern Slavic Studies. 2016. Vol. 16. P. 269–278.}

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия ВГПУ. 2010. № 6 (50). С. 96–102. {Madieva G.B., Suprun V.I. Anthroponyms as a means of national culture expressing // News of VSPU. 2010. Vol. 6. P. 96–102.}

Тюрина Г.Н. Онимы и апеллятивы как производящая база для нижегородских уличных фамилий // Вестник ННГУ. Филология. 2015. № 2. С. 210–214. {Tyurina G.N. Onyms and appellatives as the source base for Nizhni Novgorod street family names // Bulletin of UNN. Philology. 2015. Vol. 2. P. 210–214.}

БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ • ЭНЦИКЛОПЕДИЯЛЫ

УДК 811.512.145

Г.Р. Мугтасимова, г. Казань

КЕШЕГӘ ӘХЛАКЫЙ БӘЯ БИРӘ ТОРГАН ТАТАР МӘКАЛЬЛӘРЕНЕҢ ЭТНОМӘДӘНИ ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

Статья посвящена выявлению особенностей татарских народных пословиц, содержащих нравственную оценку. Предпринимается попытка выявления ментальных особенностей, характеризующих нравственные качества, присущие татарам. Описываются наиболее значимые в паремиопространстве татар ценностные представления. В смысловом пространстве понятия «нравственность», представленном в татарских пословицах, осуществляется четкое разграничение добра и зла, выступающих источниками положительных и отрицательных нравственных качеств. Из рассмотренных примеров следует, что пословицы, иллюстрирующие отношение человека к нравственности, составляют одну из самых многочисленных групп в татарской паремиологии.

Ключевые слова: *татарский язык, пословица, паремия, нравственность, оценка, ценность.*

ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF TATAR PROVERBS CONTAINING A MORAL ASSESSMENT OF A PERSON*. The article is devoted to identifying the characteristics of Tatar folk proverbs containing a moral assessment. An attempt is made to identify mental features that characterize the moral qualities inherent in the Tatars. The most significant value representations in the Paremia space of Tatars are described. The semantic space of Omorality", presented in Tatar proverbs, clearly distinguishes between the good and the evil, which are sources of positive and negative moral qualities. From the examples examined it follows that proverbs illustrating a person's attitude to morality are one of the largest groups in Tatar paremiology.*

Keywords: *Tatar language, proverb, paremia, morality, evaluation, value.*

Тел күренешләрен җәмгыять, дөньяны танып белү, гамәли һәм менталь эшчәнлек белән тыгыз бәйләнештә өйрәнү – хәзерге тел белеменең өстенлекле юнәлешләренең берсе. Бу исә халык мәдәниятен һәм психологиясен, аның фикерләвенең кабатланмас ысулын билгели торган тел берәмлекләрен анализлауны күздә тота. Һәр халык дөньяны үзенчә күрә һәм шуның белән башкалардан аерылып тора. Бу төрле дин, төрле менталитет, төрле традицияләр һәм гореф-гадәтләр, төрле мәдәният белән бәйле. Этномәдәни мәгълүматларны мәкальләрдә дә күзәтә алабыз. Әйләнә-тирә чынбарлыкны кабул итү һәм чагылдыруның этномәдәни үзенчәлеген ачыклау максатыннан кешегә әхлакый бәя бирүне үз эченә алган татар халык мәкальләренә игътибар итүне кирәк дип таптык.

Бәяләү, бәя бирү күренешен тикшерү белән аралашуның күп кенә өлкәләрен өйрәнүчеләр шөгыльләнгән. Әлеге төшенчәгә караган төрле классификацияләр, күп төрле анализ үрнәкләре, төрлечә аңлатмалар һәм әлеге проблеманы күп санлы тикшеренүчеләр бар [Маркелова, 2013, 67]. Күп санлы һәм күп планлы тикшеренүләр сөйләм эшчәнлеген бәяләүне тасвирлый.

«Әхлаклылык» төшенчәсе кеше характерының уңай сыйфатлары, үзлекләре турындагы күзаллаулар үзәгендә тора. Үзенчәлекле семантик бер үзәк буларак формалашкан «әхлаклылык» төшенчәсенә мөнәсәбәттәш булган «яхшылык», «мәхәббәт», «гаделлек», «иман», «вөҗдан» төшенчәләре белән бергә бердәм мәгънәви парадигма барлыкка килә. Әхлакый сыйфатлар – кешенең үз-үзен тотышын һәм башка кешеләргә мөнәсәбәтен билгеләүче эчке кагыйдәләр системасы ул.

«Әхлаклылык» төшенчәсен төрлечә аңлаталар. Татар теленең аңлатмалы сүзлегендә «әхлаклылык – әхлаклы булу» дип язылган [Татар, 2005, 751]. Әхлаклы сыйфатын исә болай аңлаталар: «1) Тәртипле, тәүфыйклы, инсафлы, әхлак кагыйдәләренә ярашлы рәвештә яшәүче; 2) Әхлак нормаларына ярашлы булган, әдәпле» [Татар, 2005, 751].

Татарча «Википедия» Интернет-энциклопедиясендә әхлак турында түбәндәгеләр язылган: «Әхлак — гамәли акыл; кешелек сыйфатлары; холыкка, җан-акыл төзелешенә хас күнекмәләр; гадәтләр, йолалар, мода, хәрәкәт; иҗтимагый аң формасы һәм иҗтимагый мөнәсәбәтләрнең төре; тарихның гуманистик перспективасын, кешелеклелек идеалын чагылдыручының үзкыйммәтен раслау, бәхеткә һәм лаеклы тормышка омтылу; «башкаларга ярдәм вә яхшылык итү, һичкемгә җәбер вә зарар итмәү табигате»[Ганиев, 2003, 208].

Әхлак җәмгыять тормышының бөтен сферасында кеше хәрәкәтен тәртипкә сала һәм билгеле бер иҗтимагый нигезләрне, тормыш төзелешен, аралашуны яклый һәм санкцияли (яки аларның үзгәртелүен таләп итә). Әхлак принциплары чыгармаларга юл бирми, абсолютлыкка дәгъва итә; гомумиләштерелгән рәвештә алар кеше яшәешенең иң тирән катламнарын, аның төп ихтыяҗларын чагылдыралар.

Әхлак үзенең нормаларын (гаделлек, намус, тыйнаклык, олыны-кечене хөрмәт итү һ.б.) үтәү өчен җәмәгатьчелек фикеренә таяна. Дөньяви әхлак кешеләрнең социаль тормыш белән бәйле ихтыяҗларын, мәнфәгатьләрен чагылдыра, ә дин әхлакны бөек рухи зат (Алла) тарафыннан билгеләнгән дип саный, дин кануннарына буйсындыра. [https://tt.wikipedia.org/wiki/%D3%98%D1%85%D0%BB%D0%B0%D0%BA#cite_note-1]

Шулай итеп, татарлар аңында әхлак кеше шәхесенең иң мөһим сыйфатларының һәм иҗтимагый тормыш, иҗтимагый үсеш һәм тарихи прогресның иң әһәмиятле факторларының берсе буларак интерпретацияләнә.

Әхлакый кыйммәтләрне тәртипкә сала торган кагыйдәләр дә була. Әлеге кагыйдәләр үзләре тәртипкә сала торган кыйммәтнең булуын таләп итә. Әгәр гаделлек әхлакый кыйммәт дип танылса, шуннан «Гадел бул!» дигән кагыйдә килеп чыга. Әхлаклылыкны аңлау аңлы булу, алдан уйлап эшләү, ирекле ихтыярны күздә тоткан яхшылыкны һәм яманлыкны тану процессы белән аерылгысыз бәйләнгән.

Димәк, «Әхлаклылык» төшенчәсе хакыйкать, шәфкатьлелек, мәхәббәт, ирек, матурлык һ.б шундый универсаль кыйммәтләрнең тулы бер җыелмасын аңлата. «Вөҗдан», «намус», «намуслылык», «ныклык», «мәрхәмәтлелек» төшенчәләре һәм «әхлаклылык» төшенчәсе белән тиңдәш башка төшенчәләр – «әхлаклылык»ның аерылгысыз элементлары.

Әхлакый сыйфатларны тасвирлый торган мәкальләр сөйләмдә актив кулланыла. Алар милли мәдәниятнең мөһим өлешен тәшкил итә, ә аларны өйрәнү милли менталькекне тикшерүдә төп өлешләрнең берсе булып тора.

Татар халык мәкальләрендә күзәтелгән әхлакый сыйфатларны түбәндәге төшенчәләр белән күз алдына китерергә мөмкин. Уңай һәм тискәре бәя белдерү эксплицит һәм имплицит рәвештә, ягъни мәкальләрдә урын алган лексик берәмлекләр яисә тулы тексты аша чагылырга мөмкин.

Яхшылык төшенчәсе кеше турында уңай, яхшы белүче, эшлекле, ярдәмчел, үзе турында гына түгел, башкалар турында да кайгыртып, яхшылык эшләргә сәләтле дигән караш белән бәйле. Яхшы кеше югары әхлакый сыйфатларга ия. Бу сыйфатларга түбәндәгеләр керә ала: риясызлык (*Яхшылык итсәң, яшер, яхшылык күрсәң, белдер; Яхшылык ит тә диңгезгә ташла, балык белер, балык белмәсә, халык белер; Яхшылыкны ит, иттем димә; Яхшы кешенең эче белән тышы бердәй була*), тыйнаклык (*Яхшы адәм кайгырса, кайгысын илгә белдермәс; Яхшымын дигән яхшы булмас, халык әйткән яхшы булыр*), рәхмәтле булу (*Коедан су эчкән казыганга рәхмәт ди, күләгәгә сыенган агач утыртканга рәхмәт ди*), файда (*Кешегә яхшылык итсәң, үзеңә файда булыр*) һәм башкалар.

Мәкальләр телендә кеше яхшылык белән яманлык арасында өзлексез көрәш алып бара. Яманлык – яхшылыкка капма-каршы, начар, зарарлы бер нәрсә; явыз гамәл. Яманлыкка түбәндәгеләр керә: намуссызлык, мәрхәмәтсезлек (*Бүре канга туймас, Яман эт итәккә ябыша, яман кеше якага ябыша*), эчкерлелек (*Яман кеше кешедән зарланыр, Яманнарның эшедер кинә тотмак, мөселманлык яманлыкны онытмак*), көнчелек (*Яман күңеле – ут*) һәм башкалар.

Мәкальләр – кешеләрнең үз-үзләрен тотышын җайга сала торган әхлакый кануннарның үзенчәлекле һәм тулы бер җыелмасы ул. Татарларны мәкальләрдә кеше табигатенең барлык кимчелекләрен һәм яхшы сыйфатларын күреп алучы, ачып салучы һәм шунда ук аларга гадел бәя бирүче гадәттән тыш күзәтүчән, зирәк халык буларак билгели алабыз.

Татар халкында аеруча хөрмәт ителә торган әхлак сыйфатлары турында да мәкальләр бар. Мәсәлән, әдәплелек (*Әдәп – иң кыйммәтле мирас; Адәмне адәм иткән әдәп, Әдәпле бул, халык сөяр*), инсафлылык (*Инсафы булмаганның иманы булмас*), намуслылык (*Күл китәр – камыш калыр, кеше китәр – намус калыр, акча китәр – кесә калыр; Күлне камыш матурлый, ирне – намус*). Намуслылык аеруча югары бәяләнә. Бу турыда түбәндәге мәкальләр дә сөйли: *Куянны камыш үтерә, ирне намус үтерә; Намус акчадан кыйбат; Намус ирне яшәтә дә, үтерә дә; Намус үлемнән көчле; Намусыңны яшьтән үк сакла* һәм башкалар.

Ялган, кыланчыклык һәм икейөзлелектән көлеп әйтелгән мәкальләрнең күп булуы да күзгә ташлана: *Кешенең кылануы үзенә генә рәхәт бирә; Күпме кыланса да, итәге – алты, җиңе җиде булмас; Кыланчыкның кыланышы кырга сыймас; Курыкма тугыз башлы еланнан, курык икейөзле адәмнән* һәм башкалар.

Мәкальләр телендә төрле әхлакый сыйфатларны белдергән берәмлекләрне куллану берничә тенденция белән характерлана. Мәсәлән, абстракт төшенчәләрнең матдиләштерелүен күзәтергә мөмкин: ***Вәгъдә*** *– алтын;* ***Турылык*** *– йөз аклыгы;* ***Алдашу*** *– урлашуга беренче адым;* ***Куштанның*** *койрыгы куш;* ***Хаклык*** *агачы ташка утыртсаң да корымый.* Шулай ук мәгънәнең ассоциатив-образлы үсеше дә очрый: ***Дөреслек*** *өермәдәй көчле: юлындагын себереп үтә;* ***Нәфесне*** *нигә өйрәтсәң, шуны куар;* ***Дөреслек*** *алдакчының күзен тишә;* ***Турылык*** *күзгә төртә;* ***Турылык*** *үлемнән коткара.* Мәгънәнең ассоциатив-образлы үсеше фигыльләр һәм сыйфатлар ярдәмендә тәэмин ителә. Мәсәлән, мисаллардан күренгәнчә, дөреслек көчле, дөреслек тишә, себереп үтә; турылык төртә, коткара; нәфес куа.

Уңай әхлакый сыйфатлар көчле, тишә, себереп үтә, төртә, коткара, ә тискәреләре куа. Яхшылык – мәңгелек, ә кимчелекләр яшәүчән, аларны юк итү кыен, әгәр котылырга теләмәсәң, алар тышкы йогынтыларга бирешми: *Алтынга тут кунмас,* ***яхшылык*** *онытылмас; Бер Чулпан мең таңга көзге, бер* ***яхшылык*** *мең елга өлге;* ***Явызлык*** *беркайчан да онытылмый;* ***Яманга*** *үлем дә тими;* ***Яманга*** *юлыксың, яласы йогар.*

Иргә кылган ***яхшылык*** *җирдә калмас; Кешегә* ***яхшылык*** *итсәң, үзеңә файда булыр;* ***Яхшылык*** *җирдә калмас;* ***Яхшылык*** *заяга китмәс;* ***Яхшылык*** *итсәң,* ***яхшылык*** *күрерсең* кебек мәкальләр башкаларга нинди мөгамәләдә булсаң, башкалар да сиңа шулай карыйлар; яхшылык – яхшылык белән, ә явызлык явызлык белән кире кайта дигәнне аңлата. Татар халкының күзаллавында яхшы кешеләр үзләренә тиешле лаеклы бүләк тә ала: *Яшерен эшләгән яхшылык яктыда бүләк алыр.*

Мәкальләрдә шәхеснең әхлакый сыйфатларын бәяләгәндә, ешрак рәвешләр һәм сыйфатлар кулланыла: *Изгелек авыр эш түгел: ачык йөз дә тәмле сүз, өченчеле – изге эш; Усал яхшы булмас, тычкан мөгезле булмас.*

Шулай итеп, татар халык мәкальләрендә «әхлаклылык» яхшылык һәм яманлык категорияләренә караган төшенчәләрне берләштерә. Өстәвенә, кешенең әхлакый сыйфатлары турындагы күзаллаулар уңай яки тискәре бәяләнә. Мәкальләр халык мәдәнияте турындагы тулы бер мәгълүмат чыганагы гына түгел, тормыш позициясен, кешенең үз-үзен тотышының этик нормаларын һәм принципларын, гомумиләштереп әйткәндә, әхлаклылык дип атарга мөмкин булган бар нәрсәне чагылдыручы чара да булып торалар.

Әдәбият

Ганиев И. Фәлсәфи фикер: белешмә-сүзлек. Казан: Мәгариф, 2003. 208 б. {Ganiev I. Philosophical Opinion: Dictionary Reference. Kazan: Enlightenment, 2003. 208 p.}

Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке. М.: Филологические науки, 2013. 120 с. {Markelova T.V. Semantics and pragmatics of the means of expression of assessment in Russian. Moscow: Philological Sciences, 2013. 120 p.}

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б. {Explanatory dictionary of the Tatar language. Kazan: Print house, 2005. 848 p.}

Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. Т. 3. Казан: Тат. кит. нәшр., 2010. 799 б. {Isanbet N. Tatar folk proverbs. V.3. Kazan: Tatar book publishing house, 2010. 799 p.}

УДК 81’373.21

А.Ж. Мухатаева, г. Алматы

НАРОДНАЯ И НАУЧНАЯ ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТОПОНИМОВ

Статья посвящена анализу народной и научной этимологии этнографических топонимов по материалам казахского эпоса. Проведены лингвистические и этнолингвистические исследования с привлечением лексики родственных языков, показан путь фоно-морфо-семантического развития этнотопонима. Этимологический анализ лексики казахского эпоса имеет научно-практическое и познавательное значения.

***Ключевые слова**: казахский эпос, этнографические топонимы, этимология, этнолингвистика.*

***FOLK AND SCIENTIFIC ETYMOLOGY OF ETHNOGRAPHIC TOPONYMS.** This article analyzes the folk and scientific etymology of place names of ethnographic origin in the Kazakh epic. Linguistic and ethnolinguistic study is conducted involving vocabulary of related languages, the path of the phono – morphological and semantic development of ethnotoponyms is shown. Etymological analysis of the vocabulary of the Kazakh epic has a scientific, practical and cognitive value.*

***Keywords:** Kazakh epic, ethnographic place names, etymology, ethnolinguistics.*

Одной из наиболее распространенных сфер народного, ненаучного толкования происхождения и бытования топонимических, антропонимических и этнонимических объектов являются устно-поэтические, героические и лиро-эпические произведения. Если народная этимология во всех возможных вариациях в художественных произведениях чаще всего преследует сатирическую цель, то в эпических произведениях она, обрастая различными легендами и народными преданиями, нередко становится своеобразным лейтмотивом. Нечто подобное происходит и в языке казахского эпоса «Қозы Көрпеш-Баян сұлу» [Қозы Көрпеш Баян сұлу, 1959, 353], где около 30 топонимов разного характера являются этногеографическими объектами, объясняемыми по принципу народной этимологии. К ним относятся, например, **оронимы** *Қарқаралы, Сандықтас, Моншақты, Домбыралы, Моншақтау, Қазылық, Жалаулы, Ақшатау, Алтынсандық, Баянауыл, Жауырбұғы, Жауыртау*; **гидронимы** *Шідерті//Шідерлі, Тоқырауын, Жамшы, Ай, Аякөз, Ақкөл, Жайылма, Домбыракеткен*; **ойконимы** *Темірші, Қазанғап, Мейізгек, Қызылбелбеу, Құбажон, Абыралы, Жауыржорға* и др.

Многие из этих объектов и по сей день реально бытуют на карте Казахстана. Лишь некоторые из них переименованы, иные же названия перенесены на населенные пункты. Соответствие между эпическими этнотопонимами и современными географическими объектами свидетельствует о некой «привязанности» эпоса к данному региону и придает всему повествованию, в том числе сюжетно-этнографическому толкованию географических объектов, определенную конкретность, хотя варианты и версии этого же эпоса, бытующие у других тюркских народов и народностей (алтайцев, башкир, узбеков, уйгур и др.), трактуются на иных географических ареалах и соответственно отражают другие топонимические объекты.

В рассматриваемом нами эпосе мы имеем дело с определенной группой этнографических топонимов, объясняемых на основе народной этимологии. Нас интересуют мотивы и приемы их народного толкования, благодаря которому обычные наименования географических объектов приобретают этнографический смысл и нуждаются в более обстоятельном лингвистическом анализе.

Известно, что в ономастике используются самые различные приемы и принципы лингвистического анализа, базирующиеся на закономерностях процесса номинации и особенностях мотивации. Мотивации обычно включают все аспекты нашей жизни, как бытовых факторов и наипростейших признаков, свойств предметов и явлений окружающей действительности, так и абстрактных представлений (мифологических, астрологических, религиозных и др,), воззрений этноса. Образованные таким образом народные географические названия, характеризующиеся сочетаниями образных эпитетов и сравнений, отличаются от массы обычных топонимов, прежде всего, реалистичностью мотивировки, тонкостью наблюдния, свойством отражать и актуализировать наиболее существенные стороны географических объектов. Именно такие этнографические топонимы содержит лексика казахского эпоса. С рассматриваемыми этнографическими топонимами эпоса «Қозы Көрпеш-Баян сұлу»

часто связаны события и мотивы повествования, обычаи и традиции народа и поступки эпических героев. Эти объекты воспеваются и подвергаются своеобразному народному «этимологическому» толкованию, вероятно, в целях придания эпическому повествованию большей убедительности и реалистичности. Такой своеобразный прием «привязывания» эпоса к конкретному региону и придания ему сугубо местного этнического колорита присущ, пожалуй, всему эпическому наследию народа. При этом бросается в глаза умелое использование сказителями традиционно бытующих языковых моделей образования топонимов и приемов мотивации. Так, например, встречающийся в эпосе этнотопоним *Домбыракеткен* (досл. «речка, по которой уплыла домбыра») с точки зрения языковой структуры – это лишь повторение уже известной в народе топонимической модели типа *Қызөлген* (досл. «место, где умерла девушка»), *Тайсойған* (досл. «место, где был зарезан жеребенок»), *Қалмаққашқан* (досл. «местность, где калмыки обратились в бегство») и многие другие. За этими этнотопонимами легко увидеть конкретные исторические события, о которых часто складывались в народе легенды.

Что же касается толкования этнотопонимов, то они в большинстве своем носят прямолинейный, умозрительный характер и с точки зрения научной этимологии не выдерживают критики. Тем не менее народная этимология – тоже этимология, она представляет для широкой массы народа познавательный интерес. Постараемся подтвердить вышесказанное конкретными примерами из рассматриваемого эпоса путем этимологических и этнолингвистических объяснений.

Целая группа этнографических топонимов в языке эпоса «Қозы Көрпеш-Баян сұлу» образована при помощи регулярно действующего в топообразовании аффикса с вариантами ***-лы//-лі//-ды//-ді//-ты//-ті.*** Этот аффикс в составе топонимов, антропонимов и этнонимов широко распространен во всех тюркских языках и в научной литературе и классифицируется как аффикс принадлежности. Данный аффикс специалисты подвергают дифференциации по вариантам: из указанных шести первые четыре ***-лы//-лі//-ды//-ді*** почему-то считаются регулярными и продуктивными, тогда как последние два ***-ты//-ті*** – архаичными, реликтовыми [Әбдірахманов, 1975, 57–58]. При этом в качестве аргумента в пользу древности ***-ты//-ті*** ссылаются на нарушение закона сингармонизма, требующего постановки после гласных и сонорных в конце корня или основы исключительно звонких согласных, тогда как наряду с *Мойынды* встречается *Мойынты,* наряду с *Алмалы – Алматы,* с *Шідерлі – Шідерті.* Надо полагать, что указанные два варианта аффикса говорят о непоследовательности соблюдения закона сингармонизма. Но на современной карте Казахстана можно встретить топонимы на все указанные варианты: *Алмалы, Шідерлі, Қараганды, Жезді, Қайрақты, Өзекті*. Наряду с «древними» вариантами на ***-ты//-ті,*** иногда параллельно употребляются и обычные сингармонические их соответствия. С другой стороны, сохранившиеся в составе казахских топонимов ***-ты//-ті***, хотя и считаются результатом нарушения закона сингармонизма, по существу отражают весьма древнее состояние развития топонимов Казахстана, когда данная закономерность, возможно, и не была свойственна языку того этнического коллектива, среди которого были образованы эти категории топонимов. Однако это предмет особого разговора.

Что же касается этнотопонимов на ***-лы//-лі***, то их в эпосе 6 единиц. И характерной особенностью их выступает то, что производящие основы по роду объектов и семантического поля в данном случае выражают предметы быта, свойственные казахам. Ср.: *Шідерті* (от *шідер* «путы для стреноживания лошадей»), *Моншақты* (от *моншақ* «бусы», «ожерелье»), *Домбыралы* (от *домбыра* – музыкальный инструмент казахов), *Жалаулы* (от *жалау* «знамя», «флаг»), *Абыралы* (от *абыра*. Этимология этого слова не совсем ясна. Е. Койчубаев возводит его к *араба* «телега», превратившуюся в *абра* в результате метатезы [Койчубаев, 1974, 25], А. Абдрахманов же усматривает в *Абралы* антропоним [Әбдірахманов, 1975, 45]), *Қарқаралы* (от *қарқара* «женский головной убор») и др. Отсюда возникает вполне резонный вопрос: каким образом разные предметы быта (*шідер, моншақ, домбыра, жалау абыра(?), қарқара*) становятся наименованиями географических объектов: в одном случае – гор, в другом – озер, в третьем – местности? Только потому, что их так назвали в эпосе или имеются между этими предметами и географическими объектами какие-то связи, сходства и соответствия признаков? На такой вопрос, как нам думается, ответить однозначно очень трудно, ибо в отдельных случаях, действительно, какие-то связи в плане мотивации усматриваются, а в других нет. Трудность понимания языковой и предметной соотнесенности усугубляется еще и тем, что один и тот же географический термин в одном и том же эпосе обозначает разные географические объекты: то гор или озер, то местности или этнонимов и т. д. Так, например, в одном месте эпоса повествуется: *Қыздың берген қарқарасы түсіп қалып, Қарқаралы тау атын қоя салған* [Қозы Көрпеш Баян сұлу, 1959, 238] – Данная девушкой *қарқара* («высокая шапка») выпала, и это место было названо Қарқаралы; а в дру-

гом месте: *Баянның қарқарасы түсіп қалып, Қарқаралы, Қазылық содан қалды* – Баян уронила свою каркара и отсюда появились Каркаралы, Казылык. Здесь, как видно из текста поэмы, на месте, где выпал головной убор Баян, появились два географических названия. Или: *Жанындағы жаулығы түсіп қалып, Абыралы, Жалаулы қоя сапты…* – Местность, где выпала косынка, была названа Абыралы, Жалаулы. Как видно, в этих примерах два предмета связываются с одним географическим объектом, а ведь они друг друга взаимоисключают. Причем на современной карте Казахстана эти как бы «сдвоенные» объекты находятся в определенной отдаленности друг от друга или встречаются одновременно в нескольких местах. Так, Жалаулы как наименование населенного пункта имеется в Павлодарской и Алматинской областях; оно же – наименование горной вершины в Западном Тарбагатае. Абралы является то названием низкогорного мелкосопочника в Центральном Казахстане [Койчубаев, 1974, 15], то наименованием сельского округа Восточно-Казахстанской области и т. д. Разные ли это топонимы или одни и те же – трудно доказать. Данные же эпоса в этом отношении не могут служить надежным источником.

Поэтому народные этимологии, на которые опираются сказители, нуждаются в уточнении, что и является одной из форм этимологического поиска. Ниже мы рассмотрим лишь один пример из этой категории этнографических топонимов.

Топоним *Қарқаралы* – Каркаралинск является названием горы в Карагандинской области и городом этой же области.

Қарқаралы в изучаемом эпосе следует рассматривать как этнографический топоним, и отсюда номинация может трактоваться двояко: с точки зрения народной этимологии и с позиции научной этимологии. Но в известной мере они перекликаются, так как восходят к общему этимону. В вышеприведенном отрывке из эпоса топоним *Қарқаралы* трактуется как местность, к которой принадлежит случайно выпавший женский головной убор *қарқара*. Каркара – женский головной убор с высоким коническим верхом, напоминающим по своей внешней форме возвышенность, сопку. На другом признаке *қарқара* основывает свое толкование ученый-географ А. Конкашпаев [Конкашпаев, 1963, 64]. Он считает, что то место, где находится гора *Қарқаралы*, внешне похоже на своеобразный сундук с украшениями, устанавливаемый на верблюде при перекочевке и имеющий вид цапли.

Возникает вопрос: причем здесь цапля? Выясняется, что женский головной убор и украшенный сундук, действительно, имеют между собою косвенную связь. Их связывает внешний облик высокой птицы *қарқара* «цапля» и ее перьев, которыми раньше украшали ритуальный головной убор женщин и высокопоставленных лиц (жиға). Это в свое время было отмечено В.В. Радловым. Он указывал, что слово *қарқара* в киргизском и казахском языках означает род цапли [Радлов, 1899, 233]. Это указание проясняет этимологию слова *қарқара* в значении «цапля». Следовательно, *қарқара*, употребленное в значении «женский головной убор с высоким верхом» (украшенный длинными перьями цапли) и высокий сундук на верблюде, также украшенный перьями цапли, – результат метонимического переноса, что вполне допускается в подобных случаях.

На этом, как нам кажется, нельзя считать завершенным этимологический поиск. Все же остается неизвестным языковая природа двусложного наименования самой птицы *қарқара* «цапля». Выясняется, что *қарқара* в тюркских языках не только «цапля», но и «журавль», и он, относясь к числу архаичных лексем, имеет ряд фонетических вариантов: в кирг. *каркыра* 1. журавль-красавка; 2. украшение из перьев журавля-красавки (на шапке девочек или девушек) [Юдахин, 1965, 351]; ккалп. *қақыра* «дом, построенный из камыша»; «глинобитный дом» [Каракалпакско-русский словарь, 1958, 361]; уйг. *қақира* «цапля» [Русско-уйгурский словарь, 1956, 93] и др. Это дает основание рассмотреть в номинации *қарқара* звукоподражательную основу: *қар+қар > қар+қыр>қа(р) – қыр* (здесь закономерное выпадение сонорного *р*) и плюс словообразовательный формант *-а*: *қарқара (каз.) // қарқыра (кирг.) // қақира (уйг.)* «цапля», «журавль-красавка» и т. д.

Таков, на наш взгляд, путь фоно-морфо-семантического развития оронима *Қарқаралы* «головной убор с перьями цапли» < «цапля» < звукоподражание *қар+қар+а*.

Литература

Әбдірахманов А. Топонимика және этимология. Алматы, 1975. 207 б. {Abdrakhmanov A. Toponymy and etymology. Almaty, 1975. 207 p.}

Каракалпакско-русский словарь. М., 1958. 892 с. {Karakalpak-Russian dictionary. M., 1958. 892 p.}

Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974. 273 с. {Койчубаев Е. Short explanatory dictionary of toponyms of Kazakhstan. Alma-Ata, 1974. 273 p.}

Конкашпаев Г.К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата, 1963. 186 с. {Konkashpaev G.K. Dictionary of Kazakh geographical names. Alma-Ata, 1963. 186 p.}

Қозы Көрпеш Баян сұлу. Алматы, 1959. 353 б. {Kozy Korpesh Bayan sulu. Almaty, 1959. 353 p.}

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 11. СПб., 1899. 710 с. {Radlov V.V. Experience dictionaries of Turkic dialects. Vol. 11. СПб., 1899. 710 p.}

Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. 973 с. {Iý'dahın K.K. Kyrgyz-Russian Dictionary. Moscow, 1965. 973 p.}

Русско-уйгурский словарь. М., 1956. 1474 с. {Russian-Uigur dictionary. Moscow, 1956. 1474 p.}

УДК 81.512

Ш.Н. Нафиков, г. Уфа

ТЕРМИНЫ РОДСТВА И СОМАТИЗМЫ. ЭСКИЗ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

В статье автор рассматривает вопросы соотношения терминов родства и анатомических терминов в виде эскизного обзора сравнительного изучения на фоне больших макросемей, где главное внимание уделено башкирским словам (в рамках алтайской ветви ностратических языков). Отмечено сходство в корневых элементах по другим макросемьям – сино-кавказской, австрической и проч.

***Ключевые слова**: башкирский, алтайские языки, ностратика, макросемья, соматизм, термины родства.*

***TERMS OF RELATIONSHIP AND ANATOMICAL TERMS. SKETCH OF A COMPARATIVE STUDY**. In the article the author examines the relationship between kinship terms and anatomical terms in the form of a sketch review – a comparative study against the background of large macrofamilies, where the main attention is paid to Bashkir words (within the Altai branch of the Nostratic languages). The similarity in root elements in other macrofamilies - Sino-Caucasian, Austrian, etc., has been noted.*

***Keywords**: Bashkir, Altai family, Nostratics, macrofamily, somatism, kinship terms.*

История вопроса. Специальные исследования по поводу указанной в заголовке проблематики автору не известны, отсюда вытекает новизна предлагаемой эскизной работы. Другим моментом оригинального подхода к возможной взаимосвязи между классической ЛСГ «термины родства» и соматизмами предлагается рассмотрение слов на фоне широкого сравнения в рамках нескольких макросемей, таких как евразийская, сино-кавказская и других.

Материалом сопоставительного анализа выступают данные личной картотеки автора с оговоркой о том, что цитируемые источники указаны лишь выборочно. Подробную информацию мы готовы предоставить через электронную почту.

Tertium corporationis избран башкирский в качестве одного из тюркских языков. Последний представлен как язык алтайской семьи – составной части ностратической сверхсемьи.

Обзор фактического сравнительного материала

термины родства

башк. **ҡәрҙәш** ‘родственник; родственница’
ҡәрендәш *диал*., **ҡарындаш** *лит*. ‘единоутробные дети; сестренка; сестрица’
ҡәриб *уст*. ‘родственник’

соматизмы

ҡарын ‘желудок; утроба, чрево, живот, брюхо’, ҡарындағы бала ‘ребенок в утробе’, далее
ҡарынғау *диал*. ‘беременная’
ҡарынсыҡ ‘желудочек (сердца)’
ҡарынъяу *анат*. ‘сальник’

Башкирский соматизм *ҡарын* произошел от др.-тюрк. *qarun* ‘живот’; лексема имеет общетюркское распространение; в самых различных тюркских идиомах присутствует общая основа, что видно из таких примеров, как чув. *хуrem*, тур. *karyn*, саларск. *karyn*, кирг. *karyn* и т. д.

Тюркское **karin* есть рефлекс алтайской праформы **karV* (~ k’-, g-) ‘живот; тело, ребра’, так же как и аналоги в корейском **kari*; японск.**kárá-(n)tá* [Старостин, 1994, 281]. В более современной работе, а именно в [EDAL, 669], древнетюрк. *qarin*, среди прочих форм, в значении ‘родственник’ отражено в саларск. *qarin-taš*, ср. с башк. *ҡарындаш* выше.

Обращает на себя внимание совр. корейское *kalbi* ‘ребро, ребра’, где налицо соматический термин с *l*-овым инлаутом. Такой же инлаут наблюдаем в таких алтайских соматизмах, как **k’éle* и **kalbo* в значении ‘талия, поясница’ [*ex* EDAL]. Корейское *kalbi* и алт. **kalbo* входят в единое семантическое поле «наименования частей тела», где смысловые переходы – частое явление.

Башкирское *ҡорһаҡ* ‘живот’ < пратюрк. **kurg-sak* ‘живот, желудок’ < праалт. **k’úrgo*… ‘кишка, живот’ [EDAL: 854] – одного корня с соматизмом *ҡарын*.

Др.-тюрк. слово *qïrnaq* ‘невольница, молодая рабыня’ соотносится с *qïz* < **qïr* ‘девушка, дочь; невольница, наложница’, в этимологическом плане, вероятно, может иметь общее происхождение с тюрк. **karin, *kurg-sak*.

Данные внешнего сравнения в рамках языковых сверхсемей

I. Ностратические языки (НЯ)

Соматизмы ностр. **kar(w)ʌ* ‘внутренности’; и.-е. **ker(u)* – ‘живот’ ... ~ алт. **/k’/ar(b)yn* ‘живот’ (монг. *qarbyn*; тур. *karin*) ~ драв. **karʌ* ‘внутренности’, *kar* ‘зародыш’ ... ~ ? картв. **karw-* … ‘живот’ ... ~ с.-х. **krb* ‘внутренности’ ... [Иллич-Свитыч, 1965, 334]. Согласно теории о генетической общности НЯ; тюрк. *qaryn* ‘живот’; араб. *qurb* ‘пах’; тамил. *karuppai* ‘утроба’; лат. *corpus* ‘тело’: рус. *чрево* [Шайкевич, 1995, 209] являются однокоренными общими словами, несмотря на свои фономорфологические различия.

Лексема ‘живот’ (и.-е. *krp*; картв. *korb-*; алт. *kéra*…) входит в 100-словный список Сводеша, где доля соматической лексики достигает 19 %, термины родства есть только в 200-словном списке.

Термины родства. В значении ‘род, большая семья’ в 5 ностратических языковых семьях отмечены: алт. *külä* ‘дом, домочадцы’ (тюрк.), урал. *külä* ‘сельская община, деревня, жилье, дом’; драв. ? *kūḷ* ‘семья, толпа’ (юж.-драв.); и.-е. *kuel-* ‘род, семья’; с.-х. *q(w)l* ‘племя’ (семит.), см. [Иллич-Свитыч, 1971, 22]. В башкирском языке родственное слово имеется в качестве второй части композита күршекүлән ‘соседи’. Форма с R-овым ауслаутом налицо в башк. *кор* ‘круг, группа людей’.

В значении ‘свойственница’ в ностратических языках «классические» термины родства, а именно алт. *käli(n)* ‘жена младшего брата или сына; муж сестры’, урал. *kälü* ‘свойственница’; драв. *kal-* ‘жена брата отца, тетка’ (сев.-драв.); и.-е. *gl̥ōu* ‘жена брата’; картв. ? *kal-* ‘женщина’ (грузин.); с.-х. *kl(l)* ‘невестка, невеста’ (семит.) [Иллич-Свитыч, 1971, 21].

В новейшей работе по ностратике – «Индоевропейском словаре с ностратическими этимологиями» (том I) А.Б. Долгопольского, изданном в Москве в 2013 г., на с. 748 в значении ‘детеныш животного, ребенок’ указан реконструкт **kuRy*, что представляет из себя R-овую инлаутную форму анализируемых в настоящем эскизе однокоренных лексем.

Исходя из ностратического толкования общеизвестного тюрк. **är* ‘мужчина, муж’, ср. далее др.-тюрк. *är*, чуваш. *ar*; монг. письм. *ere*… < алт. **erä* ‘самец, мужчина’, родственное драв. *ēr* ‘самец’ – все из ностр. *Herä* ‘самец’ [Иллич-Свитыч, 1971, 247], в дравидском языке *брагуи* в значении термина родства ‘муж’, наряду с ‘самец’ также выступает *arē*, что очень близко к алтайской праформе [Указ. соч.]. Лениция анлаутного ларингального *H* в обеих языковых семьях (дравидийской и алтайской) привела к современному виду (с гласным анлаутом) таких рефлексов общего ностратического этимона, как башк. *ир* ‘мужчина; муж’, *иркәк* ‘самец’, *ирһен-* ‘тянуться (к мужчинам)’ и т. п.

II Сино-кавказская макросемья

Соматические термины (наименования частей тела)

прасев. кавк. **kērV* ‘грудь; живот, внутренности’

даргинск. *k’ult’a* ‘желудок, живот’ (L-овая форма в инлауте), табасаранск. *gurd-um* ‘почки’.

баск. **gult* ‘внутренний орган’

**kolko* ‘грудь’; сев. кавк., лезгинск. *qurq* ‘часть желудка’

Исследователь дальнородственных связей баскского языка Д. Сулейманова [Сулейманова, 2019, 108] тат. *qarïn* ‘брюшная полость, живот, матка, утроба’ сопоставляет с баскским *karen* ‘плацента’.

Термины родства

Тат. *ir*, чув. *ar* ‘мужчина’: баск. *ar* ‘мужчина, мужской’, сюда же монг. *er* ‘мужчина’: баск. *ar*

чув. *kərü* ‘зять, жених’: баск. *kireko* ‘современник’ [Сулейманова, 2019, 78, 182, 104, 150], сравни с правост. кавк. **q’arʌ* ‘кузен, дядя’ и с праенисейск. **x/qar* ‘внук’ (по С. Старостину).

IV Аустрическая макросемья

Термины родства.

Айнск. *kur*, *kuru* ‘мужчина, человек’

Австроазиатская ветвь: *koro* ‘человек, мужчина’ (в языке корку); сантали *hor*, *hūrī*, диал. *ērā* ‘человек’, в языке нагали *hol* ‘женщина’, по языкам Океании: сесаке *koroi, goroi* ‘женщина’.

V Америндская макросемья

Термины родства.

Kerya khari ‘мужчина’, *cari* ‘люди, народ’; таино (вымерший аравакский идиом, остров Гаити) *kari* ‘человек’; в карибских языках *o~kiri* ‘мужчина’. Из пенутианских языков Калифорнии *kylé* ‘женщина’.

Соматические термины. По пенутианским языкам в Калифорнии: винту *ka’r* ‘семя’. В языке юки (Сев. Америка) лексема *hār* обозначает ‘яйцо’.

В индейском языке сквомиш (из древних селишских языков на западе США) *k’wəl* имеет значение ‘желудок’: прачук.-камч. **qaylV* ‘живот’ (О. Мудак и др.).

Краткий аналитический обзор или обсуждение полученных данных. Смысловые переходы и взаимосвязи

По своей природе соматизмы возникли либо ранее, либо одновременно с терминами родства. Рассмотрение фактического материала позволяет проследить явление взаимосвязи между этими древнейшими ЛСГ, где явственно прослеживаются аналогичные корни и/или основы.

I Ностратические макросемьи

башк. *ҡарындаш, ҡәриб → ҡарын, ҡарынғау* < алт. **k’ar(b)yn* ~ драв. **karʌ* ~ и.-е. **ker<u>u</u>-*

II Сино-кавказская фила (филия)

прасев. кавк. **kērV* ~ правост. кавк. **q’arʌ* ~ праенис. **x/qar* (в данном подразделе статьи значения лексем/форм приведены выше).

V Америндская макрофила

винту *ka’r ~ kerya khari, cari*

Фономорфологические варианты/вариации

а) колебания между *R/L*-овыми формами в инлауте

Как известно из общей фонетики и из курсов частных фонетик, данное явление относится к разряду древнейших. По соображениям диахронической типологии, L-овые формы представляются более первичными.

I алт. **karV* ~ **kalbo* (соматизмы).

башк. *ҡор* < алт. *külä*

ностр. **kuRyV* ~ картв. **qwer-* ~ урал. **kōl’e* (две последние глоссы в значении ‘шулята’).

II лезг. *qurq* ~ баск. **kolko, karen*

IV айн. *kuru* ~ нагали *hol*

V таино *kari* ~ пенути (Калифорния) *kylé*

б) вероятное отпадение ларингала и/или заднеязычного смычного в анлауте → совр. вокалический анлаут.

I алт. * *erä* < ностр. *herä*. чув. *ar* наряду с *kərü*.

IV сантали *hūrī*, диал. *ērā*.

Проблематика, эскизно представленная в данном сверхкратком исследовании, требует дальнейшего углубленного изучения и привлечения большего объема *comparanda*, то есть составительного фактического материала.

Литература

Иллич-Свитыч В.М. Сравнительный словарь ностратических языков. Т. 1. М.: Наука, 1965. {Illich-Svitych V.M. Comparative Dictionary of Nostratic Languages. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1965.}

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1. М.: Наука, 1971. { Illich-Svitych V.M. An experience of comparing Nostratic languages. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1971.}

Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1991. {Starostin S.A. Altai problem and the origin of the Japanese language. Moscow: Nauka, 1991.}

Сулейманова Д.Д. Тюркско-баскские лексические параллели. Уфа, 2019. {Suleymanova D.D. Türkic-Basque lexical parallels. Ufa, 2019.}

Шайкевич А.В. Введение в языкознание. М.: Издат. РОУ, 1995. {Shaikevich A.V. Introduction to linguistics. Moscow: Publishing house ROW, 1995.}

Dolgopolsky A.B. Nostratic roots in Indoeuropean. Moscow, 2013.

Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. Etymological dictionary of the Altaic languages. Vol. I–III. Leiden: Brill, 2003.

УДК 811.162.1

А.В. Никитевич, г. Гродно

ЯЗЫК ГЛАЗАМИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА И СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматриваются некоторые специфические особенности диалектной лексикографии. Анализ дефиниций диалектных слов, которые есть результат взаимодействия специалиста (лингвиста) и информанта (носителя говора), позволяет обратить внимание на слова, отсутствующие в общеизвестной подсистеме литературного языка, и выделить такие когнитивно важные значения, которые в означенной подсистеме не имеют однословного выражения. При этом заслуживает внимания исследование целых фрагментов словообразовательных гнезд.

Ключевые слова: *когнитивно значимая диалектная лексика, диалектная лексикография.*

LANGUAGE THROUGH THE EYES OF A NATIVE SPEAKER AND DICTIONARY DEFINITIONS IN DIALECTAL LEXICOGRAPHY. *The article examines some specific features of dialectal lexicography. The analysis of the dialectal words definitions that are the result of the interaction between a specialist (linguist) and an informant (dialect speaker) allows to draw attention to the word absent in the common subsystem of the literary language and to reveal such cognitively significant meanings that do not have one-word expression in the aforesaid subsystem. Furthermore, the study of whole fragments of derivational nests deserves attention.*

Keywords: *cognitively significant dialectal vocabulary, dialectal lexicography.*

Проводимые в некоторых научных центрах исследования обыденного метаязыкового сознания [Голев, 2010], связанные с этим процедуры, ассоциативные эксперименты, безусловно, заслуживают самого пристального внимания. Как известно, результаты этих исследований уже нашли отражение в лексикографии, в одной из разновидностей многоаспектного словаря [Словарь, 2011]. Нашедшие отражение в словарных статьях указанного словаря (см. словарную статью к слову *ежевика*) наборы ассоциаций, некоторые «поля восприятия» единиц языка (с центром и периферией), безусловно, позволяет увидеть «портрет» (языковой, психологический, см. психологически реальное значение слова [Фридман, 2006]) конкретного слова *глазами его носителей* (неспециалистов, нелингвистов). Следует особо отметить, что подобные результаты получены исследователями как реакция носителей языка на *предложенные им реально существующие и лексикографически подтвержденные* ***слова***.

Анализ дефиниций диалектных слов, которые, по нашему мнению, *есть результат взаимодействия* специалиста (лингвиста) и информанта (носителя говора), позволяет обратить внимание на слова, отсутствующие в общеизвестной подсистеме литературного языка, и выделить такие когнитивно значимые значения, которые в означенной подсистеме не имеют однословного выражения [Никитевич, 2020, 102]. При этом важно понимать, что разные подсистемы одного и того же языка, «обладающие сходной словообразовательной техникой, могут продемонстрировать различные результаты в «деле» словообразовательного синтеза, что приводит к наличию словообразовательных и семантических лакун» [Никитевич, 2010, 921]. Самое существенное для лингвиста заключается в том, что психологическая реальность подобных значений совершенно очевидна! И в этом смысле речь может идти об исследовании такого фрагмента обыденного метаязыкового сознания, который есть результат взаимодействия носителя языка с языком, результат *активного участия носителя языка в формировании таких когнитивно значимых структур*, которые (при благоприятных обстоятельствах!) «продавливают» «материю» языка и служат «толчком» к созданию новых слов (либо их аналогов)!

Приведем любопытные с этой точки зрения примеры, в которых структура когнитивно значимых производных диалектных единиц понятна благодаря очевидным родственным связям с общеизвестными словами литературного языка. Ср.: *разнавесить* ‘Снять или раздвинуть оконные занавески’. Окно-то *разнавесить* надо! *Забед**и**ться*, сов., безл. ‘Приключиться беде’. *Забедилося мне се – лето*. Пореч. Смол., 1914 [СРНГ, т. 9, с. 249]. В первом из приведенных примеров обращает на себя внимание реализация одним словом значения ‘Снять или раздвинуть оконные занавески’, антонимичного хорошо нам известному по слову *занавесить*‘Закрыть занавеской, шторой, гардиной’ [Ожегов, 1988]. Второе слово – реализация своеобразной комбинаторикой аффиксальных морфем одной

из возможных проекций в глагол корневой морфемы слова *беда*. Сравним семантику хорошо нам известных глаголов *бедствовать* и *бедовать* с их префиксальными производными: *набедствоваться*, *победствовать*; *набедовать(ся)*, *перебедовать* [Тихонов, 1985, т. 1, 87, 88]. Здесь же отмечен диалектный глагол *набедить*‘Обл. Наделать бед, напроказить’ [Словарь, 1950–1965, т. 7, 23].

Отдельно следует рассматривать случаи, когда на фоне единичного (единичных), к примеру, глагола в литературном языке в говорах мы имеем несколько иных деривационно родственных данному производных с достаточно любопытной семантикой. Сравним с общеизвестными *кумекать*, *покумекать* (правда, в [Тихонов, 1985, т. 1, 510] отмечены еще *покумекивать*, *раскумекать* ‘Простореч. Смекнуть, сообразить, понять’ [Словарь, 1950–1965, т. 12, 655], *скумекать* ‘Простореч. Сообразить, додуматься до чего-л.’ [Словарь, 1950–1965, т. 13, 1092, 1093] такие глаголы, как: *недокумекать*, *недокумить* ‘Недодуматься, недогадаться’, *замекнуться* ‘Запнуться во время речи или пения’, *отмекаться* ‘Уклониться от чего-л. отговоркой’. Глаголы с префиксом *недо-* в говорах своеобразно «дополняет» имя существительное *недокумок* ‘Человек маленького роста, умственно отсталый, недоразвитый’.

В составе различных объединений родственных слов можно обнаружить диалектные производные с чрезвычайно интересными и порой неожиданными значениями. Сравним, к примеру, мотивированные словом *ждать* следующие производные: *ждакать* ‘Повторять слово подожди (например, когда спрашивают долг), обещать что-л. лишь на словах’. Пск., 1855. Ну, полно *ждакать*, отдай должок. Пск., Даль. *Ждакаться* ‘Ломаться друг перед другом, не желая первым пойти в гости к другому, ожидая, что это сделает другой’. Пск., 1855 [СРНГ, т. 9, 94].

Чрезвычайно интересными могут оказаться не просто минимальные объединения двух родственных слов (словообразовательные пары), но целые фрагменты словообразовательного гнезда, в которых все «родственники» работают на мотивированность получающих отражение значений (в том числе и совершенно необычных). «Различные объединения родственных слов (словообразовательные цепочки, парадигмы, более сложные структуры, вплоть до словообразовательных гнезд и их фрагментов), безусловно, могут быть включены в поле рассмотрения с когнитивной точки зрения» [Никитевич, 2001, 194].

Рассмотрим следующий фрагмент, обращая внимание на значение глагола *забожить*:

*Забож**а**ть* ‘Сильно захотеть чего-л.’. *Забожал* наш хворый меду. Смол., 1914.

*Забож**а**ться* ‘Очень захотеться’. *Забожалось* хворой сметанки. Смол., 1914.

*Забож**е**ться* ‘Захотеться’. Кинеш. Костром., 1852.

*Забож**и**ть* ‘Присвоить себе что-л., божась при этом, что не брал’. Пошех. Яросл., 1849. Олон., Влад., Нижегор. *Забожил у* меня вожжи, бог с им. Перм. || Присвоить чужую вещь. Дам топора, а только *не забожи* себе совсем. Вытегор. Олон.,1896 [СРНГ, т. 9, 261].

Заслуживают внимания и такие фрагменты словообразовательных гнезд, которые своей «материей» никак не связаны с подсистемой литературного языка, то есть не имеют с ней каких-либо общих родственных слов. Например:

Ерепес ‘Задира; шалун’. Ворон., 1905.

Ерепеса 1. ‘Неспокойный, раздражительный человек’. Охан. Перм., 1854.2. ‘Суетливый, нетерпеливый человек’. Вят., Шегрен.

*Ерепесит*ь ‘Добиваться чего-л. непрестанными просьбами, приставаниями’. Перестань ерепесить-то, будет время, так дам. Вят., 1852.

Ерепесливый ‘Неспокойный, раздражительный’. Охан. Перм., 1854.

Ерепестить ‘С бранью, понуканиями заставлять работать’. Каргоп. Олон., 1885–1898.

Ерепесь‘Суетливый, нетерпеливый человек’. Вят., Слов. Акад. 1897 [СРНГ, т. 9, с. 19].

Значения, представленные глаголами *ерепесить* и *ерепестить*, с позиций суждений, характеристик, порождаемых обыденным языковым сознанием, интересны именно в такой, развернутой формулировке.

Безусловно, в русской диалектной речи немало и единичных слов с удивительными дефинициями их значений. Ср.: *васюрик* ‘Человек, не знающий, что имеет дело с ворами’, *заавгустить*, безл. ‘О появлении примет, связанных с приближением августа как предвестника осени’. Заавгустит – это уж осенний месяц. Ряз., Деул. слов., 1969 [с пометой «новое»]. *Жужга* ‘Иглообразный мелкий лед, поднимающийся со дна реки перед ее замерзанием’. Маштаков [без указ. места], 1931. Астрах., 1929. *Забедр**а***, нареч. *Сесть за бедра*. ‘Сесть вторым всадником, позади первого’. Сел забедра – сел вторым, за спиной всадника. Дон., 1920. *Разрогатиться* 1. ‘Сесть, неуклюже раздвинув ноги’, 2. ‘Попытаться сразу сделать многое, попасть во многие места’. *Хоть разрогатись*. *Заб**а**рить* ‘Забросить далеко

ударом палки’. Федька Иван Палычев как трахнет по мячику, аж за тын *забарил*. Белг. Курск., 1920–1941 [СРНГ, т. 9, 246]. *Раззавидоваться* ‘Захотеть что-л. сделать, глядя на других’, Что-то я тоже есть захотела, на тебя *раззавидовалась*, да и пора уж [Михалева, 2013, 1042].

С учетом того, что существуют словообразовательные значения разных типов [Кубрякова, 1981], от минимальных, легко «укладывающихся» в дефиниционное сочетание (*глупец – глупый человек*), до таких, которые равны суждениям, способны описывать целую ситуацию (*ждакаться* ‘Ломаться друг перед другом, не желая первым пойти в гости к другому, ожидая, что это сделает другой’), еще раз подчеркнем психологическую реальность приведенных выше словарных дефиниций как своеобразного отражения, репрезентацию сложно структурированных значений, их отсутствие в виде однословных номинаций в системе литературного языка. Ср.: ‘Запнуться во время речи или пения’, ‘Уклониться от чего-л. отговоркой’, ‘Присвоить себе что-л., божась при этом, что не брал’, ‘Сесть вторым всадником, позади первого’, ‘Бежать вприпрыжку (о зайце)’, ‘О появлении примет, связанных с приближением августа как предвестника осени’, ‘Есть понемногу, медленно’, ‘Человек, не знающий, что имеет дело с ворами’, ‘Тот, кто дает много обещаний с целью получить что-л. для себя, обогатиться и т. п.’, ‘Добиваться чего-л. непрестанными просьбами, приставаниями’, ‘Ломаться друг перед другом, не желая первым пойти в гости к другому, ожидая, что это сделает другой’, ‘Повторять слово подожди (например, когда спрашивают долг), обещать что-л. лишь на словах’.

Для специалиста всегда актуальным является вопрос, что в толковании слова является *безусловным свидетельством актуальной для данного языка* (и человеческого языка, в принципе) *семантики, экспликацией значения*? Слова в языке может и не оказаться! Но есть фрагменты суждений, в которых заложены вполне конкретные характеристики личности, вполне реальные (жизнью подтверждаемые) ситуации. Ср.: Тот, кто дает много обещаний – *Ø*, Тот, кто дает много обещаний с целью получить что-л. для себя, обогатиться – *Ø* и *Желадай* ‘Тот, кто дает много обещаний с целью получить что-л. для себя, обогатиться и т. п.’ Порх. Пск., 1858 [СРНГ, т. 9, с. 100].

Исследование языка словарных дефиниций, результатов работы специалистов по диалектной лексикографии порой позволяет лучше понять механизмы создания и функционирования русского диалектного слова.

Литература

Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований русских слов: концепция проект, опыты реализации // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3 / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово, 2010. С. 205–264. {Golev N.D. Dictionary of ordinary interpretations of Russian words: Conception and implementation experiences. Ordinary metalinguistic consciousness: Ontological and gnoseological aspects. Part 3. Kemerovo, 2010. P. 205–264.}

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с. {Kubryakova E.S. Types of linguistic meanings: Semantic sofa derived word. Moscow: Science, 1981. 200 p.}

Михалева Т.В., Чикина Л.К., Семенкова Р.В. Словарь говоров на территории Республики Мордовия. Ч. 2. М.: Наука, 2013. 1560 с. {Mikhalyova T.V., Chikina L.K., Semenkova R.V. Dictionary of dialects in the Republic of Mordovia. Part 2. Moscow: Science, 2013. 1560 p.}

Никитевич А.В. Очерки по диалектному словообразованию / А.В. Никитевич. Гродно: ЮрСаПринт, 2020. 126 с. {Nikitevich A.V. Essay son dialectal word formation. Grodno: YurSaPrint, 2020. 126 p.}

Никитевич А.В. О понятии «безэквивалентность» при сопоставлении близкородственных языков // Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: 2 Международная конференция. Гранада, 8–10 сентября 2010. – Т. 1. С. 921–926. {Nikitevich A.V. On the concept of “nonequivalence” when comparing closely related languages. 2nd International conference “The Russian language in the international educational space: current state and perspectives”. Granada, September 8–10, 2010. Vol. 1. P. 921–926.}

Никитевич А.В. Комплексные деривационные структуры в отношении к когнитивным структурам знания // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / под общ. ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С.194. {Nikitevich A.V. Complex derivational structures in relation to cognitive structures of knowledge. Russian language: historical fate and modernity: International congress of Russian language researchers: Works and materials / Edited by M.L. Remneva and A.A. Polikarpov. Moscow: Moscow University Press, 2001. P. 194.}

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. 750 с. {Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow: Russian Language, 1988. 750 p.}

Словарь обыденных толкований русских слов: Лексика природы: в 2 т. Т. 1: А–М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / под ред. Н.Д. Голева / авт.-сост. М.Ю. Басалаева, М.Е. Воробьева, Н.Д. Голев,

Я.А. Дударева, А.В. Замилова, Л.Г. Ким, Е.В. Кишина, Т.Ю. Кузнецова, Н.В. Мельник. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2011. 500 с. {Dictionary of ordinary interpretations of Russian words:Vocabulary of nature: in 2 volumes. Vol. 1: A–M (Apricot – Ant) (478 words-stimuli) / Edited by N.D. Golev / compiled by M.Y. Basalaeva, M.E. Borobyova, N.D. Golev, Y.A. Dudareva, A.V. Zamilova, L.K. Kim, E.V. Kishina, T.Y. Kuznetsova, N.V. Melnik. Kemerovo: University of Kemerovo Press, 2011. 500 p.}

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; СПб.: Изд-во Академии наук СССР: Институт лингв. исследований РАН. 1965–2016. Выпуски 1–49. {DRD – Dictionary of Russian subdialects. Moscow; St.-Petersburg: USSR Academy of Sciences Press: Institute of Linguistic Research of RAS. 1965–2016. Issues 1–49.}

Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965. 17 т. {Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes. USSR Academy of Sciences. The Russian Language Institute. USSR Academy of Sciences Press, 1950–1965. 17 vol.}

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь: в 2 т. М.: Русский язык, 1985. {Tikhonov A.N. Word-formation dictionary: in 2 volumes. Moscow: Russian language, 1985.}

Фридман Ж.И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 24 с. {Fridman Zh. I. Psychologically real word meaning as a phenomenon of linguistic consciousness: diss. abstr. …cand. of philol. sciences. Voronezh, 2006. 24 p.}

УДК 811.512.15+81`282.3

Е.Р. Николаев, г. Якутск

ДИАЛЕКТИЗМЫ КАК РЕСУРС ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ТЕРМИНОВ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье мы предложили выборку слов-терминов из диалектологических словарей. Целью статьи является попытка представить работу в замене заимствованных слов собственно якутскими лексемами. При этом был учтен показатель полной синонимии. Данный проект опирается на печатные издания на якутском языке. Актуализация пассивной лексики может стать одним из направлений в деле сохранения и развития родного языка.

***Ключевые слова**: диалектизмы, якутский язык, термины, пассивная лексика, диалектология.*

***DIALECTISMS AS A RESOURCE FOR THE FORMATION OF NEW TERMS IN THE YAKUT LANGUAGE.** In this article we have proposed a selection of words-terms from dialectological dictionaries. The purpose of the article is to try to present the work in the replacement of borrowed words with native Yakut lexemes. The indicator of complete synonymy was taken into account. This project is based on printed publications in the Yakut language. Actualization of passive vocabulary can become one of the directions in the preservation and development of the native language.*

***Keywords**: dialectical words, Yakut language, terms, passive vocabulary, dialectology.*

Якутская диалектология является одним из активно развивающихся разделов якутского языкознания. Первые упоминания о якутских диалектах, говорах мы находим в трудах О.Н. Бетлингка (1851), С.В. Ястремского (1900), Г.В. Ксенофонтова (1937), С.А. Новгородова (1918), А.Е. Кулаковского (1946) и др. В относительно короткое время, по итогам диалектологических экспедиций в разные годы, вышли научные труды, посвященные различным проблемам якутской диалектологии, которые и поныне остаются классическими: «Язык норильских долган» (1940) Е.И. Убрятовой, «Говор якутов Среднеколымского района» (1956) Н.К. Антонова, «Говор верхоянских якутов» (1965) П.С. Афанасьева, «Очерк якутской диалектологии» (1980) М.С. Воронкина, «Аканье и оканье в говорах якутского языка» (1980) С.А. Иванова, «Фонетические особенности говоров якутского языка» (1985) П.П. Барашкова, «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» (1992) Е.И. Коркиной, «Диалектологический словарь якутского языка» (1976, 1995) и др.

В настоящее время диалектный пласт якутского языка является своеобразным фондом, представляющим интерес для терминологических изысканий. Актуализация архаизмов и диалектизмов стала востребованной в условиях развития виртуальной лексики, регрессивно влияющей на письменную и устную речь, а также на лексику якутского языка в целом.

Основатель сравнительно-исторической диалектологии якутского языка С.А. Иванов отметил, что в диалектной лексике «… отражены результаты всей познавательной деятельности, культурно-эстетического и духовного развития носителей якутского языка, а также итоги практического освоения ими экстремальных климатических условий Севера» [Иванов, 2018, 18], тем самым обозначил ориентиры будущих диалектологических исследований. Академик, тюрколог П.А. Слепцов также высказывался о путях обогащения лексики якутского языка: «Некоторые из подобных слов, безусловно, представляют известный интерес с точки зрения обогащения литературного языка. Это особенно относится к терминологии оленеводства, северного рыболовства, названиям пищи, одежды» [Слепцов, 1990, 133]. Данные предложения были продолжены и реализованы в трудах Л.А. Афанасьева [Афанасьев, 1995, 43].

В настоящее время на страницах национальной печати, в частности, в газете «Кыым» («Искра»), идет попытка массового внедрения, употребления новых терминов: *хаалыктаах хаамыы* ‘скандинавская ходьба; ходьба с лыжными палками’; *күргэ* ‘мост’ (например, мост через реку Лена – *Өлүөнэни туоруур күргэ*), *урбаан* ‘предпринимательство’, *урбаанньыт* ‘предприниматель’, *көлө* ‘транспорт’ (например, Министерство транспорта – *көлө Министиэристибэтэ*), *Уһук Илин* ‘Дальний Восток’, *Аан Илин* ‘Ближний Восток’, *түмэл* ‘музей’, *билим* ‘наука’ и т. д. Тут приходится признать, что данные термины-новообразования используются преимущественно в периодической печати [Николаев, 2019].

По нашим наблюдениям, источником новых терминов могут быть и диалектологические словари, так как, несмотря на установление единства норм литературного языка, всё же диалектный пласт остаётся в большей степени тем пассивным запасом, который в благоприятных условиях может перейти в активный словарный фонд. В целях замены заимствованных и активно употребляемых в современном якутском языке слов (терминов) мы сделали следующую выборку из диалектологических словарей.

Второй завтрак; ланч: ***дэгэрэҥ аһылык*** ‘дополнительный прием пищи (между завтраком и обедом, обедом и ужином)’ [БТСЯЯ, 2006, 229].

Дождевой червь: *сир чиэрбэтэ* [РЯС, 1968, 140]; ***өтөх үөнэ***, в.-колым. – *ардах чиэрбэтэ* ‘дождевой червь’ [ДСЯЯ, 1976, 196]; *чоллон*, усть.-ян. – *ардах чиэрбэтэ* ‘дождевой червь’ [ДСЯЯ, 1976, 299; Кулаковский, 1946, 119]; *чоллон* ‘дождевой червь’ [Пекарский, 1959 III, 6315]; *ардах кыймата* ‘дождевой червь’, *чиэрбэ, кыйма, чолдон* [РЯСБТ, 1993, 46, 70].

Защитные очки: *хахха ачыкы* [РЯС, 1968, 192]; ***салгын ачыкыта*** [sakhatyla.ru]; ***барыпчы***, устар. ‘сетка из черных конских волос для защиты глаз от солнца и мошкары’ [ТСЯЯ, 2005, 226]; ***чарапчы***, долг., есей. ‘очки’; эвенк. *сарапчу* ‘очки из волосяной сетки для защиты глаз от яркого весеннего света’ [ДСЯЯ, 1976, 297]; *черапча*, колым.-рус. ‘густая волосяная (из черного конского волоса) сетка, надеваемая на глаза вместо очков для защиты от ослепительного блеска снега весною, наглазная сетка; наглазники, сетка для глаз от пыли, блеска, мошек; козырек над глазами, налобник, защищающий глаза от света и лоб – от холода’ [Пекарский, 1959 III, 3577]; ***чаампы***, алд. ‘то же, что и чарапчы’ [Пекарский, 1959 III, 3567]; ***барыпчы*** ‘сетка глазная из черных конских волос’ [Пекарский, 1959 I, 386].

Ковш: ‘куопсук; хомуос’, техн. ‘баһар’ [РЯС, 1968, 229]; ***баһыычча***, в.-колым. *хомуос, куопсук, сомсор* ‘ковш, черпак’ [ДСЯЯ, 1976, 61].

Кролик: *хоруолук* [РЯС, 1968, 247]; *куруолук* [Кулаковский, 1946, 38]; ***дьиэ куобаҕа*** [ДСЯЯ, 1976, 97]; *хоруолук*, ***таас куобаҕа*** [Макаров, 1974, 26].

Кукла ‘куукула’ [РЯС, 1968, 250]; ***иччик***, есей. – *өрбөх куукула* ‘кукла из ткани’ (ДСЯЯ, 1976, 109); *кокуукка* [саха тыла.ру].

Куница: ***кудьуҥса*** [Пекарский, 1959 I, 1193; ДСЯЯ, 1976, 120]; *саарба* ‘куница’ [Пекарский, 1959 II, 2100].

Покрасить, раскрасить: ‘кыраскалаа’ [РЯС, 1968, 449, 535]; ***дьүһүй***, усть.-алд. *дьүһүннээ, кырааскалаа* ‘покрасить’; *Дыгын дьоно Суоттаайы алааска аттарын* ***дьүһүйбүттэр****, ол аата сиһик сутукатын буһарбыт ууларынан муус маҕан аттары кырааскалаабыттар* ‘люди Дыгына в аласе Суоттаайы **окрасили** своих коней, то есть чисто белых лошадей вымазали отваром ольховой коры’ [ДСЯЯ, 1976, 101]; *описывать, определять* [КРЯС, 2006, 54].

Свежий: *сибиэһэй, саҥа, өлүөр; сибиэһэй огурсу ‘свежие огурцы’; ыраас салгын ‘свежий воздух’; чэгиэн, чэбдик, чэбдигирбит; саҥа, ыраас* [РЯС, 1968, 563]; ***чэм-чэчэркэй***, в.-колым. ‘очень чистый, опрятный, свежий’ (ДСЯЯ, 1976, 307).

Сито: *сиидэ* [РЯС, 1968, 577]; *баһыр*, устар. ‘сетчатый черпак из конского волоса, используемый для процеживания какой-либо жидкости’ [ТСЯЯ, 2005, 257]; *сиксиир*, вил. ‘сито’ [ДСЯЯ, 1976, 206; Кулаковский, 1946, 80], *эрэһэ*, вил. окр., олекм. ‘сито’ [ДСЯЯ, 1976, 323]; ‘решето, редко сито; сито вообще’; *эрэһэлээ* ‘просеивать, пропускать через сито или решето’ [Пекарский, 1959 I, 284].

Спальный мешок: ‘утуйар мөһөөх’ [РЯС, 1968, 607; БТСЯЯ, 2015, 342]; *утуйар мөһөөх* ‘спальный мешок’ [БТСЯЯ, 2007, 513]; ***купчуу***, оленек. ‘одеяло, с одного конца зашитое наглухо’ [ДСЯЯ, 1976, 126]; ***купчуу*** ‘одеяло, с одного конца зашитое наглухо (детское)’ [Кулаковский, 1946, 82]; *купчуй*, обр. глаг. ‘иметь суженный книзу или сзади вид’ [БТСЯЯ, 2007, 513]; *купчук*, диал. ‘горшок с узким горлом, кубастая посуда для варки пищи’ [БТСЯЯ, 2007, 513]; *купчук* ‘горшок с узким горлышком’ [Пекарский, 1959 I, 1239]; ‘посуда с выпуклым тулово для варки пищи’; *купсуун* ‘кувшин’ [ДСЯЯ, 1976, 126]; *купчуук*, ханг. ‘туес с крышкой’ [Кулаковский, 1946, 90].

Таракан: *таракаан* [РЯС, 1968, 633]; ***килэйкэ***, устар., вил. [ДСЯЯ, 1976, 113].

Шакал: *дьиикэй ыт,* ***сир ыта*** [ДСЯЯ, 1976, 96, 208]; *дьаргыл, дьиикэй ыт, сир ыта* [Кулаковскай, 1946, 102]; *сир ыта* [Макаров, 1974, 60] и т. д.

Таким образом, общая лексика якутского языка может пополняться из диалектной лексики в ряде случаев: если есть возможность замещения заимствованного слова (полная синонимия языковых выражений); если новый термин будет воспринят носителями языка и будет использован в качестве альтернативного термина в речи, в письменных текстах. В пользу данной терминообразующей

работы есть высказывание терминолога Е.И. Оконешникова: «… архаизированные слова не утрачиваются безвозвратно еще и потому, что они потенциально существуют в тайниках материальной и духовной культуры народа и в благоприятных условиях могут в любое время возродиться» [Оконешников, 2015, 151].

Сокращения: вил. – вилюйский говор; вил. окр. – говор Вилюйского округа; долг. – долганский язык; обр. глаг. – образный глагол; есей. – язык есейских якутов; колым-рус. – говор колымских русских; оленек. – оленекский говор; олекм. – олекминский говор; техн. – технический термин; усть-алд. – усть-алданский говор; усть.-ян. – усть-янский говор; в.-колым. – верхне-колымский говор; ханг. – хангаласский говор; эвенк. – эвенкийский язык; устар. – устаревшее.

Литература

Афанасьев Л.А. Тиэрмини оҥорор үлэ толору көрүҥэ [Полный алгоритм терминообразования] / Сахалыы тиэрмини оҥоруу. Научнай ыстатыйалар хомуурунньуктара. Дьокуускай: СР НА ГЧИ, 1995. С. 39–63. {Afanasyev L.A. A complete algorithm for the formation of terms / Formation of Yakut terms. Collection of scientific articles. Yakutsk: IGI AN RS (Ya), 1995. P. 39–63.}

БТСЯЯ 2006: Толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И). {Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P.A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2006. 844 p. (The letters G, D, D, I).}

БТСЯЯ 2007: Большой толковый словарь якутского языка: Т. IV: (Буква К) / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с. {The Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language: Vol. IV: (Letter K) / Ed. P.A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2007. 672 p.}

БТСЯЯ 2015: Большой толковый словарь якутского языка: Т. XII: (Буквы У, Ү) / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. 598 с. {Large explanatory dictionary of the Yakut language: Vol. XII: (Letters U, Y) / Ed. P.A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2015. 598 p.}

ДСЯЯ 1976: Диалектологический словарь якутского языка: свыше 8500 слов / сост.: П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с. {The dialectological dictionary of the Yakut language: over 8500 words / Comp. P.S. Afanasyev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev. Moscow: Nauka, 1976. 392 p.}

Иванов С.А. Изучение якутских говоров: итоги и задачи / Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты. [Электронный ресурс]: сборник научных статей / [редкол. Данилова Н.И., Самсонова Е.М., Харабаева В.И.]; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманит. исслед. и проблем малочисл. народов Севера. Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН, 2018. С. 6–20. {Ivanov S.A. The study of Yakut dialects: results and objectives / Indigenous peoples of Yakutia: territorial and cultural dialects. [Electronic resource]: collection of scientific articles / [redkol. Danilova N.I., Samsonova E.M., Kharabaeva V.I.]; Grew up. Acad. sciences, Sib. Separation, Institute of Humanities. researched and few problems. peoples of the North. Yakutsk: IGI and PMNS SB RAS, 2018. P. 6–20.}

КРЯС: Краткий якутско-русский словарь: учебный словарь / сост. Т.И. Петрова. 2-е изд., доп. Дьокуускай: Бичик, 2006. 249 с. {Brief Yakut-Russian Dictionary: Training Dictionary / comp. T.I. Petrova. 2nd ed., ext. Dyokuuskai: Beechik, 2006. 249 p.}

Кулаковский А.Е. Статьи и материалы по якутскому языку / предисл. и примеч. Н.С. Григорьева; Науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории ЯАССР. Якутск: Государственное изд-во ЯАССР, 1946. 150 с. {Kulakovsky A.E. Articles and materials on the Yakut language / preface. and note. N.S. Grigoryev; Scientific research Institute of Language, Literature and History of the YAASSR. Yakutsk: State Publishing House of the YAASSR, 1946.150 p.}

Макаров А.А. Краткий русско-якутский словарь биологических терминов / А.А. Макаров; под ред. П.С. Афанасьева; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Якут. гос. ун-т. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1974. 62 с. {Makarov A.A. Brief Russian-Yakut Dictionary of Biological Terms / A.A. Makarov; under the editorship of P.S. Afanasyev; Yakut state univ. Yakutsk: Yakut Book Publishing House, 1974. 62 p.}

Николаев Е.Р. Диалектная лексика как ресурс терминологии якутского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 245–248. {Nikolaev E.R. Dialect vocabulary as a resource of terminology of the Yakut language // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2019. Vol. 12. Issue 3. P. 245–248.}

Оконешников Е.И. Язык саха: проблемы лексикографии и терминографии (сб. науч. ст.) / сост.: А.С. Акимова, Р.Н. Протодьяконова; отв. ред.: Н.И. Данилова, Ф.Н. Дьячковский, А.М. Николаева; Ин-т гуманит. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2015. 210 с. {Okoneshnikov E.I. The Sakha language: problems of lexicography and terminography (collection of scientific articles) / Comp.: A.S. Akimova, R.N. Protodyakonova; Ed.: N.I. Danilova, F.N. Dyachkovsky, A.M. Nikolaev. Yakutsk: IGiPMNS SB RAS, 2015. 210 p.}

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 1. 1278 стлб.; Т. 3. 3858 стлб. {Pekarsky E.K. Dictionary of the Yakut language. 2nd ed. Leningrad: Edition of the USSR Academy of Sciences, 1959. V. 1.; V. 3.}

РЯС: Русско-якутский словарь. Около 28 500 слов / под ред. П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитонова. М.: Сов. Энциклопедия, 1968. 720 с. {Russian-Yakut dictionary. About 28,500 words / ed. P.S. Afanasyev and L.N. Kharitonova. Moscow: Sovie Encyclopedia, 1968. 720 p.}

РЯСБТ: Русско-якутский словарь биологических терминов / под ред Г.С. Угарова; М-во образования Респ. Саха (Якутия); авт. кол.: Борисов З.З., Борисова Н.И., Винокуров В.Н. и др. Якутск, 1993. 170 с. {Russian-Yakut Dictionary of Biological Terms / edited by G.S. Ugarov; by Borisov Z.Z., Borisova N.I., Vinokurov V.N. et al. Yakutsk, 1993. 170 p.}

Слепцов П.А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 277 с. {Sleptsov P.A. Yakut literary language: the formation and development of national norms. Novosibirsk: Nauka, Sib. Department, 1990. 277 p.}

ТСЯЯ 2005: Толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с. (Буква Б). {Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P.A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2005. 912 p. (Letter B).}

https://sakhatyla.ru/translate?q=%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B8 (дата обращения: 22.01.2020) {(Accessed: 01/22/2020)}

УДК 811.512.145

Р.С. Нурмухаметова, г. Казань

ТОПОНИМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ПИЩА» В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья продолжает серию работ о «поведении» лексики пищи в татарском языке, в данном случае ставится цель выявления «пищевых» компонентов в лексике, называющей географические объекты. Реализация цели требует решения следующих задач: изучить использование кулинарной лексики в составе татарской топонимии, классифицировать исследуемые единицы по тематическим группам. Материалом для данного исследования послужили «гастрономические» лексические единицы, отобранные методом сплошной выборки из «Словаря татарской топонимии» Ф.Г. Гариповой. Автором выявлено около 100 географических названий с компонентом-глюттонимом.

Ключевые слова: *татарский язык, пища, топоним, глюттоническая лексика, этнокультура.*

TOPONYMS WITH THE COMPONENT "FOOD" IN THE TATAR LANGUAGE*. This article continues a series of works on the "behavior" of food vocabulary in the Tatar language, here the goal is to identify the "food" components in the vocabulary that names geographical objects. Realization of the goal requires solving the following tasks: to study the use of gluttonic vocabulary in the Tatar toponymy, to classify the studied units into thematic groups. The material of this research is "gastronomic" lexical units selected by a continuous sampling method from the Dictionary of Tatar toponymy by F. G. Garipova. The author identified approximately 100 geographical names with the component describing food.*

Keywords. *The Tatar language, toponym, food vocabulary, gluttonic vocabulary, ethnoculture.*

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ «РИЗЫК» КОМПОНЕНТЛЫ ТОПОНИМНАР

Хәзерге вакытта фәнни тикшеренүләр төрле фәннәр киселешендә кызу темплар белән һәм нәтиҗәле рәвештә үсә. Топонимика, ягъни географик атамалар турындагы фән нәкъ менә шундыйларның берсе. Фәнни тармак буларак ул күптәннән формалашып-үсеп килсә дә, аңа карата галимнәрнең дә, гади кешеләрнең дә кызыксынуы кимеми, киресенчә, арта гына бара. Топонимнар – кеше һәм географик объектлар арасында бәйләүче буын, алар еш кына төрле фәнни тикшеренүләр өчен кызыклы һәм әһәмиятле мәгълүмат бирәләр.

Географик атамаларда халыкның матди һәм рухи мәдәният тарихының иң мөһим этаплары чагылыш таба. Бу нисбәттән топонимия лингвистик чыганак буларак зур кызыксыну уята. Әмма җир-су атамаларындагыэтномәдәни потенциал әлегә аз өйрәнелгән өлкә булып кала. Бу хезмәттә топонимнарда урын алган матди мәдәниятнең әһәмиятле өлеше булган ризык һәм аның белән бәйле атамаларны барлау омтылышы ясалды. Чыганак буларак Ф.Г. Гарипованың 19 000 географик атама теркәлгән «Татар топонимнары сүзлеге» файдаланылды [Гарипова, 2010]. Сайлап алынган берәмлекләрнең этимологияләреначыклау бурычы куелмады, тополексика составындагы ризык компонентлары мәгънәләре ягыннан гомуми рәвештә төркемләп өйрәнелде.

Топонимик лексика семантикасы ягыннан тирән эчтәлекле: элек-электән урынны нинди дә булса вакыйгага яки кешегә бәйләп карау тенденциясе яшәгән, шул рәвешле онимнарның семантикасында лингвистик (сөйләм) һәм экстралингвистик (мәгънәви компонент) мәгълүматлар сакланган. Бу берәмлекләрдә экстралингвистик компонент зур әһәмияткә ия, чөнки алар күп очракта өлкәләрнең үсеш тарихына, мәдәни-тарихи һәм табигый-географик һ.б. үзенчәлекләренә ачыклык кертә. Кешеләр әйләнә-тирә күренешләргә атаманы әлеге объектта шул чорда төп, асыл сыйфаты буларак саналган билгеләренә карап бирәләр. Димәк, топонимнар теге яки бу объектның сыйфатлары, аның географик урнашуы һәм кеше, кешенең эшчәнлеге белән бәйле була.

Топонимнар составындагы глюттоник атамаларга килгәндә, алар шактый һәм күп төрле. Глюттония термины ашау-эчү процессын тулаем чагылдыру өчен кулланыла, аңа азыкны табу, беренчел эшкәртү, әзерләү һәм куллану, ашамлык-эчемлек атамалары һ.б. кертеп карыйлар. Тикшерелгән сүзлектә шундый терминнар кергән 100 гә якын берәмлек табылды.

Татар халкының туклану культурасында *икмәк / ипи* әһәмиятле урын алып тора, тел материалында да ул үзенчәлекле мәгънәви йөкләнмәгә ия, бай ассоциатив фоны булу белән аерылып тора.

Татар телендә әлеге ризыкны атый торган берәмлекләр шактый. Әдәби тел берәмлеге булган *икмәк*сүзлектә теркәлгән бер топонимда табылды: *Икмәкле чокыр* (Черки Килдураз авылы, Буа районы) [Гарипова, 2010, 194].

Җирле сөйләшләрдә *ипи, ипей, әпәй, әпекәй* фонетик формалары бар [Баязитова, 2007, 166]. Шулардан топонимнар составында *әпәй* сүзе еш очрый: *Әпәй елгасы* (Иске Камка авылы, Әлки районы); *Әпәй тавы* (Иске татар кармәте авылы, Аксубай районы); *Әпәй тау* (Кирлегәч авылы, Лениногорск районы); *Әпәй чокыры елгасы* (Иске Чепья авылы, Балтач районы) [Гарипова, 2010, 68].

Милли ризык атамаларының топонимнарда кулланылышыда кызыклы күренеш: ***Әлбә*** *күле* (Кече Өтәк авылы, Яшел Үзән районы) [Гарипова, 2010, 65]; *Җиде* ***белен*** *елгасы* (Иләбәр авылы, Саба районы) [Гарипова, 2010, 166]; ***Чумар*** *тавы* (Бәзәкә авылы, Алабуга районы) [Гарипова, 2010, 630]. *Чумарай елгасы* (Мөндеш авылы, Арча районы) [Гарипова, 2010, 630] атамасындагы *чумарай* компонентының *чумар* сүзенә мөнәсәбәтле булуы ихтимал.

Татар милли ризыгы *пәрәмәч* нең сөйләшләрдә төрле фонетик вариантлары йөрүе мәгълүм: *пирамач, пирәмәч, пәрәмәчә, пирипис, пирипич* [Баязитова, 2007, 204–206]. *Пәрәпеч тавы* (Чүри Бураш авылы, Апас районы) [Гарипова, 2010, 441] топонимында да шушы ризык атамасының фонетик варианты күзаллана.

Пилмән алынма термин саналса да, татарларда бу ризык гаять популяр, ул күп кенә бәйрәм табыннарына татарча итеп, шулпа белән, беренче кайнар аш буларак чыгарыла. Топонимнар сүзлегендә әлеге сүз кергән бер атама табылды: *Пилмән тавы* (Татар Танае авылы, Яшел Үзән районы) [Гарипова, 2010, 444].

Ботка татар халкында күп кенә йолаларда кулланыла. Шуларның берсе – *Карга боткасы / Яңгыр боткасы*. Бу сүз *Карга боткасы юлы* (Олы Кариле авылы, Кама Тамагы районы) [Гарипова, 2010, 274] атамасында да урын алган.

Чәй – татар халкы яратып куллана торган эчемлек, шунлыктан топонимнарда аның очравы гаҗәп түгел. Бу лексик берәмлек гидронимнар составында еш кулланыла: *Чәй суы (кое)* (Чүриле авылы, Яшел Үзән районы); *Чәй суы елгасы* (Күгеш авылы, Яшел Үзән районы; Кече Аксу авылы, Чүпрәле районы; Өбрә авылы, Биектау районы); *Чәй суы кизләве* (Багыш авылы, Апас районы; Иске Чокалы авылы, Чүпрәле районы); *Чәй чишмәсе* (Наласа авылы, Арча районы) [Гарипова, 2010, 610].

Татар халкында исерткеч эчемлекләргә мөнәсәбәт тискәре булуны таныган хәлдә, географик атамаларда *аракы* компонентының шактый һәм төрле жирлекләрдә очравын күрсәтергә кирәк: *Аракы елгасы* (Алабирде авылы, Тәтеш районы; Мөрәле авылы, Апас районы; Бөрбаш авылы, Балтач районы; Югары Сон авылы, Мамадыш районы; Көтек авылы, Арча районы; Олы Салтык авылы, Кама Тамагы районы; Тәберде Чаллысы авылы, Балык Бистәсе районы); *Аракы елгасы тавы* (Әлмәндәр авылы, Апас районы); *Аракы елгасы чокыры* (Иске Әнәле авылы, Апас районы); *Аракы кизләве* (Әлмәндәр авылы, Апас районы; Келәнче авылы, Кама Тамагы районы); *Аракы сазы* (Иске Йомралы авылы, Апас районы); *Аракы чишмә елгасы* (Казанбаш авылы, Арча районы); *Аракы чишмәсе* (Колышчы авылы, Мамадыш районы; Иске Му авылы, Арча районы; Олы Шыңар авылы, Саба районы; Керәшен Сәрдәсе авылы, Питрәч районы; Югары Шепкә авылы, Зәй районы) [Гарипова, 2010, 39–40]. Бу берәмлек, сыеклык атамасы буларак, күбрәк елга, чишмә кебек сүзләр белән бергә килә.

Исерткеч эчемлек атамаларыннан тагын *сыра* сүзе табылды: *Сыралы куак* (Карлы авылы, Буа районы) [Гарипова, 2010, 501].

Топонимнар составындагы ризык тәмен белдергән сүзләрдән *баллы, татлы, тәмле, тозлы* сыйфатларын атарга була. Шулар арасында иң күп очраганы – *баллы* сүзе, ул 17 терминда урын алган: *Баллы елгасы* (Сатыш авылы, Саба районы; Баллы авылы, Лениногорск районы; Яңа Кади авылы, Чирмешән районы); *Баллы елгасы чишмәсе* (Яңа Кади авылы, Чирмешән районы); *Баллы куак күле* (Бик-Үти авылы, Апас районы; Иске Чәчкаб авылы, Буа районы); *Баллы күл* (Баллы күл авылы, Әлки районы; Татар Талкышы авылы, Чистай районы; Кырый күл авылы, Спас районы); *Баллы күпере яны* (Түбән Чыршылы авылы, Лениногорск районы); *Баллы күпер юлы* (Иске Йомралы авылы, Апас районы); *Баллы тамагы чишмәсе* (Түбән Чыршылы авылы, Лениногорск районы); *Баллы тамак* (елга, Колгына авылы, Апас районы); *Баллы тау* (Исергәп авылы, Баулы районы; Кече Күккүз авылы, Апас районы); *Баллы тау асты чишмәсе* (Исергәп авылы, Баулы районы); *Баллы тау юлы* (Кече Күккүз авылы, Апас районы); *Баллы тау өсте* (Түбән Чыршылы авылы, Лениногорск районы); *Баллы урамы* (Сатыш авылы, Саба районы); *Баллы чишмә* (Бәзәкә авылы, Алабуга районы; Биектау авылы, Балык Бистәсе районы); *Баллы ширбәт елгасы* (Олы Нырты авылы, Саба районы); *Баллы ширбәт кизләве* (Шуширмә авылы, Апас районы) [Гарипова, 2010, 87–88].

Татлы / тәмле сүзе 5 атамада табылды: *Татлы бабай зираты* (Иске Чокалы авылы, Чүпрәле районы) [Гарипова, 2010, 512]; *Тәмле күгәнлек кырачы* (Әҗмәр авылы, Спас районы); *Тәмле су елгасы* (Югары Ушмы авылы, Мамадыш районы); *Тәмле сулы чишмә* (Кече Елга авылы, Балык Бистәсе районы) [Гарипова, 2010, 524]; *Тәмле чишмә* (Яңа Кади авылы, Чирмешән районы; Сугышлы авылы, Лениногорск районы) [Гарипова, 2010, 525].

Тоз / тозлы компоненты 4 терминда урын алган: *Тозлы күл* (Түбән Чәке авылы, Чүпрәле районы); *Тозлы су* (Олы Тархан авылы, Тәтеш районы; Комыргужа авылы, Арча районы; Тоба авылы, Әгерҗе районы); *Тозлы чишмә* (Еники Чишмә авылы, Мамадыш районы; Татар Әйшәсе авылы, Биектау районы); *Тоз күле* (Иске Ишле авылы, Чүпрәле районы; Чуваш Кичүе авылы, Әлки районы) [Гарипова, 2010, 540].

Сөт-май-йомырка ризыклары атамалары кергән топонимнарга түбәндәгеләр мисал булып тора: *Йомырка болыны* (Иске Җөлби авылы, Әтнә районы) [Гарипова, 2010, 226]; *Күкәй тавы* (Яңа Шалты авылы, Баулы районы) [Гарипова, 2010, 348]; *Катыклы чишмә* (Төркәш авылы, Кукмара районы) [Гарипова, 2010, 281]; *Кымызлык чокыры елгасы* (Әмәкәй авылы, Мөслим районы) [Гарипова, 2010, 262]; *Майлы елга* (Түбән Сон авылы, Мамадыш районы) [Гарипова, 2010, 272]; *Майлы беләк* (кыр атамасы, Ормышлы авылы, Лениногорск районы); *Май тавы* (Олы Ачасыр авылы, Яшел Үзән районы) [Гарипова, 2010, 273]; *Олы әйрән күле* (Түбән Сон авылы, Мамадыш районы) [Гарипова, 2010, 422]; *Сөт елгасы* (Салтыган авылы, Апас районы) [Гарипова, 2010, 435]; *Сөт кизләве* (Аюкөйдергән авылы, Апас районы); *Сөт күле* (Адав-Толымбай авылы, Буа районы) [Гарипова, 2010, 447].

Глюттонимнарны ризык-эчемлекләрне әзерләүчеләрдән башка күз алдына китереп булмый. Туплланган берәмлекләрдә дә бу һөнәр ияләре атамалары күзгә чалынды: *Пивовар юлы* (Пыжмара авылы, Балтач районы) [Гарипова, 2010, 444]; *Повар чишмәсе* (Түбән Әлки авылы, Әлки районы) [Гарипова, 2010, 447].

Топонимнар составына ризык белән турыдан-туры бәйле җиһазлардан *өстәл, пич* сүзләре дә керүе күзәтелде: *Пәри өстәле* (Олы Карагужа авылы, Яшел Үзән районы) [Гарипова, 2010, 441]; *Пич башы* (басу атамасы, Олы Әтрәч авылы, Тәтеш районы; Тутай авылы, Апас районы; Үтәмеш авылы, Тәтеш районы) [Гарипова, 2010, 446].

Географик атамаларда ризык әзерләүгә бәйле процессларны белдерүче сүзләрдән *ашаган, кайнаткан* сүзләре табылды: *Аю ашаган урын* (Мамалай авылы, Саба районы) [Гарипова, 2010, 18]; *Ар кайнаткан ерганак* (Чуваш иле авылы, Биектау районы) [Гарипова, 2010, 45].

Шул рәвешчә, тикшеренүләр татар топонимнары составында глюттоник лексиканың шактый урын биләвен исбатлады. Карап үтелгән географик атамалар халык аңында җир-су объектларын ашамлык-эчемлек һәм аларга бәйле процесслар белән тиңләштереп карау нәтиҗәсендә, яисә охшашлык нигезендә туган диярге була.

Әдәбият

Гарипова Ф.Г. Татар топонимнары сүзлеге. Казан: ИЯЛИ, 2010. 679 б. {Garipova F. G. Dictionary of Tatar toponyms. Kazan: Institute of Language and Literature, 2010. 679 p.}

Баязитова Ф.С. Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы. Казан: Дом печати, 2007. 480 б. {Bayazitova F.S. lexicon of dishes and folk traditions.Kazan: Press house, 2007. 480 p.}

УДК 800. 86/87

М.Н. Перфилова, г. Пенза

О ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯХ С ЗАТЕМНЁННОЙ ЭТИМОЛОГИЕЙ

(на материале говоров русского языка)

Статья посвящена изучению русских диалектных цветонаименований с затемнённой этимологией. Основным источником материала является «Словарь русских народных говоров». Научный анализ, проведённый с использованием разнотипных словарей, показал, что этимология цветообозначений затемняется вследствие незначительных или полностью отсутствующих словообразовательных связей, благодаря которым устанавливается происхождение слов со значением цвета. Даже незначительное сохранение словообразовательных связей способствует реконструкции этимона. Чаще всего неразвитые словообразовательные отношения обусловлены заимствованным характером цветолексем.

***Ключевые слова**: цветообозначение, этимология, говоры, словообразовательные связи, заимствования.*

***ON COLOR DESIGNATIONS WITH VAGUE ETYMOLOGY (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN SUBDIALECTS)**. The article is devoted to the study of Russian dialect color designations with vague etymology. The main source of material is the Dictionary of Russian folk dialects. Scientific analysis using different types of dictionaries has shown that the etymology of color designations is obscured due to insignificant or completely absent word-forming links, due to which the origin of words with a color value is established. Even a slight preservation of word-forming links contributes to the reconstruction of the etymone. Most often, undeveloped word-forming links are due to the borrowed nature of color designations.*

***Keywords**: color designation, etymology, sub-dialects, word-forming link, borrowings.*

Многие цветовые слова, восходящие к индоевропейскому периоду, продолжают активно употребляться в русском языке и его говорах. В таких словах, как правило, этимология очевидная. Однако большой интерес вызывают колоронимы с затемнённой этимологией. В данной статье предпринята попытка рассмотреть возможные подходы к этимологизации некоторых цветообозначений (далее в тексте – ЦО), сохранившихся в говорах русского языка. Рассмотрим происхождение отобранных для анализа слов.

Мага́нный, *мага́ный* ‘белокурый, светло-русый’ [СРНГ, 1981, 289]. В памятниках письменности родственные слова не обнаружены. Родственные слова в говорах – *маган* (‘белокурый человек’), *маганиха* (‘жена магана’) и *магановатый* (‘то же, что *маганный*’) [СРНГ, 1981, 289]. М. Фасмер отмечает: «возм., из монг. *möŋgün* «серебряный, белый» [Фасмер, 1987, 555]. В словаре В.В. Радлова находим сагайское ak maђan, которое означает ‘лысина на лбу у лошади, белизна вокруг глаз (лошадиная масть)’ [Радлов, 1911, 2000], другое слово maђ – ‘*голубь*, голова, крылья и концы хвоста которого одного цвета’ [Радлов, 1911, 2000] расширяет денотативные области слов-когнатов. Следовательно, предполагается заимствование ЦО *маганный* из алтайских языков.

Калту́шечный ‘ярко-жёлтый цвет’ [СРНГ,1977, 386]. Возможно, цветовое слово образовано от диал. названия ярко-жёлтого цветка *калту́шки*, растущего в сырых местах. *Калтушки* можно образовать от диал. *калту́с* ‘болото’, ‘кочка на болоте’ [СРНГ, 1977, 386]. Слово *калту́с*, по предположению М. Фасмера, самодийского происхождения [Фасмер, 1987, 170], что подтверждается географическими данными распространения самодийцев (самоедов) и ареалом употребления колоронима *калтушечный* (территория Северной Двины).

Полово-таргы́лый ‘светло-жёлтый с пятнами и полосами (о масти)’ [СРНГ, 1995, 95]. Если первая часть слова не вызывает сомнений, то вторая порождает вопрос. *Тарги́лый* и *таргы́лый* употребляются в говорах в значениях ‘красный с чёрными полосами, полосатый, разношёрстный (о шерсти животных)’, ‘пегий, полосатый (о масти лошади, быка)’, ‘сорт арбузов с крупными полосками и чёрными семечками’. Зафиксированы в говорах и родственные им *тарги́л* и *таргы́л* – ‘бык тёмной масти с чёрными полосами’ и ‘красная с чёрными пятнами масть коровы’ [СРНГ, 2010, 287]. В словаре В.В. Радлова находим киргизское тарђыл – ‘масть коров (красная с чёрными пятнами)’ [Радлов, 1905, 854], что подтверждает вероятность тюркского происхождения.

Калта́рый ‘каурый (о масти лошади)’ [СРНГ, 1977, 365]. В словаре В.В. Радлова находим слово *калтар* – ‘мухортый’ [Радлов, 1899, 259]. Колоратив определён как тюркизм в исследовании

Л.Н. Арбачаковой и Е.Н. Кузьминой: «<…> масть коня *калтар* уже подзабыта носителями языка, однако в алтайском эпосе определение коня *кара-калтаратту* переведено как ‘на темно-мухортом коне’ <…> в хакасском языке есть слово халтар ‘мухортый’» [Арбачакова, Кузьмина, 2018, 62].

Суржáвый ‘тёмно-коричневый, цвета ржавчины’ [СРНГ, 2008, 277]. В статье Е.И. Голованової слово рассматривается как образование при помощи приставки *су-* [Голованова, 2013, 96]. Можно предположить родство с диал. *суржá* ‘румянец на лице’. Родство производящего слова *ржавый* с *рудый* и *румяный* объясняет семантику слова *суржá*.

Тетéвненький ‘коричневый (о цвете)’ [СРНГ, 2010, 99]. Родственные слова нами не были найдены. Суффикс *-еньк-* в морфемном составе слова показывает, что *тетевненький* могло быть образовано от *тетевный*, которое тоже не встретилось. *Тетевный*, в свою очередь, могло быть образовано от существительного, например, от *тетива*. Тетиву всегда изготавливали из природных материалов, имеющих преимущественно коричневый или светло-коричневый цвет (сухожилия, сыромятная кожа, лён, пенька и др.). В таком случае ожидается написание *тетева*, что также не было обнаружено. Таким образом, установить этимологию слова не удаётся.

Болóсно (наречие) ‘серо, облачно, пасмурно’ [СРНГ, 1968, 78]. Родственно диалектному глаголу *болоснить* – ‘заволакивать небо, становиться пасмурным’ [СРНГ, 1968, 78]. У М. Фасмера также находим *болосина* – ‘облако’ и отсылку к *болоки* – ‘облака’ [Фасмер, 1986, 189]. Таким образом, данное наречие родственно словам *облако* и *обволакивать*.

Калю́ный ‘каурый, светло-золотистый, с более тёмным хвостом и гривой (о масти лошади)’, ‘красновато-серый, с блеском, с черным хвостом и гривой (о масти лошади)’, ‘серо-белый (о масти лошади)’ [СРНГ, 1977, 10]. В диалектах встречаются слова *калюнко* и *калюнка*, называющие лошадей этой масти [СРНГ, 1977, 10]. Сюда же, возможно, относится *кáлевый* ‘тёмно-синий цвет’, ‘чистой-голубой цвет’ [СРНГ, 1977, 347]. Все эти слова связывают с *кал* ‘грязь, слякоть, тина’, др.-инд. *kālas* ‘сине-чёрный‘ [Фасмер, 1986, 163]. Широкий диапазон цветовых оттенков позволяет предполагать у и.-е. корня *кал-* древнее значение ‘многоцветный’ и связывать с соответствующим денотатом – например, огнём (ср. *калить*).

Мáрный ‘серовато-синий’ [СРНГ, 1981, 375]. Родственно слову *марево*, так как *марный* и *марнóй* в диалектах также – ‘жаркий, душный’ и ‘пасмурный, дождливый’ (следовательно, марный цвет – цвет пасмурного неба). М. Фасмер связывает *марный* ‘знойный, тёплый, мутный’ с *мора* ‘темнота, туман’, *мрею* ‘отсвечиваю’, что обусловливает исконно русское происхождение ЦО [Фасмер, 1986, 571].

Котéльный ‘тёмно-синий (о человеческом теле)’ [СРНГ, 1979, 103], *котли́нный* ‘тёмно-синий, почти чёрный, как котёл’ [СРНГ, 1979, 107], *котля́нный, котля́ный, котляно́й* ‘тёмного цвета (как котёл)’, ‘тёмно-синий’ [СРНГ, 1979, 108]. Цветообозначения образованы по русской словообразовательной модели от слова *котёл*, заимствованного из германских языков.

Каролúновый ‘полосатый – с жёлтыми, красными, синими или зелёными полосками’ [СРНГ, 1977, 97]. В «Историческом словаре галлицизмов» Н.И. Епишкина франц. слово *каролин,* предполагаемое в качестве производящего, встречается среди названий сортов шерстяных тканей: «Мериносы, туалинеты, каролины, кассинеты, бомбазеты, сатинеты. Подробное наставление о порядке клеймения изделий (шерстяные изделия)» [Епишкин, 2010, 929]. В истории русских колоративов наблюдались случаи использования наименования ткани для обозначения её цвета (например, *кумачовый* – ‘красный’ или ‘синий’ от *кумач*), поэтому можно предполагать происхождение ЦО *каролиновый* от *каролин* по русской словообразовательной модели.

Перкобéлый ‘разношерстный, пегий’ [СРНГ, 1991, 283]. Этот же колоратив можно найти в словаре В.И. Даля [Даль, 1865, 102] с пометой «ряз». *Перко* в диалектах обозначает ‘перо’, поэтому *перкобелый* реконструируется как «с белыми перьями». Диалектная семантика слова ‘разношерстный, пегий’ позволяет определить у ЦО *белый* архаичное значение «пёстрый». Это не единственный случай в говорах русского языка, когда сложное слово сохраняет древнее значение (ср., например, *зеленогривые, зеленоволосые*).

Печенькóй ‘пёстрый’ [СРНГ, 1991, 349]. В СРНГ в качестве источника данного слова указан словарный раздел первой части «Причитаний Северного края» Е.Н. Барсова [Барсов, 1872, 191]. Однако в материалах Е.Н. Барсова нет такого слова, но есть лексема *пегенькой* со значением ‘пёстрый’. Мы предполагаем, что ЦО *печенькóй* появилось в СРНГ в результате опечатки.

Сыпушнóй ‘чёрный, как сажа’ [СРНГ, 2010, 146]. При подборе родственных слов происхождение колоратива проясняется: он является суффиксальным образованием от *сыпуха* /*сапуха* – ‘сажа’ [СРНГ, 2010, 144].

Наибольшие затруднения связаны с этимологизацией ЦО *луда́ный* и *ралубо́й. Луда́ный* ‘белёсый, белобрысый’, ‘лиловый’, ‘красноватый (о лице)’ [СРНГ, 1981, 179] может иметь родственные связи со словами *луда́* и *лу́да,* обладающими разнообразной семантикой (‘ослепительный блеск, белизна’, ‘весенний снежный тонкий налёт’, ‘мель (в море, реке, озере)’, ‘верхняя одежда, плащ’и др.) и *луда́н* ‘род шёлковой ткани, камка’ [СРНГ, 1981, 177–179]. В Словаре русского языка XI–XVII вв. также встречаются *луда́* – ‘плащ, накидка; верхняя одежда’ [СРЯ 11–17, 1981, 292] и *лаудан (лудан)* – ‘сорт шёлковой ткани’ [СРЯ 11–17, 1981, 180]. Словарь М. Фасмера расширяет круг родственных слов, различно объясняя происхождение слов *луда́, лу́да* и *луда́н* в зависимости от значений [Фасмер, 1987, 528–539]. Трудности в установлении точных словообразовательных связей ЦО не позволяют определить его этимологию.

Ралубо́й ‘серый’ [СРНГ, 2000, 93]. Данное ЦО было зафиксировано в СРНГ как записанное в Смоленской области в 1903 г., однако в «Словаре смоленских говоров» [ССГ, 2000, 100] подобное слово, как и его возможные когнаты, не обнаружены. Отсутствие словообразовательных связей делает невозможным определение происхождения у данного слова.

Исследование диалектных цветообозначений показало, что в основе затемнённой этимологии лежат незначительные или полностью отсутствующие у них словообразовательные связи, единственно способствующие установлению происхождения слова. Там, где такие связи сохранились, даже незначительные, вероятность этимологизации возрастает. Неразвитость словообразовательных отношений часто обусловлена заимствованным характером цветолексем.

Литература

Арбачакова Л.Н., Кузьмина Е.Н. О переводе имён шорских алыпов и их коней // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия Эпосоведение. 2018. № 2 (10). С. 60–66. {Arbachakova L. N., Kuzmina E. N. About translating names of epic heroes and their horses // Vestnik of North-Eastern Federal University. 2018. No. 2 (10). P. 60–66.}

Барсов Е.Н. Причитанья Северного края, собранныя Е.В. Барсовым. Ч. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. 1872. 327 с. {Barsov E.N. The lamentations of the Northern Territory collected by E.N. Barsov. Part 1. Cries of funeral, grave stone and grave. 1872. 327 p.} [электронный ресурс] URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01008530288#?page=191 (дата обращения: 21.04.2020).

Голованова Е.И. Архаические префиксы с точки зрения моделирования знания в естественном языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (034). С. 90–99. {Golovanova E. I. Archaic prefixes viewed in the light of modeling knowledge in natural language. Cognitive Linguistics Issues. 2013. № 1 (034). P. 90–99.}

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. 1865. 514 с. {Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vol. Vol. 3. 1865. 514 p.} [электронный ресурс] URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/02000000629#?page=94 (дата обращения: 21.04.2020).

Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с. {Epishkin N.I. Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language. M.: ETS, 2010. 5140 p.} [электронный ресурс] URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01006711216#?page=929(дата обращения: 21.04.2020).

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий В.В. Радлова. СПб: Изд-во вост. лит., [1963–1964], Репринт. изд. 1893–1911. {Radlov V.V. The experience of the dictionary of Turkic dialects V.V. Radlov. SPb: Publishing house vost. lit., [1963–1964], Reprint. ed. 1893–1911.} [электронный ресурс] URL: https://altaica.ru/v-turks.php (дата обращения: 21.04.2020).

СРНГ – Словарь русских народных говоров / АН СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. М.; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1965. {Dictionary of Russian folk dialects / Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language, Dictionary Sector. M.; L.: Science, Leningrad branch, 1965.}

СРЯ 11–17 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 346 с. {Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries. Vol. 8. M.: Science, 1981. 346 p.}

ССГ – Словарь смоленских говоров. Вып. 9. (ПРАВДИВЕЦ – СЕЯТЬ). Смоленск: СГПУ, 2000. 195 с. {Dictionary of Smolensk dialects. Vol. 9. (PRAVDIVETS – SEYAT’). Smolensk: SSPU, 2000. 195 p.}

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / перевод и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987. {Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: 4 v. / Translation and ext. O.N. Trubachev. Moscow: Progress, 1986–1987.}

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. Фонд / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–2003. {Etymological Dictionary of Slavic Languages: Praslav. Lex Foundation / Academy of Sciences of the USSR, Inst. language; Ed. O.N. Trubachev. M.: Nauka, 1974–2003.}

УДК 811.161.1'37

О.В. Петрова, Е.В. Цветкова, А.И. Чудецкий, г. Кострома

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ПО ТЕМЕ «ОДЕЖДА И ОБУВЬ» В ГОВОРАХ ШАРЬИНСКОГО РАЙОНА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье приведен комплексный анализ лексики по теме «Одежда и обувь», имеющейся в говоре села Одоевское Шарьинского района Костромской области. Значительная часть лексики по данной теме относится к разряду исчезающей. Лексика собрана методом полевого сбора. Названия систематизированы, классифицированы и рассмотрены с точки зрения семантики и функционирования в речи жителей. Выделены четыре основные тематические группы: одежда; обувь; головные уборы; материал. Проведен анализ распространения лексики данной тематики по материалам картотеки Костромского областного словаря и областных словарей. Большая часть наименований одежды и обуви известна в основном жителям пожилого возраста.

Ключевые слова: *диалектная лексика, говоры, семантика, материальная культура, одежда, обувь, Костромская область.*

FEATURES OF THE VOCABULARY ON THE TOPIC "CLOTHING AND FOOTWEAR" IN THE DIALECTS OF THE SHARYA DISTRICT OF THE KOSTROMA REGION. *The article provides a comprehensive analysis of vocabulary on the topic "Clothing and Shoes", available in the dialect of the village of Odoevskoye, Sharya district, Kostroma region, Russia. A significant part of the vocabulary on this topic belongs to the category of disappearing one. Vocabulary was collected by the field collection method. The names are systematized, classified and reviewed in terms of semantics and functioning in the speech of residents. Four main thematic groups were identified: clothing; footwear; hats; material. The recorded dialect words are compared with the materials of the card index of the Kostroma regional dictionary and regional dictionaries, and the distribution of vocabulary of this subject is revealed. Most of the items of clothing and shoes are known mainly to elderly people.*

***Keywords*:** *dialect vocabulary, dialects, semantics, material culture, clothes, shoes, Kostroma region.*

Диалектная лексика несет важную культурно-историческую информацию и служит одним из источников, используемых в истории и лингвистике. Акцентирование внимания на диалектных особенностях местных говоров, выявление закономерностей их возникновения, развития и функционирования важно и необходимо, так как многие реалии, объекты исчезают, из обихода уходят диалектные слова, а вместе с ними духовный культурно-исторический опыт людей. Лексика, относящаяся к материальной культуре народа, занимает важное место в лексическом составе любого языка, включая в себя названия предметов, явлений и действий, связанных с повседневной жизнью и ведением хозяйства, и представляя собой самую подвижную часть словарного состава, поэтому все изменения общества отражаются в семантическом развитии данной лексики отчетливее и быстрее [Ниязова, 2008, 3].

Одежда – один из основных элементов материальной культуры народа; кроме своего основного назначения она служит выразителем национальной принадлежности и тесно связана с историей народа. Изменяясь в зависимости от конкретных условий, одежда, тем не менее, на протяжении многих веков сохраняет древние черты в покрое, украшениях и названиях [Ненашева, 2017, 115]. В настоящее время русский народный костюм практически не встречается, забываются как и сами реалии, так и слова-названия старинной одежды и обуви [Программа собирания сведений …, 1994, 265–268].

В данной статье рассматриваются лексемы, связанные с названиями одежды и обуви, которые были записаны в селе Одоевское Шарьинского района Костромской области, расположенном на правом берегу реки Ветлуги, в рамках этнографической экспедиции летом 2017 г.

Собранный лексический материал был распределен на четыре основные тематические группы: одежда; головные уборы; обувь; материал. Приведем отдельные примеры лексики каждой тематической группы.

1. Одежда.

Вы́людное (платье). Обычно о платье, обуви, праздничной, нарядной одежде. *Не́ту вы́людновато у мёня́ ничёво́.*

В этом значении данное слово (то же, что ***вы́людник, вы́людье, вылюдно́й***) употребляется повсеместно как на территории Костромской области, так и в других говорах [СРНГ, 1970, 307]. В вологодских говорах слово ***вылюдный*** также встречается в значении ‘людный, многонаселенный’ [СГРС, 2002, 235].

Испо́дка. Женская нижняя сорочка. *Испо́дка ши́бко узка́ ста́ла.*

В Костромской области и других говорах в данном и близких значениях употребляется практически повсеместно. Другие значения слова встречаются в некоторых северных, уральских, нижегородских и пензенских говорах [СГРС, 2009, 346–347; СРНГ, 1977, 232].

Кошу́ля. Шуба, полушубок. *Кошу́ля ёму́ мала́, и ру́ки не поднима́ются.*

В Костромской области в этом значении имеет широкое распространение. Согласно сведениям Картотеки Костромского областного словаря, слово употребляется и в других его значениях: например, в Мантуровском и Поназыревском районах – ‘верхняя теплая одежда из бараньей шкуры, отделанная сверху домотканым холстом’; в Нерехтском – ‘сумка с бруском для заточки, одевавшаяся на пояс’; в Кологривском – ‘плетёная из рогожи корзина’; практически повсеместно на территории региона – ‘шуба из овчины’, ‘тулуп’, ‘женская верхняя теплая одежда на меху’. В данном и близких значениях слово широко распространено в русских народных говорах, а также встречается в значениях: ‘сорочка, рубашка’ – в брянских, смоленских и орловских говорах; ‘изношенная, рваная одежда’ – в архангельских и вологодских говорах; ‘корзина’ – в курских, псковских, тверских и ярославских говорах [СРГС, 2014, 129; СРНГ, 1979, 157–158].

Ло́поть. Бельё. *Ло́поть полоска́ла, так поясни́цу схвати́ло.*

В говорах Костромской области в этом значении данное слово широко распространено. В значении ‘одежда’ слово ***лопоть*** известно во многих говорах [СРНГ, 1981, 141–142]. В Макарьевском и Кадыйском районах Костромской области слово встречается в значении ‘плохие, рваные тряпки’; в ярославских говорах – в значении ‘детская пеленка’ [ЯОС, 1987, 13].

Подста́вный, подста́вно. Так говорят об одежде, обычно платье, которое хорошо сидит, подчеркивая фигуру. *Нет, хала́та мне не на́до, не подста́вно совсе́м.*

В подобном значении слово ***подставно*** употребляется в среднеуральских говорах; слово ***подставный*** в значении ‘хорошего качества’ (о пище) встречается в вятских говорах [СРНГ, 1994, 195].

Полуша́лок. Небольшая шаль, тёплый платок. *Полуша́лок бо́льно ба́сок.*

В Костромской области в этом значении употребляется повсеместно. В том же значении слова ***полуша́лка*** и ***полуша́лик*** распространены в амурских, пензенских, новосибирских, рязанских, тульских, уральских говорах; слово ***полушалок*** в значении ‘умственно отсталый человек’ встречается в Забайкалье [СРНГ, 1995, 171].

Припо́н. Фартук. *Ты хоть бы припо́н-от гря́зной-от снёла́.*

В данном значении известно во многих говорах Костромской области. В СРНГ содержатся сведения о том, что слово в том же значении употребляется также в вятских, пермских говорах и в Зауралье, а также встречается в других значениях на территории Русского Севера и Сибири [СРНГ, 1997, 353–354].

Рямýшка. Лоскут. *Не рямýшечки не оста́лося.*

Согласно ККОС, в таком же значении данное слово употребляется в Павинском районе Костромской области. Слово ***рямýжка*** (от ***рямýга***) в значении ‘тряпка, ветошка’ известно многим говорам [СРНГ, 2001, 352].

Соско́читься. Уменьшиться в размерах (чаще всего о валенках, варежках). *Ва́режки ши́пко соско́чились.*

В Картотеке Костромского областного словаря и использованных в нашем исследовании словарях данное слово в указанном значении не зафиксировано.

Стану́шка. Женская сорочка. *Стану́шка ста́рая, но́вую купи́.*

В Костромской области в этом значении слово известно многим говорам. По сведениям СРНГ и областных словарей, слово ***станушка*** в данном и близких к нему значениях имеет широкое распространение, а также встречается в других значениях: ‘передник’ – в олонецких говорах; ‘верхняя нагрудная часть передника’ – в новосибирских говорах; ‘детское белье, пеленка’ – в тверских говорах; в значении ‘малая укладка снопов в поле’ – в костромских (Судиславский район) и ярославских говорах [СРНГ, 2007, 64–65; ЯОС, 1990, 71].

Тяжелко́. Верхняя мужская и женская одежда, фуфайка, утепленное полупальто. *Давно́ бы тяжелко́ вы́бросить на́до.*

В значении ‘крестьянская верхняя рабочая одежда’ слово имеет широкое распространение во многих русских говорах; в значении ‘короткое пальто, которое либо покрывали холстом, либо подстегивали под верхнюю одежду’ употребляется в вологодских, вятских и среднеуральских говорах [СРНГ, 2013, 76–77].

Шоболо́к. Рваная, изношенная одежда. *Сно́ва вы́рядился в шоболо́к.*

В таком же значении слова ***шоболки́, шелобо́к, шелобо́ньё, шеболо́нки*** встречаются в самарских и ярославских говорах [Баженова, 2018, 7; ЯОС, 1991, 71–72]. В пермских говорах в аналогичном значении встречаются слова ***шабала́, шолобо́льё*** [Подюков, Свалова, Хоробрых, Черных, 2012, 375, 405].

2. Головные уборы.

Малаха́й. Большая меховая шапка, обычно кустарного производства. *Истрёпался малаха́й, наско́ль не гре́ёт.*

В Костромской области в этом значении известно во многих говорах. Слово ***малахай*** также имеет употребление в других значениях: ‘широкий кафтан без пояса’ – во многих говорах; ‘тулуп из дубленой овчины’ – в ярославских; ‘длинная плеть, кнут’ – в южных; ‘небрежно, неряшливо одетый человек’ – в среднеуральских; ‘перевозчик льна из мелких пунктов скупки в более крупные’ – в калужских и псковских говорах [СРНГ, 1981, 318–319].

3. Обувь.

Бахары́. Летняя обувь из бересты. *Бахары́ за нёде́лю изодрала́.*

В Костромской области и других регионах слово ***бахары*** (***бахоры***) в этом значении распространено повсеместно [СРНГ, 1966, 156–157].

4. Материал.

Бумазе́йный. Хлопчатобумажный, ситцевый. *Плато́к бумазе́йной наде́ла.*

В таком же значении слово известно в псковских и смоленских говорах [СРНГ, 1968, 275].

Как показал анализ лексики, записанной нами в селе Одоевское Шарьинского района, бо́льшая часть слов по теме «Одежда и обувь» известна как говорам Костромской области, так и говорам других территорий. Однако присутствует лексика, известная не всем костромским говорам, и употребляется в восточных говорах и в соседних говорах иных регионов, граничащих с Костромской областью (вологодских, вятских). Не отличаются широким распространением в говорах (в том числе и в Костромской области), например, такие слова, как *подставный (подставно), рямушка, соскочиться, шоболок.*

В записанных нами материалах имеются диалектные слова разных типов: собственно лексические диалектизмы (*бахары, кошуля, лопоть, припон, рямушка, шоболок*), семантические диалектизмы (*соскочиться*), словообразовательные (*исподка, подставно*). Наиболее многочисленными являются собственно лексические диалектизмы.

Основная часть лексики по теме «Одежда и обувь» хорошо известна жителям села Одоевское, однако все реже находит свое выражение в речи местного населения, а употребляют ее только люди пожилого возраста. Старожилов, к сожалению, становится все меньше, а молодежь практически не знает и не употребляет данную лексику. Это связано в большей степени с тем, что в традиционной одежде и обуви уже почти никто не ходит, а интереса к традиционным способам их производства среди молодежи не проявляется.

Таким образом, в процессе исследования лексики по теме «Одежда и обувь» в говоре села Одоевское Шарьинского района Костромской области были выделены четыре тематические группы слов, наиболее многочисленную из которых составляют диалектизмы на тему «Одежда». Бо́льшая часть слов с такими же значениями активно употребляется не только в пределах и окрестностях села Одоевское, но и в других поселениях Шарьинского района, а также в других районах Костромской области и соседних регионах. Многие лексемы (в таких же, подобных и иных значениях) известны и другим русским говорам.

Материалы исследования могут быть использованы в последующих работах по изучению говоров Шарьинского и других районов Костромской области, а также и граничащих с ней районов соседних регионов, при составлении словарей, а также на занятиях по лингвокраеведению.

Литература

Баженова Т.Е. Наименования одежды и обуви в самарских говорах // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. Вып. 1. С. 5–13. {Bazhenova T.E. Names of clothes and shoes in Samara dialects. *Bulletin of Perm Univ*ersity. Russian and Foreign Philology. 2018. Vol. 10. Iss. 1. P. 5–13.}

Ненашева Л.В. Названия женской одежды в говорах Архангельской области // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 1. С. 115–123. {Nenasheva L.V. The names of women's clothing in the dialects of the Arkhangelsk region. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University*. Humanities and Social Sciences. 2017. No 1. P. 115–123.}

Ниязова Г.Н. Лексика материальной культуры тоболо-иртышского диалекта сибирских татар: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.02. Тюмень, 2008. 25 с. {Niyazova G.N. Vocabulary of material culture of the Tobolo-Irtysh dialect of Siberian Tatars: Abstract of the Dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 10.02.02. Tyumen, 2008. 25 p.}

Подюков И.А., Свалова Е.Н., Хоробрых С.В., Черных А.В. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 3 (Ра – Ять). Пермь: ПГГПУ, 2012. 502 с. {Podyukov I.A., Svalova E.N., Khorobrykh S.V., Chernykh A.V. Dictionary of Russian dialects of the South Prikamye region. Vol. 3 (Ra – Yat'). Perm: Perm State University for the Humanities and Education, 2012. 502 p.}

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994. 208 с. {Information gathering program for the Lexical Atlas of Russian subdialects. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 1994. 208 p.}

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 2, 4, 6 / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002, 2009, 2014. {Dictionary of subdialects of the Russian North. Vol. 2, 4, 6 / Edited by A. K. Matveev. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2002, 2009, 2014.}

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Вып. 2, 3, 5, 12, 15, 17, 28, 29, 31, 35, 41, 46. Л., СПб.: Наука, 1966, 1968, 1970, 1977, 1979, 1981, 1994, 1995, 1997, 2001, 2007, 2013. {Dictionary of Russian folk subdialects / Edited by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov. Vol. 2, 3, 5, 12, 15, 17, 28, 29, 31, 35, 41, 46. Leningrad, St. Petersburg: Nauka, 1966, 1968, 1970, 1977, 1979, 1981, 1994, 1995, 1997, 2001, 2007, 2013.}

ЯОС – Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. Вып. 6, 9, 10. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1987, 1990, 1991. {Yaroslavl Regional Dictionary / Edited by G. G. Melnichenko. Vol. 6, 9, 10. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 1987, 1990, 1991.}

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.512

А.К. Пирниязова, г. Нукус

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА

Фразеологическая система тесно связана с лексической и грамматической системами языка. Фразеологический фонд языка – основа фразеологической системы. Фразеологическая система каждого языка имеет глубокие национальные корни. Подавляющее большинство фразеологизмов базируется на национальной основе. Национально-культурное значение фразеологизмов передают имеющиеся в их составе национально-культурные элементы.

Ключевые слова: *фразеологизм, фразеологическая система, коммуникативная функция, номинативная функция, когнитивная функция.*

NATIONAL PECULIARITIES OF KARAKALPAK PHRASEOLOGICAL SYSTEM*. A phraseological unit is a literary, expressive, figurative device and this definition depicts its main function. Especially, in the Karakalpak language we can see the real functional usage of these units and national peculiarities of the nation. For instance, figurativeness is the characteristic elements of world's awareness of the Karakalpak. This is the reason why we can notice large amount of phraseological units in the Karakalpak literary world. Furthermore, all authors masterly played with them in their masterpieces and showed richness of the Karakalpak language.*

Keywords: *phraseology, phraseological system, communicative tool, nominative expression, cognitive expression.*

Фразеологическая система тесно связана с лексической и грамматической системами языка. Фразеологический фонд языка – основа фразеологической системы. Языковые единицы, признанные фразеологизмами, считаются центром фразеологического фонда.

Под понятием фразеологической системы подразумевается совокупность взаимосвязанных фразеологизмов – языковые единицы и их элементы, закономерности формирования и развития фразеологизмов.

Системность фразеологизмов признана большинством исследователей. Между фразеологическими компонентами, между самими фразеологизмами, между фразеологизмами и другими единицами языка существует системная связь. О внутренней системной связи и о связях между системами в своих трудах писали известные ученые-фразеологи Е. Бердимуратов, Ш. Рахматуллаев, Б. Юлдашев, З.Г. Ураксин и др.

Фразеологическая система каждого языка имеет глубокие национальные корни. Подавляющее большинство фразеологизмов базируется на национальной основе. Они – зеркало жизни нации, поэтому они опираются на сохранившиеся в них культурные основы. Национальные признаки фразеологизмов отражаются в их смысловых отличиях. В компактном виде фразеологизм показывает культурно-психологический сложный способ мышления народа. Национально-культурный элемент в составе фразеологизмов передает их национально-культурное значение. К национально-культурным элементам относятся своеобразные народные художественные образы.

Язык – великий дар, данный человечеству, он один из важнейших и неотделимых составных частей национальной культуры. Поэтому язык является не только средством общения, но и средством творения материальных и духовных богатств, считается источником воспитания, совершенствующим человека, обеспечивающим соответствие его поведения, человеческих качеств.

В языке отражается реальная жизнь нации, ее исторический опыт, традиции и обычаи, многовековая история и культура. Наряду с другими факторами, самосознание связано с усилением внимания к родному национальному языку.

Один из характерных признаков фразеологизмов в каракалпакском языке – их широкое применение в устном и письменном языке. В качестве одной из традиций на протяжении веков использовались фразеологизмы в устной речи, в образцах устного народного творчества, традициях и обычаях. Ежедневное благословение за столом, пожелания – все это выражалось посредством фразеологизмов.

В древние времена каракалпаки жили в юртах. Верхняя часть юрты называлась *шаңырақ.* То есть то место, откуда выходил наружу дым от очага. Слова «шаңырақ», «түтин» использовались в значении семьи. У каракалпаков семья, домашний очаг – понятия святые. Поэтому в народе говорят: *Закваска домашнего очага – милосердие. Опора домашнего очага – терпение.*

Национальный характер народа проявляется в почитании этого очага, в отношении к нему как к очагу счастья. Каждый человек вырастает и воспитывается в такой семье. По отношению к молодоженам говорят: *шаңырақ құрды, шаңырақ көтерди 'построили свою семью, подняли собственный дом*'. В их адрес звучат пожелания: *Шаңарағыңыз бийик болсын! Керегеңиз кең болсын! Босағаңыз беккем болсын! 'Чтобы ваш семейный очаг был высоким! Двери широкими! Порог крепким!*'.

Каракалпаки свою Родину, место где родились, называют *киндик қаны тамған жер,* то есть местом, где пролилась кровь от отрезанной пуповины. По древней каракалпакской традиции юрта, построенная в честь привода в дом невестки, называлась *отау*, а родительский дом *үлкен үй,* то есть большой дом. Если в доме есть девушка на выданье, а среди приданого есть *отау*, то его строили заранее, с левой стороны отцовского дома. Увидевший со стороны человек сразу догадывался, для кого эта юрта – для сына или для дочери:

Оң жақтағы ***ақ отаў****,* 'Белая юрта справа'

Улдың үйи деседи, 'Говорят построена для сына'

Сол жақтағы ***боз отаў****,* 'А юрта слева'

Қыздың үйи деседи 'Говорят построена для дочери' (*Терме*). [Айымбетов, 1977, 45].

К национальным отличительным компонентам каракалпакской культуры относятся народные традиции и обычаи. Одной из самых основных культурно-национальных особенностей каракалпакского народа являются традиционные образцы национальных обрядов. Национальные обычаи и традиции, только при условии их сохранения в народном понимании, могут отличаться от других национальностей своими культурными отличиями.

Основная функция фразеологии каракалпакского языка – образность, экспрессивность, все это ярко отражается в каракалпакском языке. Образность – характерный признак мировоззрения каракалпаков. Произведения каракалпакских мастеров художественного слова очень богаты на фразеологизмы. Они мастерски сумели показать эти особенности каракалпакского языка.

У каракалпаков уважение к семье, супружеская верность считаются национальной ценностью.

В народе существует фразеологизм *я ериңниң, я келиншегиңниң* ***көзине шөп салма*** *букв.* '*не сувай в глаза супруга сучок*', что означало *не изменяй мужу или жене*. Раньше, в далекие времена, тому, кто посмел изменить своему супругу, выкалывали глаз, если измена повторялась, то выкалывали второй глаз... [Кайыпбергенов, 1992, 291].

Фразеологизмы выполняют коммуникативную, номинативную и когнитивную функции. В последнее время учеными-языковедами очень широко изучается антропоцентристский характер фразеологии. Фразеологическая семантика связана с мировоззрением, эмоционально-экспрессивной оценкой действительности человека.

Менталитет народа проявляется, прежде всего, в его характере, действиях, коммуникативном поведении. Менталитет формируется под влиянием экономических условий, политических изменений, социально-политических процессов, природных явлений, контактов с другими этническими группами и т. д. Таким образом, менталитет – специфический способ восприятия и понимания действительности. В каракалпакском языке добрые пожелания можно увидеть во фразеологизмах с компонентами «ақ». *Ақ отаў* – это новая юрта, поставленная для сына, в честь его женитьбы, в качестве продолжателя рода. *Ақ пәтия (*досл. *белое благословение)* – добрые пожелания родителей, адресованные к своим детям, родственникам. *Ақ жаўлық* (досл. *белый платок*) – символ матерей, воспитавших детей. *Ақ көйлек (*досл. *белое платье)* – одежда для невесты, символ чистоты.

«Фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, отображающего обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который, безусловно, связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [Телия, 1996, 13]. Фразеологизмы в каракалпакском языке, отражающие национальный характер, появились на основе опыта, философии, взятой народом из жизни. На основе белого цвета как символа добродетели и честности сформированы подобные фразеологизмы.

Любой народ имеет свою систему понятий, убеждений, ценностных ориентиров, образов. Чувственно воспринимаемая человеком действительность: ландшафт, животный и растительный мир, климат

и т. д., – важнейший источник стереотипов языкового фонда. Особенности объективного мира, в частности природных условий и культуры, истории народа, бытовых традиций и менталитета, мотивируют особое видение мира в каждом языке. Как известно, процесс превращения наименований предметов и явлений в различные образы, знаки и символы происходит под влиянием определенной культурной среды. Это значит, что свойственный языку взгляд на мир, с одной стороны, универсален, а с другой стороны, национально специфичен: каждый народ видит мир в какой-то степени по-своему, через призму своего языка. Во фразеологизмах имеется содержание с воспитательным значением. Фразеологизмы со значениями пожелания и благодарения используются лицами пожилого возраста при выражении добрых пожеланий и благословении в связи с традициями и обычаями: *Тўбиң бир, шақаң мың болсын* ‘чтобы корень был одним, а ветвей тысячи’; *ырыс болып кирип, берекет болып дарысын* ‘чтобы входило как богатство, а подействовало как благополучие’; *абыройың ассын, мәртебең тассын* ‘чтобы повышался престиж, авторитет’; *жаның жайылсын, ушың узайсын* ‘чтобы благополучие умножалось и вширь, и вглубь’ и др. Подобные пожелания и благословения ежедневно звучат за столом из уст родителей в качестве национальных традиций.

В заключение отметим, что каракалпакский народ обладает богатой духовной культурой, традициями, обычаями. Каракалпакский язык сохранил большое количество фразеологизмов, пословиц и поговорок, которые собраны в стотомник устного народного творчества «Каракалпакский фольклор» (Нукус: Каракалпакстан, 2007–2017). А изучение природы фразеологизмов, объяснение особенностей их применения очень важны для повышения и развития лексического богатства, внедрения национальной идеи в сознание молодежи.

Литература

Айымбетов Қ. Қарақалпақ фольклоры. Нөкис: Қарақалпақстан, 1977. 223 с. {Ayimbetov K. Karakalpak Folk. Nukus: Karakalpakstan, 1977. 223 p.}

Бердимуратов Е. Әдебий тилдиң функциональлық стильлериниң раўажланыўы менен қарақалпақ лексикасының раўажланыўы. Нөкис: Қарақалпақстан, 1973. 310 с. {Berdimuratov E. Development of Karakalpak vocabulary in connection with the development of functional styles of the literary language. Nukus: Karakalpakstan, 1973. 310 p.}

Йўлдошев Б. Ўзбек фразеологияси ва фразеографиясининг шаклланиши ҳамда тараққиёти. Самарқанд, 2007. 297 б. {Yuldashev B. Uzbek Phraseological and Structure of Phraseography. Samarkand, 2007. History and Development of Uzbek Phraseological units and Phraseography. Samarkand, 2007. 297 p.}

Каракалпакский фольклор. 100 т. Нукус: Каракалпакстан, 2007–2017. {Karakalpak Folklore. 100 volumes. Nukus: Karakalpakstan, 2007–2017.}

Кайыпбергенов Т. Непонятные. Нукус, 1992. 291 с. {Qayipbergenov T. Incomprehensibles. Nukus, 1992. 291 p.}

Рахматуллаев Ш. Основные грамматические особенности образных глагольных фразеологических единиц современного узбекского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Москва, 1952. 16 с. {Rakhmatullaev Sh. The main grammatical features of figurative verbal phraseological units of the modern Uzbek language. Ph.D thesis abstract in philol. sciences abstract. Moscow, 1952. 16 p.}

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с. {Teliya V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: «Languages of Russian culture» school, 1996. 288 p.}

УДК 81/8

Р.Р. Салахова, г. Казань

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье делается попытка проанализировать лексико-семантические группы глаголов зрительного восприятия в татарском языке. Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время в татарском языке нет отдельных монографических работ по изучению глаголов данной группы. В предложенной статье акцент в основном делается на изучение их семантики и функционирования в речи. В статье приведены все значения и оттенки глаголов зрительного восприятия, что особенно повышает порог трудности адекватного восприятия и усвоения этого материала в курсе преподавания татарского языка.

***Ключевые слова**: татарский язык, глагол, семантика, составные глаголы, фразеологизм.*

***FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE VERBS OF VISUAL PERCEPTION IN THE TATAR LANGUAGE**. This article attempts to analyze the lexical and semantic groups of verbs of visual perception in the Tatar language. The relevance of the study lies in the fact that currently in the Tatar language there are no separate monographic works on the study of verbs of this group. In the proposed article, the emphasis is mainly on the study of their semantics and functioning in speech. The article provides all the meanings and nuances of the verbs of visual perception, which especially raises the threshold of difficulty of adequate perception and assimilation of this material in the course of teaching the Tatar language.*

***Keywords**: Tatar language, verb, semantics, compound verbs, phraseology.*

Татар телендә күрүне белдергән фигыльләрнең функциональ-семантик үзенчәлекләре

Тел җәмгыять яшәеше белән тыгыз бәйләнгән. Телдә кеше эшчәнлегенең төрле яклары һәм эш вакытында аның җәмгыять, табигать, әйләнә-тирә белән мең төрле мөнәсәбәтләре чагылыш таба. Әлеге мөнәсәбәтләр тел берәмлекләрен функциональ-семантик ысул белән өйрәнгәндә ачык күренә. Тәкъдим ителгән мәкаләдә фигыль сүз төркеменең мәгънә төркемчәләрен әлеге ысул белән тикшерү максаты куела. Фигыль үзенең семантик табигате белән чынбарлыктагы предмет яки объектлар арасындагы мөнәсәбәтләрне белдерә. Әмма теге яки бу фигыль кулланылган контекстлар һәм ул белдергән мөнәсәбәтләр бик күптөрле була, шуңа күрә фигыльләр мәгънә киңлеге ягыннан башка сүз төркемнәреннән аерылып тора. Бу күренешкә тел галимнәре күптән игътибар иткәннәр. Төрки телләрдә фигыльләрнең мәгънәви үзенчәлекләрен башлап өйрәнүче буларак Н.К. Дмитриев, төрек, татар, башкорт һәм кайбер башка төрки телләрдәге сөйләү, фикерләү, эш һәм хәрәкәт фигыльләренең семантик төркемчәләрен билгели [Дмитриев, 1962, 134]. Бу юнәлештә шулай ук Э.В. Кузнецованың хезмәтләре зур игътибарга лаек. Э.В. Кузнецова фигыльнең семантик үзенчәлекләрен баскычлап тиңләштерү алымы (“метод ступенчатой идентификации”) ярдәмендә төзелгән классификациясен тәкъдим итә. Әлеге классификация фигыльләрне, төп мәгънәләреннән чыгып, ике зур төркемгә – эш-гамәл һәм хәл-торыш фигыльләренә аеру һәм алар эчендәге төркемчәләрне билгеләү, өченче төркем итеп кешенең тормышында бөтен эшчәнлегендә зур урын тоткан мөнәсәбәтләрне белдерә торган фигыльләр төркеменә аерып чыгаруга нигезләнгән [Кузнецова, 1988, 124].

Ф.А. Ганиев хезмәтләрендә эш-гамәл фигыльләре төркеменә акыл, иҗтимагый һәм сөйләм эшчәнлеген белдергән фигыльләр, хәрәкәт фигыльләре һәм яңгыраш фигыльләре кертелгән, ә хәл-торыш фигыльләренең мәгънә төркемчәләре түбәндәгедән гыйбарәт:

1. Яшәеш фигыльләре: *туу, яшәү, булу, югалу, юкка чыгу, һәлак булу* һ.б.
2. Сыйфат ягыннан хәл-торышны, сыйфатны барлыкка килүен белдерә торган фигыльләр: *яшәрү, матурлану, батыраю, тырышу, җылыну* һ.б.
3. Социаль хәл-торышка караган фигыльләр: *мактану, шаяру, акылсызлану, урлау, ялкаулану, баю, тәртипсезләнү* һ.б.
4. Физиологик халәт фигыльләре: *уяну, сәламәтләнү, сизү, туңу, сусау* һ.б.

5. Эмоциональ халәтне, хис-кичереш фигыльләре: *сагыну, курку, соклану, дулкынлану, тою* h.б. [Ганиев, 2015, 87].

Күргәнебезчә, фигыльләр күптөрле лексик-семантик төркемчәләрдән гыйбарәт, hәр төркемчә үз эчендә берничә төркемчә хасил итә , ул гына да түгел, төркемчәгә кергән фигыльләрнең лексик-семантик вариантлары да шактый күп. Мәсәлән физиологик халәт фигыльләре төркемчәсенә караган сизү фигылен генә алыйк. Сизү фигыле *карау, ишетү, тыңлау, иснәү* кебек фигыльләрне берләштереп торган төп берәмлек булып тора. Моннан тыш, hәр фигыльнең синонимик вариантлары булуын да онытмыйк. Болар барысы да фигыль семантикасының гаять катлаулы hәм бик тә үзенчәлекле булуын искәртә.

Татар телендә фигыльләрне мәгънәләре буенча төркемнәргә аеру мәсьәләсендә беренче тәҗрибә Ф.А. Ганиев тарафыннан ясалган [Ганиев, 1984, 76–78]. Ф.А. Ганиев "Татар телендә фигыльләрнең семантик төркемнәре" мәкаләсендә фигыльләрне 11 зур төркемгә бүлә: хәрәкәт, эш, процесс, хәл, мөнәсәбәт, үз-үзеңне тоту, яңгыраш, сөйләм, фикерләү, сиземләү hәм образ ияртемнәренә нигезләнеп ясалган фигыльләр, hәр төркемчәгә мисаллар китерелгән. Без югарыда телгә алынган сиземләүне белдергән фигыльләрнең бер тематик төркемчәсенә – күрүне белдергән фигыльләргә тукталырга булдык.

Фигыльләрнең сизү, тою, ишетү, күрү органнары белән кабул итүне белдерә торган төркеменә *сизү, тою, күрү, ишетү, карау, тыңлау h.б.* кебек лексик берәмлекләр керә. Аларның мәгънә чыганагы булып *сизү, тою* фигыльләре тора. Мәсәлән: *Кешеләр ашыйлар-эчәләр, яталар-йоклыйлар, көн дә торып нуңа куалар, ә бәхетлеме алар, яратышу дигән нәрсә бармы алар өчен – моны hич* ***сизеп*** *булмый иде* [Еники, 2002, 173].

Мәкаләбездә без күрү органнарына бәйле булган фигыльләргә тукталырбыз, аларга *күрү, карау, күзәтү, текәлү, төбәлү, күздән кичерү, багу* кебек фигыльләр керә.

Тамашаны кабул итү турында мәгълүмат биргән аерым әhәмияткә ия фигыльләр семантик hәм стилистик үзенчәлекләре буенча бер-берсеннән аерылалар. Күрү органнарына бәйле булган әлеге сизү фигыльләренең киң таралган төп ике мәгънәсе бар:

1. Күрү сәләте турында гомуми төшенчә hәм әлеге гамәлне башкару сәләте ***күрү*** фигыле белән белдерелә. Күреп алу дигән формасы билгеле бер күренешкә, предметка, затка hәм башкаларга кыска вакыт аралыгында игътибар итүне аңлата. Мәсәлән: *Лапастан төшүгә, мине коедан су чыгарып торган кече кодача* ***күреп алды*** [Еники, 2002, 187].

2. ***Карау*** фигыле исә озак вакыт эчендә күзләр ярдәмендә мәгълүмат алу мәгънәсенә ия. Аның синонимнары булып ***текәлү, күзәтү, багу*** фигыльләре тора. Соңгысы хәзерге татар әдәби телендә кулланылмый, диярлек, әмма кайбер диалектларда (мәсәлән, мишәр диалектында) ул әле дә актив кулланылышта. Аны шулай ук әдәби әсәрләрдә очратырга мөмкин. "Җиз кыңгырау" әсәрендә ул берничә тапкыр автор сөйләмендә күзәтелде. Мәсәлән: ***Баксам,*** *кояш шактый күтәрелгән, кичерәйгән, кызган, hәм мине "Тор, малай!» дигән төсле, бик әйбәтләп пешерә башлаган* [Еники, 2002, 186]. Әлеге фигыльнең мәгънәсе тирә-юньдәге күзгә күренә торган предметлар, күренешләрне озак вакыт аралыгында күзәтүгә бәйле. Тезмә фигыльләрдә *тору* ярдәмлек фигыле белән әлеге вакыт аралыгы тагын да арта кебек.

Әсәрдә күрү мәгьнәсенә ия булган *күз салу, күз ташлау, күз төшү, күздән кичерү* кебек фразеологик берәмлекләр дә байтак. Мәсәлән: *Соңгы өмет белән Нигъматулла абзыкайга карыйм, аңа ничек тә миңа бирмә дип ымлыйсым килә, ләкин ул минем якка сыңар* ***күзен дә төшерми****, ичмасам! Шулай да ахыр чиктә генә миңа бер* ***күз ташлап*** *алды шикелле, ләкин мин аның карашын тотарга да, аңлашырга да өлгермәдем, билгеле* [Еники, 2002, 212]. *Җиңгәчәй минем өс*-башымны ***күздән бер кичереп чыкты*** [Еники, 2002, 169]. *Стаканны ничек кулга алуымны, иреннәремә ничек китерүемне белмим, барысы да йокыдагы кебек эшләнде шикелле, тик бер нәрсәне бөтен тирем белән сизеп торам – кунакларның* ***күзе миндә генә*** [Еники, 2002, 213].

Әлеге фигыльләрнең синонимик вариантлары да бар (***текәлү, күзәтү, багу, карау)***, әмма алар өчен уртак берәмлек – ***күр*** берәмлеге. Мәгълүм булганча, бу фигыль тамыры белән күрү органына, ягъни күзгә барып тоташа. Тамыр сүзгә охшап торса да, татар телендә сүз ясалышының бер ысулын тәшкил иткән фонетик ысулның авазлар чиратлашу тибы ярдәмендә барлыкка килгән ясалма сүз: *р//з – күз//күр* [Татар грамматикасы, 1998, 214]. Шунысы да әhәмиятле: күрү лексикасына караган кайбер берәмлекләр фразеологизмнар эчендә бөтенләй күрү мәгънәсен белдермәскә мөмкин. Мәсәлән, *күз төшү, күз салу* кебек фигыльләр "гашыйк булу" ны белдерә алалар. Мисал өчен: – *Аптырап кына әйтүем инде, әллә Мәрфуганың да ул егеткә* ***күзе төшеп*** *йөргәнме икән дип кенә* [Еники, 2002, 213].

Күрү эшчәнлеген белдергән очраклар да шактый күзәтелә. Мәсәлән: *Минем* ***күзем****, билгеле, барысыннан элек чыбылдык авызында утырган егеткә* ***төште*** [Еники, 2002, 206]. Телдә *чекерәю, акаю, бәбәген терәү* кебек фигыльләр дә бар. Мисалларны карап узыйк: *Зәңгәр күзләрен* ***чекерәйткән*** *дә туп-туры аңа карап тик ята* [Еники, 2002, 217]. *Әбине беренче мәртәбә күргән кешедәй,* ***бәбәген*** *шарландырып, башыннан аягынача тикшереп чыкты* [Еники, 2002, 178]. Мондый фигыльләр гадәттә тискәре яки сатирик образларны сурәтләгәндә кулланылырга мөмкин, гадәттә алар *карау* рәвешенә ишарә итәләр.

Бер үк фигыльнең мәгънә киңлеге нәтиҗәсендә төрле төркем һәм төркемчәгә керә алуы да телдә шактый зур буталчыклар китереп чыгарырга мөмкин. Мәсәлән, безнең тикшерү объекты булган *карау* фигыле, билгеле булганча, *күз белән карау* мәгънәсендә физиологик процессны белдерә; *баласын яхшы карый* (тәрбияли) дигәндә, эш фигыльләре төркемчәсенә керә; *ул мәсьәләгә уңай карый* мисалында мөнәсәбәт фигылен тәшкил итә.

Шулай итеп, фигыльләрнең мәгънә үзенчәлекләрен аңлау өчен, функциональ-семантик алымны куллану иң дөрес юлларның берсе булып тора. Фигыльләрнең күптөрле мәгънә нечкәлекләрен контекст эчендә генә тоемлап була. Биредә шунысын да билгеләп үтү мөһим: *карау, күрү* кебек фигыльләр татар телендә тезмә фигыльләр ясауда да актив катнашалар, ягъни *әйтеп кара, эшләп кара, сөйли күр, бара күр* кебек мисалларда аларны модификацияләүче фигыльләр ролендә күрергә мөмкин. Мәсәлән: *Берәүгә дә афәт* ***килә күрмәсен*** *иде, берәү дә бу якты дөньядан мәхрүм булмасын иде дип тели-ялвара башлыйм* [Еники, 2002, 193]. Димәк, алар аерым кулланылганда яки тезмә фигыльләрнең беренче компоненты булып килгән очракта лексик берәмлек булып торалар, тезмә фигыльләр ясауда катнашканда, модификацияләүче (ярдәмче фигыльгә) әйләнәләр. Әмма аларны *карап алу, күреп калу, карап бару, күреп тору* кебек тезмә фигыльләрдән аера белү дә бик мөһим. Мәсәлән: *Кече кодача, тирәягына ялт-йолт* ***караныпалды*** *да, миңа иелә биреп, шыпырт кына әйтте* [Еники, 2002, 188]. Югарыда билгеләп үткәнчә, әлеге мисалларда *карау, күрү* фигыльләре лексик мәгънәләргә ия була. Моннан тыш, *кара, күр* фигыльләренең кисәкчәгә конверсияләнүе дә билгеле. Мәсәлән: *Кара, синме соң бу Нигъмәтулла?!* [Еники, 2002, 182]. Бәйлек сүзләрнең дә күбесе *күр, кара* фигыльләреннән ясалган, *караганда* ‹*судя по...', карап* ‹*по, смотря на', карамыйча* ‹*несмотря на', карамастан* ‹*не смотря на', күрә* ‹*ввиду, из-за'*. Мәсәлән: *Син, болытлар өстендә фәрештә шикелле очынганга* ***күрә****, аяк астыңда янгын күбуын күрергә теләмисең* [Еники, 2002, 191]. Димәк, фигыль сүз төркеменең мәгънә киңлекләрен тикшерү барышында лексик-семантик төркемнәргә караган семантика белән генә чикләнмичә, аның сүз ясалышындагы мөмкинлекләренә дә, фразеологик берәмлекләр составында кулланылыш үзенчәлекләренә дә игътибар итү зарур.

Әдәбият

Ганиев Ф.А. Семантические разряды глаголов татарского языка // Исследования по татарскому языкознанию. Казань, 1984. С. 75–84. {Ganiev F.A. Semantic categories of the verbs of the Tatar language // Research on Tatar linguistics. Kazan, 1984. P. 75–84.}

Ганиев Ф.А. Функциональная грамматика татарского языка. Казань, 2015. 272 с. {Ganiev F.A. Functional grammar of the Tatar language. Kazan, 2015. 272 p.}

Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М.: Наука, 1962. 608 с. {Dmitriev N.K. Story of Turkic languages. M.: Nauka, 1962. 608 p.}

Еники Ә.Н. Сайланма әсәрләр. Казан: “Хәтер” нәшрияты, 2002. 416 б. {Eniki A.N. Selected Works. Kazan: Memory Publishing House, 2002. 416 p.}

Кузнецова Э.В. Лексико-семантические группы русских глаголов: учебный словарь-справочник. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 153 с. {Kuznetsova E.V. Lexico-semantic groups of Russian verbs: Educational dictionary-reference book. Sverdlovsk: Ural. Univ. Publishing House, 1988. 153 p.}

Татар грамматикасы. 3 томда. Т. 1. М: Инсан; Казан: Фикер, 1998. 510 б. {Tatar grammar. In 3 volumes. Moscow: Insan; Kazan: Fiker, 1998. 510 p.}

УДК 811.512.15.1’342

И.Я. Селютина, А.А. Добринина, г. Новосибирск

ТЕЛЕУТСКИЕ СРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Статья посвящена анализу артикуляторных настроек среднеязычных согласных языка телеутов – одного из тюркоязычных этносов Южной Сибири. Цель исследования – определить тенденции развития артикуляционно-акустической базы (ААБ) телеутов путем сопоставления соматических параметров среднеязычных согласных современного телеутского языка, зафиксированных методом магнитно-резонансного томографирования, с материалами, полученными инструментальными методами в 1970-е годы. Экспериментальные данные свидетельствуют о значительных преобразованиях ААБ телеутов. Констатируется смена артикуляторного типа репрезентантов сложной аффрикативной фонемы ***ч****: переднеязычность трансформировалась в среднеязычность. Системные модификации в сфере дополнительных артикуляций, выявленные ранее для переднеязычных и гуттуральных, реализуются в классе среднеязычных не последовательно.*

Ключевые слова*: тюркские языки и диалекты Южной Сибири, язык телеутов, экспериментальная фонетика, метод МРТ, консонантизм.*

TELEUT MEDIOLINGUAL CONSONANTS IN RETROSPECTIVE*. The article is devoted to the analysis of the articulatory settings of the mediolingual consonants of the Teleut language – one of the Turkic ethnic groups of Southern Siberia. The aim of the study is to determine the trends in the development of the articulatory-acoustic base (AAB) of Teleut by comparing the somatic parameters of the mediolingual consonants of the modern Teleut language recorded by Magnetic Resonance Imaging, with the materials obtained by instrumental methods in the 1970s. Experimental data indicate a significant transformation of the Teleut AAB. It is stated that the articulatory type of the representatives of the complex affricative phoneme ch has changed: frontlingual feature has been transformed into the mediolingual one. The system modifications in the sphere of additional articulations identified earlier for frontlingual and guttural consonants are implemented inconsistently in the mediolingual class.*

Keywords*: Turkic languages and dialects of South Siberia, Teleut language, experimental phonetics, Magnetic Resonance Imaging, consonantism.*

Введение. Статья посвящена определению тенденций развития артикуляционно-акустической базы телеутов – одного из тюркоязычных этносов Южного Алтая – путем сопоставления соматических параметров шумных среднеязычных согласных современного телеутского языка, полученных с использованием данных магнитно-резонансного томографирования (МРТ), с материалами, выявленными в 1970-е годы К.В. Меркурьевым инструментальными методами статического рентгенографирования, дентопалатографирования и осциллографирования.

Аналогичное исследование, проведенное ранее на материале переднеязычных и гуттуральных настроек, позволило выявить фонетические преобразования, свидетельствующие – вопреки сложившимся в тюркской фонетике представлениям – о модернизации артикуляционной базы телеутов по пути усиления мускульной напряженности при речепроизводстве [Селютина, 2020]. Анализ произносительных паттернов среднеязычных согласных позволит установить, являются ли указанные трансформации тотальными, охватывающими всю консонантную систему, или носят локальный характер.

История вопроса. В «Грамматике алтайского языка» [1869], разработанной на базе языка телеутов, звуковой строй получил краткое освещение. Авторы выделили 19 согласных звуков, поделив на «жесткие» и «мягкие» (т. е. глухие и звонкие) и приведя краткое описание их произношения. В.В. Радлов констатировал в телеутском 22 согласных звука: 8 глухих (Tonlose): q, k, t, ĵ, č, s, š, p; 7 звонких (Tönende): ɣ, g, d, b, z, ž, j; 6 сонантов (Sonore): ł, l, r, m, n, ń; и один гласно-согласный звук (VocalConsonant): j [Radloff, 1882, 129, 173, 201]. В 1970-е годы К.В. Меркурьевым было выполнено исследование бачатско-телеутского консонантизма инструментальными методами. Автор выделил 23 согласных звука: губные p, b, m; переднеязычные t, d, n, s, z, ʃ, ʒ, l, r; среднеязычные ħ, j, ħ͡ç, ɲ; заднеязычные k, g, ɣ, ŋ и язычковые q, ɑ̯, g. Выявленные звуки были отождествлены как оттенки 16 фонем: шумные, подразделяющиеся на краткие [p], [t], [s], [ʃ], [ħ (j)], [k] и долгие [p:], [t:], [ħ͡ç:], [k:], и малошумные [m], [n], [l], [r], [ɲ], [ŋ]). При этом класс среднеязычных включает 4 звука: ħ, j, ħ͡ç, ɲ,

представляющие три фонемы: [ħ (ħ, j)], [ħç] и [ɲ] [Меркурьев, 1975, 9–12, 19]. Следует отметить некоторую непоследовательность в принципах организации подсистемы: фонема [ħ (ħ, j)] реализуется в шумном оттенке *j* «ħ» и малошумном *й* «j», вследствие чего нарушается основная универсальная оппозиция согласных в языках мира по шумности / малошумности (сонорности), а также по смычности / щелинности. Такие пересечения относительно частотны в языках Сибири, они обусловлены спецификой ААБ этносов.

Результаты эксперимента и обсуждение. В общей фонетике к среднеязычным согласным принято относить звуки, образованные средней частью спинки языка при опущенном к нижним зубам кончике языка. Как свидетельствуют инструментальные материалы, в тюркских языках Южной Сибири среднеязычные согласные реализуются преимущественно как переднеязычно-среднеязычные и продуцируются передне-средней частью спинки языка. Для передачи телеутских языковых материалов в статье используется Универсальная унифицированная фонетическая транскрипция (УУФТ), разработанная В.М. Наделяевым [1960].

Шумные среднеязычные согласные представлены в современном языке телеутов смычным звуком *j* «ħ» и сложным по способу образования преграды смычно-щелевым репрезентантом *ч* «ħʃ».

Шумные смычные среднеязычные согласные j «’t̲°/’ ħ̲°». Телеутские шумные среднеязычные смычные глухие согласные типа *ть*, обозначаемые в алтайской орфографии латинским знаком *j*, зафиксированы на томограммах в инициально-превокальной позиции в составе звуковых оболочек двух словоформ: в твердорядной *jыл* ‘год’ и мягкорядной *jик* ‘шов’ (рис. 1–2).

Рис. 1. Звук *j* (*ть*) в словоформе *jыл* ‘год’

Рис. 2. Звук *j* (*ть*) в словоформе *jик* ‘шов’

Локализация кончика языка у нижних резцов указывает на отнесенность настроек к функциональному классу среднеязычных консонантов. Обе артикуляции определяются как смычные, переднесреднеязычные – по активному органу; по пассивному твёрдорядная репрезентация – дентально-переднетвёрдонёбная, мягкорядная – альвеолярно-переднетвёрдонёбная. Настройки – однофокусные сильнонапряженные слаболабиализованные ртовые неназализованные неувуларизованные слабофарингализованные.

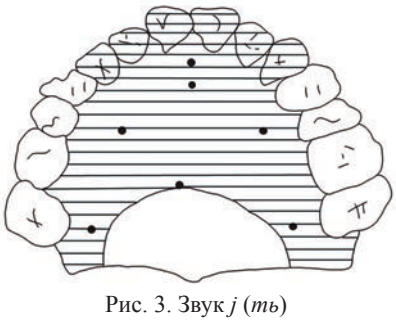


Рис. 3. Звук *j* (*ть*) в слове *jan* ‘закрой’

В архивных материалах К.В. Меркурьева шумный репрезентант «ħ» фонемы [ħ] представлен дентопалатограммой настройки звука в инициально-превокальной позиции в составе твердорядной словоформы *jan* ‘закрой’ (рис. 3). Артикуляция определяется как смычная однофокусная переднеязычно-межуточноязычная дентально-среднетвёрдонёбная сильнонапряжённая ртовая (глухая краткая).

Итак, артикуляторные параметры настроек типа «ħ» в произношении современных телеутов в принципе близки к характеристикам соответствующих паттернов образца 1970-х годов. Основное отличие заключается в большей площади контакта активных и пассивных органов, зафиксированного дентопалатографически К.В. Меркурьевым. При интерпретации данных в экспериментальной фонетике принято соотносить большую площадь шумообразующей преграды с большей степенью мускульной напряженности речевого аппарата. Применение этого правила позволяет предположить более высокую напряженность артикулирования телеутских звуков типа «М» в полувековой ретроспективе. К сожалению, данные палатографирования не позволяют сделать заключение

о наличии-отсутствии дополнительных настроек лабиализации, назализации, увуларизации и фарингализации.

Шумные смычно-щелевые согласные типа *ч* «ʧ˚´» представлены томограммами финально-поствокальных реализаций фонемы *ч* [ʧ˚´] в составе твердорядного слова *ач* ‘голодный’ и мягкорядного *ич* ‘пей’ (рис. 4–5).

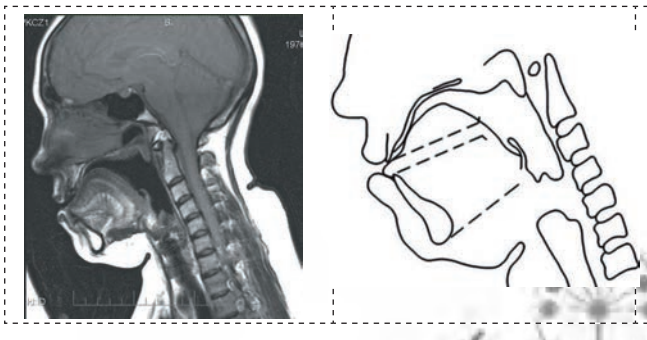


Рис. 4. Звук *ч* в словоформе *ач* ‘голодный’

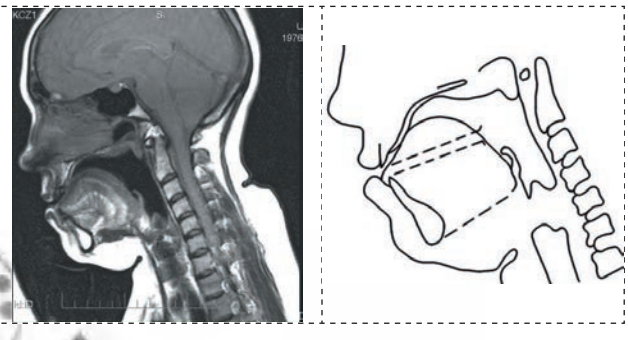


Рис. 5. Звук *ч* в словоформе *ич* ‘пей’

На обеих томограммах зафиксирован смычный компонент телеутских согласных типа *ч* сложной смычно-щелевой артикуляции. Настройки квалифицируются как однофокусные (передне-) среднеязычные альвеолярно-переднетвёрдонёбные смычно(-щелевые) умереннонапряжённые слаболабиализованные умереннопалатализованные ртовые неназализованные неувуларизованные нефарингализованные. В обеих артикуляциях кончик языка занимает интердентальное положение, локализуясь над режущей поверхностью нижних резцов, что свидетельствует о типовой среднеязычности настройки.

В архивных данных К.В. Меркурьева аффриката *ч* зафиксирована рентгенографически в составе двух словоформ: в твердорядной *ач* ‘голодный’ и мягкорядной *кеч* ‘переправляйся’ (рис. 6–7). В словоформе *ач* ‘голодный’ настройка квалифицируется как смычно(-щелинная) однофокусная переднеязычная апикально-сильнодорсальная дентально-переднетвёрдонёбная ртовая сильнонапряженная умереннопалатализованная увуларизованная слабофарингализованная. Щелевой компонент фонемы *ч* в слове *кеч* ‘переправляйся’ – однофокусный переднеязычно-среднеязычный альвеолярно-переднетвёрдонёбный ртовый сильнонапряжённый умереннопалатализованный увуларизованный назализованный слабофарингализованный.

Сопоставляемые данные свидетельствуют о реализовавшейся в языке современных телеутов трансформации аффрикативных настроек типа *ч*: переднеязычность сменилась среднеязычностью. В большинстве современных тюркских языков саяно-алтайского ареала аффрикаты *ч* характеризуются как среднеязычные; исключение составляет хакасский язык, в котором констатируются переднеязычные настройки *ч* [Субракова, 2006, 101–103, 147].

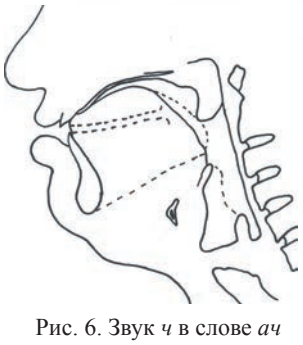


Рис. 6. Звук *ч* в слове *ач* ‘голодный’

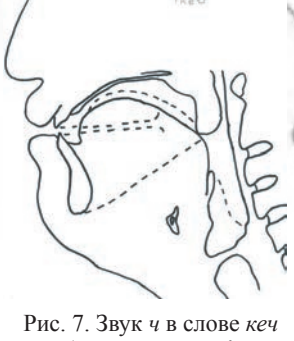


Рис. 7. Звук *ч* в слове *кеч* ‘переправляйся’

Отличие современных артикуляций от настроек образца 1970-х годов заключается также в наличии облигаторной слабой лабиализации, отсутствии дополнительных настроек увуларизации, назализации и фарингализации. По положению гортани современные паттерны могут быть охарактеризованы как эйективные (гортань поднята), в отличие от снятых около полувека назад инъективных настроек (гортань опущена) [Пути формирования…, 2005, 21].

Заключение. Сопоставление артикуляторных настроек телеутских среднеязычных согласных, зафиксированных в речи современных носителей языка методом МРТ, с результатами исследования произносительных паттернов, выявленных экспериментально-фонетически в 1970-е годы, свидетельствует о значительных преобразованиях ААБ телеутов.

Констатируется смена артикуляторного типа репрезентантов сложной смычно-щелевой фонемы *ч*: переднеязычность трансформировалась в (передне-) среднеязычность – возможно, под влияни-

ем контактных близкородственных языков Алтае-Саянского региона, а также под собственным давлением телеутской консонантной системы, класс шумных среднеязычных артикуляций в которой представлен лишь краткой фонемой [ħ], долгий коррелят [ħ̠ʃ°´], которой являлся переднеязычным.

Выявленные на материале переднеязычного и заднеязычно-язычкового консонантизма тенденции развития артикуляционной базы телеутов по пути усиления мускульной напряженности речевого аппарата не находят подтверждения в классе среднеязычных настроек: актуальные репрезентанты *j* «М» фонемы [М] и образцы в пятидесятилетней ретроспективе характеризуются одинаково как сильнонапряженные; сильнонапряженные манифестации аффрикаты *ч* трансформировались в умереннонапряженные.

Системные модификации в сфере дополнительных артикуляций, выявленные ранее для переднеязычных и гуттуральных согласных: появление облигаторной плоскощелевой лабиализации и различной степени фарингализации, утрата увуларизации и немотивированной назализации, реализуются в классе среднеязычных непоследовательно.

Можно высказать предположение о том, что класс шумных среднеязычных согласных, представленный в телеутской консонантной системе значительно меньшим числом единиц и функционально менее нагруженный по сравнению с классами переднеязычных и гуттуральных согласных, переживает более раннюю стадию фонетических трансформаций, уже пройденную более значимыми для системы типами артикуляции.

Литература

Грамматика алтайского языка. Казань: Университетская типогр., 1869. 640 с. {A Grammar of the Altai language. Kazan: University Printing House, 1869. 640 p.}

Меркурьев К.В. Бачатско-телеутский консонантизм: автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 1975. 20 с. {Merkuryev K.V. The Bachat-Teleut consonantism. Author's abstract of Ph.D. thesis. Novosibirsk, 1975. 20 p.}

Наделяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции. М.; Л., 1960. 68 с. {Nadelyaev V.M. The project of a Universal Uniform Phonetic Transcription. Moskow; Leningrad, 1960. 68 p.}

Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / отв. ред. Н.Н. Широбокова. Новосибирск: ИД «Ника», 2005. 197 с. {Ways of formation of the linguistic landscape of Siberia / ed. N.N. Shirobokova. Novosibirsk: Nika publishing house, 2005. 197 p.}

Селютина И.Я. Шумные гуттуральные согласные языка телеутов в ретроспективе // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 134–148. {Selyutina I.Ya. Noisy guttural consonants of the Teleut language in the retrospective // Siberian philological journal. 2020. № 2. P. 134–148.}

Субракова В.В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 244 с. {Subrakova V. V. The system of consonants of the Sagay dialect of the Khakas language: a comparative aspect. Novosibirsk: Sova publishing house, 2006. 244 p.}.

Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig: Weigel, 1882. XLV +318 S.

УДК 81

Ф.Р. Сибгаева, г. Казань

ЛЕКСИК БЕРӘМЛЕКЛӘРНЕҢ ТЕЛ ШӘХЕСЕН ТАСВИРЛАУ ПОТЕНЦИАЛЫ

Антропоцентризм, выступая ведущим принципом современного языкознания, в настоящее время активно взаимодействует с традиционной системно-структурной парадигмой. Функциональное описание в современных исследованиях совмещается с когнитивным подходом и осуществляется на широком социокультурном фоне. Решение вопроса о соотношении языка и культуры во многом связано с поиском универсального и специфического в восприятии реальности носителями татарской лингвокультурной традиции. Необходимость детального выявления национально-культурной специфики ассоциативного мышления представителей различных лингвокультурных общностей обусловлена тем, что анализ наивной картины мира является надежным средством исследования национально-культурных особенностей языкового сознания носителей татарской культуры.

Ключевые слова: *языковая личность, татарский язык, паремия, фразеологическая единица, лексический понтенциал.*

LEXICAL POTENTIAL IN THE REFLECTION OF THE LANGUAGE PERSONALITY.*Anthropocentrism, acting as the leading principle of modern linguistics. Currently, it actively interacts with the traditional system-structural paradigm. Functional description in modern research is combined with a cognitive approach and is carried out against a broad socio-cultural background. The solution of the question of the relationship between language and culture is largely connected with the search for universal and specific in the perception of reality by native speakers of Tatar linguistic and cultural traditions. The need for detailed identification of national and cultural specifics of associative thinking of representatives of various linguistic and cultural communities is due to the fact that the analysis of the naive picture of the world is a reliable means of studying the national and cultural features of the language consciousness of Tatar culture carriers.*

Keywords: *language personality, the Tatar language, paroimia, phraseological units, lexical potential.*

Кеше феноменын төшенү юлы табигать фәннәре аша түгел, ә табигый телләр аша ята дигән инану ныгый бара [Маслова, 2001, 183]. Шул сәбәпле тел һәм тел белеменең антропоүзәкчел характеры турында идея хәзерге лингвистикада киң таралыш ала. «Тел үтәли антропоүзәкчел. Кешенең булуы телнең бөтен өлкәләрендә сизелә, әмма ул барыннан да бигрәк лексика һәм синтаксиста – сүзләрнең семантикасында, җөмлә төзелешендә һәм сөйләмнең оешуында күренә», – дип яза Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1999, 896].

Тел белемендә «тел шәхесе» атамасы төп филологик төшенчәләрнең берсенә әверелеп бара. Хәзерге заман тикшеренүчеләре аны тел белемендә яңа чор – антропоүзәкчел лингвистика этабы формалашуга этәргеч биргән интегратив күренеш буларак бәялиләр.

Кешенең шәхес буларак сыйфатларын атый торган лексик берәмлекләрне гомумиләштереп өйрәнгән хезмәтләр юк дәрәҗәсендә.

Татар тел белемендә Д.Б. Рамазановның бу өлкәгә турыдан-туры караган «Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика» монографиясе дөнья күрде. Танылган диалектологның әлеге китабында сайлап алынган лексик-семантик төркем диахроник һәм синхроник аспектта, башка телләр белән чагыштырып өйрәнелә; кешегә бәйле кайбер атамалардагы мәгънә күчешләре тасвирлана; бу сүзләрнең генетик катламнары ачыклана; фин-угор телләре белән уртак лексикадан кызыклы мисаллар китерелә. Хезмәттә кешегә бәйле сүзләр төркеменең телдә борынгыдан формалашкан булуы бай фактик материал нигезендә дәлилләнә [Нурмухаметова, 2013, 270]. Монографиядә кешенең холкын, эчке дөньясын, психик халәтен сурәтли, кеше әгъзаларындагы билгеләрне чагылдыра торган әдәби тел берәмлекләре белән беррәттән, җирле сөйләм элементларына да күзәтү ясала [Рамазанова, 2013, 147–244].

Татар теле лексикасын өйрәнүгә багышланган хезмәтләрдә дә бу мәсьәлә күпмедер дәрәҗәдә урын ала. Тел белемендә яңа юнәлеш буларак барлыкка килгән лингвокультурология фәне чикләрендә үткәрелгән лингвистик эзләнүләрдә кешенең эчке (рухи) дөньясын тасвирлый торган берәмлекләр алгы планга чыга [Замалетдинов, 2009, 170–206].

Татар кешеләренә хас сыйфатларны махсус өйрәнеп язылган фәнни хезмәтләр күп түгел. Бу нисбәттән, җирле сөйләшләр материалында язылган хезмәтләрне дә уңай тәжрибә буларак атап китү урынлы булыр [Рамазанова, 2013, 179–244].

Татар халкында туган авырлыкны, чишә алмастай мәсьәләләрне тиз генә хәл итә, килеп туган низагны бернинди авырлыксыз чишә, әңгәмәдәш белән эчтәлекле әңгәмә кора ала торган кешене зирәк дип атый. Мондый кешеләрне ул хөрмәт итә, зурлый, ярата.

Татар телендә *зирәк* сүзенең түбәндәге мәгънәләре кулланылышта йөри: белем алырга сәләтле, зиһенле; төпле акыллы, уйлап эш итә торган; үткен, эшчән; сизгер, уяу. Бу берәмлек нигезендә татар телендә зирәклек (зирәк булу), зирәкләндерү (акылын үстерү, арттыру, аң кертү), зирәкләнү (акыл, аң үсү) кебек яңа сүзләр пәйда булган.

Сүзнең килеп чыгышы турында фикер йөрткәндә, *зирәк* < **сэргәк* нигезе борынгы төрки, монгол, тунгус телләрендәге *сэр-, сэгэр-* “сизү, уяу булу, зирәк булу” сүзеннән. Казак, каракалпак телләрендә *зирәк*, кыргыз, төрекмән телләрендә *зейрек, зейрәк*, төрекчә *zeyrek* < фарсы, көрд телләрендә *зирак, зиирак*, ләкин фарсы сүзе үзе төрки телләрдән булса кирәк. Шулай ук эвенк телендә *сэргэк, һэргэк*, якут телендә *сӓрӓх* “сак, уяу, зирәк” бурят телендә *зээрэг* “сак; куркак” сүзләре барлыгы мәгълүм. Мари теленең көнчыгыш сөйләшләрендә *зерӓк*, удмурт телендә *сэрэк* татар телендәге мәгънәләрдә йөри [Әхмәтьянов, 2015, 288].

Зирәк сүзенең синонимик рәте дә шактый зур – зиһенле; фәһемле; тапкыр; акыллы; һушлы; башлы; төпле; үткен акыллы; үткен. Болар татар халкының әлеге сыйфатка зур игътибар бирүе хакында сөйли. *Зирәк* кешегә “сүзгә тапкыр түгел, зиһенсез, акылсыз” кеше каршы куела.

Зирәклек татарларда элек-электән югары бәягә лаек сыйфат буларак билгеләнгән. Татар халык әкиятләрендә зирәк кыз, зирәк хатын, зирәк килен, зирәк малай / егет, зирәк карт образларының төрле хәлләрдән җиңел генә котылуы, зур дәрәҗәләргә ирешүе халыкның бу сыйфатка салган ышанычлары, өмет-хыяллары турында дәлил булып тора.

Бу берәмлек фразеологизмнар, мәкальләр составында да еш очрый. *Зирәк томана / зирәк ябалак* – түбәннән күтәрелгән мужик малае; әтәч синнән *зирәк* булмасын, син әтәчтән *зирәк* бул; гөл кадерен былбыл белер, җир кадерен *зирәк*ләр белер; карга үз баласына, Зариф *зирәк*тән туган, дип әйтер, ди; үлек арысланнан тере тычкан артык, надан туган-дустыңнан *зирәк* дошман артык; бу чагында дошман *зирәк*, уйлап сөйләргә кирәк; сөйләгәннән тыңлаган *зирәк* булсын; ир кадерен ирәннәр белер, зәр (фарсыча: алтын) кадерен *зирәк*ләр белер; зирек хәлен *зирәк* белер һәм башкалар.

Әмма халыкның бу сыйфатка хөрмәте никадәр генә зур булмасын, ул бары зирәклеккә генә таянып ерак китеп булмасын яхшы төшенгән һәм моны тапкыр сүз белән теркәп куйган: төлке күпме *зирәк* булса да, күрәчәге тире кибете; *зирәк* кош аягыннан эләгер – зирәк кош үткенлегенә ышануы белән аягының тозакка эләккәнен сизми дә калган кебек. Мәкаль коры зирәклегеңә таянып кына эш итәргә ярамый, уйлап хәрәкәт ит, дигән фикерне үткәрә. Чыннан да, кешедәге бу сыйфат никадәр генә уңай саналса да, ул башка сыйфатлар белән берлектә генә көткән нәтиҗәләргә китерә.

Татар шагыйрьләренең һәм язучыларының иҗатында да *зирәк* сүзе актив кулланыла. Бу да аларның үз әсәрләрендә шәхесне акыл эшчәнлеге, акыл сәләте ягыннан тасвирлаганда әлеге үзенчәлекне беренче планга чыгарулары хакында хәбәр итә. *Зирәк*, ләкин бераз ялкаурак Хәят, русчаны бик яхшы сөйләшә белүе аркасында, шушы аз вакыт эчендә русча укып аңларга, беркадәр язарга өйрәнеп һәм беркадәр хисап башлангычлары белеп өлгерде (Ф. Әмирхан “Хәят”). Кунак, аманлык-саулык турыннан үткәч, беренче сүз буларак, аксакалның *зирәк*легенә хәйран калганлыгын әйтте (Г. Ибраһимов “Казакъ кызы”). Мәфтуха апай бик *зирәк* кеше. Икенче баруымда, ул мине, авыру карарга дигән булып, Миңниса әбигә алып китте (Г. Кутуй “Тапшырылмаган хатлар”). ...Таң атканчы Фәхерниса карчыкның уты шулай яна, ә салкын төн сорылана башлагач, ана *зирәк* йокыга тала, ләкин нәкъ шулвакыт, әкрен генә ишек ачылып, Миңлегали килеп керә (М. Мәһдиев “Кеше китә – җыры кала”). Әзерлек эшләренең башында сыналган, хуҗалар сагында җанын фида кылырга әзер, тугры Исламнур торганын *зирәк* укучылар әллә кайчан чамалап алгандыр дип уйлыйм (А. Гыйләҗев “Балта кем кулында?”). *Зирәк* иде әниебез, тапкыр иде (К. Миңлебаев “Акыллы атын мактар”). Син ышанычлы, гадел, *зирәк* акыллы, булган егет (Г. Галиева “Газзәбану”). Кыз аларның һәммәсенә дә *зирәк* һәм үткен тел белән җавап бирде (Р. Батулла “Алып батыр мажаралары”). Картларны *зирәк* диләр, дөрес түгел, алар сак кыланалар, шуңа күрә *зирәк* булып күренәләр (М. Әмирханов “И кылган догам минем...”).

Әлеге мисаллар татар тел дөнья сурәтендә *зирәк* сүзенә элек-электән салынган югары бәянең гасырлар үтү белән үзгәрмәвен, буыннан-буынга зур тарихи мирас, кыйммәтле тәжрибә буларак күчә баруын күрсәтә.

Тезмә әсәрләрдә дә бу берәмлек шагыйрьләрнең дөньяга карашын, объектив чынбарлыкка субъектив бәяләмәсен бирүгә ярдәм итә.

Ә роботлар шундый камилләште:

кеше кебек “*зирәк*”, “акыллы”. (К. Сибгатуллин “Роботлар турында гына”)

Кыю, *зирәк*, чая, чыдам илем,

Сиңа бит бер сүзем бар минем... (Х. Туфан “Гомерем юлы”)

Тантанада әнә каты бәгырьлеләр –

Алар тәти, алар илдә кадерлеләр.

Алар уңган, алар чибәр, алар *зирәк*,

Минем кебек елак ятим кемгә кирәк... (Ә. Рәшит “Күңел төшкәндә”)

Шәхеснең телгә һәм мәдәнияткә нисбәтен аңлауга төрлечә якын килүләр булуга карамастан, ахыр чиктә аның асылы кыйммәтләргә мөнәсәбәттә ачыклана. Аерым алганда, лингвокультурологиядә тел шәхесләре, төгәлрәк әйткәндә, аларның аңында туган субъектив образлар, мәгънәләр һәм кыйммәтләр дөньясы – кыйммәти-мәгънәви танып белү продуктлары карала. Билгеле бер предметка яки күренешкә *кыйммәтләр* күзлегеннән бәя бирелсә генә, ул кеше өчен мәгънәгә ия була һәм аның алдагы эшчәнлегенә (тормышына) этәргеч бирә.

Лингвокультурологиядә, нигездә, түбәндәге кыйммәтләр күз уңына алына: тормыш кыйммәтләре (тормыш, сәламәтлек, тормыш сыйфаты, табигый тирәлек һәм башкалар.), иҗтимагый кыйммәтләр (статус, хезмәт сөючәнлек, байлык, профессия, гаилә һәм башкалар.), сәяси кыйммәтләр (сүз иреге, гражданлык иреге, законлылык һәм башкалар), мораль кыйммәтләр (игелек, мәхәббәт, дуслык, бурыч, намус, әдәплелек һәм башкалар), дини кыйммәтләр (Аллаһ, иман һәм башкалар), эстетик кыйммәтләр (матурлык, идеал, стиль, гармония һәм башкалар) [Әхмәтьянов, 2015, 27].

Чынбарлык күренеше турында күзаллаулар һәм бу күренешнең үзе арасындагы кыйммәт мөнәсәбәте *бәя* бирүдә чагыла. Аң дәрәҗәсендәге кыйммәтләр һәм бәяләр күренешне эмоциональ (аңсыз) дәрәҗәдә танудан аерыла. Аң дәрәҗәсендә объект идеаль гаделлек, изгелек, матурлык үрнәкләре белән чагыштырылса, танып белүнең “аңсыз” (аңга бәйле булмаган, эмоциональ) дәрәҗәсендә мондый үрнәкләр яшерелгән яки аларның архетипик (төп, беренче образ) сыйфатлары белән юылган була [Әхмәтьянов, 2015, 27]. Мәсәлән, әдәби әсәргә “ошый/ошамый” категорияләрендә чагылыш тапкан бәя, бер яктан, эмоциональ (аңга бәйсез) дәрәҗәдә була ала; икенче яктан, шәхеснең кыйммәтләр системасы белән чагыштырылып, әсәрнең андагы урынын ачыклап, объектив бәя дә алырга мөмкин.

Танып белү объекты этномәдәни универсалияләр белән дә чагыштырыла ала. Бу очракта күренеш халыкның тормыш тәҗрибәсендә очраган һәм кыйммәтләр дөньясына кабул ителгән объектлар белән чагыштырыла, соңыннан тиешле бәясен ала.

Шул рәвешчә, халык бер төркем күренешләргә, предметларга үзенең уңай яки тискәре бәясен бирә һәм, нәтиҗәдә, этносны башка төркемнәрдән аерып торган кыйммәтләр дөньясы барлыкка килә.

Әдәбият

Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: ике томда. I том. Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. 543 б. {Akhmtyanov R.G. Etymological dictionary of the Tatar language: in two volumes. Volume I. Kazan: Obrazovanie-Vremya, 2015. 543 p.}

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с. http://www.twirpx.com/file/125585/ {Arutyunova N.D. Language and the world of man. Moscow: Languages of Russian culture, 1999. 896 p. http://www.twirpx.com/file/125585/}

Замалетдинов Р.Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. Казань: Магариф, 2009. 351 с. {Zamaletdinov R.R. Theoretical and applied aspects of Tatar cultural linguistics. Kazan: Magarif, 2009. 351 p.}

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 183 с. (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/05.php) {Maslova V.A. Linguoculturology. Moscow: Akademiya, 2001. 183 p. (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/05.php)}

Нурмухаметова Р.С. Рецензия на монографию Д.Б. Рамазановой «Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика» // Tatarica. 2013. №1. С. 270–275. {Nurmukhametova R.S. Review of D.B. Ramazanova’s monograph “Human vocabulary in the Tatar language” // Tatarica. 2013. No. 1. P. 270–275.}

Рамазанова Д.Б. Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика. Казан, 2013. 364 б. {Ramazanova D.B. human vocabulary in the Tatar language. Kazan, 2013. 364 p.}

УДК 81.119

Т. А. Сироткина, г. Сургут

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ДИАЛЕКТА

Материалом для анализа феномена региональной идентичности могут являться самые различные тексты, однако, как справедливо отмечают диалектологи, весьма показательной в этом отношении является именно диалектная речь. Исследования, посвященные изучению региональной идентичности жителей Севера Западной Сибири, очень немногочисленны, как немногочисленны и источники диалектного материала, на котором может строиться описание идентичности жителей региона. В настоящей статье на диалектном фразеологическом материале будут рассмотрены некоторые составляющие языковой идентичности жителей Севера Западной Сибири и сделан вывод о том, что в живой речи носителей языка ярко репрезентируются такие черты региональной идентичности, как хорошее знание природы региона, способов выживания в тяжелых климатических условиях, традиционных промыслов.

Ключевые слова: *региональная идентичность, диалект, Север Западной Сибири, региональная лексика, региональная фразеология.*

REGIONAL IDENTITY IN THE MIRROR OF A DIALECT. *The material for the analysis of the phenomenon of regional identity can be a variety of texts, however, as dialectologists rightly note, dialect speech is very indicative in this regard. Studies devoted to the study of the regional identity of the inhabitants of the North of Western Siberia are very few, as are the few sources of dialect material on which the description of the identity of the inhabitants of the region can be built. In this article, on a dialectical material, some components of the linguistic identity of the residents of the North of Western Siberia will be considered and the conclusion will be drawn that in the native speakers' speech, such features of regional identity as a good knowledge of the nature of the region, ways of survival in difficult climatic conditions, and traditional crafts.*

Keywords*: regional identity, dialect, North of Western Siberia, regional vocabulary, regional phraseology.*

В последнее время в связи с усилением процессов глобализации и интеграции актуальным является исследование проблем региональной идентичности – «системной совокупности культурных отношений, связанных с понятием «малая родина» [Крылов, 2005, 5]. Материалом для анализа феномена региональной идентичности могут являться самые различные тексты, однако, как справедливо отмечают диалектологи, весьма показательной в этом отношении является именно диалектная речь.

Наше исследование осуществлялось на материале сравнительно нового лексикографического источника – книги «Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского Междуречья») [Русское слово, 2014]. Данный словарь состоит их трех частей, созданных разными авторами. Первая часть составлена научными сотрудниками, доцентами А.А. Пыхтеевой и Ю.В. Исламовой. Вторая часть – словарь-воспоминание В.К. Белобородова «Слово за слово» – вошла в издание в редакции автора. Третья часть – предпринятая Ю.В. Катерминой попытка составить словарь диалектных слов колоритного произведения местного писателя Ф. Кабарина «Самарьяне».

Материалы словаря показывают, что образ Севера Западной Сибири репрезентируется в текстах диалектной речи, прежде всего, через образ жителей данной местности, их занятия, промыслы, традиции. И это не случайно. Как отмечают исследователи, «диалектоносителям мир представляется более вещном, чем носителям литературного языка» [Демидова, 2011, 6]. Названия людей по роду деятельности отражают такие аспекты жизни социума, как выпас скота и птицы («*Гусевальщик*, это на охоте, когда выпускает звуки гусиные»), ловля рыбы («На берегу, когда стрежевой невод везут, поддерживают крыло невода. Специально *мётчик* бросает невод в воду»).

В речи носителей языка представлены традиционные занятия жителей региона, позволяющие им выжить в суровых северных условиях. Так, например, многие мужчины *белковали* – охотились на белку: «Муж мой охотился на белок, белковал с ноября месяца»; «Белковать – бить белку. Так стреляют, чтобы шкуру не попортить».

Еще один аспект отражения образа региона – репрезентация сибирской флоры и фауны. Будучи тесно связанными с лесом, жители Сибири хорошо знают растения тайги, животных и птиц, обитающих в ней: «В лесу птица есть такая, белая дикая гусыня, называют *белозобая казарка*».

Не менее показателен образ географического пространства Севера Западной Сибири. Умение ориентироваться в этом пространстве связано не только с природным чутьем, но и со знанием особенностей отдельных географических объектов. Поэтому чаще всего местные топонимы получают свои названия по каким-либо индивидуальным особенностям: «по конфигурации объекта (Наисуган – парная речка»), по характеру почвы (Кыш-Юган – «песок-река»), по физическому состоянию (Потым – «холодная речка»), по его местоположению в пространстве относительно другого объекта или его части (Вершинские юрты, Березовский уезд)» [Исламова, 2014, 54]. Интересно то, что словарь «Русское слово…» включает, наряду с нарицательной лексикой говоров Обь-Иртышского Междуречья, и некоторые топонимы, встречающиеся в речи информантов, на примере которых мы можем наблюдать, например, традицию именования объекта по связи с человеком: «До сих пор называются Васины озера». Кроме того, жители определенной местности получают оттопонимные коллективные прозвища (*залетние* – люди, живущие за рекой Летняя): «А за рекой залетние живут, дорогу размыло грязью там, как пройдете через мост, не знаю».

В региональной фразеологии Севера Западной Сибири так же, как и в других фразеологических системах, представлен человек, живущий на данной территории, описываются особенности внешнего вида и поведения, способы хозяйствования, бытовые реалии, видение окружающего мира.

Одной из сфер фразеологической образности является сфера природы. Человек, живущий на севере, знает, что живая и мертвая вода бывает не только в сказках. В местных реках зимой она тоже бывает мертвой, реже – живой, когда со дна реки бьют источники, снабжающие ее кислородом: «*Живая вода* там, где много ключей, на быстрине».

Картина весеннего ледохода отражена во фразеологизме «пойти иглой»: «Он (лёд) уже иструх, *пошел иглой*».

Окружающая человека природная среда описывается во всех деталях. Такие описания включают, например, характеристику рек и их берегов: «*Коренной берег* то же, что агора. Остров Скрипуновский вон».

Возможность не только человеку, но и животным выжить в суровых северных условиях оценивается с помощью таких фразеологизмов, как:

– кормовое место – место, где достаточно корма для птиц и животных: «При перелете птицы набираются, скопление птиц, кричат, едят, отдыхают, где-то там нашли *кормовое место*»;

– под щётку отщипывать – под корень съедать траву на пастбище: «А сейчас заросло всё, а раньше коровы *под щётку отщипывали* всё».

Сфера «хозяйственная деятельность человека» включает в себя семантические пласты, связанные с:

– ловлей и хранением рыбы: «*Донный провяз*, его не ставят, его выкидывают из лодки, и он сам плывет по дну. Всё ловит, что на пути»; «Рыба *проходит сквозь пальцы*, проплывает между сетей, не ловится»; «Запрет, это когда не должен рыбачить, но добываешь. Садят рыбу в водоеме, живую, вот это садок назывался, а *рыба садковая*»; «*Зимовальную яму* я делал в картофельной яме для засолки рыбы, как ледник: снегу весной закидываешь до половины ямы, а потом спускаешь ящики»;

– заготовкой сена: «*Пароконные волокуши* расположены между двумя лошадьми»;

– наблюдениями за погодой: «Вот и смотришь, кака зима была, тако лето будет. И так говорили: *зима по лету, лето по зиме*».

Образная сфера «характеристика человека» включает в себя такие компоненты, как:

– внешний вид: «*Из под пятницы суббота* – это когда надеваешь одежду, а из-под нее другая одежда видна»;

– физическое и психическое здоровье: «Вишь, у меня уж *выпадение памяти*, я ничего не знаю, я же стара»; «Когда тебе говорят, а ты ничего не понимаешь: *глухой, как пестерь*»; «На них хулиганы напали, избили, напугали сильно. А потом он *гусей погнал* [сошел с ума] – и жену убил. И меня чуть не убил»;

– социальный статус (богатый, бедный): «Ничего не было. Из приданого была *рубаха с перемывахой*»; «*Кокоть, лапоть да сандаль* – это всё в общем значит «бедный человек, человек, которому нечего одеть»;

– речевое поведение: «Ты чё *на всю голову* орёшь? Чё там?»; «*Иди ты в пим дырявый!* Говорят, когда злятся на кого-нибудь».

Сфера «представления о мире» отражает такие мировоззренческие установки, как:

– отношение к смерти: «Мне уж самой-то осталось, *полгроба из жопы торчит*»; «Могилевская губерния – умирать, от слова, могила, ушёл в ту сторону, на кладбище»;

– желание уберечь ребенка или растения от сглаза: «Говорить надо про себя, чтобы не сглазили ребеночка или растение: «*Соль тебе на язык, головешка в зубы*».

Интересна для исследования обрядовая сфера региональной фразеологии, отражающая отдельные элементы, например, свадебного обряда: «Пойдем новобрачным *перекрывать дорогу*».

Однако особенно интересна, на наш взгляд, сфера промысловой фразеологии, в которой отражена история того или иного промысла Севера Западной Сибири, его современное состояние. Материалы, собранные А.М. Кашкаревой в Ханты-Мансийском, Березовском, Сургутском, Нижневартовском и других районах, включает фразеологизмы, связанные с:

– ямским промыслом: *бежать на колокольцах* (ехать на тройке с колокольчиками), *ехать на сквозных, ехать на протяжных, пойти на переходняка* (ехать, не меняя лошадей), *ехать на вершной* (ехать верхом на лошади);

– санно-тележным промыслом: *давать жук* (трескаться, ломаться при гнутье обода колеса), *на деревянном ходу, на железном ходу, держава головки, почва полоза*;

– народной медициной: *горькая трава, черная трава, березовая мочка*, *марьин корень, корень валериана, сердечные корни* (по наблюдениям А.М. Кошкаревой, компоненты растений в подобных сочетаниях приобретают «фармакологическое значение», указывая на ту часть растения, которая употребляется в медицинских целях);

– прядением и ткачеством: *беленая пряжа, небеленая пряжа*, *гладкий холст* (однотонный, без рисунка), *портяной холст* (прочный холст из льна первичной обработки);

– пчеловодством: *дадановский улей, многоярусный улей, роевая семья, семья медовик, сильная семья, слабая семья, спаренная семья*;

– сенокошением и сеноуборкой: *болотное сено, солонцовое сено, боровое сено, пашенное сено, луговое сено, красное сено, гнилое сено, едкое (неедкое) сено*;

– сбором грибов: *белый гриб, еловый груздь, осиновый гриб, собачий груздь, сухой груздь, сырой груздь, тополёвый груздь, черный груздь.*

Таким образом, в живой речи носителей языка ярко репрезентируются такие черты региональной идентичности жителей Севера Западной Сибири, как хорошее знание природы региона, способов выживания в тяжелых климатических условиях, традиционных местных промыслов.

Литература

1. Демидова К. И. Диалектная лексика как источник изучения диалектной языковой картины мира в психолингвистическом аспекте // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. 2011. № 22. {Demidova K.I. Dialect vocabulary as a source for studying the dialect linguistic picture of the world in the psycholinguistic aspect // Bulletin of the South Ural State. un-that. 2011. No. 22.}

2. Исламова Ю. В. Этнолингвистическая специфика топонимии Обь-Иртышского междуречья (на материале гидронимов хантыйского происхождения) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2-2. {Islamova, Yu.V. Ethnolinguistic specifics of the toponymy of the Ob-Irtysh interfluve (based on hydronyms of Khanty origin) // Bulletin of the Kemerovo State University. 2014. No. 2-2.}

3. Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России / М.П. Крылов // Социологические исследования. 2005. № 3. {Krylov, M.P. Regional identity in the historical core of European Russia / M.P. Krylov // Sociological studies. 2005. No. 3.}

4. Кошкарева А. М. Очерки сибирской словесности: Учеб. пособие. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. Гос. гум. ун-та, 2010. 182 с. {Koshkareva, A.M. Essays on Siberian Literature: Textbook. allowance / A.M. Koshkareva. Nizhnevartovsk: Publishing House of the Nizhnevartovsk State. gum. University, 2010.182 p.}

5. Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского Междуречья. Ханты-Мансийск), 2014. 290 с. {The Russian word on the land of Ugra (experience of the dictionary of old-time dialects of the Ob-Irtysh Interfluve. Khanty-Mansiysk, 2014. 290 p.}

УДК 811

А.А. Солтанбекова, г. Алматы

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Словосочетание – это синтаксическая единица, состоящая из двух слов. Глагольные словосочетания представляют из себя глагол или его формы, связанные подчинительной связью с зависимым словом. Большое количество глагольных словосочетаний в казахском языке свидетельствует о высокой степени сочетаемости глаголов. Несмотря на то, что грамматическая категория и синтаксическая роль глагола достаточно изучены, до сих пор свойство сочетаемости глагола не было объектом специального изучения.

Ключевые слова: *словосочетания, глагол, глагольные словосочетания, грамматическое поле и семантический аспект.*

FEATURES OF USE OF VERBAL WORD COMBINATIONS IN THE KAZAKH LANGUAGE. *A phrase is a syntactic unit consisting of two words connected by a subordinate connection. Verb phrases make up a verb or its forms that are connected by a subordinate connection with a dependent word. A large number of verbal phrases in the Kazakh language indicates a high degree of compatibility of verbs. The verb is involved in the formation of a large number of phrases in the language that differ in their compatibility. Despite the fact that the grammatical category as well as the syntactic role of the verb have been sufficiently studied, until now the property of verb compatibility has not been the object of special study.*

Keywords: *phrases, verb, verb phrases, grammatical field and semantic aspect.*

Как известно, по сей день при изучении словосочетаний в казахском языке исходят из принципа деления их на глагольные и именные словосочетания. Однако с развитием общества словарный состав казахского языка постоянно пополняется новыми словами, в результате чего появляются новые тенденции словоупотребления, поэтому сейчас пора отойти от деления словосочетаний современного казахского языка на глагольные и именные. Не следует их классифицировать по такому принципу, полагает автор.

Глагол – это часть речи, которая семантически обозначает действие, процессуальное состояние. Процесс перехода из одного состояния в другое, протекание действия (состояния) измеряются во времени, характеризуются категорией времени. Большое количество глагольных словосочетаний в казахском языке свидетельствует о высокой степени сочетаемости глаголов. Глагол участвует в образовании большого количества словосочетаний в языке, отличающихся сочетаемостью. Несмотря на то, что грамматическая категория, а также синтаксическая роль глагола достаточно изучены, до сих пор свойство сочетаемости глагола не было объектом специального изучения. По мнению Т. Сайрамбаева, глагольные словосочетания образуют «чисто глагольные сочетания» и глагольно-именные сочетания. Здесь под «чистым глагольным сочетанием» подразумевается сочетание «глагол+глагол». «Говоря о стержневой роли глагола в образовании словосочетаний, необходимо отметить особенности двух морфологических групп. Как известно, всякие «подлинные» действия выражаются основными глаголами. А глаголы, образованные от имен, выражают отношение действия к предмету». Значит глагол обладает широкой сочетаемостью и с именами, и с глаголами. Профессор К. Аханов разграничивает понятия лексической и синтаксической сочетаемости следующим образом: «Словосочетание – это сочетание минимум двух самостоятельных слов, связанных друг с другом по смыслу и грамматически» [Аханов, 1972, 183]. Круг грамматической сочетаемости слов гораздо шире, чем у лексической сочетаемости. При различении понятий сочетаемости слов и словосочетания необходимо ссылаться на определения ученых. К примеру, А. Аблаков по этому поводу пишет: «Сочетаемость слов представляет собой свойство грамматической конструктивности (соединимость), которое опирается на смысловую емкость и служит основой для построения минимального синтаксического контекста, т.е. сочетаемость проявляется в контексте, сочетании двух слов» [Аблаков, 1973, 21].

Глагол обозначает действие, движение. При правильном, последовательном изложении мысли в речи лексическое значение сочетается с грамматическим значением, которое выражается граммати-

ческими категориями глагола. Соответственно словосочетания, в которых глагол выступает в качестве главного слова, относятся к глагольным словосочетаниям.

Глагол обладает свойством широкой сочетаемости среди других частей речи, поскольку может сочетаться со всеми частями речи (*кітап оқыды* / читал книгу; *қарқылдай күлді* / смеялся громко; *таңертең келді* / пришел утром; *қатты уайымдады* / сильно переживал и т.д.). В системе частей речи далеко не все слова могут сочетаться друг с другом, среди них встречаются слова, которые характеризуются ограниченными возможностями сочетаемости. Например, «человек смеется», но неправильно говорить «книга смеется» или «цветок смеется». «Самолет летит», «птица летит», но недопустимо говорить, что «цветок летит», «книга летит», а также пишем и говорим «пришло лето», «пришла зима», но недопустимы сочетания «падало лето» или «падала зима». Поэтому следует учитывать внутренний смысл, семантическое поле слова при их сочетании. В этой связи «Словарь сочетаемости слов казахского языка», который выйдет в свет в этом году, служит ярким доказателством повышенного научного и практического интереса к проблеме сочетаемости как объекту лексикографического описания.

В системе частей речи глагол сочетается по модели имена+глагол, глагол+имена. Глагол участвует в образовании словосочетаний с разными видами связи: примыкание *қабысу*, управление *меңгеру*, сопричастность *жанасу*, а также глагол может сочетаться с наречием *ақырын сөйлеу, балаша күлу*, подражательными словами *ербең-ербең қағу, тарс-тұрс ұру* деепричастием *жылай кіру, ұрыса сөйлеу*, именами прилагательными *көңілді отыру, бұқадай құтырыну*, именами числительными *екі айыру, екі сөйлеу, екі рет өлшеу, екі рет айту*, чаще всего с именами существительными *көйлек кию, доп ойнау, жаз келді*. Кроме того, в казахском языке глаголы могут сочетаться со служебными словами. Например, сочетания глаголов со служебными словами (послелогами) *дейін, шейін, кейін, қарай, жақын, таман, жуық* и др. обозначают семы пространства и времени. Хотя служебные слова не имеют полноценного лексического значения, они активно участвуют в образовании словосочетаний. Примеры словосочетаний «имена+послелог *дейін*+глагол» в казахском языке: *ауылға дейін жету, үйге дейін бару, біразға дейін есеңгірету, бүгінге дейін білу, кешке дейін жылау, бұған дейін сөйлемеу, бір метрге дейін жүру, жүзге дейін жету*.

Послелоги стоят после управляемого слова. Служебное слово (послелог) *дейін* сочетаясь с существительными в направительно-дательном падеже, обозначает пространство и время действия. Также сочетается с существительными со значением пространства. А сочетания с наречиями имеют значение времени. К послелогу *дейін* глаголы присоединяются свободно. Данный падежный послелог в сочетании с числительными придает им значение предела определенного количества. «*Ал бұғалтырымыз болса, жарғақбас, шала сауат сорлы, бар болғаны, мына тұрған* ***миллионға дейін*** *ғана сан біледіекен» (О. Аубакиров, Волшебство). «Туған айдың бірінен онына дейін ай жаңасы, ал айдың жиырмасынан* ***отызына дейін*** *ай қараңғысы. Ай жаңасы болғанда аспан жарық болар жарқырап» (Қазахская сказка)*. Данный послелог в сочетании со словом в направительно-дательном падеже обозначает продолжительность или ограниченность действия. Например, «*Батыстан соққан үскірік* ***біраз күнге дейін борандатып*** *тұрды да, артынан қарлы жаңбырлатып төге-төге салды (З. Акышев, Акбел.). Бір* ***жұмаға дейін теріс қарап жатып****, қыран жапқандай қылып балаларын жылатып, отты өртеп жағып, сүтті суалтып, қыр көрсетіп жүрді» (Ж. Аймауытов, Карткожа)*.

Сочетаемость модели «имена+*шейін*+глагол»: «табанына шейін шымырлау,көпке шейін жүру, ақырына шейін шыдау».Послелог «шейін» тоже имеет значение времени. Употребляется после существительного в направительно-дательном падеже. Послелог «шейін» употребляется в значении времени: «*Достарым,* ***оған шейін асықпандар****, Алдыңда әлі ататын жарық таң бар. Тез уақыт жердің жүзі бір түрге енер, Түбінде, замандастар, осымды аңғар (С.Торайғыров, Алаш ұраны (Лозунг Алаша). Осылай адасып* ***түн ортасына шейін жүріп****, өзі әбден жаурап, не болғанын білмеске айналды» (М. Дулатов, Шыг.)*.

Послелог «кейін»: *біраздан кейін айту, одан кейін білу, көптен кейін сезіну, шайдан кейін ішу, содан кейін ойлану*. Данный послелог, сочетаясь с наречиями и существительными, придает им занчение времени. Имеет широкую сочетаемость с существительными и глаголом.

Послелог «таман»: *үйге таман бару, кешке таман келу, соңына таман бару, артқа таман сырғу, өрге таман жылжу*. Данный послелог не показывает конкретность движения, а придает сочетанию предположительное значение. «*Қыл мойыннан ұстаған саусағын бірте-бірте жоғарылатып,* ***алқымына таман әкеле жатыр****» (Т. Ахтанов, Буран).«Әдемі жоталы мұрны да бір жағына таман қисайып біткен» (С. Бегалин, Мать.)*.

Послелог «жуық»: *таңға жуық қайту, жүз елу мыңға жуық болу, жылға жуық жүру.*В большинстве случаев послелог «жуық» сочетается с числительными, которые обычно стоят перед ним и являются главными в сочетании. Послелог «жуық» обозначает приблизительное или предположительное количество. Например: жүзге жуық келу, елуге жуық бару, миллионға жуық болу и др. В данных сочетаниях употребляются вспомогательные глаголы «бару», «келу». После этого послелога недопустимо использование любого глагола, т.е. имеется ограничение на сочетаемость. В именных словосочетаниях данный послелог обозначает количество предмета и выполняет роль определения. Например: «*Поездбен* ***тәулікке жуық жүріп*** *келеміз» (М. Ауэзов, Индия, очерк.). «Үші мен жетісіне ғана емес, қырқына да, жүзіне де елдің көп жиналғанын, аудан басшыларының* ***түгелге жуық келгеніне*** *дейін айтты ол» (М. Сундетов, На холме.).* Из этих примеров можно увидеть свойство сочетаемости слов по модели имена+послелог+глагол, а также обстоятельственные отношения между именами и служебными словами.

Таким образом, говоря о стержневой роли глагола в образовании словосочетаний и его свойствах сочетаемости, следует учитывать особенности двух морфологических групп. Глаголы движения имеют широкую сочетаемость со словами других частей речи. При этом глагол выступает в качестве главного слова в словосочетаниях с такими видами связи, как примыкание и управление.

Литература

1. Аблаков А. Послелог в сочетании со словом в направительно-дательном падеже (учебное пособие). Алматы, 1973. 208 с. {Ablakov A. Postposition in combination with the word in the directional-dative case (textbook). Almaty, 1973. 208 p.}

2. Аханов К. Основы теории грамматики // Учебное пособие для филологических факультетов университетов и педагогических институтов. Алматы: Мектеп, 1972. 214 с. {Akhanov K. Basics of grammar theory // Textbook for philological faculties of universities and pedagogical institutes. Almaty: Mektep, 1972. 214 p.}

3. Сайрамбаев Т. Некоторые проблемы сложных словосочетаний. Алматы: Мектеп, 1976. 72 с. {Sairambayev T. Some problems of complex phrases. Almaty: Mektep, 1976. 72 p.}

4. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963. 243 с. {Sanzheev G.D. Comparative grammar of the Mongolian languages. Verb. Moscow, 1963. 243 p.}

УДК 81’373.47

С.Р. Сугирбекова, г.Алматы,
Амер Мухаммад Ахмад, г. Каир

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ В СРЕДЕ НАЗВАНИЙ РОДСТВА

(на примере русского и арабского языков)

Анализ названий родства в русском и арабском языках показывает, что при сопоставлении лексики двух языков можно обнаружить лакуны, пробелы на семантической карте одного из языков. В статье рассматриваются лакуны, дается их определение. Русская и арабская системы родства содержат специфические понятия, обозначаемые безэквивалентными словами. На примерах можно наблюдать, как обусловленные национально-культурными особенностями подобные понятия оказываются непонятными представителям другой культуры, препятствуют взаимопониманию носителей разных культур. Из чего можно сделать вывод, что лакуны весьма нелегко поддаются переводу и лексикографированию.

Ключевые слова: *названия родства, язык, лексика, лакуны, культура, лексикография, перевод.*

LINGUISTIC AND ETHNOGRAPHIC GAPS IN THE SPHERE OF KINSHIP NAMES (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND ARABIC). *An analysis of the names of kinship in Russian and Arabic shows that when juxtaposing the vocabulary of two languages, you can find gaps, spaces on the semantic map of one of the languages. The article considers gaps, their definition is given. The Russian and Arab systems of kinship contain specific concepts denoted by non-equivalent words. On examples, one can observe how, due to national-cultural characteristics, such concepts turn out to be incomprehensible to representatives of another culture, and hinder mutual understanding of the bearers of different cultures. From this we can conclude that the gaps are very difficult to translate in lexicography.*

Keywords: *kinship names, language, vocabulary, lacunae, culture, lexicography, translation.*

«При сопоставлении лексики двух языков можно обнаружить лакуны, пробелы, «белые пятна» на семантической карте одного из языков» [Муравьев, 1, 3]. Лакуны (от лат. *lacuna* – ‘углубление, впадина, полость’) – это «иноязычные слова (устойчивые словосочетания), которые выражают понятия, не закрепленные в языковой норме данного языка, и для передачи которых в этом языке требуются более или менее пространные перифразы …» [Муравьев, 1, 6]. Обусловленные социокультурными факторами, лакуны характеризуются непонятностью, непривычностью (экзотичностью) и чуждостью.

В системе родства, как системе с явной национально-культурной спецификой, обнаруживаются специфические понятия, обозначаемые впоследствии безэквивалентными словами. А если, как справедливо отмечает В.П.Белянин, степень полноты понимания чужой культуры «зависит от размеров культурологической дистанции между культурами» [Баранов, 2, 96], то русская и арабская культуры настолько дистанцированы, вопреки мелким точкам соприкосновения, что лакунизированные в них понятия могут оказаться весьма непонятными и сильно препятствовать межкультурному общению.

Согласно выдвинутой В.Л. Муравьевым классификации лакун на лингвистические и этнографические, лакуны, обнаруженные в среде названий родства относятся к последним, поскольку они «порождаются непосредственно отсутствием тех или иных вещей (т.е. понятий – *авт.*) в данной цивилизации» [Муравьев, 26]. Наглядным примером лакун служит упомянутое выше арабское слово **قرض** и его синоним **قلع** (женщина по отношению к жене, женам своего мужа), обусловленное возможной в арабо-мусульманском обществе полигамией. Близкое по смыслу русское слово *соперница*, встречаемое в некоторой литературе (см., например, [Ветхий Завет на русском языке, Левит: 18/18]), отнюдь не охватывает все семантическое пространство понятия.

В разряд лакун входят свойственные данному обществу виды родства, а именно социально-духовное родство, и, естественно, представители этой родни. В качестве примера выделяются такие арабские обозначения родства, как **قراج!** (родство по защите), **ريجتسم** (просящий защиты), **راجم** (подзащитник), **ريجم** (защитник, взявший кого-либо под защиту), **فلاحت** (родство по союзничеству), **فيلح** (союзник, родственник по союзничеству). Безэквивалентными также оказываются устаревшие **عيلخ**

(изгнанный из племени) и вновь актуализировавшийся после принятия нового закона в Египте علخُ (развод по заявлению жены), عولخم (разведенный по заявлению жены).

В русской же системе выделяются *«крестные родственники» – крестный отец/мать/сын/дочь/брат/сестра, кум/кума*. По нашим наблюдениям, именующиеся этими словами понятия оказываются в какой-то степени чуждыми даже арабам-христианам, в том числе православным. Слова* *(نيبش/ةنيبش!) نيبش!/ةنيبش! , بارّع/ةبارّع* (крестный отец/мать), نويلف/ةنويلف (крестный сын/дочь), приведенные Х.К.Барановым [2] и В.М.Борисовым [3] в качестве арабских эквивалентов и найденные нами в ряде «современных» арабских словарей, во-первых, иноязычны (نيبش! , بارع – из сирского, نويلف – из итальянского), во-вторых, опять-таки незнакомы для широчайшей массы носителей арабского языка.

Следует подчеркнуть, что лакунизированность может находиться не на уровне слова как цельной семантической единицы, а на уровне одной из его сем, причем последняя может оказаться периферийной. В данном случае слово может иметь соответствующую лексическую единицу в другом языке, но не вполне адекватную. Потому подобные единицы можно назвать «частичными лакунами». Примерами служат *«молочные родственники»*, обозначенные в обеих исследуемых системах. «Молочное родство» в арабской системе имеет, кроме прочего, весьма важную особенность – молочные родственники не могут состоять в браке друг с другом, а этим данное родство соприкасается с кровным. Эта особенность не свойственна молочному родству в русской системе, являющемуся, как доказал наш опрос, всего лишь «народным родством» (термин опрошенных). Поэтому термины типа *молочный брат/сестра/мать* не являются адекватными арабским أم/أخ/أخت في الرضاعة.

К частичным лакунам можно отнести арабские обозначения الزوجة الجديدة (новая жена), الزوجة القديمة (старая жена), الزوجة الأولى /الثانية/الثالثة/الرابعة (первая/вторая/третья/четвертая жена). Если в русской среде только разведенная женщина может быть названа одним из этих наименований, то в арабо-мусульманском обществе в условиях многоженства эти названия применяются и к еще замужним женщинам. В связи с этим приведенные арабо-русские соответствия являются неполными эквивалентами.

«Лакуны, отражающие специфику той или иной лингвокультурной общности, как правило, препятствуют взаимопониманию носителей разных культур» [Баранов, 2, 96], в том числе и переводу, как способу межкультурной коммуникации. Для раскрытия значения национально-специфического слова или, по терминологии В.П. Белянина [Белянин, 3], для заполнения лакун существует ряд способов, среди которых выделяются толкование, перевод морфологическим путем, дословный перевод, комментирование и др. (см. [Баранов, 2, 97]). Тем не менее эти способы, кроме того, что являются недостаточными, далеко не всегда дают удачный результат в преодолении лакун. Так, комментарий, данный Х.К.Барановым к слову ةرض – «одна из жен (*по отношению к другим женам – у мусульман*)», не исчерпывает весь его культурологический потенциал. Попытка же В.М.Борисова морфологически перевести русские термины *кум, кума* (ср.: *ее кум*: بارع (نيبش!) اهنبا (اهتنبا); в обратном переводе звучит как «крестный отец ее сына/дочери»; *его кума*:ةبارع (ةنيبش!) هنبا (هتنبا) – «крестная мать его сына/дочери») зарождает, как видно, расплывчатый и неточный вариант.

Следует добавить, что лакуны могут обнаруживаться в родной культуре. В сфере названий родства это касается, как правило, устаревших и устаревающих слов, а также диалектно ограниченных единиц. Так, по нашим наблюдениям, носители русского языка уже затрудняются в дефиниции и употреблении терминов *деверь, золовка, сноха, сношельница*. С другой стороны, значение диалектных *сыновец, сыновица, сыновка, сестреница* Д.Н.Шмелев раскрывает нейтральными синонимами *племянник, племянница по брату, жена сына* (т.е. *сноха – авт.*), *двоюродная сестра* (см. [6, 238]; см. также [7]). Уже незнакомыми для широкой массы носителей арабского языка являются устаревшие термины فيلح (родственник по союзничеству), ريجتسم (просящий защиты), يعد (названый сын) и др. Помимо того, чуждыми для арабов-мусульман представляются «конфессионально» ограниченные слова *(نيبش!/ةنيبش!) بارع/ةبارع* (крестный отец/мать), نويلف/ةنويلف (крестный сын/дочь), сопровождаемые в современных арабских словарях пометой «у христиан» (см. [8, 9]).

Таким образом, из проведенного анализа можно прийти к следующим выводам: а) система родства и ее компоненты отражают культуру народа, тем самым эта культура сказывается на языковом

---

* Термин نيبش! мы встретили в Кодексе восточных католических церквей от 18 октября 1990, а بارع – в Положении по браку и разводу для римских православных Египта как названия родственника, с которым нельзя состоять в браке ни крестной дочери, ни ее родителям, т.е. кумовьям).

выражении родственников, в результате чего в данной системе проявляется известная взаимосвязь между языком и культурой общества-носителя этого языка; б) при исследовании системы родства в российском и арабском обществах и названий родственников в русском и арабском языках был выявлен ряд факторов, которые влияют и сами нередко оказываются под влиянием системы родственных отношений. Среди этих факторов выделяются религия, социально-экономический фактор, законодательство, обычаи и традиции, исторический фактор, природа; в) русская и арабская системы родства содержат специфические понятия, обозначаемые безэквивалентными словами – лакунами. Подобные понятия, обусловленные национально-культурными особенностями, оказываются непонятными представителям другой культуры, препятствуют взаимопониманию носителей разных культур, весьма нелегко поддаются переводу и лексикографированию.

Литература

1. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (На материале лексики французского и русского языков). Владимир, 1975.{Muravyov V.L., Lexical Gaps,Vladimir, 1975.}

2. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь. 9-е изд. М., 2000.{Baranov H.K. Large Arabic-Russian Dictionary, 9th ed., Moscow, 2000.}

3. Борисов В.М. Русско-арабский словарь. М., 1993. {Borisov V.M. Russian-Arabic dictionary. M., 1993.}

4. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. М., 2001.{Belyanin V.P. Introduction to Psycholinguistics. Moscow, 2000.}

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23-е изд. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1991.{Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. 23rd ed. / ed. N.Yu. Shvedova. Moscow, 1991.}

6. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.{Shmelev D.N. Modern Russian language. Lexicon. Moscow, 1977.}

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О.Н.Трубачева. В 4-х томах. Изд. 4-е. М., 2003. {Vasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. Translation from it. and additions of O.N. Trubachev. In 4 volumes. 4th ed. Moscow, 2003.}

8. المعجم المدرسي. وزارة التربية بالجمهورية العربية السورية. الطبعة الأولى 1406هـ – 1985م.

9. المنجد في اللغة والأعلام. الطبعة السادسة والثلاثون. بيروت، 1997.

{Dictionaryes of modern Arabic, 1985, 1997.}

АЛЬ-ФАРАБИ КАЗАХСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 81-112 + 811.512.14

Д.Д. Сулейманова, г. Уфа

ИМЕЮТСЯ ЛИ ЯВЛЕНИЯ, ПОДОБНЫЕ КЕНТУМ-САТЕМ, В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ?

В статье рассматриваются отдельные фонетические явления в анлауте тюркских (башкирских, татарских) лексем с участием велярной k- и увулярной q-. Выявляется ряд этимологических соответствий тат., башк. q-, k- ~ тат. ş- (башк. s-), спорадически тат., башк. š- перед -u, -ab, -ap в диалектном материале, семантических деривациях, парных словах. Соответствие тат., башк. k-, q- ~ тат. s- (башк. h-) прослеживается в основах с сонорными в C_2. Имеются отдельные соответствия с участием смычных b- (p-, m-), t-, а также –соответствия начальных q-, k- ~ b-, p-, m- ~ t- ~ s-, š-, тат. ş, башк. h- в некоторых группах лексем. Рассмотренные факты могут иметь частичные типологические параллели с явлением кентум-сатем в индоевропейских языках и, вероятно – морфонологическими чередованиями начальных согласных в атлантических языках.

Ключевые слова: *тюркские языки, башкирский язык, татарский язык, кентум-сатем, фрикатизация, морфонологические чередования.*

ARE THERE PHENOMENA SIMILAR TO KENTUM-SATEM IN THE TURKIC LANGUAGES? *The article discusses individual phonetic phenomena in the Anlaut of Turkic (Bashkir, Tatar) lexems involving velar k- and uvular q-. A number of etymological correspondences are revealed Tat., Bash. q-, k- ~ Tat. ş- (Bash. s-), sporadically Tat., Bash. š- before -u, -ab, -ap in dialect material, semantic derivations, pair words. Correspondence tat., bash. k-, q- ~ Tat. s- (Bash. h-) can be traced in the bases with sonorous sounds in C_2. There are separate correspondences involving the participation of b- (p-, m-), t- and also some number of groups with correspondences of the initial q-, k- ~ b-, p-, m- ~ t- ~ s-, š-, Tat. ş, Bash. h-. The facts considered may have partial typological parallels with the phenomenon of Kentum-satem in the Indo-European languages and, probably, with morphological alternations of the initial consonants in the Atlantic languages.*

Keywords: *Turkic languages, Bashkir language, Tatar language, centum-satem, fricatization, morphological alternations.*

Фонетические изменения смычных *q* и *k* в татарском и башкирском языках исследованы Т.М. Гариповым. Основные формулы изменений для увулярной смычной глухой согласной *q* в башкирском и татарском языках: *ɣ, x, g, k, h, ʹ, t, [0]* [Гарипов, 1979, 165], для велярной *k – g, ŋ, q, x, ʹ, t, p, [0]* [Там же, 161]. То есть в большинстве случаев башкирские и татарские фонемы *q* и *k* обнаруживают развитие в виде других смычных. Общая формула изменений первичной (пратюркской) *č* более разнообразна: *Ş, c, C, s, sˢ, s′, t, t′, š, š′*; также *b, z, j, k, h* [Там же, 149].

Тюркологами описаны случаи (аф)фрикатизации заднеязычных согласных в позиции перед гласными переднего ряда. Например, «в ряде диалектов отдельных тюркских языков *k* перед гласными переднего ряда *i* и *e* изменяется в *č*» [СИГТЯ 1984, 196]: в турецком *kändü* > *čändü* ‘сам’, кумыкское диалектное *köküč* ~ кумыкское *čöküč* ‘молот’; в уйгурском языке *kim* > *čim* ‘кто’. Соответствие *q- ~ č-* представлено в уйгурском материале: *qat- ~ čat-* ‘присоединять, прибавлять’ [СИГТЯ, 2002, 367].

Не имеются ли сходства между тюркской (аф)фрикатизацией (изменением *k* > *č*) и явлением кентум-сатем в индоевропейских языках? Как известно, изоглосса кентум-сатем делит языки индоевропейской семьи на кентум и сатем языки. Если в языках кентум «древнее палатальное *[k]* отражается в виде смычного *[k]*, как в начале латинского *centum*», то в языках восточной группы, «древнее палатальное *[k]* отражается в виде спиранта *[s]*; *satam* – авестийское слово со значением «сто» [Ахманова, 1969, 195, 394]. В целом, к праиндоевропейской палатовелярной **ḱ* возводятся фонемы *[k, ɕ, x, ś, s, ʃ]*, велярной **k* – фонемы *[k, ɕ, x, c, ʧ, ʦ]*, лабиовелярной **k*^{w} – *[k, k*^{w}*, k*^{h}*, ɕ, x, c, ʧ, ʦ, p, t]* в индоевропейских языках [Quiles, 533].

Идея о том, что аффрикаты в алтайских языках и звук *č* в уральских языках являются отражением палатовелярной глухой прафонемы *Ky*, и что в раннеалтайском языке происходили те же процессы, как в «сатем-языках», была высказана Н. Д. Андреевым, основателем теории о бореальном праязыке (или же древнем языковом союзе), от которого происходят индоевропейские, уральские и алтайские языки [Андреев, 1986, 18].

Возможность (аф)фрикатизации анлаутной велярной *k-* в межтюркских соотвествиях, как правило, не учитываться в строгих пратюркских этимологиях. Приведем примеры: 1) татарское (далее – тат.) *kimerşäk,* башкирское (далее – башк.) *kimersäk* ‘хрящ’, но башк. диал. *simersäk* [БТДҺ, 276] (далее в скобках указываются страницы), а также киргизское *čemirček*, казахское *šemiršek* < пратюркское (далее – ПТ) **čEmirčik* (здесь и далее пратюркские этимологии приводятся по [EDAL, 2003]) ‘хрящ’ – в пратюркской этимологии не учтены татарские и башкирские соответствия с *k-*; 2) тат. *şirt-*, башк. *sirt-* ‘щелкать, щипать’, тат. диал. (753) ‘зарубки, нарезка’ < ПТ **čert-* ‘обрезать (края), делать зарубки’ – не учтены башк., тат. *kirt-* ‘делать зарубку, засечку’ (ср. башк. диал. *qïrsï-* (215)), в результате семантической деривации получившие самостоятельное развитие; 3) тат. *kibän* ‘стог’, *kübä-* ‘сгребленные ряды сена’ < ПТ *göpe(ne)* ‘стог сена’, при этом тат. *şümälä,* башк. *sümälä* ‘копна, маленький стог’ возводятся к ПТ **čömele* ‘стог, копна’. С учетом изменений *-b- ~ -m-*, *i ~ ü* данные пары соответствий можно было бы рассмотреть в одном словообразовательном гнезде. Заметим, что татарской фрикативной глухой *ş* соответствует аффриката *c* в мишарском диалекте. Тат. диал. *šäben, šäbän* (781) ‘ворох сена’, *šäbenlä-* ‘сложить сено мелкими ворохами’ представляет собой еще одну разновидность изменений анлаутной *k-: **k- ~ š- [ʃ]***

В диалектах татарского и башкирского языков обнаруживается ряд соответствий анлаутных увулярных и велярных взрывных переднеязычным фрикативам преимущественно перед *u* или сочетанием *ab, ap* (в основах с губными *b, p* в C_2), т. е. в условиях лабиализации. Например, тат., башк. ***q-, k- ~* тат. *ş-*, башк. *s-* ~ (спорадически) *š-*:** 1) тат. диал. *qurtan* [ТТЗДС, 429] (далее в скобках указываются страницы), *qultan* (425), тат. *şurtan*, башк. *surtan* < ПТ **čortan* ‘щука’; 2) тат. диал. *qulaq* (424), тат. *şulaq* < ПТ ***Kolak* ‘однорукий’; 3) башк. диал. *quqanda-* (202)*, suqanda-* (181) ‘вертеться, быть неспокойным’, ср. тат. *šuq* (790) ‘неспокойный – о сне’; 4) тат., башк. (далее – ТБ) *qabar-* ‘пухнуть’, тат. диал. *qabarta* (264) ‘волдырь на теле’, тат. *şabïrt-* ‘обметать губы’, тат. диал. *şabar-* (721), башк. *sabïrt-* ‘высыпать’ (ср. башк. диал. *kübertke* (158) ‘нарывать’, башк. диал. *säbereü* ‘высыпать’); ср. тат. диал. *kübü-* (343) ‘подниматься – о тесте’, тат. *şüprä*, башк. *süprä* ‘дрожжи, опара’; 5) ТБ *qabalan-* ‘суетиться’, тат. диал. *şabalan-* (721) ‘шевелиться, двигаться’, тат. *şäbäläп-,* башк. *säbäläп-* ‘суетиться’, тат. диал. *šïbïnla-* (791) ‘шевелить’; ср. тат. диал. *qauša-* (281) ‘суетливо спешить, торопиться’, *şäüşä(lä)k* (741) ‘непоседа, неспокойный – о ребёнке’; 6) ТБ *qap*, тат. *qapşïq*, башк. *qapsïq*, тат. диал. *qupï* ‘мешок (посуда)’, ср. *şapşaq* (730) ‘кадка’, башк. *sapsaq* (269) ‘короб’; к данной группе также относятся башк. диал. (158), тат. диал. (342) *kübätä*, башк. *seüätä* ‘чаша’, а также – тат. парн. *sawït-saba*, тат. диал. *šawa* (775) ‘большая деревянная чаша’, башк. *hauït-haba*, ср. ТБ *tabaq-sawït* ‘посуда’.

То есть чисто формально случаи фрикатизации в тюркских языках имеют некие параллели с сатемизацией в старославянском языке, в котором рефлексами праиндовропейских велярной **k* и лабиовелярной **k*^{w} выступают *k [k], č [ʧ], c [ʦ]* [Quiles, 533]. Причем первичные (кентумные) и вторичные (сатемные) формы могли сосуществать в лексической системе тюркских языков, со временем обретая семантическую самостоятельность.

Соответствие ***q-* ~ тат. *s-* (башк. *h-*)** прослеживается реже и в основах с сонорными в C_2: 1) тат. диал. парн. *qarman-sirmän* (392), башк. диал. *qarmaŋla-* (189) ‘ощупью, ощупывая’, башк. *härmän-* ‘щупать’; 2) тат. диал. *qonsoz* (415), *sïnsïz* (593), башк. *hïnhïz* (385) ‘бледный, бесцветный, неприятный на вид (о человеке), ср. тат. *sömsez,* башк. *hömhöð* (379) ‘некрасивый’; 3) тат. диал. *qïrla-* (445), *sïrla-* (596) ‘гладить, катать бельё’. В парных диалектизмах: башк. *qaqïj-suqïj* (182) ‘спешно’, тат. *qarɣau-sörgäü* (275) ‘проклинать, обидеться’, тат. *qutïr-satïr* (432) ‘всякие кожные болезни’, тат. *qortqa-sartqa* ‘старухи’ и др. Ввозможны соответствия с **башк. *θ-***: башк. *qalajt-θalajt* (182) ‘как попало’.

Параллели **тат. башк. *q-, k-* ~ тат. *ş-* (башк. *s-*), тат. *s-* (башк. *h-*)** прослеживаются и в аффиксах: 1) ТБ *bat-qïl* ‘топкий’, ср. тат. *waq-şïl*, башк. *waq-sïl* ‘мелочный’; 2) ТБ *jäškelt* ‘зеленоватый’, ср. тат. *aq-sïl*, башк. *aq-hïl(t)* ‘беловатый’; 3) ТБ *jatïn-qïra-* ‘слегка наклоняться’, тат. *jïlam-sïra-*, башк. *ilam-hïra-* ‘прослезиться’; 4) *tïn* ‘вздох’, *tïŋ-qïš* ‘гнусавый’, ср. тат. *tïn-sïz*, башк. *tïn-hïð* ‘бездыханный’; 5) ТБ *miŋ-gerä-* ‘лишиться сознания’, тат. *äl-serä-*, башк. *äl-herä-* ‘лишиться сил’; 6) тат. *eşä-se (kilä)*, по мнению Н. К. Дмитриева, соответствующее башк. *es-ke (kilä)* ‘хочется пить’ (башк. *es-ähe (kilä)* употребляется редко и в диалектах, испытавших татарское влияние) [Дмитриев, 2007, 160].

В отличие от других индоевропейских языков, в греческом языке праиндоевропейская лабиовелярная **k*^{w} имеет рефлексы *p, t, k*, в английском – *wh, w*, и, для сравнения, в латинском – *k*^{w}*, k*, в санскрите – *k [k], c[c]* [Quiles, 533]. В татарском и башкирском языках соответствия ***q-, k-* ~ *b-* (*p-, m-*)** выявляются в семантически обособившихся лексемах, парных словах, диалектизмах: башк. диал. *qïltïq* (66), *bïltïq* (66), *pïrtïq-* (263) ‘обидчивый’, ср. тат. диал. парн. *qïldïj-pïldïj* (440) ‘небрежно’; башк.

диал. *qïžïn-* (208), *ižïu-* (403), башк. *mïʒï-* ‘ворчать’; башк. диал. *quqïrlaj* (202), башк. *boɣarlaq* ‘трахея’; башк. диал. *quqra* (202), башк., тат. *uqra*, тат. диал. *bökere* (132) ‘овод бычий’; тат. диал. *qodoraj-* (408) ‘осмеливаться’, ср. ТБ *batïr* ‘смелый’; тат. *qaş-*, башк. *qas-,* башк. *boç-*, башк. диал. *hoθ-* (378) ‘прятаться’.

Соответствие *q- ~ d-* приводится как «исключительный, фонетически не объяснимый феномен» [СИГТЯ, 2002, 278] в кыпчакских языках: казахские *qarbyz, darbyz* ‘арбуз’. Тем не менее обнаруживаются спорадические соответствия увулярных и переднеязычных смычных (***q- ~ t-***) в татарском, башкирском языках: 1) тат. *qabïz-*, башк. *qabïð-*, тат. диал. *tamïz-* (605) в зн. ‘зажечь’; 2) ТБ *qajrï*, тат. диал. *tujra* (654) в зн. ‘кора, корьё’; 3) башк. *qarpïš*, тат. диал. *qarpï* (392) ‘оттопыренное’, ТБ *tïrpaj-* ‘растопырить’.

То есть случаи фрикатизации заднеязычных смычных в тюркских языках в условиях лабиализации имеют частичные формальные параллели: а) с сатемизацией в старославянском языке, где рефлексами праиндовропейских велярной **k* и лабиовелярной **k*^{w} выступают велярная *k [k]* и аффрикаты *č [ʧ], c [ʦ]*; б) с отражением лабиовелярной **k*^{w} в греческом языке как *p, t, k.*

Тюркские параллели в отдельно взятой лексике можно было бы объяснить историческим влиянием старославянской, византийской культур и языковыми контактами. Но в материале татарских и башкирских диалектов имеются факты, выходящие за рамки закономерности кентум-сатем, а именно – совокупность (группы) лексем с соответствиями ***q-, k- ~ b-, p-, m- ~ t- ~ s-, š-, ş, h-.*** Как правило, они имеют схожую структуру и семантику, могут являться компонентами парных слов: 1) башк. диал. *käpäs* (174), *täpäs* (350), башк. *töpöš* ‘коротыш’, тат. диал. *şepi* (745) ‘узкий (о глазах)’, башк. *bäpes* ‘ребенок’ (ср. *täpäsäj, bäpes barmaq* (350) ‘мизинец’); 2) ТБ *qïrt*, башк. диал. *bïrt* (66) ‘резкий, грубый’, башк. *šïrt* ‘щетинистый, грубый’, тат. парн. *qïrt-mïrt*, парн. *tïrt-mïrt* ‘резко, грубо’; 3) башк. *qutar-* (206) ‘разобрать’, башк. *butarla-* ‘распороть’; тат. диал. *pïtïra-* (549) ‘раскидать, разбросать’, тат. *sïdïr-*, башк. *hïðïr-*, тат. диал. *sïtïr-* (596) ‘сдирать’, тат. *süt-*, башк. *hüt-*, тат., башк. *tet-* (629) ‘разобрать, распороть’ (ср. ТБ *botaq*, тат. *şat*, башк. *sat* ‘ветвь’, парн. *bot-şat* ‘бедра’); 4) ТБ *käkräj-*, *bökräj*, башк. диал. *sükäj-* (286) ‘сгорбиться’ (в лит. ‘садиться на корточки’); парн. *käkre-bökre* ‘кривой-горбатый’, тат. диал. *tökäj-* (644) ‘сгорбиться’; 5) ТБ *kügän*, башк. диал. *bügän* (62), *kügänäk* (158), *sïɣanaq* (288) ‘дверная петля’; ср. тат. диал. *mügäldäk* (488) ‘крючок для подвешивания люльки’, тат. диал. *tüŋgäläk* (665) ‘кольцо’, тат. диал. *bögälžä* (130) ‘деревянное кольцо, морда’, тат. *sökä*, тат. диал. *šökä* (789) ‘морда, рыболовная снасть’.

Подобные группы соответствий в семантических деривациях, парные слова с редупликатом и ограничения на встречаемость начальных согласных в тюркских языках обясняются нами как реликт морфонологических чередований [Сулейманова, 2016, 116–122], имеющий параллели в атлантических языках (волоф, ндут, манджак и др.), в которых реконструируются начальные согласные в роли древних префиксов [Поздняков, 1993, 196–197].

Итак, вышерассмотренные факты могут иметь частичные типологические параллели с явлением кентум-сатем в индоевропейских языках, морфонологическими чередованиями начальных согласных в атлантических языках и требуют дальнейшего исследования. Данный подход также дает возможность рассматривать башкирскую фонему *h-* не только как результат изнашивания ПТ ** č-*, но и как рефлекс допратюркской **K-*.

Литература

Андреев Н.Д. Ранне-индоевропейский праязык. Л.: Наука, 1986. 328 с. {Andreev N. D. Early Indo-European Proto-Language. L.: Nauka, 1986. 328 p.}

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с. {Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. 2nd ed. M.: Soviet Encyclopedia, 1969. 608 p.}

БТДҺ – Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге. Өфө: Китап, 2002. 432 бит. {Dictionary of Bashkir dialects. Ufa: Book, 2002. 432 p.}

Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: опыт синхронической и диахронической характеристики. М.: Наука, 1979. 305 с. {Garipov T. M. Kypchak languages of the Ural-Volga region: experience of synchronous and diachronic characteristics. M.: Science, 1979. 305 p.}

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2007. 232 с. {Dmitriev N. K. Grammar of the Bashkir language. Ufa: Ufa Polygraphic Combine, 2007. 232 p.}

Поздняков К. И. Сравнительная грамматика атлантических языков. М.: Наука – Восточная литература, 1993. 375 с. {Pozdnyakov K. I. Comparative Grammar of Atlantic Languages. M.: Science – Oriental Literature, 1993.375 s.}

СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. 488 с. {Relatively historical grammar of Turkic languages: phonetics / Edited by of E. R. Tenishev. M.: Science, 1984. 448 p.}

СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 768 с. {The comparative historical grammar of Turkic languages: regional reconstructions / Edited by of E. R. Tenishev. M.: Science, 2002. 768 p.}

Сулейманова Д. Д. Историческая фонетика тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков: сравнительно-сопоставительный анализ: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2016. 280 с. {Suleimanova D. D. Historical phonetics of the Turkic (Bashkir, Tatar) and Basque languages: a comparative analysis: dis. ... cand. filol. Sciences: 10.02.20. Ufa, 2016. 280 s.}

ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова һ. б. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б. {Large dialectological dictionary of the Tatar language / comp.: F.S. Bayazitova, D. B. Ramazanova, Z. R. Sadykova and others. Kazan: Tatars. whale. publishing house, 2009. 839 p.}

EDAL – An Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak [Electronic resource]. Brill Academic Pub, 2003. 2106 p.

Quiles – Carlos Quiles, Fernando López-Menchero. Indo-European Language Association. 2011. 522 p. https:indo-european.infoa-grammar-of-modern-indo-european-prometheus-edition.pdf.

УДК 81.116

Р.А. Султакаева, г. Уфа

О ВИДАХ СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается вопрос образования и функционирования двух типов сложных глаголов башкирского языка. Указывается на необходимость разграничения в языке сложных глаголов, словосочетаний и некоторых грамматических форм глаголов. Сложные глаголы второго типа башкирского языка делятся на опорные и переменные компоненты.

***Ключевые слова**: башкирский язык, сложные глаголы, вспомогательные глаголы, глагольные основы, опорный и переменные компоненты.*

***ABOUT THE TYPES OF COMPOUND VERBS IN THE BASHKIR LANGUAGE**. The article deals with the formation and functioning of two types of complex verbs in the Bashkir language. It is pointed out that the language needs to distinguish between complex verbs, word combinations, and some grammatical forms of verbs. Compound verbs of the second type of the Bashkir language are divided into support and variable components.*

***Keywords:** Bashkir language, compound verbs, auxiliary verbs, verb bases, support and variable components.*

Глаголы башкирского языка, образованные путем соединения двух и более слов, принято называть сложными глаголами (*ҡушма ҡылымдар)*. В тюркском, в том числе башкирском языкознании выделяют несколько подтипов сложных глаголов, хотя общего мнения и общего подхода к классификации на данный момент не выработано.

В башкирском языкознании проблема образования сложных глаголов в той или иной степени затрагивается в трудах Н. К.Дмитриева [Дмитриев, 2007, 232], А.А. Юлдашева [Юлдашев, 1981, 495] и М.Х. Ахтямова [Ахтямов, 2000; 152]. В «Грамматике башкирского языка» Н.К. Дмитриев указывает, что вспомогательные глаголы «употребляются при именах и образуют от них глаголы, то есть выполняют роль словообразовательного элемента» [Дмитриев, 2007, 98].

Сложные глаголы – важнейшее средство выражения тончайших оттенков глагольных значений в башкирском языке. То, для чего на русском языке мы привыкли пользоваться приставками, в башкирском языке, а также в других тюркских языках, выражается при помощи сложных глаголов.

В сложных глаголах в роли первого компонента выступают в большинстве случаев имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, междометия, заимствования из русского языка в форме инфинитива, звуко- и образоподражательные слова. Из них наиболее продуктивными являются существительные и звукоподражательные слова, менее продуктивными – прилагательные, малопродуктивными – наречия, числительные, предикативные слова, междометия. Важно подчеркнуть, что почти все звукоподражательные слова участвуют в данном способе образования сложных глаголов, выступая в качестве носителей основных значений. Ни одна другая часть речи не участвует в образовании глагола с вспомогательными глаголами в таком массовом порядке, как звукоподражательные слова. В композитах этих глаголов смысл действия обусловлен именем, а глагол сам по себе смысл действия не передает, например: *ярҙам* ‘помощь’ – *ярҙам итеү* ‘помогать’, *бүләк* ‘подарок’ – *бүләк итеү* ‘подарить’, *хөрмәт* ‘уважение’ – *хөрмәт итеү* ‘уважать’, *ғәйеп* ‘вина’ – *ғәйеп итеү* ‘осуждать’, *хеҙмәт* ‘служба’ – *хеҙмәт итеү* ‘служить’, *хәбәр* ‘весть’ – *хәбәр итеү* ‘известить’, *доға* ‘молитва’ – *доға ҡылыу* ‘читать молитву’, *ғашиҡ* ‘влюбленный’ – *ғашиҡ булыу* ‘влюбиться’. Основными вспомогательными глаголами в башкирском языке являются *итеү* ‘делать’, *ҡылыу* ‘делать, совершать’, *булыу* ‘находить’.

Первыми компонентами по языку-источнику могут быть как исконно башкирские слова, так и заимствования. Следует подчеркнуть, что заимствования представляют значительный пласт первых компонентов башкирских сложных глаголов, образованных вспомогательным глаголом *итеү* от неглаголов. Это обстоятельство свидетельствует о продуктивности данной группы. Так, многие арабские и персидские заимствования служат первым компонентом для образования сложных глаголов: *хәбәр итеү* – ‘известить’, *тәьҫир итеү* – ‘воздействовать’, *хеҙмәт итеү* – ‘служить’, *тәьмин итеү* –

‘обеспечить’, *хөкөм итеү* – ‘судить’. Первыми компонентами выступают также и исконно башкирские слова, многие из которых являются междометиями и звуко- и образоподражательными словами: *ялт-йолт итеү* – ‘блестеть’, *бүләк итеү* – ‘подарить’, *көн итеү* – ‘жить’, *келт- келт итеү* – ‘щелкнуть’ и др.

В башкирском языке очень многие сложные глаголы образованы на основе сочетания косвенного дополнения в дательном падеже с вспомогательными глаголами: *аҡылға ултырыу* – ‘стать разумным’, *барлыҡҡа килеү* – ‘возникнуть’, *иҫкә алыу* – ‘вспоминать’, *иҫкә төшөү* – ‘вспомнить’, *йоҡоға китеү* – ‘уснуть’, *телгә алыу* – ‘упоминать’, *хәрәкәткә килеү* – ‘прийти в движение’, *һуңға ҡалыу* – ‘опоздать’, *баш күтәреү* – ‘восстать’, *баш тартыу* – ‘отказаться’, *көн күреү* – ‘существовать’, *күҙ ҡыҫыу* – ‘подмигивать’, *күңел асыу* – ‘развлекаться’, *күңел йыуатыу* – ‘утешить’, *ҡул ҡуйыу* – ‘подписаться’, *тын алыу* – ‘дышать’, *хәл алыу (йыйыу)* – ‘отдохнуть’, *һыу инеү* – ‘купаться’ – образованы на основе смысловой связи прямого дополнения и вспомогательного глагола. Если данные выше сложные глаголы типа *телгә алыу* – ‘упоминать’, *күҙ ҡыҫыу* – ‘подмигивать’ образованы лексикализацией словосочетания, то есть переходом словосочетаний в сложные слова, то в результате сочетания имен прилагательных, существительных, числительных, наречий, междометий, звуко- и образоподражательных слов, предикативных слов, инфинитивной формы русского глагола на *-ть* с вспомогательными глаголами образуются сложные глаголы на основе словосложения, то есть основосложения. В сложных глаголах, образованных на основе словосложения и лексикализации словосочетания, первыми компонентами всегда выступают имена существительные: *ант итеү* – ‘клясться’, *ғүмер итеү* – ‘жить’, *иҫбат итеү* – ‘доказать’ (словосложение); *сәскә атыу* – ‘расцветать’, *хәл бөтөү* – ‘устать’, *күҙ тейеү* – ‘сглазить’ (лексикализация словосочетаний). При сочетании имен прилагательных, числительных, наречий, междометий, звуко- и образоподражательных, предикативных слов, инфинитивной формы русского глагола на *-ть* с вспомогательными глаголами образуются сложные глаголы только на основе словосложения: *ғашиҡ булыу* – ‘влюбляться’, *өс итеү* – ‘утроить’, *селпәрәмә килеү* – ‘разбиться вдребезги’, *ух итеү* – ‘ухнуть’, *тек итеү* – ‘тикать’, *юҡ булыу* – ‘исчезнуть’, *экономить итеү* – ‘экономить’.

Отметим, что вспомогательные глаголы, являясь вторым компонентом в данных сложных глаголах, вербализуют именной компонент, приводят его в действие.

В башкирском языкознании ученые-лингвисты выделяют обычно еще одну группу сложных глаголов, образованных путем соединения двух глагольных основ, составляющими частями которых являются переменный компонент + аффикс деепричастия + опорный компонент. Подробный обзор существующих в тюркологии подходов к классификации подобного рода сложных глаголов был сделан А.А. Юлдашевым [Юлдашев, 1981, 252], Ф.А. Ганиевым [Ганиев, 1982, 149]. А.Т. Тыбыковой [Тыбыкова, 1966, 63]. В башкирском языкознании до сих пор нет единой точки зрения на природу сложных глаголов на данного типа. Одни исследователи рассматривают их как результат *словообразования* [Ишбаев, 1994, 188], другие – как формы грамматической *категории вида* [Зайнуллин, 2002, 206], третьи – в разделе *деепричастий* [Юлдашев, 1981, 342].

Глагольными (основными) основами (т.е. переменными компонентами) в сложных глаголах выступают деепричастные формы на *а//-ә// -й* или *-ып// - ен// -он// - өн// -п* с вспомогательными (опорными компонентами) глаголами. Основное семантическое значение сложного глагола заключено в первом компоненте, а вспомогательные глаголы вносят в сложный глагол дополнительный лексический оттенок. Вне конструкции они сохраняют полное лексическое значение и употребляются как самостоятельные глаголы.

Один и тот же вспомогательный глагол может указывать на различный характер протекания действия (длительность, многократность, модальность и т.д.).

Например, вспомогательный глагол *ҡалыу* в башкирском языке многозначен, так как выражает целый ряд значений: оставаться, откладываться, пропускать, лишаться, находиться. В сочетании с глаголом на *-ып//-п* основного глагола выражает завершенность, законченность, однократность или неожиданность действия. В следующих сложных конструкциях он указывает: а) на завершение действия: *Бер аҙҙан бөтөнләй* ***шымып ҡалды*** ‘Через некоторое время он умолк’; б) на действие, которое произойдет при наличии какого-то условия: *Әсәйем беҙгә килһә, беҙгә рәхәт* ***булып ҡала*** ‘Когда мама приходит к нам, нам так хорошо’; в) на выполнение действия полностью: *Балалар өйҙә* ***уйнап ҡалды*** ‘*Дети остались дома*’*;* В следующих конструкциях данный вспомогательный глагол указывает: а) на результативность действия, б) на лишения какого-то предмета, в) на физическое или психическое состояние: а) *Балаларҙың тауыштарынан ҡолаҡ* ***тынып ҡалды*** ‘Стало тихо от шума детей’;

б) *Мин поездан* ***тороп ҡалдым*** ‘Я опоздал на поезд’ ; в) *Мин, ауыҙҙы йомоп,* ***аптырап ҡалдым*** ‘Я, не говоря ничего, расстерялся’.

Вспомогательный глагол *тороу,* который сочетается со всеми глаголами и в сочетании с деепричастиями на *-п, -а/-ә, -й* выражает длительность, многократность, регулярно совершаемое действие: *Мин аптырап һиңә* ***ҡарап торҙом*** ‘Я с удивлением смотрела на тебя’; *Һинең ҡайтҡаныңды* ***көтөп торҙом*** ‘Я ждала твоего возвращения’; *Йәйәүле кешеләр ары-бире* ***уҙып тора*** ‘Туда-сюда проходят пешеходы’; *Апайым беҙгә хат* ***яҙып торҙо*** ‘Сестра нам писала письма’.

Вспомогательный глагол *йөрөү* выражает а) непрерывное действие, происходящее в настоящий момент или же б) повторяемость действия время от времени, в) физическое или психическое состояние человека: а) *Ҡыҙым ошо уҡыу йортонда* ***уҡып йөрөй*** ‘Дочь учится на этом учебном заведении’; Мин мәктәптә ***эшләп йөрөйөм*** ‘Я работаю в школе’; б) *Аҙна һайын ауылға* ***ҡайтып йөрөйбөҙ*** ‘В каждую неделю мы едем в деревню’; *Ошонда* ***күсенеп йөрөйбөҙ*** ‘Переселяемся сюда’; в) *Был хәлдән һуң мин оҙаҡ* ***уйланып йөрөнөм*** ‘После этого случая я долго думал об этом’.

Длительное, непрерывное, постоянное действие, происходящее в настоящий момент, также выражает и вспомогательный глагол *ятыу*: *Беҙ бик яҡшы* ***йәшәп ятабыҙ*** ‘Мы очень хорошо живем’; *Яландарҙа ужым бойҙайы* ***йәйелеп ята*** ‘На полянах расстилалась озимая пшеница’.

Итак, опорный компонент (вспомогательный глагол) является основным элементом при образовании сложного глагола, роль опорного компонента в образовании сложного глагола аналогична роли словообразовательного аффикса. Переменный компонент (деепричастные формы на *а//-ә// -й* или *-ып// - ен// -он// - өп// -п*) сложного глагола участвует как один из основных элементов в образовании сложных глаголов. В образовании лексического значения переменный компонент выступает на равных правах с опорным компонентом. Оба компонента сложного глагола выполняют функцию мотивирующих элементов, в равной мере формируя семантику сложного глагола. Переменные компоненты сложных глаголов избираются опорными компонентами сложных глаголов, а не наоборот.

Значение сложного действия присуще только сложным глаголам. Оно закрепилось за теми сложными глаголами, которые обладают одним общим значением, выражают одно понятие в результате того, что два отдельных действия внешне выглядят целостным, но внутренне слагаются из двух частей одного действия. Следовательно, следует упомянуть о том, что в языке есть понятие отдельного и сложного действия. Это обстоятельство не всегда учитывается в трудах ученых.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что вопрос описания и классификации сложных глаголов в тюркологии пока находится в стадии разработки, на сегодняшний момент не существует единого терминологического аппарата, грамматисты по-разному трактуют само понятие «сложный глагол». К сложным глаголам исследователи-тюркологи относят аналитические формы глаголов, не отделяя способы построения новых лексических единиц от способов построения аналитических форм глагола.

Литература

Ахтямов М. Х. Современный башкирский язык. Словообразование: Учебное пособие. Уфа, 2000. 152 с. {Ahtyamov M.H. The modern bashkir language. Word-formation: Textbook. Ufa. 2000. 380 p.}

Ганиев Ф.А. Образование сложных слов в татарском языке. М.: Наука, 1982. 149 с. {Ganiev F.A. Formation of complex words in the tatar language. Moscow: Nauka, 1982. 149 p.}

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.: Наука, 2007. 232 с. {Dmitriev N.K. Grammar of the bashkir language. Moscow: Nauka, 2007. 232 p.}

Зайнуллин М.В. Современный башкирский литературный язык. Морфология: учебное пособие. Уфа, 2002. 388 с. {Zainullin M.V. Modern bashkir literary language. Morphology: Textbook. M: Ufa, 2002. 388 p.}

Ишбаев К.Ғ. Башҡорт теленең һүҙьяһалышы. Өфө: РФА Ғилми үҙәге, СДПИ, 1994. 284 б. {Ishbaev K.G. Word formation of the Bashkir language. Ufa: URC, RAS, SDPI, 1994. 284 p.}

Тыбыкова А. Т. Сложные глаголы в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1966. 63 с. {Tibikova A.T. Complex verbs in the altaic language. Gorno-Altaisk, 1966. 63 p.}

Юлдашев А.А. Грамматика современного литературного башкирского языка. М.: Наука, 1981. 495 с. {Yuldashev A.A. Grammar of the modern literary bashkir language. Moscow: Nauka, 1981. 495 p.}

УДК 811.161.1 373.215 (470.11)

О. А. Теуш, г. Екатеринбург

РУССКИЙ ЛАНДШАФТ В ОБРАЗАХ (ПО ДАННЫМ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

Статья посвящена русским метафорическим обозначениям географических объектов в диалектах Европейского севера России. Весь выявленный комплекс лексем анализируется с точки зрения происхождения слов и их семантических связей. Интерпретируются ономасиологические модели.

Ключевые слова: *лексема; семантика; значение; метафора, русский язык.*

RUSSIAN LANDSCAPE IN IMAGES (ACCORDING TO THE DIALECT OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA). *The article is devoted to Russian metaphorical designations of geographical objects in the dialects of the European North of Russia. All of the identified set of lexems is analyzed from the point of view of the origin of words and their semantic relations. Onomasiological models are interpreted.*

Keywords*: lexeme; semantics; meaning; metaphor; Russian language.*

Европейский север России – территория с разнообразными типами ландшафта. Освоение географического пространства этого региона потребовало создания лексических наименований для неизвестных ранее реалий.

Широта территории обусловила невозможность овладения полным знанием об объектах окружающего пространства. В результате ряд номинаций объектов создается на базе описательных конструкций. Исток реки, берущей начало из лесного родника, описывается через образ дерева: *из-под березы* (Влг.: Влгд.; Яр.: Люб.), *из-под ёлочки* (Влг.: Влгд.), *из-под одной ёлки* (Влг.: Бабуш.), ср. также: *из-под корня* (Влг.: Влгд.), *из-под кочки* (Влг.: Ваш.) [КСГРС].

Восприятие нового северного ландшафта обусловило обилие образных номинаций. Наиболее частотной оказалась анатомическая метафора: видение пространства через образ человека или животного. Такого же рода восприятие ландшафта характерно и для народов, которые населяли Европейский север России до прихода русского населения: прибалтийских финнов и коми. В севернорусских говорах выявляется ряд географических терминов, имеющих в своей основе финно-угорскую анатомическую модель, в том числе калькированных слов.

Наиболее распространенной является модель ‘глаз’ > ‘окно воды в болоте’ (русск. *глаз, глазина, глазник, глазовина, глазок, глазун* ‘окно воды в болоте’ (Арх., Влг.) [КСГРС; СРНГ, 6, 187–188] ~ фин. *silmänne* ‘родник, ключ; окно в болоте’, *silmäke, silmäkkö* ‘омут, окно в болоте’, *silmäs* ‘ключ, родник в болоте’ при *silmä* ‘глаз’ [SKES, 4, 1026], вепс. *süumlähte, siĺmlähte* ‘окно в болоте’ при *süum, siĺm* ‘глаз’ [СВЯ, 535–536], коми *му син* ‘окно на болоте, трясина; родник, ключ’ при *син* ‘глаз’ [ССКЗД, 336]). Семантически с приведенными выше фактами соотносится также севернорусское *зрячая вода* ‘вода, выступившая на поверхность болотистой почвы’ [КСГРС]. Модель является калькированной с финно-угорского оригинала: в пользу этого свидетельствует как география (исключительно севернорусская), так и то, что слово *глаз* получило анатомическое значение достаточно поздно [ЭССЯ, 6, 117; Фасмер, 1, 409–410], а общеславянское *око* подобную модель не реализует ни в русском (за исключением единичных фиксаций, которые также могут быть очень поздними: *очи́на* [КСГРС]), ни в других славянских языках, что позволяет рассматривать модель как позднюю локальную инновацию. О калькировании свидетельствует и то, что описанные выше финно-угорские термины служат источником прямого заимствования: *чи́льма, че́льма* ‘окно воды в болоте’ [КСГРС], характеризующееся прибалтийско-финским вокализмом, но саамским консонантизмом (ср.: саам. норв. *čalbme*, кильд. *čalm* ‘глаз’) [Матвеев, 1978, 54–61]; *сю́мелятка*, *сю́млятка* ‘окно воды в болоте’ (< вепс.). В качестве реализации той же модели в русском языке можно было бы рассматривать *зе́нка*, *зи́нка* ‘окно воды в болоте’, ‘топкое место на болоте’ [КСГРС], если учитывать широко распространенное *зе́нки* ‘глаза’ [КСГРС]. Однако возможна и иная интерпретация. М. Фасмер указывает на связь русского слова с *зиять*, *зевать* [Фасмер, 2, 94]: в этом случае географическое значение можно рассматривать как параллельное развитие. В то же время при учете распространения слова (Кичменгско-Городецкий район Вологодской области) следует предполагать и возможность заимствования из коми *син* ‘глаз’ и дальнейшую аттракцию к русск. *зе́нки*, ср.: *си́нки* ‘глаза’ [СРНГ, 37, 334], которое сопоставляется

с тем же коми источником. Неясно, с антропо- или зоометафорой мы имеем дело, но некоторые лексические факты (фин. *häränsilmä* ‘воронка (водоворота)’, буквально «бычий глаз» [ФРС, 142]) и данные топонимии (*Петуший Глаз*, яма в лесу; *Окуньковые Глазки*, оз. и др.) указывают на зоологические истоки.

Только на Европейском севере России локализован семантический переход ‘нос’ > ‘мыс’ (русск. *нос, носо́к, носови́на, носы́рь* ‘мыс, излучина реки’ (Арх., Влг.) [КСГРС; СРНГ, 21, 285, 292] ~ фин. *niemennenä, niemennokka* ‘оконечность мыса’ [ФРС, 399] при *nenä* ‘нос’ [ФРС, 398], *nokka* ‘клюв; нос’ [ФРС, 403], вепс. *ńok*, карел. *ńokku* ‘нос, клюв’, ‘мыс’ [СВЯ, 364; ПФГЛ, 65], карел. *niemen nenä* ‘оконечность мыса’ при *nenä* ‘нос’ [Макаров СКЯ, 225]), коми *ныр* ‘нос, клюв’, *ныр̮д* ‘излучина реки’ [КРС, 471–472]. Изолированность метафорического термина *нос* в славянском ареале при широком распространении модели в финно-угорских языках, соседствующих с севернорусскими диалектами, позволяет согласиться с предположением Э.М. Мурзаева о том, что «появление в северных областях СССР термина *нос* в значениях ‘мыс’, ‘выступ горы’, видимо, нужно связывать с семантическим заимствованием поморами из финно-угорских языков» [Мурзаев, 396].

Семантический переход ‘гребень, грива’ > ‘возвышенность’ является универсалией, ср. русск. *гре́бень*, *гри́ва*. Модель реализуется и в прибалтийско-финских языках: карел. *harja*, *harju* ‘вершина, гребень (горы); холм, гора; песчаная отмель’, ливв. *harju* ‘возвышение, верхушка чего-либо (напр., горы, борозды)’, фин. *harja* ‘вершина, гребень горы’, *harju* ‘песчаная отмель, низкий горный кряж’ [ПФГЛ, 27] вторичны к карел. *harja*, ливв. *harju*, вепс. *harj*, фин. *harja* ‘грива (лошади)’, ‘щетина (свиньи)’, ‘гребень (петуха)’ и т. п. [SKES, 1, 58]. Прибалтийско-финские лексемы послужили источником русск. *гарьё* ‘плоский берег, видимый с моря’ [Фасмер, 1, 396]. Не исключено также аттракционное воздействие перечисленных слов на семантику русского *гарь* ‘выгоревшее место’, у которого на Европейском севере России отмечается значение ‘возвышенное сухое лесное место’ [КСГРС]. С прибалтийско-финскими лексемами связаны по происхождению распространенное в Верхнетоемском и Пинежском районах Архангельской области слово *ха́лья* ‘бугор, возвышенность’, ‘островок на болоте’, ‘массив строевого леса’ [КСГРС], вологодское и костромское *хорь* ‘мыс на реке’, ‘песчаный островок на реке’ ‘ягодник, сенокос, поляна’, *хорьки́* ‘плавающие острова’, ‘кочки’ [КСГРС]: эти слова являются реализациями вариантов одной и той же лексемы, заимствованной в разное время из разных родственных прибалтийско-финских языков. В топонимии Европейского севера России зафиксирован топоним *Петушьи Гребешки*, реализующий ту же образную модель и, возможно, являющийся калькой.

Семантический переход ‘пузо, брюхо’ > ‘топкое место’ представлен единичными фактами, которые локализуются только на территории Европейского севера России: русск. *пу́зо* ‘участок пожни, где бьют ключи’ [КСГРС], карел. *l’ehmänpöčč̮ö* ‘коровье брюхо’, ‘топкое место, зыбун’ (где *l’ehmä* ‘корова’, *pöčč̮ö* ‘брюхо’) [Пунжина СКЯ, 133], ср. также пермское *пузáн* ‘заглохшее озеро, заросшее растительностью, трясина’ [СРНГ, 33, 113]. Указанная анатомическая модель позволяет предложить этимологическую интерпретацию лексемы *бачи́на* ‘топкое место’ [КСГРС]: ввиду фиксации *бачи́на* ‘живот человека, животного; брюхо’ [КСГРС] (< приб.-фин., ср. фин. *vatsa* ‘внутренности, внутренние органы, сердце’, карел. ливв. *vat’t’š’a, vat’š’a, vatša* ‘живот, матка, сердце; душа’, люд. *vāt’š’, vat’š’* ‘живот, матка’, вепс. *vats* ‘то же’ [SKES, 6, 1677; SSA, 3, 419]) это слово следует рассматривать вне связи с географическим термином *бочáг*, *бачáг*, который сопоставим с саам. ин. *vuačči* ‘длинное, узкое болото или залив’, норв. *vuoč’čo* ‘болото, которое образуется водой текущего ручья’ [SKES, 6, 1825], *vuoččo* ‘болото, которое образуется при понижении уровня воды в ручье (при пересыхании ручья)’ [KKLS, 1, 1072], сонг. *vuätš* ‘узкая полоса болота’ [KKLS, 1, 774], а рассматривать как метафору.

Специфически севернорусской является модель ‘кишка’ > ‘канава, излучина реки’, ср., например, русск. *кишкá* ‘извилина, излучина реки’, ‘глубокая длинная канава’ [СРНГ, 13, 250]. Возможность существования той же модели в финно-угорских языках подтверждается русск. *сю́лья* ‘ручей’ (Арх.) [КСГРС], которое < коми *сюв*, основа *сювй-* ‘кишка’, имеющему в эловых диалектах форму *сюл* и соответствующему удм. *сюл* при общеперм. **s’ul* ‘кишка’ [КЭСК, 273].

Некоторые лексемы севернорусских говоров могут быть рассмотрены как реализации русской анатомической метафоры, однако при более глубоком этимологическом анализе интерпретируются как заимствования. Одна из таких лексем – *ко́сти* ‘подводные камни’ (Арх.) [СРНГ, 15, 87], ср. *костли́вый* ‘усеянный опасными для судов мелями, камнями (о береге, море и т. п.)’ (Арх.) [СРНГ, 15, 76]. При том, что модель ‘кость’ > ‘скала, камень’ возможна, форма и семантика приведенных слов наилучшим образом объясняются как заимствование из приб.-фин., ср. фин. *koste* ‘мыс, вдающийся в порог или в реку, который часть воды отводит в прилежащий заливчик’, ‘встречное течение’, *kosteranta* ‘место на берегу, защищенное от ветра’ [SSA, 1, 410]. При учете отмеченного в Приморском районе Архангельской об-

ласти *балда́* ‘голова’ в качестве анатомической метафоры может рассматриваться лексема *балда́* ‘возвышенность, холм с плоской вершиной на берегу реки’ (Арх: Прим) [КСГРС]. Тем не менее предпочтительнее здесь видеть заимствование, ср.: фин. *palle*, *palte* ‘склон, откос, косогор; береговой обрыв’, карел., люд. *palte* ‘склон, откос’, вепс. *paute*, *paude*, *poude* ‘склон, косогор’ [SSA, 2, 302], саам. *puolta* ‘склон горы’ [SSA, 2, 304], к тому же переход ‘голова’ > ‘возвышенность’ не подтверждается другими данными.

Второй тип устойчивых образных номинаций в географической лексике – растительная метафора. Образ дерева отражен в номинации разветвления реки, ручья: *рассо́ха* ‘дерево с раздвоенным стволом’ (Арх.: Вин., В.-Т., Леш., Мез., Пин., Уст., Шенк.; Влг.: В.-Важ., В.-Уст., К.-Г.) [КСГРС], ‘место, где разветвляется русло реки, ручья’ (Арх.: Пин., Шенк.) [Подвысоцкий, 146; КСГРС]. Восприятие притока реки как ответвления от основного русла реализуется во внутренней форме лексем *ро́стель* ‘приток реки’ (Арх.: Котл.), *отро́сток* ‘то же’ (Арх.: В.-Т., Котл., Холм.) [КСГРС]. Последний термин также имеет значение ‘сторона, край деревни’ (Влг.: М.-Реч.) [КСГРС]. Лексема *ко́рень* используется в значении ‘исток реки’ (Арх.: Карг.) [КСГРС]. Образ гнезда реализован в номинации *земляно́е гнездо́* ‘берлога’ (Ленингр.: Подп.) [СРГК, 1, 345], где очевиден перенос наименования жилища птицы на место обитания другого животного – медведя.

Задействованы в древесной метафоре и наименования, заимствованные из финно-угорских языков: *сарак* ‘ответвление ручья’ (Влг.: Выт.), *со́ра* (Влг.: Бел., Ваш., Выт., Кир.), уменьш. *со́рка*, *со́рочка* ‘развилка дороги’, ср. *со́ра*, *со́рка* ‘развилка древесного ствола, ветки’, *сва́ра* ‘слияние рек’ (Арх.: Карг.) [КСГРС]. Лексемы связаны с фин. *saara*, карел. *šoara*, *šuara*, ливв. *šoaru*, *šuaru*, люд. *suar*, вепс. *sar* ‘разветвление, ветвь’ [SKES, 5, 937], саам. патс. *suərr^{e}*, нот. *suorr^{e}*, кильд. *sūrr$^{(e)}$* ‘ветвь, развилка’, нот., кильд. ‘ответвление реки’ [KKLS, 1, 534-535]. Метафора универсальна: русск. *ветка*, *ветвь*, *веть* ‘ветвь (дерева)’, ‘ответвление реки’, чуваш. *йупă*, *йуппи* ‘ответвление’, ‘разветвление’, ‘ветка’, ‘приток (реки)’, ‘слияние двух рек’, коми *вож* ‘развилина, отросток, ветвь’, ‘приток реки’, татар. *sala* ‘приток реки’, ‘сук’, ‘ветвь’, литовск. *szakà* ‘ветвь’, ‘рукав реки’, венг. *ág* ‘ветвь’, ‘сук’, ‘рукав реки’, ненец. *тарка* ‘ветвь’, ‘приток’ [Попов, 1957, 90-91].

С прибалтийско-финскими данными связаны по происхождению *са́рга* ‘полоса покоса, вдающаяся в лес’, ‘покос на болоте’ (Арх.: Он.), *са́рьга* ‘сырое заболоченное место, поросшее травой или кустарником’ (Арх.: Шенк.) [КСГРС], которые, наряду с *са́рга* ‘длинный тонкий прут или полоска березовой коры для плетения лаптей’ (Арх., Влг.) [КСГРС], восходят к приб.-фин., ср. фин. *sarka* ‘полоска нивы’, карел. *šarga*, вепс. *sarg* ‘полоска коры’ [Фасмер, 3, 561].

Сочетание значений ‘раздвоенное дерево’ (Арх.: Вин.; Влг.: Баб.), ‘развилка дороги’ (Арх.: Вил.), ‘раздвоенный участок пашни, луга’ (Киров.: Халт.), ‘место слияния двух ручьев’ (Арх.: Вель.) есть также у русск. диал. *штаны́* [КСГРС], что подтверждает регулярный характер модели.

Значение ‘округ’ зафиксировано у лексемы *куст* (Костр.: Сусан.) [ККОС, 179]; повсеместно эта лексема с семантикой ‘несколько расположенных недалеко друг от друга деревень’ встречается в Архангельской и Вологодской областях [КСГРС]. Неосвоенное пространство обозначается через наименование *на девя́том суку́* ‘неизвестно где, где-то далеко’ (Арх.: Пин.) [АОС, 10, 402].

В целом, образное видение географического пространства, представленное в диалектной лексике Европейского севера России, отражает бытовой, антропоцентрический взгляд русского крестьянина на окружающий мир.

Литература

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М., 1980. Вып. 1. {Arkhangelsk regional dictionary / Ed. O. G. Getsova. Moscow, 1980. Vol. 1.}

ККОС Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова. Кострома, 2006. 347 с. {Live Kostroma word. Concise Kostroma regional dictionary / Comp. N. C. Gansovskaya, G. I. Mashirova. Kostroma, 2006. 347 p.}

КРС – Коми-русский словарь. М., 1961. 923 с. {Komi-Russian dictionary. M., 1961. 923 p.}

КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета). {Russian dictionary of the North (stored at the Department of the Russian language and General linguistics of the Ural University).}

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 431 с. {Lytkin V. I., Gulyaev E. I. Concise etymological dictionary of the Komi language. Seconded. Syktyvkar, 1999. 431 p.}

Макаров СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с. {Dictionary of the Karelian language (liwik dialect) / comp. G. N. Makarov. Petrozavodsk, 1990. 495 p.}

Мурзаев – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 653 с. {Murzaev E.M. Dictionary of folk geographical terms. Moscow, 1984. 653 p.}

Пунжина СКЯ – Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. 396 с. {Punzhina A.V. Dictionary of the Karelian language (the Tver subdialects). Petrozavodsk, 1994. 396 p.}

ПФГЛ – Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 162 с. {Mamontova N. N., Mullonen. I. Baltic Finnic geographical lexics of Karelia. Petrozavodsk, 1991. 162 p.}

СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. 747 с. {M. I. Zaitseva, M. I. Mullonen. Dictionary of the Vepsian language. Leningrad, 1972. 747 p.}

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. / Гл. ред. *А. С. Герд*. СПб., 1994–2005. {Dictionary of Russian subdialects of Karelia and adjacent regions. Vol. 1–6. / Chief editor A. S. Gerd. SPb., 1994-2005.}

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., СПб., 1965–. Вып. 1–. {Dictionary of Russian folk subdialects. M.; L., St. Petersburg, 1965–. Vol. 1–.}

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 455 с. {Comparative dictionary of Komi-zyryan dialects. Syktyvkar, 1961. 455 p.}

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973. {Vasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. V. 1–4. Moscow, 1964–1973.}

ФРС – Финско-русский словарь. Таллин, 1998. 816 с. {Finnish-Russian dictionary. Tallinn, 1998. 816 p.}

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–. М., 1975–. {Etymological dictionary of the Slavic languages. Vol. 1–. M., 1975–.}

KKLS – Itkonen T.I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I–II. LSFU, XV. Helsinki, 1958. 1236 s. {Itkonen, T. I. Skolt and Kola Lapland dictionary. I–II. LSFU, XV. Helsinki, 1958. 1236 p.}

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1958–1981. 2293 s. {Ethymological Dictionary of the Finnish language. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1958–1981. 2293 p.}

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–1995. 486 s., 470 s., 503 s. {Origin of Finnish words. Etymological Dictionary. O. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–1995. 486 p., 470 p., 503 p.}

Матвеев А.К. Русск. диал. *чильма* // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 54–61. {Matveyev A. K. Russian dial. čilma. In etymology of the Russian dialect words. Sverdlovsk, 1978. P. 54–61.}

Попов А.И. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957. 134 с. {Popov A. I. From the history of lexics of languages of Eastern Europe. Leningrad., 1957. 134 p.}

Сокращения

1. В названиях языков и диалектов.

венг. – венгерский язык, вепс. – вепсский язык, ин. – диалект инари саамского языка, карел. – карельский язык, кильд. – кильдинский диалект саамского языка, ливв. – ливвиковский диалект карельского языка, литовск. – литовский язык, люд. – людиковский диалект карельского языка, ненец. – ненецкий язык, норв. – норвежский диалект саамского языка, нот. – диалект Нотозеро саамского языка, патс. – диалект патсйоки саамского языка, приб.-фин. – прибалтийско-финские языки, русск. – русский язык, саам. – саамский язык, сонг. – сонгельский диалект саамского языка, татар. – татарский язык, удм. – удмуртский язык, фин. – финский язык, чуваш. – чувашский язык.

2. В географических названиях.

Арх. – Архангельская область, Баб. – Бабаевский район Вологодской области, Бабуш. – Бабушкинский район Вологодской области, Бел. – Белозерский район Вологодской области, Ваш. – Вашкинский район Вологодской области, В.-Важ. – Верховажский район Вологодской области, Вель. – Вельский район Архангельской области, Вил. – Вилегодский район Архангельской области, Вин. – Виноградовский район Архангельской области, Влг. – Вологодская область, Влгд. – Вологодский район Вологодской области, В.-Т. – Верхнетоемский район Архангельской области, В.-Уст. – Великоустюжский район Вологодской области, Выт. – Вытегорский район Вологодской области, Карг. – Каргопольский район Архангельской области, К.-Г. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области, Кир. – Кирилловский район Вологодской области, Киров. – Кировская область, Костр. – Костромская область, Котл. – Котласский район Архангельской области, Ленингр. – Ленинградская область, Леш. – Лешуконский район Архангельской области, Люб. – Любимский район Ярославской области, Мез. – Мезенский район Архангельской области, М.-Реч. – Междуреченский район Вологодской области, Он. – Онежский район Архангельской области, Пин. – Пинежский район Архангельской области, Подп. – Подпорожский район Ленинградской области, Сусан. – Сусанинский район Костромской области, Уст. – Устьянский район Архангельской области, Халт. – Халтуринский район Кировской области, Холм. – Холмогорский район Архангельской области, Шенк. – Шенкурский район Архангельской области, Яр. – Ярославская область.

3. Прочие.

диал. – диалектное, др. – другие, оз. – озеро, ср. – сравни, т. п. – тому подобное, уменьш. – уменьшительное.

УДК 8.81.1

М.К. Тулегенова, г. Караганда

СУБСТАНДАРТНАЯ ЛЕКСИКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

В данной статье рассматривается актуальная проблема языковых и культурных связей, которая изучается лингвокультурологией. Эта дисциплина – довольно молодая наука. Исследования сходны с интересами таких наук, как культурология, этнолингвистика, страноведение, социолингвистика и психолингвистика. Лингвисты и культурологи сходятся во мнении, что язык служит проводником культурной информации. Нестандартные лексемы также важны в культурном отношении и имеют национально-культурную специфику наряду с литературными словами. Исторические, общественно-политические, научные, культурные и происходящие в обществе перемены естественным образом отражаются в семантике слова. Примеры нестандартных токенов на английском, немецком и русском языках подтверждают этот вывод.

***Ключевые слова**: нестандартная лексика, язык и культура, менталитет, литературный словарь, культурный компонент, лексикографические источники.*

***SUB-STANDARD VOCABULARY IN THE LINGUOCULTURAL ASPECT.** This article examines the current problem of language and cultural relations, which is studied by linguoculturology. This discipline is a fairly young science. Research is similar to the interests of such sciences as cultural studies, ethnolinguistics, country studies, sociolinguistics, and psycholinguistics. Linguists and cultural scientists agree that language serves as a conductor of cultural information; sub-standard lexemes are also culturally significant and have national-cultural specificity, along with literary words. Historical, socio-political, scientific and cultural changes that occur in society are naturally reflected in the semantics of a word. Examples of sub-standard tokens in English, German, and Russian prove this conclusion.*

***Keywords**: sub-standard vocabulary, language and culture, mentality, literary vocabulary, cultural component, lexicographic sources, linguoculturology, cultural connotation.*

The American linguist L. Bloomfield presented the term «substandard» to the scientific language, which was later widely used in foreign linguistics in the 1930s [Блумфильд, 1968, 102]. At present, Russian linguists do not have a unified view on determining the nature of sub-standard vocabulary. V.B. Bykov defines substandard as «a normalized subsystem of the national language, which is dominated by non-codified, usual norms» [Быков, 2001, 30]. E.N. Kalugina concludes that a substandard is a heterogeneous language continuum, the distinctive features of which are profanity, the oral form of existence, the manifestation (expression) of subcultural values with indistinct boundaries between its varieties and the lexical level of existence. The above characteristics allow us to interpret the substandard as a phenomenon that is generally opposed to the literary language. Despite the presence of the opposition «standard» – «substandard», the units representing these phenomena actively interact and can act as normative or non-normative in the presence of certain social and psychological conditions [Калугина, 2013, 261–269].

Non-literary vocabulary, or sub-standard vocabulary, which includes professionalisms, vulgarisms, jargon and slang is an integral part of any developed natural language and occurs as an inevitable consequence of the codification of the national language. Substandard integral – action component, an integral component of language as the most dynamic stratum of lexico-semantic system is updated very quickly: some sub-standard lexemes are linguistic equivalent of fashion, that is undergo change, sometimes lose their relevance under the influence of fashion, social, cultural influences; others, however, are considered to be constants of the reduced vocabulary. Thus, the substandard represents in a concentrated form the basic concepts, a kind of linguistic polygon, where many new elements of the language are tested and then partially assimilated by the standard, literary language. Slang shows the trends of possible language development in the future. It is wrong to consider common slang to be only the language of the lower classes, it is a component of the spoken language of different social status, educational level, professions. The resources of the sub-standard are actively used by the mass media and creators of artistic texts. When defining a sub-standard, a «multi-factor» approach was used: on the one hand, it was necessary to take into account the actual language factors, on the other, it was impossible to ignore the social, psychological, and pragmatic circumstances that are significant in the characterization of certain sub-standard entities. The linguistic and cultural

aspect remains the least developed in describing sub-standard phenomena of all types. It involves the study of vocabulary with mandatory consideration of the culture factor of native speakers. The implementation of these linguistic goals is engaged in a fairly young teaching of linguoculturology, which declared itself in the 90s of the XX century. V.I. Shakhovsky defines it as «a new paradigm of scientific knowledge» [Шаховский, 1999, 57]. V.A. Maslova notes the interactive nature of this» branch of linguistics», since it incorporates the results of research in cultural studies and linguistics, ethnolinguistics and cultural anthropology «[Маслова, 1997, 207]. V.V. Vorobyov characterizes linguoculturology as a complex scientific discipline of synthesizing type, whose tasks are to study the relationship and interaction of culture and language in its functioning and to reflect this process as an integral structure of units in the unity of their linguistic and non-linguistic (cultural) content using systematic methods and focusing on modern priorities and cultural institutions (a system of norms and universal values)» [Воробьев, 1997, 36–37]. The research interests of linguoculturology overlap with the interests of such related sciences as sociolinguistics, ethnolinguistics, psycholinguistics, country studies, and cultural studies.

The famous culturologist A.S. Karmin explains the relationship between the concepts of culture and language: «Culture lives and develops in the «language shell», but not the «shell» determines the content of culture, but, on the contrary, the content of culture dictates the nature and state of this «shell». Language serves culture, not defines it... but the language itself develops depending on the culture» [Кармин, 1997, 86–87]. According to linguist Y. D. Desheriev, the structural elements of language are not reflected in all spheres of culture, while all manifestations of culture, its content and structural elements, highlighted by the public consciousness, should be comprehensively detected in language. In this, the scholar sees one of the most characteristic features of language that distinguish it from culture in general. This circumstance creates certain interdependent relations between language and culture in the process of their development and interaction [Дешериев, 1980, 9]. The subject of modern linguoculturology can be designated as the study of cultural semantics of language signs. The basis for its formation is the interaction of two different codes-language and culture, since each language personality is simultaneously a cultural personality. Therefore, language signs can perform the function of the» language « of culture, which is expressed in the ability of the language to display the cultural and national mentality of its speakers. When speaking about the relationship between language and culture, linguoculturologists primarily mean the influence of culture on language, and all attention is paid to language as an accumulator of cultural meanings, although the Union in the formulation of the problem «Language And culture» implies mutual influence – «the participation of language in the creation of spiritual culture and the participation of spiritual culture in the formation of language» [Постовалова, 1987, 51]

We can only mention the work of the Soviet and Russian linguist and cultural critic V.I. Zelvis, who conducted the first monumental study of invective vocabulary in Russia, focusing on its linguistic and cultural component [Жельвис, 2001, 115]. In our article, we will emphasize the reflection of culture in non-standard vocabulary and non-standard vocabulary in culture. Words have cultural capabilities that can implement cultural information. According to V.N. Telia, the concept of cultural connotation is the basic one for linguoculturology, since it studies «material culture and mentality embodied in a living national language and manifested in language processes in their effective continuity with the language and culture of an ethnic group» [Телия, 1996, 216]. The very concept of connotation is interpreted much more broadly. According to the definition of O.S. Akhmanova, this is the additional content of a word (or expression), its accompanying stylistic or semantic shades, which are superimposed on the main meaning, that serve to express various kinds of expressive emotional and evaluative overtones and can give the utterance solemnity, playfulness, ease, familiarity, etc. [Ахманова, 1966, 75]. Until 1966, there was no mention of the cultural component of the lexical meaning of the word. One of the first who noted the cultural component of the word's meaning was N.G. Komlev. He stressed that the lexical concept is accompanied by a certain cultural component-the dependence of language semantics on the cultural environment of the individual [Комлев, 1969, 116–119]. In modern linguistics, the cultural component of the lexical meaning of a word is understood as the cultural connotation of a linguistic unit that accompanies the subject – logical meaning and is included in the semantic structure. Ignorance of the cultural connotation of the lexicon is directly related to a lack of understanding of the culture of the corresponding people. Sub-standard tokens are also culturally significant and have national and cultural specificity. Lexicographic sources of recent years are dictionary articles containing observations and comments on cultural connotations of lexical meanings of individual words. The most ambitious comprehensive research of social orientation can be called a monograph by G. V. Ryabichkina. In her research «English sub-standard lexicography (mid-XVI – mid-XIX century)» the author gave a comparative

characteristic of monolingual dictionaries of non-standard vocabulary of the English language, including one from the position of identifying sociolexicographic tools [Рябичкина, 2009, 272]. So, in the structure of the dictionary entry of the dictionary of J.K. Hotten «the slang dictionary» in addition to the mandatory components: vocables and definitions, there are optional ones: etymological and derivatological reference and dictionary marks (temporal-historical, functional-historical, socio-ethnic, socio-stratification, ethical-stylistic). The latter contain the cultural connotation that interests us. Russian vernacular lexicography History of the post-revolutionary period systematizes sociolexicographic thoughts, ideas and concepts of leading Russian linguists and lexicographers, and reveals the specifics of lexicographic description of a non-standard lexical system in the explanatory vernacular dictionaries of the modern Russian language [Рябичкина, 2010, 154].

The authors of some dictionaries illustrate dictionary articles with emotional-evaluative and functional-social marks and accompany the interpretation of words with additional comments that help reveal the expressive and cultural potential of the lexeme, its social and national color («Great dictionary of Russian colloquial expressive speech» by V. A. Khimik). In the « Dictionary of sub-standard vocabulary (jargon, argot, slang) of Russian and English. Zoonyms», compiled by G.V. Ryabichkina in collaboration with E. V. Metelskaya, in the structure of the dictionary article there is a comment on the national-cultural aspect [Метельская, Рябичкина, 2011, 156]: **from the camel**, – *Rude*. A rhymed response-mimicking the inappropriate question "from Where?", usually means making fun of the other person's lack of understanding or avoiding reporting something. ~ Quote from the poem "Phone" by K. I. Chukovsky: "my phone rang. – Who's talking?" – Elephant. – From where?" - From a camel"; ...How do you know this? – From where… From a camel. The detailed etymological commentary links the origin of the sub-standard combination with the name of a well-known Russian children's poet, whose works are the cultural heritage of the Russian people. In the same dictionary in the section "English-Russian Vocabulary" we find an example: Alpha dog (literally. the dog is the "alpha" class, the dog leader), – *n*. 1. A natural born leader. A person who is attracted by the scale of his personality, ideas, beliefs, charm or charisma, not necessarily caused by knowledge or position. The sled dog team is dominated by the alpha dog, because it is a good leader, although not always the largest or strongest dog. The positive reactions to Mike's commanding presence during the meeting made it obvious that he's the alpha dog in our group. The positive attitude that Mike was in charge during the meeting showed that he was a natural leader. The absence of any stylistic mark in the dictionary entry is compensated by an additional comment to the interpretation. The language reflects the world around us like a mirror. When identifying the national-cultural component in the semantics of a lexical unit, it is also important to identify associations that are based on traditional, socio-historical realities, representations, and concepts that are inherent to the native speaker of the language. Behind every word is an object or phenomenon of the real world.

References

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 256 с. {Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms / O.S. Akhmanova. Moscow: Sovet encyclopedia, 1966. 256 p.}

Блумфильд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 250 с. {Bloomfield L. Language. Moscow: Progress, 1968. 250 p.}

Быков В.Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: автореф.… дис. филол. наук. М., 2001. 30 с. {Bykov V. B. Lexicological and lexicographic problems of research of the Russian substandard: PhD diss. abstract in philol. Sc. Moscow, 2001. 30 p.}

Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с. {Vorobiev V.V. Linguoculturology: theory and methods. Moscow: Publishing House of the RUDN University, 1997. 331 p.}

Дешериев Ю.Д. Введение // Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур. М.: Наука, 1980. С. 6–25. {Desheriev Yu.D. Introduction // Relationship between the development of national languages and national cultures. Moscow: Nauka, 1980. 6–25 p.}

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. 2-е изд. М.: Ладомир, 2001. 200 с. {Zhelvis V.I. Battlefield of bad language. Profanity as a social problem. 2nd ed. Moscow: Ladomir, 2001. 200 p.}

Калугина Е.Н. Понятийно-теоретический аспект исследования языкового субстандарта // Научный диалог. 2013. № 5 (17): Филология. С. 261–269. {Kalugina E.N. Conceptual and theoretical aspect of the study of linguistic substandard // Scientific dialogue. 2013. No. 5 (17): Philology. P. 261–269.}

Кармин А.С. Основы культурологии: морфология культуры. СПб.: Лань, 1997. 512 с. {Karmin A.S. Fundamentals of cultural studies: morphology of culture. SPb.: Lan, 1997. 512 p.}

Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Изд-во МГУ, 1969. 190 с. {Komlev N.G. Components of the content structure of the word. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1969. 190 p.}

Комлев Н.Г. О культурном компоненте лексического значения // Вести Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1966. № 5. С 43–50. {Komlev N.G. On the cultural component of lexical meaning // Vesti Mosk. Un. Series 9. Philology. 1966. No. 5. P. 43–50.}

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 207 с. {Maslova V.A. Introduction to linguoculturology. Moscow: Nasledie, 1997. 207 p.}

Метельская Е.В., Рябичкина Г.В. Словарь субстандартной лексики (жаргон, арго, сленг) русского и английского языков. Зоонимы. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. 156 с. {Metelskaya E.V., Ryabichkina G.V. Dictionary of substandard vocabulary (jargon, argot, slang) of the Russian and English languages. Zoonyms. Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilievich, 2011. 156 p.}

Постовалова В.И. Язык и человек в лингвистической концепции В. Гумбольдта // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 51–58. {Postovalova V.I. Language and man in the linguistic concept of W. Humboldt // Essence, development and functions of language. Moscow: Nauka, 1987. P. 51–58.}

Рябичкина Г.В. Английская субстандартная лексикография (середина XVI – середина XIX в.) [Текст]: монография / Г.В. Рябичкина. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. 272 с. {Ryabichkina G.V. English substandard lexicography (mid-16th – mid-19th centuries) [Text]: monograph / G.V. Ryabichkina. Astrakhan: Publishing House of Astrakhan University, 2009. 272 p.}

Рябичкина Г.В. История русской просторечной лексикографии постреволюционного периода: Монография / Г.В. Рябичкина. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2010. 154 с. {Ryabichkina G.V. The history of Russian colloquial lexicography of the post-revolutionary period: Monograph / G.V. Ryabichkina. Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilievich, 2010. 154 p.}

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с. {Telia V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: Languages of Russian culture, 1996. 288 p.}

Хомяков В.А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. Вологда: Министерство просвещения ОСФСР Вологодского гос. пед. ин-та, 1971. 381с. {Khomyakov V.A. Introduction to the study of slang the main component of English vernacular. Vologda: Ministry of Education of the OSFSR of the Vologda State. Ped. Inst., 1971. 381p.}

Шаховский В.И. Эмоции как компонент культуры языкового общества и языковой личности // Язык и культура. Материалы конференции. Киев, 1999. Р. 56–67. {Shakhovsky V.I. Emotions as a component of the culture of a linguistic society and a linguistic personality // Language and Culture. Materials of the conference. Kiev, 1999. P. 56–67.}

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.512.145

Г.Ч. Файзуллина, Г.И. Зиннатуллина, г. Тобольск

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА БУХАРЦЕВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XVIII–XIX ВВ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук в рамках научного проекта № 075-15-2019-1181 от 11.06.2019 г.

В статье анализируются личные имена тобольских бухарцев в этимологическом аспекте. Хронологические рамки исследования охватывают XVIII–XIX вв. Источником исследования явились документальные материалы на русском и старотатарском языках, хранящиеся в Государственном архиве города Тобольска. Установлено, что большинство личных имен имеют арабское происхождение.

Ключевые слова: *личное имя, сибирские татары, бухарцы, Тобольская губерния.*

PERSONAL NAMES OF BUKHARTS TOBOLSK PROVINCE XVIII-XIX CENTURIES*. The article analyzes the personal names of the Tobolsk Bukhara people in the etymological aspect. Chronologically, the scope of the study covers the XVIII-XIX centuries. The source of the research was documentary materials in Russian and Old Tatar languages, stored in the State Archives of the city of Tobolsk. It is established that most personal names are of Arab origin.*

Keywords: *personal name, Siberian Tatars, Bukhara, Tobolsk province.*

Антропонимика играет важную роль при изучении истории языка, социально-экономических и культурных изменений, которые произошли в жизни того или иного народа. В данном случае язык сибирских татар не является исключением.

Известно, что в состав сибирскотатарской этнической общности на определенных этапах ее развития входили различные этносословные группы: ясачные татары, служилые татары, бухарцы, оброчные чувальщики и другие.

Большой вклад в развитие сибирскотатарской народности внесли бухарцы. Выходцы из Средней Азии переселялись на территорию Сибири начиная с XVI века и вплоть до XIX. Одними из первых бухарцы начали открывать религиозные учебные заведения в Сибири, занимались торговлей и народными промыслами.

К середине XIX в. бухарцы проживали в 47 населенных пунктах Тобольского округа и в самом городе Тобольске. Выходцы из Средней Азии часто селились в юртах, в которых проживали ясачные татары, но иногда создавали и собственно бухарские селения. К последним относятся юрты Комаровские (Комарау) и Ми/е/римовские (Коллар) Бухарской волости Тобольской губернии.

По мнению академика Д.Г. Тумашевой, «ассимилируясь с местными татарами в языковом отношении, бухарцы со своей стороны повлияли на их диалекты и говоры, что особенно хорошо прослеживается в местах наибольшей численности бухарского населения» [Тумашева, 1977, 17]. Бухарцы, принесшие в Сибирь исламскую религию, оказали тем самым большое влияние и на особенности имянаречения сибирских татар.

Актуальность исследования обусловлена малоизученностью антропонимикона тобольских бухарцев в генеалогическом подходе. Целью статьи является изучение личных имен родословных тобольских бухарцев в этимологическом аспекте.

Источниками изучения личных имен бухарцев выступают ревизские сказки (1782, 1811, 1834, 1850, 1858), материалы Первой всеобщей переписи населения 1895 года, мечетные книги, хранящиеся в Государственном архиве города Тобольска. Мечетные книги Тобольской губернии XIX – начала XX в. представляют собой метрические книги «на записку родившихся, о браках, разводах и смерти» (из описания архивного фонда г. Тобольска). Документы охватывают период с 1830 по 1917 год и содержат сведения по татарским юртам. Книги велись имамами при мечетях на старотатарском языке (использованием арабского алфавита). При установлении этимологии лексических единиц используется Толковый словарь татарских имен Г.Ф. Саттарова (Казань, 2019) [Саттаров, 2019, 544].

Исследование проведено на примере двух родословных бухарцев Саусканских юрт и Ми/е/римовских юрт Бухарской волости Тобольской губернии.

Рассмотрим родословную Мухминова Айтмамета (1769–?), проживавшего в юртах Саусканских Тобольской губернии. В данной родословной выявлено 25 личных имен, напрямую относящихся к роду Айтмамета. Из них 92% составляет доля сохранившихся мужских имен и 8% – женских.

Установлено, что процент однокомпонентных и двухкомпонентных имен примерно одинаков – 48% и 52% соответственно.

Среди однокомпонентных имен большинство имеют арабское происхождение: *Маймуна, Мухмин // Мукмин, Умар, Цамалетдин.* Наблюдаются имена еврейского происхождения: *Ильяс, Исак, Таут, Юсуп, Якуп.* Выявлены по одному случаю употребления тюркско-татарского имени (Карый) и персидского имени (Наурус).

Среди двусоставных имен широко использовались имена, в состав которых входило имя пророка Мухаммеда в различных вариантах начального форманта: *Магометалим, Маметкурбан, Маметали, Магометюсуп* и финального форманта – *Айтмамет*.

Значительное количество двусоставных имен состоят из арабских компонентов: *Магометали, Магометалим, Маметали, Мурсафар* и другие. Несколько имен имеют структуру «персидский + арабский»: *Меркурбан, Бибиайша, Мерцалип.* Мужское имя *Суючбаки* состоит из следующих компонентов: тюрко-татарский + арабский. Стоит отметить, что имен, сохранивших собственно татарскую основу, не обнаружено.

Рассмотрим родословную Сеита, проживавшего в юртах Ми/е/римовских Бухарской волости Тобольской губернии в первой половине XVIII века. По архивным материалам удалось составить родословную Сеита, включающую 40 персон, 30 из которых непосредственно являются представителями рода (10 женских имен принадлежат супругам). Итого: 14 женщин и 16 мужчин – представители рода, что соответствует 47% и 53%.

Структурный анализ личных имен показал, что в родословной Сеита используются как односложные, так и двусложные слова; единожды встречается имя, в составе которого 3 компонента – Аширмаметиштулла. Процентное соотношение односложных и двусложных имен составляет 42,5% и 57,5%, при этом тенденция наречения двусложными именами в XIX в. сохраняется.

Этимологический анализ иллюстрирует, что большинство личных имен и их компонентов имеют арабское происхождение. Во-первых, это – имена, включающие формант *Абдул* в различных вариантах: *Абдулвагип, Аптулазис, Аптулварис, Аптулалиб, Аптыш,* что составляет 20% от всех имен.

Кроме того, среди двусоставных имен наблюдается тенденция к использованию имен, образованных по формуле «арабский + арабский: *Курманали, Сафарали, Шамшичамал* и т.д.

Одним из наиболее распространенных имен арабского происхождения является имя основоположника рода – *Сеит*. В двух именах содержатся собственно татарские основы – *Ташкей* и *Кулай.*

Помимо этого, в родословной встречается имя, состоящее из 4 компонентов: *Аширмаметтиштулла,* которое состоит из формантов арабского происхождения.

Большинство женских имен заимствовано из арабского языка: *Начия, Хакима, Патима, Бибя.*

Таким образом, значительная часть личных имен бухарцев из рода Айтмамета Саусканских юрт и рода Сеита Меримовских юрт Тобольской губернии имеют арабское происхождение, что связано, в первую очередь, с определенным влиянием религиозных представлений на антропонимическую систему тобольских бухарцев.

Литература

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 20. Д. 202. {State budgetary institution of the Tyumen region State archives in Tobolsk. Fund I154, bordereau 20, file 202.}

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 108. {State budgetary institution of the Tyumen region State archives in Tobolsk. Fund I154, bordereau 8, file 108.}

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 561. {State budgetary institution of the Tyumen region State archives in Tobolsk. Fund I154, bordereau 8, file 561.}

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 570. {State budgetary institution of the Tyumen region State archives in Tobolsk. Fund I154, bordereau 8, file 570.}

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 573. {State budgetary institution of the Tyumen region State archives in Tobolsk. Fund I154, bordereau 8, file 573.}

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 806. {State budgetary institution of the Tyumen region State archives in Tobolsk. Fund I154, bordereau 8, file 806.}

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 997. {State budgetary institution of the Tyumen region State archives in Tobolsk. Fund I154, bordereau 8, file 997.}

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 558. {State budgetary institution of the Tyumen region State archives in Tobolsk. Fund I154, bordereau 2, file 558.}

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 560. {State budgetary institution of the Tyumen region State archives in Tobolsk. Fund I154, bordereau 2, file 560.}

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 569. {State budgetary institution of the Tyumen region State archives in Tobolsk. Fund I154, bordereau 2, file 569.}

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 585. {State budgetary institution of the Tyumen region State archives in Tobolsk. Fund I154, bordereau 2, file 585.}

Саттаров Г.Ф. Татарские имена: толковый словарь. Казань: Татарское книжное издательство, 2019. 551 с. {Sattarov G.F. Tatar names: an explanatory dictionary. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2019. 551 p.}

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар: опыт сравнительного исследования. Казань: Издательство Казанского университета, 1977. 293 с. {Tumasheva D.G. Dialects of Siberian Tatars: a comparative study. Kazan: Kazan University Press, 1977. 293 p.}

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ • ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.512.145

Г.Ч. Файзуллина, С.Т. Кабирова, г. Тобольск

НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ С КОМПОНЕНТАМИ *СЫСЛАУ* ‘НЫТЬ’, *ШЕШУ* ‘ОПУХАТЬ’ В ЗАБОЛОТНОМ ГОВОРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-012-00398 А

Статья посвящена анализу названий болезней в говоре заболотных татар, образованных при помощи глаголов сыслау ‘ныть’, шешү ‘опухать’, и рассмотрению народных способов их лечения. В ходе работы было выявлено, что в заболотном говоре глагол сыслау обозначает болезни, связанные с ноющими болями в разных частях тела и конечностях человека, а глагол шешү – болезни, связанные с новообразованиями на теле. Традиционные способы лечения болезней имеют как рациональный, так и иррациональный характер.

Ключевые слова: *названия болезней, сибирские татары, заболотный говор, способы лечения.*

NAMES OF DISEASES WITH THE COMPONENTS OF SISLAU ‘ACHE’, SESHY ‘SWELL’ IN THE ZABOLOTNY SUBDIALECT OF THE SIBERIAN TATARS. *The article is devoted to the analysis of the names of diseases of zabolotny Tatars, formed using the verbs sislau ‘ache’, seshy ‘swell’, and to consideration of folk methods for their treatment. In the course of the work, it was revealed that in the zabolotny subdialect the verb sislau denotes diseases associated with aching pains in different parts of the body and limbs of a person, and the verb seshy means diseases associated with neoplasms on the body. Folk methods of treating diseases are both rational and irrational.*

Keywords**:** *names of diseases, Siberian Tatars, swamp talk, methods of treatment.*

Актуальность изучения названий болезней заболотных татар обусловлено, прежде всего, недостаточной изученностью. Научный интерес представляет не только предмет изучения, но и та культура этнической группы, которая хранит отголоски архаического мировоззрения, а именно – заболотных татар.

Заболотные татары – это одна из этногрупп сибирских татар, которые населяют территорию большого болотистого края (отсюда произошло название «заболотные татары») к западу и северо-западу от Тобольска, что со временем привело к изолированности народа. Изолированность, т.е. ограниченность возможностей общения с основными группами сибирских татар. Это привело к сохранению у заболотных татар некоторого своеобразия как в быту, так и в языке. Заболотные татары проживают в следующих населённых пунктах: Ачиры, Вармахли, Иземеть, Ишменево, Лайтамак, Носкинская, Топкинбашево, Топкинская, Янгутум Тобольского района Тюменской области. Кроме того, эта группа проживает в дер. Кускургуль Нижнетадинского района Тюменской области, а часть – в дер. Сеиты Ярковского района Тюменской области. Абсолютное большинство населения – заболотные татары – коренные жители этих мест. Необходимо отметить, что одну из крупных этнических групп сибирских татар г. Тобольска составляют заболотные татары, компактно проживающие в подгорной части города – в так называемой татарской слободе Заабрамке.

Предметом изучения являются названия болезней заболотных татар, образованные при помощи глаголов *сыслау* ‘ныть’, *шешу* ‘опухать’, а также народные способы их лечения. Материалом исследования послужили полевые записи, собранные в дер. Иземеть и в дер. Ачиры Тобольского района Тюменской области в 2019–2020 гг.

В татарском литературном языке глагол *сыслау* обозначает ‘ныть, болеть; ломить (напр., в пояснице)’ [Татарско-русский словарь, 2004, 287]. Общекыпчакская основа *сызла-* ‘ныть, остро болеть’ функционирует в современных языка: башкирском *һыҙла-,* казахском, каракалпакском, киргизском *сызда-* [Ахметьянов, 2015, 187], хакасском *сыста-* [Хакасско-русский словарь, 1953, 210].

Проф. Д.Г. Тумашева отмечает, что в диалектах сибирских татар лексема *сысу*, *сыс* используется в нескольких значениях: 1. похудеть. *Пағыр, сысып қалыпты*. 2. боль. *Теш сысуым пасылмайты*. 3. болезнь. *Перәй сысуы бар мигән, йонцыб утыраты* [Тумашева, 1992, 198].

В говоре заболотных татар глагол *сыслау / сысу* обозначает ноющие, сжимающие боли в конечностях, в каком-либо месте организма: в руках *қул сыслау*, в ногах *айах сыслау*, в коленях *тувых*

сыслау, в локтях *терсәх сыслау*, в зубах *теш сыслау*, в ушах *қолох сыслау* и т.д. Появление таких болей заболотные татары связывали со следующими причинами:

1) большая физическая нагрузка: *Киҙә цейәгә төшгейнтем, сас йөстөм, төн пуе айағым сыслауыннан йохлай алматым* ‘Вчера по ягоды ходила, по болоту ходила (досл. плыла), от того что всю ночь нога ныла, не смогла поспать’;

2) реакция ранее поврежденных частей тела (ушиб, перелом) на предстоящую непогоду: *Киҙә сынған қулым сыслағайнт – пуген көн посылты* ‘Вчера сломанная рука ныла – сегодня день испортился’;

3) простуда: *Йаулыхсыс йөрөсөң урамта – қолохқа сөwых утәт, анасын ул сыслайт* ‘Без платка на улице ходишь – уши простудятся, потом они будут ныть’;

4) отголоски архаичного мировосприятия: *Йелле йергә пасхан пулыр, инте айағы сыслайт* ‘Наступил, по-видимому, на нечистое место (досл. ветреное место), теперь нога ноет’. Отметим, что заболотные татары под сочетанием *йелле йер* ‘нечистое место’ понимают место забоя скота, захоронения умерших животных и пр. Болезнь настигала вследствие контакта с нечистым местом, напр., наступив, упав, подняв что-либо. В этом обнаруживается сходство с башкирской культурой. В «Словаре башкирской мифологии» проф. Ф.Г. Хисамитдинова пишет: «Дух болезни *Осок* задевает человека в «нехороших» местах: местах, где вылили воду после обмывания покойника, закалывали скот, выбросили заговорённую вещь или предмет, сделанный на порчу, и т.д. Если человек споткнулся и упал или что-нибудь поднял в таком месте, он заболевает от воздействия духа *Осок*» [Хисамитдинова, 2011, 285].

Заболотными татарами при лечении ноющих болей используются разнообразные средства традиционной и альтернативной медицины. К последним относятся: лечебные травы, моча, заговоры. Например, при лечении ноющих болей в конечностях прикладывали листья лопуха либо капусты к больному месту: *Айах-қул сысласа, рәхмән йапрах, йә пулмаса, қаwыста йапрах сыслағаң йергә урағалы кәрәх* ‘Когда руки-ноги ноют, нужно листом лопуха или листом капусты ноющее место обернуть’.

При зубной боли *теш сыслау* больное место заговаривали *өшгөрү*: *Towa уғыв, тешнең өстөннән қатах пелән йөртгәннәр, анасын ул қатахны ишег туфсаға қатахлав қуйғаннар. Пер айның эцентә ул теш wахланыф төшгөн* ‘Читая молитву / заговор, проводили гвоздем над зубом, затем этот гвоздь прибивали к порогу. В течение одного месяца этот зуб крошился и выпадал’.

От болей в ушах *қолах сыслау* избавлялись, прикладывая к больному уху тёплый катофель или кирпич: *Сыслағаң қолахқа эссе кирмец, йә пулмаса, эссе картошка салғалы кәрәг* ‘К больному уху нужно прикладывать горячий кирпич или горячий картофель’.

Лексема *шешү* ‘воспаляться; пухнуть’ имеет древнетюркский корень *šiš* [Ахметьянов, 2015, 489]. В заболотном говоре под *шешү / шешег цығу / шешенү* понимаются опухоли, волдыри, сопровождающиеся гноением. Причинами их возникновения являются:

1) простуда *сөwых үтү*: *Қыш вуе йеңел кеенев йөрөтө, инте мене йелтгәсе шеште, тешләре шешәт* ‘Всю зиму ходил легко одетый, теперь вот спина опухла, зубы опухают’;

2) удар**,** раненение *йара шешү*: *Тувыхны төйеф алғайнтым, шешеф цыхты инте* ‘Коленом ударился, опухло теперь’;

3) заноза: *Некә Аривулла цицейең пармағына цуф кергесгән, пармағы шешеф китеф аны кисеф ташлағаннар* ‘Вот дядя Арифулла посадил занозу на палец, палец опух и его вырезали’;

4) отголоски архаичного мировосприятия заболотных татар: *Аның қулы шешгән, әрцәм, ул при кешенең при нәрсәсен урлаған пулыр, йә пулмаса олло кешегә қул күтәргән пулыр* ‘У него рука опухла, наверное он украл у кого-то что-то или на взрослого человка руку поднял’.

Заболотные татары при лечении *шешег* часто использовали травы. Например: при простуде от *шешег / шешү* изготавливали отвары из разных трав, а также парились в бане и делали массаж с мёдом: *Йелтгәгә сөwых тееф шешсә, қарағай цейә савын қайнатыф эцгәле кәрәг, эссе мунцата йелтгәне пайлан саф пелән цафхалы кәрәг* ‘Если простудили спину и она опухла, нужно листья брусники вскипятить и выпить, в горячей бане париться ветками пихты’.

При лечении *шешу* считалось важным вывести гной, поэтому к опухшему месту прикладывали мох или листья лопуха: *Йара шешсә аның өстөнә мөг, рәхмән йапрах салғалы кәрәг* ‘Если рана опухла, на неё нужно положить мох, листья лопуха’. Эффективным считалось прикладывание к опухшему месту скальпа маленькой птицы (синицы, воробья, ласточки и т.д): *Көчгенө турғайның пашынан тирен суйеф алғаннар та аны шешегкә йәфшергәннәр* ‘С головы маленькой птицы выдирали кожу и клеили к опухоли’.

Таким образом, в говоре заболотных татар глагол *сыслау* обозначает ‘болезни, связанные с ноющими болями в разных частях тела и конечностях человека’. Глагол *шешү* – ‘болезни, связанные с новообразованиями на теле’. Представления о способах их лечения носили как рациональный, так и иррациональный характер.

Литература

Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка: В 2 томах. Т. II (М–Я). Казань: Магариф-Вакыт, 2015. 488 с. {Akhmetyanov R.G. Etymological dictionary of the Tatar language 2 vol. V. II (М–Я). Kazan, 2015. 488 p.}

Татарско-русский словарь: 25000 слов / под редакцией Ф.А. Ганиева. Казань: Татарское книжное издательство, 2002. 488 с. {Tatar-Russian Dictionary: 25,000 words / edited by F.A. Ganiev. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2002. 488 p.}

Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. 199 с. {Tumasheva D.G. Dictionary of dialects of the Siberian Tatars. Kazan, 1992. 199 p.}

Хакасско-русский словарь / под редакцией Н.А.Баскакова. М., 1953, 487 с. {Khakass-Russian dictionary / edited By N.A. Baskakov. Moscow, 1953, 487 p.}

Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 418с. {Khisamitdinova F. G. Dictionary Bashkir mythology. Ufa: IIAL UAC RAS, 2011. 418 p.}

БАШКОРТ БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯНЫ • ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

УДК 811.512.414’373.45

Ф.Г. Хисамитдинова, г. Уфа

СТАРЫЕ РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ДИАЛЕКТЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрены старые русские заимствования северо-западного диалекта башкирского языка. Выделены заимствования, имеющие междиалектный и общебашкирский характер. Данная группа заимствований является наиболее ранней в башкирском языке и его диалектах. Отмечается, что отдельные лексемы встречаются даже в памятниках письменности. Вторую группу заимствований составляют лексемы и композиты, встречающиеся только в говорах северо-западного диалекта.

***Ключевые слова**: северо-западный диалект, русские заимствования, старые русизмы, башкирский язык, фонетическая адаптация.*

***OLD RUSSIAN BORROWINGS IN THE NORTH-WESTERN DIALECT OF THE BASHKIR LANGUAGE**. The article considers old Russian borrowings of the North-Western dialect of the Bashkir language. Borrowings that have an inter-dialect and General Bashkir character are highlighted. This group of borrowings is the earliest in the Bashkir language and its dialects. It is noted that individual lexemes are found even in written monuments. The second group of borrowings consists of lexemes and composites found only in the dialects of the North-west dialect.*

***Keywords**: North-Western dialect, Russian borrowings, old Russism, the Bashkir language, phonetic adaptation.*

Появление заимствований в диалектах и говорах того или иного языка обусловлено контактированием их носителей с иноязычным населением. Не составляет исключения и северо-западный диалект башкирского языка, в котором присутствует множество, причем старых* заимствований из русского языка.

Появление первого русского населения в башкирском крае связано с вхождением в XVI в. части башкир в состав Московского государства. Именно тогда на башкирских землях начинают появляться первые русские крепости и поселения вокруг них [ИБН, 2011, 68–72].

Судя по памятнику XVI–XVII вв. «Отводной книге по Уфе (1591/92–1629 гг.)», первым русским поселением в башкирском крае была Уфимская крепость, население которой на первых порах практически не вступало в контакты с местными башкирами.

Контактирование русского населения крепости с башкирами начинается лишь с 90-х годов XVI и начала XVII в., когда части служилого населения крепости, в основном «боярским детям», были предоставлены земельные отводы вокруг Уфы. Судя по «Отводной книге по Уфе», отводы земель давались на межах таких волостей, как Минская**, Табынская, Курпеч-Табынская, в которых проживало коренное башкирское население. Судя по данному документу, отводные земли могли располагаться даже на территории конкретных башкирских поселений. В частности, в «Отводной книге по Уфе» несколько раз упоминается деревня Шугурово башкира Минской волости Мангатая Шугурова «и его товарищей», в которой были отводы некоторых служилых людей Уфимского гарнизона. Ср.: «Дано уфимскому толмачю Фетьке Коровину в Шугурове деревне под усад земли промеж уфимского служивого новокрещена Кузьмы Дмитриева да промеж уфимского ж ясачного новокрещена Данилка Семенова тож, што под их «дворами земли» [Демидова, 1971, 273]. Вышеприведенный материал свидетельствует о том, что уже в конце XVI и начале XVII в. на территории Башкортостана стали появляться смешанные населенные пункты, что обусловило развитие и этноязыковых контактов между башкирами и пришлым русским, а также крещенным населением.

Аналогичные процессы в это время происходили в Мензелинске, Бирске и прилегающих к ним населенных пунктах северо-западного региона. Поэтому проникновение русизмов в башкирский и, наоборот, тюркизмов в русские говоры в те годы было закономерным процессом в развитии лексического наследия обоих языков.

---

* Заимствования до XX в.

** Названия волостей совпадали с наименованиями родоплеменных групп башкир.

Все старые русские заимствования северо-западного диалекта можно разделить на 2 группы:

– заимствования, которые встречаются не только в северо-западном, но и в других диалектах или диалекте башкирского языка;

– русские заимствования, характерные только северо-западному диалекту или его отдельным говорам.

Первую группу русских заимствований северо-западного диалекта башкирского языка можно назвать междиалектной, а некоторые даже общебашкирской, т.к. многие русизмы* данной группы зафиксированы в восточном и южном диалектах или их отдельных говорах. Ср.: сев.-зап. диал.: *гәрниз / гәрнис* от карниз, лит. *кәрниз* ‘карниз, подзор’, арг., кыз., сал., ай. гов. вост. диал.: *кәрнис,* дем., сред., ик-сакм. гов. юж. диал.: *гәрнис* ‘карниз дома и карниз печи’, миас. гов. вост. диал.: *кәрниз / гәрниз* ‘карниз дома, карниз печи’; сев. зап. диал.: *гөлбис / гөлбәс / гөлбач / гөлбищ* от голбец, лит. *мейес арты* ‘голбец’, дем. гов. юж. диал.: *гөлбәҫ*, ай. гов. вост. диал.: *көлмис/гөлбис* ‘голбец’, гайн. гов. сев.-зап. диал. *гелбәщ / гөлбәщ* ‘подпол’; сев.-зап. диал.: *пуфка / пауфка / пәүефкә / пуғымыс / пофка / бофка* от пуговица, пуговка, лит.: *төймә* ‘пуговица’, ай. гов. вост. диал.: *буфка*, сал. гов. вост. диал.: *бүфкә*; сев.-зап. диал.: *мис / мищ / пис / пищ* от печь, лит.: *мейес* ‘печь’, арг., сал. гов. вост. диал.: *мис*, дем., ик-сакм. гов. юж. диал.: *мис*, миас., ай гов. вост. диал.: *мейес*, сред. гов. юж. диал. *мейес*; сев.-зап. диал.: *ызба*, от рус. изба; лит. *өй* ‘дом’, дем. гов. юж. диал.: *ызба / ызма*, ик-сакм. гов. юж. диал.: *ыҙма* ‘зимовка, дом в зимовье’ [БТДһ, 2002, 61, 74–75, 174, 230, 232, 262–263; Бһһ, 1967, 115, 156; Бһһ, 1970, 309; Бһһ, 1987, 136, 213].

Вышеприведенные русские заимствования башкирского языка относятся к группе самых старых русизмов не только башкирского, но и ряда других тюркских языков. Так, например, русизмы *мейес / мис / пищ*, *ызба / ыҙма* были зафиксированы в средневековом словаре кыпчакских тюркских языков «Codex Cumanicus», составленном в 1294/95 гг. в Крыму и переписанном в 1303 г. в католическом монастыре в г. Сарае, в низовьях Волги [Кононов, 1982, 250–251]. Следует отметить, что лексемы от русского (общеславянского) *печь* в различных фонетических вариантах зафиксированы в татарском языке, его диалектах и письменных памятниках: *мич / пич / пис / мищ / мейещ* ‘печь’, *бичәш* ‘печище’ [ТТЗДС, 2009, 476, 478–479, 534–535; Юсупова, 2012, 40–44].

На раннее проникновение вышеуказанных и других русизмов первой группы в диалекты башкирского языка указывает и наличие большого количества производных слов и форм от указанных лексем. Ср.: от заимствования *ызба* в северо-западном диалекте зафиксированы слова *ызбатүбә* ‘чердак’, в лит. *бүртлек* и *сарлаҡ*; *ызбарын* (гайн.) ‘усадьба’, в лит. *йорт-ер; ызбаҡыйыҡ* ‘крыша’, в лит. *ҡыйыҡ* и др. [БТДһ, 2002, 403].

О раннем проникновении русской лексемы *изба* в диалекты башкирского языка указывает также наличие топонимов, образованных от заимствования. Ср.: *Ыҙмабар* – речка, правый приток реки *Ҡасҡынсы* в Зианчуринском районе Республики Башкортостан. Судя по словарю топонимов, название речки *Ыҙмабар* образовано от заимствованной лексемы *ыҙма* (изба) в значениях дом, постоянное поселение и *бар* ‘есть’; *Ыҙмалар* – озеро в деревне Старый Яппар Давлекановского района РБ. Происхождение указанного гидронима также связано с заимствованием *ыҙма* (изба) в значениях дом, изба, постоянное поселение с аффиксом множественного числа *-лар* [СТБА, 1980, 173]. Следует отметить, что в письменных источниках XVIII–XIX вв. по истории башкирских населенных пунктов, в частности в «Экономических примечаниях Белебеевского и Оренбургского уездов», зафиксированы населенные пункты, называемые Измы, по-видимому, восходящие к русской лексеме *изба* ‘изба, дом’ [Хисамитдинова, 2016, 165].

Как известно, русские заимствования в башкирские диалекты проникали через разговорный язык. Поэтому логично, что все старые заимствования из русского языка в башкирских диалектах, в том числе и в северо-западном, прошли фонетическую адаптацию, т.е. стали употребляться в соответствии с нормами того или иного диалекта. В качестве примера можно привести заимствованную лексему *пуфка* и ее фонетические варианты по говорам северо-западного и восточного диалектов. Ср.: лексемы сев.-зап. диал.: *пуфка / пауфка / пәүефкә / пофка* ‘пуговица’, представленные с глухим анлаутным смычным *п*. Что же касается говоров восточного диалекта, то заимствованная русская лексема *пуговка* в них представлена со звонким смычным анлаутом. Ср.: арг. гов. вост. диал.: *буфка* ‘пуговица’, сал. гов. вост. диал.: *бүфкә* в том же значении.

---

* Заимствования из русского и европейских языков, проникшие через русский.

О фонетической адаптации русских заимствований в диалектах и говорах башкирского языка, особенностях их функционирования свидетельствуют и другие примеры. Ср.: сев.-зап. диал.: *парник* ‘заварник’, от рус. парильник – парить, лит. *сәйгун*, миас. гов. вост. диал. *барник* в том же значении; сев.-зап. диал.: *порос* ‘брус’, лит. *бурса*, миас. гов. вост. диал.: *борос* в том же значении [БТДҺ, 2002, 38, 262, 263].

Следует отметить, что смычный анлаут в северо-западном диалекте исконно был глухим. Об этом свидетельствует употребление собственно башкирских лексем с глухими смычными. Ср.: сев.-зап. диал.: *папабаш / папай* ‘одуванчик’, лит. *бәпембә*, дем., сред. гов. юж. диал.: *бәпем / бәпембәп*; ик-сакм. гов. юж. диал.: *бәмбәкә* ‘одуванчик’, *бәпәүлек* ‘место призрастания одуванчика’, миас. гов. вост. диал.: *бәпкә* ‘одуванчик’ и т.д.; сев.-зап. диал.: *песи* ‘кошка’, лит. *бесәй*, гов. вост. диал.: *бесәй / бесей*, ик-сакм. гов. юж. диал.: *песәй табаны* ‘трава алтея’, дем., сред. гов. юж. диал.: *бесей ғойроғо* ‘тимофеевка’, арг.: *бесей йемеше* ‘просвирняк’, ай.: *бесей майы / бесей маңҡаһы* ‘спинной мозг’ и др. [БТДҺ, 2002, 262, 38, 45, 70–71].

Вторую группу русских заимствований северо-западного диалекта башкирского языка, как уже говорилось выше, составляют слова, которые зафиксированы только в северо-западном диалекте или в отдельных его говорах.

Данную группу русизмов можно разделить на 2 подгруппы. Первую подгруппу составляют лексемы, которые встречаются только в говорах северо-западного диалекта. Ср.: сев.-зап. диал.: *бәлдә / бәлүзә,* в нижнебель. гов. сев.-зап. диал. – *бәлүдә* ‘блюдце’, от рус. блюдо (блюдце), лит. *сынаяҡ аҫты* ‘блюдце’, юж. диал.: *йәйпе / йәйпәҡ*, кар. гов. сев.-зап. диал.: *йәйпе / йәйпес / йәйпеш*, кыз. гов. вост. диал.: *йәйпәҡ*, арг. гов. вост. диал.: *жәйеңке / жәйпәҡ* в том же значении; гайн. гов. сев.-зап. диал.: *шипәйкә / шипейкә* ‘шиповник’ (от рус. шип, шипы), лит. *ғөлйемеш*, вост. диал.: *әлморон / этморон / этборон*, ик-сакм. гов. юж. диал.: *этморон*, среднеур. гов. *этморон* в том же значении; кар. гов. сев.-зап. диал.: *бизгар* ‘пескарь’, лит. *ташбаш*, миас., кыз. гов. вост. диал.: *ҡомой / ҡомай / ҡомоҡа / ҡомоҡан / ҡомоҡ / ҡомтой*, ик-сакм., сред. гов. юж. диал. *ҡомай / ҡомой / ҡоморой / ҡомтөрткөс / ҡомҡорһаҡ*, гайн. гов. сев.-зап. диал.: *пискун*, сал. гов. вост. диал. *этеш*, среднеур. гов.: *этеш* в том же значении; сев.-зап. диал.: *кеүәс* ‘квашня’, лит. *икмәк күнәге*, сред., ик-сакм. гов. юж. диал.: *кеүәшнә*, сал. гов. вост. диал.: *әсетке күнәге*, арг. гов. вост. диал.: *икмәк күнәк*, ай. гов. вост. диал.: *әпәй ғүнәге* в том же значении; сев.-зап. диал.: *түтәй / түткәй* ‘старшая сестра, тетя, мачеха’, лит. *апай, инәй, үгәй инәй*, вост. диал.: *апай, инәй, әбей*; юж. диал.: *апай, инәкәс, инәс, инәкәй, инәй* в том же значении [БТДҺ, 2002, 431]. Следует отметить, из вышеперечисленных лексем заимствование *квашня* зафиксировано в памятниках и современных говорах татарского языка *куашня* в том же значении [Юсупова, 2008, 410].

Подводя итоги, можно констатировать, что данная подгруппа русских заимствований, действительно, встречаются только в северо-западном диалекте башкирского языка. Как показывают примеры, в других диалектах и говорах башкирского языка вместо заимствований в основном представлены собственно башкирские или тюркского происхождения лексемы, причем имеющие яркую мотивацию. В качестве примера можно привести диалектные названия *пескаря* в башкирском языке. Ср.: в говорах восточного диалекта: *ҡомой / ҡомай / ҡомоҡа / ҡомоҡан / ҡомоҡ / ҡомтой*, говорах южного диалекта – *ҡомай / ҡомой / ҡоморой / ҡомтөрткөс / ҡомҡорһаҡ*, сал. гов. вост. диал.: *этеш*, дем. гов. юж. диал.: *күтәмәй*, в лит. ташбаш, и, как уже говорилось выше, в говорах северо-западного диалекта – *бизгар*, *пискун*. Диалектные названия пескаря в восточном и южном диалектах в большинстве своем связаны со словом *ҡом* ‘песок’, т.е. мотивированы местом обитания указанной рыбы в башкирских реках.

Вторую подгруппу русизмов составляют сложные слова или композиты, одним из элементов которых являются заимствованные лексемы. Ср.: *ызба* ‘изба’: *ызбакүт* (*ызба* ‘изба’ + *күт* ‘зад, задница, задняя сторона’) ‘участок за домом’, лит.: *өй арты*; *ашызба* (*аш* ‘еда, пища’ + *ызба* ‘изба, дом’) ‘летняя кухня’, лит. *аласыҡ*; *урыҫ / урыс* ‘русский’: *урыс тараҡаны* (*урыс* ‘русский’ + *тараҡан* ‘таракан’) ‘солдатик’, лит. *еңгәсәй*; *маржа / марйа* ‘Мария’: *марйа көйәнтәсе* (*маржа* ‘Мария’ + *көйәнтә* ‘коромысло’) ‘стрекоза’, *маржа инәсе* (гайн.) ‘лесная герань’, лит. *әнәгараҡ*; *марйа кәбестәҫе* (кар.) (*марйа* ‘Марйа’ + *кәбеҫтә* ‘капуста’), ‘кувшинка белая’, лит. *томбойоҡ*; *марйабаш* (*марйа* ‘Мария’ + *баш* ‘голова’) ‘сноп, сложенный стеблем вверх’ и др. [БТДҺ, 2002, 403, 357-358, 229].

Интересно отметить, что в башкирских диалектах представлено огромное количество слов (только в БТДҺ 2002 г. зафиксировано более 20 слов), в составе которых представлен этноним *урыҫ* (*урысатнакөн* (сев.-зап.) ‘воскресенье’, *урыҫ көпшәге* (сакм.) ‘болиголов крапчатый’, *урыспаш / урыспикә* (гайн.) ‘хвощ полевой’, *урысурман* (гайн.) ‘государственный лес’, *урыс эрек* (гайн.) ‘молозиво’, *урыҫйаҡ* (арг.) ‘север’, *урыҫ йомаһы* (арг.) ‘воскресенье’, *урыҫ сиңгерткәһе* (арг.) ‘сверчок’, *урыҫ турғайы*

(дем.) ‘воробей’ и т.д. Чуть меньше, но тем не менее много слов в диалектах башкирского языка представлено с лексемой *мәрйә* и ее фонетическими вариантами *марйа, маржа* ‘Мария’. Ср.: сред. гов. юж. диал. *мәрйәбаш* (*мәрйә* + *баш*) ‘суслон’, лит. *һоҫлан*; *мәрйәсәс* (*мәрйә* + *сәс*) ‘ковыль’, лит. *ҡылған* и др. Судя по примерам, сложные слова, включающие в свой состав этноним *урыҫ* и наименования русской женщины *мәрйә / марйа / маржа,* довольно активно употребляются в говорах северо-западного и восточного диалектов. Очевидно, данное явление связано с тем, что носители указанных диалектов находятся в зоне интенсивных русско-башкирских контактов, связанных с более ранним заселением северо-западного и северо-восточного Башкортостана русским населением после вхождения башкир в состав Московского государства, строительства заводов, ранним образованием постоянных, причем смешанных населенных пунктов.

Сокращения названий языков, диалектов и говоров

ай. – айский говор
арг. – аргаяшский говор
вост. диал. – восточный диалект башкирского языка
дем. – демский говор
ик-сакм. – ик-сакмарский говор
кыз. – кызылский говор
лит. – литературный язык
миас. – миасский говор
нижнебель. – нижнебельский говор
сакм. – сакмарский говор
сал. – сальютский говор
сев.-зап. – северо-западный диалект башкирского языка
сред. – средний говор
среднеур. – среднеуральский говор
юж. диал. – южный диалект башкирского языка

Литература

БТДһ – Башҡорт теленең диалекттар һүҙлеге. Өфө, 2002. 432 б. {Dictionary of the Bashkir Dialects. Ufa, 2002. 432 p.}

Бһһ (I) – Башҡорт һөйләштәре һүҙлеге. I т. Көнсығыш диалект. Өфө, 1967. 300 б. {Dictionary of Bashkir subdialects. vol. I. Eastern dialect. Ufa, 1967. 300 p.}

Бһһ (II) – Башҡорт һөйләштәре һүҙлеге. II т. Көньяҡ диалект. Өфө, 1970. 327 б. {Dictionary of Bashkir subdialects. vol. II. Southern dialect. Ufa, 1970. 327 p.}

Бһһ (III) – Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге. III т. Төньяҡ-көнбайыш диалект. Өфө, 1987, 232 б. {Dictionary of Bashkir subdialects. vol. III. North-western dialect. Ufa, 1987, 232 p.}

Демидова, 1971 – Демидова Н.Ф. Древнейший источник по истории Уфы // Из истории феодализма и капитализмы в Башкирии. Уфа, 1971. С. 273. {Demidova N. F. The Oldest source on the history of Ufa // From the history of feudalism and capitalism in Bashkiria. Ufa, 1971. P. 273.}

ИБН – История башкирского народа. В 7 т. Т. 3. Уфа, 2011. 424 с. {History of the Bashkir people. In 7 vols. 3. Ufa, 2011. 424 p.}

Кононов, 1982 – Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1982. 360 с. {Kononov A.N. History of the study of the Turkic languages in Russia. Leningrad, 1982. 360 p.}

СТБА – Словарь топонимов Башкирской АССР, Уфа, 1980. 199 с. {Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR, Ufa, 1980. 199 p.}

ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан, 2009. 839 б. {Big Dictionary of the Tatar Language Dialects. Kazan, 2009. 839 p.}

Хисамитдинова, 2016 – Хисамитдинова Ф.Г. Избранные труды. II (1). Ономастика. Уфа, 2016. 404 с. {Khisamitdinova F. G. Selected works. II (1). Onomatology. Ufa, 2016. 404 p.}

Юсупова, 2008 – Юсупова А.Ш. Русские и европейские заимствования в тематическом плане // Двуязычная лексикография татарского языка XIX века. Казан, 2008. С. 410. {Yusupova A. Sh. Russian and European borrowings in the thematic acpect // Bilingual lexicography of the Tatar language of the XIX century. Kazan, 2008. P. 410.}

Юсупова, 2012 – Юсупова А.Ш. Русские заимствования в татарском языке: особенности их функционирования // Филология, искусствоведение и культурология: тенденции развития. Новосибирск, 2012. С. 40–44. {Yusupova A. Sh. Russian borrowings in the Tatar language: features of their functioning // Philology, art history and cultural studies: development trends. Novosibirsk, 2012. P. 40–44.}

УДК 811.512.141

З.Т. Шарафутдинова, г. Уфа

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ‘ХВАСТЛИВЫЙ’ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье рассматриваются наименования хвастливого человека, функционирующие в башкирском литературном языке и его говорах. Выявляется смысловая связь между значениями многозначных слов, раскрываются основные мотивы номинации. Источниками исследования послужили материалы, представленные в «Машинном фонде башкирского языка» (mfbl2.ru). На сегодняшний день в лексической базе данных диалектологического раздела зафиксировано более 40 слов с семантикой хвастовства. На основе анализа устанавливается, что лексемы данной группы имеют пейоративную оценку.

***Ключевые слова**: хвастливый, говор, мотив номинации, ассоциация, пейоративная оценка.*

***REPRESENTATION OF THE CONCEPT ‘BOASTFUL’ IN THE BASHKIR LANGUAGE**. This article discusses the names of a boastful person functioning in the Bashkir literary language and its subdialects. The semantic connection between the meanings of polysemantic words is revealed, the main motives of the nomination are detected. The research sources were materials presented in the “Bashkir Language Machine Fund” (mfbl2.ru). To date, the lexical database of the dialectological section contains more than 40 words with the semantics of boasting. Based on the analysis, it is established that the lexemes of this group have a pejorative rating.*

***Keywords:** boastful, talk, motive of nomination, association, pejorative assessment.*

В башкирском языке ядром семантического поля, охватывающего понятия человека, любящего хвастаться, является слово *мактансыҡ*. В словарях также отмечаются лексемы *мактаныусан, ҡупыр, ҡуҡыр, шапырынырға яратыусан.*

В говорах башкирского языка встречается ещё большее количество слов, характеризующих подобных людей: *йаҡунай, йарпыснай* (сакмар.), *йарпас* (ай.), *йарпач* (сев.-зап. говоры), *кәпренке*, *кәпрәнке* (сев.-зап. говоры), *кәпәрек* (ай.), *ҡабарсыҡ* (караид.), *кабарчик* (сев.-зап. говоры), *ҡапыҡ* (сред.), *ҡупайыш* (сакмар.), *ҡупим*, *ҡупрыҡ* (ай.), *ҡупыҡ* (сред., сакмар.), *ҡупым* (киз., ток-суран., сакмар., иргиз., ай.), *ҡупырыҡ* (сев.-зап. говоры), *ҡупырым* (нугуш., миас.), *ҡупырыш* (ток-суран., киз.), *өйрәк* (ай.), *өтөҡ* (арг., сев.-зап. говоры), *хөрәсән* (ток-суран., сев.-зап. говоры), *шапырыҡ* (ик.) ‘хвастун’, *ҡупай* (ик.), *ҡупайсыҡ* (сакмар.), *кылтыкай* (гайн.) ‘хвастунья’, *ҡуптыр* (гайн., караид.) ‘хвастун, хвастливый’, *йандырай* (миас.), *ҡыйтыҡ* (инз.), *ҡыптыр* (караид., среднеур.), *остоҡай* (ай.), *өлпө*, *өлтөк* (ай.), *өрөм* (сакмар.), *өтөрөш* (киз.), *шытыҡ* (сакмар.) ‘хвастливый’. Чаще всего данные слова осуждают поведение хвастунов. Негативную оценку содержат и глаголы, входящие в рассматриваемую лексико-семантическую группу: лит. *мактаныу, маһайыу, шапырыныу, шыттырыу, кәпәренеү, кәпрәйеү, кәпәреү, ирәйеү, ҡабарыныу, ҡупайыу, көҙрәйеү* ‘хвалиться, хвастаться, бахвалиться’ – *йаһырыу* (киз., сакмар.), *ҡупырыныу* (сред.), *өрәләү* (арг.) ‘хвастаться’.

Образование слов изучаемой семантической группы связано с определенными мотивами именования, через которые передается ряд характерных свойств людей хвастливых.

Мотив формы, основанный на действии по смежности функций, реализуется в лексемах, образованных от корневой морфемы *ҡуп-* ‘отделяться’ (перен. ‘подниматься’), *ҡупай-* ‘вздуваться, раздуваться’ с переносным значением ‘зазнаваться, чваниться’: *ҡупыр, ҡуҡыр* (лит.), *ҡупайсыҡ*, *ҡупайыш* (сакмар.), *ҡупим*, *ҡупрыҡ* (ай.), *ҡупыҡ* (сред., сакмар.), *ҡупым* (киз., ток-суран., сакмар., иргиз., ай.), *ҡупырыҡ* (сев.-зап. говоры), *ҡупырым* (нугуш., миас.), *ҡупырыш* (ток-суран, киз.) ‘хвастун’, *ҡупай* (ик.), *ҡупайсыҡ* (сакмар.) ‘хвастунья’, *ҡуптыр* (гайн., караид.) ‘хвастун, хвастливый’. По мнению Г.Н. Ягафаровой, фонема [ҡ] имеет значение превосходной степени и встречается в составе практически всех слов со значением ‘хваста, хвастливый’ [Ягафарова, 2018, 48–49]. Важную роль в выражении идеи хвастовства играет и способ артикуляции звука [у]. При его произнесении губы выпячиваются вперед и слегка округляются. Это движение передает такие свойства, как ‘выступающий, выдающийся вперед’, ‘выпуклый, вздутый’, что способствовало появлению звука [у] в словах, номинирующих хвастливого, заносчивого человека. Люди с подобными качествами всегда ставят свою персону вперед, стремясь привлечь к себе внимание. Следует отметить, что среди слов данной группы лексемы *ҡупай* (ик.), *ҡупайсыҡ* (сакмар.) ‘хвастунья’ используются относительно женского пола.

В башкирском литературном языке глаголы *кәпәренеү, кәпрәйеү, кәпәреү* имеют значение ‘хвалиться, хвастаться, бахвалиться’, в говорах башкирского языка встречается ряд лексем с корнем *кәп-* ‘вздуваться, раздуваться’ (о животе, о груди), которые указывают на выпирающую форму живота или груди: *кәпәй* (ток-суран.), *кәпсәйеү* (кизил.), *кәпәйеү* (дём., ик-сакм.), *кәпәйтеү* (сред.). Данный корень восходит к пратюркскому **gēp-*, который имел несколько значений: 1) пухнуть (о животе), 2) беременеть, беременная, 3) чваниться, важничать [EDAL, 2005, 668]. Приведенные слова и их значения связываются в наименованиях *кәпренке*, *кәпрәнке* (сев.-зап. говоры), *кәпәрек* (ай.) как характеристики человека хвастливого. Другими словами, в башкирской языковой картине мира хвастун воспринимается как человек с выступающим животом или грудью, т.е. происходит аналогия по смежности функций: хвастун выпячивает свои заслуги, знания, статус, как и выпячивает при этом грудь или живот.

Мотив телесной полноты характерен для номинаций *йарпас* (ай.), *йарпыснай* (сакмар.), *йарпач* (сев.-зап. говоры) ‘хвастун’, мотивированных диалектным глаголом *йарпай-* ‘располнеть’. Продолжает этот ряд лексема *йарҡунай* (сакмар.), связанная по семантике со словом *ярҡайыу* ‘быть очень толстым, упитанным’. Как видим, в сознании диалектоносителей хвастун, преувеличивающий свои способности, предстает как толстый (человек с выступающим животом). Сюда же относится и литературный глагол *ярылыу* ‘хвастаться’, который в прямом значении обозначает ‘трескаться’, ‘лопаться’, ‘взрываться’, ‘расколоться’. Речевое действие хвастуна уподобляется лопанию.

Диалектизмы *ҡабарсыҡ* (караид.), *ҡабарчиҡ* (сев.-зап. говоры) ‘хвастун’ отсылают нас к глаголу *ҡабарыу* ‘подниматься, вздуваться (о тесте)’. В них воплощён мотив пухлости: хвастун, раздувающийся от важности, ассоциируется с поднимающимся дрожжевым тестом.

Мотив наполненности выражается в лексеме *өрөм* (сакмар.) ‘хвастливый’, образованной от корня *өр-* ‘дуй’. В данной номинации хвастливый человек уподобляется некоему предмету, пузырю, наполненному воздухом. Приписывание себе несуществующих достоинств и успехов представляется как пустое содержание при большом объеме. Связь с вдуванием, наполнением выражается и в употреблении диалектного глагола *өрөлөү* ‘хвастаться’, распространенного в аргаяшском говоре.

Слово *йандырай* зафиксировано в говорах с разной семантикой: 1) ‘хвастливый’ (миас.); 2) ‘вспыльчивый’ (дем., киз., сред., ик-сакм.); 3) ‘приветливый’ (миас.); 4) ‘нетерпеливый, суетливый’ (киз., ик-сакм.); 5) ‘душа нараспашку’ (миас., ай.). Во всех его значениях актуализируется сема ‘теплый, горячий; вспышка, огонь’. Мотив огня присутствует и в лексеме *өтөҡ* (арг., сев.-зап. говоры): стремление хвастуна быть в центре внимания ассоциируется с резко вспыхивающим огнем, т.к. очень яркие объекты привлекают зрительное внимание.

Представления о хвастливом человеке формируются через обращение к образу волос, торчащих вверх: *өлпө*, *өлтөҡ* (ай.) ‘хвастливый’. В башкирском литературном языке эти лексемы характеризуют форму волос: *өлпө* ‘пучок; лохматый’; *өлтөҡ* ‘торчащий пучком; всклокоченный’. В этот же номинативный участок входит диалектное наименование *өтөрөш* (киз.) ‘хвастливый’, соотносимое с литературным глаголом *өтөрәйеү* ‘взъерошивать волосы, шерсть’ (ср. в сакмарской зоне *өтөрө* означает ‘взъерошенный’). Торчащие, взъерошенные, лохматые волосы выделяют обычного человека из общей массы, что и легло в основу номинации. Ведь хвастливый человек специально преувеличивает свои достижения и заслуги, желая выделиться на фоне остальных людей.

В айском говоре бытует слово *остоҡай* ‘хвастливый’, которое развилось из корня *ос-* ‘лети, летай; пари’ и ассоциируется с понятием о высоте, верхе, небе. Здесь очевиден мотив высоты, т.к. хвастливый человек хочет быть выше других. Любопытно, что в этом же говоре *остоҡай* употребляется для номинации ветреного, легкомысленного человека. Оба значения содержат отрицательную оценку, отражающую осуждающее отношение к лицу, названному данным словом. Вероятно, значение ‘хвастливый’ у рассматриваемой лексемы возникло на основе значения ‘ветреный, легкомысленный’, поскольку легкомыслие порождает несерьёзность и хвастливость.

Мотив неестественности, манерности выявляется в номинации *ҡыйтыҡ* (инз.), связанной с глаголом *ҡыйтанлау* ‘кокетничать, кривляться, манерничать’ и относящейся к женщинам. Хвастовство проявляется вербально, т.е. в слове, но кроме речевой семы данная лексема содержит невербальный компонент, указывает на поведение, физические действия говорящего. Хвастливый человек отличается неестественностью, вычурностью, особо ярко это проявляется, когда он хвастается конкретной вещью. Гендерно маркированной является и лексема *кылтыкай* (гайн.), образованная от образоподражательного слова *кылт*. По фонетическому облику она близка к диалектному *ҡылтыҡай* (салъют., арг., миас., сред., дем., ай.) ‘обидчивая, обидчивый’ (см. об этом, например, [Ягафарова, Шарафутдинова, 2017, 311–314]). Значения обоих наименований имеют пейоративную коннотацию и передают телесные и мимические движения номинанта.

Следующая группа слов образуется от звукоподражания *шапыр,* которое, в свою очередь, появилось от звукоподражания *шап,* чаще выражающего подражание громким, возможно, не очень красивым звукам, поэтому оно лежит в корне слов с семантикой чего-то большого, небрежного, неряшливого. Ср.: *шапшаҡ* ‘неаккуратный’, *шапылдаҡ* ‘шлепающий, чавкающий’, *шапылдау* ‘шлепать, чавкать’, *шапырлатыу* ‘громко плескать чем-л. (имеет отрицательную оценку)’, *шапырлау* ‘громко плескаться (о воде)’. Например, *Диңгеҙ тын тора, кисә кистәге кеүек шапырламай* (А. Таһиров). К словам в значении ‘хвастун’ относятся следующие: *шапыран, шапыртма, шапрыҡ, шапырыҡ* (ик.), *шапырыныусан* ‘хвастливый’, *шапыртыныу, шапырыныу* ‘хвалиться’. В основе данных слов лежит корень *шапыр* как показатель преувеличения, разбухания, что сохраняется в лексемах *шапырыу, шапыртыу* ‘преувеличивать’*, шапырыҡ, шапырынҡы* ‘преувеличенный’, *шапырылыу* ‘подниматься, вздуваться’. Подобная мотивировка связана с представлением о хвастуне как о лице, которое, рассказывая о своих заслугах, любит все преувеличить, приукрасить.

В номинации *шытыҡ* (ср. лит. *шытым* ‘всход, росток’) хвастун представляется как взошедшее растение, поросль ввиду того, что произошел переход значений от *шытыу* ‘прорастать, пускать ростки’ через перен. ‘возникать, образовываться, появляться’ к перен. ‘хвастаться, бахвалиться’. Стремление кичливого человека казаться лучше других, стремление «распушать» события привели к появлению данного значения у обыкновенного ростка.

Интерес вызывает значение лексемы *хөрәсән* (ток-суран., сев.-зап. говоры) ‘хвастун’, который первоначально указывал на выпускника медресе из Хорасана, где были религиозные группы, проповедавшие философию бездеятельности как благо [ТРС, 2007, 537]. В башкирском литературном языке слово *хөрәсән* используется для наименования ленивого человека. На основе этого значения в говорах развилась семантика хвастовства. Ведь ленивый человек любит много болтать и хвастаться тем, чего он сам не достиг.

В айском говоре восточного диалекта для наименования хвастливого человека привлекается орнитоним *өйрәк* ‘хвастун’. Мотивирующим ориентиром в этом случае является утиная походка, т.е. основу зооморфной метафоры составляет поведение птицы. Выражение превосходства над кем-либо, надменный нрав уподобляются медленной, размеренной и переваливающейся ходьбе утки.

Таким образом, диалектный материал позволил нам выделить основные мотивы номинаций хвастливого человека. Данная тематическая группа отличается высокой номинативной плотностью. Хвастливость предстает заметной, бросающейся в глаза чертой характера и оценивается диалектоносителями отрицательно.

Литература

АСБЯ – Академический словарь башкирского языка. В 10 т. / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. IX. Уфа, 2016. {Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 v. / ed. F.G. Khisamitdinova.Vol. IX. Ufa, 2016.}

Ишбердин Э.Ф. Вопросы сравнительного изучения башкирской диалектной лексики (на материале слов, характеризующих человека) // Башкирский языковедческий сборник. Уфа, 1975. С. 20–31. {Ishberdin E.F. Questions of a comparative study of the Bashkir dialect vocabulary (based on the words characterizing a person) // Bashkir linguistic collection. Ufa, 1975. P. 20–31.}

Столбова С.В. Дефиниционные характеристики концепта «хвастовство» во французской и русской лингвокультурах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2014. № 2. С. 63–66. {Stolbova S.V. Definitional characteristics of the concept of “boasting” in French and Russian linguistic cultures // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Ser: Philology. 2014. № 2. P. 63–66.

ТРС – Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 2. (М – Я). Казань: Магариф, 2007. 726 с. {Tatar-Russian dictionary: In 2 volumes. Vol. 2. (M – I). Kazan: Magarif, 2007. 726 p.}

Ягафарова Г.Н., Шарафутдинова З.Т. О понятии обидчивый в башкирском языке // Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 311–314. {Yagafarova G.N., Sharafutdinova Z.T. On the concept of touchy in the Bashkir language // Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the RAS. Ufa: IHLL, USC, RAS, 2017. P. 311–314.}

Ягафарова Г.Н. Принципы номинации в башкирском языке. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. 200 с. {Yagafarova G.N. The principles of nomination in the Bashkir language. Ufa: IHLL, UFRC, RAS, 2018. 200 p.}

EDAL – Starostin S., Dybo A., Mudrak O. (2005). Etymological dictionary of the Altaic languages. Boston, Leyden: J. Brill. vol. I–III.

http://mfbl2.ru/ Машинный фонд башкирского языка. {http://mfbl2.ru/ The machine stock of the Bashkir language.}

УДК 811.134.2.24

В.М. Шахназарян, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ЮКАТАНСКОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДИАЛЕКТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ШТАТА КИНТАНА-РОО

В современной романистике в последние десятилетия особое внимание уделяется изучению национальных вариантов испанского языка. Расхождения в употреблении грамматических единиц стоят на третьем месте после лексики и фонетики по количеству изменений. В данной статье будут рассмотрены особенности выражения будущего времени в испанском языке на территории мексиканского штата Кинтана-Роо в сравнении с кастильским вариантом. Методами исследования выступили анкета-опросник, беседа, метод непосредственного участия в разговоре, метод опосредованного наблюдения. На основе полученных данных исследования были выявлены расхождения в использовании будущего времени в живой разговорной речи жителей Испании и жителей штата Кинтана-Роо, Мексика.

***Ключевые слова**: испанский язык, диалект, глагол, будущее время, мексиканский национальный вариант языка, Кинтана-Роо.*

***FEATURES OF THE EXPRESSION OF FUTURE TENSE IN THE YUCATAN TERRITORIAL DIALECT OF THE SPANISH LANGUAGE OF THE STATE OF QUINTANA ROO**. In modern Romance studies in recent decades special attention is paid to the study of national variants of the Spanish language. Differences in usage of grammatical units are in the third place after vocabulary and phonetics in terms of the number of changes. In this article we will study the features of the expression of Future tense in Spanish in the Mexican state of Quintana Roo in comparison with the Castilian national version. The research methods were a questionnaire, a conversation, a method of direct participation in a conversation, a method of indirect observation. Based on the research data, differences in the use of Future tense in the lively conversation of residents of Spain and residents of the state of Quintana Roo, Mexico were revealed.*

***Keywords**: Spanish, dialect, verb, future tense, Mexican national variant of Spanish, state of Quintana Roo.*

С одной стороны, глагольные времена в испанском языке образуют сложную многоуровневую систему, с другой – использование каждой временной формы четко регламентировано их морфосинтаксической структурой. В современном литературном языке насчитывается 16 глагольных времен, 3 из которых выражают будущее время. К тому же для выражения действия в прошедшем, настоящем и будущем временах используются глагольные сочетания [More node Alba, 2003, 250].

Так, в современном испанском языке, согласно грамматике Королевской Академии испанского языка (2010), для выражения будущего времени служат синтетические и перифрастические конструкции. К синтетическим относятся следующие глагольные времена:

Futuro Simple de Indicativo– простое будущее время, которое образуется путем присоединения к основе инфинитива окончаний, одинаковых для трех спряжений. *La próxima vez cuando venga a Chetumal, **visitaré** el museo de chicle (Когда я в следующий раз приеду в Четумаль, посещу музей жвачки)*;

Futuro Compuesto de Indicativo – составное будущее время, которое обозначает прошедшее действие в будущем; то действие, которое окончится раньше, чем действие, выражаемое предикатом в главной части предложения. *Para cuando lleguen ya **habremos hecho** el trabajo (Когда вы приедете, мы уже выполним работу)*.

Futuro Imperfectode Subjuntivo – простое будущее время в сослагательном наклонении, которое выражает действие, незавершенное в будущем. "*Cuando se propusiere la revisión total de la Constitución… se procederá…*"* [Aragonés, Palencia, 2009, 150].

* Конституция Испании 1978 года, статья 168.1

В грамматике Королевской Академии испанского языка (2010) отмечается, что Futuro Imperfectode Subjuntivo вышло из употребления живой разговорной речи и используется в настоящее время лишь в некоторых территориальных и социальных диалектах испанского языка [Real Academia Española, 2010, 121].

К перифрастическим конструкциям для выражения будущего времени относится сочетание глагола “IR” (идти, ехать) в личной форме с предлогом “A” и инфинитивом глагола: **ir + a + infinitivo**: *La próxima sema na **voy air** a Palenque paraver las pirámides mayas (На следующей неделе я поеду в Паленке, чтобы посмотреть пирамиды майя).* [Запись информантов].

Для полного понимания особенностей функционирования данных глагольных образований считаем необходимым рассмотреть их грамматическое значение (см. табл.).

Грамматическое значение Futuro Simple и конструкции ir+a+inf [Castro, 2004, 88–89]

Futuro Simple de Indicativo	**Конструкция ir+a+infinitivo**
Выражает действие, которое должно произойти в будущем в неопределенный момент. *- ¿Cuándo quieren casarse?* *- No tenemos prisa. Ya**noscasaremos**. (- Когда вы поженитесь?* *- Мы не спешим. Когда-нибудь поженимся)*	Выражает действие, которое должно произойти в определенный момент в будущем. **Vamos a casarnos** este año. (Мы поженимся в этом году)
Выражениепрогноза, предсказание. ***Tendrá** un accidente, pero no **será** grave.* *(Будет авария, но несерьезная)*	Выражает действие, которое неминуемо должно произойти в ближайший момент. *¡Mira, **vanachocarse**!* *(Смотри, сейчас столкнутся)*
Выражает вероятность, возможность происходящего действия в настоящем времени. *- ¿Qué hora es?* *- No sé. Seránlas 5.* *(- Который час?* *- Не знаю. 5, наверное)*	

За время научной стажировки в Университете Кинтана-Роо в учебных корпусах городов Четумаль, Плайядель Кармен, Канкун и острова Косумель нами не зафиксировано употребление в живой разговорной речи составного глагольного времени Futuro Compuesto de Indicativo. Информантами (100 человек) выступили студенты-бакалавры (8, 10 семестр), магистранты, докторанты, профессорско-преподавательский и административный персонал кампусов университета – уроженцы штата в возрасте от 24 до 65 лет. Исследование проводилось с использованием следующих методов:

– анкета-опросник, в которой предлагалось выполнить грамматическое задание;

– беседа, разговор, опрос;

– метод опосредованного наблюдения за речевым поведением;

– метод непосредственного участия в разговоре или беседе.

Наши данные показали, что в речи жителей штата Кинтана-Роо используются только будущее время Futuro Simple de Indicativo и перифрастическая конструкция ***ir+a+infinitivo*** с отличным грамматическим значением в сравнении с мексиканским «стандартом» и пиренейским национальным вариантом испанского языка.

После обработки полученных результатов можем заключить, что функцию будущего времени, в том числе выражение событий, которые произойдут в неопределенном будущем, выражает исключительно глагольная конструкция ***ir+a+infinitivo***. Обратимся к примерам:

– ¿Tienes planes para este finde?

– Pues, sí. Voy a cenar con mi familia el sábado y el domingo voy a ir al cine con mi pareja. [Запись информантов]

(– У тебя есть планы на эти выходные?

– Да, в субботу ужинаю со своей семьей, а в воскресенье пойду в кино с девушкой.)

Данный пример иллюстрирует использование сочетания ir+a+infinitivo, характерное для всех национальных вариантов испанского языка согласно грамматики Королевской Академии испанского языка (2010).

– Manuel, ¿cuándo ***~~vas a comprar~~*** *(**comprarás**) un auto nuevo? Lo que tienes es un desastre.*

– Lo ***~~voy a cambiar~~*** *(**cambiaré**), cuando tenga dinero. [Запись информантов]*

(– Мануэль, когда ты поменяешь машину? Та, что у тебя сейчас, просто ужас.

– Поменяю, когда будут деньги.)

Из последнего примера видно, что перифраза ir+a+infinitivo расширила свое грамматическое значение в территориальном диалекте испанского языка исследуемого штата и не свойственно норме ни мексиканского, ни пиренейского национальных вариантов.

Претерпело изменение функционирование в живой разговорной речи Futuro Simple de Indicativo, а именно: произошло сужение его грамматического значения – на территории штата Кинтана-Роо оно используется только для выражения вероятности или возможности действия в настоящем времени. Рассмотрим примеры:

- Disculpe, ¿sabe Usted si hay por acá una librería?

*- No le **sabré** decir, lo siento* [Запись информантов].

(– Прошу прощения, Вы не знаете, есть ли неподалеку книжный магазин?

– Не смогу Вам ответить, извините.)

– ¿Cuánto cuesta ese disfraz de carnaval?

– No lo sé. ***Costará** unos 3 mil pesos* [Запись информантов].

(*– Сколько стоит тот карнавальный костюм?*

– Не знаю. Около 3 тысяч песо.)

Таким образом, выражение будущего времени в юкатанском территориальном диалекте испанского языка на территории штата Кинтана-Роо претерпело изменения. Функцию будущего времени выполняет перифрастическая конструкция ir+a+infinitivo, а глагольное время Futuro Simplede Indicativo утратило часть своих грамматических функций и используется лишь для выражения предположения (вероятности) в настоящем времени. Как отмечает мексиканский лингвист Х.М. Лопе Бланч в работе «Изучение испано-американской лингвистики» (1989), сужение грамматического значения Futuro Simple и его расширение в конструкции ir+a+infinitivo свойственно некоторым территориальным диалектам испанского языка Латинской Америки [Lope Blanch, 1989, 130].

Литература

Aragonés L., Palencia R. Gramática de uso del español. Teoría y práctica. Madrid: SM Ele, 2009. P. 150.

Castro F. Uso de la gramática del español. Madrid: EDELSA, 2004. P. 88–89.

Constitución de España. Madrid: ADRIANO, 2016. P. 46.

Moreno de Alba J.G. La lengua española en México. Cd. de México: Fondo de cultura económica, 2003. P. 250.

Lope Blanch J.M. Estudios sobre lingüística hispanoamericana. Cd. de México: UNAM, 1989. P. 130.

Словари и справочники

Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка / под ред. Н.М. Фирсовой. М., 2011. 660 с. {The big Spanish-Russian dictionary: Latin America / edited By N.M. Firsova. Moscow, 2011. 660 p.}

Diccionario de americanismos [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.asale.org/recursos/diccionarios/damer

1.Diccionario del español de México [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dem.colmex.mx/Inicio

Diccionario de Real Academia española [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dle.rae.es/

Real Academia Española. Manual de la nueva gramática española. Madrid: RAE, 2010. P. 121.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адилхан Адилогълу, доктор филологических наук, доцент кафедры турецкого языка и литературы Акденизского университета, г. Анталья / Турция, adilhanadiloglu@hotmail.com

Абдуллаева Маргуба, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой методики преподавания узбекской литературы Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы, г. Ташкент / Узбекистан, margubaabdullayeva507@gmail.com

Абдуллина Лариса Хашимовна, аспирант Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, aksarlak@yandex.ru

Абдуллина Лилия Бакировна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета педагогики и психологии, заведующая кафедрой теории и методики начального образования Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, 1.b.abdullina@strbsu.ru

Алкая Эржан (Alkaya Ercan), доктор, профессор отделения современных тюркских языков и литератур Университета Фырат, г. Элязыг / Турция, ealkaya16@gmail.com

Алмардонова Азиза Алмамат кызы, научный исследователь Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы им. Алишера Навои, г. Ташкент / Узбекистан, ozoda2677@mail.ru

Аманбаев Бакытжан Маратович, магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, г. Алматы / Казахстан, kisenovb@gmail.com

Амер Мухаммад Ахмад, доктор филологических наук, профессор Айн-Шамского университета, г. Каир / Египет, amer_ru@yahoo.com

Аминев Закирьян Галимьянович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и искусств Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, zarirjan_g@mail.ru

Ахмадишина Алина Ильдусовна, магистрант Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, ahmadishina95@inbox.ru

Ахмедова Зебинисо Жумакуловна, старший преподаватель кафедры узбекской литературы Навоийского государственного педагогического института, г. Навои / Узбекистан, ax.zebiniso@mail.ru

Ахметова Маржан Какимовна, кандидат филологических наук, доцент, и.о. профессора Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан / Казахстан, ah_mar@mail.ru

Ашилова Мадина Серикбековна, кандидат философских наук, доктор PhD Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, г. Алматы / Казахстан, Kalima910@mail.ru

Багаутдинова Минихана Ишмухаметовна, кандидат филологических наук, Народный учитель Башкортостана, г. Уфа, bagautdinova1953@mail.ru

Байгаж Айжан, магистр лингвистики, докторант Евразийского Национального Университета им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Солтан / Казахстан, Aika4280@mail.ru

Бегалинов Алибек Серикбекович, кандидат философских наук, доктор PhD Международного университета информационных технологий, г. Алматы / Казахстан, Kalima910@mail.ru

Бегалинова Калимаш Капсамаровна, доктор философских наук, профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы / Казахстан, Kalima910@mail.ru

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка ФГОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, bekasova@mail.ru

Бекбергенова Мария Досбергеновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры каракалпакской литературы Нукусского государственного педагогического института им. Ажинияза, г. Нукус / Каракалпакстан, bekbergenova53@mail.ru

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационно коммуникационных технологий в образовании Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, belenov82@gmail.com

Бессонова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент Среднерусского института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Орел, julyorags@mail.ru

Богатчикова Карина Сергеевна, кандидат юридических наук, майор полиции, преподаватель цикла правовых и социальных дисциплин Центра профессиональной подготовки Управления Министерства внутренних дел России по Смоленской области, г. Смоленск, karina.bogatchikova@bk.ru

Богатырев Арсений Владимирович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Тольятти, sob1676@yandex.ru

Боргояков Сергей Александрович, доктор педагогических наук, ведущий аналитик Российской академии образования, г. Москва, borgsergey@rambler.ru

Боргоякова Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, borgtatyana@rambler.ru

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Нижний Тагил, aedw@mail.ru

Бурнакова Клара Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, klara_burnakova@mail.ru

Бускунбаева Лилия Айсовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, buskl@yandex.ru

Ваджибов Малик Джамалутдинович, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, malikvad@yandex.ru

Валиева Мадина Раилевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, valieva_1979@list.ru

Васильева Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, barcarola@list.ru

Викторин Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков Астраханского государственного университета, г. Астрахань, victvic@mail.ru

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН, г. Москва, voropaev@vokitai.ru

Востриков Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории государства и права Смоленского государственного университета, г. Смоленск

Газиева Индира Адильевна, младший научный сотрудник, доцент Международного научного центра изучения Южной Азии, г. Москва, indira@rggu.ru

Галиуллина Гульшат Раисовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, caliullina@list.ru

Ганеев Винер Валиахметович, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Бирского филиала Башкирского государственного университета, г. Бирск, ganeeva76@bk.ru

Ганеева Галия Галияновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Бирского филиала Башкирского государственного университета, г. Бирск, ganeeva76@bk.ru

Генералова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, elena-generalova@yandex.ru

Головнева Елена Вениаминовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики начального образования Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, e.v.golovneva@strbsu.ru

Головнева Наталья Александровна, старший преподаватель кафедры педагогики начального образования Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, n.a.golovneva@strbsu.ru

Гордиенко Ольга Антоновна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры русского языка Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, gordienko-olga@yandex.ru

Горожанина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета, г. Краснодар, mary_clio@list.ru

Гузнова Алёна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Нижегородского государственного инженерно-экономического университета, г. Княгинино, alena_guznischeva@mail.ru

Гусейнова Махира Наги кызы, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку / Азербайджан, huseynova.mahira@yandex.ru

Гусейнова Хаджар Емин кызы, доктор филологических наук, доцент, и.о. профессора Азербайджанского педагогического университета, г. Баку / Азербайджан, hacerhuseynova@mail.ru

Даниева Майсара Джамаловна, доктор философии по филологическим наукам, доцент Института переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров, г. Карши / Узбекистан, maysaradaniyeva@gmail.com

Декань Кристина Юрьевна, магистрант Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Ялта, kris1998@list.ru

Денисенко Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, irina_denisenko_66@mail.ru

Денмухаметова Эльвира Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, denmukhametova@gmail.com

Джаманкулова Кульжамал Тологоновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания Киргизского национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек / Киргизия, djamankulova.guljamal@gmail.com

Джуманова Гульнар Жакановна, доктор философских наук, доцент, эксперт Общественного фонда «Казахстанского института развития человеческих ресурсов», г. Алматы / Казахстан, gjumanova@mail.ru

Добринина Альбина Альбертовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, ekinur@mail.ru

Дровненко Даниил Андреевич, курсант Новосибирского военного института им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, s-g3@ya.ru

Дубровина Маргарита Эмильевна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, maggydu@rambler.ru

Ершова Наталья Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, tascha80@mail.ru

Ескекбаев Даурен Биматович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Алматинского университета менеджмента, г. Нур-Султан / Казахстан, D.Eskekbaev@mail.ru

Еспекова Ляззат Аубакировна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры казахского языкознания Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан / Казахстан, Espekova@bk.ru

Жаксыликова Куляй Баймендиновна, доктор педагогических наук, профессор Казахского национального исследовательского технического университета им. К.И. Сатпаева, г. Алматы / Казахстан, kulyai@inbox.ru

Жакупов Жантас Алтаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры казахского языкознания Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан / Казахстан, zhan.zhak58@gmail.com

Жачемук Зарима Рамазановна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, zarimazhachemuk@mail.ru

Жунисбекова Жанна Алхановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова, г. Шымкент / Казахстан, zhakena@yandex.ru

Жэфухати Айхайти, магистр филологии, г. Инин / Китайская Народная Республика, rifkat104@yandex.ru

Закиев Мирфатых Закиевич, доктор филологических наук, профессор Казанского федерального (Приволжского) Университета, г. Казань, m.z.zakiev@mail.ru

Закирова Хафиза Разаковна, кандидат филологических наук, доцент Андижанского государственного университета, г. Андижан / Узбекистан, zakiheart@mail.ru

Закирьянов Кабир Закирьянович, доктор педагогических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г. Уфа, farni@rambler.ru

Замалиева Луиза Фирдусовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Казанского федерального (Приволжского) университета, г. Казань, zamalluiza@mail.ru

Заурбекова Лазира Расылхановна, ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана и культуры народов Казахстана Казахского национального аграрного университета, г. Алматы/ Казахстан, l.zaurbekova@gmail.com

Захарова Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, bazanova@yandex.ru

Зимакова Евдокия Степановна, старший преподаватель кафедры иностранного языка и профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, zimakova2014@ya.ru

Зиннатуллина Гульнур Ильдаровна, студент Тюменского государственного университета, г. Тобольск, gulnyro4__ka@mail.ru

Ибрагимов Эльчин, доктор филологических наук, заведующий кафедрой турецких языков Института языкознания им. Насими Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку / Азербайджан, elchinibrahimov@mail.ru

Ибрагимов Юлдаш Маткаримович, доктор филологических наук, профессор Нукусского государственного педагогического института им. Ажинияза, г. Нукус / Каракалпакстан, ui5435524@mail.ru

Ибрагимова Дилшода Тураевна, старший преподаватель Института переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров, г. Карши, maysaradaniyeva@gmail.com

Иван Ласзат, магистр Баян-Улгийского филиала Ховдского университета, г. Ховд / Монголия, Lazzat.ivon@mail.ru

Иванова Татьяна Митрофановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета, г. Чита, ivanovatchita@ mail.ru

Илимбетова Азалия Фаттаховна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, ilimbetovazalia@mail.ru

Исламова Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск, islyv@yandex.ru

Исмаилова Фатима Есмагамбетовна, доктор филологических наук, профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, г. Алматы / Казахстан, taritaazer@ gmail.com

Ишегулова Алсыу Минифариевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, alsu-1104@mail.ru

Ишкильдина Линара Камилевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, lina86_08@mail.ru

Ишмухаметова Анита Шавкатовна, младший научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, ishmuhametova_anita@mail.ru

Ищенко Валерия Сергеевна, магистрант Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Ялта, daemon.intus@gmail.com

Кабирова Сария Тимербулатовна, студент Тюменского государственного университета, г. Тобольск, sarija.kabirova@mail.ru

Калинина Маргарита Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранного языков и литературы Волгоградского государственного института искусств и культуры, г. Волгоград, Kalinina_8181@mail.ru

Калиниченко Михаил, магистр Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Калпетходжаева Сайяра Каджимухаметовна, кандидат философских наук, доцент Университета международного бизнеса (UIB), г. Алматы / Казахстан, sayara11@mail.ru

Карбозова Булбул Давлетханкызы, доктор философии, научный сотрудник Института языкознания им. А. Байтурсынова, г. Алматы / Казахстан, bulakarb_83@mail.ru

Каримова Гульназ Рафаиловна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, batir7@yandex.ru

Кармысова Мари Камаловна, кандидат филологических наук, профессор кафедры методики иноязычного образования Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана г. Алматы / Казахстан

Каскинова Гульнур Нуримановна, кандидат филологических наук, доцент Бирского филиала Башкирского государственного университета, г. Бирск, kaskinova-gulnur@mail.ru

Каюмов Олим Садириддинович, кандидат филологических наук, докторант Института узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук, г. Ташкент / Узбекистан, kayumov.olim@yandex.ru, olimq@mail.ru

Кдырбаева Гульзира Курбанбаевна, доктор философии по филологическим наукам (PhD), доцент кафедры дистанционного обучения, г. Нукус /Каракалпакстан, kdirbaevagulzira@gmail.com

Кириллова Зоя Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, zkirillova@yandex.ru

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений Воронежского государственного университета, г. Воронеж, maksymkyrchanoff@gmail.com

Кодирова Феруза Кахрамановна, преподаватель русского и узбекского языков Ташкентского государственного экономического университета, г. Ташкент / Узбекистан, kadirova.feruza@inbox.r

Комекова Молдыр Оралхановна, магистр, старший преподаватель Университета «Туран», г. Алматы / Казахстан, m.komekova@turan-edu.kz

Коротаева Лариса Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, larisa20.74@mail.ru

Котова Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины», г. Санкт-Петербург, anastakot@gmail.com

Ксенжик Галина Николаевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Казахстана и культуры народов Казахстана Казахского национального аграрного университета, г. Алматы / Казахстан, migkz@ya.ru

Кувшинникова Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры казахской, русской филологии и журналистики Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск / Казахстан, alfa661@yandex.ru

Кудайбергенова Зейнеп Совхозбаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и социально-экономического образования Киргизского национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек / Киргизия, zeinep-1975@mail.ru

Кульсарина Гульнур Галинуровна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, kulsarina.g@mail.ru

Кульсарина Ирена Галинуровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г. Уфа, kulsarina-bgu@yandex.ru

Куттыбаев Шоканхан Дуйсенханулы, докторант, преподаватель Казахского национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы/ Казахстан, shokan.kyttybaev@mail.ru

Латыпов Фарит Рафгатович, кандидат технических наук, доцент Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа, vei10@yandex.ru

Лесников Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, ведущий специалист (программист) отдела лексикографии современного русского языка, группы Большого академического словаря Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, serg@lsw.ru

Лоза Анжела Валерьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории языка и немецкого языка факультета иностранных языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, angela.losa88@gmail.com

Магомедов Даниял Магомедович, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, rafrus1@yandex.ru

Мадияров Инамжан Батырбаевич, докторант кафедры узбекского литературоведения Андижанского государственного университета, г. Андижан / Узбекистан, inamjan-1985@mail.ru

Мамедова Анжела Эдуардовна, магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры естественнонаучных и лингвистических дисциплин и методик их преподавания, г. Гродно / Белоруссия, yakel1989@mail.ru

Менглиев Бахтиёр Ражабович, доктор филологических наук, профессор Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы им. Алишера Навои, г. Ташкент / Узбекистан.

Мерзлякова Наталья Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент Кумертауского филиала Оренбургского государственного университета, г. Кумертау, NatalyaS9@mail.ru

Мигранова Эльза Венеровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, mig.el@mail.ru

Минибаева Светлана Винеровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, sveta.minibaeva@yandex.ru

Мирзаева Салимахон Райимжоновна, доктор филологических наук, профессор Андижанского государственного университета, г. Андижан / Узбекистан, z_eshanova@mail.ru

Мордань Михал, кандидат филологических наук, ассистент филологического факультета Белостокского государственного университета, г. Белосток / Польша, michal1437@gmail.com

Москалевич Галина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Минский инновационный университет, г. Минск / Белоруссия, moskalevich74@gmail.com

Мугтасимова Гульназ Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Gulnaz-72@mail.ru

Мустафина Майгул Адилбековна, доцент Университета международного бизнеса, г. Алматы / Казахстан, MMA_MAI@mail.ru

Муталлапова Айсылу Мирсаитовна, учитель башкирского языка и литературы МОБУ «Башкирский лицей имени Рамазана Уметбаева», г. Сибай, aysmir@yandex.ru

Мухаммедов Ровшан Мурадович, старший преподаватель кафедры «История музыки» Туркменской национальной консерватории им. Маи Кулиевой, г. Ашхабад / Туркменистан, muhammedow81@mail.ru

Мухатаева Ардак Жанбырбаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры казахского и русского языков Казахского национального исследовательского технического университета им. К.И. Сатпаева, г. Алматы / Казахстан, ard0608@inbox.ru

Набиева Дилафрўз Шойимовна, преподаватель школы № 17 города Бухары / Узбекистан.

Набиуллина Гузель Амировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, guzelnab2@yandex.ru

Назарова Загида Хамитовна, магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Уфа, znazarova1997@gmail.com

Нафиков Шамил Валеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, nafiqoff@mail.ru

Немцева Ксения Игоревна, кандидат филологических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, nomeolvides-1@yandex.ru

Никитевич Алексей Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно / Беларусь, anikit@inbox.ru

Николаев Егор Револьевич, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, 1955307@mail.ru

Нуриева Фануза Шакуровна, доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, ведущий научный сотрудник Института системного программирования Российской академии наук (ИСП РАН), г. Москва, fanuzanurieva@yandex.ru

Нурмухаметова Раушания Сагдатзяновна, кандидат филологических наук, доцент Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, rsagadat@yandex.ru

Нусипбек Маржан Ерлановна, магистрант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан / Казахстан, marzhannusipbek@gmail.com

Окасова Еркежан Ергалиевна, магистрант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан / Казахстан, okassovayerkezhan@mail.ru

Орипов Давронбек Равшанович, магистрант Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы им. Алишера Навои, г. Ташкент / Узбекистан, bekdavr@mail.ru

Перфилова Мария Николаевна, соискатель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета, г. Пенза, sovyshka2608@yandex.ru

Петров Александр Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, petrovalexspb@mail.ru

Петрова Ольга Владимировна, студент Костромского государственного университета, г. Кострома, olgafun44@yandex.ru

Пирманова Кунсулу, докторант, младший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики Института языкознания им. А. Байтурсынова

Пирниязова Алима Кудияровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры каракалпакского языка Нукусского государственного педагогического института им. Ажинияза, г. Нукус / Каракалпакстан, alimapir@rambler.ru

Плахтий Татьяна Петровна, старший преподаватель кафедры русского языка, кафедры мировой и отечественной культуры Донецкого национального университета, г. Донецк / Украина, plachtijt@mail.ru

Плисов Евгений Владимирович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики иностранных языков и лингводидактики Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина, г. Нижний Новгород, e_plissov@mail.ru

Попов Дмитрий Владимирович, доктор философии по филологическим наукам, старший преподаватель Андижанского машиностроительного института, г. Андижан / Узбекистан, hey-day85@mail.ru

Рахматуллина Зугура Ягануровна, доктор философских наук, профессор, депутат Государственной думы, г. Москва, rahmatullina@duma.gov.ru

Родионов Виталий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, vitrod1@yandex.ru

Садыкова Лиана Рифовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, liana@yandex.ru

Сакаева Лилия Радиковна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, liliyasakaeva@rambler.ru

Саламатова Гульсясяк Давлетбаевна, кандидат филологических наук, доцент Уфимского государственного института искусств им. З. Исмагилова, г. Уфа, gulsyasyak.salamatova.76@mail.ru

Салахова Рузиля Рашитовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета Института филологии и межкультурной коммуникации, г. Казань, Ruzilys5@mail.ru

Салихов Ахат Губаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточных рукописей Ордена Знак Почёта Института истории,языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, ahatsalihov@mail.ru

Самситова Луиза Хамзиновна, доктор филологических наук, доцент ГАНУ «Институт стратегических исследований РБ», г. Уфа, luiza_sam@mail.ru

Селютина Ираида Яковлевна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, siya_irina@mail.ru

Сибгаева Фируза Рамзеловна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального (Приволжского) университета, г. Казань, FiruzaRS@mail.ru

Сиразитдинов Зиннур Амирович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, sazin11@mail.ru

Сироткина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут, sirotkina71@mail.ru

Соегов Мурадгелди, доктор филологических наук, профессор Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули, академик Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад / Туркменистан, msoyegov@gmail.com

Сугирбекова Салтанат Ризабековна, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор Казахского университета путей сообщения, г. Алматы / Казахстан, Saltanatik1000@mail.ru

Сулейманова Дильбар Данисовна, кандидат филологических наук, редактор отдела журнала "Тулпар", г. Уфа, dilbar.bulatova@yandex.ru

Сулейманова Резеда Ахметьяновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, suleimanova-r@mail.ru

Султакаева Раушания Абдулхаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирского языка и литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, yulai77@mail.ru

Султангареева Розалия Асфандияровна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклористики Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, sasania@mail.ru

Сыздыкова Гульбаршин Олжабаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры казахского языкознания Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан / Казахстан, go. syzdykova@mail.ru

Таирова Гюзаль Аманжановна, докторант Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, г. Алматы / Казахстан, fashion_photographer@mail.ru

Телегуз Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, AnnaTeleguz@yandex.ru

Теуш Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, olga.teush@yandex.ru

Ткачук Наталья Витальевна, научный сотрудник отдела социально-экономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Naksik1@ yandex.ru

Тожибоева Озода Тахировна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории узбекской литературы и фольклора Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы им. Алишера Навои, г. Ташкент / Узбекистан, ozoda@navoiy-uni.uz

Тоирова Гули Ибрагимовна, доктор философских наук, доцент кафедры узбекского языкознания Бухарского государственного университета, г. Бухара / Узбекистан, tugulijon@mail.ru

Токмырзаев Дархан, инженер-программист, сотрудник отдела прикладной лингвистики Института языкознания им. А.Байтурсынова, dark.han@mail.ru

Тулегенова Мадина Кажимкановна, докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Караганда / Казахстан, mail.rumadina@mail.ru

Ускенбаева Рауза Муталиповна, PhD доктор, ассистент-профессор Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева, г. Алматы / Казахстан, rauza82@mail.ru

Файзуллина Гузель Чахваровна, доктор филологических наук, доцент, профессор Тюменского государственного университета, г. Тобольск, utgus@mail.ru

Федоров Виталий Викторович, доктор филологических наук, доцент кафедры экономических и социально-гуманитарных наук Петропавловск-Камчатского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Петропавловск-Камчатский, vvfyodorov@ mail.ru

Хакназаров Саидмурод Хамдамович, кандидат геолого-минералогических наук, профессор Обско-угорского института прикладных исследований и разработок Российской академии естествознания, г. Ханты-Мансийск, S_haknaz@mail.ru

Хамроева Шаҳло Мирджоновна, доктор философии по филологическим наукам Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы им. Алишера Навои, г. Ташкент / Узбекистан, hamroyeva81@mail.ru

Харитонов Александр Михайлович, научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, mavr@tig.dvo.ru

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна, член-корреспондент АН РБ, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, hisamitdinova@list.ru

Холматова Шахноза Муминовна, старший преподаватель Ташкентского государственного экономического университета, г. Ташкент / Узбекистан, Shaxnozamominovna@gmail.com

Хрущева Оксана Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета, г. Оренбург, hrox@mail.ru

Хузина Энджe Солтанахматовна, научный сотрудник государственного бюджетного учреждения Республики Татарстан «Редакция "Книга Памяти"», г. Казань, endge84@mail.ru

Хусаинова Гульнур Равилевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклористики Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, bashfolk@yandex.ru

Цаллагова Зарифа Борисовна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Sozieva@mail.ru

Цветкова Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета, г. Кострома, elv15@list.ru

Чудецкий Антон Игоревич, ведущий инженер Центрально-европейской лесной опытной станции, г. Кострома, a.chudetsky@mail.ru

Шаймердинова Нурила Габбасовна, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан / Казахстан, nurila1607@mail.ru

Шамсутдинова Гульгина Газнавиевна, аспирант отдела языкознания Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, moon07@yandex.ru

Шаракпаева Гульнар Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент Алматинского университета энергетики и связи, г. Алматы / Казахстан, gsharakpaeva@mail.ru

Шарафутдинова Зульфия Тальгатовна, аспирант отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, silvia.arm@list.ru

Шарипова Мадина Куанаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан / Казахстан, madina_pgu@mail.ru

Шарифова Салида Шаммед кызы, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела азербайджанской литературы периода независимости Института литературы им. Низами Гянджеви Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку / Азербайджан, sharifovasalida@rambler.ru

Шахназарян Владимир Михайлович, аспирант Института иностранных языков Российского университета дружбы народов, г. Москва, vlad_shakhov@mail.ru

Шевченко Алексей Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург, PR622816@yandex.ru

Шоманбаева Альмира Оразалиевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова, г. Шымкент / Казахстан

Шота Карлыгаш Нугманкызы, кандидат филологических наук, профессор кафедры «История Казахстана и гуманитарных наук» Казахской национальной академии искусства им. Т. Жургенова, г. Алматы / Казахстан, Shota-55@mail.ru

Эшанова Зилола Қўчқаровна, доктор философии по филологическим наукам, доцент Андижанского государственного университета, г. Андижан / Узбекистан, z_eshanova@mail.ru

Южанинова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, теории и методики обучения Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Нижний Тагил, elena-yuzh@yandex.ru

Юлдыбаева Гульнар Вилдановна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклористики Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, nargul1976@list.ru

Юнусова Фирдаус Бариевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, firdaus23@bk.ru

Юсупов Айрат Фаикович, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарского языкознания Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, faikovich@mail.ru

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, alyusupova@yandex.ru

Юсупова Нурфия Марсовна, доктор филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, faikovich@mail.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа, rishrinat@mail.ru

Якупов Марат Талгатович, доктор философских наук, профессор кафедры ОГД НФ Башкирского государственного университета, г. Нефтекамск, Yakupov-marat@mail.ru

Яроцкая Юлия Александровна, кандидат культурологии, старший преподаватель Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск / Беларусь, iaroctkaia@mail.ru

Яхин Марат Айдарович, старший преподаватель кафедры иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Салихов А.Г. О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АХМЕТ-ЗАКИ ВАЛИДИ ТОГАНА 6

Шаймердинова Н.Г. ЯЗЫК И АРТЕФАКТЫ В ВОССОЗДАНИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ МОДЕЛИ МИРА 9

Боргояков С.А. ЭТНОЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 14

Хисамитдинова Ф.Г. ВСПОМНИМ ДОБРЫМ СЛОВОМ 18

ЯЗЫК, ЭТНОС, ОБРАЗОВАНИЕ

Абдуллина Л. Б., Головнева Е. В., Головнева Н. А. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 22

Аманбаев Б.М., Кармысова М.К. КУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЦЫ,ОТРАЖЕННЫЕ В ЯЗЫКЕ ЭТНОСА, КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОГО КОГНИТИВНОГО И ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ. 25

Аминев З.Г. ОБ ИРАНСКОМ КОМПОНЕНТЕ БАШКИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ 28

Ахметова М.К., Нусипбек М.Е. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ САКРАЛЬНОСТИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ *(на примере публицистических жанров)* 32

Багаутдинова М.И. ПЕДАГОГ ОТ БОГА 36

Богатчикова К.С., Востриков С.В. ЯЗЫК И ЭТНОС В КОНТЕКСТЕ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА 39

Ескекбаев Дауренбек КАЗАХИ И БАШКУРТЫ – РОДСТВЕННЫЕ НАРОДЫ 44

Джаманкулова К.Т. ЯЗЫК И ЭТНОС ДРЕВНИХ ТЮРКОВ 49

Джуманова Г.Ж., Заурбекова Л.Р. ЯЗЫКОВОЙ КАПИТАЛ – РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИИ 54

Дубровина М.Э. АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ С ПОЗИЦИЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ 58

Закиев М.З. ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ЭТНОНИМА ТАТАР НА РАЗВИТИЕ НАРОДА 62

Захарова Е. Н. К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ 66

Ибрагимов Э. ИСТОРИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ 69

Иванова Т.М. ИЗУЧЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ 72

Калпетходжаева С. К. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 76

Кириллова З.Н. КРЕЩЕНЫЕ ТАТАРЫ БАШКОРТОСТАНА 80

Кирчанов М.В. МЕДИЕВАЛИЗМ КАК ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 84

Кодирова Ф.К. ЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЯЗЫКЕ 88

Комекова М.О. ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ КАЗАХСТАНА 91

Кудайбергенова З.С. ИСТОРИЯ И СХОДСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ ОДЕЖДЫ БАШКИРСКОГО И КИРГИЗСКОГО НАРОДОВ 94

Кульсарина И.Г. О НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА М. Х. ХАЙРУЛЛИНОЙ *(от методики преподавания русского языка к вопросам башкирской диалектологии)* 97

Лоза А.В. ЯЗЫК И ЭТНОС В СОЧИНЕНИЯХ ЛИНГВОФИЛОСОФОВ ГЕРМАНИИ XIX ВЕКА: К. ГЕРМАННА, Х. ГАБЕЛЕНЦА, Г. ГЕРБЕРА 100
Мамадалиева Ф.А. ЭЛЕКТРОННЫЙ УЧЕБНИК КАК СРЕДСТВО ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ 103
Мерзлякова Н.С. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ 106
Набиуллина Г.А. РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР И КАРАИМОВ В ПОСЛОВИЦАХ 109
Назарова З.Х. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА 112
Немцева К.И. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ И СЕМАНТИКЕ ЛЕКСЕМЫ *RELIGIO* 115
Петров А.А. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВУЗЕ *(из опыта работы Института народов Севера РГПУ им.А.И.Герцена)* 118
Рахматуллина З.Я. РОДНОЙ ЯЗЫК КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДУХОВНОСТИ БАШКИРСКОГО ЭТНОСА: ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 121
Садыкова Л.Р. ОСОБЕННОСТИ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ И ЯЗЫКА У ТАТАРО-БАШКИРСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ 124
Соегов Мурадгелди О РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕДАКТОРЕ ПЕРВЫХ ТУРКМЕНСКИХ НОВОМЕТОДНЫХ БУКВАРЕЙ И ЕГО ПРЕДИСЛОВИЯХ К НИМ 128
Сулейманова Р.А. ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ-ЛИНГВИСТ И ПЕДАГОГ *(к 125-летию со дня рождения А. А. Мансурова)* 132
Сулейманова Р.А. ИЗВЕСТНЫЙ БАШКИРСКИЙ УЧЕНЫЙ-ЛИНГВИСТ *(к 120-летию со дня рождения К. З. Ахмерова)* 134
Ткачук Н.В. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В БЕРЕЗОВСКОМ РАЙОНЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА–ЮГРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 137
Федоров В.В., Плисов Е.В. ОТРАЖЕНИЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ КИТАЯ, ЯПОНИИ И КОРЕИ 140
Хакназаров С.Х. ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ РОДНОГО ЯЗЫКА СРЕДИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА КОНДИНСКОГО РАЙОНА ХМАО – ЮГРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 143
Холматова Ш.М. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ 147
Шарипова М.К. «УЗНАВАЕМЫЕ» ТЮРКИЗМЫ, АРАБИЗМЫ, МОНГОЛИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 149
Шоманбаева А.О., Жунисбекова Ж.А. ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ОКРУЖЕНИИ 153

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ОНОМАСТИКА

Адилхан Адилогълу ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ ТУРЦИИ 157
Алкая Эржан ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВ И ФОРМ В ГОВОРАХ СИБИРСКИХ ТАТАР 161
Айжан Байгаж ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ 165
Бекасова Е.Н. ОСОБЕННОСТИ КАЗАХСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ОРЕНБУРГСКИХ РУССКИХ ГОВОРАХ 170
Беленов Н.В. ОБ ОДНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЛИМНОНИМЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ СЕЛА ТОРНОВОЕ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ 174
Бессонова Ю.А. МНОГОЗНАЧНОЕ СЛОВО В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ГОВОРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА 177
Богатырев А.В. К ПРОБЛЕМЕ БЫТОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ТЕРМИНА *РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ* 180

Боргоякова Т.Н., Бурнакова К.Н. СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПРОЦЕССНОСТИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ 183
Ваджибов М.Д. О ДОЛГИХ И КРАТКИХ ГЛАСНЫХ В ТАБАСАРАНСКОМ ЯЗЫКЕ 186
Валиева М.Р. СЕМАНТИКА НЕКОТОРЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ АНТРОПОНИМОВ 189
Васильева О.В. ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ О ЧЕЛОВЕКЕ: ОЦЕНКА ЧЕРЕЗ НОМИНАЦИИ И СРАВНЕНИЯ (*на материале предметной лексики*). 192
Газиева И.А. ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (*на примере индийских идиом*) 196
Галиуллина Г.Р. ИМЕНА СО ЗНАЧЕНИЕМ «КОТ» (*ДУША)* В ТЮРКО-ТАТАРСКОМ АНТРОПОНИМИКОНЕ 200
Генералова Е.В. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ 203
Гузнова А.В. КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРОЗВИЩА НИЖЕГОРОДСКОГО ОКСКО-ВОЛЖСКО-СУРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ 207
Гусейнова Х.Е. СИБИРСКИЕ ТОПОНИМЫ ТУРЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ 210
Даниева М.Д. ЭСТЕТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ВКЛАД СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В ЗНАЧЕНИЕ ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 214
Денисенко И.Е. БЕЛЬГИЙСКИЙ ВАРИАНТ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА 216
Ершова Н.И. ЯВЛЕНИЕ ПОЛИСЕМИИ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЙ ОДЕЖДЫ 218
Еспекова Л.А., Окасова Е.Е. ТОПОНИМЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ (*на основе казахских исторических эпосов*). 222
Жэфухати А., Юсупова А.Ш. ЯЗЫК ТАТАРСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ 226
Закирьянов К.З. ПСЕВДОНИМЫ И ПРОЗВИЩА КАК ВТОРИЧНЫЕ ИМЕНА 229
Закирова Х.Р. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЦВЕТ И ОКРАСКУ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ 234
Ибрагимов Ю.М. ТЕРМИНЫ РОДСТВА И АРЕАЛЫ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В УЗБЕКСКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН 237
Ибрагимова Д.Т. МОТИВАЦИЯ ЛИЧНЫХ ИМЁН В СТАНОВЛЕНИИ ИДИОМАМИ ИЛИ КОМПОНЕНТАМИ В ИДИОМАХ 241
Ишеголова А.М. КҮРЕНЕКЛЕ ТЕЛСЕ-ЛЕКСИКОГРАФ, ДИАЛЕКТОЛОГ МИНДИЯР ИШБИРЗЕ УЛЫ ДИЛМӨХӘМӘТОВТЫҢ ТЫУЫГУЫНА 80 ЙЫЛ ТУЛЫУҒА ҠАРАТА 244
Ишкильдина Л.К. ИССЛЕДОВАНИЯ Ф.Г. ХИСАМИТДИНОВОЙ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ 246
Коротаева Л.В. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРА ЧУВАШСКИХ СЕЛ ШАРАНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН. 249
Кдырбаева Г.К. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОСОБЫЙ ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА 252
Калинина М.В. НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ *(на материале донских казачьих говоров)* 255
Калиниченко М.А., Сакаева Л.Р., Яхин М.А. ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «БЕДНОСТЬ/ POVERTY – БОГАТСТВО/WEALTH» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ. 258
Ксенжик Г.Н. УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ РУССКИХ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ XVIII – НАЧАЛА XX В.: В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА. 262
Магомедов Д.М. ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА АВАРСКОГО ЯЗЫКА 265
Мамедова А.Э. ОБРАЗНАЯ МОТИВАЦИЯ ПРОИЗВОДНЫХ С СЕМОЙ «ЭМОЦИЯ» В ГОВОРАХ 268
Мигранова Э.В. БИШБАРМАК: ОСОБЕННОСТИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И ТЕРМИНЫ 272
Мордань М. ДИАЛЕКТНЫЕ ФОРМЫ ЛИЧНЫХ ИМЕН НА ПОЛЬСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА *(на примере деревни Хацьки)*

Мугтасимова Г.Р. КЕШЕГӘ ӘХЛАКЫЙ БӘЯ БИРӘ ТОРГАН ТАТАР МӘКАЛЬЛӘРЕНЕҢ ЭТНОМӘДӘНИ ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ 282

Мухатаева А.Ж. НАРОДНАЯ И НАУЧНАЯ ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТОПОНИМОВ..... 285

Нафиков Ш.Н. ТЕРМИНЫ РОДСТВА И СОМАТИЗМЫ. ЭСКИЗ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ..... 289

Никитевич А.В. ЯЗЫК ГЛАЗАМИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА И СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ..... 292

Николаев Е.Р. ДИАЛЕКТИЗМЫ КАК РЕСУРС ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ТЕРМИНОВ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ..... 296

Нурмухаметова Р.С. ТОПОНИМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ПИЩА» В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ..... 300

Перфилова М.Н. О ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯХ С ЗАТЕМНЁННОЙ ЭТИМОЛОГИЕЙ *(на материале говоров русского языка)* 303

Петрова О.В., Цветкова Е.В., Чудецкий А.И. ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ПО ТЕМЕ «ОДЕЖДА И ОБУВЬ» В ГОВОРАХ ШАРЬИНСКОГО РАЙОНА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ. 306

Пирниязова А.К. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА 310

Салахова Р.Р. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ 313

Селютина И.Я., Добринина А.А. ТЕЛЕУТСКИЕ СРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В РЕТРОСПЕКТИВЕ..... 316

Сибгаева Ф.Р. ЛЕКСИК БЕРӘМЛЕКЛӘРНЕҢ ТЕЛ ШӘХЕСЕН ТАСВИРЛАУ ПОТЕНЦИАЛЫ 320

Сироткина Т.А. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ДИАЛЕКТА 323

Солтанбекова А.А. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ 326

Сугирбекова С.Р., Мухаммад Ахмад Амер ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ В СРЕДЕ НАЗВАНИЙ РОДСТВА *(на примере русского и арабского языков)* 329

Сулейманова Д. Д. ИМЕЮТСЯ ЛИ ЯВЛЕНИЯ, ПОДОБНЫЕ КЕНТУМ-САТЕМ, В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ?.... 332

Султакаева Р.А. О ВИДАХ СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА 336

Теуш О.А. РУССКИЙ ЛАНДШАФТ В ОБРАЗАХ (ПО ДАННЫМ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)..... 339

Тулегенова М.К. СУБСТАНДАРТНАЯ ЛЕКСИКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ 343

Файзуллина Г.Ч., Зиннатуллина Г.И. ЛИЧНЫЕ ИМЕНА БУХАРЦЕВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XVIII–XIX ВВ..... 347

Файзуллина Г.Ч., Кабирова С.Т. НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ С КОМПОНЕНТАМИ *СЫСЛАУ* ‘НЫТЬ’, *ШЕШУ* ‘ОПУХАТЬ’ В ЗАБОЛОТНОМ ГОВОРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР..... 350

Хисамитдинова Ф.Г. СТАРЫЕ РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ДИАЛЕКТЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА 353

Шарафутдинова З.Т. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ‘ХВАСТЛИВЫЙ’ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ 357

Шахназарян В.М. ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ЮКАТАНСКОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДИАЛЕКТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ШТАТА КИНТАНА-РОО. 360

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 363

Научное издание

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ. ЭТНОЛИНГВИСТИКА. МИФОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА. ЭТИМОЛОГИЯ

Материалы международной научной конференции
(Уфа, 1–4 ноября 2020 г.)

Том 1

В авторской редакции

Корректоры: *С. С. Муртазина, Л. Д. Петрова*
Компьютерная верстка *А. В. Косульниковой*

Подписано в печать 25.12.2020. Формат 60x84 1/8. Бумага офисная «Снегурочка».
Гарнитура «BTTimesNR». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 43,71. Уч.-изд. л. 30,41.
Тираж 50 экз. Заказ № 15.

ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия».
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55. Тел.: (347) 250-06-72.
http://www.bashenc.ru
E-mail: gilem@bashenc.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Информационно-просветительский центр “Башакадемкнига”».
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55.